

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

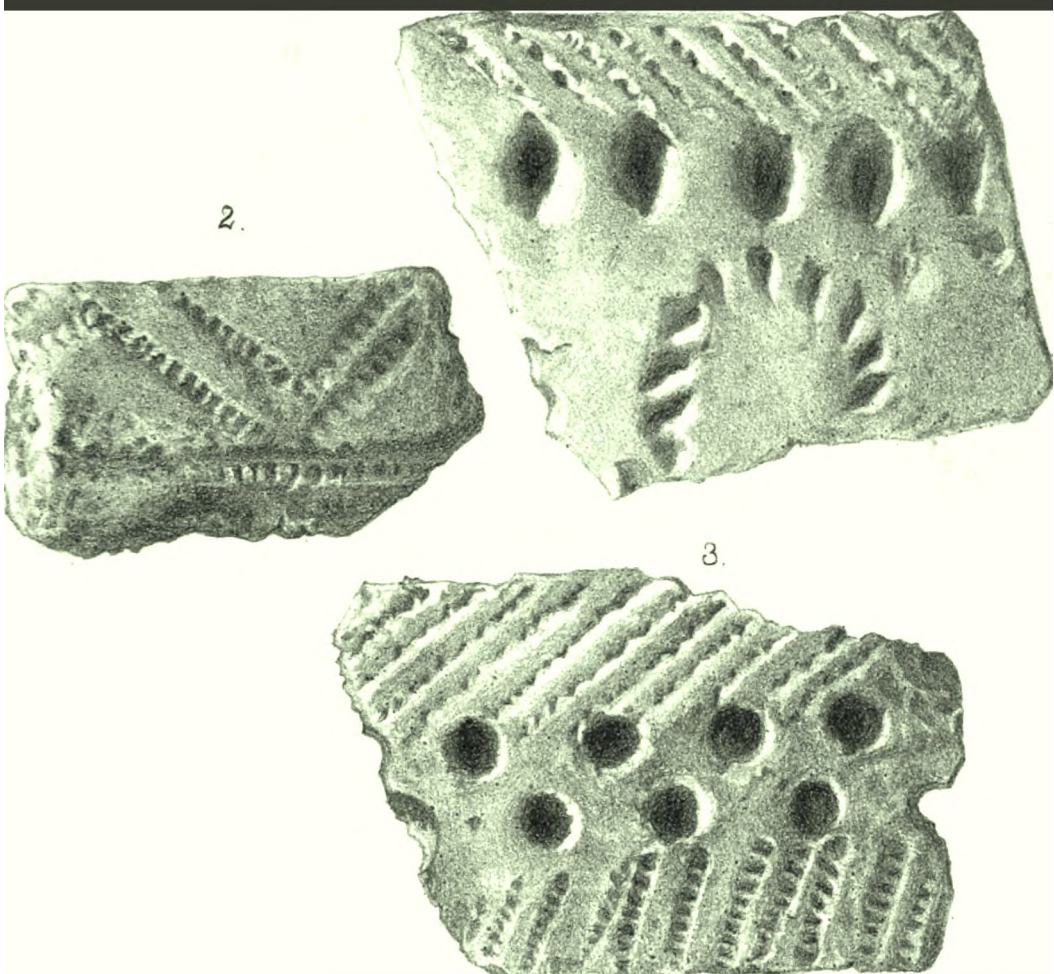
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Записки

Географическое общество СССР.
Отделение этнографии

GN2

Q4772

CAL. ACADEMY OF SCIENCES STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

JUN 7 1972

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Section Ethnology
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

III

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

дѣйствит. члена **Л. Н. МАЙКОВА.**

С. Петербургъ.

1873.

ACADEMIC

1967

1967

1967

О ОБЩЕСТВА

572.06

R 969

V. 3, 5

1873

[Redacted text]

З А П И С К И

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

749311

572.06

R 964

V, 3, 5

1873

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

~~~~~  
**ТОМЪ ТРЕТІЙ**  
~~~~~

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

дѣйстви. члена Л. Н. МАЙКОВА.

CAL. ACADEMY OF SCIENCES

С.-Петербургъ.

Типографія Майкова, въ д. Министер. Финансовъ, на Дворц. площ.

1873.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

CAL. ACADEMY OF SCIENCES

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи, чл.-с. П. С. Ефименка	1
О Куцо-Влахъ Эпира, Фессалии и Македоніи, А. С. Ионина	115
Мѣстныя названія Славянскихъ предѣловъ Адриатики, чл.-кор. В. В. Богишича	141
О племенномъ составѣ населенія въ княжествѣ Сербскомъ, чл.-кор. В. Якшича, переводъ д. чл. В. Н. Майнова (съ картою)	219
Очерки частнаго быта Евреевъ, д. чл. П. И. Небольсина	253
Этнографическія наблюденія во время поѣздки на юго-востокъ Олонецкой губерніи: I. Слѣды каменнаго вѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи (съ 8-ю таблицами рисунковъ).—II. Взглядъ на экономическое состояніе и современный бытъ жителей, въ связи съ природою и развитіемъ культуры на Сѣверѣ, чл.-с. И. С. Полякова	323
Паматники народнаго творчества въ Олонецкой губерніи: Объ Олонецкомъ пѣснотворествѣ, Е. В. Барсова. — Былныя.—Духовныя стихи.—Свадебныя обычаи и пѣсни въ Толвуйской волости. Съ примѣчаніями д. чл. Л. Н. Майкова	513

ПРИДАПОЕ
ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КРЕСТЬЯНЪ
АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ПРИДАНОЕ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КРЕСТЬЯНЪ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Различныя названія приданого.—Лица, дающія и получающія приданое.—Составъ, стоимость и накопленіе его.—Уговорки и рядниа записи.—Передача приданого имущества.—Процессы изъ-за приданого между зятемъ и родными жены, вскорѣ послѣ передачи его.—Оспариваніе приданого родными жены.—Право жены и мужа на приданое.—Растрата женина имущества мужемъ.—Посягательство на приданое при жизни жены, но по смерти мужа, со стороны родственниковъ послѣдняго.—Участь приданого по смерти жены.—Обычай, относящійся до земельного приданого.—Общія замѣчанія.

Для обозначенія всякого вообще приданого крестьяне Архангельской губерніи употребляютъ слово *приданѡ*, иногда *приданный животъ*, напримѣръ, въ поговоркахъ: *и большѡ приданѡ не сдѣлаетъ мужа*, или *приданнымъ животомъ да наказаннымъ умомъ недолго поживешь*. Слово это изстари употреблялось и въ мѣстныхъ Двинскихъ актахъ ¹⁾. Приданое, состоящее изъ женской одежды и убранства, называется *платнѡ* или *платенно приданѡ*, напримѣръ, въ поговоркѣ *не выноситъ платна безъ пятна*; невѣста должна быть *платна*, говорятъ крестьяне, т. е. имѣть порядочное приданое, состоящее изъ платья и другихъ нарядовъ. Въ Псковской судной грамотѣ слово *платной*, *платно* употребляется въ значеніи всякой вообще матеріи и одежды ²⁾.

¹⁾ Акты юрид., изд. Археогр. Комм. 1838 г. стр. 144. Новгор. данныя XIV — XV в.

²⁾ Изслѣд. Псковск. судн. гр. *Энгельмана*, стр. 26 и 48.

Платное приданое называютъ также *скрутой*; дѣвушка, имѣющая хорошее приданое въ одеждѣ и украшеніяхъ, называется *скрутна* или *скручена*. Скрута въ Шенкурскомъ уѣздѣ означаетъ собственно женскіе наряды или, какъ говорятъ въ другихъ уѣздахъ, *женский снарядъ*¹⁾. Въ сосѣдней Вологодской губерніи словомъ *скрута* обозначаютъ какъ приданое, такъ и головной уборъ невѣсты послѣ вѣнчанія²⁾, то же, что въ здѣшнихъ рядныхъ записяхъ XVII ст. *головная скрута*. Слово *крута* встрѣчается и въ Двинскихъ актахъ XIV ст.³⁾, и въ Псковской судной грамотѣ, въ значеніи женскихъ металлических украшеній⁴⁾, вѣроятно, преимущественно головныхъ. Какъ уже выше говорено, выраженіе *крутить* невѣсту значитъ заготовлять ей приданое, иначе *обряжать* невѣсту (въ Шенкурскомъ уѣздѣ); *скрутить* — приготовить приданое, а *скрутиться* — одѣться, нарядиться⁵⁾. По мнѣнію г. Аванасьева, слово *крутить* перешло къ опредѣленію понятій: одѣвать, наряжать отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести⁶⁾. Можно поэтому полагать, что слово *крута* или *скрута* первоначально означало женскій головной уборъ, при которомъ волосы извѣстнымъ образомъ заплетались (*крутились*).

Есть еще названіе приданаго — *коробья*; это названіе можно услыхать отъ старухъ Холмогорскаго уѣзда, напримѣръ, въ выраженіи: *коробья копить*, т. е. запасать приданое. Слово *коробья* значитъ, собственно говоря, небольшой сундукъ или ящикъ, въ который мать невѣсты складываетъ заблаговременно припасаемыя для дочери мелкія вещи изъ приданаго: рубахи, *портна* (полотно), платки, косынки, чулки и т. п. Коробьи, по крайней мѣрѣ въ Холмогорскомъ уѣздѣ, дѣлались прежде изъ осинового или липового луба, съ поперечными рѣшеточками извѣи, но безъ желѣза; онѣ имѣютъ квадратную форму; въ большихъ коробьяхъ каждая сторона не болѣе одного аршина, а въ

¹⁾ Труды Арх. Статист. Комит. за 1865 г., кн. 1, стр. 64.

²⁾ Опытъ обл. великорусск. словаря, изд. Ак. Н.

³⁾ Акты юрид. Духовн. Новгородцевъ и Двиняиъ № 1, ст. 430.

⁴⁾ Исслѣд. Пск. судн. гр. стр. 91. Промышленность древней Руси *Аристовъ*, стр. 122, 162.

⁵⁾ Сборникъ юрид. общ. Арх. губ. кн. 1, стр. 252.

⁶⁾ Поэт. возрѣнія Славянъ на природу, III, 526.

малыхъ въ половину менѣе; вообще онѣ такъ малы, что въ нихъ нельзя складывать даже сарафановъ и верхней одежды. Нынѣ въ Холмогорскомъ уѣздѣ коробей въ продажѣ нѣтъ; онѣ сохранились только у старухъ; вообще же приданое держится только въ сундукахъ; о держаніи его въ сундукахъ есть даже поговорка: *приданое въ сундукъ, а уродъ на рукъ*. Около г. Холмогоръ нынѣ даже стыдятся давать коробью съ невѣстой. Скоро память о коробѣй останется только въ пѣсняхъ да въ свадебныхъ причитаніяхъ ¹⁾. Впрочемъ въ отдаленныхъ уѣздахъ, напримѣръ, въ Шенкурскомъ, коробья и теперь еще пользуется почетомъ.

Сохранилось еще старинное названіе приданого—*надѣлокъ*. Крестьяне, впрочемъ, находятъ разницу между собственно приданнымъ и надѣломъ. Крестьянинъ, доставившій мнѣ самыя обстоятельныя объясненія на всѣ вопросы по обычному праву, такъ выразился на счетъ надѣла: „Надѣлокъ—не приданое; приданое—это та одежда и украшения, которыя заготавливаютъ отецъ и мать невѣстѣ; въ надѣлокъ же идутъ деньги, корова или телица, а съ ней нѣсколько сажени сѣна, четверти двѣ-три *жита* (ячмень), а прежде шли поля, пожни; если мать даетъ свое старинное платье и другіе наряды, полученные ею въ свою очередь въ приданое, то это тоже будетъ надѣлокъ. Когда нѣтъ сыновей, то родители дѣлятъ имущество между дочерьми: рассчитываютъ, что слѣдуетъ первой, второй и т. д. и выдаютъ его по мѣрѣ выдачи замужъ; такая часть каждой также называется надѣломъ. Отъ того-то крестьяне часто говорятъ: сверхъ *приданого* за такую-то дано еще въ *надѣлокъ* то-то“. Справедливость подобнаго объясненія подтверждается и разнаго рода крестьянскими актами, которые читатель встрѣтитъ въ этой статьѣ. *Надѣлокъ*, или иначе, *надѣлъ* значитъ, во первыхъ, всякое приданое, за исключеніемъ скруты или одежды и нарядовъ, запасаемыхъ родителями невѣсты; во вторыхъ, выдѣлъ или часть имущества, назначеннаго дѣтямъ какъ мужскаго, такъ и женскаго пола еще при жизни родителей, кои предоставляютъ имъ право получить эту часть

¹⁾ Въ родѣ слѣдующаго, обращеннаго дружкой къ невѣстѣ, во время смотрѣнья: „Послушай-ка, красная дѣвица: гордость, спѣсь оставляй-ка здѣсь; низкіе поклоны въ коробью клади, ногой придави, да къ намъ привези“.

или при жизни, или послѣ смерти своей; въ третьихъ, иногда такъ называется извѣстная сумма денегъ, выдаваемая сыну или дочери вмѣсто выдѣла имущества; въ четвертыхъ, доля имущества, хотя бы и платного, выдѣляемая сестрѣ братьями по смерти отца, въ замѣнъ приходящейся ей части общаго имущества. Въ древнихъ Двинскихъ актахъ XIV—XV ст. надѣлокъ имѣетъ то же значеніе; напримѣръ, въ одномъ духовномъ завѣщаніи, завѣщатель говоритъ: „А что есмь посулилъ *надѣлка* зятю своему Сидору и дочери своей Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣлъ, а дати ми имъ 3 сороки бѣлки, а въ томъ треть села въ заклади, на два году, до кунъ“ ¹⁾. Въ другомъ завѣщаніи надѣлкомъ названа извѣстная сумма денегъ, оставляемая мужемъ женѣ вмѣсто части имущества: „А жена моя оже всѣднѣтъ въ животѣ моемъ, ино осподарына животу моему, или поидеть замужъ, ино ей *надѣлка* десять рублей, а что принесла порты и круту и челядь, а то ей и есть“ ²⁾. Въ актахъ, относящихся къ другимъ областямъ Россіи, слово *надѣлокъ* или *надѣлъ* употреблено въ смыслѣ части имущества, выдѣляемаго отцомъ сыну, или денежнаго вознагражденія въ замѣнъ такого имущества ³⁾. Котошихинъ же употребляетъ слово *надѣлокъ* въ значеніи приданнаго вообще; онъ говоритъ: „Иные вдовы и дѣвицы живутъ у женъ боярскихъ и у дочерей въ покояхъ, и даютъ имъ платье, и ѣдятъ и пьютъ зъ боярской же поварни. А какъ тѣ дѣвицы будутъ въ великомъ возрастѣ, и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдаютъ они бояре замужъ, съ *надѣлкомъ*, за своихъ дворовыхъ слугъ, кого кто излюбитъ, или временемъ бываетъ выдаютъ чрезъ неволю; а свадьбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромехъ, какъ чинъ повелся всякого чину людямъ женитися а ѣства и питье, и платье нарядное, бываетъ все боярское; а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, для того что тѣ люди у нихъ, мужской и женской полъ, вѣчные и кабалные“ ⁴⁾. Здѣсь слову *надѣлокъ* придается болѣе широкій смыслъ; оно означаетъ не выдѣлъ извѣстной

¹⁾ Акты юрид. № 409, стр. 433.

²⁾ Тамъ же № 409, стр. 430.

³⁾ Тамъ же, стр. 420 и 421.

⁴⁾ О Россіи въ царств. Алексѣя Михайл. 1859 г., стр. 131.

части родственнику или родственницѣ, а просто приданое, даваемое въ видѣ дара постороннему лицу. Притомъ тутъ подѣ надѣломъ разумѣется главнымъ образомъ платное приданое.

Къ числу названій приданого принадлежитъ и слово *награда* или *награжденіе*. Мнѣ попадалось оно въ актахъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „выдалъ я дочь свою въ замужество, съ которой дано было въ награжденіе, во владѣніе зятю, сѣвчей и сѣновосной земли *столько-то*“ или „вышла при жизни отца не безъ награжденія“; или „выдалъ сестру свою въ замужество съ приличною наградой“ и т. п. Награжденіемъ называется главнымъ образомъ приданое, состоящее въ деньгахъ, скотѣ и т. п. (кромѣ скруты), а прежде называлось и состоявшее въ землѣ. То же названіе придается и денежному или имущественному вознагражденію, которое дается сыну, уходящему въ солдаты или идущему въ зятя-пріемыши. Такимъ образомъ, награжденіе и надѣлокъ означаютъ одно и то же. Во внутреннихъ губерніяхъ также отличаютъ приданое отъ награжденія. Приданнымъ въ узкомъ смыслѣ считаются сундуки съ одеждой невѣсты. Къ приданому принадлежитъ и то, что у Римлянъ называлось *resulium adventitium* (приобрѣтенное трудомъ самой невѣсты). Награжденіе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зовутъ и приданнымъ, составляютъ деньги, скотъ, а изрѣдка и изба, идущіе съ невѣстой. Это все дочь можетъ получить только при выдаваніи ея замужъ отцомъ, потому что когда умираетъ отецъ, то обыкновенно оставляетъ награжденіе сыновьямъ, а дочерямъ никогда; онъ въ такомъ случаѣ прикажетъ сыновьямъ, чтобы они снарядили ее, когда прійдетъ время ея замужества, соразмѣрно своему состоянію. Только родительское благословеніе, то есть, икону предварительно даетъ самъ отецъ ¹⁾. Въ Архангельской губерніи родительскимъ благословеніемъ называется всякое награжденіе или надѣлокъ, которыми *благословляетъ* отецъ своихъ дѣтей при жизни, въ томъ числѣ и приданое дочери, состоящее въ благословенномъ образѣ, скотѣ (а прежде и въ землѣ) и т. п.

Свадебныя пѣсни Шенкурскаго уѣзда, на ряду съ приданнымъ, употребляютъ слово *данье*, напримѣръ, въ слѣдующемъ отрывкѣ:

¹⁾ Pravni običaji u Slovena, соч. В. Бошича, стр. 125.

Тѣ не дай Богъ жениться
У купца гостя торговаго,
Взять купеческую дочку:
Со купеческую дочерью
Много денегъ и *приданого*,
Много цвѣтнаго платья.
Ты послушай, добрый молодецъ
Што я стану говорить тебѣ:
Говорить я стану сказывать
Сущу истинную правду,
Што купеческія дочери
Не тяглы ¹⁾, не работливы,
Твять и прять не умѣютъ,
Шолкомъ шить не гораздны.
Тѣ не дай Боже жениться
У попа отца духовнаго,
Взять поповскую дочеръ:
Со поповской славной дочерью
Много *данья* и *приданого*,
Много цвѣтнаго платья.
Ты послушай, добрый молодецъ,
Што я стану говорить тебѣ,
Говорить я стану сказывать
Сущу истинную правду,
Што поповскія-то дочери
Не тяглы и не работливы,
Твять и прять не умѣютъ.
Тѣ подай Боже жениться
У крестьянина богатаго,
Взять крестьянскую дочеръ:
Со крестьянскою-то дочерью
Много *данья* и *приданого*,
Много цвѣтнаго платья;
Что крестьянскія-то дочери,

¹⁾ Тяглыі значить — сильный, работающій.

Всѣ тяглы и работливы,
Ткать и прясть онѣ горазды,
Шолвомъ шить мастерицы ¹⁾.

Проживающіе въ Холмогорахъ Шенкурскіе крестьяне не могли мнѣ объяснить значеніе слова *данье*; но оно навѣрное значить то же, что и приданое. Въ этомъ насъ убѣждаетъ слово *данница*, существующее у крестьянъ Холмогорскаго уѣзда и означающее тоже приданое; напримѣръ, здѣсь можно услышать выраженія: *у нея данница хорошая* или *невѣста съ большой данницей*. Вотъ сколько различныхъ названій употребляетъ здѣшній народъ для выраженія понятія о приданомъ. Это разнообразіе названій служитъ доказательствомъ того, что приданое въ крестьянскомъ быту отдаленнаго сѣвера всегда занимало видное мѣсто.

Къ приданому можно относить и всѣ дары, получаемые невѣстой отъ ея родныхъ и отъ родственниковъ жениха, какъ-то: *приносы*, *наказанныя деньги*, тѣ деньги, которыя она получаетъ на *бѣлила*, потому что всѣ эти дары составляютъ собственность невѣсты. Но о нихъ мы будемъ подробно говорить ниже.

Приданое дается родителями невѣсты и всѣми тѣми членами семьи, которые воспользовались извѣстною частью изъ имущества родителей выходящей замужъ дѣвушки или имуществомъ перваго мужа, если это будетъ вдова, именнно: братомъ, дядей, двоюроднымъ братомъ, зятемъ, свекромъ, деверемъ и др.; иногда невѣста сама себя *крутитъ*, то есть, заготавливаетъ себѣ приданое. Приблизительно сказанному читатель встрѣтитъ въ нѣсколькихъ ниже приведенныхъ актахъ и извлеченіяхъ изъ актовъ относительно принятія родственниками обязанности снабдить приданнымъ невѣсту. Крестьянинъ Иванъ Лоховъ, выдѣлившій своему родному брату Якову, который переходилъ въ зятя-пріемыши, часть имущества, уговаривался съ послѣднимъ: „да еще жъ имѣется у насъ сестра Мавра, то мнѣ Ивану поить-кормить до полнаго возраста, а случится по закону пожелаетъ въ замужество, то на оную платье и свадьба срядить мнѣ, Якову, собой,—только мнѣ, Ивану, пригото-

¹⁾ Москвитянинъ 1853 г. июль кн. I. Свадьба Арханг. губ., стр. 35.

вить хлѣбъ и харчъ“¹⁾). Въ отступномъ письмѣ 1810 г. января 4-го, данномъ крестьяниномъ Силой Вершининымъ п. его женой родному брату Герасиму, который воспользовался всѣмъ имѣніемъ перваго на счетъ дочери Силы Вершинина, сказано: „А буде дочери нашей Вассы Богъ продлитъ вѣку и возрастетъ въ полный возрастъ, то ему, Герасиму, на ей платья завести тѣлогрѣю тафтяную и шубейку тафтяную, а на чебакъ дать деньгами десять рублей. А буде на ней будутъ *поимани* (женехи), тожь и свадьбу срядить, какъ и въ добрыхъ людяхъ водится, а больше въ надѣлохъ ничего не требовать“²⁾). Крестьянская вдова Куростровскаго селенія Авдотья Леонтьева, завѣщавъ сыну своему Андрею домъ, службы и разное недвижимое имущество, на счетъ дочерей своихъ распорядилась: „дочерямъ моимъ дѣвицамъ Агафѣ, Евдокии и Александрѣ проживать въ домѣ обще съ сыномъ Андреемъ безпрепятственно и по возможности наряжать и заводить платье, а ежели пойдутъ въ замужество, то сдѣлать п. свадьбы и наградить каждой по пконѣ, отъ меня имъ предназначенной“³⁾). 1810 г. апрѣля 1-го крестьянская вдова Авдотья Иванова, передавъ свое движимое п. недвижимое имущество дочери своей Матренѣ и зятю Якову, ея мужу, завѣщала между прочимъ: „а меньшую дочь Татьяну благословляю, что она не въ совершенномъ возрастѣ, то большой дочери Матренѣ и зятю Якову, чтобы оную меньшую дочь до совершеннаго возраста или до смерти призирать, поить п. кормить, обувать и одѣвать во всемъ снабдевать и ни въ чемъ не изгонять; а если Богъ вѣку продлитъ и пойдетъ въ замужество, свадьбу срядить, какъ принадлежитъ, да въ награду дать, кромѣ платья, завоженнаго на ней, еще въ надѣлку деньгами сто-пятьдесятъ рублей, а если Богъ смерть пошлетъ, похоронить честно и по душѣ ей дать сорокоустіе, да сверхъ сего отдать же по монастыримъ тридцать рублей“⁴⁾). Въ челобитной конца XVII столѣтія, поданной крестьяниномъ Ма-

¹⁾ Полюбовное сговорное письмо 1811 г. февраля 2-го дня, изъ крѣпости. кн. Холмогорскаго уѣздн. суда.

²⁾ Изъ крѣп. кн. Холм. уѣздн. суда 1810 г.

³⁾ Духовн. завѣщаніе 1870 г. іюня 14-го, получ. отъ кр. Быстрокурскаго сел. О. Нечаева.

⁴⁾ Крѣп. кн. Холмогорскаго уѣздн. суда 1811 г. № 1.

тигорскаго селенія Фролкоу Нифантовымъ архіепископу Холмогорскому Аванасію, между прочимъ, написано: „По приѣмному письму, каково мнѣ дала жена моя Анница, по совѣту съ дочерью своею Марьею, какъ я сирота на ней Анницѣ женился и во дворъ къ ней шелъ, и послѣ того падчерица моя дѣвица Марья, какъ стала въ полномъ разумѣ, дала она дѣвица мнѣ сиротѣ другое письмо за своею рукою, что поступилась она дѣвица деревенскимъ жеребьемъ пашенными землями и сѣнными покосы совсѣмъ безъ вывѣта, поступилась она мнѣ сиротѣ вотчину и матери своей, а моею женишке, а сродичамъ ея и пному никому въ той деревни дѣла нѣтъ и не вступатца... а противъ того поступного письма далъ я сирота ей дѣвицѣ на себя письмо, что поить и кормить ея дѣвицу до возрасту ея, и замужь выдать съ надѣлкою, въ приданомъ далъ кабалу въ дватцати рубляхъ, а буде она дѣвица умретъ и мнѣ ея дѣвицу поминать и подачи ея править“ ¹⁾).

Собственно приданое, или скрута, дается тѣмъ лицамъ женскаго пола, которыхъ выдаютъ замужь, напримѣръ: дочерямъ, внучкамъ, племянницамъ, двоюроднымъ сестрамъ, снохамъ, золовкамъ и проч. Надѣлокъ же вручается иногда тѣмъ же лицамъ женскаго пола, а иногда ихъ мужьямъ. Когда же берется въ домъ зять-приемышъ, тогда все имѣніе передается обыкновенно въ полное его распоряженіе. Задумывая принять къ себѣ зятя, крестьяне мало заботятся о приданомъ, а главное вниманіе обращаютъ на то, чтобы хозяйство было исправно. Иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ впрочемъ, дающій надѣлокъ передаетъ его прямо отцу жениха, при заключеніи съ будущимъ сватомъ брачнаго договора. Женщина, приносящая съ собою хорошее приданое, называется *приданницей*; а въ прежнее время, когда былъ обычай давать въ приданое поземельные участки или, по здѣшнему, *деревни*, тогда невѣстамъ, которыя выходили замужь съ землей, давали названіе *приданницъ-деревенницъ* или *участницъ*. Невѣста съ плохимъ приданымъ называется *безприданна* или *безприданница*, напримѣръ, въ поговоркахъ: *бери безприданну, но таланну*, или *безприданница-безотѣтница*. Въ настоящее время *приданницами* называютъ еще дѣвочекъ-родственниковъ или воспи-

¹⁾ Изъ бумагъ крест. сел. Матигоръ Авикиева.

танницъ невѣсты, или дочерей отъ перваго замужества, **которыхъ** берутъ съ собою, какъ бы въ приданое, выходящія замужъ. **Быть** можетъ, въ старину приданницами назывались „приданныя дѣвки“, то есть, дочери холоповъ, которыя давались въ приданое съ дочерями бояръ (во внутренней Россіи: *дѣвка къ ларцу*).

Въ приданое у болѣе бѣдныхъ крестьянъ поступаетъ всегда, сверхъ *блгословляющаго* образа (т. е. благословенной иконы), *мѣсто*, то есть, постель, все то, что бываетъ во время свадьбы зашито въ *банникъ*, то есть, весь столовый приборъ, также бѣлье и матеріалъ для него: платье, дѣвичьи украшенія и нѣкоторыя принадлежности хозяйства: *красенная збруя* или *красна́* (теальный станокъ), серпъ, грабли, *приузы*, *кичиш* (части молотильнаго цѣпа), санки и проч. У болѣе состоятельныхъ, кромѣ того, даютъ домашнюю утварь, какъ-то: самоваръ, чайную посуду, также кое-что изъ мебели: комода, зеркало и прочее; гораздо рѣже деньги, что-нибудь изъ домашняго скота, хлѣбъ и прочее.

Иконъ съ невѣстой обыкновенно дается двѣ: одна *за невѣстой*, другая *за постелью*; первая лучшая, съ серебрянымъ окладомъ, а у богатыхъ, сверхъ того, украшенная жемчугомъ, а вторая попроще; первая, большею частью во имя Пресвятой Богородицы, а если грамотный и толковый отецъ, то и во имя ангела дочери. Первымъ образомъ отецъ невѣстинъ благословляетъ молодыхъ передъ отправкой ихъ къ вѣнцу, потомъ передаетъ его тысяцкому, который открыто, на правой рукѣ, везетъ икону въ церковь и ставитъ на налои, а затѣмъ торжественно отвозитъ въ домъ жениха. Второй образъ везется сватьей съ постелью, безъ торжества, прямо въ домъ жениха и ставится въ той горницѣ или кѣлтѣ, гдѣ будутъ укладывать молодыхъ спать. *Мѣсто*, или постель, заводится передъ самою свадьбой; дочь цѣнятъ по жениху; поэтому, если женихъ посостоятельнѣе, стараются дать лучшее *мѣсто*, равно какъ и завести лучшую одежду; у состоятельныхъ невѣстъ подушекъ бываетъ двѣ, три или четыре. Самые бѣдные иногда не имѣютъ постели; о такихъ говоритъ пословица: *невѣста безъ мѣста, женихъ безъ портока*; но и онѣ берутъ чужое мѣсто въ займы, на время свадьбы.

Банникомъ называется свадебная *коврига* или *мякушка* (ржаной

печенный хлѣбъ), зашиваемая въ скатерть, передъ дѣвичникомъ въ присутствіи родителей, а также все то, что кладется съ нею: два калача крупчатыхъ, столовая чашка, миска, тарелка, солоница съ солью и двѣ ложки для молодого и молодой. Въ Пинежскомъ уѣздѣ ложки бывають большею частью деревянныя, непременно новыя, не держанныя; впрочемъ случается, что батюшка-родитель или благословенный батюшка, если богаты, жалуютъ вмѣсто деревянныхъ ложекъ серебряныя. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ у зажиточныхъ крестьянъ серебряныя ложки кладутся не только для молодого и молодой, но и для всѣхъ членовъ женскаго пола въ семьѣ будущаго зятя. Это новое обыкновеніе. Банникомъ всѣ эти вещи называются потому, что ихъ зашиваютъ послѣ того, какъ невѣста съ дѣвушками сходить въ баню и начнетъ отдыхать послѣ бани, а расшиваютъ на другой день по бракосочетаніи, послѣ того какъ молодые побывають въ банѣ.

Холстъ не составляетъ здѣсь, въ Холмогорскомъ уѣздѣ, необходимой принадлежности приданого, потому что Холмогорскіе крестьяне сами почти не разводять льна; богатые, впрочемъ, кладутъ буса два или три портна (аршинъ 25) въ сундукъ, собственно для дочери, а не для ея мужа. Крестьянинъ, женись, самъ или его мать покупаетъ кудель и приказываетъ женѣ шить ему рубахи и портки. Женскихъ рубахъ у дѣвушекъ средняго состоянія бываетъ по 10 и болѣе, а у богатыхъ по 30 и даже по 50, такъ что дѣвушка, вышедъ замужъ, можетъ не заводить ихъ лѣтъ двадцать, если нѣтъ дѣтей. Изъ платья въ особенности запасаются будничными сарафанами, ткаными изъ пестради съ красною бумагой, которыхъ бываетъ у иныхъ до 10 и болѣе, такъ что этихъ самодѣльныхъ сарафановъ хватаетъ лѣтъ на десять; кромѣ того, бывають платья—у бѣдныхъ ситцевыя, а у богатыхъ шерстяныя и шелковыя. Здѣшнія околородныя крестьянки, въ особенности тѣ, которыя имѣють родныхъ въ Петербургскихъ артеляхъ, приняли городскую одежду, такъ что у нихъ въ приданое идутъ драповыя пальто, салоны на лисьемъ мѣху, шали, муфты и проч. Изъ принадлежностей туалета даются серьги, браслеты, жемчугъ (нѣсколько прадокъ жемчуга). Старинная одежда: шубейки, гранитуровыя шубки, штофники и проч. здѣсь вышла изъ моды и если дается

въ приданое, то болѣе на память, а не для носки. Всѣ такія вещи нуждающіеся крестьяне стараются сбывать въ южную часть уѣзда, и въ особенности, въ Шенкурскій уѣздъ, гдѣ эти предметы еще въ употребленіи. Въ другихъ уѣздахъ губерніи дѣвушки во время свадьбы, на гуляньяхъ и на вечеринкахъ всегда ходятъ въ старинномъ нарядѣ: шелковыхъ штофныхъ шубей-кѣ или полушубкѣ и юбкѣ, что составляетъ такъ называемую *пару*, и въ повязкѣ, головномъ уборѣ, имѣющемъ видъ высокаго конического кокошника, украшеннаго жемчугомъ. Около г. Холмогоръ и этотъ нарядъ выходитъ изъ употребленія, и только весьма немногія дѣвушки выходятъ въ немъ на гулянья. Во время же свадебной заплачки и здѣсь невѣсты обязаны быть въ повязкѣ и парѣ, такъ что у которой нѣтъ ея, та занимаетъ ее на сторонѣ. Этотъ нарядъ, то есть, пару и повязку, каждая выходящая замужъ дѣвушка передаетъ, послѣ свадьбы, своей слѣдующей за нею полѣтамъ сестрѣ, и уже послѣдняя сестра беретъ его себѣ, въ видѣ приданого. Иногда, если у самой младшей сестры не окажется головнаго убора, то вмѣсто него даютъ въ приданое извѣстное количество денегъ. Въ старину, какъ видно изъ актовъ и преданій, былъ подобный же обычай, то есть, если не имѣлось женскаго головнаго убора, *чебака* (чебакъ—шапка о двухъ ухахъ, куницею или сободемъ обложенная), въ такомъ случаѣ давали вмѣсто него деньги или землю. То же дѣлалось и въ случаѣ неимѣнія другихъ украшеній. Вотъ что было дано года два тому назадъ въ приданое за одною дѣвушкой въ Шенкурскомъ уѣздѣ: одна красная штофная шуба (здѣсь въ Холмогорскомъ уѣздѣ не носятъ), одна шуба пол шелковая (здѣсь не носятъ), одинъ сарафанъ шелковый клѣтками (здѣсь не носятъ), одна юбка шелковая штофная одноцвѣтная (у насъ не носятъ), одна бѣлая съ наборомъ юбка, одна холстинковая бумажная юбка, одна красная овчарная юбка, одинъ полушубокъ шелковый травчатый голубой (здѣсь не носятъ), одинъ двоеликій, немного поношенный полушубокъ (здѣсь рѣдко встрѣчаются), два кумачныхъ полушубка (здѣсь не носятъ) шесть холщевыхъ воротушекъ безъ поднаставокъ, два хорошіе полотняные воротка (здѣсь не носятъ), двѣ хорошія рубашки, изъ коихъ одна ситцевая бѣлая, а другая англійская красная, восемь хол-

цевыхъ рубашекъ полновыхъ, одинъ гарусный передникъ, одинъ разшивной хорошій сборникъ, одинъ шелковый голубой удирокъ, одинъ гарусный платокъ порядочной величины и доброты, три ути-ральника, изъ коихъ одинъ камчатный пропускной съ узоромъ, другой шитый въ палахъ и третій браной съ наборцами кругомъ одна браная съ наборомъ салфетка, кусокъ кумачу на полушубокъ, одни красныя перстятки изъ дорогой шерсти, одни красныя перстятки домашней работы, однѣ серебряныя безъ пробы серьги одно серебряное пробное кольцо, одинъ крашеный съ замкомъ ящикъ, одна съ замкомъ коробка и одна бѣлая каменная тарелка ¹⁾. Въ Мезенскомъ уѣздѣ одна дѣвушка получила при выходѣ замужъ: штофникъ, коротеньку, шубейку, кумачникъ, китайникъ, сарафанъ простаго ситцу, серебряную цѣпь, матерчатую рубашку малиноваго ситцу и краснаго кумачу, 3 рубашки домашней пестряди, 2 бѣлыхъ рубашки тонкаго холста, 2 повойника, 2 алыхъ платка, 2 малиновыхъ платка, передникъ, красную шаль съ кругомъ, серебряную запонку, 2 передника, 2 шубы, одѣвальницу, ковшикъ и 2 ящичка ²⁾. Въ с. Усть-Цыльмѣ, Мезенскаго уѣзда, гдѣ невѣсты покупаютъ за деньги, приданое все-таки дается съ ними; оно состоитъ въ одеждѣ, которой должно хватить на три года, иногда даютъ корову, либо овцу.

Въ Пинежскомъ уѣздѣ безъ бѣлой овчинной шубы невѣста-не невѣста; если нѣтъ такой шубы, говорятъ: „у невѣсты не въ чемъ и скотъ на прорубь сгонить; хотъ въ шубейки гони“. Въ Пинежскомъ же уѣздѣ у невѣсты со средствами приданое состоитъ въ подушкѣ, покрытой нероскошнымъ ситцемъ, шубѣ изъ домашнихъ овчинъ, покрытой дешевымъ синимъ сукномъ, кумачникѣ, нѣсколькихъ дорожныхъ (кубовой краски) льняныхъ сарафанахъ, одномъ или двухъ ситцевыхъ, у немногихъ и въ шерстяныхъ сарафанахъ, одномъ или двухъ шелковыхъ алыхъ платкахъ, одной или двухъ шерстяныхъ шаляхъ, и у самыхъ богатыхъ, сверхъ того, въ шелковой лопотинѣ (платѣ) и таковыхъ же одной или двухъ шалыхъ и столькихъ же

¹⁾ Рѣшеніе Великоустьинскаго волостн. суда 1868 г. 27-го мая.

²⁾ Рѣшеніе Мелогородскаго волостн. суда 1868 г. 14-го января.

рубашкахъ, преимущественно изъ домашняго холста (а по верхнюю р. Пинеги въ рубахахъ съ вышитыми красною бумагою накладками) и во всей рабочей одеждѣ и обуви ¹⁾.

Красенная збруя или *крѣсно* здѣсь имѣется почти у каждаго крестьянина, а потому часто дается въ приданое; иногда даютъ только *става*, то есть, одну часть станка. Хорошій отецъ даетъ дочери точенные приузы и кичигу (части молотильнаго цѣпа), чтобы будущей женѣ удобнѣе, сручнѣе было молотить.

„У насъ“, говорили мнѣ крестьяне Холмогорскаго уѣзда, — „мало что бы изъ скота или денегъ давали; это бываетъ только у богатыхъ, и даютъ обыкновенно безъ предварительнаго уговора, а изъ чести, когда женихъ, при осмотрѣ его житья-бытья, оказалъ у себя деньги. Также корова, лошадь, овцы или хлѣбъ бываютъ больше у *осталицы* (единственная дочь-сирота), которая, разумѣется, собираетъ все, что у ней есть. *Залѣтнихъ* невестъ, иначе *посидѣлокъ* (годовъ 30-ти), тоже не берутъ безъ приданаго, состоящаго въ хлѣбѣ, деньгахъ и скотѣ. У подгородныхъ Холмогорскихъ крестьянъ каждый почти хозяинъ имѣетъ свою корову, или нѣсколько, а потому брать въ приданое корову считается несовсѣмъ благопристойнымъ дѣломъ“. Къ рѣдкимъ исключительнымъ случаямъ относится то, что отецъ обязывается дать зятю корову для временнаго пользованія, или обязывается годъ, два обрабатывать землею участокъ своего зятя, иногда же вмѣсто денегъ предоставляетъ ему право взыскивать долги съ своихъ должниковъ. Въ тѣхъ селеніяхъ и деревняхъ Холмогорскаго уѣзда, изъ которыхъ крестьяне отправляются на заработки въ С.-Петербургъ, бываетъ такъ, что несостоятельный зять уговаривается, при сватовствѣ, съ будущимъ тестемъ, если послѣдній богатъ, чтобы тотъ купилъ его въ Петербургъ въ артель. Такъ въ д. Мариловой былъ кровельщикъ, который женился въ д. Малой Тиврѣ и взялъ дочь у богатаго артельщика, и тесть, по условію, увезъ его въ Петербургъ и самъ внесъ за него купъ въ артель. Иногда крестьянина, пріѣхавшаго изъ Петербурга на родину для женитьбы и не имѣющаго собственнаго дома (если онъ отправился на заработки въ малолѣтствѣ), тесть приглашаетъ пожить

¹⁾ Сообщено крестьяниномъ Кулешовымъ.

до заговѣнья, пока онъ не уѣдетъ снова въ Петербургъ. Но того не бываетъ (какъ это часто случается у чиновниковъ), чтобы зятья выговаривали себѣ квартиру на продолжительное время у тестевъ. Домовъ также не даютъ въ приданое, и только въ одномъ рѣшеніи волостнаго суда, Шенкурскаго уѣзда, мы встрѣтили случай, что дана была въ приданое часть дома (*озадохъ двора*). Мы не говоримъ здѣсь о зятяхъ-пріемышахъ, которые получаютъ въ свое распоряженіе дома тестевъ со всѣмъ хозяйствомъ. Одежды зятьямъ (какъ это бываетъ у чиновниковъ) тоже не даютъ въ приданое, развѣ тогда, когда останется пасынокъ отъ перваго мужа, который отдается на понеченіе зятю.

У бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ Шенкурскаго уѣзда входитъ въ обычай давать въ приданое зятю землю, съ тѣмъ чтобы не *отбирать ея вѣчно*. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ иногда отдаютъ въ надѣлокъ зятьямъ *чищеницы*, до истеченія 40-лѣтняго срока пользования чищеницей. Ниже мы встрѣтимъ случай, какъ свекоръ отдалъ зятю, будущему мужу своей снохи, даже тяглую землю, или какъ выражаются крестьяне, *податную душу*, для уплаты податей за душу своего покойнаго сына, перваго мужа своей снохи. Все это остатки прежняго обычая, господствовавшаго здѣсь въ полной силѣ, давать землю въ приданое за невѣстами. Дѣйствительно, до 1831 г., пока у крестьянъ нашей губерніи существовало подворно-участковое наслѣдственное владѣніе землею, съ правомъ отчужденія ея, случаи отдачи въ приданое земли были не рѣдки. Землю или деревню получали тогда въ приданое не однѣ только оставицы, но и другія дочери, при наслѣдникахъ мужескаго пола, по благословенію родителей. Есть еще въ живыхъ много крестьянковъ, которыя выходили замужъ съ землей, отошедшею потомъ въ общій раздѣлъ. Впрочемъ, какъ видно изъ *дѣльныхъ крѣпостей* прошедшаго времени, дѣвушки, при раздѣлѣ съ членами семьи мужескаго пола, по смерти отца получали за свою часть земли денежное и вещественное вознагражденіе отъ послѣднихъ. Къ этому обычаю о датѣ въ приданое земли мы возвратимся еще въ послѣдствіи, а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ оригинальномъ приданомъ мелкихъ чиновниковъ въ здѣшней губерніи.

„Часто случается, что чиновники въ Архангельскѣ“, пишетъ одинъ

наблюдатель мѣстныхъ нравовъ, „женятся и берутъ за женою довольно странное приданое; странность не въ самомъ приданомъ, а въ предсвадебномъ условіи: иные условливаются о парѣ новаго платья, другіе о пищѣ или квартирѣ въ продолженіе опредѣленнаго по уговору времени“ ¹⁾. То же самое бываетъ и въ уѣздныхъ городахъ. Одинъ знакомый мнѣ канцелярскій чиновникъ въ Холмогорахъ женился на дочери удѣльнаго крестьянина и вырядилъ для себя у тестя пару платья да позволеніе жить въ домѣ тестя и кормиться на его счетъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Семинаристы, вступающіе въ бракъ съ поповнами, тоже условливаются съ тестемъ, если у нихъ своя одежда обносилась, чтобы тотъ завелъ новую къ вѣнцу.

Въ древности обитатели Двинской земли давали въ приданое села, деревни, рабовъ, деньги и разнаго рода вещи, какъ это видно изъ Двинскихъ актовъ XIV, XV и XVI столѣтій. Такъ, въ одной данной написано: „Се купи ключникъ владыченъ Еуѳимей у Марьи у Ивановы жены Іевлича у Фефилатовъ дочерѣ, а у Борисовъ внука, полсела земли, вотчину ея, въ Лялинѣ курья, половину всю безъ вывѣта, дворъ и дворище, и орамые земли, и пожни, и притеребы, и за Курьею великой пожни половина и въ перевѣсницахъ половина, и Устьлялинѣ курья тоня, и подъ Великою пожнею ѣзъ да и подворомъ ѣзъ, а то съ Лялинци по половинамъ; а далъ на томъ ключникъ Еуѳимей Марьи три рубли да портище пыжовъ, а пополонка соболь... а далъ ключникъ владыченъ Еуѳимей *ту землю дочери своей Оленѣ, за сери*“ ²⁾. Во второй данной: „Се дастъ Иванъ Михайловичъ и жона его Ѳеодотья, Микити Ѳеодоровичу и дочерѣ своей Овдокѣи, *село земли Онашинское на Кургонемѣ, да двое портъ, шубу да чюпрюнъ, да приданую дѣвку Феню*“ ³⁾. Въ духовной: „А жена моя оже всѣдѣтъ въ животъ моемъ, ино осподарина животу моему, или поидетъ замужъ ино ей надѣла десять рублей; а что принесла *порты и круту и челядь*, а то ей и есть. А будетъ у моеи жены сынъ, ино моимъ дѣтямъ животъ мой и

¹⁾ Арх. Губ. Вѣд. 1863 г. № 11.

²⁾ Акты юрид., № 19, стр. 39.

³⁾ Тамъ же, № 110, V, стр. 144.

села моя и челядь моя наполю; или будетъ дщи, ино выдасть ю братъ Ѳеодоръ по силѣ" ¹⁾. Еще въ духовной: „А что есмь послужилъ надѣлка зятю своему Сидору и дочери своей Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣлъ, а дати ми имъ 3 сороки бѣлки, а въ томъ третѣ села въ заклады, на два году, до кунѣ" ²⁾.

Стоимость приданого въ Холмогорскомъ уѣздѣ бываетъ весьма различна. По опредѣленію крестьянъ, у самыхъ бѣдныхъ двѣшекъ приданого бываетъ рублей на пять, на десять: сколько на себѣ платья, да еще нѣсколько рубахъ и прочаго; у средняго состоянія на 30—50 руб., а у богатыхъ простирается и до 300 руб.; бываетъ и гораздо болѣе, но какъ рѣдкое исключеніе. Такъ, въ 1870 году крестьянинъ Ульяновъ изъ Ровдиной горы далъ за дочерью 1000 руб. сер. Въ приводимыхъ ниже рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ различныхъ мѣстностей губерніи мы находимъ стоимость приданого, по оцѣнкѣ истцовъ, въ 25, 30, 50, 77, 125, 197 и 200 руб. сер.

На вопросъ мой: было ли въ прежнее время приданое цѣннѣе нынѣшняго, или нѣтъ, одинъ крестьянинъ отвѣтилъ: „Прежде давали дорогое приданое, такъ что было что и заложить, и продать въ случаѣ крайности; прежняя одежда и украшенія далеко превосходили стоимостью нынѣшнія: штофники рублей въ 40 асс., кумачники въ 5 руб., на нихъ серебряныя пуговицы и золотыя вахромки (бахрома) рублей на 10 асс.; прежде жемчугъ былъ въ большемъ употребленіи; богатые повязки (головной уборъ), унизанныя жемчугомъ, цѣнились рублей въ 100—300 асс.; у моей бабки былъ кокошникъ жемчужный и стоилъ рублей 100 асс., а кошельки (серьги жемчужныя) тоже стоили не менѣе 100 руб. асс. Теперь только и цѣнности, что салопы на лисьемъ мѣху. Да и прочность то какая была: досельную одежду носила прабабушка, бабка, мать, да и дочери передавала; у меня есть кокошникъ: бабка худо поинить, когда онъ заведенъ, да полушубокъ годовъ 90 какъ дѣланъ; штофники трѣи вѣки носились; правда, надѣвались только на игрища; нынѣ ни за что ни какъ дѣвка или жонка не надѣнетъ; а

¹⁾ Тамъ же, № 409, I, стр. 430.

²⁾ Тамъ же, № 409, IV, стр. 433.

вотъ въ Емецкѣ всѣ въ полупубкахъ на игрищахъ.... Прежде приданое старались всѣми силами сберечь, чтобъ было что дочерамъ оставить въ приданое, да и теперь стараются не растрчивать; только ужъ нынѣшнее платье не передашь; все не прочно; коли у дѣвушки порвется платье, то и не заводятъ задолго до свадьбы“. Въ другихъ мѣстахъ губерніи, какъ мы уже видѣли, и снова увидимъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, еще удержалась старинная дорогая и прочная одежда.

Для опредѣленія стоимости приданого въ XVII столѣтіи, мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ *дѣльных крѣпостей*, приведенныхъ В. Крестининымъ въ его нынѣ довольно рѣдкой книгѣ: „Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ Двинскаго народа“, изданной въ С.-Петербургѣ въ 1785 году. Изъ дѣльной крѣпости 1647 г. февраля 3-го дня, составленной крестьянами Галушиными, Ровдогорскаго селенія, въ нынѣшнемъ Холмогорскомъ уѣздѣ, видно, что племянница получила отъ своихъ *дядьекъ*, за деревенскій участокъ отца въ приданое: 1) три рубля денегъ на однорядку, 2) шунунъ сукна краснаго съ *нарядомъ* (прикладка) цѣна 4 рубля, 3) за шапку полтора рубля денегъ, 4) кружево жемчужное (на шапку) цѣна 1 руб., 5) одинъ золотникъ жемчугу съ четвертью, цѣна 20 алтынъ, 6) кошельки (серьги, сплетенныя изъ жемчуга) цѣна 2 руб., 7) серьги серебряныя подъ золотомъ, съ цѣпью серебряною (для креста, носимаго на грудяхъ) цѣна 8 гривенъ, 8) другую шапку киндячную голубую (то-есть, бумажной выбойки, крашеную, безъ пестрыхъ цвѣтовъ) цѣна 10 алтынъ, 9) крашенинникъ съ нарядомъ, цѣна 20 алтынъ, 10) сапоги телатинные красные съ шелкомъ, да другіе пришвы, цѣна обоимъ полтина, 11) коробью съ бѣльемъ, цѣна 5 руб., и всего того приданого было на 19 руб. 10 алтынъ. Крестининъ, сообщивши эти свѣдѣнія, замѣчаетъ, что „все сіе доказываетъ богатую на Двинѣ невѣсту, ибо другія невѣсты тогдашняго времени приносили приданого въ дома своихъ мужьевъ не болѣе или ниже двухъ рублей, какъ то видно по дѣльной крѣпости 1600 г. октября 27-го дня Игнатія и Селивана Дубасовыхъ, Куростровцевъ, которые со своею племянницей Парасковьею Андреевой дочерию на три жеребья движимое и недвижимое имѣніе дѣлили; почему сія участница наслѣднаго имѣнія въ

приданое вѣно на полтретья рубли получила“ (стр. 21). Но далѣе самъ же Крестянинъ опять приводитъ въ примѣръ довольно состоятельную невѣсту. По дѣльной крѣпости крестьянъ Фатѣвыхъ, изъ Верхней Паленги, 1625 г. ноября 9-го, племянница получила за свой участокъ отъ четырехъ своихъ сонаслѣдниковъ дядей деньгами 12 руб. „Сверхъ того, сія достаточная по тогдашнему времени невѣста, выданная изъ богатаго крестьянскаго дома, отнесла въ приданое двой серъги и три перстня серебряные, цѣною въ три рубля“ (стр. 23). По четыремъ же приводимымъ мною ниже дѣльнымъ XVII столѣтія видно, что приданое давалось на сумму отъ 4 до 8 рублей; а въ одной дѣльной XVIII стол. приданое обозначено въ 50 рублей.

Хотя и существуетъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ поговорка о накопленіи приданого: *дочку въ колыбельку, придано въ коробылку*, но она здѣсь буквально не примѣняется, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи ¹⁾. Говорятъ, что такъ было въ старину, а теперь заготавливаютъ приданое съ малолѣтства дочерей только самые богатые да тѣ, которые имѣютъ единственныхъ дочерей, разумѣется, если они не думаютъ принять къ себѣ на домъ зятя. У крестьянъ же средняго состоянія не дѣлается такъ, потому что, какъ объясняютъ крестьяне, если есть нѣсколько дочерей, то нѣтъ силъ и времени накоплять приданое съ младенчества ихъ. Начинаютъ запасать приданое изподволь, годовъ съ 14 или 15, когда дочери уже сами начинаютъ учиться ткать, а ускоряется заготовленіе его, когда дочь уже считается невѣстой, съ 16 лѣтъ, такъ чтобы въ два, три года приготовить все болѣе нужное; остальное закупается тогда, когда дочь уже засватана.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ отецъ къ приданому, состоящему изъ бѣлья и пр., *не касается*, то-есть, не заботится о немъ; это дѣло матери; она заблаговременно *заправляетъ* бѣлье, сарафаны, платки, полотенца, перья и пухъ для подушекъ и пр.; шьютъ же приданое, кромѣ дорогихъ вещей, и ткутъ сами дѣвушки-невѣсты; въ осо-

¹⁾ Записки Русск. Геогр. Общ. по Отдѣленію Этногр. т. II. Очеркъ народн. быдич. обычаевъ и понятій въ Малороссіи, *Чубинскаго*, стр. 690; также Pravní običaji u Slavena *V. Bogićića*, стр. 124.

бенности онѣ заботятся о тканыхъ будничныхъ сарафанахъ, такъ какъ при выборѣ невѣсты обращается большое вниманіе на то, каково вытканъ сарафанъ. Отецъ заводитъ обыкновенно болѣе дорогія вещи изъ одежды: пальто, гарусныя платки, платье, башмаки, равно и другія болѣе цѣнныя вещи. Хотя первоначальное приданое часто готовится на женскія деньги, то-есть, на *масляныя* и другія деньги матери и на тѣ, которыя получаетъ дочь на сторонѣ, напримѣръ, во время страды, если дома нѣтъ работы, но бываетъ также, что отецъ покупаетъ на первый разъ на семейныя деньги льну, мать же и дочь передѣлаютъ купленное на полотно, часть полотна обращаютъ на бѣлье, а лишнее продаютъ и на полученные деньги покупаютъ снова кудели, чтобы вновь выгадать себѣ кое-что. Слѣдовательно, значительная часть приданого приобрѣтается на средства отца. „Вокругъ скотоводства ходить—обязанность жены, а потому мужа при продажѣ скота даютъ часть денегъ на приданое. Если лѣтомъ, въ страдное время, дочь работаетъ на полѣ, то отецъ за это заводитъ ей что-либо въ приданое; а Петенбура (то-есть, живущіе въ столицѣ) посылаютъ изъ Петербурга все необходимое въ приданое, напримѣръ, разнаго рода матеріи, кромѣ бѣлья, которое заводится дома. Вотъ такъ каждый годъ и подбавляется приданое“. О приданомъ все-таки болѣе заботится мать, нежели отецъ; отцу часто не нравятся лишніе, по его мнѣнію, расходы на наряды дочери, такъ что нѣкоторые болѣе скупые отцы препятствуютъ женамъ заботиться о самомъ нужномъ въ приданомъ, говоря: „я тогда все куплю, когда женихъ придетъ“; въ такомъ случаѣ мать старается запасти для дочери что-нибудь тайно отъ отца. Дѣвушки безчотныя, или если отецъ человекъ распутный или крайне бѣдный, или если онѣ живутъ въ чужихъ людяхъ, *крутятъ* на свои деньги, собирая и продавая ягоды, нанимаясь на страду въ работы, занимаясь тканьемъ пряжи; но вся эта *крутя*—на 5, 10 и рѣдко на 20 руб.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ матери крутятъ дочерей не всѣхъ разомъ, а только одну старшую, которая считается невѣстой; она всегда ходитъ въ нарядной одеждѣ, а остальные носятъ обноски ея. Когда выдадутъ первую, тогда начинаютъ крутить другую. Если же старшая дочь не считается невѣстой по чему-либо, напри-

мѣръ, по болѣзни, то въ такомъ случаѣ крутятъ вторую, помимо первой. Это накопленіе приданого, какъ уже прежде было сказано, производится изподволь, но передъ свадьбой ускоряется приготовленіе его. Тогда, въ періодъ времени между осмотромъ жителя-бытья жениха и рукобитьемъ, пріятельницы невѣсты ежедневно собираются въ домъ послѣдней и помогаютъ дошивать приданое—наволочки, занавѣски къ кровати, кое-что изъ платья; однимъ словомъ, шьютъ все закупаемое. Наканунѣ дѣвичника, когда невѣста съ подругами идетъ въ баню, мать *рядитъ коробью*, то-есть, окончательно складываетъ въ сундукъ бѣлье, салфетки, скатерти, полотна и все, что, по возможности, заготовлено въ приданое ¹⁾. Самое полусундучье, въ которое складывается вся одежда, кромѣ *ношатай*, покупается въ Архангельскѣ, когда дочь уже невѣста.

Всюду почти въ губерніи бывають предварительные уговоры (*уговорки*) о приданомъ; только тамъ, гдѣ невѣстами особенно дорожатъ, напримѣръ, въ селеніи Лямцѣ, Онежскаго уѣзда, о приданомъ не уговариваются. *Приданая*, говорятъ тамошніе женихи *пожалуй, ни нитки; былъ бы хохолъ да титки*. И въ другихъ мѣстахъ губерніи о бѣдныхъ невѣстахъ, безприданницахъ, говорятъ: *Была бы кость да тѣло, а платье самъ дѣлай*, то-есть, была бы женщина порядочная, а платье наживемъ. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ есть еще поговорка о безприданницахъ: *Суженой прійдетъ и зипунъ (или шушунъ) привезетъ*.

Въ деревняхъ близъ Холмогоръ договариваются почти всегда только о женской одеждѣ, въ особенности со скупыми родителями, и если много дочерей у нихъ; требуютъ, напримѣръ, драповое пальто, шелковый или другой какой салопъ, спрашиваютъ: отдадутъ ли жемчугъ, шубу, которую еще мать носила, не можно ли обѣзнить ношатаго платья; замѣчаютъ родителямъ, что у невѣсты *этою нѣтъ, этою нѣтъ*. Дѣвицы гостятъ и гуляютъ въ лучшихъ своихъ нарядахъ въ лѣтніе праздники и на играхъ, а потому и видно, съ чѣмъ невѣста, да и молва идетъ, гдѣ и что заводятъ. „У насъ на этотъ счетъ народъ дальновидный“, говорятъ сами крестьяне. Въ особенности этого не могутъ не знать сватыи или сваты,

¹⁾ Москвитининъ 1853 г. ч. I, стр. 40. Свадьба Арх. губ.

черезъ коихъ собственно и идетъ здѣсь уговоръ о приданомъ. Уговоръ о приданомъ совершается у насъ не во время рукобитья, какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, а при сватовствѣ. Какъ главные лица, черезъ посредство которыхъ дѣлается уговоръ о приданомъ, свать или сватья служатъ всегда свидѣтелями при рѣшеніяхъ волостными судами спорныхъ дѣлъ о приданомъ между зятемъ или его отцомъ и тестемъ.

О надѣлѣ—деньгахъ, скотѣ и пр., упомину при уговорѣ у насъ, близъ Холмогоръ, не бываетъ; онъ дается только изъ чести богатыми родителями. Въ особенности богатые женихи не считаютъ приличнымъ уговариваться о надѣлѣ (бѣдные иногда составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе), и родители признаютъ такой уговоръ за насмѣшку: „Развѣ дѣвка съ безчестьемъ, что деньги требуютъ“, отвѣтятъ родители. Дѣйствительно, если дочь дурнаго поведенія, и ожидаются послѣдствія ея распущенности, тогда состоятельные родители, чтобы прикрыть грѣхъ, сами предлагаютъ хорошее вознагражденіе жениху. Извѣстенъ одинъ случай, бывшій близъ Холмогоръ, что одна дѣвушка изъ богатаго дома сдѣлалась беременною. Ея поступокъ разслабили, такъ что скрыть было нельзя, и потому ее предложили въ замужество бѣдному крестьянину, которому обѣщали дать въ приданое сначала 200, а потомъ 300 р. Свать потребовалъ, чтобы деньги до вѣнца еще были выложены на столъ. За то послѣ вѣнца мужъ прожилъ всѣ эти деньги. Въ южной части Холмогорскаго уѣзда, гдѣ населеніе побѣднѣе, тамъ и о надѣлѣ уговариваются, какъ можно судить по приводимымъ далѣе обычаямъ Хаврогорскаго селенія.

Всѣ эти договоры совершаются на словахъ, а не на бумагѣ. Письменные же условія довольно рѣдки и бываютъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Брачныя записи обыкновенно составляются тогда, когда отецъ невесты принимаетъ къ себѣ въ домъ зятя. Но въ такихъ случаяхъ, условіямъ этимъ чаще всего придаютъ форму духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ тестъ отказываетъ зятю все свое имѣніе, съ тѣмъ чтобы послѣдній кормилъ и одѣвалъ перваго, а первый не выгонялъ бы послѣдняго изъ дома. Здѣсь зять-пріемышъ признается наслѣдникомъ, а часто и полнымъ распорядителемъ въ имуществѣ тестя; слѣдовательно, тутъ имуще-

ство теряет уже характер настоящего приданого, какъ оно теперь понимается народомъ, за исключеніемъ разумѣется, платнаго имущества, которое остается собственностью жены. Объ этихъ условіяхъ подробнѣе будетъ сказано въ другомъ отдѣлѣ, когда станемъ говорить о зятяхъ - приемышахъ. Ниже же сего только приведемъ для образца три договора съ принятыми. Два изъ нихъ, 1807 и 1869 гг., заключены между будущимъ тестемъ и зятемъ, при чемъ отдается въ надѣлъ зятю въ первомъ половина владѣмой тестемъ земли, а во второмъ почти все движимое и недвижимое имущество, за исключеніемъ нѣкоторой части; третій договоръ заключенъ самою невѣстой съ будущимъ своимъ мужемъ, котораго она приняла въ домъ и на свой земельной участокъ, съ тѣмъ чтобы тотъ далъ ей на свадьбу и на другіе расходы извѣстную сумму денегъ. Кромѣ этихъ записей, мы имѣемъ и приводимъ ниже, еще тринадцать, но уже не съ зятями-животниками. Изъ нихъ одна запись относится къ XVI в., пять записей къ XVII ст., двѣ къ XVIII и четыре къ XIX столѣтію.

1.

1807 года ноября 9-го дня. Холмогорской округи, Моржегорской волости, деревни Цѣповской, крестьянинъ Василій Венедиктовъ сынъ Зеленинъ далъ сіе сговорное письмо той же деревни крестьянину Ивану Матѣеву сыну Выдрину въ томъ, что по любовному сговору отдаю я, Зеленинъ, дочь свою Марфу за его Ивана въ законное супружество, и отдавая ему, Ивану, и дочери своей Марфѣ въ надѣлъ половину владѣнія своего, пашенную и сѣнокосную земли Цѣповскаго, Калгачинскаго и Самойловскаго печищей, тягломъ, по веревной книгѣ веревщика Матѣя Евменьева, двадцать семь сажень три чети, и владѣть ему, Ивану и дочери мсей, Марфѣ, тою пашенною и сѣнокосною землею вѣчно, и подать государственную съ той земли платить, также я съ моей полудуши по мірскимъ расположеніямъ ему, Ивану, ровно и всякія мірскія службы отправлять ему же, Ивану; а съ той земли давать ему, Ивану, во мнѣ, Василью, на пропитаніе отсыпнаго хлѣба по три мѣры ржи и жита пополамъ, на всякой годъ, до смерти моей, а по смерти моей владѣть ему, Ивану, и дочери моей Марфѣ тою землею вѣчно, а другимъ родственникамъ моимъ нѣкому дѣла нѣтъ и не вступаться. А ежели Богъ случитъ дочери моей Марфѣ смерть, то отдать тому, кто въ тотъ мой участокъ вступаться будетъ, къ нему, Ивану Выдрину, пожилыхъ денегъ, по шестидесяти рублей за всякій годъ, въ томъ сіе завѣщательное поступное письмо далъ.

У подлиннаго руки приложены тако: Къ сему сговорному завѣщательному письму крестьянинъ Василій Зеленинъ руку приложилъ. При семъ завѣщательномъ письмѣ свидѣтелей было 6 человекъ. 1810 года марта 14-го дня. Сіе сговорное письмо въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ явлено и въ книгу подъ № 6 записано.

2.

1869 года февраля 5-го дня. Мы, нижеподписавшіеся Архангельской губерніи и уѣзда, Вознесенской волости Тойвитовской деревни, государственный крестьянинъ Θεодоръ Михайловъ Даниловъ и Иванъ Михайловъ Шваковъ заключили между собою условіе въ томъ, что послѣдній изъ насъ предполагаетъ вступить нынѣ же въ законный бракъ съ дѣвицей, дочерью Данилова, Натальей Θεодоровой, и коль скоро этотъ бракъ совершится, Иванъ Шваковъ вступаетъ во владѣніе домою, принадлежащимъ Данилову, стоящимъ 60 р., на правахъ полнаго хозяина, впрочемъ съ участіемъ самаго Данилова; кромѣ того я, Даниловъ, передаю въ видѣ приданого, за дочерью, во владѣніе, навсегда: 8 коровъ, 1 быкъ и 1 теленокъ, стоящіе 80 р., и лошадь 60 р.; этой скотиной Шваковъ пользуется навсегда, но продавать ихъ можетъ только съ одобренія и согласія моего, Данилова, какъ равно и я, Даниловъ, не имѣю уже права безъ согласія Швакова приступить къ продажѣ чего-либо изъ имущества или скота. При жизни моей, Данилова, Шваковъ имѣетъ право распоряжаться всѣмъ моимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, какъ бы оно было его собственное, но взамѣнъ этого, онъ долженъ почитать меня, Данилова, какъ отца, неотказывать мнѣ ни подъ какимъ видомъ въ пищу, одежду, и однимъ словомъ, до смерти моей содержать меня такъ, какъ прилично сыну отца. Остающаяся при мнѣ, Даниловѣ, малолѣтняя моя дочь Парасковья имѣетъ жительство въ этомъ же домѣ, а при выходѣ въ замужество, я долженъ наградить ее по своему состоянію приданнымъ, изъ той части своего имѣнія, которое остается за мной и не будетъ передано Швакову. По смерти моей домъ и все хозяйство будетъ принадлежать въ вѣчную собственность дочери моей Натальѣ и ему, Швакову, какъ прямымъ и единственнымъ наслѣдникамъ, и никому другому, кромѣ нихъ, моимъ наслѣдствомъ не пользоваться и не вступать. Условіе это по совершеніи брака будетъ обязательно для обоихъ насъ, Данилова и Швакова; и измѣнить его можемъ только съ общаго согласія; за нарушеніе его тѣмъ или другимъ судиться по закону, въ чемъ и подписуемся:

Послѣ подписей лицъ, заключившихъ это условіе, слѣдуютъ подписи свидѣтелей ¹⁾.

¹⁾ Изъ книги сдѣлокъ и договоровъ Вознесенскаго волостнаго правленія.

3.

1816 года іюня дня, Архангельской губерніи Холмогорской округи, Челмохадской волости, деревни Григорьевской, крестьянская дѣвка Парасковья Матвѣева дочь Короткихъ дала сіе договорное письмо той же волости и деревни, крестьянину Степану Алексѣеву сыну Блинову, въ томъ, что по раздѣлу между племянницами и зятемъ Степаномъ Поповымъ оставшагося отъ отца и братьевъ деревенскаго участка, по нахожденію объ ономъ въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ дѣла, по рѣшенію онаго, досталось мнѣ, Парасковѣ, изъ земляного участка, горней орамой земли и сѣнныхъ покосовъ и распашихъ новинъ и запущенныхъ припашей четвертая часть, тяглою, по веревной книгѣ, 22 сажени, а изъ хорошаго строенія на мельницѣ изба, дворъ, баня и кузница; нынѣ я, Парасковья, доставшійся по раздѣлу земляной участокъ обрабатывать и оплачивать подать и всякую общественную съ того участка повинность не въ состояніи и отдать изъ платежа никому не могла, почему нынѣ взяла наиѣреніе взять въ законное супружество означеннаго крестьянина Степана Блинова на оный участокъ и домовое строеніе, и при отдачѣ сего договорнаго письма взяла я, Парасковья, у него, Степана Блинова, для расплаты прежде недоплоченныхъ обществу государственныхъ податей и разнымъ крестьянамъ долговъ, также и на свадьбу, всего 250 руб.; съ тѣмъ, ежели по житію мною въ замужествѣ, Божіимъ изволеніемъ, я, Парасковья, помру и дѣтей не останется, и во оную землю какіе нибудь родственники вступаться будутъ, то заплатить ему Блинову, за обработываніе земляного участка и за распахиваніе запущенныхъ новинъ, по 175 рублей за каждый годъ, также и взятыя мною при выдачѣ сего письма деньги 250 рублей; въ чемъ я, Парасковья, ему Степану сіе договорное письмо дала и подписуюсь: Подписъ за Парасковью Короткихъ Холмогорскихъ Городническихъ дѣлъ канцеляриста Рязанова ¹⁾).

4.

Се азъ Пятый Ивановъ сынъ Ровдогорские волости хрестіанинъ да я Анна Иванова дочи Головинныхъ дали есмя *отловую розпись*, я Пятый шурамъ своимъ Троюиму да Семену Ивановымъ дѣтемъ Головиннымъ Матигорцамъ, а я Анна братьямъ своимъ Троюиму да Семену, въ томъ, что въ нынѣшнемъ во сто тридесять шестомъ году еевраля въ десятый день я Анна, по благословенію родителей своихъ, вышла замужъ за Пятого Иванова сына Неверовыхъ, за Ровдогорца, а надѣлку изъ Анна взяла у братья своей у Троюима да у Семена, за свой третей участокъ, изъ всего воцѣ живота, за всякой житейской жировной животъ и за всякой скотъ,

¹⁾ Изъ книги Холмогорскаго уѣзднаго суда 1816 г. № 6.

за кони и за коровы, и за всякой мелкой скоть, и за деревню, и за дворъ, и за дворище, и за хоромы, и за все про все полтора рубля денегъ на шушунъ и на шапку, да серги серебряные позолочены съ каменемъ двойные въ тридцать алтынъ, да рубашекъ женскихъ тонкихъ и пачесныхъ, и востычей тонкихъ и пачесныхъ, и *маеиные скруты* на полтора рубля, да шапку киндячную въ семь алтынъ и всего я Анна взяла за свой третей участокъ и за всякой животь, и за деревню, и за все про все на четыре рубля на три алтына и на четыре денги, а въ досталномъ во всемъ животь и въ деревни, и въ дворѣ, и въ долгу остались жить они братя мои Троеимъ да Семень, а мнѣ зятю ихъ Пятому да сестрѣ ихъ Аннѣ до всего ихъ досталного живота и до скота, и до деревни ихъ до земель горныхъ и луговыхъ и до двора, и до дворища намъ Пятку да мнѣ Аннѣ нынѣ и впредь дѣла нѣтъ и дѣтемъ нашимъ, и дѣлу намъ на нихъ не пытатъ и не искать ни которыми дѣлы, да и дѣла намъ до нихъ нѣтъ, а будетъ у ково вылагутъ долги кабалніе на отца нашего Ивана или на нихъ на Троеима да на Семена долги кабалніе или безкабалніе, и тѣ долги отцевы кабалные и свои имъ долги кабалніи и безкабалніе братямъ моимъ Троеиму да Семену платити, мимо насъ зятя Пятого да сестру Анну, своимъ животоми, своими денгами, и убытка имъ Троеиму да Семену въ тѣхъ отцовыхъ долгахъ и въ своихъ намъ Пятому да сестрѣ своей Аннѣ не учинити ни которыми дѣлы. Записи про межъ себя дѣлніе писали двѣ и розняли по себѣ. На то послуши Степанъ Калвининъ Куростровецъ да Невѣръ Григорьевъ сынъ Ровдогорецъ да Карлъ Онтипинъ сынъ да Павелъ Аникиевъ сынъ Головинныхъ записи двѣ писалъ Николской дѣлчекъ Шибанко Романовъ лѣта 7196 еевраля въ 10 день (1628 года) ¹⁾.

5.

Се язъ Акилина Аврамева дочи Степанова сына Ниеантова пошла есми отъ матери своей Евдокеи Софроновы дочери да отъ брати своей отъ Фрола да отъ Павла Аврамовыхъ дѣтей замужъ за Ананю Иванова сына: Окулова, а надѣлку я Акилина взяла изъ вопчево живота отца своего статковъ, за дворъ и за всякой житейской животь, за свой участокъ, шушунъ зеленой суконной цѣна три рубли, голубцы полтора рубли, сапоги полтина, серги двоевцы пятнадцать алтынъ, шапка рубль, другая шапка пять алтынъ, сарафанъ крашенинной пятнадцать алтынъ, сукникъ овечеп двенатцать алтынъ, воротокъ десять алтынъ, сапоги другіе двѣ гривны и всего цѣной на восемь рублей, опроче бѣла, а я Онаня еи Акилину съ тѣмъ надѣлкомъ взялъ за себя, а случитъ Богъ смерть мнѣ Аки-

¹⁾ Изъ бумагъ кр. Матигорскаго селенія Аникиева.

лины, и отроду дѣти не останутся, и тотъ приданой надѣлокъ на восемь рублей отдать Онани матери моеи Евдокеи и братьямъ Оролу и Павлу, ни случить Богъ смерть Анани и тотъ приданой надѣлокъ взять мнѣ Акилины изъ Онаниныхъ статей; а въ долгу и слободы и въ остатокъ животи остались мать моя Евдокея да братя Оролъ и Павелъ, а мнѣ Акилины до долговъ дѣла нѣтъ а си *даны* мнѣ Акилины зъ братею со Ороломъ и Павломъ *съ дѣльной мѣсто*, и снова не передѣливатца ни которми дѣлы, *даны* велики написать двѣ слово въ слово: *даная* мнѣ Акилины, а другая братьямъ Оролу и Павлу; на то послуш Иванъ Степановъ Жуковъ да Дмитрей Ивановъ Уланова; даные писалъ Федосѣико Ивановъ Теплягинъ лѣта 7146 (1688) генваря въ 14 день ¹⁾.

6.

Се язь Третьакъ Евсеевъ сынъ Шубнаго да язь Яфимъ да язь Ксенифонтъ да язь Ефросенья Яковлевы дѣти Шубнаго Ровдогорцы раздѣлилися есми тояже волости, язь Третьакъ съ племянницею своею, а мы Ефимъ да Ксенифонтъ, да Ефросенья съ сестрою своею съ Огафьею Яковлевою дочерью Шубнаго, и взяла она Огафья за деревню и за дворъ, и за всѣ хоромы, гдѣ что ни есть, и за дворце, и за горные, и за островскіе, и за луговые земли, за орамы и за сѣнные покосы, и за хлѣбъ, и за сѣно, и за скотъ, за коней и за коровъ, и за овецъ, и за судовое: за мѣдное и за желѣзное, и за оловянное, и за древяное, и за всякой житейской запасъ, за все про все, у дяди своего у Третьака да у братьи своей у Яфима да у Ксенифонта да у сестры своей Ефросеньи, въ приданое живота себѣ полюбовно: кошелекы жемчужные, цѣна два рубли, шапка отласная красная въ рубль, да два рубли денегъ на шпунтъ, держама шапка двѣ гривны, серги серебряныя десять алтынъ, сапоги красныя верхотачныя полтина, другіе сапоги держамые двѣ гривны, крашениникъ одинатцать алтынъ, да коробья зъ бѣльемъ и зъ головнымъ, цѣна бѣлью и головному рубль, и всего того приданого живота на семь рублей на самнадцать алтынъ на четыре денги, и пошла она Огафья съ тѣмъ своимъ приданнымъ животомъ замужъ за Федора Трофимова Гороховыхъ Матигорца Николскаго приходу, и будетъ случить [Богъ за мужемъ живучи смерть ей Огафьи или мужу ея Федору, а отроду не останетца ни мужескаго полу ни женскаго, и что того будетъ приданого живота въ лицахъ останетца, и то назадъ взать, а которое того приданого живота издержитца, въ лицахъ не будетъ, и за тотъ издержанный животъ денегъ не имать и не спрашивать ни которми дѣлы ни въ чемъ; а въ издержанномъ животѣ одному сказать прямое слово передъ образомъ Божиимъ,

¹⁾ Оттуда же.

а другому тому прямому слову вѣрить; а деревни она Огафья горныхъ и луговыхъ и островскихъ земель, оранихъ и сѣнныхъ покосовъ, и двора, и дворища, и всѣхъ хоромовъ, гдѣ что ни есть и хлѣба, и сѣна, и скота коней и коровъ, и овецъ, и судового: мѣдного и желѣзнаго, и оловяннаго, и деревяннаго, и всякаго живота, и всякаго житейскаго запаса, и свободы, и долгу, всего безъ вывѣта *поступилась* полюбовно намъ дяди своему Третьяку да братьямъ своимъ Яфиму да Ксенифонту да сестры своей Ефросиньи вдернѣ в вѣкъ безповоротно, и впредъ ей Огафьи до деревни и до двора, и до дворища, и до скота, и до хлѣба, и сѣна, и до всякаго живота и до всякаго житейскаго запаса, до всего безъ вывѣта, *дѣла нѣтъ* ни котораго ни въ чемъ; а намъ дяди да братьямъ да сестры потомужъ до ней Огафьи дѣла нѣтъ, и въ долги ее Огафью не притягивать и не убытчить, въ томъ во всемъ и селъ намъ дѣлъ любъ и во вѣки и дѣтемъ нашимъ, и послѣ сего намъ дѣлу не передѣливатца и не переровниватце, и дѣлу не счинать; въ томъ и двѣ *дѣлныя* написали по противнемъ, да и розняли по себѣ. На то послуши Иванъ Герасимовъ Быковъ да Евсей Дружининъ Шаматовъ Ровдогорцы. Дѣлныя писалъ Ровдогорской дьячекъ Оска Петровъ лѣта 7166 году (1658) генваря въ 23 день. На оборотѣ: къ сей дѣльной вмѣсто Третьяка да Еенима по ихъ велѣнію да Еероспнии Яковлевы дочери Максимко Денисовъ руку приложилъ. Къ сей дѣльной Ксенифонтку Яковлевъ руку приложилъ ¹⁾.

7.

Се язь Козма да язь Василей да язь Степанъ да язь Парасья Ермолины дѣти Трихавина подѣлились есми межъ соби полюбовно отца своего статками хлѣбомъ и солью, конми и коровани, и всякимъ скотомъ, пшубами и сермягами, и всякимъ платьемъ, и мѣднымъ и желѣзнымъ, серебрянымъ и оловяннымъ и деревяннымъ, дворомъ и дворищемъ, и деревнею, и всякимъ житейскимъ запасомъ, всемъ поровну на четыре участка, и поделаяся я Парасья взяла есми у брати своей у Козмы да у Василѣя да у Стевана надѣлку себѣ за свой участокъ за хлѣбъ и за скотъ, и за всякой животъ, и житейской запасъ, за дворъ и за деревню, за все про все, за домъ и за свободу, полшеста рубля денегъ да шапку киндячную въ пять алтынъ, да сапоги красные въ одиннадцать алтынъ, да крашенникъ въ полтину, да коробю въ две гривны, да серги серебряные подъ золотомъ въ десять алтынъ, да сукманъ овечен въ четыре гривны, и съ темъ надѣломъ я Парасья пошла есми замужъ, по благословенью матери своей Домны, за Пентелея Яковлева сына Могутова; и будетъ Богъ случитъ смерть мнѣ Парасья замужемъ живучи напередъ, а отродъ не останется, и тотъ

¹⁾ Оттуда же.

мой наделокъ полшеста рубля денегъ и что въ сей дѣльной писано все после моей смерти взять братьямъ моимъ Козмы да Василю да Степану у него Пентелея назадь все сполна, а что будетъ въ лицахъ моего надѣлу и имъ братьямъ моимъ, то имать назадь, а чево въ лицахъ нѣтъ за, то по одѣнни денги взять у него Пентелея, и по ся мѣста мнѣ Парасьи дѣла нетъ въ делу до брати своей до Козмы и до Василя и до Стевана и до статковъ отца своего до своего участка ни до чего дѣла жъ нѣтъ ни дѣтемъ моимъ; а намъ Козмы да Василю да Стевану до ней Парасьи дѣла жъ нѣтъ въ дѣлу ни которого ни дѣтемъ нашимъ; въ томъ и дѣльные написали по противнежъ и розняли на себѣ делная: Козмы зъ братею, а другая Парасья. На то послухъ Стеванъ Илинъ сынъ Поповъ Соляской волости; писалъ дѣльные Паленской волости Георгиевскон церковной дьячекъ Гришка Тимоѣевъ лѣта 7162 (1654) января въ 22 день.

На оборотѣ: къ сей дѣльной Георгиевской попъ Аеонасей Итѣевъ вмѣсто Козмы Ермолина и дѣтей своихъ духовныхъ Василя и Степана по ихъ вѣдѣнью руку приложилъ Послухъ Стенька Илинъ руку приложилъ ¹⁾.

8.

Се азъ цдова Ульяна Петрова дочь Григорьевская жена Неудачина, Глинскаго посаду, зговорила если замужъ того жъ Глинскаго посаду за Ѳедора Васильева сына Попова внуку свою, дѣвицу Устиану Григорьеву дочь, а приданого съ нею, Устиною, пошло, статки отца ее благословенія: Божія милосердія иконъ — Троица живоначальная съ вѣнцами серебряными, да икона Рождества Христова, икона Іоана Предтечи, Усѣкновеніе честныя Главы, икона Петра и Павла, икона Парасковей Великомученицы да Екатерины, всѣ тѣ иконы на краскахъ пядничны, два креста серебряные подъ золотомъ съ цѣпью серебряною, кошельки жемчужные, челка жемчужная, покосникъ жемчужный съ кисью, шушунъ песцовой, крестоватикъ подъ шидякомъ краснымъ съ пухомъ бобровымъ, на немъ двѣнадцать пуговицъ серебряныхъ, другой шушунъ кумашней красной, на немъ десять пуговицъ серебряныхъ съ торчкомъ мишурнымъ, цѣна всему тому, оприче иконъ, десять рублевъ, шушунъ теплой заячьинной подъ крашениною съ пухомъ, колтушки серебряныя, крашенинникъ новыи съ пуговицы оловяныи, цѣна тому шушуну и колтушкамъ и крашениннику рубль десять алтынь, цѣна золота, цѣна полтина, коробя зъ бѣльемъ, зъ рубашками и сорочками, цѣна два рубли десять алтынь, сапоги желтые новыя, другіе желтые жъ подержаны, третіе красныя телятинныя подержаны, цѣна тремъ сапогамъ рубль, блюдо оловянное, ставчикъ мѣдный, цѣна двѣ гривны. Съ нею жъ Устиною шла закладная кабала на дворъ въ тридцати рубляхъ

¹⁾ Изъ бумагъ крест. Ухтостровскаго сел. К. Могутова.

на отчима ее, Степана Бахорева, другая закладная на него же Степана въ пяти рублехъ, и по тѣмъ закладнымъ ему Ѳеодору Васильеву стоять и деньги имать, по обѣимъ закладнымъ, и на выкупъ отдавать, а что денегъ по закладнымъ возметь и на тѣ деньги на нее Устину платя въкласть, а судомъ Божиимъ ей Устины случитъ Богъ смерть, а отроду отъ ней никого не останетца, и что живота платя отъ ней останетца въ лицахъ будетъ, и то платя отдать роду моему, а исъ того живота осталого матери моеи Маланѣи треть, а достальной животъ отдать по отцѣ моему и по немъ Устинѣ по церквамъ въ сорокоуствіе въ поминаніе, а что платя издержано будетъ и за то издержаное платя цѣны на немъ Ѳеодорѣ неспрашивать, а буде дворъ по закладной на выкупъ отдасть или продасть, и что за тотъ дворъ денегъ возметь и болши той цѣны на немъ Ѳеодорѣ никому роду моему не спрашивать, а грѣшнымъ дѣломъ тотъ дворъ згоритъ или разломають, и на немъ Ѳеодорѣ потому жъ не спрашивать цѣны, а что онъ Ѳеодоръ того живота продасть или заложитъ, и за то ему Ѳеодору цѣна платитъ, а буде что ему Ѳеодору по закладнымъ кабаламъ въ челобитье что учинится убытковъ и проторей какихъ убытковъ въ спорѣ о дворѣ, и тѣ убытки взять ему Ѳеодору сполна, а во всемъ сказать прямое слово, а тому ево прямому слову вѣрить, въ томъ и двѣ записи написали полюбовно по противнымъ слово въ слово и по себѣ розняли; а на то послушн площадиные подьячіе Иванъ Рожинъ, Яковъ Цисаревъ; писалъ записи на Колмогорахъ площадной подьячей Ѳедка Рожинъ лѣта 7183 г. (1674) Маія въ 31 день.

На подлинной записи на другой сторонѣ подписано тако:

Троицкой попъ Яковъ виѣсто дочери своей духовной Ульяны руку приложилъ. Послухъ Иваншко Рожинъ руку приложилъ, Послухъ Якушка Цисаревъ руку приложилъ ¹⁾.

9.

1755 года, ноября 27 день. Троицкой Ухтоостровской волости Двинскаго уѣзда вдова, Ѳеодора Дмитрева дочь, Амосова Целенелкина жена, со снохою своею, вдовою, Целагею Григорьевой дочерью, дали сіе зговорное письмо той же волости крестьянину Ивану Иванову сыну Корельскому въ томъ: въ нынѣшнемъ году, по закону Божию, отдали онаго Ивана Корельскаго за сына его Якова я, Ѳеодора, внуку, а я, Целагія, дочь свою Евдокію въ законное супружество, а съ нею отдали своего владѣнія вотчинно свое тягло сѣвчей и сѣнокосной земли, въ тоя же волости, на горы въ пяти полямъ Зовію, а тяглою по мірской веревной книгѣ, изъ каждаго поля

¹⁾ Изъ описи домовъ и дворовъ Глинскаго посада, составленной въ 1755 году по распоряженію преосвященнаго Варсонофія, архіепископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго.

по половинѣ да изъ сѣнныхъ же покосовъ въ Кузнецовой юрмогѣ въ пожнѣ, и въ осотѣ, и на горѣ, въ закраинахъ, вездѣ половина, по мірской веревной книгѣ, въ вѣчное владѣніе неотъемлемо, которымъ ему, Ивану Корельскому, и сыну его Якову съ женою своею почать владѣть съ 1756 году Января 1-го числа, руно сымать имъ на себя и всякіе подати платить и службы служить, и вольно продать и заложить, а памѣ, вдовамъ, въ ту землю не вступаться и убытку не учинить. А съ той же землею къ нему же Ивану Корельскому отдана въ пахоту и во владѣніе другая половина земли до выхода другой сестры Парасковьи въ замужье, а съ той земли съ первой Евдокіей половины радили отъ него Ивана Корельскаго платы, себѣ на пропитаніе хлѣба ячменя по двѣ мѣры на годъ, да дровъ по сажени, и съ Парасковей на хлѣба ячменя по три мѣры, да дровъ по сажени, во всякой годъ по году доброго, да лучины съ обоихъ половинокъ одинъ возъ въ годъ; а притомъ сговорѣ были во свидѣтеляхъ тоя же волости крестьяне Михаило Нагихъ да Петръ Удинъ; договорное письмо писалъ тоя же волости Сійскаго монастыря крестьянинъ Семенъ Батраковъ до крѣпостныхъ дѣлъ¹⁾.

10.

1760 года іюля 22-го дня Двинскаго уѣзда Троицкой Ухтостровской волости дѣвица Фекла Василюева дочь Шангиныхъ по закону Божию выхожу я възъ отеческаго дому въ законное супружество Куростровской волости за крестьянина Егора Христовора сына Дудина за сына ево Ілею. А при выходѣ своемъ примаю я дѣвица Фекла оставленія покойнаго отца нашего Василя, а нынѣ отъ братьей своихъ родныхъ Семена да Петра да Ивана за отеческіе пожитки движимыя и недвижимыя за все по добровольному договору, а имянно: образъ святаго великомученика Кирика и матери его Улиты съ вѣнцами и съ цатами и окладъ серебряной подъ золотомъ, да крестъ съ цепочкою, колтушки все серебряно цена тому рубль ѡпнтдесать копѣекъ, подкапокъ куней верхъ расшивной четыре рубля, другой подкапокъ куней верхъ камчатой цена рубль, кошелки и наборосникъ жемчужныя, цена обоимъ шестпатцать рублей, кунтышъ китайной исподъ заечинной хрептовой, пухъ и воротникъ бобровой, цена восьми рублей, шунунъ каразейной, новой, цугвицы сребряныя кружива шелковыя цена четыре рубля ѡпнтдесать копѣекъ, другой каразейникъ подержаной съ кружевами цена два рубля, китайникъ синей, шубнякъ подкитанкой исподъ овчинной цена рубль ѡпнтдесать копѣекъ, на кокошникъ денегъ рубль ѡпнтдесать ко-

¹⁾ Изъ дѣла Холм. уѣзди. суда о возвращеніи крестьянину Корельскому отведенной отъ него земли крестьянину Перепелкину 1798 г. (№ 203).

пѣтъ, рукавицы красныя цена тридцать копѣкъ, трой бабмаки цена шестьдесятъ копѣкъ, да чулки красны да бѣлы цѣна пятьдесятъ копѣкъ, наметка бумажна новая цена два рубля, гребень двѣнадцатъ копѣтъ, коробья зъ бельемъ и съ рубашками цена три рубля, блюдо оловянное, соловница и сковородка мѣдныя рубль дватцать копѣтъ, и всего вышеписаннаго приданого пожитку на пятьдесятъ рублей на двадцать на двѣ копѣйки, а болше того вышеписаннаго приданого на нихъ братьяхъ пожитку мѣтъ Феклы и мужу моему и наслѣдникамъ нашимъ, на нихъ братьяхъ моихъ, ничего не спрашивать и ни во что впредь къ нимъ не вступатца; а ежели мнѣ Феклы живущи за мужемъ во младыхъ лѣтѣхъ смерть Богъ случить, а отроду не останется, и то вышеписанной приданой пожитокъ мною не удержанъ будетъ, то мужу моему отдать возвратно къ братьямъ моимъ Семёну и Петру и Ивану безъ всякаго прекословія; въ томъ сію при выходѣ своемъ дѣловую и въ пріемъ приданого живота при отцѣ своемъ духовномъ священникъ Андрей Ивановъ росписъ дали; писалъ дѣловую росписъ прошеніемъ дѣвицы Феклы Шангинныхъ тоя жъ волости дьячекъ Иванъ Тюрденевъ. Къ сей дѣльной росписи вмѣсто дѣвицы Феклы Васильевой дочери Шангинныхъ прошеніемъ ея Богооявленской Ухтостровской волости крестьянинъ Алексѣй Ивановъ сынъ Пономъ руку приложилъ¹⁾.

11.

1868 года, ноября 4-го дня. Мы нижеподписавшіеся Архангельской губерніи Холмогорскаго уѣзда, Вашкаринской волости, Ровдогорскаго селенія, деревни Тряхновской, Григорей Ивановъ Невѣровъ сговорилъ сноху свою, покойнаго сына своего Ивана вдову, Надежду Дмитреву, и съ одиннадцатимѣсячнымъ младенцемъ Николаемъ, въ замужество за крестьянина того же селенія, деревни Мариловской, Филипа Дмитрева Галушина, съ тѣмъ, чтобы слѣдующій земельной участокъ, пахатную и сѣвокосную, на одну душу покойнаго сына моего Ивана, отдаю во владѣніе ему, Галушину, чтобы онъ, Галушинъ, за душу оплачивалъ подати и повинности и обрабатывалъ слѣдующимъ порядкомъ, до переписи или до ревизіи и внука моего Николая воспитывать безбѣдно, а при ревизіи подписать въ его, Галушина, семейство своимъ коштомъ: еще отдаю покойнаго сына Ивана платье, имянно: 1-е тулупъ нагольной, 2-е армякъ синей, 3-е пальто драпово, 4-е кушакъ красный, 5-е фуражку.—И все сіе писалъ я по согласію съ сыномъ своимъ Прокопьемъ Невѣровымъ; въ чемъ и подписуемся²⁾.

¹⁾ Доставилъ помощникъ миссіонера Ф. С. Батраковъ.

²⁾ Списана съ крестьянской записной счетной книжки.

12.

1869 года января 11-го дня. Мы нижеподписавшіеся крестьянинъ Шенкурскаго уѣзда, Великониколаевской волости, Едемскаго Сельскаго общества Иванъ Федоровъ Едемскій и невѣстка его, крестьянская вдова, Марфа Иванова Едемская, заключили между собой сіе обоюдное условіе въ томъ, что послѣдняя изъ насъ, Марфа Иванова Едемская, изъявила желаніе выйти въ замужество за крестьянина нашего же общества Ивана Варсонофьева Трофимова; почему я, Иванъ Федоровъ Едемскій, предоставляю въ ея Марфы распоряженіе принадлежащее ей имущество, какъ-то: тулупъ бѣлой овчинной и тулупъ крытый синимъ сукномъ и принадлежащія ей рубен и рубахи, сколько таковыхъ окажется, и кромѣ сего даю я Иванъ Едемскій ей Марфѣ въ вознагражденіе нѣтъ же ржи 4 четверика и ячменя 4 четверика. Сына же Марфы, Василья, я Иванъ Едемскій оставляю при своемъ домѣ и на своемъ обезпеченіи, съ тѣмъ чтобы она Марфа ничего болѣе изъ имущества отъ меня Ивана Едемскаго не требовала и ни во что не вступалась, въ чемъ подписуемся ¹⁾).

13.

1869 года, января 18-го. Мы нижеподписавшіеся, Шенкурскаго уѣзда, Устьпаденской волости, Устьпуйскаго общества, деревни Тушевской, крестьяне Петръ Матвѣевъ Лобановъ и Семенъ Васильевъ Копѣцкій учинили сію миролюбную подписку въ томъ, что первый, Петръ, отдаетъ въ замужество дочь свою Елену за сына Копѣцкаго Никифора, въ приданное по дочери отдаетъ Копѣцкому землянаго участка на одну ревизскую душу, принадлежащую Лобанову, на нижеслѣдующихъ условіяхъ.

По случаю согласія нашего, первый изъ насъ, Петръ, отдаетъ за сына втораго въ замужество дочь свою, въ придачу по ней даетъ землянаго участка на одну ревизскую, принадлежащую Лобанову душу, которою пользоваться Копѣцкому вѣчно, начиная съ паровъ сего 1869 года, то есть въ семь году лѣтомъ только Копѣцкому оную душу начать парить и насѣять на оную озимое, а яровое и сѣнокосъ долженъ съ оной сего лѣта снимать еще Лобановъ; за что обязанъ Копѣцкій пахать Лобанова остальную одну душу, до тѣхъ поръ, пока Лобановъ не отдастъ кому-либо изъ сосѣдей остальную душу, пахать же долженъ Копѣцкій у Лобанова каждое лѣто, какъ слѣдуетъ, и возить, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, на мельницу и сѣно и дрова; но когда Лобановъ отдастъ сосѣдамъ остальную душу, тогда Копѣцкій болѣе Лобанову служить не долженъ ни въ чемъ; нашеню долженъ начать Копѣцкій у Лобанова съ весны 1870 года, сосѣдамъ же онаго

¹⁾ Изъ книги сдѣлокъ и догов. Великониколаевскаго волости. *правленія.*

земляного участка на одну душу отъ Копѣцкаго не отбирать вѣчно, такъ какъ душа собственная своя Лобанова. Все сіе вышеписанное съ обѣихъ сторонъ содержать свято и ненарушимо; въ чемъ и подписуемся. (На подлинномъ заручено):

Къ сему условію вхѣсто неграмотныхъ крестьянъ Петра Матвѣева Лобанова и Семела Васильева Копѣцкаго по личной ихъ просьбѣ крестьянинъ Иванъ Плюсинъ руку приложилъ. Далѣе слѣдуютъ подписи двухъ крестьянъ, находившихся при заключеніи условія, а потомъ членовъ волостнаго правленія и писаря ¹⁾).

14.

1868 года іюня 23-го дня. Я нижеподписавшаяся крестьянская дѣвица Бричевской волости, Пинежскаго уѣзда, Анна Иванова Кулешева условилась, съ согласія своего родителя, поступить въ супружество за крестьянина деревни Ивановской Чернышевской Василя Яковлева Филина, немедленно по достиженіи имъ совершеннолѣтія, то есть не позже мая мѣсяца будущаго 1869 года; въ обезпеченіе точнаго выполненія сего условія со стороны жениха моего, я получила отъ него, на основаніи особаго сего числа заключеннаго мною съ женихомъ и родителями нашими съ обѣихъ сторонъ условія, денегъ 100 рублей, въ чемъ своелично подписуюсь. Къ сей роспискѣ крестьянская дѣвица Анна Кулешева руку приложила.

15.

Се язъ Іевъ Михайловъ сынъ Поповъ далъ есми дочери своей Настаси и зятю своему Мине Онуѣеву сыну наделка треть двора и дворища и треть всего своего владенія: горныхъ земель орамыхъ, и за рекою земель орамыхъ, и пожень, и въ маломъ островке, и въ Хакобаке, и въ (наворницахъ) Наворницахъ, и во всякомъ угоди въ своемъ владеніи треть дочери моей Настаси и зятю моему Мине, то имъ и вовѣки. А у сего данои грамоте сѣдѣли люди Θεонлатъ Лаврентьевъ сынъ да Ермола Даниловъ сынъ да Омосъ Харлаптьевъ, а писалъ Останя Онуѣевъ сынъ лѣта 7 тысячъ пятигонадесять (1507) ²⁾).

16.

Се язъ Терентей Васильевъ сынъ Филиппъ да язъ Ульяна Насонова дочь, а Терентьева жена Васильева, Койдокурскія волости дали есми отпись Лаврентью Харитонову сыну Осипову въ томъ: представлявали мы,

¹⁾ Изъ кн. сдѣл. и догов. Устьпаденскаго волостнаго правленія.

²⁾ Изъ архива Боголюбленской-Ухтогостровской церкви.

Терентей да Ульяна его Лаврентья въ приданомъ, и мы, Терентей да Ульяна, то приданое у него Лаврентья по приставной памяти шумунъ и всѣ приданое свое взяли всѣ сполна, и впредь намъ Терентью да Ульяны до него Лаврентья въ томъ приданомъ дѣла нѣтъ и не отискивать никонимы дѣламъ, а въ снимки и въ оцѣнены въ томъ приданомъ отъ матери своей да отъ брата я Ульяна; да въ томъ мы Терентей да Ульяна въ приданомъ и отписъ дали; на то послушъ Иванъ Афонасьевъ сынъ Тарасова Куреской волости; отписъ писалъ Куреской волости церковной дьячекъ Демидко Никитинъ лѣта 7163 (1655) году генваря въ 15 день.

На оборотѣ свитка надпись:

Къ сей отписи вмѣсто Терентья и Ульянен по ихъ велению Койдокурецъ Оомжа Калининъ руку приложилъ ¹⁾.

Нельзя не остановиться на формѣ и содержаніи приведенныхъ договоровъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе разнообразіе и неопредѣленность названій этого рода актовъ; имъ придаются названія: записей дѣльныхъ, дѣловыхъ росписей, дѣловыхъ и въ пріемѣ приданого росписей, данныхъ (въ древнихъ актахъ), договорныхъ или сговорныхъ писемъ, или даже сговоронныхъ завѣщательныхъ писемъ (въ началѣ нынѣшняго столѣтія), или наконецъ просто подписокъ, росписокъ и условій (въ настоящее время). Обращаясь къ лицамъ, участвовавшимъ въ заключеніи приведенныхъ договоровъ, мы видимъ, что въ двухъ случаяхъ договоръ заключаютъ отецъ или мать невесты и ея бабка съ отцомъ жениха (№№ 9 и 13); въ двухъ случаяхъ отецъ и въ одномъ бабка невесты съ женихомъ (№№ 1, 2, 8); одинъ разъ свекоръ, выдающій свою сноху, съ зятемъ (№ 11), разъ мать и братья невесты съ невестой и ея мужемъ (№ 5), разъ же дядя и братья невесты съ невестой и ея мужемъ (№ 6), три раза между братьями невесты и сестрой невестой съ ея мужемъ (№№ 4, 7, 10) и только въ двухъ случаяхъ сами женихъ съ невестой (№№ 3 и 14). Въ крестьянскомъ быту, какъ извѣстно, вступленіе дѣтей въ супружество всегда почти происходитъ по волѣ родителей, и сговоръ о бракѣ и о приданомъ дѣлается между родителями той и другой стороны. Если же въ числѣ приведенныхъ выше брачныхъ договоровъ встрѣтилось только два, писанныхъ отъ имени родителей, то это объ-

¹⁾ Изъ архива Богоявленской-Ухтоостровской церкви.

ясняется тѣмъ, что такіе договоры заключаются чаще всего словесно, и устный договоръ между родителями вступающихъ въ бракъ считается достаточно крѣпкимъ; но если одинъ изъ брачующихся не имѣетъ родителей въ живыхъ, или ихъ обоихъ нѣтъ, въ такомъ случаѣ меньше вѣрять на слово и чаще, для прочности уговора, составляется письменный актъ. Отъ имени самой дѣвицы и ея жениха условія заключаются почти только тогда, когда у нихъ нѣтъ ни отца, ни матери. Если мы имѣемъ одинъ случай, изъ котораго можно бы предполагать, что дѣти сами заключили брачный договоръ при жизни отцевъ, то это произошло вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Большею свободою въ заключеніи рядныхъ записей пользуются невѣсты, не имѣющія отца, при братьяхъ, дядяхъ и матери. Замѣчательно, что въ такихъ случаяхъ рядныя записи въ прежнее время принимали видъ раздѣльныхъ записей съ остающимися на лицо членами семьи мужескаго пола. По всей вѣроятности, въ старину выходъ замужъ сестры или племянницы часто служилъ поводомъ для раздѣловъ между членами семьи и невѣсты, при чемъ составляется раздѣльный актъ, изъ котораго дѣлалась выпись о приданомъ, даваемомъ выходящей замужъ. Эта выпись писалась по противнымъ, то есть въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ оставлялся у членовъ прежней семьи невѣсты, а другой вручался невѣстѣ съ женихомъ. Дѣлалось это, какъ можно судить по нѣкоторымъ мѣстамъ самихъ сдѣлокъ, съ тою цѣлью, чтобы потомъ, когда вступившая въ замужество умереть бездѣтною, прежніе члены семьи умершей могли по выписи получить обратно отъ ея мужа приданое, выданное ими. Здѣсь именно мы видимъ настоящее основаніе и причину ископаго обыкновенія, существовавшаго во всей Россіи, вѣроятно имѣвшаго мѣсто и на нашемъ дальнемъ сѣверѣ, представлять жениху роспись приданаго его невѣсты ¹⁾.

Мы говорили выше о неопредѣленности названій брачныхъ записей. Такой неопредѣленности въ названіяхъ соответствуетъ и

¹⁾ Сравни мнѣніе Н. В. Калачова въ матеріалахъ для археологическаго словаря (подъ словомъ рядная) помѣщенныхъ въ Древностиахъ Моск. Археолог. Общ. 1865 г. т. I, стр. 70.

неопредѣленность въ формѣ приведенныхъ договоровъ, хотя, впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ и сохранили формы, свойственныя записямъ прежняго времени другихъ мѣстностей Россіи, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ сличенія ихъ съ образцами рядныхъ записей, которые помѣщены въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіей ¹⁾.

Даже по своему содержанію наши записи значительно разнообразятся между собою, теряя свой первоначальный существенный характеръ. По опредѣленію Н. В. Калачева ²⁾, рядныя или сговорныя записи, въ томъ видѣ, какой онѣ имѣли въ XVI и XVII столѣтіяхъ, суть условія объ имѣющемся быть бракѣ въ опредѣленное время, и существенныя ихъ пункты состоятъ въ опредѣленіи срока, назначеннаго для свадьбы, неустойки или денежной пени, которую должна платить сторона, отступившая отъ условія, въ пользу обиженной, а также обозначеніе приданого. Между тѣмъ въ нашихъ рядныхъ записяхъ назначеніе срока для бракосочетанія и неустойки, въ случаѣ нарушенія договора, встрѣчается только однажды; слѣдовательно, составляетъ, можно сказать, обстоятельство совершенно побочное. Самое указаніе приданого, подлежащаго передачѣ, хотя соблюдается всѣми приведенными записями, но не одинаково. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается о платномъ приданомъ, и оно перечисляется обстоятельно, съ оцѣнкою каждой вещи; въ другихъ же говорится только о земельномъ надѣлкѣ, слѣдуемому зятю, тогда какъ о платномъ приданомъ, которое шло съ дочерью, нѣтъ упомину, хотя и оно существовало. Последняго рода рядныя получаютъ значеніе собственно актовъ о передачѣ недвижимаго имущества.

Разсматривая наши записи со стороны проявленія въ нихъ народныхъ понятій о бракѣ, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ въ этомъ отношеніи вполне гармонируютъ съ разъясненными раньше взглядомъ крестьянъ на бракъ, какъ на простую хозяйственную сдѣлку.

Дѣйствительно, брачный союзъ обращается здѣсь въ сдѣлку, и

¹⁾ Акты Юрид., стр. 418—423.

²⁾ Древности 1865 г., т. I, стр. 69.

притомъ—съ безнравственнымъ и незаконнымъ характеромъ, потому что въ ней женихъ и невѣста часто являются не дѣйствующими лицами, а предметами, играющими совершенно пассивную роль, въ особенности послѣдняя: не между ними заключается договоръ, но между ихъ родителями или даже между свойственниками невѣсты и женихомъ. Самое слово *сговорилъ*, уцѣлѣвшее до настоящаго времени въ записяхъ, очень мѣтко выражаетъ грубую мысль о совершенной пассивности женщины, а часто и мужчины-жениха. Еслибъ это слово опредѣляло только отношенія родителей къ дѣтямъ, то оно находило бы себѣ нѣкоторое оправданіе во взглядѣ родителей на дѣтей, какъ на ихъ собственность: они произвели ихъ на свѣтъ, вскормили, и слѣдовательно, по своимъ грубымъ понятіямъ, считаютъ себя въ правѣ распоряжаться ихъ судьбою. Но существованіе такихъ же отношеній, выражаемыхъ словомъ *сговорилъ*, между свекромъ и невѣсткой (см. договоръ № 11), не можетъ найти себѣ объясненія въ первобытномъ природномъ взглядѣ на дѣтей, какъ на собственность. Здѣсь выражается вообще жалкое положеніе женщины въ семьѣ, даже въ семьѣ своего мужа, гдѣ она, если лишится послѣдняго, теряетъ всякія права и становится часто ненужною вещью, которую стараются передать въ другія руки. Точно въ такихъ же отношеніяхъ находились невѣстки и въ старину, какъ можно судить по полному сходству условія, помѣщеннаго нами подъ № 11, съ напечатаннымъ въ Актахъ Юридическихъ на стр. 423. Такимъ образомъ, отсюда можно прійти въ сомнѣніе о томъ, сдѣланъ ли до настоящаго времени замѣтный шагъ въ развитіи семейныхъ отношеній въ крестьянствѣ. Только вліяніе столицы, какъ мы уже разъ замѣтили, дѣйствуетъ здѣсь нѣсколько смягчающимъ образомъ.

Еще большая пассивность женщины выражается въ словахъ отца невѣсты, въ томъ условіи его съ своимъ будущимъ сватомъ, что онъ, выдавая дочь замужъ, даетъ *въ придачу* къ ней земельной участокъ. Читая эти выраженія (см. договоръ подъ № 13), невольно спросишь себя, не вещь ли въ самомъ дѣлѣ тутъ женщина, къ которой дается въ придачу другая вещь? Утвердительное рѣшеніе этого вопроса, по видимому, имѣетъ противъ себя тѣ факты, что нѣкоторые изъ приведенныхъ выше брачныхъ условій заключены

съ самими невѣстами. Но если изъ трехъ помѣщенныхъ подобнаго рода записей, относящихся къ нашему времени (№№ 3, 12, 14), можно заключить, что невѣсты распоряжаются собою какъ лица самостоятельныя, то это потому только, что въ двухъ случаяхъ права ихъ возстановлены силою судебной власти, а въ третьемъ случаѣ сила родительской власти замаскирована приличною формою сдѣлки. Самый договоръ невѣсты, крестьянской дѣвицы Парасковьи Кароткиныхъ, съ женихомъ, крестьяниномъ Степаномъ Блиновымъ (№ 3), свидѣлствуетъ, что невѣста была одинокая, и по рѣшенію Холмогорскаго уѣзднаго суда за нею признано право на самостоятельное владѣніе движимымъ и недвижимымъ имуществомъ своего отца и братьевъ. Крестьянская вдова Марфа Едемская заключила прямо отъ себя условіе (№ 12) со своимъ свекромъ Иваномъ Едемскимъ на счетъ выхода въ замужество за крестьянина Трофимова и на счетъ выдачи ей имущества, потому что, по рѣшенію Великониколаевского волостнаго суда 22-го декабря 1868 года, крестьянинъ Иванъ Едемскій былъ обязанъ „не стѣснять ни лично, ни въ отношеніи имущества своей снохи и не препятствовать ей принять на свою часть имущества животника“. Для уясненія обстоятельствъ третьяго договора, заключеннаго крестьянскою дѣвицей Биричевской волости Анной Кулешевой съ женихомъ Васильемъ Филинымъ (№ 14), сообщаемъ свѣдѣнія, полученныя нами отъ писаря Биричевскаго волостнаго правленія Хромцова, на счетъ этой сдѣлки. „Подписка Анны Кулешевой“, пишетъ онъ, „съ крестьяниномъ Филинымъ учинена на основаніи *особаю со стороны родителей того и другой условія*, которое въ волостномъ правленіи не явлено, и въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что если съ которой либо стороны послѣдуетъ неустойка, то тотъ долженъ заплатить, сверхъ 100 руб., еще 300. Подписку эту явилъ самъ Филинъ, и она была писана отцомъ Кулешевой своеручно, почему при извѣстности руки того и другого и внесена въ книгу правленія. Между тѣмъ, бракъ Кулешевой съ Филинымъ не состоялся, и она вышла за другого; отецъ же ея не платитъ не только неустойки 300 руб., но и задатка 100. Вслѣдствіе этого между отцами той и другой стороны возникло судебное дѣло, и Кулешевъ привлекаетъ меня къ отвѣту, самъ хлопочетъ по сему дѣлу и признаетъ себя виновнымъ въ полу-

ченія 100 руб. Кулешевъ привлекаетъ меня за записку подписки въ книгу сдѣлокъ и договоровъ безъ личности его дочери; я же, со своей стороны, имѣю оправданіе въ томъ, что руки Кулешева и его дочери довольно знаю, а потому и записалъ подписку въ книгу. Причиной же заключенія брачнаго условія и подписки послужила зажиточность Филина“. Все это мы приводимъ для того, чтобы показать, что часто и подъ приличною формою записи скрывается грубое проявленіе отеческой власти.

И у крестьянъ, какъ въ другихъ сословіяхъ, бываетъ, что родители невѣсты и вообще выдающіе ее замужъ обманываютъ своихъ будущихъ зятьевъ на счетъ приданого: посулятъ много, а дадутъ мало. Это выражено и въ поговоркахъ: *у тестя въ рукахъ не придано; на зародѣ не сѣно* (можетъ погнить), *въ долгу не деньги, а у тестя не придано*; или *богаты невѣсты да до вѣнца*, также *безприданница-безобманница; что есть то и есть*. По этому же-нихи стараются, чтобы приданое заблаговременно попало въ ихъ домъ. Этимъ, конечно, надобно объяснить обычай, по которому, проводивъ невѣсту къ вѣнцу, родители ея въ то же время отправляютъ ближнюю родственницу свою, *запостельную сватью*, съ постелью и платнымъ приданнымъ невѣсты въ домъ жениха. Тамъ сватья передаетъ приданое родителямъ невѣсты, за что и получаетъ вязанку калачей или платокъ, или даже платье, смотря по состоянію послѣднихъ. Но въ Холмогорскомъ уѣздѣ сватья не садится на приданое, какъ это бываетъ въ Пинежскомъ (см. мой Сборникъ юрид. обыч. Арханг. губ., кн. 1, стр. 39). Впрочемъ и здѣсь, послѣ вѣнца, сватья приглашаетъ родныхъ жениха осмотрѣть у молодой приданое: „Сундуки у молодой не порозны“, говоритъ она, „смотрите!“ Родственники дѣйствительно осматриваютъ сундуки, которые бываютъ открыты. Въ южной части Холмогорскаго уѣзда, именно въ с. Хаврогорахъ, женихи посредственнаго состоянія приданое невѣсты, кромѣ платья, приготовленнаго для невѣсты, увозятъ домой вскорѣ послѣ высватанья, для того, чтобы не обманули ихъ не отказали въ приданомъ. Деньги и раженое количество хлѣба въ Хаврогорахъ отдають напередъ, до заключеннаго брака; скотъ—корову или быка, уводятъ также до брака.

Во время сватовства не рѣдко можно услышать поговорку со

стороны родных невесты: не спорьте о приданомъ, послѣ прибавлять. Иные и дѣйствительно прибавляютъ послѣ; напримѣръ, красивую збрую, серпъ, грабли, санки и проч. везутъ уже черезъ водѣлю послѣ вѣнца. Такъ бываетъ близъ Холмогоръ; въ Кевролѣ же, Пинежскаго уѣзда, и въ другихъ мѣстахъ остальное приданое привозятъ въ домъ жениха по окончаніи хлѣбинъ ¹⁾. Около Холмогоръ, осторожный тестъ вдругъ не даетъ всего платного, чтобы золовки не износили, а послѣ дополняетъ каждый годъ; въ особенности если дочь одна, не даютъ ей обноситься. Иные отцы, въ случаѣ крайней необходимости и просьбы зятевъ, помогаютъ также сѣномъ, зерновымъ хлѣбомъ на сѣмена и проч. Но бываетъ и такъ, какъ мы сказали, что родители невесты обманываютъ своихъ зятевъ на счетъ приданого, въ особенности на счетъ надѣлка. Это часто влечетъ за собою непріятности для молодыхъ женъ со стороны новой семьи и вызываетъ процессы изъ-за приданого въ волостныхъ судахъ между зятемъ и родными невесты — отцомъ, братомъ и т. д. Приводимъ два рѣшенія волостныхъ судовъ, касающіяся этого предмета.

1.

1868 года 7-го октября, сельскій староста Груздовскаго общества отъ 18-го минувшаго сентября за № 213 донесъ Великоноволжескому правленію, Шенкурскаго уѣзда, что 16-го числа того сентября крестьянская жена вѣдомства его, деревни Гребеневской, Александра Петрова Шишкина объявила ему, что мужъ ея крестьянинъ Прокопій Антоновъ Шишкинъ и свекровь Анисія Васильева Шишкина выгонила ее изъ дому, не даютъ ей ѣсть и отказали вовсе отъ всѣхъ работъ, также и отъ дому. По востребованіи имъ, старостой, въ 18-е число вышесказанныхъ Прокопья и Анисии Шишкиныхъ, тѣ объяснили, что они жены Прокопья Александры изъ дому вовсе не гонили, а также въ хлѣбѣ и въ прочемъ ей не отказывали, только присовокупили, что при женитьбѣ Прокопія на Александрѣ были приговорены въ приданое часть денегъ и жеребецъ, которыхъ они не получили, а потому теперь, какъ она ушла,

¹⁾ Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1865 г., № 28.

то и впустить ее въ свой домъ не согласны, до тѣхъ поръ, пока не получатъ ряженного въ приданое.

Вслѣдствіе этого имъ, старостой, были вытребованы отецъ Александры Шишкиной крестьянинъ Петръ Ивановъ и мать Марья Садофіевы, которые при спросѣ старосты сказали, что деньги, которыя были ряжены ими, Шишкинымъ переданы вполнѣ, и обработать земляной участокъ Петръ Садофіевъ не отказывается, а жеребца отдать вовсе не было говорено, почему и отдать его не согласны. Но вдова Анисья Шишкина, при переговорѣ съ Марьей Садофіевой, обругала послѣднюю всяческими дураческими словами, укоряла блядью и наплевала ей въ лицо; почему староста просить сдѣлать между Шишкиными и Садофіевыми должное разбирательство.

Вызванные на 7-е число сего октября въ волостной судъ, крестьянинъ Прокопій Шишкинъ и мать его, вдова Анисья, объяснила, что они первому жены, а послѣдней невѣстки Александры Петровой изъ дому не выгоняли, ѣсть же ей не воспрещали и ни въ чемъ не отказывали и не стѣсняли; что говоренныя въ приданое деньги ими съ Садофіева получены сполна; что жеребецъ, изъѣмленный Садофіевымъ, былъ говоренъ въ приданое, но не полученъ до настоящаго времени; Садофіевъ обязался обработать земляной участокъ у Шишкина конскою силою по два года, а въ настоящее лѣто обработывалъ его участокъ крестьянинъ Андрей Рожинъ за цѣну 10 рублей, которые просить взыскать съ Садофіева и понудить его къ обработкѣ землянаго участка въ будущемъ году; и что Шишкины согласны нынѣ же взять къ себѣ въ домъ первому жену, а послѣдней невѣстку Александру Петрову.

Крестьянинъ Петръ Садофіевъ, явившись въ волостной судъ, объяснилъ, что жеребецъ въ приданое Шишкину имъ обѣщанъ не былъ, почему и отдать такового не согласенъ; ряженныя же Шишкинымъ за обработку землянаго участка въ семъ году деньги 10 рублей обязался уплатить, въ нынѣшнемъ 1868 году 5 рублей и въ будущемъ 1869 году остальные 5 рублей, и обязался въ лѣто будущаго 1869 года обработать конскою силою земляной Шишкина участокъ. Жена же Садофіева, Марья, заявила, что въ нанесенныхъ ей оскорбленіяхъ вдовой Анисьей Шишкиной она прощаетъ, и искъ

свой за обиду оставляетъ; а жена Прокопья Шишкина, Александра показала, что она изъ дому своего выгонена мужемъ и свекровью и возвратиться къ нимъ не согласна изъ опасеній обидъ и стѣсненій, по случаю не отдачи отцомъ ея Петромъ обѣщаннаго въ надѣлокъ съ нею жеребца.

Спрошенные по сему дѣлу волостными судьями нижеозначенные крестьяне письменными показаніями показали: 1) Василій Никифоровъ Шишкинъ 30-го минувшаго сентября показалъ, что былъ онъ посланъ отъ Прокопья Шишкина сватовщиномъ къ Петру Садофьеву, для высватанія за Прокопья въ замужество дочери Садофьева Александру, на что Садофьевъ согласился и обѣщалъ въ приданое деньгами 7 рублей и жеребца селѣтка, съ тѣмъ чтобы кормить онаго до 1-го октября сего года и обработать Садофьеву земляной Шишкина участокъ; и 2) Михайло Захаровъ Бобровъ и Иванъ Михѣевъ Шишкинъ показали, что при женитбѣ Прокопья Шишкина у Петра Садофьева, послѣдній дѣйствительно обѣщалъ Шишкину въ приданое имѣемаго жеребца, обязывался заплатить Шишкину за обработку крестьяниномъ Рожинымъ земельного участка и вспахать конскою силою земляной Шишкина участокъ.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи сего дѣла, признавая, что крестьянинъ Петръ Садофьевъ дѣйствительно обѣщалъ въ приданое Прокопью Шишкину жеребца, опредѣлилъ: отобрать отъ крестьянина Петра Садофьева жеребца и предоставить онаго въ пользу зятя его Прокопья Шишкина, взыскать съ Садофьева деньги 10 руб., въ назначенное время, коими также удовлетворить Прокопья Шишкина, понудить Садофьева къ обработкѣ въ будущее лѣто земельного участка конскою силою; а крестьянскую жену Александру Шишкину водворить нынѣ же въ домъ мужа ея Прокопья Шишкина, съ тѣмъ чтобы она была въ повинновеніи мужа и свекрови своихъ, которые, съ своей стороны, ни въ чемъ бы ея не стѣсняли и не изобижали.

2.

1868 года марта 6-го крестьянинъ Устьсумскаго сельскаго общества деревни Зяновьевской, Григорій Ильинъ Леонтьевъ подалъ прошеніе въ Предтеченскій волостной судъ Шенкурскаго

уѣзда, въ томъ, что по женибѣ его на дочери крестьянской вдовы, нынѣ уже умершей, того же общества, Анны Тепляковой Кириакіи, братъ ея Ѳеодоръ Васильевъ Тепляковъ предоставлялъ въ приданое со своею сестрой долги покойной своей матери Анны Тепляковой получить съ крестьянъ, а именно: Петра Корнилова 14 р., Луки Хаванова 8 р. и Якова Хаванова 4 р., а всего 26 р., почему и просилъ взискать таковыя и удовлетворить его Леонтьева.

Предтеченскій волостной судъ входилъ въ разбирательство сего дѣла, по которому оказалось, что истецъ утверждаетъ, будто бы тѣ долги поручены ему при женитбѣ на дочери покойной вдовы, Анны Тепляковой Кириакіи, братомъ ея Ѳеодоромъ Тепляковымъ по завѣщанію его матери, а Ѳеодоръ Тепляковъ показалъ, что Леонтьевъ взялъ сестру его въ замужество не при живности, а послѣ смерти матери его Анны, и Кириакіи выдана имъ Ѳеодоромъ съ вознагражденіемъ поступившихъ съ нею денегъ болѣе 100 р., коровы и разнаго имущества на 25 р., и того на 125 р.; долговъ же, состоящихъ за разными крестьянами, какъ обозначено въ прошеніи Леонтьева, никогда не отсуливалъ, а изъ оныхъ вознаграждалъ также выданную въ замужество невѣстку свою Гликерью Котову съ малолѣтнею ея дочерью; но по убѣжденію суда, они добровольно между собою согласились: Леонтьеву получать должныя деньги 4 р. съ крестьянина Якова Хаванова въ теченіи четырехъ лѣтъ, а ему Теплякову въ таковыя не вступаться, и затѣмъ болѣе однимъ съ другого ничего не требовать; въ чемъ учинили подписку, которая приложена къ бумагамъ суда, а копія съ оной выдана на руки просителю Леонтьеву. А потому волостной судъ опредѣлялъ: дѣло сіе считать рѣшеннымъ.

Бываетъ и такъ, что сами зятя присваиваютъ себѣ, подъ видомъ приданого, такіе предметы, которые имъ не принадлежатъ, или которые даны имъ для кратковременнаго пользованія. Это также даетъ поводъ къ процессамъ въ волостныхъ судахъ. Такъ, недавно одинъ тестъ въ селеніи Матигорахъ, Кувешской волости, близъ Холмогоръ, далъ на годъ зятю корову. Зять, по прошествіи года, не захотѣлъ возратить коровы и сталъ утверждать, что корова дана въ приданое за женой навсегда. Дѣло пошло въ во-

юстной судъ, который потребовалъ жениховыхъ сватей, дѣлавшихъ условіе о приданомъ. Сваты сказали, что не было никакого условія о коровѣ, и зять заставилъ возвратить корову. Тогда онъ захватилъ у тещи, которая пришла къ нему въ гости, пальто, принадлежавшее снохѣ. Когда его снова потребовали въ судъ, онъ сталъ утверждать, что пальто теща оставила ему сама, въ замѣнъ обѣщанной, но отнятой назадъ коровы. Снова спросили сватей, и когда тѣ подтвердили свое прежнее показаніе, то его заставили возвратить пальто. Теперь вызываютъ тещу за полученіемъ пальто.

Приводимъ еще рѣшеніе одного волостного суда о вступательствѣ въ приданое, принадлежащее крестьянской женѣ, ея родной сестры, вдовы.

3.

1867 года марта 16-го крестьянская вдова Шенкурскаго уѣзда Предтеченскаго общества Фадѣевского села Анна Степанова Тетеревлева словесно объявила Предтеченскому волостному суду, что родная сестра ея, крестьянская жена села Чушевскаго Марья Степанова Тетеревлева, не отдаетъ ей Аннѣ заведенныхъ покойнымъ отцомъ ея разныхъ вещей, а именно: сарафанъ парчевой, сборникъ зашивной, шуба гарусная, серьги серебрянныя, сарафанъ ситцевой, двѣ женскихъ рубахи, серебрянный крестъ и мѣдными деньгами 1 руб. асс., почему проситъ вытребовать изъ означенныхъ вещей половину, слѣдующую на ея часть.

Волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое вдову Анну и женку Марью Тетеревлевыхъ, входилъ между ними въ разбирательство, по коему оказалось, что вышепомянутыя вещи покойными родителями были отданы въ приданое за младшею сестрою Марьею, и вдова Анна о томъ до настоящаго времени не просила п доказательства на свой искъ никакого не представила. А потому волостной судъ опредѣлялъ: въ искъ крестьянской вдовѣ Анны Тетеревлевой, какъ бездоказательномъ, отказать, предоставляя право обратиться съ искомъ въ подлежащее судебное мѣсто съ ясными доказательствами, каковое рѣшеніе объявить истицѣ и отвѣтницѣ сего жъ числа, и затѣмъ дѣло сіе въ волостномъ судѣ считать рѣшеннымъ.

Бываютъ и такіе случаи, что лица, давшія приданое за невѣстой, заявляютъ потомъ требованіе о выдачѣ обратно приданого и даже обращаются къ суду. Я зналъ одного старика, крестьянина Товренской волости, Кушевскаго сельскаго общества, Михайла Ѳедоровича Толмачева, любителя тягаться по судамъ, который завелъ тяжбу съ своимъ зятемъ о приданомъ, данномъ съ внучкой. 26-го января 1851 года Толмачевъ подалъ Холмогорскому земскому исправнику прошеніе, въ которомъ писалъ: „Въ 1848 году отданы мною внучкѣ моей, а нынѣ уже крестьянской женѣ Буяновскаго общества Иринѣ Яковлевой Леонтьевыхъ, серги и перла жемчужные и кисейный шейный шарфъ, а въ прошломъ 1850 году отданъ же мною означенной внучкѣ—сѣздить къ вѣнцу, парчевой шугай, съ обложенною около воротника бахромою, съ таковымъ, при отдачѣ этихъ вещей, условіемъ, что по выходѣ ея въ замужество получить мнѣ таковыя вещи обратно; но по неоднократнымъ моимъ требованіямъ вышеозначенныхъ вещей и по сіе время отъ внучки моей Ирины Леонтьевыхъ получить не могу. А потому осмѣливаюсь прибѣгнуть къ стопамъ особы вашего высокоблагородія, всепокорнѣйше и слезно прошу отданныя мною внучкѣ моей вещи обратно съ нею взыскать и вручить мнѣ“. Противъ этого прошенія крестьянинъ Полуэктъ Леонтьевъ и жена его Ирина подали въ земскій судъ объясненіе: „Симъ имѣемъ объяснить: Первый—дѣйствительно, я въ 1850 году взялъ въ замужество внучку крестьянина Толмачева, и хотя при сватовствѣ въ домѣ вдовы Толмачевой, нынѣшней моей тещи, не былъ, но отъ отца своего крестьянина Петра Леонтьева, какъ сватовавшаго за меня внучку Толмачева, слышалъ, что платье съ невѣстой все будетъ въ приданое материнское, да и сверхъ того, дѣдъ крестьянинъ Михайло Толмачевъ, какъ объяснилъ мой отецъ, говорилъ, что бабка, жена его, оставляетъ и благословляетъ внучку жемчужными сергами, шарфомъ и бывшимъ на сбереженіи у ней материнскимъ парчевымъ шугаемъ не на временное подержаніе, какъ объясняетъ крестьянинъ Толмачевъ, а какъ приданы, и слѣдовательно, во всегдашнее жены моей владѣніе и распоряженіе онымъ; болѣе же ничего отъ отца въ то время не слышалъ и, согласясь на означенныя выше приданы, изъявилъ согласіе взять въ замужество

внучку крестьянина Михайла Толмачева, нынѣшнюю мою жену. Вторая—имѣю честь пояснить, что жемчужныхъ перлъ у меня вовсе не бывало, а разсыпаны они бабушкой, женой дѣда крестьянина Толмачева; сергами же она, еще при жизни своей, съ согласія дѣдушки, меня благословила и оставила въ поминавленіе души ея, во исполненіе какового завѣщанія я поминала на свой счетъ, нанимая шестинедѣльную псалтирь, и подавала денежную милостыню. Что же касается до шугая и кисейнаго шарфа, то оныя завожены отцомъ моимъ и несены имъ матери моей, при выходѣ ея въ замужество, такъ сказать, *на бѣлила*, и только бабушка, жена дѣда Толмачева, ихъ берегла и по выходѣ моимъ въ замужество также несла мнѣ *принесомъ*, и уже во всегдашнее мое владѣніе, по прямому смыслу словъ: „дареное назадъ не берется“; а потому вещей тѣхъ, какъ своей собственности, дѣду своему крестьянину Толмачеву отдать не согласна. При чемъ присовокупляю, что дѣдъ нашъ Михайло Толмачевъ изъясненныхъ въ прошеніи вещей отъ насъ до сего времени никогда не требовалъ и не надпоминалъ о возвращеніи ихъ къ нему, какъ онъ пишетъ въ прошеніи, поданномъ въ земскій судъ, а если бы и въ собственномъ смыслѣ вышеозначенныя вещи даны были послѣдней изъ насъ на поддержаніе, то дѣдъ могъ бы и ранѣе сего требовать ихъ словесно и письменно чрезъ начальство; пропустивъ столь долгое время безъ требованій, онъ симъ выражаетъ, что желаетъ ничего болѣе, какъ отнять чужую собственность, безпокою начальство“. 18-го февраля 1852 года, противъ вторичной просьбы крестьянинъ Толмачева объ отобраніи отъ внучки его и мужа послѣдней указанныхъ выше вещей, а также объ истребованіи отъ нихъ документовъ, по коимъ они имѣли бы право владѣть тѣми вещами, именно завѣщанія жены его и приданой записи, отецъ жениха Петръ Леонтьевъ письменно заявилъ: 1-е) въ 1850 году дѣйствительно я сваталъ у крестьянина Верхне-Матигорскаго селенія Михайла Толмачева внучку Ирину Яковлеву за сына своего Полуэкта въ замужество, и находясь въ домѣ вдовы Толмачевой, нынѣшней тещи сына моего, по этому случаю, вырядилъ при сговорѣ въ приданое нѣкоторыя изъ ея собственныхъ вещей, да и крестьянинъ Толмачевъ на сговорѣ говорилъ, что

бабка невѣсты, жена его, оставляетъ и благословляетъ внучку жемчужными сергами и бывшими на сбереженіи у ней материнскимъ внучки парчевымъ шугаемъ и шарфомъ не на временное подержаніе, а въ приданое, и слѣдовательно, во всегдашнее владѣніе оними съ сыномъ моимъ Полуэктомъ жены его, внучки Толмачева. Это происходило при находившейся тутъ же на сговорѣ сватѣхъ крестьянской женѣ Курейскаго селенія Татьянѣ Скомоороховой. По этому я и дозволилъ сыну моему Полуэктору взять въ супружество внучку Толмачева. 2-е) крестьянинъ Толмачевъ при сватовствѣ пріѣзжалъ ко мнѣ въ домъ, по крестьянству сказать, *житье смотреть*, и ежели понравится житье, уговориться о платьѣ, какое будетъ съ невѣстой, и о дарахъ, и по переговорѣ изъявилъ согласіе на отдачу внучки въ замужество за сына моего и объявилъ, что бабка, его жена, награждаетъ внучку сергами жемчужными и отцовскимъ невѣсты парчевымъ шугаемъ, несеннымъ матери ея, то есть, внучки Ирины Яковлевой, при выходѣ въ замужество, сыномъ Толмачева Яковомъ, такъ сказать, на бѣлила, а также и шарфомъ кисейнымъ, во всегдашнее независимое ни отъ кого распоряженіе тѣми вещами внучки Ирины Яковлевой, настоящей моей невѣстки; при чемъ вырядилъ у меня крестьянинъ Толмачевъ въ помощь свадьбы 135 руб. асс., а на серебро 38 руб. 57 коп., и по обоюдномъ согласіи, помолились Богу, и я отдалъ выряженное Толмачевымъ на свадебный случай означенное количество денегъ невѣсткѣ его Парасковѣ Толмачевой, нынѣшней тещи моего сына, а Толмачевъ далъ честное слово отдать со внучкой обѣщанныя изъясненныя вещи въ приданое. 3-е) хотя крестьянинъ Толмачевъ и проситъ истребовать отъ сына моего и внучки приданую вещамъ запись, но таковой дѣйствительно у насъ нѣтъ, да и никогда въ здѣшнемъ уѣздѣ при крестьянскихъ свадьбахъ таковыхъ не бывало, и вовсе объ этомъ никто не знаетъ, а по обыкновенію дѣлается всегда на совѣсть и честное слово; на каковомъ основаніи и я, давая невѣсткѣ Толмачева деньги 135 руб. асс., не взявъ отъ нея и Толмачева никакого документа, и деньги по сіе время находятся за нимъ. Что же касается до духовнаго завѣщанія бабки моей невѣстки, жены Толмачева, то оно не было нужды, по моему мнѣнію, составлять, потому что жена Тол-

мачева, еще за долгое время до смерти, будучи здоровою, жемчужными серьгами невѣстку мою, жену моего сына, благословила во всегдашнее владѣніе и послѣ смерти ея на поминъ ся души; а еисейный шарфъ и шугай несены бабкою внучкѣ приносомъ, какъ у насъ по обыкновенію водится, и всегда въ подарокъ, назадъ же ничего изъ несеннаго на бѣлила, кѣмъ бы то ни было, не берется. И наконецъ, что Толмачевымъ прописанныя въ прошеніи вещи отданы въ приданое, а не на подержаніе, въ этомъ можно удостовѣриться и отъ матери нынѣшней моей невѣстки и отъ сватьи Татьяны Скомороховой, находившейся при сговорѣ нашемъ съ Михайломъ Толмачевымъ. А потому покорнѣйше прошу земскій судъ войти въ разсмотрѣніе вышеннѣйшеннаго, не отбирая, по просьбѣ Толмачева, какъ несправедливо ищущаго, принадлежащей невѣсткѣ моей, слѣдовательно, и сыну моему, ихъ собственности, тѣмъ болѣе, что я въ замѣнъ приданныхъ вещей далъ собственныя деньги, какъ выше объяснено на свадебный случай, 135 руб. асс.". Такъ какъ свидѣтели не подтвердили справедливости просьбы Толмачева, то въ искѣ его было отказано судомъ ¹⁾.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, платное приданое составляетъ полную собственность жены, до котораго никто не вправе касаться. На счетъ денежнаго приданнаго въ разныхъ мѣстностяхъ, а иногда и въ одной и той же мѣстности, существуютъ различные обычаи; такъ, по однимъ обычаямъ, этого рода приданое, какъ и платное, принадлежитъ только женѣ, а по другимъ, входитъ въ общее имущество мужа и жены, при чемъ оно болѣе зависитъ отъ мужа, нежели отъ жены. Въ селѣ Ламцѣ, Онежскаго уѣзда, по словамъ мѣстнаго священника, существуетъ такое правило, что если какія-либо деньги (рублей 10—30) у жены пришли въ приданое, то онѣ ей и принадлежать всю жизнь, а не мужу; она ими ссужаетъ, во время нужды, мужа, сосѣдей и пр. Въ селѣ Ракулѣ, Холмогорскаго уѣзда мужъ можетъ пользоваться деньгами только съ согласія жены, напримѣръ, можетъ пускать ихъ въ оборотъ. Здѣсь же, близъ Холмогоръ, деньги жены менѣе ограждены обычаемъ отъ произвола мужа, нежели платное

¹⁾ Изъ бумагъ покойнаго крестьянина М. Толмачева.

приданое; если мужъ издержитъ деньги жены, то назадъ не отдаетъ. Остальное приданое, напримѣръ, рогатый скотъ, лошади и пр., входятъ въ составъ общаго имущества мужа и жены, право распоряженія которымъ принадлежитъ болѣе мужу, какъ главѣ семьи. По словамъ крестьянъ, жена не можетъ распоряжаться скотомъ; безъ мужа она не можетъ продать скотины, пришедшей съ нею въ приданое. На вопросъ: почему жена не можетъ распорядиться съ коровой по своему усмотрѣнiю, а мужъ имѣетъ на это право, одна дѣвушка отвѣчала: „Мужъ, вѣдь, можетъ спросить жену: „на чьей душѣ сѣно-то родилось?“ Вообще, въ значительномъ числѣ случаевъ отчужденіе скота совершается съ согласія жены. при чемъ мужъ считаетъ долгомъ завести женѣ какую-либо обновку. Для отдачи приданого въ залогъ, въ особенности платнаго, мужъ долженъ тоже испросить согласіе жены; напримѣръ, въ случаѣ крайнихъ недостатковъ и нужды, мужъ обращается ласково къ женѣ, чтобы та дала вещи подъ закладъ, уговаривая ее: „сѣно продадимъ или что друго и выкупимъ“, и жена удовлетворяетъ просьбу мужа. Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, строгій и пьяный мужъ растрчиваетъ и пропиваетъ приданое жены, придерживаясь поговорки: *жена моя и все мое*. Это, разумѣется, не одобряется порядочными людьми изъ крестьянъ; и въ такихъ случаяхъ жены нерѣдко обращаются съ жалобами въ волостные суды, и возникаютъ дѣла. Подобныхъ дѣлъ бываетъ не мало. Ниже сего приводимъ нѣсколько такихъ дѣлъ, а здѣсь сдѣлаемъ указаніе на то, на сколько изложенные обычаи, на счетъ распоряженія приданнымъ при жизни жены, соотвѣтствуютъ тѣмъ обычаямъ, которые могутъ быть выведены изъ помѣщеныхъ уже брачныхъ записей и рѣшеній волостныхъ судовъ и изъ рѣшеній судовъ, которыми будутъ помѣщены ниже.

Платное приданое во всѣхъ рѣшеніяхъ безспорно признается неприкосновенною собственностью жены; оно, по выраженію одной истицы, „не должно поступать въ общее хозяйство безъ ея (то-есть, жены) на то согласія, а особливо украдкой“, такъ что мужъ, заложившій нѣкоторыя вещи жены, обязывается судомъ выкупить ихъ и возратить женѣ. Но мужская одежда иногда дается зятю въ полное его распоряженіе. Что касается до денежнаго прида-

наго, то по одному рѣшенію, оно признается собственностью жены, такъ что мужъ, разстраиивающій свое хозяйство и растрачивающій имущество жены, подвергается тѣлесному наказанію; въ другомъ же случаѣ, деньги передаются отцомъ зятю и его матери, а не своей дочери; въ третьемъ, мужъ прямо заявляетъ, что деньги даны ему въ надѣлокъ безвозвратно; то же самое заявляетъ онъ на счетъ озадка двора, а другой—на счетъ овецъ. Еще представляется случай, гдѣ зять самъ требуетъ отъ тестя жеребца, обѣщаннаго ему въ надѣлокъ. Наконецъ, въ четвертомъ случаѣ, лошадь дается зятю на заведеніе платя женѣ, такъ что когда двоюродный братъ жены, послѣ ея смерти и смерти мужа, потребовалъ лошадь отъ отца мужа, то долженъ былъ заплатить за возвращенную ему лошадь деньги. Такимъ образомъ, можно предполагать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи существуетъ обычай, по которому надѣлокъ не только поступаетъ въ распоряженіе мужа, но и дѣлается его собственностью. Что касается земли, то она нынѣ, кажется, всегда переходитъ въ собственность зятя, а иногда даже и его отца.

4.

1868 года 13-го января. Крестьянская жена Аваносовскаго сельскаго общества Александра Филипова Попова подала 7-го декабря 1867 года въ Великониколаевское волостное правленіе, Шенкурскаго уѣзда, прошеніе, въ коемъ изъяснила, что въ февралѣ мѣсяцѣ минувшаго 1867 года, вышедъ она въ замужество за крестьянина Аваносовскаго общества Петра Андреева Попова, и помянутый мужъ ея Петръ Поповъ изъ принесеннаго ею въ приданое имѣнія продалъ 5 овецъ, стоящихъ 10 руб., овчинный тулупъ 6 руб., гарусную женскую шубу 2 р. 50 коп., шелковую шаль 3 рубля, серьги 40 коп., скатерть 75 коп., тонкаго холста 33 аршина по 10 коп. на 3 руб. 30 коп., французской платокъ 60 коп., конецъ тонкаго холста 28 арш. по 10 коп. на 2 руб. 80 коп. и жѣтной муки 1 пудъ 1 руб. 20 коп., а всего на сумму 30 руб. 55 коп. серебромъ. Всѣ вышеозначенныя вещи, онъ, Петръ, украдкою отъ ея, Александры, заложилъ крестьянамъ: Антипѣ Задорину, Михайлу Задорину въ деревнѣ Починкѣ, а скатерть Ивану Филипову на Те-

ремцѣ; не знаетъ навѣрно, куда онъ, Петръ, употребилъ взятые за оныя деньги, на поддержаніе ли своего съ матерью, тремя братьями и тремя сестрами, семейства, или на пьянство, и ея приданое имущество не должно поступать въ общее хозяйство, безъ ея на то согласія, а особенно украдкой, хотя онъ, Петръ и законный мужъ; а въ случаѣ требованія ею таковыхъ, то мужъ ея Петръ наноситъ ей побои, и сверхъ сего, съ праздника Михаила Архангела выгналъ ее изъ дому, говоря, что вѣтъ тебѣ ни хлѣба, ни дѣла,—почему просить сдѣлать надлежащее по сему дѣлу разбирательство.

Вызванный на 13-е число сего января въ волостной судъ, крестьянинъ Петръ Поповъ объяснилъ, что онъ изъ вышепрописанныхъ вещей заложилъ только овчинный тулупъ крестьянину Антипѣ Задорину въ 4 руб., женскую шубу и тонкаго холста 23 аршина крестьянину Михайлу Задорину въ Починкѣ въ 2 руб. 90 копѣйкахъ, съ согласія на то жены его Александры Поповой, и деньги употребилъ на необходимыя въ хозяйствѣ потребности, какъ то: на уплату податей и проч., что шелковая шаль находится у родной сестры его, овцы же и житной муки 1 пудъ даны ему въ приданое безвозвратно; что прочихъ вещей, какъ то: серегъ, скатерти, французскаго платка и конца тонкаго холста 28 арш. онъ нигде не продавалъ, не закладывалъ и были ли женою таковыя принесены онъ не знаетъ; что обидѣ женѣ своей Александрѣ никогда и никакихъ не наносилъ и изъ дому ея никогда не выгнывалъ.

Спрошенные по сему дѣлу сосѣдніе крестьяне села Молодихинскаго Алексѣй Поповъ, Иванъ Высошинъ, Василій и Сергѣй Поповы письменнымъ показаніемъ, даннымъ 12-го числа сего января, показали, что крестьянинъ Петръ Поповъ поведеніе въ жизни имѣетъ хорошее, а ссоры между имъ и женою происходятъ болѣе отъ жены его Александры, потому что она не имѣетъ къ мужу и свекрови своимъ послушанія во всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи, опредѣлилъ: поудить крестьянина Петра Попова выкупить заложенные крестьянамъ Антипѣ и Михайлу Задоринымъ вещи: овчинный тулупъ, гарусную женскую шубу и 33 арш. тонкаго холста, которыя и

предоставить въ пользу жены Петра Попова, Александры Филиповой, приказавъ крестьянской женѣ Александрѣ Поповой жить въ семействѣ мужа своего Петра Попова и быть въ его повиновеніи. Обстоятельство же объ истребованіи крестьянскою женой Александрой Поповой отъ мужа ея Петра Попова серегъ, скатерти, французскаго платка и холста 28 арш., какъ бездоказательное, оставить безъ удовлетворенія.

5.

1866 года 5-го августа. Великониколаевскій волостной старшина Федуринъ, передалъ въ волостной судъ на разбирательство присланную г. мировымъ посредникомъ 2-го участка Шенкурскаго уѣзда, при предписаніи отъ 28-го минувшаго іюля за № 351, переписку, начавшуюся съ объявленія крестьянской жены Едемскаго сельскаго общества Татьяны Семеновы Трофимовой о растратѣ мужемъ ея крестьяниномъ Егоромъ Ивановымъ Трофимовымъ, выданнаго ему въ пособіе изъ магазиновъ, хлѣба, ржи 2-хъ четвериковъ и овса 4-хъ четвериковъ, посредствомъ заклада сосѣду крестьянину Петру Андрееву Трофимову, употребленіи полученныхъ за оный деньги на пьянство, и о тайномъ уносѣ имъ отъ жены, также для пропитія или заклада на покупку вина, разныхъ вещей, а именно: двухъ женскихъ ситцевыхъ бѣлыхъ юбокъ съ гранетуровыми узорами, одной шелковой разноцвѣтной старинной юбки, одной бѣлой изъ коровьей шерсти юбки, женскаго штофнаго полушубка, однихъ серебрянныхъ серегъ, одной мѣдной пивной братины, одной оловянной тарелки, двухъ шерстяныхъ нарукавниковъ, одного шелковаго краснаго платка, однаго французскаго платка, однаго холщеваго фартука, четырехъ холщевыхъ рубахъ, однихъ янтарей и 7 десятковъ пачеснаго льну.

Крестьянинъ Егоръ Трофимовъ, на спросъ его, показалъ, что дѣйствительно онъ заложилъ сосѣду Петру Трофимову овса 4 четверика и ржи около 2-хъ четвериковъ, но получилъ ли и сколько за оный хлѣбъ денегъ и куда таковые употребилъ, не упомянуть, равно и братиню, за которую получилъ 20 копѣекъ, и деньги употребилъ на молотье хлѣба; сверхъ того, заложилъ онъ, съ со-

гласія своей жены, крестьянину Терентью Семенову Валькову шелковую разноцвѣтную старинную юбку, около 7 лѣтъ тому назадъ, за 1 руб. 40 копѣекъ, отозвавшись при томъ, что можетъ быть, выпивши онъ снесъ изъ дому своего что-либо другое Петру Трофимову, ибо послѣдній привѣтствовалъ его водкой, но положительно объ этомъ объяснить ничего не можетъ, ибо не упомянуть своихъ дѣйствій, когда бываетъ пьянъ.

Крестьянинъ Петръ Трофимовъ показалъ, что онъ припаялъ подъ залогъ отъ Егора Трофимова овса 4 четверика и ржи немного болѣе 1 четверика равно и братиню, за которые выдавалъ ему денегъ 2 руб. 40 копѣекъ, но куда оны Егоръ употребилъ, не знаетъ, въ принятіи же подъ залогъ другихъ вещей отозвался. Жена же Петра Трофимова Матрена Матвѣева объяснила, что она, якобы безъ вѣдома мужа ея, приняла отъ жены Егора Трофимова въ закладъ серебряныя серьги и янтари и шерстяные нарукавники, за 75 копѣекъ.

Просительница жена Татьяна Трофимова на спросъ ея отозвалась, что сама она никому никакихъ вещей не закладывала.

По сдѣланному волостными судьями тщательному дознанію, заложены ли крестьяниномъ Егоромъ Трофимовымъ вышеупомянутыя вещи—ничего не открылось. Поля же Егора Трофимова оказались всѣ засѣянными озимовымъ хлѣбомъ.

Вслѣдствіе чего волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи приговариваетъ: крестьянина Егора Трофимова, 37 лѣтъ отъ роду, за мотовство и пьянство его, за пропитіе даже выданнаго изъ магазина хлѣба, наказать при волостномъ правленіи розгами двадцатью ударами. Крестьянина Петра Трофимова, виновнаго въ принятіи отъ Егора подъ закладъ магазейнаго хлѣба и нѣкоторыхъ вещей, выдававшего ему за сіе деньги на пьянство, и чрезъ то содѣйствовавшего мотовству Егора, употребить въ общественную работу при волостномъ правленіи на шесть дней въ 21-е, 22-е, 23-е, 24-е, 25-е и 26-е числа августа. Мѣдную братиню, серьги, янтари и нарукавники отобрать отъ крестьянина Петра Трофимова и жены его Матрены, которые и предоставить женѣ Егора Трофимова Татьянѣ, съ тѣмъ чтобы Егоръ уплатилъ за оныя выдаваемые ему деньги 95 копѣекъ.

1867 года апрѣля 2-го. Крестьянская жена Холмогорскаго уѣзда, Емецкаго общества, Васса Алексѣева Рудакова жалуется, что мужъ ея крестьянинъ Рудаковъ растратилъ приданое. то-есть, деньги 8 руб., и къ тому же заложилъ армякъ за 6 руб., всего на 14 руб.; сверхъ того, наносить ей побои, когда она удерживала его отъ развратства.

Вслѣдствіе этой жалобы Емецкій волостной судъ, сего 2-го апрѣля, вызвалъ крестьянина Алексѣя Рудакова и нашелъ, что какъ изъ словъ его, Рудакова, дѣйствительно видна виновность его, поэтому постановилъ: за разстройство хозяйства арестовать Рудакова при волостномъ правленіи на двое сутокъ и предупредить его, чтобы онъ впредь отнюдь не дѣлалъ растраты имущества.

Въ случаѣ расходовъ мужа и жены, имущество послѣдней, въ особенности приданое, должно быть отдано женѣ, хотя это достигается иногда не иначе какъ по рѣшенію суда. Дѣйствительно, когда волостные суды предоставляютъ право женамъ, подвергающимся преслѣдованіямъ и тяжкимъ побоямъ со стороны мужей, жить отдѣльно отъ нихъ, то-есть, въ домѣ своихъ родителей или гдѣ пожелаютъ; то приговариваютъ, чтобы и одежда была возвращена женамъ. Такъ, въ деревнѣ Товрѣ, близъ Холмогоръ, былъ случай, что родители взяли жену отъ мужа, который тиранилъ ее. Приданое ей было возвращено черезъ судъ. Нѣкоторыя вещи, впрочемъ незначительныя, мужъ захватилъ и пропилъ. Жена жаловалась въ судъ и требовала, чтобы ему не выдавали паспорта, покуда онъ не возвратитъ вещей. Судъ нашелъ ея требованіе справедливымъ и оставилъ выдачу паспорта. Такого же рода рѣшеніе было постановлено 13-го октября 1867 года Устьяненгскимъ волостнымъ судомъ по жалобѣ жены.

Въ 1-й книгѣ нашего сборника юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи было сказано, что къ приданому, при жизни жены, не могутъ прикасаться ни мужъ, ни частные кредиторы мужа, ни власти, при казенныхъ взысканіяхъ съ мужа (стр. 42). На это дѣлаетъ замѣчаніе священникъ Макаровъ: „Приданое, при жизни жены, равно какъ и деньги, вырученныя ею за разные продукты, не

всегда остаются неприкосновенными властью. Въ прошедшее лѣто (1869 г.) при взысканіи чрезъ полицію, удѣльной конторою пошлинныхъ денегъ за самовольно вырубленный смольякъ, конфисковалось, въ случаѣ неимѣнія денегъ или неплатежа, все, что только попадалось исполнительной власти—все мужнино, женино и даже принадлежащее дѣтямъ: кафтаны, сарафаны, хорошіе платки и шубы“.

При жизни жены, но послѣ смерти ея мужа, если тотъ не былъ отдѣленъ отъ родителей, часто на приданое жены посягаютъ родители ея мужа и другіе члены семьи, подъ разными предлогами. Но рѣшеніями волостныхъ судовъ, если къ нимъ обращается вдова, приданое всегда признается собственностью жены, какъ полученное ею отъ своихъ родителей; а потому захваченное возвращается вдовѣ; за утраченное она вознаграждается, а заложенное выкупается и отдается ей. Объ этомъ свидѣлствуютъ приводимыя ниже рѣшенія; но въ нихъ нѣтъ рѣчи о надѣлѣхъ, а только о платномъ приданомъ. На надѣлокъ свекоръ и другіе родственники жениха также не имѣютъ права, если съ ними не было на то особаго договора.

7.

1867 года апрѣля 30-го крестьянская вдова Юромской волости (бывшей Бугаевской) Мезенскаго уѣзда Александра Авдушова, въ прошеніи своемъ жалуется, что послѣ смерти мужа ея, Ильи Авдушова, свекоръ ея, крестьянинъ Матвѣй Авдусевъ захватилъ ея приданое отъ отца имѣніе, а именно: штофную шубейку, штофникъ, тафтенникъ, двѣ парчевыя коротеньки, два кумашника, два сарафана и три или болѣе дюжинъ женскихъ рубашекъ, полотенцевъ дюжину, и все, что окажется въ двухъ ея ящикахъ, и проситъ объ отобраніи означенныхъ вещей отъ Авдусова.

Бугаевскій волостной судъ, въ числѣ пяти судей, при разборѣ настоящаго дѣла рѣшилъ: не принимая отъ крестьянина Матвѣя Авдушова никакихъ не заслуживающихъ уваженія возраженій въ захватѣ имъ приданого невестки его Александры, оставшагося послѣ мужа ея, а Матвѣю сына, Ильи, отобрать оное отъ Авдусова, такъ какъ это имѣніе собственность ея, заведенная отцомъ ея, а

не свекромъ Авдушевымъ, и вручить таковое крестьянской вдовѣ Александрѣ Авдушевой, какъ собственность ея, но только съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неоказательства чего-либо въ ящикахъ, чрезъ взломъ замковъ и тому подобнаго, съ крестьяниномъ Авдушевымъ поступить наиболѣе въ строгомъ размѣрѣ.

8.

1867 года іюля 2-го дня крестьянская вдова Паденскаго общества деревни Галѣвской Татьяна Михайлова Рогова въ поданномъ на имя Устьпаденскаго волостнаго правленія отъ 25-го прошлаго іюня прошеніи изъясняетъ слѣдующее: Мужъ мнѣ Тимофѣй Захаровъ Роговъ около 20-го мая сего года въ отлучкѣ волею Божію померъ, и по смерти его у свекра мнѣ, а его отца Захара Рогова жить я не придумала, а ушла къ отцу своему Устьпаденскаго общества въ деревню Максимовскую Михайлу Коноплеву, но какъ я жила въ замужествѣ только 17 недѣль, а потому и должна получить свое приданое платье, но свекоръ мнѣ Захаръ удержалъ собственное мое приданое, сарафанъ шелковый и платъ маслиновой, будто бы за то, что отецъ мнѣ Михайло бралъ у него ржи 6 четвериковъ; и дѣйствительно, отецъ сказываетъ, что поминутую рожь бралъ въ займы до осени, такъ чтобы отдать обратно рожью или же заплатить деньгами или кирпичемъ. Почему покорнѣйше прошу волостное правленіе учинить зависящее распоряженіе: отобрать отъ свекра моего Захара Рогова сарафанъ и платъ и предоставить мнѣ, при чемъ поясняю: когда покойный мужъ мнѣ Тимофѣй отправлялся въ отлучку, то я дала ему изъ *плакальныхъ денегъ* на дорогу 4 р., но теперь свекоръ отзывается незнаемъ. — Свекоръ просительницы крестьянинъ Захаръ Роговъ на спросъ суда говорилъ, что сарафанъ и платокъ нынѣ же обязался отдать обратно и состоящіе за отцомъ невестки своей крестьяниномъ Михайломъ Коноплевымъ 1 р. 75 к. оставилъ безъ возврата, рожь же 6 четвериковъ, данную Михайлу Коноплеву, согласенъ получить по осени, только съ тѣмъ, что если Михайло обяжетъ себя дочь свою, а мою невестку, взять къ себѣ обратно на жительство постоянно, въ случаѣ же болѣзни, то ко мнѣ не водворять. Крестьянинъ Михайло Коноплевъ, бывъ спрошенъ волостнымъ судомъ, говорилъ, что дочь

свою вдову Татьяну Рогову взять къ себѣ на жительство согласень, состоящую же за нимъ рождь 6 четвериковъ обязался отдать по осени сего же года деньгами или же рождью.

На основаніи чего Устьпаденскій волостной судъ опредѣлилъ: дозволить крестьянской вдовѣ Татьянѣ Роговой проживать при домѣ отца своего крестьянина деревни Максимовской Михайла Коноплева, платокъ и сарафанъ нынѣ же обязанъ крестьянинъ Захаръ Роговъ отдать невесткѣ своей Татьянѣ Роговой, а равно и взятую крестьяниномъ Коноплевымъ рождь 6 четвериковъ возвратить по урожаю въ семь же году Захару Рогову, что по запискѣ въ книгу объявить какъ просительницѣ, такъ и отвѣтчику. (Рѣшеніемъ всѣ остались довольны).

9.

Крестьянская вдова Кушевской волости Быстрокурскаго общества Холмогорскаго уѣзда Ирина Березина предъявила Кушевскому волостному суду жалобу на свекра своего Петра Березина и свекровку Анну Березину о томъ, что послѣ того, какъ въ 1866 году мужъ ея Елисей Березинъ, а имъ сынъ, умеръ въ С.-Петербургѣ безъ дѣтей отъ нея, свекоръ сталъ дѣлать стѣсненіе и наконецъ отказалъ во всемъ хозяйствѣ и не вознаградилъ за труды никакимъ имуществомъ, между тѣмъ заложилъ крестьянкѣ Машковой соболей воротникъ изъ приданого ея имѣнія въ 1 руб., и еще забралъ около 9 руб. для домашнихъ надобностей, потому и проситъ объ отобраніи того воротника и о предоставленіи въ ея пользованіе.

1867 года октября 26-го дня волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое отвѣтчика Петра Березина и жену его, которые показали, что они у снохи своей Ирины Березиной соболяго воротника крестьянкѣ Оеклѣ Машковой никогда не закладывали ни на какую домашнюю надобность, а оный воротникъ заложилъ сынъ ихъ Елисей Березинъ для своей надобности. Крестьянка же Оекла Машкова показала, что деньги подъ воротникъ брали слѣдующія лица: Петръ Березинъ деньгами 2 р., онъ же мукъ и рыбы и жена его Анна и Елисей Березинъ на 6 р., во время бытности послѣдняго на родинѣ, да еще бралъ онъ же Елисей на похороны дѣтей

2 руб., а всего 10 р. Сосѣдъ ихъ Ѳеодоръ Березинъ въ судѣ показалъ, что деньги въ займы у Машковой брали для всего вообще дому, а воротникъ принадлежитъ ей Иринѣ, какъ онъ знаетъ. Почему волостной судъ предложилъ просительницѣ и отвѣтчикамъ между собою добровольную сдѣлку, но отвѣтчики по вздорному своему характеру не согласились; потому судъ, основываясь на показаніи сосѣда и зная ея просительницы хорошее и смирное поведеніе, опредѣлилъ: заложеннымъ соболями воротникомъ крестьянѣ Машковой предоставить воспользоваться Иринѣ Березиной, а свекру и свекровѣ приказать выкупить его у Машковой для воспользованія снохѣ ихъ Иринѣ, тѣмъ болѣе, что они чинили ей по смерти мужа разныя оскорбленія и отказали въ хозяйствѣ; принимая же во вниманіе, что она въ замужествѣ жила немногое время, въ имуществѣ ей отказать.

Приданое дочери составляетъ во всякомъ случаѣ выдѣлъ изъ общаго имущества, такъ что по смерти отца, при раздѣлѣ братьями общаго имѣнія, замужней сестрѣ ничего не дается. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ отцы и по завѣщанію ничего не оставляютъ замужнимъ. „Чѣмъ благословлена отцомъ при замужествѣ, тѣмъ и будь довольна, а отъ братьевъ во второй разъ не можетъ требовать,“ объяснилъ мнѣ одинъ крестьянинъ.

Послѣ смерти жены, у которой не осталось дѣтей, почти все ея приданое возвращается къ ея родителямъ. На мой вопросъ: можетъ ли жена завѣщать своему мужу платное и иное приданое, объяснявшій мнѣ обычай крестьянинъ отвѣчалъ, что подобныхъ случаевъ не бывало, но что, по его мнѣнію, онъ не можетъ этого сдѣлать, потому, что приданое должно возвратиться въ семью ея родителей. Но изъ одного, приводимаго ниже, рѣшенія можно заключать, что еслибы мужъ могъ доказать, что завѣщаніе дѣйствительно существовало, то могъ бы воспользоваться приданнымъ жены. Безъ завѣщанія же, просто по обычаю, мужу послѣ бездѣтной жены остается только благославленная икона да постель, и все то, что было зашито въ бавникѣ, гдѣ таковой бываетъ: ложка, тарелка, миска, солонка и проч. Подвѣнечное платье жены и обручальное кольцо, если эти вещи подарены были женихомъ, также остаются у мужа. Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ обыкно-

венно не упоминается объ указанныхъ вещахъ, только въ одномъ говорится о постели, но это разумѣется само собою. Что благословенный образъ и постель, а также, заведенныя женихомъ, подвѣнечное платье и кольцо обручальное не отбирается отъ мужа,—это обычай повсемѣстный и твердо соблюдаемый. Иногда родители, по доброй волѣ, даютъ мужу что-нибудь изъ платнаго на память. Что же касается до денежнаго приданаго и вообще надѣлка, то въ Холмогорскомъ уѣздѣ мужъ, если онъ не зять-приемышъ, не имѣетъ на него никакого права по смерти жены, такъ что если останется что-нибудь, напримѣръ, корова и проч., то оно возвращается родителямъ покойной, а то, что продано и прожито при жизни жены, уже не требуется. Въ с. Матигорахъ былъ недавно такой примѣръ, что отъ мужа, прожившаго съ женой 20 лѣтъ, послѣ смерти послѣдней, отобрали все приданое и весь наличный надѣлокъ. Но если надѣлокъ данъ на заведеніе платья женѣ или безвозвратно мужу, то онъ уже не отдается назадъ. Когда я сталъ спрашивать крестьянина — не сохранился ли между ними старинный обычай оставлять зятю что-нибудь изъ приданаго до его новой женитьбы, то получилъ въ отвѣтъ, что такой обычай противорѣчилъ бы правамъ народа; родные покойной и народъ сказали бы: „Развѣ онъ хочетъ похвастать приданнымъ первой жены!“ Когда же мужъ заведетъ женѣ что-либо изъ одежды, а она не носитъ своего, потому что оно или негодно, или немодно, въ такомъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться соотвѣтственною частью платнаго его умершей жены. А если жена послала все заведенное мужемъ, то право родителей на ея имущество прекращается, потому что если бы она носила свое приданое, то износила бы его; значитъ мужъ въ правѣ замѣнить его своимъ.

Вещи, заложенныя зятемъ на содержаніе малолѣтней дочери или сына до ихъ смерти, зять обязанъ выкупить: „Самъ заложилъ самъ и выкупай,“ объяснилъ мнѣ крестьянинъ. Мужъ же долженъ кормить дѣтей, и если умереть, то хоронить ихъ на свои средства, какъ отецъ, а не на средства покойной жены своей; по этому онъ ничего не можетъ и оставить на этотъ предметъ у себя изъ приданаго жены. Таковы обычай, существующіе близъ Холмогоръ. Но въ другихъ мѣстностяхъ, какъ свидѣлствуютъ рѣшенія волост-

ныхъ судовъ, за мужемъ покойной оставляются нѣкоторыя вещи для упомянутой цѣли, а заложенное изъ вещей, которымъ не сдѣлана опись, выкупается самими родителями. При дѣлахъ мужескаго пола, оставшихся по смерти матери, судя по рѣшеніямъ, нѣкоторая часть приданого возвращается къ родителямъ жены, а остальное остается у мужа. Но здѣсь, близъ Холмогоръ, этого не бываетъ; въ семью мужъ въ правѣ не возвратитъ ничего, если остались мальчики.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ какъ видно изъ приведенныхъ ранѣе рядныхъ записей, мужъ обязывался возвратитъ послѣ смерти жены въ домъ ея родителей или весь надѣлокъ, шедшій съ женой, или только наличныя вещи, не уплачивая денегъ за издержанное, если онъ подтвердитъ прямымъ словомъ, передъ образомъ, дѣйствительности издержки.

Нынѣ, если вещи утрачены мужемъ, и это будетъ доказано, то онъ обязанъ вознаграждать родителей покойной, но онъ можетъ отовариваться тѣмъ, что не было сдѣлано описи имуществу, или доказать, что жена сама утратила или износила приданое; тогда онъ не отвѣчаетъ. На вопросъ—не обязываютъ ли родители умершей своего зятя присягнуть въ доказательство того, что онъ ничего не утаиваетъ изъ имущества жены, я получилъ отвѣтъ: „Требовать присяги отъ зятя значить *душу трясти* дочери; Богъ съ нами! скажутъ родители и отступятся“. Если же самъ зять захочетъ поцѣловать икону, то къ этому его допускаютъ.

Приданое, которое должно возвратиться въ домъ родителей или родныхъ покойной, берется отцомъ и матерью или братьями, тогда, когда они пріѣзжаютъ на похороны умершей. А по полученіи, оно идетъ тому, кому дастъ отецъ; платнымъ обыкновенно распоряжается мать и передаетъ дочерямъ или снохамъ, если нѣтъ первыхъ; надѣлокъ часто идетъ въ общее семейное имущество.

Какъ нарушение обычая о принадлежности приданого родителямъ жены, случаются захваты его со стороны мужа покойной и его родныхъ. Такіе захваты обыкновенно вызываютъ жалобы со стороны родныхъ умершей волостнымъ судамъ, и рѣшеніями послѣднихъ почти всегда возстановляются права истцовъ, какъ мож-

но убѣдиться изъ рѣшеній, помѣщенныхъ ниже сего. Только если родители зятя заложать что-нибудь изъ приданого, для того, на примѣръ, чтобъ окупить издержки по погребенію снохи, то по рѣшеніямъ, на основаніи обычая, выкупаютъ сами родители жены, если тѣ откажутся выкупить.

Когда у покойной жены остались дѣти, мужскаго или женскаго пола, все равно, въ такомъ случаѣ все приданое идетъ въ пользу ихъ. У многихъ родители жены даже не довѣряютъ приданого, легко утрачиваемаго, мужу. Отецъ приведетъ все въ извѣстность черезъ опись и наблюдаетъ, чтобы не продали и не заложили; иной сложитъ все въ сундукъ, который стоитъ у зятя, запретъ его и ключъ возьметъ къ себѣ до возраста дѣтей; пересмотритъ, просушитъ и опять складетъ. Остальнымъ имуществомъ—хлѣбомъ, коровой, деньгами, мужъ, при дѣтяхъ, можетъ пользоваться.

Вотъ рѣшенія волостныхъ судовъ, указывающія на судьбу приданого послѣ смерти жены, имѣвшей дѣтей, и бездѣтной.

10.

1867 года 29-го августа. Слушали прошеніе крестьянина Тар-
нянскаго сельскаго общества Великониколаевской волости, Шенкур-
скаго уѣзда, Александра Максимова Дешевицына, поданное въ Ве-
ликониколаевское волостное правленіе, ходатайствующаго о истре-
бованіи съ зятя его, крестьянина того же общества Степана Его-
рова Гашева имущества, даннаго въ приданое съ дочерью своею
Марфой, которая волею Божіею нынѣ померла и дѣтей никого не
оставила, на сумму 25 руб. серебромъ.

Вызванный въ волостной судъ, крестьянинъ Степанъ Гашевъ
объяснился, что жена его Марфа при смерти своей отказывала
ему одинъ утиральный платокъ тонкаго холста, одинъ француз-
ской платокъ и коробейку, но въ подтвержденіе своего голослов-
наго заявленія не представилъ никакихъ фактическихъ доказа-
тельствъ. Вслѣдствіе того волостной судъ по внимательномъ обсу-
жденіи, на основаніи мѣстнаго обычая, приговариваетъ: взыскать съ
крестьянина Степана Гашева все полученное въ приданое съ по-
койною женою его Марфою имущество, которое предоставить въ
пользу отца послѣдней крестьянина Александра Дешевицына.

Подобное рѣшеніе было учинено Сороцкимъ волостнымъ судомъ, Кемскаго уѣзда, 1867 года февраля 5-го, по просьбѣ одного крестьянина объ отобраниіи отъ зятя его приданого имущества, оставшагося послѣ жены послѣдняго, а перваго дочери. Тутъ судъ постановилъ: „приказать отвѣтчику возвратитъ шубейку и корову, за утраченныя имъ жемчужныя петли отдать 5 руб., а за остальную одежду, изношенную покойной не взыскивать“.

11.

1867 года марта 19-го дня. Въ Мардинскомъ волостномъ судѣ, Онежскаго уѣзда, присутствовали судьи: Алексѣй Крысановъ, Федоръ Гавриловъ, Яковъ Гурьевъ и Степанъ Кузьминъ; слушали жалобу крестьянина Хачельской деревни Андрея Анцыфорова о вѣнчаніи отъ крестьянина Каеркульской деревни Ивана Никулина вещей на сумму 29 р. 20 к., оставшихся у Никулина послѣ смерти перваго дочери, а послѣдняго жены. По учиненному въ волостномъ судѣ разбору оказалось, что Никулинъ выдалъ въ разное время Андрею Анцыфорову деньгами, рыбой и пр. на 40 руб. 21½ коп. Этотъ послѣдній представилъ счетъ уплаты Никулину 34 руб. 15 к. Обѣ стороны счеты признали правильными; кромѣ того оказалось, что Дмитріемъ Анцыфоровымъ уплачено деньгами 5 руб., и хотя Никулинъ и сознался въ полученіи этихъ денегъ, но объявилъ, что имѣетъ отдѣльный счетъ съ нимъ Дмитріемъ, почему деньги 5 р. въ счетъ не приняты до возвращенія Дмитрія. Свидѣтелей ни которая изъ тяжущихся сторонъ не представила. Волостной судъ опредѣлилъ: изъ находящихся у Ивана Никулина вещей, оставшихся послѣ смерти жены, оставить на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, по 107 ст. Общ. Полож., въ пользу Никулина одно одѣяло ситцевое на ватѣ, два суконныхъ постельника и подушку съ ситцевою наволочкою, а прочія вещи, какъ то: одну женскую суконную шубу на ватѣ, одинъ женскій на ватѣ полушубокъ, одно овчинное одѣяло, покрытое домашнимъ сукномъ, возвратитъ Андрею Анцыфорову; слѣдующія по расчету съ Анцыфорова достальныя деньги 6 руб. 60½ к. взыскать въ пользу Никулина, а для уплаты сего долга назначить двухнедѣльный срокъ до 2-го апрѣля сего года.

1868 года 27-го мая. Крестьянская жена Федоровскаго сельскаго общества, Шенкурскаго уѣзда, Акулина Григорьева Рожина заявила 27-го сего мая въ Великониколаевскомъ судѣ словесную просьбу объ отобраниіи отъ крестьянина Груздовскаго сельскаго общества Прокопья Антонова Шишкина оставшагося послѣ смерти дочери ея Рожинной Александры, бывшей въ замужествѣ за Шишкинымъ, имущества, а именно: одной красной штофной шубы, стоящей 10 рублей, одной шубы полшелковой—5 руб., одного сарафана шелковаго клѣтками, стоящаго 9 руб.; одной юбки шелковой штофной одноцвѣтной—3 р., одного шелковаго хорошаго платка—2 руб., одного шелковаго голубого удирка—1 руб., одного полушубка шелковаго травчатого, голубаго—1 руб., одного разшивнаго хорошаго сборника—3 руб., двухъ хорошихъ рубашекъ, изъ коихъ одна ситцевая бѣлая, а другая англійская красная — 1 руб., восьми холщевыхъ рубашекъ полновихъ — 2 руб., шести холщевыхъ воротушекъ безъ поднаставокъ — 1 руб., одного гаруснаго платка порядочной величины и доброты — 1 руб., одного гаруснаго передника — 70 коп., одного двоеликаго, немного поношеннаго полушубка—80 к., двухъ кумачныхъ полушубковъ—1 руб. 40 коп., кумача на полушубокъ—80 коп., однѣхъ красныхъ перстатокъ изъ дорогой шерсти—20 коп., однѣхъ красныхъ перстатокъ домашней работы—15 коп., трехъ утиральниковъ, одинъ изъ нихъ кумачный пропускной, съ узоромъ, второй шитый въ палахъ и третій браной, съ наборцами кругомъ,—2 р. 50 к., одной браной съ наборомъ салфетки—1 р., одной бѣлой съ наборомъ юбки—25 коп., одной холстиновой бумажной юбки—30 коп., одной красной овчарной юбки—1 руб., однѣхъ серебрянныхъ безъ пробы серегъ — 15 коп., одного серебряннаго пробнаго кольца—20 коп., одного крашенаго съ замкомъ ящика—1 р., одной съ замкомъ коробки—40 коп., одной конопянной браной салфетки—10 коп., и одной бѣлой каменной тарелки—10 коп., а всего на сумму 51 руб. 5 коп.

Вызванный на 27-е число сего мая въ волостной судъ крестьянинъ Прокопій Шишкинъ объяснилъ, что все вышеобъясненное Рожинной, оставшееся послѣ смерти первой жены его, а Рожинной

дочери, Александры, имущество находится въ цѣлости, которое и согласился предоставить въ пользу крестьянской жены Акулины Рожиной, просилъ ее предоставить въ пользу его, Шишкина, только одинъ утиральникъ съ наборцами кругомъ и одно серебрянное кольцо, на что крестьянская жена Акулина Рожина согласилась.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи сего дѣла, опредѣлилъ: согласно соглашенію крестьянской жены Акулины Рожиной и крестьянина Прокопья Шишкина, считать сіе дѣло конченнымъ, поручивъ исполненіе сего рѣшенія Груздовскому сельскому старостѣ.

13.

На просьбу крестьянина Благовѣщенской волости, Шенкурскаго уѣзда, Проурзина объ отобраніи приданого отъ крестьянина Попова, которое осталось послѣ его дочери, выданной въ замужество въ 1864 году и умершей, Благовѣщенскій волостной судъ 24-го іюля 1866 года постановилъ: отобрать отъ Попова все имѣніе, какое принесла съ собою въ приданое покойная жена его, кромѣ полукапотья и красной англійскаго ситца рубашки, которыя предоставить ему въ собственность за покупку имъ части красной бумаги въ сарафанъ покойной жены своей.

14.

1867 года 22-го октября. Слушали словесную просьбу крестьянина Володимірскаго сельскаго общества, Шенкурскаго уѣзда, Ларіона Павлова Малютина, ходатайствующаго о истребованіи обратно съ зятя его, крестьянина Никольскаго общества Григорья Михайлова Хабарова, данныхъ ему въ приданое съ сестрой его Натальей Павловой, нынѣ умершей, озадка двора и денегъ 5 р. сер.

Вызванный въ Великониколаевскій волостной судъ крестьянинъ Григорій Хабаровъ показалъ, что озадокъ двора и деньги 5 рублей даны ему были въ надѣлокъ безвозвратно, и что самъ проситель Ларіонъ Малютинъ состоитъ ему должнымъ не заплаченными за плотничную работу 1 рублемъ 25 копѣйками. Крестьянинъ Ларіонъ Малютинъ заявилъ, что деньги 5 руб. даны были Григорью Хабарову не въ надѣлокъ, а въ займы, и Малютинъ по соглашенію

*

съ Хабаровымъ заявленіе свое подтвердилъ Богомъ; при чемъ они миролюбно между собою согласились въ томъ, что Хабаровъ обязался возвратить Малютину озадокъ двора, а Малютинъ долженъ заплатить Хабарову за работу деньги одинъ рубль двадцать пять копѣекъ серебромъ, съ тѣмъ что Малютинъ взысканіе съ Хабарова 5 рублей оставляетъ.

- Вслѣдствіе чего волостной судъ опредѣляетъ: по случаю миролюбнаго соглашенія крестьянъ Ларіона Малютина и Григорья Хабарова считать сіе дѣло конченнымъ, о чемъ дать знать сельскимъ старостамъ Володимірскаго и Никольскаго обществъ для наблюденія за выполненіемъ обязательствъ крестьянъ Малютина и Хабарова.

15.

1867 года октября 5-го. Крестьяне деревни Лешуконской, Мезенскаго уѣзда, Иванъ, Панфиль и Афанасій Пескины объявляютъ, что у нихъ выдана была въ замужество за крестьянина деревни Карашельской Ѳедора Опарина, сестра Ирина, которая померла около 9 лѣтъ, по смерти ея осталась дочь Агафья и имѣніе изъ платья, а именно: штофникъ со всѣмъ приборомъ—10 р., коротенька со всѣмъ приборомъ — 3 руб., кумашникъ тоже съ приборомъ—2 р., тулупъ—7 р., сарафанъ аглицкаго ситца—2 р., двѣ женскихъ рубахи съ рукавами, первая синей холстнеи, вторая... 2 р., суконная красная шаль—1 руб., малпновый двоерадный поясъ — 50 к., нарукавники аглицкаго ситца — 50 к., передникъ бѣлаго ситцу — 50 коп., сарафанъ ситцевый — 70 к., аглицкій платъ—1 р., а всего на 30 руб.; дочь нашей сестры, а наша племянница Агафья нынѣ померла; поэтому мы желаемъ получить вышеписанное имѣніе обратно отъ бывшаго зятя крестьянина Опарина, или чтобы онъ удовлетворилъ насъ деньгами 30 руб., въ чемъ и подписуемся.

Вызовъ отвѣтчика назначенъ 5-го ноября. Ноября 5-го Лешуконскій волостной судъ въ числѣ трехъ судей разбираетъ настоящее дѣло, и оказывается слѣдующее: крестьянинъ Опаринъ не отрицаетъ, что дѣйствительно вещи поименованныя въ жалобѣ Пескиныхъ были даны въ приданое съ покойною его женой Ириной,

и изъ нихъ находится у Опарина на лицо все, кромѣ кумашника, который заложенъ у крестьянина Петра Климцова въ 50 в., штофника у крестьянина Ивана Климцова въ 7 р., тулупа и сарафана аглицкаго ситцу у Катерины Климцовой въ 3 р., коротенька у крестьянина Константина Опарина въ 1 р. 50 к., всего на 12 р. с.

Въ виду такихъ обстоятельствъ и при несогласіи тяжущихся на предложенный миръ, волостной судъ, принимая во вниманіе, что Опаринъ въ приданныхъ женныхъ вещахъ не отпирается и Пескиными во время смерти Опарина жены, а ихъ сестры, описи имуществу сдѣлано не было, также что, по объясненію Опарина, означенныя вещи имъ были заложены по несостоятельности его, для пропитанія Пескиныхъ племянницы, а у Пескиныхъ имущество не было сдано подъ опеку, рѣшилъ: вышеописанное имущество отобрать отъ Опарина и передать по принадлежности Пескинымъ—тѣ вещи, которыя есть въ наличности, а заложенные вещи предоставить, если они Пескины имѣютъ на то выгоду, то выкупаютъ и пользуются ими безъ участія какъ въ выкупѣ, такъ пользованіи Опарина, а если Пескины не пожелаютъ на выкупъ вещей, то имъ предоставляется таковыя оставить навѣчно за Климцовыми и Омариннымъ. Постановленіе это учинено согласно прежнимъ, вошедшимъ здѣсь обычаямъ, на основаніи 96 ст. Положенія 19-го февраля 1861 г.; затѣмъ дѣло зачислить рѣшеннымъ.

Рѣшеніемъ этимъ истцы Пескины остались недовольны; оно окончательно исполнено 6-го ноября.

16.

1867 года апрѣля 2-го. Лявленскій волостной судъ Архангельскаго уѣзда входилъ въ разсмотрѣніе дѣла по объявленію повѣреннаго крестьянъ Петра Андреева, жены его Ирины Антоновой и сына ихъ Якова Петрова Немоновыхъ, первымъ двумъ сына, а послѣднему брата, крестьянина д. Маланчевской Дмитрія Петрова Немонова, въ коемъ онъ изъясняетъ, что проживавшая въ нераздѣльномъ семействѣ съ ними родная его сестра, дѣвица Матрена Петрова Немонова, съ согласія родителей его, равно и его Дмитрія, въ 1860 года выдана въ замужество за крестьянина одной съ нимъ деревни Василя Михайлова Морева, и при выдачѣ съ нею

отданы, какъ вышеказанными родителями и братомъ его, равно и самимъ имъ, въ приданое приобрѣтенныя общими силами всѣхъ членовъ ихъ семейства разныя вещи, заключающіяся въ женской одеждѣ, какъ-то: бѣльѣ, платьяхъ, обуви, верхней одеждѣ, головномъ уборѣ, жемчугѣ и сундукахъ, всего на сумму слишкомъ 200 р. с. По истеченіи года послѣ бракосочетанія сказанная сестра его Матрена волю Божію умерла, оставя послѣ себя на попеченіи своего мужа Василя Морева законно прижитаго съ нимъ сына Филиппа, имѣвшаго тогда отъ рожденія одинъ день. По смерти сказанной его сестры, а Морева жены, Матрены, онъ Моревъ возвратилъ имъ нѣкоторыя вещи менѣ цѣнныя противъ прочихъ, изъ бѣлья и платья, отданныя ему съ женою въ приданое, въ распоряженіе ихъ, а болѣе цѣнныя, по оцѣнкѣ ихъ, стоящія не менѣ нижеозначенной цѣны: жемчугъ въ 3-хъ прядяхъ, вѣсомъ до 10 золотниковъ—на 40 р., женскій парчевой полушубокъ—15 р., два шелковыя платья—15 р., штѣфная юбка съ мишурными газами—10 р., и шелковый женскій большой платокъ—10 р., всего на сумму 90 р. с., оставилъ у себя, какъ имѣвшій тогда на то право, по случаю нахожденія у него законно прижитаго съ покойною его сестрою сына, который, проживъ у Морева 4½ года, тоже волею Божію умеръ; за симъ крестьянинъ Василій Моревъ, на основаніи *существующихъ законовъ*, какъ жившій съ женою короткое время и не имѣющій прижитыхъ съ нею на содержаніи у себя дѣтей, лишился права пользоваться отданнымъ съ нею приданнымъ имѣніемъ, которое, по справедливости и на основаніи закона, должно быть возвращено имъ Немоновымъ, какъ прямымъ наслѣдникамъ покойной ихъ сестры Матрены, и тѣмъ болѣе, что такое приобрѣтено не одними ея, а общими силами всего ихъ семейства. Они неоднократно обращались къ нему Мореву о возвращеніи приданого, но Моревъ хотя и изъявлялъ согласіе возвратить имъ всѣ вышеписанныя вещи, исключая жемчуга, который стоитъ, какъ выше о семъ объявлено, 40 р., но не возвратилъ. Почему онъ, Немоновъ, какъ довѣренный отъ семейства ихъ на ходатайство о возвращеніи имъ такового, проситъ волостное правленіе сдѣлать зависящее распоряженіе объ отобраніи отъ Морева всѣхъ вышеписанныхъ вещей и жемчуга и выдать ему въ общую пользу членовъ ихъ семейства.

Вслѣдствіе чего отвѣтчикъ Моревъ былъ вызываемъ въ волостной судъ 5-го числа марта мѣсяца, но къ суду не явился безъ законныхъ къ тому причинъ, за что, согласно приговору сего суда, состоявшемуся того же числа, на основаніи 126 и 267 ст. 3 разд. Сборн. постан. для руков. вол. и сельск. упр., подвергнуть взыскацію; пени 50 к. въ мірской капиталъ; сего числа снова былъ вызванъ въ судъ, гдѣ на предъявленную просьбу крестьянина Немонова о возвращеніи ему вышеписанныхъ вещей или по стоимости оныхъ денегъ объяснилъ, что онъ согласенъ возвратитъ Немоновымъ отданное ему въ приданое съ женою и остальное имущество, за исключеніемъ жемчужныхъ перлъ, за содержаніе до смерти оставшагося на его попеченіи послѣ смерти покойной жены его Матрены, законнаго сына Филиппа въ теченіе 4½ годовъ, и кромѣ того, проситъ взыскать съ Немонова взятыхъ у него тещею его, а Немонова матерью, собственно ему принадлежащія деньги 5 р. с., на что Немоновъ согласился, съ тѣмъ однако, что денегъ Мореву отдать не 5, а 3 р., какъ таковыя принадлежали не собственно ему Мореву, а покойной сестрѣ его, но Моревъ и на сіе согласился, и потому споръ этотъ они прекратили сего числа на волостномъ судѣ миролюбно и безобидно для той и другой стороны, съ тѣмъ, чтобы дѣла этого, послѣ сего рѣшенія, ни той, ни другой сторонѣ нигдѣ не возобновлять. Волостной судъ, имѣя въ виду, что на основаніи закона тяжущимъ лицамъ предоставляется право примиренія и тѣмъ окончательно рѣшать дѣла на волостномъ судѣ, постановилъ: условія примиренія ихъ записать въ настоящую книгу и дать подписать тяжущимся, затѣмъ дѣло по сему предмету зачислять въ рѣшенныхъ.

17.

1867 года іюля 23-го. Отставной рядовой, проживающій въ деревнѣ Хайбутовской, Благовѣщенской волости Шенкурскаго уѣзда, Иванъ Ивановъ Кичевъ прошеніемъ, поданнымъ въ волостное правленіе, просилъ отобрать отъ крестьянина той же деревни Федора Дмитріева Пшеницына разное женское имущество, оставшееся послѣ смерти падчерицы его, Кичева, Матрены Пшеницыной, выданной за

него Пшеницына назадъ тому девять лѣтъ, потому что послѣ смерти ея не осталось наслѣдниковъ женскаго пола.

Благовѣщенскій волостной судъ по обсужденіи этого дѣла постановилъ: такъ какъ умершая жена крестьянина Ѳедора Пшеницына Матрена жила съ мужемъ своимъ 9 лѣтъ, слѣдовательно, она большею частью носила платье, заведенное мужемъ, а не приданое, а потому отъ крестьянина Ѳедора Пшеницына въ пользу рядоваго Кичева отобрать, вмѣсто просимаго имъ имуществъ, только одинъ суконный полушубокъ, а затѣмъ дѣло это считать рѣшеннымъ. Остальное же имѣніе умершей Матрены, принесенное ею въ приданое, находящееся у Ѳедора Пшеницына, онъ Ѳеодоръ обязанъ хранить въ цѣлости до совершеннолѣтія сына своего.

18.

1864 года января 13-го. Дѣло бывшаго Устьпаденскаго приказа, по прошенію крестьянина Устьпаденской волости, Шенкурскаго уѣзда Ѳедора Григорьева Коноплева о взысканіи съ такового жъ Степана Андреева Карамышева имуществъ, оставшагося послѣ смерти дочери перваго, а невѣстки послѣдняго. По сему предмету было производство въ удѣльномъ приказѣ 17-го ноября 1860 года, и при личномъ между истцомъ и отвѣтчикомъ расчетѣ постановлено миролюбивое соглашеніе, съ тѣмъ чтобы Карамышевъ возвратилъ Коноплеву то имѣніе, которое окажется у сына перваго въ Рыбинскомъ.

Карамышевъ былъ въ Рыбинскомъ у сына и по возвращеніи отсюда отдалъ Коноплеву только юбку и платокъ покойной дочери, больше ничего, въ чемъ словесно и удостовѣряетъ; Коноплевъ же этому не вѣритъ, предоставляетъ Карамышеву удостовѣрить передъ Богомъ присягой, на что сей не согласенъ; а потому Коноплевъ и удерживаетъ у Карамышева палтасу 5 пудовъ, которые онъ, Карамышевъ, взыскиваетъ съ него, Коноплева.

Опредѣленіе волостнаго суда: Если Карамышевъ не подтвердитъ передъ Богомъ честнымъ словомъ, что никакого имѣнія покойной невѣстки изъ Рыбинска отъ сына не привезъ, кромѣ отданнаго Коноплеву, то палтасу 5 пудъ лишается, а если подтвердить или сколько есть отдать, то Коноплевъ обязанъ Карамышеву отдать

за палтась 7 р. 50 к.—цѣну, заплаченную имъ въ Архангельскѣ, а не по здѣшнимъ цѣнамъ, какъ требуетъ Карамышевъ, потому что Коноплевъ купилъ на свои деньги, а не на Карамышевскіе; всѣ же расчеты, бывшіе между ними до 17-го ноября 1860 года, въ которыхъ тогда обоюдно согласились, впредь не возобновлять. Какое опредѣленіе суда тяжущимъ и объявлено.

19.

1868 года 21-го октября. Сельскій староста Груздовскаго общества, отъ 16-го сего октября за № 231, донесъ Великониколаевскому волостному правленію, Шенкурскаго уѣзда, что по производившемуся у него дѣлу, начавшемуся съ просьбы крестьянина Павла Ѳеодорова Птицына объ отобраніи лошади мерина отъ крестьянина Степана Иванова Безсонова, данной въ приданое съ двоюродною сестрою его Птицына, Авдотьей Сергѣевой, на заведеніе платья, при выдачѣ ея въ январѣ мѣсяцѣ сего года въ замужество за сына Безсонова, Петра Степанова, которые оба нынѣ уже умерли,—онъ староста склонить ихъ къ миролюбному соглашенію не могъ, а потому проситъ дѣло это передать на разсмотрѣніе и разбирательство волостнаго суда.

Вызванные на 21-е число сего октября въ волостной судъ крестьянинъ Павелъ Птицынъ и по довѣрію крестьянина Степана Безсонова, братъ его, солдатъ Григорій Ивановъ, и жена Анна Егорова Безсоновы миролюбно между собою согласились въ томъ, что Безсоновы обязались возвратить Птицыну данную въ приданое съ покойною сестрою его лошадь, а Птицынъ, со своей стороны, обязался уплатить Безсонову за возвращеніе лошади деньгами 12 рублей въ два срока, а именно: на 8-е число ноября сего года 6 рублей и на 1-е число февраля будущаго 1869 года остальные 6 рублей.

Волостной судъ опредѣлилъ: отобрать отъ крестьянина Степана Безсонова упомянутую лошадь мерина, которую предоставить въ пользованіе крестьянина Павла Птицына, затѣмъ взыскать съ Птицына сказанныя деньги двѣнадцать рублей серебромъ въ вышеуказанные сроки, конми и удовлетворить Безсонова.

1868 года октября 30-го дня. Жалоба крестьянина Малошуйскаго селенія Онежскаго уѣзда Артемья Андропова объ отобраніи вещей отъ крестьянина Степана Липатова, бывшихъ у него на сохраненіи по случаю смерти дочери Андропова, бывшей за мужемъ за крестьянина Гаврилой Филимоновымъ, и оставшагося послѣ ея сына, —которыя должны нынѣ поступить въ наслѣдство ему Андронову.

Вещи, находящіяся на сохраненіи у Липатова, оставшіяся послѣ смерти дочери Андропова и сына сего Папылы, умершаго одного мѣсяца отъ роду, оказались по приложенной описи на лицо; но изъ нихъ гарусникъ, кумашникъ и красной платокъ употреблены на погребеніе младенца Папылы и на няньки женская рубашка. А потому Вачевскій волостной судъ, Онежскаго уѣзда, 4-го ноября постановилъ: оставшіяся вещи по описи отдать подъ присмотръ сельскаго старосты Малошуйскаго общества до уплаты Андроновымъ государственныхъ податей на вторую половину 1867 года и сей 1868 годъ, а равно и за выданныя сѣмена на посѣвъ; когда Андроновъ внесетъ эти недоимки, тогда староста Баевъ долженъ выдать Андронову эти вещи.

Какъ въ другихъ отдѣлахъ нашего труда. для ознакомленія съ юридическими понятіями прежняго времени и съ характеромъ рѣшеній духовнаго суда по дѣламъ гражданскимъ, приводятся дѣла, разбиравшіяся въ здѣшнемъ духовномъ судѣ въ прошломъ столѣтіи, такъ и теперь приведемъ одно разбирательство, предметомъ котораго служить приданое, оставшееся послѣ смерти жены, умѣвшей дѣтей. Оно носитъ названіе: „Дѣло 1711 года съ просьбы вдовы Пелагіи Матвеевой о взысканіи приданаго съ бывшаго зятя Холмогорца Федора Янкина по смерти дочери ея“ ¹⁾. Просьба эта слѣдующая:

„Государю иеросвященному Рафаилу, архіепископу Холмогорскому и Важескому, бьетъ челомъ и плачется вдова Пелагія Матвѣева дочь. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 710 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ

¹⁾ Изъ бывшаго архіерейскаго архива, находящихся въ Холмогорскомъ Преображенскомъ соборѣ.

19-го числа, дочь моя Параскева, а бывшая жена Глинскаго посаду Оедора Янкина, волею Божіею въ рожденіи младенца преставися, а при смерти во исповѣди была того жъ посада у священника Максима, а до смерти своей она Параскева дочь моя за недѣлю дала мнѣ въ сохраненіе приданого моего имѣнія кокошникъ объяринной насыпной съ золотомъ, обнизанъ жемчугомъ, и приказывала мнѣ, аще Богъ благоизволитъ въ той моей тяжести въ рожденіи смерть, и изъ того кокошника по пѣнѣ поправить по душѣ моей помяновеніе по церквамъ, и при той, она, Параскева, въ рожденіи младенца, при исповѣди, при отцѣ духовномъ и при мужѣ своемъ Оедорѣ приказывала все свое приданое поправить по душѣ своей въ помяновеніе и послѣ отца своего духовнаго, при мужѣ своемъ, она Параскева еще о томъ, съ подтвержденіемъ мнѣ, матери своей, приказывала о приданомъ имѣніи въ помяновеніе поправить, и тогда жъ именно при мужѣ своемъ приказывала отдать съ шубки своей тафту рудожелтую новую на Нижней посадѣ къ церкви Рождественской, на строеніе дьяконскаго стихаря, и для поминовенія прежде бывшихъ у той церкви сродниковъ своихъ; а жила она Параскева съ нимъ Оедоромъ мужемъ своимъ только четыре года и осталось отъ роду отъ нея съ нимъ Оедоромъ сынъ одинъ Иванъ двухъ лѣтъ, а что съ нею я, Параскевою, въ приданое отъ своего труда притяженное во вдовствѣ моемъ дала, и что по смерти ея Параскевы, заложъ тожъ ея кокошникъ, гдѣ издержано по нея въ помяновеніе, подъ сею челобитнею написана роспись, и онъ Оедоръ прежде бывшій зять мой мене, старую вдову, (за то, что) для управленія по душѣ дочери моей Параскевы изъ того даннаго мнѣ кокошника учинила помяновеніе, съ великою онъ злобою и ругательствомъ мене бранить и поносить и о томъ мене безпомощную челобитьемъ разорить похваляется. Милостивый государь преосвященный Рафаиль, архіепископъ Холмогорскій и Важескій, призри на мое безпомощное вдовство, которое я въ своемъ вдовствѣ отъ руководія моего притяжала и съ дочерью моею Параскевою въ приданое, какъ за него Оедора идя замужъ дала, пожалуй, государь, благоизволи то мое приданое имѣніе, которое у него Оедора есть, ему во мнѣ отдать и изъ того поправить за душу дочери моей въ помяновеніе. Государь смилуйся!

„Роспись приданому животу:

„Наборошникъ, въ немъ три золотника жемчюгу.

„Зарукавникъ, въ немъ два золотника жемчюгу.

„Да простаго жемчюгу золотникъ, изъ того построила она Параскева затыльникъ.

„Шубка, мѣхъ заечинной черевей, поволоченъ кумакомъ.

„Шубка каразейная красная съ пуговицы серебряными.

„Кумакъ на шубку.

„Сукникъ яренги новой.

„Триухъ обложенъ бобромъ, камки алой, круживо золотное.

„Таёты рудожелтой полпята аршина, и та таёта шита на шубку.

„Трои рукава полотняныхъ и прочего бѣлья, платковъ и рубахъ коробка.

„А живучи она Параскева при мужѣ своемъ изъ приданого моего имѣнія и отъ своихъ трудовъ построила кокошникъ жемчужной, а тотъ жемчюгу изъ вышепомянутого моего даннаго наборошника и зарукавья пять золотниковъ, да сверхъ того въ прибавку положила жемчюгу изъ приданого жъ моего имѣнія въ продажѣ бѣлья: платы и рубашки, и къ тому строенію золота ей я давала жъ, а тотъ кокошникъ объяри насыпной золотной, а ту объярь я взяла въ долгъ у горожанина Ивана Андреева Звягина, въ цѣну двадцать-шесть алтынъ четыре деньги, и деньги ему и донинѣ не даны. Да она жъ Параскева построила при мужѣ своемъ наборошникъ жемчужной отъ своихъ трудовъ, а въ тотъ наборошникъ взято жемчюгу у монахини Анны два золотника, за одинъ золотникъ дано цѣны два рубля, а за другой золотникъ полтора рублей—ей монахини и до нынѣ деньги не даны; да на шубку тафтяную взято кружива шелковаго двѣ полосы, цѣною въ пять алтынъ; а деньги еще и до нынѣ не даны. И то все приданое имѣніе и строеніе ей Параскевы, кромѣ кокошника жемчужнаго, за нимъ Оедоромъ Янкинымъ, а кокошникъ жемчужный, который сама она Параскева до смерти своей мнѣ въ соблюденіи дала, и я тотъ кокошникъ по смерти ея заложила за пять рублей и по приказу за душу ея помяновеніе отправляла, большого собора священнослужителемъ въ сеноникъ во вседневной дано рубль, да на сорокъ дней за просфоромисаніемъ поминать имъ же соборнымъ

дано четыре гривны, Успенскому священнику дана гривна, да въ сорокоустіе Глинскаго посада священникомъ дано рубль, а другой рубль имъ же священникомъ додать, на Нижній посадь Рождественскому священнику дано въ помяновеніе полтина, да при погребеніи ея дано нищимъ рубль, да богадѣленнымъ нищимъ дано шесть алтынъ за чтеніе псалтири дано осмь алтынъ, Покровскому священнику дано гривна“.

Спрошенный, вслѣдствіе настоящаго челобитья, отвѣтихъ Яннинъ объявилъ, что „въ прошломъ 710 году жена его, при рожденіи младенца мучась, ѡтцу своему духовному, Глинскаго посаду священнику Максиму, грѣховъ своихъ исповѣдывалась, и лежавъ въ бани, скорбя, при немъ Ѳеодоръ, и въ то де время челобитчица теща его Пелагія, пришедъ въ баню, при немъ же Ѳеодоръ да при бабѣ повивальней, Никольскаго дворника Василья Кирилова при матери, отвязавъ отъ нея, скорбной жены его, поясъ съ ключами и съ ворота отъ креста мошечку съ деньгами (а денегъ его было девять алтынъ, да колтушки изъ ушей серебряны), и тѣми ключами съ дочерью своими замужними Ѳеодорою да съ Анною въ клѣтъ собою и ходили, и что приданого живота къ нему пришло, также которое и его пристрою пожитковъ на жену его положено было, все изъ клѣти вынесли тайпо; а тогда де въ домъ его стороннихъ людей никого не было, и при томъ случай въ бани безъ тещи его жена его приказывала ему, что де есть ея приданого живота и его Ѳеодорова пристрою жемчужное кокошникъ низанъ по объяри, и то все у ней покладено въ клѣти въ малой коробѣ, а та де малая коробка поставлена въ большей коробѣ, и чтобъ онъ Ѳеодоръ изъ тѣхъ пожитковъ приданныхъ ея продалъ три шубки, въ томъ числѣ сукню яренкову подержану, каразейникъ, куманникъ подержанные жъ, и тѣмъ, когда ей смерть ключится, и по смерть по душѣ ея тѣмъ поправилъ; а про тотъ приказъ вѣдомо вышепомянутаго отцу духовному священнику Максиму въ томъ онъ Ѳеодоръ во всемъ на него священника и шлется; а достальное что ея приданого и его Ѳеодорова пристрою жемчужнаго и иной какой мелочи и останется, приказала она жена его, отходя свѣта сего, во владѣніе ему мужу своему Ѳеодору съ сыномъ ея малолѣтнимъ Иваномъ, потому что тотъ сынъ ихъ от-

довскимъ и матернимъ статкамъ наслѣдникъ и живетъ у него отца своего, а не у ней челобитчицы, а такого де приказу при смерти ея жены его отъ ней при вышепомянутомъ отцѣ духовномъ и при немъ Ѳеодорѣ, чтобъ по смерти ея все приданое поправить по душѣ ея и, съ шубки тафту рудожелтую новую снявъ, отдать на Нижній посадъ къ Рождественской церкви на дьяконской стихарь не было и не отказывала; то де она челобитчица въ челобитѣ своемъ написала на нее дочь свою умершую не въ правду; въ томъ онъ Ѳеодоръ на него жъ священника и шлется жъ. А онъ де Ѳеодоръ челобитчицы тещи своей Пелагии при смерти жены своей и по смерти ея у себя въ домѣ и нигдѣ никакъ не бранивалъ и ничѣмъ не ругалъ. А какъ де жена его Ѳеодорова представилась, и учили ее обмывать, и тогда его Ѳеодора въ домѣ не было, былъ на базарѣ, и безъ него де Ѳеодора теща его Пелагея съ дочерьми своими, пошедъ въ клѣтъ его по рубашку къ погребенію, и достальное все приданое свое и его пристрою кокошникъ отдала дочери своей Аннѣ, про то вѣдомо Глинскаго посаду Ѳеодора Шульгина женѣ его Парасковьи, да Ѳеодосіи Макаровы дочери, да Марьи Евдокимовы, да Ѳеодоровы женѣ Сорокина Оксеньи. А по погребеніи жены его, отѣдчи хлѣба, теща его, пошедъ собою въ клѣтъ и изъ той клѣти вынесши приданую коробью въ сѣни и отомкнувъ ключемъ, которой ключъ съ поясомъ отъ жены его скорбной она отвязала, мелочное приданое все выбравъ, и роздала дочерямъ безъ его Ѳеодорова приказу, и собравъ съ пересова приданные дочери своей сукню, кумашникъ, теплой каразейникъ, два треуха, при немъ Ѳеодорѣ и при сродцахъ его въ ту коробью и поклала, и ту коробью замкнувъ, и запечатала своею печатью, и ключъ къ себѣ взяла, и изъ дому съ мелочнымъ приданнымъ съ дочерьми своими и уѣхала нагло и внука де своего, а его малолѣтняго сына, тѣмъ всѣмъ поминшала и хочетъ поминать и овсе. А кокошникъ де низаной жемчюгомъ его Ѳеодорова пристрою, а не жены его умершей, потому что онъ въ прошлыхъ годѣхъ, купя, привезши съ Подвинья ошивку жемчюжную и осыпавъ, а по вѣсу было жемчюгу два золотника не сполна; да къ тому жъ жемчюгу давалъ онъ Ѳеодоръ женѣ своей на покупку жемчюга свои деньги, также на покупке объяри и на всякой при-

кладъ разными дачами, и купя она жена его жемчюгу и прикладъ на его деньги и построила, а жемчюгъ и прикладъ и обьярь у кого она жена его покупала, того онъ подлинно не знаетъ, потому что онъ Федоръ тогда былъ въ морскихъ и въ иныхъ отъѣзжихъ промыслѣхъ, а на горожанина Ивана Звягина и на монахиню Анну Окулову по сему дѣлу слаться ему и не къ чему, потому что въ тотъ кокошникъ жены своей во всякій прикладъ и на жемчюгъ давалъ деньги онъ Федоръ съ избыткомъ, что выше объявлено; а приданое де наборошникъ и зарукавье послѣ вышепомянутого кокошешнаго строенія жена его Федорова, осыпавъ жемчюгъ и тотъ жемчюгъ, да брачнаго его дара два полотенца, да рубашку кроену, только не шиту, да золота четыре золотника, продала съ общаго совѣту, за что онъ при брацѣ и о Пасхѣ противу тещу и иныхъ сродниковъ отдаривалъ, и на тѣ деньги жена его Парасковья, купя жемчюгу сокрупные, наборошникъ и подзатыльникъ и построила, мимо тещу его челобитчицу Пелагею; а въ томъ новопостроенномъ его наборошникѣ жемчюгу вѣсомъ три золотника, а въ подзатыльникѣ полтретя золотника, и тѣ де наборошникъ и подзатыльникъ и семь перстней серебряныхъ да крестъ и колтушки и кокошникъ у ней челобитчицы, а не у него Федора“.

Роспись приданого имущества, приложенная отвѣтчикомъ, пополнена слѣдующими вещами:

Кокошникъ краснаго атласу съ золотными галунами.

Два колтушки серебряные, одинъ съ плашками, а другіе скатками серебряными.

Затыльникъ на красномъ атласѣ, шить золотомъ.

Крестъ серебряной на шелковомъ гойтанѣ, золоченой съ прошивками серебряными.

Два платка лощенаго полотна съ кружевы золотными.

Два ящичка съ полотняными платками.

Семь перстней серебряныхъ золоченыхъ женскихъ со ставками.

Изъ числа спрошенныхъ по сему дѣлу свидѣтелей, повивальная бабка подтвердила только то обстоятельство, что челобитчица во время нахождения ея дочери въ бани отвязала отъ креста только мошенокку съ деньгами по приказу своей дочери, которая велѣла

находящіеся тамъ деньги отдать по смерти ея нищимъ въ бога-дѣльню. Глинскаго посаду священникъ Максимъ показалъ, что покойная жена Янкина во время исповѣди ея приказывала въ случаѣ ея смерти продать только три ея приданія шубки. Отно-сительно же спора о приданомъ, бывшаго между челобитчицей и отвѣтчикомъ по погребеніи Парасковьи Янкиной, свидѣтель по-казалъ согласно священнику Рождественской церкви Якову. А этотъ послѣдній заявилъ, что послѣ обѣда Федоръ Яненинъ, „вы-звавъ ихъ священниковъ въ сѣни и съ прочими сродниками, вы-несъ изъ кѣлти коробью съ женскими шубками и иною мелочью, которую разбирали и разсматривали съ тещой, и при этомъ осмо-трѣ между ними учинился споръ, и Яненинъ заявилъ, что теща обнесла его Федора портнами и рубашками; на что теща отвѣчала, что она хотя брала рубашки для мытья, во время беременности дочери, но возвратила ихъ обратно, а портень не брала; теща же его, взявъ изъ коробы красныя кокошникъ съ галуномъ, бросила дочери своей Федорѣ и говорила, что тотъ кокошникъ ея. Мать умершей говорила свидѣтелю, что покойная ея дочь велѣла таф-тяной спорокъ съ шубки отдать по душѣ своей въ поминовеніи въ Рождественскую церковь для перешивки на дьяконскій сти-харь; но онъ священникъ такого не получалъ, а получилъ только отъ тещи въ поминовеніе по дочери деньгами полтину. Зять чело-битчицы, по погребеніи его жены, сулилъ дать въ поминовеніе по душѣ его жены ему священнику съ дьякономъ рубль денегъ, но ничего не далъ и сказывалъ имъ, что при смерти его жена ве-лѣла ему отдать съ каразейной шубки серебряныя пуговицы имъ священникамъ Максиму и Якову пополамъ на раздѣлъ, и послѣ того отговорилъ, что онъ тѣ пуговицы всѣ отдаетъ одному свя-щеннику Максиму, а ему въ то число, за пуговицы, дастъ день-гами; однако ничего ему и причетникамъ не далъ„.

Свидѣтельница вдова Афімья Ростовцева дала такое показаніе: „Какъ де челобитчицыну дочь погребши и отождѣдали, и по обѣдѣ у Федора съ челобитчицей учинился крикъ, и въ томъ крику Фе-доръ являлъ всѣмъ людямъ, что теща его Пелагія его Федора раз-орила и обнесла приданое дочери своей и его пристрою всякіе по-житки портна и рубашки, и къ тому де теща его Федорова гово-

рила, что де портень и полотна она изъ дому его никогда ни для чего не вынашивала, а рубашки до смерти дочь ея отдала мыть, а кому именно, того она не говорила, и гдѣ де тѣ рубашки, про то она не знаетъ, а при осмотрѣ только въ коробьи явилось двѣ рубашки да двои рукава женскіе и два треушка и иная женская мелочь, и разбирая де она Пелагія, взявъ себѣ отъ мелочей въ руки, показавъ зятю своему, говорила: „это де не его ль зятне“, и то чинила не однова, и зять де ея, иное изъ рукъ выхватя, въ коробью жъ и бросалъ, а иное и себѣ теща его за пазуху клала, а что она объявляла и зять у ней изъ рукъ выхватилъ и за пазуху она клала, про то подлинно сказать—не знаетъ, потому что она человѣкъ старой и стояла отъ нихъ одалъ, а дѣтскую рубашку взявши, она Пелагія изъ коробьи и отдала дочери своей Ѳеодоры и ту коробью она челобитчица заперла и запечатала своею печатью, а ключъ взяла къ себѣ и ту коробью снесла и положила въ клѣтъ.

По выслушаніи свидѣтелей по этому дѣлу, была составлена выписка постановленій изъ Кормчей книги и гражданскихъ узаконеній о наслѣдованіи имѣнія послѣ умершаго супруга, оставившаго дѣтей: Кормчая, въ законѣ, Богомъ данномъ Моисею, глава 45, листъ 364 на оборотѣ ¹⁾; Закона градскаго, грань 1, гл. 49, листъ 459 на оборотѣ ²⁾; Леона царя и Константина гл. 8, листъ 498 на оборотѣ ³⁾,

¹⁾ „Рече Господь къ Моисею, къ сыновомъ Израилевымъ, да речеши глаголю: человѣкъ, аще умретъ, и сына не будетъ у него, да возметъ наслѣдіе его дщи его. Аще же не будетъ у него дщери, да дастъ я наслѣдіе брату его. Аще же не будетъ у него брата, да дасте часть брату отца его; аще ли не будетъ брата отца его, да дасте наслѣдіе ужицы его, или ближнему его отъ племени его причастити я“.

²⁾ „Егда скончается мужъ или жена безъ завѣта, ни единого же отъ восходящихъ и нисходящихъ или отъ сущихъ отъ страны, или законнаго, или роднаго не имѣста наслѣдника, тогда мужъ во все цѣло жены своея призывается наслѣдіе; и жена мужа своего да пріемлетъ“.

³⁾ „Аще ли ключится женѣ безъ дѣтей преже мужа умерети, четвертую часть то: чію отъ всего, якоже речено есть; исповѣданнаго отъ нея пристроя въ своемъ пріобрѣтеніи удержати ему, и прочее полчетвертна части таковаго пристроя къ наслѣдникомъ вдати конечнаго ея обѣщанія, или къ несобѣщаннымъ нарицаемымъ ея наслѣдникомъ 'отдати“.

листъ 505, статья 5 ¹⁾; указъ великого государя—Соборное Улож^еніе глава 17, статья 15 ²⁾).

На основаніи этихъ постановленій, архіепископъ Рафаилъ написалъ резолюцію: „челобитчицѣ отказать отъ дѣла, а пожитки всѣ матерніи отдать наслѣднику съ роспискою“.

Послѣ сего была потребована въ духовный приказъ отъ Янкина коробыя съ приданнымъ и заведеннымъ имъ имуществомъ покойной его жены; осмотрѣно содержавшееся въ коробѣ имущество, и составлена ему опись, а отъ матери умершей истребованъ кокошникъ по объяри золотной, низанный жемчугомъ. Коробыя съ имуществомъ отдана зятю челобитчицы, а кокошникъ самой челобитчицѣ, въ наслѣдіе сыну перваго, а внуку второй и „малолѣтнему Ивану до возраста его въ сохраненіе“.

Было уже упомянуто, что въ нашемъ краѣ издавна, со временъ Новгородскаго владѣчества ³⁾ до 1831 года, вслѣдствіе участковаго владѣнія землями, существовалъ обычай давать въ приданое земли. Объ этомъ обычаѣ мы собрали подробныя свѣдѣнія, какъ изъ преданій народныхъ, такъ и изъ письменныхъ источниковъ, и налагаемъ здѣсь эти данныя цѣликомъ. Считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ это сдѣлать, что старый обычай готовъ воз-

¹⁾ „Завѣту же речено бысть отнюдъ бывающу—аще родителя своя имѣютъ присная чада, и едино отъ нихъ оставятъ безъ памяти, да разсудятъ послушная; и аще многажды обрящутся укоривше родителя, или ино что на устрашеніе ея показавше, да пребываетъ недвижно родителю уставленіе. Аще ли по сотвореніи завѣта родится има чадо, рождшуся ему единому, прощеніе убо и благословеніе, съ таковымъ завѣтомъ да держать силу, рождшее же ся да внидетъ съ прочею братією и да наслѣдуетъ“.

²⁾ „А будетъ послѣ котораго умершаго останутся дѣти, а братія ихъ или сестры учвуть обидѣть ихъ, и отцова или матерня имѣнія учнутъ ихъ отлучать, и тѣмъ умершаго дѣтемъ имѣнія отца ихъ или матери раздѣлити по жеребьямъ, всѣмъ поровну, чтобы изъ нихъ никто изобиженъ не былъ.“

„Да въ прошломъ во 137 году, блаженныя памяти великій государь святѣйшій Физаретъ Никитичъ, патріархъ Московскій и всея Руси, указалъ вотчины родовые и за служби данне отдавати вотчинцамъ дѣтемъ сыну, а будетъ умершаго сына не будетъ, и тѣ вотчины дочерямъ“.

³⁾ Акты юрид., стр. 39, 40, 144.

родиться вновь между крестьянами, съ выкупомъ ими земель, какъ можно убѣдиться изъ примѣра, указаннаго выше (см. ряднуд № 13).

„Теперь такихъ *приданницъ* нѣтъ, какія были прежде, до перываго дѣлу“, говорилъ мнѣ одинъ старикъ-крестьянинъ изъ Мезенскаго уѣзда, — „прежде которыя *осталицы* имѣли свою деревню и домъ, тѣ принимали себѣ мужей или сами шли съ деревней и назывались *деревенщицами*; теперь деревенщицъ нѣтъ“. Другой крестьянинъ, Холмогорскаго уѣзда, передавалъ такой случай: „Бого-явленскаго Ухтострова съ погосту крестьянинъ Антоновъ давалъ дочь за крестьянина Палехова, Гольцевской деревни; при сватовствѣ, между другими вещами, просили у него въ приданое *чебака* (женская мѣховая шапка), а у него чебака не было; такъ онъ отплатилъ поле: На-те вамъ поле, вмѣсто чебака, сказалъ онъ. И нынче то поле по этому случаю называется чебакомъ“. Крестьянинъ Нечаевъ, изъ Быстрокуръ, сообщилъ слѣдующее: „Не однѣ *осталицы* получали въ приданое земли. Бывало и такъ, что дочери, по раздѣлу отца, доставалась земля на ряду съ сыномъ; иногда родители давали дочерямъ даже лучшія земли, нежели сыновьямъ. • Если братья сами дѣлились по смерти отца, то они сестрамъ не давали земли, а обязывались сестру скрутить и выдать замужъ. А тѣ сестры, которыя получали земляные участки отъ родителей, иногда продавали свои земли братьямъ или сосѣдямъ, часто предпочитая послѣднихъ, если боялись, чтобы братья не обманули ихъ. Иногда дѣвушки вовсе не продавали земли, а *уносили* ее не только въ сосѣднія деревни, но и въ другія волости и даже въ сосѣдній уѣздъ“. То же замѣчаетъ и священникъ Дьячковъ о жителяхъ селенія Лямпы, Онежскаго уѣзда, говоря: „Прежде выходящая въ замужество даже и изъ сосѣдней деревни неvěста переводила съ собою землю (сѣнокосную) на правахъ приданого; но нынѣ этого нѣтъ“. Даже въ 40-хъ годахъ одному бывшему окружному начальнику приходилось, по его словамъ, разбирать въ Архангельскомъ уѣздѣ дѣла между крестьянами о земляхъ, перешедшихъ, въ видѣ приданого, изъ одного селенія въ другое. Крестьяне, разумѣется, старались, въ особенности въ послѣднее время, о томъ, чтобы земли не выходили изъ предѣловъ своихъ селеній, и говорили, ворча

на женщинъ, которыя уходили съ землей въ другія селенія: „Она уйдетъ и землю унесетъ, лучше бы ее у себя оставить; развѣ жениховъ у насъ нѣтъ“. Оттого и пословица пошла: „земля съ собой не носится“. „А что земля уносилась, на это вотъ и примѣры вамъ“, говорилъ крестьянинъ Нечаевъ;— „въ дальнемъ колѣнѣ былъ у насъ родственникъ Артемій Черняевъ, который имѣлъ сына и дочь; когда онъ началъ давать дочь замужъ, то раздѣлилъ землю поровну между нею и сыномъ, при чемъ далъ въ надѣлокъ ей лучшую часть, безъ асоту. Дочь Артемія Черняева вышла замужъ за крестьянина Сорванова и унесла землю въ родъ Сорвановыхъ. Сынъ же Артемія, Ѳеодоръ женился на моей бабушкѣ, которая вскорѣ осталась вдовою. Тогда Артемій Черняевъ усыновилъ себя моего дѣдка Нечаева и женилъ на своей невѣсткѣ, вдовѣ, съ которой перешли къ намъ и земли Черняевскія. Такимъ способомъ, мы остались на корню, а тетка Сорванова ушла и землю унесла; этою землею и теперь владѣютъ ея дѣти, по надѣлу. А то еще былъ случай въ селѣ Быстрокурѣ. У крестьянина Антонова была дочь оставица; она получила въ приданое поля и сѣнокосную землю. Когда она выходила замужъ въ деревню Паленьгу, Пинежскаго уѣзда, за крестьянина Костина, то передъ свадьбою заложила моему дѣдку деревню въ 50 руб., а послѣ уже, по выходѣ въ замужество, продала ее дѣдку въ вѣчное владѣніе, получивъ еще 50 руб. И теперь эта земля находится у насъ по раздѣлу и называется Афимьинской, по имени продавицы Афимьи. Земля, унесенная въ другое селеніе, записывалась въ веревную книгу, и такимъ способомъ перечислялась туда, ибо *веревна* (то-есть, веревная книга) имѣла силу. У насъ въ Быстрокурѣ у Комаровыхъ была пожня; когда дочь ушла замужъ въ село Чухчерьму, то записала ту пожню, доставшуюся ей въ приданое, въ веревную книгу, и пожня стала Чухчеремская навсегда; оттого и черезполосность пожней между селеніями. „Прежде“ заключилъ свой рассказъ крестьянинъ Нечаевъ, „давались на землю передаточныя записи отъ женъ мужьямъ, а не то женихи даже прежде брака заключали условія съ оставицами или съ родителями о приданой землѣ и требовали, чтобы родственники подписались; другимъ невѣстамъ съ деревней женихи даже давали деньги на свадьбу“.

Надобно полагать, что и въ прежнее время, какъ теперь, существовала значительная разница въ правахъ относительно приданого мужей, бравшихъ женъ къ себѣ въ домъ, или шедшихъ въ домъ жены; права первыхъ всегда ограниченнѣе, нежели послѣднихъ. Но и въ первомъ случаѣ особые договоры расширяли эти права, тогда какъ во второмъ суживали ихъ. То же самое относится и къ земельному приданому. Мы имѣемъ немало свидѣтельствъ о томъ, что жена, шедшая въ домъ мужа, свободнѣе распоряжалась своею землею, нежели жена принимавшая животника. Иногда жены сами продавали земли, только по согласію съ мужемъ. Такъ, въ сговорной записи 10-го іюля 1758 года, о продажѣ приданой земли крестьянскою женой, Волокопинежскихъ волостей, Нижнопапенской деревни, Евфиміей Костиной крестьянину Быстрокурской волости Митрофану Нечаеву написано, что „Ермила Тимофѣева сына Костина жена его Евфимія Степанова дочь *по совѣту съ мужемъ своимъ Ермиломъ* дали сіе сговорное письмо Быстрокурской волости крестьянину Митрофану Григорьеву сыну Нечаеву въ томъ, что продали *я Евфимія и съ мужемъ своимъ Ермиломъ* ему Нечаеву владѣнія своего, *я Евфимія* отца своего статковъ, бывшаго Стевана Оминыхъ, а *я Ермилъ* остатковъ тестя своего, въ ихъ же Быстрокурской волости поле орамой тяглою земли званіемъ Ручьевое..... а продали *мы Евфимія съ мужемъ своимъ Ермиломъ* то вышеписанное владѣніе ему Нечаеву въ вѣкъ и вдернь безъ выкупа, а цѣны рубли дали *мы Евфимія съ мужемъ своимъ Ермиломъ* за то свое вышеписанное владѣніе семдесятъ рублей денегъ, а деньги приняли при семъ сговорномъ письмѣ всѣ вручъ безъ остатка“. Изъ дѣла Холмогорской Нижней Расправы 1781 года объ отдачѣ крестьянской женѣ Кузнецовой, Ухтостровской волости, на выкупъ земли, проданной ея сестрою крестьянамъ Кузнецовымъ, видно, что крестьянская жена Старопопова сама продала доставшійся ей въ приданое земляной участокъ. Вотъ содержаніе этого дѣла. Въ 1758 году крестьянинъ Кузнецовъ завѣщалъ свои земли двумъ роднымъ дочерямъ и женѣ; одна изъ нихъ была выдана замужъ за крестьянина Поташева съ принятіемъ его въ домъ, другая за крестьянина Старопопова Волокопинежской волости, Пильегорской деревни, Пинежскаго уѣзда. По словамъ Поташевой, Старопопова въ 1772 году,

при вервленіи земель, отдала ей въ вѣчное владѣніе пожню осоты въ клочкахъ на пять волоковыхъ кучь, а потомъ ту же пожню продала за пять рублей троюродному брату Кузнецову, съ приписью пятнадцать рублей, почему просила расправу предоставить ей право выкупить ту пожню за 5 руб. Старопопова же показала, что сестра ея Поташева завервила пожню, данную ей отцомъ въ поминовеніе души, подъ свое тягло, подъ имя своего свекра, назвавъ ложно собственною своею, почему ежегодно и удивившееся сѣно они снимали и тѣмъ тягломъ прикрывались отъ бобыльскаго окладу; поэтому она неоднократно предлагала Поташевой купить присвоиваемую ею пожню, но та, пообщавъ, послѣ долгой проволочки времени, отказалась; тогда она въ 1780 году отступила пожню троюроднымъ братьямъ Кузнецовымъ, съ условіемъ, чтобы они ежегодно давали ей на пропитаніе по пяти рублей. Холмогорская нижняя расправа, находитъ, что Старопопова владѣла пожнею по духовному завѣщанію отца до 1762 года, слѣдовательно, до публикаціи манифеста 1765 года о генеральномъ размежеваніи земель, призналъ право Старопоповой на землю, съ такимъ заключеніемъ: „Хотя она Старопопова по жительству своему принадлежитъ другому селенію, но полюбовною отдачей поступилась свою пожню ближайшимъ по линіи родственникамъ, яко въ свой родъ; почему имъ Кузнецовымъ и владѣть пожнею, а Поташевой отказать“.

1810 г. февраля 15-го, крестьянская жена Моржегорской волости Варвара Выдрина, имѣя мужа, который „оставилъ ее во всемъ сиротствѣ“, то-есть, заставилъ нищенствовать, сама поступилась своимъ приданнымъ земельнымъ участкомъ зятю своему и родной сестрѣ, съ полученіемъ отсыпи, съ тѣмъ чтобы мужу ея Федору Выдрину и дочери не вступаться въ тотъ участокъ.

Бывали даже случаи, что женщины, принимавшія къ себѣ въ домъ мужей изъ другихъ деревень, завѣщали свои земли дѣтямъ своимъ, помимо мужей. Такъ, въ 1769 году октября 1-го, Моржегорской волости крестьянка Ксенія Выдрина написала въ своей духовной росписи, что „отказала отца своего и дѣда деревенскій участокъ дѣтямъ своимъ Ивану, Анисіи и Аннѣ.... а ежели Господь Богъ изволить и дѣти мои помрутъ, то деревенскій участокъ въ церковную казну къ церкви Богоотецъ Авима и Анны отдать, а

мужу моему Якову пожилыя деньги погодныя отдать изъ церковной казны“.

Если жены животниковъ умирали вскорѣ послѣ брака, то вятя, принятые въ домъ родителями жены, часто не пользовались никакимъ приданымъ, не говоря уже о землѣ. Для обезпеченія себя въ этомъ случаѣ, они заключали съ членами прежней своей семьи, на примѣръ, съ братьями, сговорныя полюбовныя письма, въ которыхъ отказывались отъ своей доли въ имуществѣ отца, съ условіемъ получить только въ надѣлокъ извѣстную сумму денегъ и кое-какія вещи, при чемъ присовокупляли оговорку въ родѣ слѣдующей: „а ежели, паче чаянія, судьбой Божіей, у меня Якова нынѣ вскорѣ и до ревизіи жена моя помретъ, то принять тебѣ Ивану меня Якова въ домъ свой безпрепятственно“ (1811 г. февраля 2-го); или: „а если, паче чаянія, до истеченія трехъ лѣтъ жена у Ивана помретъ, и онъ у тестя жить не захочетъ, то брату Ѳеодору принять его на отцовское движимое и недвижимое имѣніе обратно, съ тѣмъ чтобы онъ и пожилые, слѣдующіе съ Харитонова (тестя) за каждый годъ по 100 руб. и весь надѣлокъ внесъ брату Ѳеодору“ (1816 г. февраля 12-го).

Чаще же зятя-пріемыши обезпечивали свои права на приданую землю и другое имущество вполне, такъ что, даже женившись вторично, они не утрачивали своихъ правъ на имущество, пришедшее съ первою женою; на примѣръ, въ полюбовномъ согласномъ письмѣ крестьянина Чулченемскаго села деревни Кениской Егора Ваганова, заключенномъ въ 1810 г. января 22-го съ крестьяниномъ Буяковской деревни, Василиемъ Баюновымъ и Акимьей Баюновой, первый, женившійся на дочери послѣдней и пришедшій къ нимъ въ домъ, выговорилъ себѣ права такъ: „а ежели у меня Егора законная жена Марья, не доживъ вѣку, умретъ, а дѣтей никого не останется, то вольно ему Ваганову въ наши позитки понять другую жену, а намъ ни въ чемъ не препятствовать. Въ другомъ пріемномъ письмѣ 1826 года февраля 9-го, крестьянской вдовы Галушиной, принявшей зятя къ своей дочери на все движимое и недвижимое имущество, оговорено: „буде дочь моя помретъ, хотя и дѣтей не останется, но онъ, зять мой Кириловъ, на все то же самое имущество имѣетъ полное право (хотя бы пожелалъ) жениться на другой женѣ“.

Въ 1747 году крестьянинъ Сійской волости, Хоробрицкой деревни, Ваймугинъ, принявшій въ 1741 году въ свой домъ къ дочери зятя Ивана Трескина, поступилъ ему „и дочери своей Агафьи и внуку Василью деревенскимъ своимъ участкомъ“, съ обязательствомъ поить и кормить его Ваймугина, при чемъ устраивалъ племянника и другихъ родственниковъ отъ притязаній на тотъ участокъ. Съ женою своею, дочерью Ваймугина, Трескинъ жилъ 35 лѣтъ и имѣлъ нѣсколько сыновей, которые при его жизни померли. Оставаясь въ домѣ своей первой жены, Трескинъ, послѣ ея смерти, вступилъ во второй бракъ, отъ котораго также имѣлъ дѣтей. Пользуясь землею, доставшеюся отъ первой жены, онъ въ то же время имѣлъ *преродную* землю въ Емецкомъ селеніи, въ которомъ былъ записанъ въ ревизію. Выборные Хоробрицкой деревни писали въ 1793 году, что „Ивану Трескину владѣть тою землею въ ихъ деревнѣ не принадлежитъ, такъ какъ онъ владѣетъ ею безъ родства, ибо у него отъ первой жены дѣтей ни мужеска, ни женска пола нѣтъ, и онъ женился на другой, да у него, кромѣ той, чрезвычайно много земли, и по ревизской сказкѣ записанъ въ Емецкомъ селѣ, гдѣ имѣетъ землю, также хлѣбъ и сѣно продаетъ повсягодно по Емцуку“. Не смотря на это представленіе, Холмогорская нижняя расправа не отобрала земли отъ Трескина, основываясь на томъ, что онъ жилъ въ Хоробрицкомъ селеніи и владѣлъ землею въ теченіе 46 лѣтъ, притомъ же и родственники первой его жены, Ваймугины не вступались въ эту землю.

Свѣдѣнія эти мы заимствовали изъ дѣла Холмогорской нижней расправы, производившагося въ 1793 году о присвоеніи крестьяниномъ Рудаковымъ земли, принадлежащей крестьянину Ваймугину. Вотъ еще четыре дѣла той же расправы и уѣзднаго суда, знакомящія насъ съ обычаями относительно земельного приданого.

Въ 1785 году крестьянинъ Хаврогорской волости Данило Марковъ подалъ въ Холмогорскую нижнюю расправу прошеніе слѣдующаго содержанія: „Назадъ тому минуло лѣтъ 40 съ годовъ, какъ я, низайшій, понялъ себѣ въ жену Хаврогорской волости, деревни Епифановской, умершаго крестьянина Ѳедора Бушкова дочь, Парасковью. При взятіи ея въ замужество были въ живыхъ теща моя Ульяна и дочь

ея малолѣтняя Анна; и имѣлъ я, низжайшій, съ помянутою моею тещею договоръ, чтобъ мнѣ, низжайшему, по вступленіи въ означенное супружество, владѣть какъ въ хоромномъ строеніи, такъ и въ деревенскомъ участкѣ, котораго всего состоитъ 82 сажени и 4 чети, а другою половиною владѣть помянутой малолѣтней моей свойкѣ, а тещѣ съ моей стороны давать на пропитаніе ржи и жита, по половинѣ, 6 мѣръ, на корову сѣна и по два овина соломы въ годъ, притомъ довольствоваться обувью и одеждою; когда же помянутая свойка моя вздумаетъ идти замужъ, то отъ меня, низжайшаго, деревенскаго участка другимъ постороннимъ, кромѣ меня, во владѣніе не отдавать. А какъ помянутая теща умерла, свойка моя Анна, будучи въ возрастѣ, того жъ года вышла въ замужество той же Хаврогорской волости за крестьянина Михаила Григорьева, и половинный свой участокъ взяла во владѣніе къ себѣ и съ помянутымъ крестьянникомъ въ супружествѣ жила 14 лѣтъ, а въ прошломъ 783 году померла. Она же, свойка моя, до смерти своей, будучи въ болѣзни, вышеупоминаемой деревенскій участокъ чрезъ духовное письмо отказала племяннику своему, а моему сыну Василью. Но помянутый крестьянинъ Григорьевъ послѣ смерти своей жены, а моей свойки, деревенскимъ участкомъ владѣть сильно, меня, низжайшаго, написаннаго на тотъ участокъ тремя ревизскими душами, ко владѣнію не допускаетъ“. Вслѣдствіе этого Марковъ проситъ расправу отобрать участокъ отъ Григорьева и возвратить ему. Но прежде, нежели расправа разсмотрѣла это дѣло, тяжущіеся добровольно помирились между собою; „снискавъ въ сердцахъ своихъ правду“. Въ мировой ихъ между прочимъ сказано: „Хотя я, Григорьевъ, деревенскимъ участкомъ послѣ жены 2 года владѣлъ, но какъ послѣ жены моей наслѣдниковъ никого не осталось, а у свояка моего Маркова имѣются дѣти, поэтому я и поступаю съ своимъ участкомъ, съ тѣмъ чтобы онъ отдалъ по душѣ жены моей, а его своячнны, въ Соловецкій монастырь въ поминовеніе 2 руб. 50 коп. 1).

Иногда землями, данными въ приданое, завладѣвали свекры,

1) См. дѣло Холм. нижней расправы объ отобраніи отъ крестьянина Григорьева деревенскаго участка и отдачѣ онаго Маркову 1785 г., по описи № 30.

устранивъ отъ владѣнія невѣстку и своего сына. Крестьянинъ Кривецкой волости Иванъ Масловъ подалъ въ 1800 году въ Холмогорскій уѣздный судъ прошеніе: „Назадъ тому времени минуло лѣтъ 20, какъ выдалъ я именованный свою дочь въ замужество той же волости и деревни своей Горничевской за крестьянина Степана Ѳедотова сына Маслова, Парасковью, съ которой и дано было въ награжденіе во владѣніе оному зятю сѣвчей земли разсѣвомъ ячменя на двѣ мѣры, сѣннаго покосу на 30 кучь, а по веревной книгѣ состоитъ 10 сажень, съ таковымъ условіемъ, чтобы ему Степану давать мнѣ на пропитаніе хлѣба ржи 4 четверика, ячменя 6 четвериковъ да на харчи и обувь по рублю на каждый годъ, но означенный мой свать Ѳедотъ помнутаго моего зятя, а своего сына, Степана отдалъ за деньги, крестьянину Семену Нифантову для отдачи въ рекруты за семейство его Нифантова, назадъ тому минуло лѣтъ десять, послѣ же его дѣтей никого не осталось, а осталась только жена его Парасковья, а моя дочь, которой онъ отъ хлѣба отказалъ 1794 года, а награжденною мною землею съ дочерью Парасковьею владѣть и мнѣ еще по письменному договору 1780 года іюля 20-го дня слѣдующихъ еще не заплатилъ за 15 лѣтъ 15-ти рублей; и нынѣ она моя дочь скитается и пропитывается мірскимъ подаваніемъ, да и онъ же ей по письменному условію съ 1794 года по три четверика ржи и ячменя на годъ не отдаетъ“. Поэтому Масловъ просилъ судъ изъ владѣнія своего свата: „за отдачею въ рекруты сына своего Степана, а моего зятя, награжденную землю съ дочерью Парасковьею мнѣ во владѣніе по прежнему возвратить и съ его взыскать за шесть годовъ слѣдующихъ моей дочери Парасковьи по учиненному условію по три четверика ржи и ячменя или что слѣдуетъ, по нынѣшней цѣнѣ деньги, а равно и мнѣ по письменному договору за владѣніе тою землею еще и не доплаченныхъ 15 рублей“. Холмогорскій уѣздный судъ, вслѣдствіе этой просьбы, предписалъ земскому суду, если просьба истца справедлива, то землю немедленно отобрать отъ отвѣтника и „отдать въ полное Ивана Маслова владѣніе, какъ она есть и была ему собственно принадлежащею, а ему, Ѳедоту, какъ уже у него сына нѣтъ, а отданъ имъ въ рекруты и дѣтей никого не осталось, ни почему не при-

надлежить, также и на счет хлѣба и денегъ удовлетворить просителя“¹⁾).

Изъ дѣла Холмогорскаго уѣзднаго суда 1800 г. о неправильномъ отводѣ отъ крестьянина Курейской волости Спиридона Юрьева исправникомъ Ивановымъ земли съ насѣянными хлѣбомъ двоюродной сестрѣ Аннѣ Пискуновой видно, что родственники жены иногда отбирали себѣ земли, оставленныя родителями жены зятю и наслѣдникамъ, даже при дѣтяхъ мужскаго пола. Крестьянская вдова Анна Пискунова, на требованіе суда, дала показаніе, что отецъ ея кречатной, помѣтчикъ Курейской волости Никифоръ Юрьевъ, жителство имѣлъ въ деревни Гавриловской въ собственномъ своемъ домѣ вообще съ братомъ своимъ Андреемъ не въ раздѣлѣ, и какъ у отца ея мужскаго поволаѣнія дѣтей не было, опричь ея и другой сестры Аксеньи, то отецъ ея, при жизни еще своей, принялъ въ домъ въ мужа ей, Анны, той же волости деревни Ботовской, крестьянина Ивана Пискунова, который и переѣхалъ изъ Ботовской деревни съ матерью своей, а ей свекровкою, въ домъ тестя, въ которомъ и занималъ мѣсто хозяина въ распаханіи земель, а отецъ ея былъ въ то время боленъ и отдалъ мужу ея принадлежащую ему отъ брата его часть земли какъ пашенной, такъ и сѣнокосной, 16 сажень, на которую и духовную далъ; по умертвіи же отца ея, выдала она сестру свою Аксенью въ Быстрокурскую волость, и по выдачѣ жили всѣ вообще, какъ она съ мужемъ и свекровью, такъ съ дядей своимъ Андреемъ и двоюроднымъ братомъ Спиридономъ, а землею владѣли все тоже вообще и проживали до случившагося въ ихъ деревни пожара, а въ которомъ году, показать не знаетъ, а только знаетъ, что до пожара въ мѣстномъ домѣ жили 19 лѣтъ, гдѣ тогда уже дяди ея Андрея въ живыхъ не было, и раздѣлились съ братомъ двоюроднымъ Спиридономъ Юрьевымъ по разной постройки домовъ, а данная мужу ея духовная въ случившійся тогда пожаръ сгорѣла, но послѣ пожара еще владѣли тою землею 17 лѣтъ, а въ 1792 году по небытію въ домѣ двухъ сыновей ея и невѣстки, которые находи-

¹⁾ Дѣло Холмогорскаго уѣзднаго суда о возвращеніи крестьянину Ивану Маслову отъ Федота Маслова насильно завладѣнной имъ земли 1800 г. № 240.

лись въ отлучеѣ въ С.-Петербургѣ, и когда мужа ея въ живыхъ уже не было, Спиридонъ Юрьевъ оною землею завладѣлъ, а по какому повелѣнію или отводу—она не знаетъ; съ мужемъ своимъ она жила 30 лѣтъ, а безъ мужа живетъ 15 лѣтъ, а хоша у мужа ея и была въ деревнѣ Ботовской земля, посѣву на полторы мѣри, а какъ онъ изъ той деревни вышелъ въ домъ отца ея, то по отдаленности и малоимѣнію земли той и продалъ ее крестьянину Ивану Ильину. Двѣнадцать человѣкъ крестьянъ подтвердили, что дѣйствительно Никифоръ Юрьевъ съ женою своею, по неимѣнію у нихъ мужскаго пола дѣтей, взялъ въ домъ свой къ дочери Аннѣ въ мужа, крестьянина Ивана Пискунова на такомъ положеніи, чтобъ ему Пискунову всѣмъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имѣніемъ, при нихъ и по ихъ смерти, владѣть и управлять, а по смерти его наслѣднику его и всему потомству вѣчно. Крестьянинъ же Спиридонъ Юрьевъ, въ прошеніи своемъ, поданномъ въ 1800 году въ Холмогорскій уѣздный судъ, писалъ, что „въ 1792 году мірское наше общество отвело родственную мнѣ во владѣніе пашенную и сѣнокосную землю, состоящую въ деревнѣ Гавриловской, владѣемую прежде сего сестрою двоюродною Анной Никифоровой дочерью, которая выдана была деревнѣ Ботовской, состоящей отъ нашей въ шести верстахъ, за крестьянина Ивана Пискунова, и по смерти его осталось два сына, и оную землю запустили, каковую, по отдачѣ мнѣ обществомъ, возстановилъ своими трудами и владѣлъ до сего году, оплачивая съ ней какъ государственныя подати, такъ и прочіе мірскіе расходы бездомочно; а сего года въ маѣ мѣсяцѣ за отлучкою моею для промыслу рыбы въ море, не знаю съ какого повелѣнія земскій исправникъ Ивановъ отвелъ оную землю паки означенной сестрѣ двоюродной Аннѣ Никифоровой, перешедшей въ нашу деревню на подворье“; поэтому Юрьевъ просилъ судъ признать землю за нимъ, какъ родовую. Какъ бы рѣшилъ уѣздный судъ это дѣло, положительно не извѣстно, такъ какъ и оно, и другія дѣла между крестьянами о земляхъ, на которыя не было особливыхъ дачъ и законныхъ крѣпостей, были, вслѣдствіе предложенія губернскаго прокурора, производствомъ вовсе прекращены. Но можно полагать, основываясь на другихъ рѣшеніяхъ уѣзднаго суда, что судъ оставилъ

бы эту землю за Пискуновою, такъ какъ она владѣла ею 36 лѣтъ. въ томъ числѣ 10 лѣтъ до изданія манифеста 20-го октября 1765 года о генеральномъ размежеваніи земель и межевой инструкціи 1766 года. Обыкновенно судъ въ своихъ рѣшеніяхъ о спорныхъ земляхъ придерживался буквально 4-го пункта манифеста 1765 года, въ которомъ сказано: „Никому какъ владѣльцамъ и городамъ, такъ и однодворческимъ и прочимъ всякаго безъ изыятія казеннаго вѣдомства селамъ, слободамъ и деревнямъ отнюдь не распространять отнынѣ владѣнія земель своихъ за тѣ границы, въ которыхъ публикація сего манифеста каждого застанетъ, кромѣ особливыхъ на то указовъ, покупокъ и другихъ указныхъ дачъ или полюбовныхъ раздѣловъ, но паче всякому оставаться въ прежнихъ предѣлахъ, ожидать спокойно государственнаго размежеванія“.

Въ вышеупомянутой межевой инструкціи 1766 года есть между прочимъ двѣ статьи, относящіяся до поземельнаго приданаго у черносотенныхъ крестьянъ сѣверной Россіи. Тамъ положительно сказано, что земель, оставшихся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ такъ-называемыхъ поморскихъ городовъ, на которыхъ они въ подушный окладъ положены, между наследниками и женами на части не дѣлить и за дочерями, выходящими въ замужество за людей другого званія и за государственныхъ крестьянъ другихъ селеній, не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ оныя примѣжованы будутъ (пунк. 8), и если послѣ которыхъ государственныхъ крестьянъ сыновей не останется, а останутся дочери и выйдутъ замужъ за государственныхъ же крестьянъ, которые пожелаютъ жить на земляхъ, принадлежавшихъ умершимъ, то земли сіи отдавать оставшимся послѣ крестьянъ дочерямъ и ихъ мужьямъ, а земли, бывшія за такими, вступившими въ бракъ, крестьянами въ селеніяхъ, къ которымъ они принадлежали, оставляя въ пользу прочихъ жителей тѣхъ селеній (пунк. 9) ¹⁾. Этотъ законъ на практикѣ часто обходился даже судебными мѣстами, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше дѣлъ, въ особенности изъ дѣла 1793 г. между крестьянами Ваймутинымъ и Рудаковымъ, и обычай уносить земли существовалъ до

¹⁾ Исторія Росс. гражд. законовъ, *Неволина*. Спб. 1858 г., ч. II, кн. 2, стр. 311.

1831 года, не смотря на то, что онъ иногда встрѣчалъ противо-
дѣйствіе со стороны мірскихъ обществъ. Другой обычай, воспре-
щенный приведенною статьей межевой инструкціи, отдавать въ
приданое крестьянскія тяглыя земли за дочерями, выходящими въ
замужество за людей другого званія, также существовалъ на прак-
тикѣ долго послѣ обнародованія инструкціи; но противъ него
были принимаемы болѣе строгія и рѣшительныя мѣры, какъ мы
увидимъ изъ нижеслѣдующихъ судебныхъ дѣлъ.

Въ дѣлѣ о владѣніи Архангельскими и Холмогорскими купцами
и мѣщанами деревенскими участками, производившемся въ Хол-
могорской нижней расправѣ въ 1791 году, упоминаются четыре лица
не крестьянскаго сословія, владѣвшія тяглыми землями, получен-
ными ими или ихъ предками. въ видѣ приданого, отъ крестьянъ.
Объ этихъ земляхъ тамъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: Архан-
гелогородскій мѣщанинъ Худяковъ, по собственному показанію,
получилъ по духовной, составленной въ 1753 году, отъ роднаго дѣда
по матери, Холмогорской округи, Борисоглѣбской Матигорской во-
лости, крестьянина Ѳедота Тархова, земельной участокъ въ той же
волости и владѣлъ имъ слишкомъ тридцать лѣтъ, но 1786 году той
же волости крестьянинъ Михайло Тарховъ, который его дѣду Ѳедоту
будетъ племянникъ двоюродный, завладѣлъ его природнымъ участ-
комъ, чрезъ что нанесъ ему нестерпимую обиду. По словамъ же
Михайла Тархова, онъ отобралъ упомянутый участокъ отъ Худя-
кова, какъ ближайшій наслѣдникъ, и потому еще, что Худяковъ,
состоя мѣщаниномъ, не долженъ пользоваться крестьянскими зем-
лями, тѣмъ болѣе, что жена его, Худякова, выдана была Ѳедотомъ
Тарховымъ въ замужество съ хорошимъ надѣлкомъ.

При производствѣ дознанія по настоящему же дѣлу о земляхъ,
владѣемыхъ купцами и мѣщанами, у Архангельскихъ мѣщанъ
Михайла и Ивана Ѳедоровыхъ Пругавинныхъ оказалась во владѣніи
земля въ Борисоглѣбской Матигорской волости, на которую они
не могли представить документовъ; но изъ находящагося при
дѣлѣ духовнаго завѣщанія Холмогорца, посадскаго человѣка Ивана
Пругавина, составленнаго въ 1719 году видно, что она досталась ему
въ видѣ приданого за женой его, крестьянкой Матигорскаго се-
ленія, и при смерти Пругавина была завѣщана ей же. „А что есть

Божія милосердія святихъ иконъ“, сказано въ завѣщаніи, „приданныхъ за женою моею, образъ Всемиловитаго Спаса въ деисусѣ подь окладомъ серебрянымъ гладкимъ, да два образа: одинъ Пресвятой Богородицы, другой Іоанна Предтечи на краскахъ, образъ Воскресенія Христова подь окладомъ серебрянымъ, образъ Богоявленія Господня, образъ Пресвятой Богородицы Владимірскія, образъ живоначальныя Троицы, въ моленіи Антоній Сійскій чудотворецъ, образъ Николая чудотворца, образъ Алексѣя челоуѣка Божія, всѣ подь окладомъ серебрянымъ, да посуды приданой же шесть блюды оловянныхъ, да котель долгой мѣдной, три мѣденика, дюжина стакановъ оловянныхъ, также и у жены моей что есть жемчужной серебряной кузни и платья приданого жъ п моего Иванова платья: шубка отласная теплая на бѣлье мѣху съ кружиномъ серебрянымъ, двѣ шубки камчатыхъ теплые жъ на песцахъ, шубка холодная, кармазинная красная, двѣ шубки китаечныя, одна шубка киндяшная, трехъ соболей, другой куней, да дворъ, что на Холмогорахъ на Николаевскомъ посадѣ, со всякимъ хороннымъ строеніемъ и съ подворною землею, и съ амбаромъ, и съ пашенными полями, что въ Загорскомъ стану, да въ Двинскомъ уѣздѣ въ Матигорской волости въ Борисоглѣбскомъ приходѣ дворъ съ хороннымъ строеніемъ, и съ подворною, и пашенною землею, и сѣвными покосы, которыми владѣлъ тестъ мой покойной Алексѣй Пенегъ, и тѣмъ вышписанными святыми иконами и посудомъ и жемчужной, и серебряной кузнью, и платьемъ, и дворами, что на Холмогорахъ и въ Матигорской волости, съ хороннымъ строеніемъ, и съ подгорными, и пашенными землями, и амбаромъ, и сѣвными покосы, владѣть всѣмъ женою моею Стефанидѣ Алексѣевѣ дочери, а племянникомъ моимъ, вышписаннымъ Ѳедору и Михаилу, въ то ни во что не вступаться и не отымать и никому дѣла иѣтъ“. Какимъ образомъ упоминаемая здѣсь земля перешла отъ жены Ивана Пругавина къ сыновьямъ его племянника Ѳедора, изъ дѣла не видно.

У Ѳедора Баженина, Архангельскаго купца, также была покупная земля отъ Устюга Великаго посадскихъ людей Королевыхъ, къ которымъ она пришла въ видѣ приданого. Въ купчей крѣпости Королевыхъ между прочимъ написано: „Лѣта 1710 октября въ 18 день Устюга Великаго посацкіе люди Иванъ Аписимовъ

сынъ и Петръ Лукинъ сынъ Королевы и вмѣсто сестры своей дѣвицы Ульяны Анисимовыхъ дочери Королева продали есмь и поступились гостинные сотни Ѳедору Андрееву сыну Баженину въ Двинскомъ уѣздѣ къ тяглымъ его оранымъ и сѣнокоснымъ землямъ и къ угодьямъ во владѣніе станки упокойныхъ дѣда моего Иванова и сестры моей Ульяны, а моего Петрова свата, гостинные жъ сотни Дорофѣя Прокопьева сына Мелцова и жены его бабушки нашей Ивановой и Ульянины, а моей Петровой сватьи, Аклины Савины дочери Комарова, чѣмъ по смерти ихъ владѣли отецъ нашъ Ивановъ и сестры моей Ульяны, а мой Петровъ двоюродной братъ Устюжанинъ же, посацкой человекъ Анисимъ Ивановъ сынъ Королевъ, и мати моя Иванова и сестры моей Ульяны, а моя Петрова невѣстка Татьяна Дорофѣева дочь Мелцова, и по ихъ мы Иванъ и сестрою своею Ульяною и я Петръ Королевъ же, спомогаѣ имъ, владѣли“.... Въ поясненіе приведенной выписки надобно сказать, что крестьянинъ Матигорскаго селенія Николаевскаго прихода Савва Комаровъ, выдавъ дочь свою Аклину за Холмогорца, гостинныхъ сотни Дорофѣя Мельцова, отдалъ за нею въ приданое землю въ томъ же селеніи Матигорахъ. Послѣ смерти Дорофѣя и Аклины Мельцовыхъ, земля эта перешла по наслѣдству къ дочери ихъ Татьянѣ, вышедшей замужъ за Устюжанина Анисима Королева, а отъ послѣднихъ къ имъ дѣтямъ Ивану и Ульянѣ и двоюродному брату Анисима, Петру Лукину Королеву, которые и продали ее Баженину. Въ томъ же дѣлѣ упоминается о владѣніи Холмогорскимъ купцомъ Иваномъ Никифоровымъ землею, полученною имъ въ видѣ приданого за женою, дочерью крестьянина Симанова. Къ сожалѣнію, въ настоящемъ дѣлѣ не оказалось рѣшенія, и мы не знаемъ, какое послѣдовало постановленіе суда на счетъ земель, приобрѣтенныхъ посадскими людьми отъ крестьянъ вообще, и въ частности—на счетъ полученныхъ въ приданое. Если можно основываться на рѣшеніи суда позднѣйшемъ, именно 1802 года, по дѣлу о раздѣлѣ земли, оставшейся послѣ смерти крестьянина Расходовской деревни Ѳедора Симанова на крестьянъ той же деревни, то слѣдуетъ думать, что приданная земли были отобраны отъ посадскихъ людей.

14-го августа 1800 года Архангельскій мѣщанинъ Иванъ Ники-

форовъ подалъ въ Холмогорскій уѣздный судъ слѣдующую просьбу: „Назадъ тому годовъ съ девять, бывъ я въ Холмогорскомъ посадѣ въ числѣ посадскихъ гражданъ, женился на оставшейся послѣ покойнаго Нижне-Матигорской волости крестьянина Ѳеодора Алексѣева сына Симонова дочери дѣвицѣ Натальи Ѳеодоровой, которая послѣ отца своего и дѣда обще съ матерью своею владѣла оставшимся послѣ отца какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имѣніемъ, яко то: пашенною и сѣнокосною землею, покупною, до состоянія еще запрещенія, у разныхъ людей, дѣдомъ и отцомъ, а равно и матерью жены моей, по крѣпостямъ, писаннымъ и совершеннымъ у крѣпостныхъ дѣлъ: 1-ю—въ 1749 годѣ апрѣля въ 10 день Борисоглѣбской Матигорской волости у священнической жены, вдовы Марьи Баранѣевой съ дѣтьми, полемъ называемымъ на Куричьей горѣ, за 40 рублей; 2-ю—въ 1751 годѣ декабря въ 16, Николаевской Матигорской волости у крестьянина Якова Титова подъ названіемъ Большое и съ набережьемъ, лежащее въ Борисоглѣбской Матигорской волости, за 140 рублей; 3-ю—въ 1757 годѣ февраля 22-го дня, у Холмогорскаго посадскаго человѣка Аѳанасья Ерихина, пожнею подъ названіемъ Дмитріевою, лежащую въ той же волости, за 100 рублей; 4-ю—въ 1765 годѣ марта въ 23 день той же волости бывшаго церковнаго дьячка Семена Васильева Попова, у жены вдовы Овдотьи Максимовой, полемъ подъ названіемъ на Куричьей горѣ, за 12 руб. 15 коп.,—которыми землями жена моя и послѣ смерти матери своей, бывъ за мной, владѣла, яко наслѣдственнымъ и оставшимся послѣ отца, по духовной, имѣніемъ и яко крѣпостное по крѣпостямъ, по силѣ указа 7205 года февраля 21-го дня, всѣмъ безъ изыятія безъ всякаго отъ кого-либо спору безпрекословно, а послѣ смерти ея съ 1797 года и я именованийъ съ сыномъ моимъ Андреемъ, родившимся отъ означенной покойной жены моей, яко настоящимъ послѣ ея наслѣдникомъ, и по оставшейся отъ нея духовной безъ всякаго отъ кого-либо спору, платя съ той земли въ міръ надлежащія подати бездомночно. Но въ 1799 году двоюродный дядя покойной жены моей, тое жь Нижнематигорской волости крестьянинъ Иванъ Васильевъ сынъ Симановъ, вступясь якобы по наслѣдству въ означенныя купленные дѣдомъ, отцомъ и матерью жены моей земли, пода-

нымъ въ Архангельское губернское правленіе прошеніемъ просилъ, чтобъ имѣя на показанныя земли крѣпости хранящіяся у меня, якобы писанныя на общее имя покойнаго тестя моего Федора съ братомъ Васильемъ, а его Ивана отцомъ отъ меня отобрать и ему отдать и повелѣть землею, яко настоящему наслѣднику, владѣть, а мнѣ съ сыномъ отказать, по которой просьбѣ губернское правленіе указомъ предписало Архангельскому городовому магистрату, чтобы онъ отъ меня означенныя на крестьянскія земли крѣпости, буде подлинно ихъ у себя безъ всякаго законнаго права удерживаю, немедленно отобрать, отослать для отдачи, кому онъ по справедливости принадлежатъ. Городовой же магистратъ, отобравъ отъ меня надлежащее по сему предмету объясненіе и отобравъ подлинныя на означенныя земли крѣпости и данныя отъ отца женѣ моей, а отъ жены съ сыномъ мнѣ духовныя, вошедъ въ подробное сего дѣла разбирательство, и наконецъ, постановленнымъ въ 11-е число іюня прошлаго 1799 года опредѣленіемъ заключилъ мнѣ съ сыномъ моимъ отъ владѣнія показанныхъ земель отказать, а предоставить оныя въ пользу и владѣніе просителю Симанову или кому по праву принадлежатъ будутъ, однако съ платежемъ за оныя по крѣпостямъ денегъ, даваемыхъ дѣдомъ и отцомъ и матерью покойной жены моей, безъ всякой помощи означеннаго просителя Ивана, отца, Василья Симанова, какъ точно сами тѣ крѣпости утверждаютъ. Но такъ какъ Симановъ опредѣленныхъ ко взысканію денегъ по крѣпостямъ не уплатилъ, то Никифоровъ просилъ уѣздный судъ войти въ разсмотрѣніе этого дѣла и сдѣлать ему удовлетвореніе. Судъ же рѣшеніемъ своимъ 1802 года мая 3-го постановилъ: „Оной Никифоровъ, жениась на покойной Натальи Симановой, состоялъ Холмогорскаго общества гражданиномъ, котораго за силою узаконеній 1765 года сентября 19-го дня манифеста 1766 года мая 25-го дня межевъ и инструкціи, 19 гл. 2 пункт. 20 гл. 4, 6 и 10 пункт., и указовъ 1782 года іюля 11-го, 1785 г. мая 16-го, правительствующаго сената, подтверждающаго 1782 года указа 1801 года іюля 30-го, никакое право на тѣ земли не простиралось, равно какъ и на его сына, рожденнаго отъ него въ состояніи гражданина, но не болѣе того и самая жена его Наталья Симанова, за силою той же межевой инструкціи 20 гл.

12 пунѣ., какъ скоро вышедъ за Никифорова замужъ, имѣла право на владѣніе реченными землями, а ежели бы и хотѣлось ей воспользоваться значущими за землями въ крѣпостяхъ деньгами, то тогда же бы, при выходѣ ея замужъ, надлежало учинить въ разсужденіе сего или съ Иваномъ Симановымъ дядею своимъ, или по отреченію его отъ сего, съ кѣмъ-либо другимъ изъ крестьянъ Нижноматигорской волости, и той самой деревни, гдѣ она жительствовала и земли состоятъ съ вѣдома общества Матигорскихъ крестьянъ, сдѣлку или какое условіе, единственно въ разсужденіи земли, которая безотъемлемо должна была остаться въ пользу того селенія и во владѣніе того, кому общество надъ оными землями владѣть предоставило бы, чего теперь за прошествіемъ десяти лѣтъ, хотя бы то и можно было, по силѣ указа 1787 года іюля 28-го, допустить и не можно, а по всѣмъ симъ прямымъ и законнымъ причинамъ оный Никифоровъ съ сыномъ какъ не состоялъ тѣхъ земель наслѣдникомъ, такъ и слѣдовательно къ полученію по крѣпостямъ денегъ никакого права не имѣлъ и не имѣетъ“.

Этимъ не окончились дѣла о земляхъ крестьянъ, поступившихъ въ видѣ приданаго къ гражданамъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Около 1808 года, при размежеваніи Холмогорскихъ городскихъ земель отъ крестьянскихъ, землемѣръ, посланный съ этою цѣлью Архангельскимъ губернскимъ правленіемъ, „открылъ, что за градскимъ выгономъ изъ гражданъ за 8-ю человѣками имѣется сѣнокосная земля во владѣніи, въ крестьянскихъ дачахъ, по разнымъ волостямъ, въ пяти мѣстахъ всего 9 десятинъ 2362 сажень“. Изъ числа упомянутыхъ владѣльцевъ мѣщанинъ Кулаковъ владѣлъ землею, доставшеюся его женѣ по раздѣльной записи, совершенной въ 1766 года іюля 21-го дня въ Архангельскѣ у крѣпостныхъ дѣлъ; эта записъ дана „отъ жены Куростровской волости крестьянина Герасима Шерпина, Парасковьи, дочерямъ ея, рожденнымъ отъ перваго мужа, Николаевской Матигорской волости крестьянина Попова, находящимся въ замужествѣ, первой—Аннѣ, за Холмогорскимъ посадскимъ человѣкомъ Оедоромъ Кулаковымъ, а второй—Марѣй, Двинскаго уѣзда Курейской волости за крестьяниномъ Михайломъ Скриповымъ, въ томъ, что отдала она въ вѣчное владѣніе доставшагося ей отъ перваго ея мужа часть недвижимаго имѣнія—сѣн-

*

наго покосу, состоящаго въ Матигорской волости, а именно: Аннѣ, пожену званьемъ Логушу, а Марѣ пожену жъ званіемъ за Плоучимъ въ Бояркурьѣ“. Сенатъ, при утвержденіи межеваго плана Холмогорскимъ землямъ въ 1814 г., постановленіемъ своимъ, состоявшимся въ 1814 году, опредѣлялъ: упомянутыя земли отобрать отъ гражданъ и оставить ихъ внутри волостей, среди коихъ оныя находятся ¹⁾).

Въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ, кромѣ показанныхъ дѣлъ, производилось еще съ 1798 по 1800 г. дѣло по прошенію жены отставнаго сержанта Марѣи Зайковой о надѣленіи ея земель, которое имѣло предметомъ также землю, данную въ приданое. Жена отставнаго сержанта Якова Зайкова, Марѣи Иванова, въ прошеніи своемъ, поданномъ въ Холмогорскій уѣздный судъ, изъяснила: „Назадъ тому лѣтъ съ 14, отецъ мой родной, здѣшней округи Куростровской волости крестьянинъ Иванъ Алексѣевъ сынъ Рычковъ, отдалъ мнѣ, за неимѣніемъ здѣсь у него мужеска поля дѣтей, для владѣнія, доставшюся ему отъ прародителей пашенную и сѣновосную землю, съ тѣмъ чтобъ давать ему для свободнаго, гдѣ онъ пожелаетъ, жительства, плакатные пашпорты и оплачивать за него государственныя подати и всякія нести мірскія, съ прочими на равнѣ тягости; по смерти же его, если кто будетъ вступаться въ оную землю изъ родственниковъ его, то дали бѣ мнѣ, вмѣсто приданаго, въ награжденіе подлежащую часть деньгами, потому что я выдана въ замужество не имъ самимъ, а Архангельскимъ купцомъ Зыковымъ и другими матери моей родственниками; оною землею и по смерти отца моего владѣла годовъ съ семь, безъ всякаго какъ той волости мірскихъ людей, такъ и ближнихъ родственниковъ спору, съ которой земли, а равно и за душу отца моего до послѣдней переписи оплачивала въ мірѣ всѣ государственныя и прочія подати бездомочно, да и нынѣ оплачиваю тожъ мірскія тягости, наравнѣ съ прочими. Нынѣ же, вступясь той Куростровской волости крестьянинъ Яковъ Васильевъ сынъ Рычковъ, отнимаетъ, безъ всякаго по завѣщанію родителя моего

¹⁾ Указъ Арх. губ. правленія Холмог. нижн. земск. суду 15-го окт. 1814 г., изъ Архива Матигорской земской избѣ.

награжденія, и инѣшняго лѣта насѣяться не даетъ; прочіе же ближайшіе мои родственники, Григорій Рычковъ и Степанъ Супаловъ, на коихъ я и шлюся о владѣніи инѣ тою землею, такого прекословія и спору не имѣютъ". Вслѣдствіе этого, истица просила уѣздный судъ приказать оставить за нею ту землю до размежеванія земель, въ случаѣ же законнаго спору Рычкова, или кто тою землею будетъ владѣть, дать ей по завѣщанію отца, вмѣсто приданнаго, деньгами, что по узаконеніямъ будетъ слѣдовать. Судъ постановилъ: означенную землю, дошедшую отцу истицы по просроченной закладной, данной ему въ 1734 году отъ капитанши Катерины Воробьевой и засвидѣтельствованной въ Архангельскѣ у крѣпостныхъ дѣлъ, слѣдовательно, не родственную, а самими приобрѣтенную, безъ прикосновенія прочихъ именъ Рычковыхъ, въ сходственность Уложенія 10 гл. 196, 247, а также и 17 гл. 31 и 33 ст., равно и по силѣ указовъ 7205 февраля 21-го, яко крѣпостную по крѣпостямъ, и 1765 году сентября 19-го, какъ издавна за крестьяниномъ Иваномъ Рычковымъ, а послѣ его и за просительницею дочерью его состоящую, утвердить впредь до генеральнаго земель размежеванія за нею Зайковой, которую ей и возвратить въ полное владѣніе и съ насѣянными на оной въ прошломъ 1798 году хлѣбомъ и съ уродившимся сѣномъ; впрочемъ же не отъемлется отъ нихъ и сія воля, буде пожелаютъ, чтобы и оною крѣпостною землею владѣть, то бъ полюбовно съ означенною Зайковой условясь, съ обѣщаніемъ ей вмѣсто приданнаго заплатить по учиненному согласію деньги". Однако это рѣшеніе было отмѣнено въ слѣдующемъ году Архангельскою палатою суда и расправы, которая постановила отобрать землю отъ Зайковой и отдать Рычковымъ, на основаніи 12 чун. 20 гл. межевой инструкціи 1766 г., которою воспрещалось давать земли государственныхъ крестьянъ въ приданное за дочерьми, выходящими замужъ за лицъ другого званія.

Основываясь на приведенныхъ фактахъ относительно земельного приданнаго, можемъ сказать, что обычаи на счетъ права распоряженія и наслѣдованія супруговъ этого рода приданнымъ были весьма разнообразны, и что они почти всегда выражались въ брачныхъ договорахъ и другихъ документахъ, замѣнявшихъ родъ крѣпостныхъ актовъ на недвижимое имущество. Можно однако полагать,

что земельнымъ приданымъ распоряжался больше мужъ, нежели жена, по причинѣ той подчиненной роли, какую играла жена въ семействѣ; такимъ образомъ, обычное выраженіе купчихъ крѣпостей, что мужъ продаетъ земли *по согласію* съ своею женой, часто также могло быть одною формальностью. Но все таки поземельное приданое, какъ нелегко сбываемое, могло служить болѣе вѣрнымъ источникомъ обезпеченія для жены, въ случаѣ смерти мужа, расходовъ и т. п., нежели всякій другой надѣлокъ.

• И въ болѣе отдаленныя времена, напримѣръ, въ XIV и XV вв., въ Двинской землѣ не было однообразія въ обычаяхъ, касавшихся правъ супруговъ на распоряженіе недвижимымъ имуществомъ. Такъ, по актамъ видно, что въ одномъ случаѣ приданая вотчина продается обоими супругами: „Се купи Василей Филимоновичъ и Евсѣй Онаньинъ у Ѳеодоры у *Григорьевы* дочери и у *еи* мужа у Ѳеодора у Ѳеодоровича, село земли на Ижемѣ, Фофановское, отчину ея, дворъ и дворище, орамыи земли и съ притеребы, и пожни съ притеребы, и путики того села, и перевѣсища того села, и полѣшии лѣсы, и бровыи ловища, и въ тонѣ участокъ, у Ижемского кола шестая часть, со всеми угодьи, гдѣ ни есть, все безъ вывѣта, что Ѳеодоръ дали братья Аврамъ и Яковъ, отчину свою, Ижемское село со всемъ володѣньемъ. А далъ Василей Филимоновъ и Евсѣй Ананьинъ на томъ селѣ Ѳеодоръ Григорьевъ дочери и еѣ мужу Ѳеодору Ѳеодоровичу девять сороковъ бѣлки, а пополонка кура“ ¹⁾. Въ другомъ случаѣ отчина жены продается мужемъ: „Се купи игуменъ Василей, у Якова у Баева, отчину Михѣеви дочери Ѳеодосину, у Глухомъ погости, полѣдворища и полѣгородца, на гори, на Заецкомъ поли,... и въ другомъ мѣстѣ полполца орамици,... и на Низу, на Лужи, половина орамици, и бережного лоскута, половина орамици, на Мудьюгини наволоки лоскутъ земли, и Микулина ѣзу полпоженки, и возли Кочкомъозеро половина орамици, и пожни, и притеребъ, и полпутика, Мѣхѣеви земли Ѳеодосини отчини, горніи земли, и за погостомъ земли игумну Василью чисты“ ²⁾. Въ третьемъ случаѣ самъ мужъ покупаетъ имѣніе у жены своей, зятя ея

¹⁾ Акты Юрид. Новгор. купчіи XIV и XV вв., № 71, X, стр. 112.

²⁾ Тамъ же, № 71, XXII, стр. 115.

и жены его. „Се купилъ Филипей Семеновицъ у Ульянѣ, у своей жены, и у еѣ у зятя, у Нафлока, и у его жены Марьи, землю Сенькинскую, на Икшинѣ островѣ, и дворъ за рѣкою, и въ Нарьи пожни, отъ Ермолини межи до игуменовы, съ притеребы, до Двины, и Плоскую веретею, и починки свои, чертежища свои, всю свою треть Икшина острова, и Пусевицъ истокъ, и перевѣсища, опричь дву Ермолинныхъ участковъ. А далъ имъ на нихъ Филипей два рубли, да овцу пополонка, по старой купли, по Семенови грамотѣ; а купилъ себѣ въ одерень и своимъ дѣтемъ“ ¹⁾.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи описанныхъ обычаевъ о приданомъ къ юридическимъ обычаямъ западныхъ Славянъ и къ русскимъ узаконеніямъ, разсматриваемымъ въ ихъ историческомъ развитіи. Въѣстъ съ переходомъ брачнаго обряда чрезъ три существенныя формы его, о которыхъ было говорено выше, то есть чрезъ похищеніе, покупку и собственно бракъ, обычаи относительно приданого подвергались существеннымъ перемѣнамъ. Наши ученые утверждаютъ, что въ то время, когда сѣвернорусскіе Славяне еще похищали женъ, у нихъ не могло быть приданого. Дѣйствительно, даже и теперь, какъ уже было сказано, при бракахъ *уходомъ*, приданого не бываетъ, развѣ только, когда молодые примирятся съ родителями; вообще же невѣста беретъ себѣ только то изъ платья, что сумѣетъ захватить съ собою. Но если мы вспомнимъ, что похищеніе невѣстъ у русскихъ Славянъ уже по свидѣтельству начальной лѣтописи имѣло характеръ чисто внѣшняго обряда, ибо происходило по совѣту съ невѣстами, то тутъ можно предполагать и участіе воли родителей, а какъ только является послѣдняя, то уже нѣтъ препятствій и для возникновенія приданого. Но наши ученые идутъ далѣе и высказываютъ мнѣніе, будто появленіе приданого нельзя отнести не только къ эпохѣ похищеній, но даже и къ эпохѣ купли невѣстъ. Г. Кавелинъ, напримѣръ, считаетъ приданое и плату явленіями несовмѣстными, исключаящими одно другое. Онъ говоритъ, что „трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты съ одной стороны надѣляли ее, а съ другой получали за

¹⁾ Акты Юр., № 71, XXVIII стр. 117.

нее плату. „Это“, по его словамъ, „было бы чѣмъ-то такимъ искусственнымъ, чего простымъ, здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитаго народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту—юридическія явленія со-всѣмъ различныхъ порядковъ, двухъ разныхъ бытовъ. Различіе этихъ явленій относится собственно не къ невѣстѣ, а къ взаимнымъ отношеніямъ родовъ, между членами которыхъ заключаются брачныя союзы. Гдѣ есть похищеніе невѣстъ, насильственное отнятіе ихъ, о чемъ въ обычаяхъ тоже сохранились воспоминанія,—тамъ еще нѣтъ между родами никакихъ отношеній, кромѣ враждебныхъ; покупка невѣстъ по существу своему предполагаетъ уже мирныя, невраждебныя сношенія между родами, существованіе въ извѣстной степени гражданскаго союза; наконецъ, приданое свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой степени развитости гражданскаго союза“ ¹⁾. Противъ этого можно замѣтить, что въ то время, о которомъ говоритъ начальная лѣтопись, похищеніе невѣстъ не обуславливалось непременно враждебностью родовъ, ибо происходило по совѣщанію съ дѣвушками, на религіозныхъ принципахъ. А что купля невѣстъ не исключаетъ приданого, можно убѣдиться изъ аналогическихъ явленій существованія приданого у такихъ народовъ, у которыхъ до сихъ поръ невѣсты покупаются. Такъ, инородцы Архангельской губерніи—Самоѣды, Лопари, Корелы и Зыряне, на ряду съ куплей невѣстъ знаютъ и приданое. Да и у другихъ народовъ восточнаго происхожденія, не вышедшихъ еще изъ формъ родового быта, купля невѣстъ не исключаетъ приданого. У Киргизовъ, напримеръ, отецъ, продавая дочь, тѣмъ не менѣе даетъ за нею подарки въ родѣ приданого. Это называется *иненкельменъ-джасау*, то есть, принесенное изъ дому отца²⁾. Остяки также даютъ за своими дочерьми приданое, не смотря на то, что продаютъ ихъ женихамъ ³⁾. Изъ славянскихъ народовъ, Морлаки, живущіе въ Далмаціи, а также Словенцы, покупаютъ невѣстъ (о послѣднихъ, впрочемъ, славяно-

¹⁾ Сочиненія *Кавелина*, III, стр. 243.

²⁾ Изъ собранныхъ мною свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ Киргизовъ Малой Орды.

³⁾ Этнографическій Сборникъ, IV, стр. 313.

любцы говорятъ, будто бы обычай купли невѣстъ они заимствовали отъ Турокъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ за ними приданое. У Черногорцевъ, по словамъ Ковалевскаго, жена не приноситъ приданого мужу; напротивъ, послѣдній долженъ еще платить за жену отцу ея. На это г. Богитичъ справедливо замѣчаетъ, что, во всякомъ случаѣ, жена должна принести съ собою свое платное ¹⁾. Великороссійскіе обычай подтверждаютъ тоже самое. У насъ, въ Архангельской губерніи, какъ сказано выше, въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ, какъ напримѣръ, въ селѣ Устьцымлѣ, невѣсты до сихъ поръ покупаютъ по всѣмъ правиламъ торга, приданое все таки идетъ съ невѣстой. И въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, вмѣстѣ съ владкой или калымомъ жениха, бываетъ уговоръ и о приданомъ со стороны невѣсты ²⁾. Приводя эти факты, мы не хотимъ безусловно утверждать, что купля невѣстъ всегда сопровождается дачей приданого со стороны родителей невѣсты. Такое положеніе могло бы быть опровергнуто данными противоположнаго свойства, хотя весьма и весьма немногочисленными, составляющими уклоненіе отъ общаго правила ³⁾. Наша цѣль — доказать, что два такіа разнородныя явленія, какъ купля невѣстъ и полученіе съ ними приданого, легко уживаются вмѣстѣ, и что, слѣдовательно, апріористическія соображенія г. Кавелина о несуществованіи у древнихъ Славянъ приданого, при существованіи второй формы брака, то есть, въ эпоху купли невѣстъ, разбиваются о факты. Въ пользу догадки г. Кавелина не можетъ служить и та мысль, что съ одной стороны, надѣленіе невѣсты приданнымъ, съ другой — покупка ихъ, суть вещи несообразныя. Не надобно забывать того, что и до сихъ поръ у насъ дары съ одной стороны и отдариванія съ другой, какъ между невѣстой и женихомъ, такъ и между ихъ родными, составляютъ характеристическую черту свадебныхъ обрядовъ, о чемъ говорится и въ пословицѣ: *подарки дарятъ — отдарковъ мядятъ*, а между тѣмъ взаимные дары и отдариванія также можно бы признать явленіемъ, заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

¹⁾ Pravni običaji u Slovena, стр. 121, 122.

²⁾ Тамъ же, стр. 124—126.

³⁾ Тамъ же, стр. 122, 124, 125.

Тотъ же авторъ, слова котораго приведены выше, говоритъ о происхожденіи приданого: „Пока невѣсты продавались, ихъ родные получали калымъ или плату за вѣно; когда же бракъ сталъ договоромъ, условіемъ, сдѣлкой двухъ родовъ, скрѣплявшею и упрочивавшею ихъ союзъ и согласіе, и слѣдовательно, полный разрывъ новобрачныхъ съ своимъ родомъ не могъ имѣть мѣста, какъ прежде, ея родственники, весьма естественно старались, по возможности, обезпечить хозяйство и довольство молодыхъ. Вотъ первый поводъ давать за невѣстой приданое. Оно стало потомъ предметомъ соревнованія между родами, члены которыхъ соединялись бракомъ. Родственники невѣсты выказывали свое достоинство, честь, богатство передъ родными ея мужа, давая за нею большое приданое. Такимъ образомъ, послѣднее стало необходимою принадлежностью брачныхъ союзовъ. Оттого, напримѣръ, у Уральскихъ казаковъ о приданомъ не спрашиваютъ: что дадутъ родители, тѣмъ довольны, молодые всегда надѣются, что ихъ надѣлать достаточно“ ¹⁾. Мы уже сказали, что покупка невѣстъ не влекла за собою полного разрыва новобрачной съ своимъ родомъ, на столько, по крайней мѣрѣ, чтобы препятствовать обезпеченію молодой приданнымъ. Можно полагать, что первоначально приданое состояло только въ одеждѣ и женскихъ украшеніяхъ, а потомъ стало проявляться въ формѣ дара отцемъ невѣсты послѣдней или жениху другихъ хозяйственныхъ предметовъ и проч. Замѣчательно, что первый нашъ лѣтописецъ, для выраженія понятія о приданомъ, употребляетъ описательную форму: „приношаху по ней, что вдадуче“. Это выраженіе именно показываетъ, что сначала приданое состояло изъ вещей, которыхъ можно было *приносить*, то есть, изъ движимаго имущества: платья, украшеній и т. п. Въ послѣдствіи приносомъ стали называть и недвижимое имущество, даже землю, которая приносилась невѣстой. Такъ въ одномъ изъ древнихъ Двинскихъ актовъ встрѣчается выраженіе: „полдеревни... *приносу* матери его“ ²⁾. Съ другой стороны, выраженіе: „что вдадуче“ имѣетъ тѣсную связь съ словами данье, данница и приданое. Соревнованіе между брачующимися сторо-

¹⁾ Сочиненія Кавелина, IV, стр. 177—178.

²⁾ Акты Юридич. № 19, стр. 40.

нами, о которомъ говорить г. Кавелинъ, конечно существовало; оно проявлялось въ томъ, что сторона невѣсты старалась дать приданое соотвѣтственно цѣнѣ, даваемой за невѣсту. До сихъ поръ у крестьянъ принято за правило давать большее или меньшее приданое, смотря по состоянію жениха, которое свидѣлствуется родителями невѣсты на *жиросмотринахъ*. А у нѣкоторыхъ инородцевъ нашей губерніи, напримѣръ, Корель и Самоѣдовъ, на опредѣленное количество калыма дается опредѣленное же количество приданого. Тоже наблюдается и у инородцевъ другихъ губерній, напримѣръ, у Татаръ, Черемиссъ, Чувашей и Вотяковъ Казанской губерніи ¹⁾.

Разсматривая различные роды приданого, отъ самаго простаго до болѣе полнаго, мы можемъ судить о томъ, какъ понятіе о приданомъ постепенно складывалось и развивалось у насъ. Первоначально, какъ мы только что сказали, приданое должно было состоять изъ одного женскаго *снаряда*, такъ что цѣль родителей, при дачѣ приданого, состояла собственно въ томъ, чтобы *снарядить* или *скрутить* дочь къ замужеству, то есть, снабдить ее необходимою одеждой. Что именно такова была первичная форма приданого, видно, между прочимъ, изъ названій его: *скрута*, *платно*, *коробья*, и изъ того, что у насъ, равно какъ у всѣхъ почти западныхъ Славянъ, до нынѣ приданое чаще всего состоитъ изъ одной только одежды. Затѣмъ, къ платному приданому вскорѣ присоединились дары (приносы), которые дѣлали отецъ невѣсты и другіе члены рода невѣстѣ и ея мужу: кое-что изъ одежды, нѣкоторые принадлежности хозяйства, скотъ, а въ послѣдствіи деньги. Тутъ цѣлью приданого становится желаніе надѣлать молодыхъ, хотя отчасти, хозяйствомъ, или вѣрнѣе, помочь ихъ будущему хозяйству. И здѣсь еще приданое не можетъ быть признано наградой за какое-либо, хотя мнимое право невѣсты на семейное имущество, потому что она не имѣетъ наслѣдственныхъ правъ. Въ послѣдствіи времени, когда стали зарождаться имущественныя права дѣвушекъ, именно, когда отцы при своей жизни начали надѣлать ихъ недвижимымъ имуществомъ и даже землею, тогда возникло у

¹⁾ Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, Г. Ф. Миллера, Спб. 1791 г., стр. 69—71.

насъ иное понятіе о приданомъ. Если приданое назначалось не отцомъ, а другими членами семьи, напримѣръ, братьями, то невѣста получала надѣлокъ или надѣлъ, хотя бы и платной, какъ бы въ вознагражденіе за ту часть недвижимаго имущества, которую она могла бы получить по волѣ отца; слѣдовательно, здѣсь приданое служило выдѣломъ, въ замѣнъ фиктивнаго права невѣсты на часть общаго семейнаго имущества. Такое значеніе приданого указывается въ нашихъ дѣльных записяхъ XVII вв., выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: „взяла надѣлку у братьи своей за свой третей участокъ изъ всего вобще живота, за всякой житейской жировной животъ и за всякой скотъ.... и за деревню, и за дворъ, и за дворище, и за хоромы, и за все про все“... (№ 4), или въ раздѣльной трехъ братьевъ и сестры: „подѣлились есми межъ собою полюбовно отца своего статками хлѣбомъ и солью, конми и коровами, и всякимъ скотомъ, шубами и сермягами, и всякимъ платьемъ, и мѣднымъ и желѣзнымъ, серебрянымъ и оловяннымъ и деревяннымъ, дворомъ и дворищемъ, и деревнею, и всякимъ житейскимъ запасомъ, всемъ поровну, на четыре участка, и поделаяся я *такая-то* взяла есми у брати своей... надѣлку себѣ за свой участокъ...“ (№ 7).

У западныхъ Славянъ также можно встрѣтить разницу въ названіяхъ приданого, по которой можно заключать о существованіи различныхъ родовъ этого имущества. У Поляковъ, напримѣръ, приданое, состоящее изъ одного женскаго платья, называется *вургавъ* (*вургавіс согке*—снабдить (собственно: приготовить) дочь всѣмъ нѣжнымъ изъ платья, сверхъ приданого; *вургавіс согке* за маѣ—выдать дочь за-мужъ), а состоящее изъ остальнаго движимаго и недвижимаго имѣнія—*posag*; у Чеховъ вѣно и *roucho*, у нѣкоторыхъ сербскихъ племенъ — *ruho* и *blago*, а вообще приданое *prcija* и т. п. ¹⁾. Большинство Славянъ (именно—жители Славоніи, Босніи, Далмаціи, Болгаріи, Словаки и пр.) ограничиваетъ приданое одною одеждой невѣсты, къ которой иногда присоединяются подушки и постель. Рѣдко даютъ, сверхъ этого, домашнюю утварь, скотъ или деньги, и то преимущественно въ Хорватіи, Загребскомъ Загорьи, Верхнихъ Лужицахъ, Угорской Руси и пр. Недвижимое же имуще-

¹⁾ Pravni običaji u Slovena, стр. 120—126.

ство—часть нивы, виноградника, дается только на островѣ Адриатическаго моря Ластово да въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи. Внѣсть съ тѣмъ у всѣхъ почти Славянъ невѣсты даются дары отъ ея рода и отъ рода ея жениха ¹⁾).

Ужь изъ сообщеннаго можно заключать, что и по обычаямъ западныхъ Славянъ дочери не пользовались равными съ сыновьями имущественными правами. И дѣйствительно, у всѣхъ почти Славянъ, до которыхъ не коснулось иноземное вліяніе, дѣвушки, имѣющія братьевъ, не получаютъ части въ отцовскомъ имуществѣ; на братьяхъ лежитъ только обязанность приготовить ихъ за-мужъ, сообразно своему состоянію, или выдать вмѣсто того деньгами ²⁾). Только безъ братьевъ пользуются дочери вполне наслѣдственными правами ³⁾). Это вполне сходно съ нашими теперешними обычаями, по которымъ дочери имѣютъ право на все отцовское имущество лишь въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ сонаслѣдниковъ мужескаго пола въ лицѣ братьевъ; при братьяхъ же сестра пользуется тѣмъ только, что удѣлять ей первые. Обращаясь къ древнѣйшему русскому законодательному памятнику, къ Русской Правдѣ, находимъ, что приданое давалось въ ту эпоху либо отцемъ невѣсты, отъ воли котораго зависѣло дать ей часть, равную части сыновей или меньшую, либо княземъ, выдѣлявшимъ часть изъ имѣнія умершаго смерда, не имѣвшаго дѣтей мужескаго пола, либо братьями, которые должны были снарядить для замужества сестру по своему достатку; но ни въ какомъ случаѣ сестры при братьяхъ не имѣли права наслѣдованія.

Какъ ни узки были права сестеръ при братьяхъ, все таки со стороны братьевъ постоянно существовало стремленіе къ ограниченію ихъ. Это въ особенности рельефно выражается въ одномъ донинѣ уцѣлѣвшемъ обычѣ западныхъ Славянъ. Именно у Далматинцевъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ существуетъ обычай, по которому когда братъ мужа явится въ домъ невѣсты за сундуками съ приданнымъ, тогда на эти сундуки садится меньшей братъ не-

¹⁾ Рг. об., стр. 120—126.

²⁾ Тамъ же стр. 120, 121 и 163.

³⁾ Тамъ же стр. 167.

вѣсты и не выдаетъ ихъ, не смотря на мольбу и угрозы деверя, пока тотъ не вознаградитъ его какою-либо монетой. У насъ этотъ обычай сохранился въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто брата невѣсты на сундуки съ приданнымъ садится сватья, и не выдаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ *выкупа* со стороны жениха ¹⁾.

Переданное въ домъ мужа, приданое частью остается въ распоряженіи жены, частью переходитъ въ распоряженіе мужа. Такъ, платное и у насъ, и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, равно какъ въ Малороссіи и во многихъ отрасляхъ западныхъ Славянъ составляетъ собственность жены, которою она можетъ располагать по своему усмотрѣнію, и на которую мужъ не имѣетъ никакого права. Остальное имущество, въ томъ числѣ и деньги, принадлежитъ къ семейному имуществу супруговъ, но располагаетъ имъ мужъ по своему усмотрѣнію. Это общій обычай, существующій и у западныхъ Славянъ ²⁾. Но въ иныхъ мѣстностяхъ бывають и особые обыкновенія. У насъ, въ Архангельской губерніи, кое-гдѣ жена сама распоряжается деньгами, полученными въ видѣ приданого; ссужаетъ ими мужа, сосѣдей и пр. Такъ точно въ Далмаціи нѣкоторыя женщины, вышедшія замужъ изъ болѣе богатыхъ домовъ и принесшія съ собою сколько-нибудь денегъ или получившія отъ родныхъ какое-либо домашнее животное, распоряжаются полученнымъ сами: хранятъ у себя дома съ остальнымъ имуществомъ или отдають изъ половины сосѣдямъ и знакомымъ поселянамъ ³⁾.

При разводѣ или расходѣ съ мужемъ, а также при вторичномъ выходѣ въ замужество, жена у насъ всегда получаетъ обратно свое приданое. То же наблюдается и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, и у нѣкоторыхъ западно-славянскихъ племенъ, напримѣръ, въ Болгаріи, у жителей Военной Границы и пр. ⁴⁾.

¹⁾ Сборн. юрид. обыч. Арх. губ., кн. 1, стр. 39.

²⁾ *Pravni obiĉ. u Slov.* стр. 123, 127 и 130; Труды Казанск. стат. ком. 1869 г. вып. 1-й: Народн. юрид. обычаи въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, стр. 20; Записки Отд. Этногр. Русск. Геогр. Общ. 1869 г. т. 2-й: Очеркъ нар. юрид. обыч. и понятій въ Малороссіи, *Чубинскаго*, стр. 691.

³⁾ *Pravni obiĉ. u Slov.* 42.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 137 и 163. Труды Казанск. стат. ком. 1869 г. вып. 1, стр. 21.

Послѣ смерти жены, какъ у насъ, такъ и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, приданое сберегается для дѣтей, въ особенности для дочерей, хотя бы мужъ и женился на другой. Со смертью же бездѣтной жены, приданое возвращается въ родъ ея, и мужъ ничего не смѣетъ утратить; за утраченное онъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ. Онъ получаетъ только постель, икону и вещи изъ банника. То же самое сообщается этнографами и о нѣкоторыхъ изъ западныхъ Славянъ; напримѣръ, у жителей Военной Границы, когда умереть жена, не оставивши дѣтей, то все ея приданое возвращается къ ея родителямъ, отъ которыхъ она получила его, если только передъ смертью она не запишетъ и не оставитъ своего имущества мужу; въ этомъ случаѣ послѣдняя воля ея считается священной. Мужъ, не получившій по завѣщанію приданого, не смѣетъ ничего издержать. Бываютъ такіе случаи, что послѣ смерти жены, когда все ея имущество возвращается матери, нѣкоторыя вещи изъ числа приданого окажутся не въ томъ видѣ, въ какомъ они даны, напримѣръ, одежда разорванною, тогда мужъ замѣняетъ ихъ и возвращаетъ новыми. Мужу остается, какъ и у насъ, только постель, которая обыкновенно дается съ дочерью ¹⁾.

По смыслу нашихъ приданныхъ записей XVII столѣтія можно заключать, что приданое цѣликомъ возвращалось въ родъ жены, но записи, кромѣ того, что издержано самою женой. Дѣйствительность издержки подтверждалась со стороны мужа прямымъ, то есть, честнымъ словомъ, предъ образомъ, но онъ при этомъ не былъ обязанъ цѣловать икону. За издержанное же имъ самимъ онъ обязанъ былъ вознаградить родныхъ жены. Такъ, и по Псковской судной грамотѣ, отъ мужа, отдавашаго приданое въ родъ покойной жены нельзя было требовать присяги въ томъ, что за нимъ болѣе ничего не осталось; достаточно его слова: „А у котораго человѣка помреть жена, а мужъ ея оженится, і жена мать, или сестра, или иное племя, а имутъ искать платя, іно мужъ ея, право по души (то есть по чистой совѣсти), платя отдать, а на останки мужу въ женни платни целованья нѣтъ“ ²⁾. Такъ и теперь не заста-

¹⁾ Pravní obič. u Slov. 163.

²⁾ Гражд. законы Псковск. Судн. Грамоты. Исслѣдованіе *Этельмана*, стр. 88—89.

вляють мужа цѣловать икону, въ доказательство того, что онъ передалъ все имущество покойной жены, „чтобы не трасти души ея“.

До сихъ поръ рѣчь шла о платномъ приданомъ. Что касается до остального приданого, и въ особенности земли, то въ этомъ отношеніи, вѣроятно, не было единообразія въ обычаяхъ, а все обуславливалось предварительнымъ договоромъ, такъ что иногда приданое возвращалось въ родъ жены, иногда оставалось у мужа, и въ послѣднемъ случаѣ, то, что было издержано, напримѣръ, деньги, скотъ и разнаго рода хозяйственные принадлежности, не требовалось обратно. Изъ одной статьи Псковской судной грамоты видно, что жена могла оставить свою приданую землю по завѣщанію мужу; если же не было завѣщанія, то мужъ владѣлъ ею до своей смерти или до новой женитьбы ¹⁾. У насъ же земли часто оставались за мужьями навсегда, дѣлаясь иногда собственностью всей семьи мужа. Впрочемъ, могло случиться и такъ, что земля отходила къ роднымъ жены даже отъ зятя-пріемыша, если только они уплачивали пожилымъ деньги. Тутъ все зависѣло отъ письменнаго брачнаго договора, который составлялся всегда, какъ только дѣло касалось земли. Оттого большая часть брачныхъ записей здѣшней мѣстности, въ особенности болѣе поздняго времени, приняла характеръ актовъ, укрѣпляющихъ поземельную собственность за извѣстнымъ лицомъ: они у насъ замѣнили такимъ образомъ, *справку* земли за женихомъ, которая требовалась для вотчинъ и помѣстій узаконеніями XVII столѣтія.

Не смотря на незначительность вообще приданого, оно часто служить приманкой для родныхъ мужа, въ особенности свекра; послѣдніе нерѣдко, даже при жизни снохъ, по слѣдѣ смерти мужей, посягаютъ на приданое, въ особенности тогда, когда невѣстки уходятъ въ домъ своихъ родителей. Разумѣется, это составляетъ уже не обычай народный, а нарушеніе обычая.

Такія же нарушенія обычнаго права часто случались и въ старину, такъ что еще въ Псковской судной грамотѣ вызвали особую статью для огражденія правъ невѣстокъ: „А у кого помреть сынъ,

¹⁾ Гражд. зак. Пск. Судн. Грам., стр. 88.

а невѣстка останется, да учнетъ на свекри или на дѣвери скру-
ты своеа искати, или платяя своего, ино свекру или дѣверю от-
дать платье или крута“¹⁾. Рѣшенія нашихъ волостныхъ судовъ;
напримѣръ, помѣщенное подъ № 7, составляютъ какъ будто под-
веденіе этой статьи древняго узаконенія. Другое рѣшеніе волост-
наго суда, подъ № 18, по которому свекоръ обязывается подтвер-
дить присягою справедливость передачи всего приданого, остав-
шагося послѣ смерти невѣстки, напоминаетъ окончаніе только что
приведенной статьи: „А чѣмъ невѣстка клеплетъ, ино свекру или
дѣверю воля, чимъ хочетъ: хочетъ, самъ поцѣлуетъ крестъ, или
у креста невѣсткѣ положить, чимъ учнетъ клепати“. Изъ всего
сказаннаго видно, что наши народныя обычаи о приданомъ, въ
своихъ существенныхъ чертахъ, сходны какъ съ обычаями запад-
ныхъ Славянъ, такъ и съ древними правилами, заключающимися
въ старинныхъ законодательныхъ памятникахъ, предшествовав-
шихъ реформамъ великаго преобразователя Россіи.

По узаконеніямъ, появившимся съ Петра Великаго и положив-
шимъ рѣзкую гранцу между старыми и новыми взглядами на при-
даное, это послѣднее можетъ считаться полнымъ выдѣломъ, и дочь
называется отдѣленною только тогда, когда она въ приданомъ на-
передъ получить всю свою указную часть или въ рядной записи
отречется отъ наслѣдства; если же она не получила своей части
сполна, то по смерти родителей можетъ требовать ее изъ наслѣдства,
съ зачетомъ приданого. По народнымъ же обычаямъ, женщина полу-
чившая приданое—будь то скрута или надѣлокъ, во всякомъ случаѣ
считается отдѣленною и не имѣетъ никакого права на наслѣдство
послѣ родителей. По существующимъ узаконеніямъ, вслѣдствіе строго
проведеннаго начала раздѣльности имуществъ между супругами,
приданое считается исключительною собственностью жены, и по от-
ношенію къ этой собственности мужъ не имѣетъ никакого права,
даже права пользованія; жена владѣетъ, пользуется и распоря-
жается этимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, совершенно
независимо отъ мужа; она можетъ отчуждать его въ постороннія
руки или даже своему мужу. У народа же только платное прида-

¹⁾ Гражд. Законы Псковск. Суд. Гр., стр. 91.

ное считается собственностью жены, а надѣлокъ составляетъ общее имущество супруговъ, которымъ болѣе распоряжается мужъ, нежели жена. Наконецъ, относительно наслѣдованія мужа въ приданомъ народъ ограничиваетъ права его гораздо болѣе, нежели законъ, который предоставляетъ ему четвертую часть въ имуществѣ жены. Такимъ образомъ, новыя узаконенія о приданомъ не коснулись народа и нисколько не измѣнили его понятій и обычаевъ; въ этомъ отношеніи народъ остался съ воззрѣніями до-петровскихъ временъ.

II. Ефименко.

Г. Холмогоры.

О КУЦО-ВЛАХАХЪ

ЭПИРА, ΘΕССΑΛΙΑ И МАКЕДОНИИ.

О КУЦО-ВЛАХАХЪ ЭПИРА, ТЕССАЛИИ И МАКЕДОНИИ.

Для историка-этнографа, вникающаго въ образованіе человѣческихъ обществъ и семействъ, называемыхъ народностями, и ищущаго дополнить пробѣлы въ исторіи чрезъ изученіе естественныхъ законовъ природы вообще и человѣческой въ особенности, Балканскій полуостровъ представляетъ большой интересъ. Изрѣзанный горами, находясь на перепутьи между Азіей и Европой, такъ сказать, на большой дорогѣ, по которой совершалось великое переселеніе народовъ, полуостровъ этотъ есть явленіе, единственное въ историко-этнографическомъ смыслѣ. Нигдѣ на сравнительно небольшомъ пространствѣ не толпится столько обломковъ различныхъ народностей; нигдѣ онѣ такъ не перепутаны, не перемѣшаны между собою, какъ по теченію рѣки Дуная и на протяженіи большихъ хребтовъ Гемуса (Балкановъ) и Пинда. Много споровъ происходило и происходитъ между учеными и археологами о настоящемъ отечествѣ тѣхъ или другихъ народностей этой части Европы, о томъ, кто здѣсь туземцы, и кто пришельцы, за кѣмъ оставить историческое право, и за кѣмъ силу мышцъ и энергіи. Въ политическомъ мірѣ происходятъ тѣ же споры; до нихъ мы не коснемся: этого рода задачи разрѣшаются временемъ и природой; но чтобы предвидѣть разрѣшеніе этихъ задачъ, чтобы установить правильныя сужденія и въ сферѣ политики, полезны бываютъ точныя изслѣ-

дованія этнографа въ связи съ географіей, особенно тамъ, гдѣ историческіе памятники или исчезли, или неполны, какъ это оказывается, между прочимъ, по отношенію къ Балканскому полуострову. Современной наукѣ приходится пополнять этотъ недостатокъ и догадками замѣнять отсутствіе точныхъ указаній.

Весь Балканскій полуостровъ въ этомъ отношеніи интересенъ, и вездѣ этнографическое изученіе его трудно; но въ южной части этого полуострова, которая оканчивается настоящею Греціей, столпилось особенно много народностей, и народности эти особенно перепутаны. Тутъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо трудно рѣшить, кто здѣсь жилъ прежде, кто кого выгналъ, и даже кому въ настоящее время приходится или надобно здѣсь жить. Такъ, напримѣръ, кто жилъ въ Эпирѣ и Фессаліи во время Пирра, кажется, просто невозможно рѣшить; кто жилъ тамъ во время Силлы или Аларика — рѣшить трудно; можно сказать утвердительно только о томъ, кто тамъ жилъ во время Нѣманичей. Нѣтъ сомнѣнія, что то были Славяне. Но отъ этихъ-то именно послѣднихъ обитателей страны ничего почти не осталось, кромѣ названій да бѣлокурыхъ волосъ. Отъ древнѣйшихъ временъ, напротивъ того, остались развалины, языки и даже обычаи и привычки.

Можетъ быть, покажется страннымъ, что я, путешествовавшій по этимъ странамъ, и именно только вслѣдствіе этнографическихъ и географическихъ наблюденій надъ ними, но безъ розысканій въ историческихъ источникахъ, допускаю предположеніе, что во времена, напримѣръ, Силлы и Аларика здѣсь жили Римляне, или по крайней мѣрѣ, вообще народъ, принадлежавшій къ латинскому, италійскому племени и говорившій латинскимъ языкомъ. Тамъ до сихъ поръ сохранилось во всей, можетъ быть, чистотѣ только племя латинскаго корня, говорящее своимъ языкомъ и сохраняющее несомнѣнные физиологическіе признаки народа, живущаго теперь въ окрестностяхъ Рима и Флоренціи. Не буду вдаваться въ доказательство этого предположенія. Противъ доводовъ моихъ возопили бы и Албанцы, которые почти владѣютъ этою страной, и Греки, которые побѣдили ее своею культурой, и Славяне, которые окрестили горы, селы и рѣки этой страны своими названіями, и которымъ тоже хочется быть какъ можно болѣе старымъ и почтен-

нымъ племенемъ. Но въ объясненіе того, почему мнѣ пришло въ голову упомянутое предположеніе, я могу только разсказать, гдѣ и какъ живутъ указываемые мною остатки Римлянъ; пусть люди болѣе ученые приведутъ мои замѣтки въ систему, сообразятъ ихъ съ историческими извѣстіями и обстоятельствами, и можетъ быть, рѣшатъ вопросъ.

Народъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, нѣкогда носилъ гордое имя Римлянъ, въ послѣдствіи времени былъ переименованъ въ Валаховъ, и наконецъ, въ Куцо-Влаховъ и даже въ Гоговъ,—названіе, о которомъ, едва-ли кто слышалъ, кромѣ тѣхъ, кто проникалъ въ самыя почти непроходимыя тущобы Пинда и Шаръ-планины. Валахами это племя называютъ Славяне и теперь Греки, перенявъ это названіе, вѣроятно, отъ Нѣмцевъ, ибо Welschen, то есть, Галлами, Германцы называли сначала Галловъ, жившихъ въ Галліи и нынѣшней Ломбардіи, а потомъ стали называть и всѣхъ Италіянцевъ безъ разбора. Откуда взялось названіе Куцо-Влаховъ—сказать съ точностью нельзя; можно только догадываться, что въ этомъ случаѣ Валахамъ удружили Греки, приставя къ ихъ имени слово *κωτος* или какъ теперь произносятъ—*куцосъ*, то есть, глупый. Это вѣроятно, ибо Грекъ, относящійся вообще съ презрѣніемъ къ чужимъ народностямъ, особенно любитъ подтрунить надъ Валахомъ Пинда, неповоротливымъ, упрямымъ, неразговорчивымъ, широкоплечимъ, часто чуть не въ сажень ростомъ. Эти качества или недостатки особенно непріятны Грекамъ еще и потому, что Греки никогда не могли одолѣть эту горсть иноплеменнаго населенія. Въ странѣ, гдѣ все поддавалось греческому вліянію и культурѣ, одни только Валахи упрямы, говорятъ своимъ языкомъ и ведутъ жизнь совершенно обособленную и оригинальную. Гогами называютъ Куцо-Влаховъ Славяне на сѣверѣ въ Шаръ-дагѣ, около Призрена, Ипека и до Габрова. Гого есть сокращенное по валашски имя Георгій. Мнѣ кажется, что Славяне окрестили весь народъ Куцо-Влаховъ именемъ Георгія, потому, что въ средѣ его особенно часто встрѣчается это имя, а встрѣчается оно часто потому, что нѣтъ почти валашскаго села, въ которомъ не было бы церкви во имя св. Георгія.

Выше сказано, что въ той части Балканскаго полуострова, гдѣ

проходить Пиндъ, по обѣимъ сторонамъ его, помѣстилось много разныхъ народностей—Греки, Албанцы, Валахи, Славяне и даже настоящіе Турки, подъ названіемъ Коньяръ. Народности эти перемѣшаны между собою, особенно въ Эпирѣ, самымъ страннымъ образомъ. Такъ, въ долинѣ Янины живутъ Греки, на западъ отъ нея Албанцы, на югъ тоже; въ десяти часахъ отсюда, еще болѣе къ югу, вокругъ Артскаго (въ древности Амвракійскаго) залива опять Греки; но за этимъ заливомъ, на востокъ и югъ отъ Арты до самой границы Греческаго королевства гнѣздятся въ непреступныхъ почти горахъ опять Албанцы, которые однако носятъ славянское имя—Радовицы.

Среди этой смѣси только Валахи живутъ сплошною массой на всемъ протяженіи Пинда. Какъ и какимъ образомъ они одни уцѣлѣли сплошною массой, тогда какъ направо и налево отъ нихъ все перемѣшалось и перепуталось,—на это можетъ отвѣтить географія, но она же свидѣтельствуетъ и о томъ, что Валахи не могли жить искони вѣковъ тамъ, гдѣ они живутъ теперь. Разсказъ объ ихъ обычаяхъ равнымъ образомъ покажетъ, что бытъ этого народа сложился подъ вліяніемъ весьма стѣсненныхъ обстоятельствъ. Можно предположить только, что нѣкогда Валахи вслѣдствіе тяжелой необходимости убѣжали въ страну, гдѣ пребываютъ нынѣ, и укрываясь въ ней за скалами, лѣсами и снѣгами, могли просуществовать здѣсь донинѣ только благодаря не установившемуся ходу жизни вокругъ нихъ, благодаря беспорядкамъ, которые начались, вѣроятно, еще съ набѣга на Эпиръ Аларика, затѣмъ были поддерживаемы нашествіями сперва Славянъ, а потомъ Турокъ, и продолжаются до сихъ поръ. Никому не было дѣла до этого маленькаго племени, всѣ были заняты своею собственною участію, а потому оно и уцѣлѣло понинѣ безъ существенныхъ измѣненій въ своемъ бытѣ.

Между Эпиромъ и Фессаліей, отъ самой границы настоящаго Греческаго королевства, на равномъ почти разстояніи отъ заливовъ Артскаго и Вольскаго, подымается и ясно выдѣляется между другими горными формаціями, большей или меньшей высоты, длинный и стройный хребетъ горъ; это—хребетъ Пинда, какъ звали его древніе Греки, или Зигось, какъ его зовутъ Греки новыя. Слово

πίλος значитъ просто—хребетъ, хребетъ по преимуществу. Пиндъ отъ Артскаго залива идетъ прямо на сѣверъ безъ перерыва до озеръ Охриды и Преспы, проходитъ между ними подъ названіемъ Сухой горы и поворачиваетъ на западъ около города Охриды подъ названіемъ Истока горы, записаннымъ и въ греческихъ лѣтописяхъ, ибо на склонѣ этой горы, въ одномъ селѣ, родился Юстиніанъ. Потомъ на правомъ берегу Бѣлаго Дрина хребетъ поворачиваетъ опять на востокъ, пока не соединяется съ другимъ, встрѣтившимся ему на пути хребтомъ — Шаръ-планиной, по турецки Шаръ-дагомъ. На протяженіи этого хребта, тамъ, гдѣ верховья рѣки Пеней орошаютъ Фессалійскую долину, отъ него отдѣляется какъ бы отрогъ, въ началѣ—около извѣстнаго въ новой греческой исторіи монастыря Спялеонъ и города Шатисты—скалистый и неприступный, а потомъ отлогій и покрытый роскошною растительностью, извѣстный теперь подъ названіемъ Хатъя. Отрогъ этотъ идетъ непрерывно, отдѣляя долину Фессаліи отъ равнинъ западной Македоніи до горы Олимпа, и сливается съ нею. Затѣмъ отъ Олимпа идетъ на сѣверо-западъ еще кряжъ горъ, называемый Караташъ, высокій, скалистый и тоже ограниченный съ обѣихъ сторонъ равнинами. Этотъ кряжъ проходитъ на западъ отъ городовъ Іенидже, Водены и Озера (теперь называется Островомъ) и примыкаетъ къ Пинду ниже Витоля и Преспинскаго озера у Сухой горы. Этотъ послѣдній хребетъ, Пиндъ и хребетъ Хатъя составляютъ почти правильный треугольникъ, внутри котораго есть тоже горы, но небольшія, помѣщаются города Касторія, Шатиста, Кожани, и живетъ народъ, говорящій исключительно по гречески. Всѣ же эти хребты, которыхъ направленіе обозначено выше, и составляютъ почти сплошь страну Куцо-Влаховъ. Притомъ, главные ихъ центры, тѣ мѣста, гдѣ населеніе Валаховъ образуетъ не линію, а группу или сплошную массу селъ, находятся именно на самыхъ неприступныхъ, самыхъ скалистыхъ, дикихъ, лѣсистыхъ и высокихъ мѣстахъ этихъ горъ; а именно, населеніе это сплошное тамъ, гдѣ хребетъ Хатъя отдѣляется отъ Пинда, гдѣ онъ особенно высокъ, богатъ снѣжными вершинами и даетъ начало пяти самымъ большимъ и извѣстнымъ въ греческой исторіи и мифологіи рѣкамъ, Ахелю, Араксу, Каламъ, Пеней и Аосу. Затѣмъ Валахи живутъ

группою въ большихъ горахъ, около Сухой горы и города Битоля, гдѣ другой кряжъ горъ отдѣляетъ отъ Пинды, ограничивая Македонскую долину, и идетъ до Олимпа. По этому кряжу валашскія села гнѣзятся одно около другого по линіи, а близъ Олимпа образуютъ опять цѣлую группу по восточному его склону, на плоскихъ возвышенностяхъ, соединяющихъ горы Олимпъ и Аморбей, на сѣверъ отъ Лариссы.

Я съ намѣреніемъ точно опредѣлилъ направленіе этихъ горныхъ кряжей, ибо оно составляетъ точное опредѣленіе географическихъ границъ Валашскаго племени. Впрочемъ, границъ такихъ, собственно говоря, нѣтъ. Какъ по сторонамъ горныхъ кряжей идутъ равнины, такъ по сторонамъ валашскихъ поселеній, изъ которыхъ ни одно, можетъ быть, не построено ниже, чѣмъ на 3000 футовъ надъ уровнемъ моря, живутъ въ равнинахъ сплошною массою Греки, Албанцы, Славяне, Турки; тамъ, гдѣ хребты суживаются, села валашскія вытягиваются въ линіи, все-таки никогда не сходя въ долины; тамъ же, гдѣ хребты эти расширяются, представляя узлы горныхъ сплетеній, неправильныхъ, скалистыхъ и неприступныхъ, тамъ селы Валаховъ группируются гнѣздами.

Такое разселеніе цѣлой народности, говорящей однимъ языкомъ и отличающейся неоспоримо однимъ типомъ физиологическимъ, можетъ ли быть слѣдствіемъ естественнаго положенія вещей? Нельзя не предположить, что народъ этотъ когда-то населялъ долины и поля у подножій своихъ теперешнихъ поселеній, но былъ загнанъ въ горы набѣгами другихъ народовъ—сначала Германскимъ племенемъ при Аларикѣ, потомъ Славянами, а затѣмъ Турками и давно присоединившимся къ нимъ Албанцами, которые ожили и ободрились послѣ нашествія Турокъ на Европу. Вѣроятно, энергическое Валашское племя, богато одаренное природою, особенно въ физиологическомъ отношеніи, не желавшее покоряться счастливымъ побѣдителямъ, оторванное наплывомъ полудикихъ народовъ отъ общенія съ остальнымъ міромъ, ушло въ горы какъ можно повыше, за естественныя преграды, которыя природа полагала нашествію иноплемениковъ, за быстрыя рѣки, за скалистыя окраины хребтовъ, и за ними побѣдители не нашли ни нужнымъ, ни полезнымъ послѣдовать. Такъ, Валахи и остались до сей поры, ревниво охраняя

свое убѣжище, ревниво огражденное и самою природой, которая засыпаетъ ихъ снѣгомъ въ продолженіе семи мѣсяцевъ въ году. Это исключительное и трудное существованіе сохранило ихъ замѣчательно и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніяхъ. Въ физическомъ отношеніи они не носятъ на себѣ примѣсы чужой крови, крѣпки, необыкновенно сильны, массивны, красивы и упрямы, какъ животное, дающее имъ пропитаніе, мулъ. Въ нравственномъ отношеніи они представляютъ замѣчательное явленіе: направо и налево отъ ихъ жилищъ, подобно народностямъ, перемѣшались и религіи. Мусульмане, православные, католики помѣшались смѣшанно въ долинахъ, спорятъ и воюютъ между собою теперь, а встарь къ этому хаосу присоединялись еще богумилы, павликяне и т. д. Не смотря на все это, всѣ Валахи неизмѣнно православные, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до послѣдняго времени пользовались даже независимостью своего церковнаго управленія отъ Константинопольскаго патриарха. Они кое-гдѣ сохранили экзархаты, какъ напримѣръ, въ Мецовѣ, центральномъ городѣ ихъ поселенія въ Эпирѣ. Экзархами этими были архимандриты, и хотя ихъ рукополагали ближайшіе греческіе епископы, но на веденіе ими своихъ дѣлъ эти послѣдніе не имѣли никакого вліянія.

Географическое положеніе настоящаго мѣстожителства Куцо-Влаховъ крайне замѣчательно, какъ это видно изъ вышеннеложеннаго: едва ли есть еще на свѣтѣ народъ, живущій въ столь необыкновенныхъ условіяхъ. Но внутренняя жизнь этого народа, семейный и общественный бытъ, способы, употребляемые имъ для снисканія средствъ къ жизни, можетъ быть, еще страннѣе и оригинальнѣе.

Въ Испаніи, которая своимъ геологическимъ образованіемъ похожа на Турцію, до сихъ поръ существуетъ цѣлое сословіе помадовъ — странствующихъ пастуховъ; но это не народъ, а только классъ народа, не имѣющій нигдѣ осѣдлости. Въ Россіи существуютъ Владимірскіе офени; но это тоже странствующій классъ народа. Куцо-Влахи—это цѣлый особый народъ, живущій въ условіяхъ помадовъ, и притомъ съ тою особенностью, что имѣетъ свою осѣдность, свое отечество, живетъ своею особенною жизнью, да еще столь крѣпкою, столь живучею, что даже въ нынѣшнемъ

столѣтіи не разъ съ оружіемъ въ рукахъ и очень энергично защищали свое отечество, то-есть, свои горы, свои села.

Куцо-Влаховъ, живущихъ на всемъ протяженіи Пинда и Олимпна, отъ греческой границы до Шаръ-дага, можно раздѣлить по образу ихъ жизни на двѣ категоріи. На пространствахъ отъ границы Греціи до Битоля или Охридскаго озера Валахи почти исключительно пастухи или погонщики муловъ; около же Битоля и далѣе къ сѣверу они торговцы и ремесленники; но и тамъ, и здѣсь они номады.

Какъ уже сказано выше, села Валаховъ расположены по хребтамъ горъ, обыкновенно очень высоко, непремѣнно ограждены почти непроходимыми скалистыми обрывами и отдѣлены большею частью отъ долинъ, на право и на лѣво, быстрыми и довольно большими горными рѣками. Такъ, со стороны Эпира поселенія Валаховъ Пинда ограничены теченіемъ рѣкъ Аракса и Каламы, и за этими рѣками, которыя какъ-бы отрѣзываютъ хребетъ Пинда отъ холмовъ Эпира, нѣтъ ни одного поселенія Валаховъ. По хребту Хатъя область Валаховъ ограничена съ сѣвера рѣкою Саламврией, а къ югу Пенеемъ. Главный центръ ихъ поселеній находится въ горахъ, которыя даютъ начало пяти упомянутымъ выше знаменитымъ греческимъ рѣкамъ. Тутъ въ серединѣ стоитъ городокъ Мецово, небольшой, но весьма важный по своему центральному положенію и по влиянію, которое онъ имѣетъ вслѣдствіе того на остальные валашскіе города и села. Мецово есть какъ-бы столица этого племени. Тутъ живетъ валашскій экзархъ, который имѣлъ прежде довольно обширную юрисдикцію, но теперь, вслѣдствіе постоянныхъ посягательствъ со стороны Грековъ, сохранилъ въ своемъ вѣдѣніи только пять селъ. Жизнь Мецовскихъ жителей также отличается отъ жизни другихъ Валаховъ. Это единственные представители этого племени, которые не живутъ какъ номады. Они занимаются, такъ сказать, нравственною администраціей своего народа, даютъ тонъ его стремленіямъ и направленію и выдѣляютъ изъ себя личности, которыя становятся турецкими сановниками, и въ качествѣ таковыхъ, засѣдаютъ въ совѣтахъ Янины и даже Константинополи, какъ-бы въ видѣ представителей и защитниковъ своего народа. Греческая цивилизація проникла въ Мецово въ

значительной степени, болѣе чѣмъ во всѣ остальные поселенія Валаховъ Пинда, но все-таки это богатое село твердо сохраняет свою національную особенность, свои обычаи. Въ Мецовѣ даже многія женщины знаютъ читать и писать по гречески, но даже живя въ Янинѣ или Лариссѣ, ревниво сохраняютъ свой костюмъ и свой языкъ въ семействѣ. Мецово, вѣроятно, и въ древнія времена было центральнымъ пунктомъ, господствовавшимъ надъ Эпиромъ и Фессаліей. Около города есть плоская возвышенность, богатый лугъ, окруженный скалистыми вершинами горъ, который и теперь называется Императоріей. Мѣстные грамотѣи увѣряютъ путешественниковъ, что здѣсь была главная твердыня Пирра. И дѣйствительно, въ одномъ углу Императоріи остались развалины отъ IV или V вѣка до Рождества Христова — стѣны, сложенныя безъ цемента изъ большихъ квадратовъ дикаго камня, уже довольно правильно обтесанныхъ. Мецово стоитъ почти на высотѣ 3500 футовъ надъ поверхностью моря; но люди могутъ еще жить здѣсь постоянно, то есть, зимой и лѣтомъ. Около Мецова на различныхъ разстояніи по протяженію Пинда, отъ границъ Греціи до горы Смольки, тянутся настоящія коренныя валашскія села, изъ которыхъ главныя суть Каларитесь, Краня, Периволи, Авделя, Саморина. Жизнь этихъ селъ крайне любопытна и оригинальна. Видно, что только тяжелыя историческія обстоятельства, отчаянная борьба за жизнь могли загнать цѣлый народъ въ такое мѣсто, гдѣ жить нельзя, и гдѣ однако люди ухитряются жить. Ни одно изъ вышеупомянутыхъ селъ и множество другихъ меньшаго размѣра не построены ниже 4000 футовъ надъ поверхностью моря, и притомъ, при такихъ условіяхъ, что шесть или семь мѣсяцевъ въ году ихъ заслѣдуетъ снѣгъ, такъ что изъ-подъ него не видно ни одной домовой крыши. Еслибъ человѣкъ могъ зимой забраться на то мѣсто, гдѣ стоятъ, напримѣръ, Каларитесь, Периволи или Саморина—что почти не вѣроятно, — то онъ прошелъ бы поверхъ города по снѣгу, ни чуть не подозрѣвая даже, что подъ нимъ находится болѣе тысячи отлично построенныхъ домовъ, въ которыхъ лѣтомъ кипитъ бурная, богатая и обильная довольствомъ жизнь. Лѣтомъ, пробравшись въ Периволи, гдѣ я былъ нѣсколько разъ, я чуть было не утонулъ въ рѣкѣ Каламѣ, переполнившейся водою послѣ грозы;

потомъ, пробираясь по дремучему сосновому лѣсу и по откосамъ горъ почти перпендикулярнымъ, я думалъ забраться въ ужасную глушь и дичь, — и каково же было мое удивленіе, когда, выйдя изъ лѣса, я увидѣлъ передъ собою на зеленой свѣжей ливадѣ, окруженной соснами, цвѣтушій богатый городъ, чисто построенный, съ домами не рѣдко въ 15 оконъ врьдъ, въ два этажа, городъ, наполненный прекраснымъ рослымъ народомъ, красивыми женщинами, одѣтыми въ самые разноцвѣтные и яркіе костюмы. Я понялъ тогда, почему турецкое войско никогда не заходило въ это село. Пробираясь въ Каларитесь, въ одномъ мѣстѣ я тоже чуть было не сорвался съ лошади съ страшнаго крутого обрыва въ рѣку Араксъ и покорился моему проводнику, которому сначала не хотѣлъ вѣрить, когда онъ увѣрялъ меня, что въ Каларитесь ходятъ только пѣшкомъ, а если ѣздить, то на мулахъ; я не хотѣлъ этому вѣрить, ибо зналъ, что Каларитесь — богатый городъ, имѣющій болѣе 1000 домовъ, и что въ немъ недавно одинъ египетскій богачъ, Томица, построилъ чуть не дворецъ, большую школу и больницу. Еще болѣе удивила меня Саморина, въ которой болѣе 1500 домовъ; я пріѣхалъ туда въ первый разъ на праздникъ св. Георгія и былъ пораженъ красотой здѣшнихъ построекъ, стеченіемъ народа веселаго и красиваго, а главное — пѣлыми складами валашскаго товара, который здѣсь въ этотъ день продается, какъ на ярмаркѣ, почти на все Валашское племя, и въ массѣ котораго преобладали ковры, *велени* (толстое лохматое сукно), толстое красное сукно для женщинъ и бѣлое для мужчинъ, сыръ и мука. И гдѣ стоитъ эта Саморина? По изысканіямъ недавно умершаго географа Турціи, Француза Лежана, на высотѣ 5200 футовъ, надъ самою вершиною Смольки, среди дикаго лѣса и скалъ. И всѣ эти села, о которыхъ я говорю, засыпаются зимою снѣгомъ, такъ что ихъ даже не замѣтно. Какъ же живутъ люди при такихъ условіяхъ? Живутъ хорошо, въ довольствѣ, безъ сомнѣнія, несравненно лучше Албанцевъ, которыхъ почти содержитъ и кормитъ турецкое правительство, и Грековъ, которые воздѣлываютъ богатые поля у подножія кучо-валашскихъ горъ.

Понятно, что племя можетъ сохранить свой языкъ, свою народность, свой образъ жизни, если оно постоянно живетъ въ своихъ

горахъ, какъ напримѣръ, Черногорцы. Но нѣтъ, Куцо-Влахи не живутъ въ своихъ горахъ постоянно. Половину года села ихъ необитаемы, и все племя переселяется на шесть мѣсяцевъ въ году въ долины, гдѣ живутъ то Греки, то Славяне, то Альбанцы; оно странствуетъ съ своими мулами по всей Турціи и все-таки не теряетъ своей народности до такой степени, что, кромѣ развѣ уроженокъ Медова, вы не найдете ни одной куцо-влашской женщины, которая умѣла бы говорить на какомъ-либо другомъ языкѣ, кромѣ валашскаго. Дѣло въ томъ, что Валахи, сходя съ своихъ горъ въ долины, живутъ также обособленно, какъ и въ горахъ, не смѣшиваясь съ окрестными жителями своихъ временныхъ обиталищъ.

Села Валаховъ, какъ я сказалъ, построены на горныхъ плоскихъ возвышенностяхъ, обыкновенно тамъ, гдѣ беретъ начало какая-нибудь горная рѣка, гдѣ кругомъ есть много ливадъ, горныхъ луговъ. Сосновый дремучій лѣсъ есть вездѣ около селъ Валаховъ. Дома ихъ строятся изъ большихъ кусковъ дикаго камня, едва обтесанныхъ, массивно, крѣпко, некрасиво, въ родѣ ящика. Но дома бываютъ отличные, большіе, крѣпкіе, словно крѣпости; въ нихъ дѣлаются маленькія окна въ родѣ крѣпостныхъ бойницъ, и низкія двери, въ которыя высокіе и стройные Валахи входятъ сгибаясь въ три погибели и затѣмъ скорѣе спѣшатъ сѣсть, чтобъ не удариться головой о потолокъ. Комнатъ много, и женщины не живутъ здѣсь вмѣстѣ съ мужчинами, какъ это часто встрѣчается у Грековъ. Дома покрыты аспидными плитами и строятся безъ печей, убраны крайне незатѣйливо, но часто богато; видно только, что въ нихъ живутъ временно, какъ на кочевкѣ. Все убранство дома такое, что его можно захватить съ собою въ одинъ день и унести куда-нибудь безъ малѣйшаго затрудненія. Полъ устланъ коврами, по сторонамъ комнаты лежатъ тюфаки, набитые овечьей шерстью и покрытые веленцами, толстыми лохматымъ сукномъ, обыкновенно—краснаго или темно-синяго цвѣта. Стѣны обыкновенно украшены сплошь шканиками, полочками, этажерками, нишами. Все это рѣзное, и рѣзано съ артистическимъ умѣньемъ и вкусомъ изъ орѣховаго дерева или изъ сосны. Въ этихъ шканикахъ и этажеркахъ разставлена посуда, непременно мѣдная, а у зажиточныхъ людей—и серебряная. Даже стекла почти нѣтъ, такъ какъ оно не удобно для переноски. Въ углахъ нава-

потомъ, пробираясь по дремучему соср . по всему дому встрѣсамъ горъ почти перпендикулярнымъ, чашки и всякая другая сную глушь и дичь, — и каково жъ впечатлѣнная. Все, что находивъ изъ лѣса, я увидѣлъ перестроены, но обилію которой сувадѣ, окруженной соснами, г . хозяина, все сдѣлано руками строенный, съ домами не г . и деревянная посуда, и деревянгородъ, наполненный пре . Ничего купленнаго. Накормить васъ женщинами, одѣтыми . жаренымъ, отличнымъ молокомъ и . Я понялъ тогда, по . горюгаго гостя изжарять и форелей. Вина почти это село. Про . Валахи его не пьютъ. тоже чуть б . Купо-Влаха лѣтомъ. Что жъ онъ тутъ дѣлаетъ? обрыва въ . что главный и почти единственный источникъ б . рому сн . сель состоитъ въ овцахъ, мулахъ и деревь . въ Ка . Пинда таково, что внизу онъ скалистъ, лахъ . устройство Пинда таково, что внизу онъ скалистъ, тѣ . голъ, но около вершинъ своихъ онъ поросъ лѣ . н . что главный и почти единственный источникъ б . н . а на самомъ верху представляетъ большія плоскости, по . брыгающихся лѣтомъ отличною, сочною, высокою травой. На этихъ ливадахъ могутъ пастись огромныя стада. Въ Периволи, напри . имѣющимъ до 500 домовъ, имѣлось, когда я тамъ бывалъ, до 200,000 головъ овецъ. Всѣ эти стада бродятъ по ливадамъ и лужайкамъ въ лѣсахъ; ихъ пасутъ мужичины, вооруженные съ ногъ до головы; они же доятъ овецъ, бьютъ масло, варятъ сыръ, живя и день и ночь въ *коливатахъ*, шалашахъ, построенныхъ изъ сосновыхъ вѣтвей, часто очень далеко отъ села, въ которое они ходятъ по праздникамъ къ обѣднѣ, да для того, чтобы запастись хлѣбомъ. Женщины тутъ никогда не найдешь. Доятъ овецъ вечеромъ, бьютъ масло ночью, чтобы молоко не скислось; днемъ пастуху скучно и дѣлать нечего, а потому онъ коротаетъ день сидя съ ножомъ въ рукахъ и вырѣзывая изъ дерева разныя фигурки, столбики, шканчики, которыми потомъ украшаются валахскіе дома и церкви. Искусство рѣзбы доведено у Валаховъ до значительной степени совершенства. Путешественники Англичане при мнѣ часто приходили въ восторгъ отъ вещей, сдѣланныхъ Валахами, и дорого за нихъ платили. Изъ ближайшихъ греческихъ городовъ валахскимъ пастухамъ часто дѣлаютъ большіе заказы для церквей, и въ самомъ дѣлѣ, рѣзба, украшающая, напримѣръ, богатые церкви

Янин, очень замѣчательна. Янинскій соборъ заплатилъ Валахамъ Каларитеса за свой иконостасъ и архіерейскій тронъ до 5,000 ливровъ.

Но такъ какъ мужскаго населенія слишкомъ много для занятій пастушествомъ и рѣзбою, то остатокъ его, люди самые смѣливые и крѣпкіе, занимаются извозомъ; они — *кираджи*, погонщики муловъ. Ливады Пинда, доставляя обильную пищу большимъ стадамъ овецъ, доставляютъ ее также и стадамъ муловъ, размноженіемъ которыхъ тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла занимаются Валахи. Такихъ прекрасныхъ муловъ, какъ у нихъ, я видѣлъ только въ южной Испаніи, съ тою лишь разницею, что испанскіе мулы вороные, и какъ извѣстно, упрямые, а валашскіе гнѣдые и рыжіе и удивительно покорны и кротки. Этихъ муловъ на Пиндѣ множество, и они составляютъ главную переносную силу, Турецкой имперіи. Безъ валашскихъ муловъ турецкое войско не могло бы переходить съ мѣста на мѣсто. Этихъ муловъ, съ ихъ погонщиками Валахами, вы встрѣтите вездѣ въ Турціи—въ Болгаріи, въ Эракии, въ Малой Азійи. Замѣчательна социальная сторона этого промысла. Стадо муловъ и группа ихъ погонщиковъ изъ одного села, а часто не только села, но и цѣлаго валашскаго округа, составляетъ артель. Мулы эти принадлежатъ лично тому или другому погонщику, но распоряжаться ими каждый отдѣльно не можетъ. Они нанимаются отъ артели, которая назначается выбранному изъ среды своей *кираджи-башѣ*. Онъ назначаетъ кому куда идти, опредѣляетъ плату, собираетъ деньги и распределяетъ ихъ между хозяевами. Для Турецкой имперіи, то есть, для турецкаго правительства, устройство этихъ артелей и этотъ промыселъ Валаховъ такъ важны, что въ послѣднее время, послѣ смуты, произведенныхъ Греціей въ Эпирѣ въ 1854 году, правительство запретило выбирать *кираджи-башей*, а назначаетъ ихъ само и даетъ каждому *кираджи-башѣ* при его назначеніи орденъ Меджидіе. Въ турецкой чиновной іерархіи онъ стоитъ наравнѣ съ *бинъ-башей*, батальоннымъ командиромъ. Но это обстоятельство весьма подрываетъ благосостояніе Валаховъ. Лѣтомъ тѣ валашскіе *кираджи*, которыхъ не нанимаютъ торговцы окрестныхъ городовъ, и которые не наряжены турецкими военными

или гражданскими начальниками. перевозятъ изъ валахскихъ селъ въ разные концы Турціи сыръ и масло, продаютъ ихъ, покупаютъ и везутъ въ свои села муку, соль и *чарухи*, то есть, особенную кожу для своей обуви. Соль потребна Валахамъ въ огромномъ количествѣ для овецъ и для соленія сыра; чарухи тоже необходимы для людей, вѣчно ходящихъ по камнямъ.

Въ то время, какъ мужское поколѣніе, отъ мала до велика, занято описанными мною занятіями, женское сидитъ дома и тоже работаетъ на общую пользу; женщины въ это время прядутъ шерсть, ткутъ ковры, веленцы, *кабаницы*, *флокаты* (одѣянія Валаховъ), спнее сукно для мужскихъ шароваръ, красное для себя и шерстяные пояса для обоихъ половъ. Женщины готовятъ все убранство дома и всю одежду, какъ мужскую, такъ и женскую. Валахъ рѣшительно ничего изъ платья не покупаетъ. Только самые богатые носятъ полотняныя рубашки. Обыкновенно Валахи носятъ все шерстяное и никогда своей одежды не перемѣняютъ, — ни зимой, ни лѣтомъ. Мужчины носятъ бѣлые длинные кафтаны, опоясанные краснымъ кушакомъ, спніе шаровары до колѣнъ, толстую бѣлую шерстяную обувь на голенихъ и во время дождя покрываются черною кабаницей или бѣлою флокатою. Кабаница есть совершенное подобіе чркесской бурки; флоката тоже сдѣлана изъ косматого сукна, но бѣлаго, обхватываетъ талію и имѣетъ полурукава, заброшенные назадъ и дающіе Валаху или Греку, ее носящему, видъ цыпленка, который собирается летѣть. Женщины тоже одѣваются своими средствами, но только не въ бѣлое, а въ красное платье, и расшиваютъ свои одежды, особенно фартуки, искусными и разноцвѣтными узорами. Чулки тоже представляютъ замѣчательную мозаику красокъ. Женщины эти такія скопидомки, что онѣ даже волосы своихъ умершихъ матерей, бабушекъ и прабабушекъ собираютъ и дѣлаютъ изъ нихъ себѣ нѣчто въ родѣ шиньоновъ, часто огромныхъ размѣровъ, которые передаются изъ рода въ родъ и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ вырастаютъ въ размѣрахъ. Я видѣлъ шиньоны, которымъ, по увѣренію ихъ владѣтельницъ, было за 200 лѣтъ. Впрочемъ, кое-что Валахъ и покупаетъ для своего костюма, именно — золотые и шелковые гайтаны, которыми онъ расшиваетъ свою жилетку — *елекъ*; но это дѣлаютъ только богатые. На-

стоящій же Валахъ, какъ и его жена, и лѣтомъ, и зимой ходить съ открытою грудью.

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ кругомъ страны Купо-Влаховъ все въ Турціи наводнено произведеніями австрійскихъ и англійскихъ фабрикъ, между тѣмъ какъ ткани, сдѣланныя на манеръ восточныхъ въ Богеміи, Штиріи и Манчестрѣ, вытѣснили въ Турціи восточныя произведенія и убили мѣстное рукодѣліе и ремесло, одни только Валахи не поддаются этому влиянію и безъ охранительной системы фабрикують для себя все потребное, — да и не только для себя, но еще вывозятъ большими массами и продають въ Эпирѣ, Фессаліи, Македоніи и даже въ Греческомъ королевствѣ свои ковры и свои веленцы, которые они умѣють мастерски окрашивать, особенно въ красный цвѣтъ.

Но вотъ приходитъ конецъ августа или начало сентября. Утромъ настають очень чувствительные морозы, иней покрываетъ ливады и сосновый лѣсъ, а иногда выпадаетъ снѣжокъ, который потомъ таетъ на солнцѣ, но отъ котораго вынетъ трава. На овцахъ шерсть уже выросла, ягнята перестали сосать и привыкли щипать зелень. Все валахское село, иногда, какъ наприимѣръ, въ Саморинѣ, въ 10,000 душъ населенія, какъ одинъ человѣкъ, подымается съ своего мѣста. Стада муловъ пригоняются въ село. Веленцы, ковры свертываются въ трубки, какъ и всѣ пожитки, и навьючиваются на муловъ; поверхъ ихъ кладется мѣдная и деревянная посуда. Стада овецъ тоже собираются вкругъ села. Обѣдня отслужена, священники окропляютъ стада святою водою. Всѣ двери и окна запираются наглухо тяжелыми засовами и замками, мужчины закидываютъ за спину свои ружья, женщины затыкаютъ сзади, за воротникъ верхней толстой одежды, палки, на которыхъ возвышаются клоки шерсти, и берутъ въ руки веретена; впередъ выѣзжаетъ на рыжемъ мулѣ кираджи-баши, окруженный огромною стаей веселыхъ лохматыхъ собакъ, и все село, старики, старухи, дѣти, до послѣдняго человѣка, трогается въ путь, пропадаетъ въ лѣсу, потомъ переходитъ съ горы на гору и идетъ часто за 200 или 300 верстъ къ берегу моря, въ какую-нибудь долину Эпира, Фессаліи или Македоніи, на зимнее житье. Я присутствовалъ разъ, именно въ Саморинѣ, при этомъ исходѣ цѣлаго населенія. Минута эта

дѣйствительно торжественна и умирительна. Всѣ серьезны, никто почти не говоритъ ни слова. Какая энергія должна быть въ народѣ, переносящемъ такую жизнь въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, и какая крѣпость здоровья и мышцъ! Старые старики и старухи за 80 лѣтъ также плетутся за толпой, какъ и малыя дѣти, ни чуть не ропща на судьбу и не думая, что такая жизнь не комфортабельна, что множество людей укутывается на зиму въ своихъ домахъ, а не идетъ жить въ шалашахъ подъ дождемъ и среди слякоти южной зимы.

Въ селѣ не остается никого, и обыкновенно чрезъ два или три дня, много чрезъ недѣлю послѣ ухода жителей, его засыпаетъ снѣгъ и такимъ образомъ замѣняетъ собою сторожей. Итакъ, богатый, но пустой городъ остается одинъ безъ людской охраны, тогда какъ внизу, подъ горой, живутъ хищные Албанцы, которые научили всѣхъ въ этихъ странахъ не класть плохо. А между тѣмъ примѣровъ почти не было, чтобъ оставленный Валахами городъ былъ ограбленъ этими Албанцами. Зимой этого сдѣлать нельзя: отъ снѣговъ не доберешься до города. Но разъ случилось съ Самориною такое происшествіе: послѣ ухода жителей прошло довольно много времени, а снѣгъ не выпадалъ. Албанцы изъ города Премети и его окрестностей воспользовались этимъ обстоятельствомъ и ограбили Саморину, то есть, то небольшое, что могли въ ней найти по уходѣ жителей. Валахи это узнали; пришло лѣто, и они собрали сильную дружину, которая напала на Преметійскій уѣздъ и дала себя знать. Это было въ сороковыхъ годахъ, и Албанцы рассказываютъ объ этомъ происшествіи, называя его валашскимъ набѣгомъ.

Вообще, чтобы быть въ безопасности отъ Албанцевъ, какъ лѣтомъ въ своихъ селахъ, такъ и на зимнихъ квартирахъ, гдѣ нѣтъ защиты горъ, Валахи должны держать Албанцевъ въ страхъ и доказывать имъ постоянно, что съ ними не такъ - то выгодно дѣлать недоброе дѣло; поэтому они постоянно носятъ оружіе и дерутся съ Албанцами съ большимъ удовольствіемъ. Въ прежнее время турецкое правительство, и особенно Аали-паша Янинскій, пользовались этимъ обстоятельствомъ въ широкихъ размѣрахъ. Когда властямъ турецкимъ приходило иногда на мысль ограничить албанское своеволие или подвергнуть преслѣдованію шайку

албанскихъ разбойниковъ, которая уже слишкомъ начинала надѣяться, то онѣ обыкновенно приглашали Валаховъ, и это было самое надежное войско. Валахи хотѣ и христіане, но Турки охотно позволяли имъ такія военныя упражненія. Впервыхъ, эта обособленная народность не увлекалась теоріями и стремленіями къ возрожденію, которыя обуревали греческій Эпиръ и Фессалію, а воторыхъ, существованіе Валаховъ нужно было для Турціи, имѣвшей настоятельную потребность въ погонщикахъ муловъ. Теперь эти отношенія измѣнились. Въ стремленіяхъ своихъ Валахи южной Турціи присоединяются къ Грекамъ, и упражненія ихъ съ оружіемъ дѣлаются неудобными для турецкаго правительства; оно уже не употребляетъ ихъ болѣе противъ Албанцевъ. Впрочемъ, и эти послѣдніе стали теперь гораздо смиреннѣе.

Валахи идутъ отъ своего лѣтняго жилья на зимнее (*кишла* по турецки, *химадыо* по гречески) цѣлымъ селомъ, въ одной группѣ; часто соединяются въ одну общину даже два или три села; они идутъ медленно, ибо нужно вести большія стада, охранять ихъ, да еще и дорогою не терять времени—бить масло и варить сыръ. Валахи заранѣе на всемъ протяженіи своего пути откупаютъ ливады и луга у мѣстныхъ собственниковъ. Этотъ порядокъ заведенъ издавна, и споровъ тутъ не бываетъ. Химадыо обыкновенно есть долина, изобилующая травой, около моря. Ее Валахи также откупаютъ у селъ, которымъ она принадлежитъ. Зимой всѣ берега Ионическаго моря и Артскаго залива, съ одной стороны, и Вольскаго и Салоникскаго заливовъ, съ другой, усыяны валашскими стадами и коливами и наполняются лаемъ ихъ косматыхъ собакъ старой миосской породы, о которой рассказывалъ еще Геродотъ.

Пришедши на мѣста, откупленные для зимы, Валахи на равнинахъ строятъ свои такъ называемые *станы*, лагеря. Извѣстную часть поля, по возможности около проточной воды, они обносятъ рвомъ, защищаютъ его заборомъ изъ вѣтвей колючихъ растений и въ серединѣ этой крѣпости воздвигаютъ коливы, помѣщая ихъ въ очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Каждое семейство строятъ себѣ коливу, а часто и нѣсколько коливъ, если оно богато. Коливы строятся конусообразно изъ толстаго хвороста, покрываются сначала коврами, а по нимъ камышемъ или хворостомъ

деревъ, не теряющихъ зимой листа, — лавра, мирты и т. п. Въ серединѣ коливъ помѣщается очагъ, надъ которымъ виситъ постоянно котелъ; кругомъ раскладываются тюфяки, ковры и веленцы, на которыхъ спятъ женщины и дѣти, и какъ лѣтомъ, изготовляютъ шерстяныя принадлежности своего жилья и костюма. Кругомъ коливъ обыкновенно дѣлается навѣсъ, подъ которымъ разставляется деревянная посуда для сыру, молока и масла. Вдали отъ коливъ, въ углу стана, обыкновенно находится помѣщеніе для варенія молока: туда сносятъ, подоявши овецъ, все молоко; всѣ хозяева сливаютъ его въ общіе коглы и вмѣстѣ варятъ, записывая или запоминая количество, какое его принесъ.

Нѣкоторая часть валашскихъ полуномадовъ живетъ и не въ коливахъ. Села по берегамъ Ахелоя (Аспропотамо) и вокругъ Олимпа исключительно занимаютъ на зиму цѣлыя села около Вольскаго залива и отчасти на сѣверъ отъ Лариссы, даже въ Темпейской долинѣ. Въ этихъ селахъ, навѣстныхъ, по соглашенію съ общиною, Валахи помѣщаются вмѣстѣ съ хозяевами Греками, но занимаются тѣмъ же дѣломъ, какимъ занимаются и ихъ соотечичи, обитатели коливъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, села валашскія около Аспропотамо и Олимпа гораздо болѣе другихъ валашскихъ поселеній носятъ на себѣ отпечатокъ греческой культуры и болѣе другихъ участвуютъ въ политической жизни Грековъ. Такъ, знаменитая встарь шайка греческихъ клефтовъ около Олимпа и Оссы на половину состояла изъ Валаховъ, и нѣкоторыми изъ представителей этихъ послѣднихъ гордились Греки, какъ напримѣръ, клефтами Кацандинисъ, Жако и многими другими.

Но Греки гордятся и другими представителями Валашскаго племени, которыхъ они приобщили къ своей политической жизни. Таковъ, напримѣръ, Колетти, самый знаменитый греческій министръ, а главное — самый практичный, единственный, можетъ быть, человекъ, который умѣлъ управлять Греками и много для нихъ сдѣлалъ. Прежде чѣмъ быть министромъ короля Оттона, онъ былъ домашнимъ секретаремъ и докторомъ Али-паши Янинскаго, которому также служилъ вѣрой и правдой. Колетти былъ Валахъ изъ села Каларитесь. Въ Вѣнѣ теперь есть богатѣйшее семейство знаменитаго банкира барона Сина, который

всѣмъ извѣстенъ какъ Грекъ. Но на самомъ дѣлѣ Сина—Валахъ изъ почти не существующаго теперь города Воскополиса.

По этому поводу я долженъ сказать, что не въ Валахи — осѣдлые номады. Описанный родъ жизни ведутъ исключительно Валахи Пинда, Халки и Олимпя. На сѣверъ отъ горы Смольки, то есть, приблизительно отъ городовъ Премети и Касторин, характеръ жизни Валаховъ совершенно осѣдлый. Тутъ встрѣчаются богатые торговые села Трново, Маргарово и др., которыя по ажаютъ путешественника красотой своихъ богатыхъ, чистыхъ домовъ и культурнымъ превосходствомъ своихъ жителей надъ всѣмъ окружающимъ міромъ, не исключая даже и греческаго. Зная нѣмецкій или французскій языкъ, вы можете совершенно свободно существовать въ этихъ селахъ, помѣщенныхъ въ ужасной глуши и трущобахъ. Жители этихъ селъ—торговцы, имѣющіе дѣла прямо съ Европой. Въ ихъ рукахъ до сихъ поръ сосредоточивается торговля въ этихъ странахъ среди Славянъ и Албанцевъ. Самый городъ Битоль болѣе валашскій, чѣмъ какой-либо другой, а наиболѣе богатое поселеніе этого города принадлежитъ скорѣе Валашскому, чѣмъ какому-либо другому племени.

Теперь однако значеніе Валаховъ, какъ торговцевъ, очень уменьшилось, именно съ тѣхъ поръ, какъ сообщенія съ внутреннею Турціей сдѣлались свободнѣе, и миръ все болѣе или менѣе устанавливается между народностями, ее составляющими. Но въ старину, до и во время Али-паши въ Янинѣ, Бушатли въ Скутари, Курдъ-паши въ Бератѣ когда Албанцы, Греки, Славяне дрались между собою, населеніе Валаховъ между Бератомъ, Корчею и Битодемъ составляло оазисъ, не принимавшій участія въ этой брани и потому богатѣвшій. Тутъ произошло явленіе чуть ли не единственное въ мірѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ можетъ быть столѣтій тутъ процвѣтали большіе и богатые города и затѣмъ вдругъ исчезли съ лица земли, исчезли совершенно, не оставивъ никакого почти слѣда. Это произошло лѣтъ сорокъ тому назадъ, такъ сказать, въ одно мгновеніе. Правда, Албанцы грабили эти города во время отчаянной борьбы между Али-пашею Янинскимъ и Курдъ-пашею Бератскимъ и благодаря происшедшему отъ этой борьбы хаосу. Но это не было главною причиною ихъ исчезновенія. Впрочемъ, какова была эта

причина—я не берусь объяснить, а только отмѣчаю, съ точки зрѣнія этнографіи, что сорокъ лѣтъ тому назадъ въ городѣ Воскополисѣ было до 12,000 домовъ, фабрики, типографіи и большія школы, въ Бискувѣ до 10,000 домовъ, въ Шипскѣ до 6,000. Теперь же въ Бискувѣ и Шипскѣ только нѣсколько албанскихъ шалашей ютятся на грудяхъ камня, на старыхъ развалинахъ, а въ Воскополисѣ, въ бывшей валахской столицѣ (*Воско-полис*—городъ Восковъ, Валаховъ-пастуховъ), существуетъ не болѣе до сотни домовъ. Но этого, подъѣзжая къ городу издали, нельзя почти замѣтить. Вся долина Воскополиса покрыта еще строеніями, какъ кажется издали; только подъѣхавъ ближе, вы видите, что это лишь печальные остовы домовъ и церквей, полуразрушенные, обросшіе мхомъ и плющомъ. Тяжелое зрѣлище!

Итакъ, таланты и призваніе Валахскаго племени разнообразны. Далѣе Охриды, на Шаръ-дагѣ, около Призрена, Приштины, Ласковаца, племя ихъ называется Гогамъ. Тутъ они не составляютъ отдѣльнаго поселенія, не живутъ отдѣльными общинами и селами, и потому вовсе не имѣютъ географическихъ границъ. Они разсѣяны по всѣмъ почти городамъ сѣверной и восточной Македоніи и Старой Сербіи и занимаются ремеслами, большею частью кузнечествомъ и другими производствами изъ металловъ. Гогъ составляютъ, такъ сказать, слабое звѣно, соединяющее между собою сплошныя поселенія Купо-Влаховъ Эпира, Фессалии и Македоніи съ такимъ же сплошнымъ населеніемъ Валаховъ Дунайскихъ, которые теперь называютъ себя Румунами—Римлянами.

Чтобъ окончить эти бѣглыя замѣтки о житѣй-бытѣй цѣлаго племени, о которомъ даже мало кто и слыхивалъ, мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ объ его численности и физіологическихъ признакахъ.

Количество Валаховъ, живущихъ въ горахъ между Эпиромъ, Фессалией и Македоніей, то есть, тѣхъ, которые живутъ сплошною массою, не перемѣшанною съ другими народностями, опредѣлить весьма трудно, а количество тѣхъ Валаховъ, которые живутъ на сѣверъ отъ Охриды и около Берата, подъ именемъ Арванто-Влаховъ, и совсѣмъ невозможно исчислить. Статистическія свѣдѣнія съ Турціи получаютъ вообще нелегко потому что правительство еще не

заботится о точномъ исчисленіи своихъ подданныхъ. Однако еще возможно приблизительно опредѣлить, напримѣръ, количество жителей города, уѣзда, губерніи; возможно также знать приблизительно, сколько жителей принадлежитъ къ той или другой вѣрѣ. Но опредѣлить количество населенія по національностямъ болѣе чѣмъ трудно; для этого нужны личныя и самыя тщательныя изысканія. Въ отношеніи Валаховъ это еще труднѣе. На югѣ они хотя и живутъ массою, но слыли до послѣдняго времени за Грековъ. Болѣе къ сѣверу они такъ разбѣяны, что ихъ почти нельзя и выдѣлить изъ другихъ народностей, а потому о числѣ ихъ, даже и приблизительно, нельзя говорить серьезно: вышли бы лишь гадательныя цифры. Только Валаховъ Пинда, Олимпа, Хатыи и Караташа можно счесть до нѣкоторой степени.

Впрочемъ, до сихъ поръ о численности Куцо-Влаховъ почти никто и не писалъ кромѣ одного греческаго автора, жителя Янины—Аравандино. Въ своей хронографіи Эппира, книгѣ почтенной, но часто отличающейся грубыми ошибками, нечаянными и предумышленными, онъ перечисляетъ села Валаховъ по близости Эппира и называетъ ихъ 36. Но онъ ничего не знаетъ о Валахахъ около Битоля, Олимпа и на Караташѣ, а между тѣмъ тутъ существуютъ самыя значительныя валашскіе поселенія: Крушево имѣетъ до 2,000 домовъ, Влахо-Клессура до 1,200, Трново, Маргарово, Влахо-Ливада, Ксеро-Ливада (около Водены) около того же. Аравандино — Грекъ, и потому ему трудно сказать, что Эпиръ и Фе салія на половину не принадлежатъ Греческому племени. Я ѣздилъ по этимъ странамъ часто и много и отъ села Краи на Аспропогамо до Охриды и Олимпа насчиталъ до 52 валашскихъ селъ и городовъ поэтому я думаю, что здѣшнее валашское населеніе никакъ не менѣе 200,000 душъ. Если же взять всѣхъ Куцо - Влаховъ въ сложности, то ихъ окажется никакъ не менѣе 300,000, то есть, очень немногимъ меньше числа Албанцевъ, а между тѣмъ объ Албанцахъ знаютъ всѣ, и племя ихъ составляетъ уже не только этнографическій, но и политическій элементъ.

Въ фізіологическомъ отношеніи нельзя не признать Валаховъ потомками ихъ доблестныхъ предковъ: тилъ Тосканы и окрестностей Рима ярко воспроизводится на Пиндѣ, только здѣсь формы

дѣлются массивнѣе, ростъ выше, мускулы крѣпче, чему причиною—трудова и здоровая жизнь въ продолженіе вѣковъ. Голова Валаховъ замѣчательно красива. Черные волосы обильны, римскій типъ носа, идущаго прямо ото лба безъ углубленной переносицы, сохранился вѣсма замѣтно. Орлиныхъ носовъ мало. Лице продолговатое, но безъ угловъ, правильное, овальное. Валахи при массивности своего тѣла отличаются тонкостью своихъ оконечностей. Руки и ноги часто необыкновенно малы, удлинены и костлявы. Впрочемъ толстыхъ Валаховъ вообще не бываетъ. Однимъ словомъ, Валахи по виду рѣзко отличаются отъ народностей, ихъ окружающихъ, и развѣ только въ селахъ около Битоля можно замѣтить, что къ ихъ крови примѣшалась и славянская, да около Корчи они мельчаютъ ростомъ и начинаютъ имѣть орлиные носы и угловатое лицо, что, можетъ быть, свидѣтельствуешь, что въ здѣшнихъ Валахахъ есть примѣсь Албанцевъ, особенно костляваго и малорослаго племени. Греческой примѣси среди Валаховъ почти и быть не могло, ибо настоящаго Греческаго племени вокругъ нихъ и нѣтъ, развѣ только въ Фессалии, гдѣ, какъ кажется, дѣйствительно сохранились Греки. Эввръ, этнографически, конечно, Греція не принадлежитъ, хотя и составляетъ самую этнографическую греческую провинцію—въ смыслѣ политическихъ стремленій.

Что касается до нрава Валаховъ, то и онъ рѣзко отличается отъ нрава окружающихъ ихъ племенъ. Валахъ трудолюбивъ, настойчивъ, упрямъ, мрачно, молчаливо упрямъ. Его сосѣдъ Болгаринъ тоже трудолюбивъ, но вовсе не настойчивъ и не упрямъ. Болгаринъ можетъ вдругъ разбогатѣть и вдругъ прожитьсѣ: съ Валахомъ этого не случается. Болгарина можно вѣкъ заставить работать до пота лица на другога человека, и онъ будетъ эту жизнь доволъствоваться: Валахъ на другога работаетъ рѣдко, а если работаетъ, то съ упрямствомъ откладываетъ сбереженіе, отъ скуднаго заработка пока самъ не станетъ хозяиномъ. Валахъ смѣтливъ, такъ сказать—флегматически хитеръ, очень способенъ къ торговлѣ и предпріимчивъ. Его сосѣдъ Грекъ тоже смѣтливъ, хитеръ и предпріимчивъ, но нервно, суетливо, блестяще, хвастливо. Валахъ никогда не суетится и никогда не хвастается. Валахъ храбръ, отчаянно храбръ, но только тогда, когда почув-

ствуешь особенную, настойчивую нужду въ храбрости; безъ этой нужды его трудно заставить рисковать своимъ существованіемъ. Грекъ храбръ большею частью именно тогда, когда этого не бываетъ нужно, но когда на него смотреть, когда ему удивляются. Валахъ въ своей одеждѣ всегда простъ, практиченъ и часто неуложъ; все на немъ широко, солидно. Грекъ перетянутъ въ рюмочку, расшитъ, разукрашенъ; юбка порядочнаго Грека должна содержать въ себѣ непременно 100 аршинъ полотна.

Валахъ живетъ почти всегда на чистомъ воздухѣ, въ лѣсахъ, въ горахъ со стадами овецъ; онъ—почти номадъ. Албанецъ, его сосѣдъ, ведетъ ту же жизнь, онъ тоже почти номадъ; но Валахъ упорно держится своего мѣста, не перемѣняетъ его ни за что, а Албанецъ никогда не можетъ посидѣть на мѣстѣ; онъ съ ума сойдетъ, если ему воспретить фантастическое передвиженіе; его пѣсни наполнены мечтами о томъ, какъ хорошо забраться въ такое мѣсто, куда никто не заходитъ, и гдѣ какой-нибудь Тагиръ или Османъ-бей даетъ 100 піастровъ въ мѣсяцъ жалованья и два фунта бобы (маисовый хлѣбъ). Валахъ ни за что не сдѣлается номадомъ за жалованье.

И такъ, вотъ какъ живутъ въ своемъ забытомъ уголкѣ потомки Римлянъ, владѣвшихъ когда-то міромъ: они составляютъ теперь только этнографическій курьезъ.

А. Ионинъ.

**МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ
СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДѢЛОВЪ
АДРІАТИКИ.**

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДѢЛОВЪ АДРІАТИКИ ¹⁾.

(Изъ письма въ чл.-с. контръ-адмиралу А. В. Фрейгангу).

Приступая къ обзору мѣстныхъ названій въ славянскихъ предѣлахъ Адріатики, считаю нужнымъ прежде всего обратить вниманіе на этнографическія отношенія этихъ предѣловъ, такъ какъ они считаются главнымъ источникомъ мѣстныхъ названій.

Этнографическія условія истрійскаго, хорватскаго, далматинскаго и албанскаго побережій Адріатики представляютъ исключительное явленіе въ славянскомъ мірѣ. Между тѣмъ какъ въ настоящее время почти всѣ морскія побережья славянскихъ земель, исключая до нѣкоторой степени Россію, заняты населеніемъ неславянскаго происхожденія, по Адріатикѣ, напротивъ того, есть мѣстности, гдѣ сплошное славянское населеніе, простираясь извнутри страны, доходитъ до морскаго берега и пользуется въ полной мѣрѣ всѣми выгодами своего приморскаго положенія; на этомъ побережьи есть даже города, издревле обладавшіе высокою образованностью—по происхожденію латинскіе, но сдѣлавшіеся съ теченіемъ времени славянскими ²⁾. Славянскій элементъ на Адріатикѣ не только рас-

¹⁾ Предлагаемый списокъ былъ составленъ собственно съ цѣлью способствовать исправленію мѣстныхъ названій на русскихъ гидрографическихъ картахъ; поэтому въ немъ обращено вниманіе только на тѣ названія, которыя встрѣчаются на гидрографическихъ картахъ Адріатическаго моря. Относительно сообщенія стѣдній и указаній я долженъ благодарить слѣдующихъ лицъ: гг. Алонія и Абеля Серралъи въ Дубровникѣ; г. К. де-Войновича въ Сплѣтѣ; г. А. Симонича въ Задрѣ, и гг. П. Магулу, Б. Милиновича и М. Мариневича въ Одессѣ.

²⁾ Напримѣръ, Дубровникъ — Ragusa (въ которомъ до XI вѣка говорили преимущественно по латини), Которъ — Scrvium, Сплѣтъ — Spalatum, Трогиръ — Targurium и т. д.

пространился по берегамъ, но и занялъ всѣ многочисленныя острова Адриатическаго моря. Даже острова Кварнерскаго залива, до котораго Итальянцы охотно распространяли свои этнографическія границы, сохранили до сихъ поръ свой чисто-славянскій характеръ.

Изъ частей адриатическаго приморья, въ которыхъ находится славянскій элементъ, намъ слѣдуетъ бросить взглядъ только на четыре страны, именно: Албанію, Далмацію (съ Дубровницкою территоріей и Босою Которскою), Хорватію (гражданскую и военную) и Истрію.

Въ Албаніи, изъ полутора милліона не славянскаго населенія считается около 150,000 душъ Славянъ, именно Болгаръ и Сербовъ; но послѣдніе занимаютъ по морскимъ берегамъ только незначительное пространство, отъ австрійской границы по городъ Баръ (Antivari). Берега южнѣ Бара заняты Албанцами и Греками, которые и составляютъ неславянскій элементъ въ населеніи Албаніи. Далмація, побережная и пагорная, со всѣми островами заселена почти исключительно Славянами (племя Сербо-Хорватское), такъ что изъ 442,000 ея жителей считается Итальянцевъ не болѣе 15,000, безъ собственной территоріи, но разбросанныхъ по отдѣльнымъ городамъ; кромѣ того, они смѣшиваются родственными связями со славянскою массою народонаселенія. Отъ города Бага (Carlopago) до Рѣки (Fiume), съ ея территоріей, прибрежное пространство называется Хорватскимъ приморьемъ; а такъ какъ вся Хорватія гражданская и военная, съ 2 почти милліонами жителей, не имѣетъ другого населенія, кромѣ сербо-хорватскаго, то и въ названномъ приморьи, за исключеніемъ нѣсколькихъ купеческихъ домовъ, все населеніе принадлежитъ Хорватскому племени. Въ Истріи, исключая Триестъ и его территорію, но включая Кварнерскіе острова, считается до 250,000 жителей, изъ коихъ 185,000 Славянъ, и только 65,000 Итальянцевъ. Въ Истріи Славяне заняли почти всю землю, и только приморскіе города, начиная съ Пули (Pola) и оттуда на западъ, совершенно итальянскіе и нисколько не ославянились, какъ это случилось въ Далмаціи. Острова и здѣсь почти исключительно славянскіе.

Эти этнографическія отношенія, соотвѣтствуютъ преимущественно настоящему времени; но они суть результатъ многочисленныхъ измѣненій, совершившихся въ теченіе многихъ вѣковъ.

Самый древний народъ, жившій на означенной почвѣ, и о которомъ помнить исторія, были Иллирійцы. Юго-славянскіе ученые первой половины текущаго вѣка считали ихъ своими непосредственными предками въ этнографическомъ отношеніи, то есть Славянами; но теперь большинство филологовъ смотритъ на нихъ какъ на предковъ Албанцевъ или Скипетаровъ. Полагаютъ, что Иллирійцы занимали эти земли по крайней мѣрѣ уже 1500 лѣтъ до Р. Х. Греческіе и латинскіе писатели сохранили даже имена нѣкоторыхъ иллирійскихъ племенъ, какъ-то: славныхъ мореходцевъ *Либурновъ*, занимавшихъ берега моря отъ рѣчки Раса (*Arsa*) въ Истрію до Крки въ Далмаціи; далѣе *Булиновъ*, *Фулиновъ*, *Нестовъ*, *Мановъ*, *Энхелеевъ*, *Вардіевъ*, *Даскретовъ* и т. д. Но кромѣ Иллирійцевъ, которые составляли какъ-бы фонъ цѣлаго народонаселенія, находились здѣсь въ самыя древнія уже времена и колоніи другихъ народовъ. Нѣкоторые ученые указываютъ на финикійскія колоніи въ этихъ краяхъ; но доводы ихъ кажутся мнѣ не довольно прочными. Напротивъ того, мы имѣемъ положительныя извѣстія о колоніяхъ греческихъ. Сюда, конечно, не принадлежатъ преданія о Геркулесовой стоянкѣ и обладаніи имъ частью Далмаціи, а равно и занятіе Греками острововъ Мелиты (*Meleda*—Млѣтъ) и Корциры Мелены (теперь *Corzola* — Корчула) вслѣдствіе переселенія сюда Дорійцевъ въ 1100 году до Р. Х. Но около конца V и начала IV вѣка до Р. Х. колонизація греческая на иллирійскомъ берегу имѣетъ всѣ признаки историческаго факта. Прежде всего, кажется, населенъ былъ Греками островъ Висъ (*Issa*), который Сиракузскій тиранъ Діонисій Младшій отнялъ у Либурновъ, чтобъ этимъ, такъ сказать, ключемъ Адриатическаго моря расширить сицилійскую торговлю. Оттуда сицилійскіе Греки въ короткое время распространили свои колоніи и на другіе острова: *Phagus* (теперь по итальянски *Lesina*, по славянски Хваръ), *Olintha* (*Maslinica*), *Bavo* (*Bua*—Буа), *Krathis* (*la Brazza* — Брагъ) и т. д. На далматинскомъ материкѣ они основали крѣпость *Tragurion* (*Traù* — Трогиръ), *Epetion* (Столбецъ за Сплѣтомъ), и заселили все побережье между Сплѣтомъ и Трогиромъ, которое оттого и называли землею Сиколовъ. Города *Epidaurus* (*Ragusa vecchia* — Савтат), *Rhizon* (*Risano* — Рисанъ) и *Buthœ* (*Budua* — Будва) были скорѣе

греческими колоніями, чѣмъ иллирійскими городами, какъ полагали прежде. Но когда они были основаны, трудно опредѣлить съ достовѣрностью.

Римскія колоніи начали основываться въ Истріи и Либурниі во II вѣкѣ до Р. Х., именно въ 178 году (Tergeste, Pola), въ Далмаціи же только въ I столѣтіи до нашей эры. Въ 76 году до Р. Х. основаны были здѣсь первыя римскія колоніи въ Іадерѣ (теперь Зага — Задаръ, главный городъ Далмаціи) и въ Салонѣ (теперь деревня Солинъ у города Сплѣта). Во время войны Октавіана Августа съ Далматами здѣшній край такъ былъ опустошенъ, что Римляне легко могли основывать здѣсь свои колоніи; и въ самомъ дѣлѣ, всѣ древніе приморскіе города, а нѣкоторые и внутри области, сдѣлались до того латинскими, что уже въ I вѣкѣ по Р. Х. могли принять муниципальныя учрежденія, — таковы города Sicum, Narona, Epidaurus и т. д., — или даже были прозваны прямо городами римскихъ гражданъ, какъ: Ascrivium (теперь Cattaro — Которъ), Rhizinium (теперь Risano — Рисанъ), Butua (теперь Будва), и т. д. Латинизація стала дѣлать еще большіе успѣхи, когда римскій императоръ Діоклетіанъ, уроженецъ далматинскій, отрехшись отъ престола въ 305 году, избралъ мѣстомъ своего пребыванія свой родной городъ Салону. Въ IV вѣкѣ Далмація, Либурнія и Истрія, или по крайней мѣрѣ, ихъ города, такъ были латинизованы, что большая часть занимаемаго ими пространства была присоединена къ Италійской префектурѣ (praefectura Italiae) въ 325 году. Въ концѣ IV вѣка (въ 395 г.), вслѣдствіе раздѣленія Римской имперіи на восточную и западную, земли эти были присоединены къ послѣдней.

Въ началѣ V вѣка Далмація и сосѣднія земли подвергаются опять опустошенію германскихъ ордъ, особенно Готовъ, шедшихъ въ Италію въ 408 году; потомъ въ 444 году онѣ подверглись нашествію Гунновъ, при чемъ, конечно, народонаселеніе страны должно было значительно уменьшиться. Въ VII вѣкѣ, именно въ 630 году, Авары, подъ начальствомъ страшнаго своего хана Бояна, вторглись въ Далмацію, и подчинивъ себѣ внезапно главный городъ Салону, опустошили всю землю, а народонаселеніе частью уничтожили, частью выгнали на острова. Аварское владѣтельство впрочемъ продолжалось

недолго, потому что славянскія племена Сербовъ и Хорватовъ въ 636 году силою заняли эти земли, а Аваровъ уничтожили или подчинили себѣ.

Съ этого времени этнографическія отношенія на сѣверо-восточномъ побережьи Адриатическаго моря становятся для насъ еще болѣе интересными, потому что этотъ край въ силу переселенія Сербо-Хорватовъ дѣлается славянскимъ. Правда, есть авторы иностранные (Маннертъ) и славянскіе (Суровецкій), которые старались доказать, что въ земляхъ около Адриатическаго побережья Славяне жили съ самыхъ древнихъ временъ, и что даже италіянскіе Венеты принадлежали къ Вендскому, то есть, Славянскому племени. Глубоко ученый и даровитый Шафарикъ высказалъ свое сужденіе объ этихъ мнѣніяхъ ¹⁾: онъ убѣжденъ, что по недостатку источниковъ, можно спорить pro и contra, и хотя оба мнѣнія имѣютъ нѣкоторые доводы въ свою пользу, но нельзя положительно принять ни то, ни другое ²⁾. Однако, за нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше прихода Сербовъ и Хорватовъ находимъ нѣкоторыя несомнѣнныя историческія извѣстія о томъ, что Славяне приходили въ большемъ количествѣ въ эти края. Самое важное свидѣтельство въ этомъ отношеніи находится въ одномъ письмѣ папы Григорія I къ экзарху Италіи Каллинику, въ которомъ папа радуется о побѣдѣ послѣдняго надъ Варварами. Въ 600 году въ письмѣ того же папы къ архіепископу Салоны говорится прямо: „Et quidem de Sclavorum gente, quae vobis valde imminet, affligor vehementer et conturbor. Affligor in his, quoniam in vobis patior, conturbor, quia per Istriae aditum jam Italiam intrare caeperunt“. (Mans. conc. coll. X, 117).

¹⁾ Slov. Starožitnosti, I, § 11, №№ 12 и 13.

²⁾ Остроумныя изслѣдованія о славянизмѣ древнихъ Венетовъ А. О. Гильфердинга (который занимался этимъ вопросомъ съ огромною эрудиціей) не могли, полагаю, еще перешагнуть означенныхъ Шафарикомъ границъ по этому предмету. То обстоятельство, что у древнихъ писателей встрѣчаются иногда мѣстныя имена, относящіяся къ землѣ Венетовъ, къ полуострову Истрія, Панноніи и Иллиріи, и имѣющія славянскій колоритъ, не можетъ еще служить прочнымъ историческимъ доводомъ въ пользу древняго славянства этихъ земель: каждому извѣстно, до какихъ нелѣпыхъ результатовъ подобныя доводы привели Коллара относительно Италіи (см. его сочиненіе: *Storitalia Slavianska*, vo Viedni, 1853).

*

Нельзя сказать съ точностью, много ли осталось греческаго населенія въ адриатическихъ предѣлахъ по приходѣ Сербовъ и Хорватовъ. Не извѣстно также, сколько они нашли тамъ древняго иллирійскаго населенія. Но не подлежитъ сомнѣнiю, что во время ихъ прихода всѣ города въ Истріи, Либурнии и Далмаціи были латинскіе или латинизованные. Что касается Грековъ, то Далмація очень долго оставалась въ весьма отдаленныхъ политическихъ связяхъ съ Византіей. Византійскіе преторы имѣли свою столицу въ Задрѣ до XI вѣка; даже въ XII вѣкѣ мы видимъ двѣ военныя экспедиціи византійскаго императора Эммануила Комнина въ Далмацію, но тѣмъ не менѣе нѣтъ и помину о какихъ-нибудь греческихъ поселеніяхъ въ Далмаціи. Вѣроятно, вскорѣ послѣ римской колонизаціи греческіе поселенцы слились въ одно съ римскими поселенцами въ этихъ краяхъ, примѣръ чего мы имѣемъ въ самой Великой Греціи, гдѣ греческія колоніи, хотя были гораздо сильнѣе, очень легко ассимилировались съ туземнымъ латинскимъ элементомъ. Равнымъ образомъ и о древнемъ иллирійскомъ населеніи, кромѣ собственной Албаніи, не сохранилось ни памятниковъ послѣ VIII вѣка, ни другихъ слѣдовъ: 900 душъ уже ослабяившихся Албанцевъ, заселившихъ село Арбанаси (итал. Borgo Erizzo), недалеко Задра въ Далмаціи, принадлежать потомкамъ Албанцевъ только въ XVIII вѣкѣ переселившихся туда изъ Албаніи.

Мы сказали, что всѣ приморскіе города, во время прибытія Хорватовъ въ эти края, были латинскіе; но рождается вопросъ: было ли латинское населеніе и внѣ городовъ? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно: не только прежде прихода Сербо-Хорватовъ въ Далмацію не упоминаются тамъ, кромѣ городовъ, никакія другія римскія колоніи, но есть и положительныя свѣдѣнія, еще отъ начала X вѣка, о томъ, что въ Далмаціи внѣ городовъ не было никакихъ латинскихъ поселеній. Въ одномъ письмѣ папы Льва VI къ епископамъ далматинскимъ, отъ 928 года, не только противопоставляется окрестной Хорватской землѣ (*terra Chroatorum*), городъ Сплѣтъ (*civitas Spalatensis*) но и прямо говорится, что власть архіепископа Сплѣтскаго должна простираться и на Хорватскую землю, такъ какъ иначе епархія его не переходила бы за стѣны города Сплѣта (*infra muros civitatis*). Что сказано о Сплѣ-

тѣ, этомъ главномъ центрѣ латинизма въ средневѣковой Далмаціи, не имѣвшемъ однако силъ распространить латинскую національность внѣ городскихъ стѣнъ,—то же самое можно сказать и о меньшихъ городахъ. Впрочемъ, и въ такихъ крѣпкихъ убѣжищахъ далматинскій латинизмъ не могъ остаться неприкосновеннымъ. Мы имѣемъ важное въ этомъ отношеніи доказательство, что въ одномъ такомъ же латинскомъ городѣ, какъ Сплѣтъ, именно въ Задрѣ (Jadera, Zaga), еще во второй половинѣ XI вѣка славянскій элементъ получилъ перевѣсъ. Бароній рассказываетъ, что когда въ 1077 году папа Александръ III, проходя чрезъ Далмацію, остановился въ Задрѣ; то былъ тамъ принятъ торжественно, и при этомъ народъ, провожая его къ церкви, пѣлъ пѣсни и хвалебные стихи на славянскомъ языкѣ (*immensis laudibus et canticis altissime resonantibus in eorum sclavica lingua*). Въ XIII и XIV вѣкахъ, какъ можно полагать, процессъ ассимиляціи латинскаго элемента со славянскимъ въ далматинскихъ городахъ уже былъ поконченъ; въ XV вѣкѣ начинается процвѣтаніе литературы славянской въ Далмаціи, именно въ прежнихъ латинскихъ городахъ ¹⁾, и что замѣчательно,—именно въ Сплѣтѣ ²⁾, этой митрополіи латино-далматинской, въ которой въ X и XI вѣкахъ такъ строго преслѣдовали славянскую народность и языкъ, стараясь изгнать ихъ даже изъ церкви постановленіями провинціальныхъ соборовъ ³⁾. О позднѣйшихъ временахъ излишне говорить: мы знаемъ, что отъ XV до XVIII вѣка Далмація, или точнѣе, далматинскіе города были средоточіемъ литературной дѣятельности западной части Сербо-Хорватскаго племени. Мы выше видѣли, каковы теперь этнографическія отношенія въ Далмаціи. Эта земля оказывается совершенно славянской по народонаселенію; и если въ нѣкоторыхъ городахъ бывшей венеціанской части Далмаціи и остались слѣды италіянскаго

¹⁾ Въ судебныхъ кватернахъ „города Сплѣта“ XIV вѣка Кукулевичъ насчиталъ между 138 славянскими фамиліями только 3 италіянскія (Stari pisci hrvatski, кн. I, др. VII—X).

²⁾ Въ Сплѣтѣ около конца XV вѣка является первый поэтъ хорватскій, извѣстный Марко Маруличъ.

³⁾ Эти соборы были въ 924, 1059 и 1064 годахъ.

элемента, то какъ выше сказано, эти остатки такъ смѣшались, что трудно и подмѣтить существованіе въ Далмаціи не славянскаго элемента въ чистомъ видѣ.

Въ территоріи Хорватскаго приморья, вообще говоря, славяненіе шло подобнымъ же путемъ и имѣло почти такіе же результаты, какъ и въ собственной Далмаціи, относительно сельскаго и городского населенія.

Въ противоположность тому, нельзя сказать этого объ Истріи. Правда, и здѣсь, какъ мы уже видѣли, Славяне заняли почти всю страну еще въ VI и VII вѣкахъ и славянили ее; но города, по крайней мѣрѣ приморскіе—отъ Пулы (Pola) къ западу до Триеста, остались до сихъ поръ совершенно латинскими. Однако, этотъ латинизмъ въ этнографическомъ отношеніи не переходитъ за городскія ворота ¹⁾, хотя вліяніе его замѣтно во многихъ отношеніяхъ и въ чисто славянскихъ земледѣльческихъ поселеніяхъ.

Ограничиваюсь здѣсь простымъ изложеніемъ главнѣйшихъ фактовъ, не вдаваясь въ изслѣдованіе ихъ причинъ и мотивовъ. Въ-сто того, такъ какъ рѣчь идетъ о морскомъ побережьѣ и о морскихъ островахъ, считаю не лишнимъ сказать и о движеніи навигаціи въ славянскихъ предѣлахъ Адриатики. Мнѣ кажется это тѣмъ необходимѣе, что и въ отношеніи навигаціи встрѣчаемъ здѣсь большую разницу отъ того, что находимъ у другихъ Славянъ, и что, какъ увидимъ ниже, мореплаваніе имѣло важное вліяніе на образованіе мѣстныхъ названій здѣшняго края.

Самое положеніе далматинско-истрійскаго приморья и его богатство въ портахъ, въ противоположность италіянскому побережью, гдѣ природныхъ гаваней вовсе нѣтъ, должно было въ самыя древнія времена вызвать мореходную дѣятельность на Адриатикѣ, тѣмъ болѣе, что близость столь развитой страны, какъ Италія, и

¹⁾ Это можно принять до такой степени буквально, что когда городъ Триестъ въ новѣйшее время сталъ сильно расширяться, то долженъ былъ захватить славянскую территорію, такъ что нѣкоторые прежнія топографическія имена, славянскія не исчезли и послѣ того, когда вошли въ составъ города. Достаточно напомнить Torrente Kluč, который хотя теперь находится въ средѣ города, однако сохранилъ свое первоначальное славянское названіе.

естественныя произведенія противоположнаго континента должны были вызвать потребность въ общѣнѣ произведеній обѣихъ странъ. Не удивительно по этому, что еще до прихода Хорватовъ и Сербовъ въ здѣшніе края, даже раньше, чѣмъ на противоположномъ адриатическомъ берегу Италіи, на берегахъ далматинскихъ мы находимъ Либурновъ, уже прославившихся своимъ мореплаваніемъ. У Римлянъ, какъ извѣстно, былъ даже въ употребленіи особый родъ кораблей скорого плаванія, называвшійся *liburnicae* или *liburniae*. Въ восточной части, именно въ не либурнской Далмаціи, мореплаваніе должно было особенно процвѣтать, потому что тамъ, какъ мы видѣли, было немалое число греческихъ колоній. Набѣги и переходы чрезъ эти земли Германцевъ, Гунновъ и Аваровъ хотя и могли уменьшить этотъ промыселъ, даже измѣнить мирное торговое мореплаваніе въ пиратство, но никакъ не уничтожить движеніе судовъ. Такимъ образомъ, по вытѣсненіи или уничтоженіи Аваровъ, Хорваты и Сербы, поселившись на берегахъ Адриатики, нашли морской промыселъ болѣе или менѣ развитымъ и могли тотчасъ же имъ воспользоваться, овладѣвъ не только материкомъ и островами, но и водами, которыми обладали ихъ предшественники. И въ самомъ дѣлѣ, еще Константинъ Порфирородный рассказываетъ о хорватскомъ военномъ флотѣ въ Далмаціи, который, по его словамъ, состоялъ изъ 80 большихъ кораблей (*sagenas*) и 100 меньшихъ (*conduras*). Этотъ военный флотъ, который былъ порожденъ непрестаннымъ пиратствомъ Сарациновъ на Средиземномъ морѣ, предполагаетъ и сильное развитіе торговаго флота на далматинскомъ побережьи. Но судоходство хотя существовало у всѣхъ вообще Славянъ, жившихъ на адриатическомъ побережьи отъ Пулы въ Истріи до Бара въ Албаніи, однако процвѣтало только въ отдѣльных пунктахъ или предѣлахъ означеннаго пространства, и то въ разныя времена.

Какъ у Балтійскихъ Славянъ мореплаваніе носило на себѣ характеръ преимущественно морскаго разбоя, особенно въ предѣлахъ сосѣднихъ съ Нѣмцами и Датчанами, такъ у Адриатическихъ Славянъ оно отличалось своимъ торговымъ направленіемъ, хотя и здѣсь внѣшнія нападенія и другія неизвѣстныя намъ причины способствовали развитію пиратства на извѣстныхъ мѣстахъ и въ

продолженіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Прежде всего еще въ IX вѣкѣ пиратство развилось у Неретванъ, жителей жупы, лежащей въ предѣлахъ рѣки Неретвы. Причиной того, по всей вѣроятности, было, кромѣ набѣговъ сарацинскихъ, которые вызвали отпоръ, и то обстоятельство, что Неретвяне, не хотѣвшіе принять христіанство, навлекали на себя нападенія даже со стороны своихъ крещенныхъ единоплеменниковъ. Во второй половинѣ IX вѣка (въ 867 г.) наконецъ они крестились, но промыселъ морскихъ разбойниковъ не оставили. Только въ концѣ X вѣка (въ 997 г.), послѣ 160 лѣтъ сильной борьбы, ихъ разбилъ на голову венеціанскій дожъ Піетро Урсеоло, и тѣмъ окончились морскіе разбои Неретванъ. Въ XII вѣкѣ развилось опять пиратство въ другомъ краю, именно въ Омишѣ и Полицахъ, недалеко отъ города Сплѣта. Оно было такъ сильно, что въ 1274 году неаполитанскій король Карлъ вступилъ въ союзъ съ далматинскими городами Сплѣтомъ и Шиньеникомъ, чтобы поразить омишскихъ разбойниковъ, и только Венеціанцы, на корабляхъ которыхъ они неперестанно нападали, долгою войною и регулярною осадю принудили ихъ, въ концѣ XIII вѣка, оставить этотъ промыселъ. Въ третій и послѣдній разъ является морская война въ Далмаціи въ XVI вѣкѣ: то была оборона Ускоковъ, въ хорватскомъ приморьи у города Сения, противъ нападеній Венеціанцевъ и Турокъ; она съ теченіемъ времени обратилась въ морской разбой, но исключительно противъ Венеціанцевъ и Турокъ. Ускоки эти были большею частію бѣглецы въ хорватское приморье изъ сербскихъ земель, занятыхъ Турками, отъ чего и получили названіе Ускоковъ. Борьба эта продолжалась болѣе вѣка, началась въ 1523, а кончилась въ 1635 году, и стоила Венеціанской республикѣ до 200,000 червонцевъ въ годъ. Чтобы покончить съ этимъ дѣломъ, Венеція и императоръ Фердинандъ заключили между собою особый договоръ о переселеніи Ускоковъ въ предѣлы, отдаленные отъ Адриатическаго приморья.

И морская торговля получила развитіе въ разныя времена также на трехъ пунктахъ славянской Адриатики. Прежде всего и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ развился морской торговый флотъ въ Дубровникѣ. Еще въ X вѣкѣ Дубровчане, въ союзѣ съ Неретвянами, дали своими кораблями такой отпоръ императору Оттону II,

что онъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ замысловъ противъ ихъ свободы. Въ XIII вѣкѣ зависимость отъ Венеціанцевъ и пиратство Омишанъ причинили много вреда торговлѣ и флоту Дубровницкому, такъ что этотъ вѣкъ можно считать періодомъ его упадка. Но уже въ началѣ XIV вѣка Дубровникъ начинаетъ опять подвигаться и расширять свою торговлю левантскую, индійскую и африканскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развивать свой торговый флотъ. Равнымъ образомъ, и XV вѣкъ былъ благопріятенъ для процвѣтанія дубровницкаго флота, который въ это время достигъ значительнаго объема. Въ XVI вѣкѣ уменьшается самостоятельная и прямая торговля Дубровника, но за то дубровницкіе корабли ведутъ посредническую торговлю между Италіей, Франціей, Испаніей, Англіей и даже Америкю; кромѣ того, они покушались посредничать въ торговлѣ между восточною Индіей и Персіей. Дальнѣйшее развитіе дубровницкаго флота было остановлено завоевательными предпріятіями императора Карла V въ Тунисъ, Триполи и Алжиръ, гдѣ участвовало, въ разныхъ экспедиціяхъ, до 300 большихъ кораблей дубровницкихъ. Они почти всѣ погибли отъ сильной бури. Но и послѣ этого погрома, въ XVII вѣкѣ, морская торговля поддерживалась до страшнаго землетрасенія 1667 года; послѣ же этого событія судоходство дубровницкое не могло никогда больше подняться на прежнюю высоту. Однако въ XVIII вѣкѣ торговый флотъ Дубровника опять развился значительно, но въ войнѣ Россіи съ Турціею 1768—1774 г., русскіе адмиралы, особенно Орловъ, остановили его успѣхи, трактуя дубровницкіе корабли какъ турецкую собственность. Торговый флотъ Дубровника сохранялъ нѣкоторое значеніе даже въ началѣ нашего вѣка, въ силу своего древняго права нейтральности, по которому могъ и во время войны перевозить подъ своимъ флагомъ товары обѣихъ воюющихъ сторонъ. Съ 1806 года, послѣ того, какъ Французы уничтожили республику и подчинили Дубровникъ своей власти, это право было утрачено, и Наполеоновскія войны причинили большой вредъ остаткамъ древняго дубровницкаго флота. Въ новѣйшее время онъ опять началъ развиваться, особенно вслѣдствіе необыкновеннаго процвѣтанія двухъ недавно основанныхъ обществъ судоходства (въ городѣ Дубровникѣ и въ Пелешцѣ—Sobioncello), такъ

что теперь Дубровникъ съ окрестностями имѣетъ до 100 кораблей дальняго плаванія.

Въ какомъ вѣкѣ началъ развиваться морской флотъ въ Бокѣ Которской—нельзя опредѣлить; но знаемъ, что еще въ XVII вѣкѣ онъ былъ весьма значителенъ. Извѣстно, что Петръ I, при устройствѣ своего флота, выписывалъ оттуда учителей морскаго дѣла для образованія русскихъ морскихъ офицеровъ. Теперь торговый флотъ здѣсь небольшой, и число судовъ дальняго плаванія меньше, чѣмъ въ Дубровникѣ.

Торговый флотъ на Кварнерскихъ островахъ, особенно въ Лошинахъ, развился только съ конца XVIII вѣка. Теперь города Сень, Рѣка и обѣ Лошины, имѣютъ больше кораблей дальняго плаванія, чѣмъ Бока Которская и Дубровникъ, взятыя вмѣстѣ.

Торговый флотъ австрійскій, въ настоящее время, не считая каботажныхъ судовъ, имѣетъ болѣе 600 кораблей дальняго плаванія. Изъ издаваемого Триестскимъ Ллойдомъ альманаха „*Annuario marittimo*“ можно видѣть, что около 90% общего количества этихъ кораблей принадлежитъ Славянамъ; равнымъ образомъ, шкипера и матросы на этихъ судахъ почти исключительно Славяне.

Въ обзорѣннн развитія мореплаванія въ славянской части Адриатики я могъ упомянуть только главные пункты и моменты этого развитія. Но что въ среднихъ вѣкахъ славянское судоходство на всѣхъ пунктахъ этого моря было болѣе или менѣе значительно, свидѣтельствуетъ названіе этого моря, даже самими Италіянцами, Славянскимъ моремъ ¹⁾. Что главными и лучшими морями во

¹⁾ Come Appenin scopre il *mar schiavo*. (Orlando fur. c. IV, 11).

Si come neve tra le vive travi

Per lo dosso di Italia si congela.

Soffiata e stretta dalli venti *schiavi*. (Dante, Purgatorio, canto XXX).

Национальность судоходцевъ, болѣе чѣмъ народонаселеніе береговъ, даетъ имъ рѣкамъ и морямъ; такъ, напримѣръ, арабскій писатель IX вѣка Ибнъ Кордаъ Бегъ называетъ Волгу Славянскою рѣкою, единственно потому, что Славяне, еще не утвердившіеся на берегахъ ея, уже плавали однако по ея водамъ. Нѣкоторые римскіе и греческіе писатели, какъ напримѣръ, Корнелій Непотъ и Марціанъ Гераклеота, называютъ западную часть Балтійскаго моря *mare Vindicum*, а Несторъ и Константинъ Багрянородный Черное море -- Русскимъ, безъ сомнѣнія, по той же причинѣ.

всѣхъ важнѣйшихъ военныхъ предпріятійхъ Венеціанцевъ противъ Турокъ были Далматинцы, это видно на каждой страницѣ исторіи этой славной республики. Еще болѣе извѣстно современникамъ, откуда набирается личный составъ австрійскаго военнаго флота, и кто былъ главнымъ виновникомъ извѣстной побѣды при Висѣ (Lissa) въ 1866 году. Славянскій элементъ въ австрійскомъ военномъ флотѣ занимаетъ столь видное, если даже не исключительное мѣсто, что австрійское военное министерство должно было ввести сербско-хорватскій языкъ, какъ обязательный предметъ преподаванія, въ военно-морскомъ училищѣ въ Рѣвѣ.

Пора, теперь, перейти къ отдѣльнымъ группамъ мѣстныхъ названій въ означенныхъ земляхъ, и сказать нѣсколько словъ объ ихъ свойствахъ и взаимныхъ отношеніяхъ.

Что касается времени возникновенія этихъ названій, то должно прежде всего различать двѣ эпохи: эпоху до прихода Славянъ въ эти края цѣлыми отрядами, въ VI и VII вѣкахъ по Р. Х., и эпоху славянскую, съ тѣхъ поръ до настоящаго времени.

Въ отношеніи къ этнографическимъ элементамъ дославянской эпохи мѣстныя названія можно было бы раздѣлить на три категории, именно: названія иллирійскія, греческія и латинскія.

Иллирійскія названія—самыя древнія въ этихъ земляхъ; но уже по этому обстоятельству и по тому, что всѣ названія позднѣйшихъ народовъ легли на нихъ, какъ позднѣйшіе геологическіе пласты, очень трудно означить ихъ въ точности, тѣмъ болѣе, что до насъ не дошло ни одного письменнаго памятника древняго иллирійскаго языка. Мѣстныя названія: Albona, Flanona, Scardona, Stridon, Jadera, Senia, Promona, Andertium, и имена личныя: Bardilis, Pleurates, Teuta, Agron; наконецъ, племенные имена: Bulini, Vardi, Nesti, Dasareti, непременно иллирійскаго происхожденія; но такъ какъ мы знаемъ эти имена только изъ греческихъ и римскихъ писателей, то не имѣемъ никакого ручательства въ томъ, что они переданы намъ вѣрно, а не переименованы соотвѣтственно съ духомъ и направленіемъ греческаго и латинскаго языка и языка и выговора.

Изъ греческихъ названій нѣкоторые сохранились только у древнихъ писателей, какъ напримѣръ, имена: Epidaurus, Olyntha, Kra-

this, Epetion; но нѣкоторыя изъ нихъ можно еще узнать и до настоящаго времени въ числѣ живыхъ славянскихъ мѣстныхъ названій. Такъ, напримѣръ, въ названіяхъ Хваръ (Pharos), Корчула (Corсуга), Млѣтъ (Melita), Трогиръ (Tragurion) и т. д. скрываются первоначальныя греческія имена, если, впрочемъ, и они не передѣланы переселенцами Греками изъ еще болѣе древнихъ иллирійскихъ названій.

При разборѣ латинскихъ названій изслѣдователь долженъ строго различать древнія названія, существовавшія до Латинянъ, и которыми Римляне дали только свою форму, хотя въ сущности они остались древними иллирійскими или греческими, отъ названій, которыя прямо даны Римлянами. Къ первой категоріи во всякомъ случаѣ надо причислить имена: Epidaurus, Salonaе, Rhisinium и т. д., во второй—названія: Mons Aureus, Spalatium, Flumen и т. п.

Въ славянскую эпоху, къ прежнимъ формаціямъ присоединяются еще два значительные пласта, именно: славянскій и итальянскій ¹⁾. Но оба эти элемента по степени своего вліянія весьма различны другъ отъ друга.

Славянскія мѣстныя названія въ означенныхъ нами земляхъ Адріатики и по ихъ количеству, и по народному самосознанію можно назвать домашними, всѣ же остальные иностранными. Огромное количество славянскихъ названій позволяетъ намъ раздѣлить ихъ на нѣсколько категорій. Прежде всего можно бы раздѣлить ихъ: 1) на названія чисто славянскаго происхожденія, и 2) на названія, въ основѣ которыхъ лежатъ старыя иностранныя слова.

Названія первой категоріи можно, въ свою очередь, раздѣлить на три разряда:

а) Названія, происходящія отъ личныхъ именъ, каковы: Нерѣжићи, Нестрашићи, Поповићи, Лепетани, Лучина, Луково, Щедрово, Баошићи, Брачевобрдо, Станѣвићи. Этотъ родъ названій можно бы еще далѣе подраздѣлить, по имени рода, по имени ро-

¹⁾ О нѣмецкомъ и турецкомъ элементѣ въ Адріатическомъ приморьѣ говорить нельзя, потому что ихъ тамъ никогда не было: нѣмецкія формы *Triest*, *Zengg*, обязаны своимъ существованіемъ австрійской администраціи. Изъ турецкихъ названій я замѣтилъ только одно, именно *Читлуку*.

донаачальника или основателя мѣстности; потомъ для лингвистовъ интересно было бы раздѣленіе по формамъ окончаній и т. д.

б) Названія, проистекающія изъ свойствъ данной мѣстности, каковы: Есенице, Новиградъ, Маслиница, Примошѣнь, Дренова, Дубовица, Хумацъ, Стариградъ, Прико, Ораховацъ, Трстено, Гребени, Плочица, Полице, Нивице и т. д.

в) Названія, образовавшіяся на основаніи какого-нибудь событія, разсказа, преданія, общаго убѣжденія, каковы: Пакошѣани, Скочишѣвоика, Зечево-брдо, Мокшоица, Богомолье и т. д.

Другую категорію названій, именно имѣвшихъ въ себѣ иностранные элементы, можно раздѣлить на два вида:

а) Простое видоизмѣненіе чужаго названія по духу славянскаго языка, безъ обращенія вниманія на его значеніе; такъ, напримѣръ, древне-иллирійскія названія: Albona, Scardona, Senia передѣланы въ Лабинъ, Скрадинъ, Сень; древне-греческія: *Κορκύρα*, *Φάρος*, *Μελίτη* *Τρογυρίον*, передѣланы въ Корчула¹⁾, Хваръ, Млетъ, Трогиръ; латинскія: Tergeste, Pola, Mons Aureus, Pagus обращены въ Трстъ, Пула, Мосоръ, Пагъ. Кромѣ мѣстныхъ именъ съ древне-латинскою поделкой, новыя италіянскія названія очень рѣдко передѣлывались въ славянскія.

б) Такое же видоизмѣненіе, но случайно имѣвшее какое-нибудь значеніе въ новой формѣ по такъ называемой народной этимологіи; напримѣръ, Ластово, передѣланное изъ Augusta (итал. Lagosta), Цавтатъ изъ Civitas²⁾, Сплѣтъ отъ Spalatum, Солинъ отъ Salona, Драчь изъ Dyrrhachium и т. д.

¹⁾ Древняя форма Коркуръ.

²⁾ Собственно изъ civitas (civitatem), потому что, какъ извѣстно, всѣ подобныя формации ново-романскихъ языковъ основаны на акузативѣ, какъ итал. *ubinitate*, *umanitate*, *gratitudine* и т. д. Нѣкоторое затрудненіе можетъ представить звукъ *c = d*, о которомъ имѣемъ намекъ, что при приходѣ Славянъ въ адриатическое приморье, этотъ звукъ выговаривался тамошними Латинцами какъ *i* и предъ *i* и *e*, а не какъ *d*. Еще и въ теперешнемъ дубровницкомъ славянскомъ діалектѣ сохранились слова *лукърница* отъ лат. *lucerna*; *рекеса* отъ лат. *recessum* — отливъ, а въ комедіи „Дундо Марое“, писанной Држичемъ въ 1550 году, встрѣчается слово *плакъръ*, которое образовалось изъ средне-латинскаго слова, какъ италіянское *piacere* и французское *plaisir*.

Названій, переведенныхъ изъ чужихъ языковъ на славянскій, сколько помню, не имѣется. При этомъ едва ли нужно напоминать, что названій первой категоріи, то есть, чисто-славянскихъ, огромное большинство.

Италянскія мѣстныя названія сѣверо-восточнаго берега и острововъ Адріатики можно раздѣлить на четыре категоріи:

а) Названія, въ основѣ которыхъ лежатъ древне-латинскія (и латинизованныя илирійскія и греческія) названія, какъ: Scardona, Albona, Salona, Traù, Lissa, Curzola, Ragusa, Spalato, Ossero, Pago и т. д.

б) Равнымъ образомъ, какъ Славяне при своемъ приходѣ въ Далмацію перекраивали названія туземныхъ болѣе значительныхъ мѣстъ по духу своего языка, такъ и пріѣзжіе Италянцы видоизмѣняли славянскія названія на свой ладъ. И здѣсь, какъ и тамъ, можно отличать простую передѣлку внѣшней формы отъ такихъ передѣлокъ, которыя придали имъ нѣкоторое значеніе. Къ первому виду принадлежатъ, напримѣръ, Sebenico (Шибеникъ), Verbenico (Врбеникъ), Brozze (Бродци), Lossin (Лошинь); ко второму: Novegradi (Новиградъ), Castelmuschio (Омышель), Dolcigno (Одинъ), Gelsa (Еса), Brevilaqua (Привлака) и т. д.

в) Названій, переведенныхъ со славянскаго, очень много; къ нимъ можно отнести: Botticelle (Бачвице), Bianca (Бѣла), Cannosa (Тристано), Stretto (Тѣсно), Oltre (Прѣко) и т. д.

г) Названія позднѣйшей чисто-итальянской формаціи, какъ-то: Zara vecchia, Ragusa vecchia, Lesina, Porto Coperto, Porto Palazzo, Scoglio Donzella, Bocche false, Stabilimento Manfrin и т. д. Конечно, здѣсь есть названія, которыя обязаны своимъ существованіемъ тѣмъ самымъ поводамъ, которые мы обозначили, говоря о способѣ образованія чисто-славянскихъ названій, но по большей части ихъ происхожденіе совершенно своеобразно.

Извѣстно каждому, что на Средиземномъ морѣ и въ другихъ соединенныхъ съ нимъ бассейнахъ Италянцы въ прежнее время были первенствующимъ народомъ по морской торговлѣ. Мы знаемъ даже, что до настоящаго времени техническія коммерческія названія употребляются и въ Италиі на итальянскомъ языкѣ. Не удивительно по этому, что въ странѣ столь близкой къ Италиі, и

кроме того, находившейся въ весьма тѣсныхъ политическихъ и экономическихъ сношеніяхъ съ нею, особенно съ Венеціей, въ странѣ, омываемой тѣмъ самымъ Адриатическимъ моремъ, которое гордая Венеція, вслѣдствіе развитія своей морской силы, называла своимъ заливомъ (golfo di Venezia), еще больше отразилось вліяніе италіанской національности, и именно на мореплаваніи въ этомъ краѣ и на всемъ томъ, что имѣетъ ближайшее къ нему отношеніе. То же самое вліяніе должно было несомнѣнно отразиться и въ мѣстныхъ названіяхъ приморскихъ пунктовъ, столь важныхъ для моряковъ.

Это вліяніе имѣло два главные источника: во первыхъ, италіанскихъ моряковъ, и вторыхъ, государственную администрацію. Италіанскіе, особенно венеціанскіе моряки, ѣздившіе въ другіе края свѣта чрезъ Адриатику, называли своимъ языкомъ перѣдко необитаемыя пристани (которыми Далмація такъ богата), заливы, острова, мели, подводныя скалы, рейды и т. д. Они давали названія этимъ мѣстамъ или по ихъ свойству (Porto lungo, Porto lago grande, Bocca falsa), или по имени церкви, монастыря, часовни и ихъ развалинъ (San Georgio, San Giovanni, Santa Croce и т. д.), въ большинствѣ случаевъ не обращая ни малѣйшаго вниманія на народное названіе; но за то и народъ не обращалъ также вниманія на эти чуждыя имена, а продолжалъ называть свои мѣста по своему. Разумѣется само собою, что когда понадобились морякамъ гидрографическія карты, то онѣ были сдѣланы не на основаніи народныхъ названій, а по италіанскимъ или италіанизованнымъ названіямъ моряковъ, для которыхъ карты и дѣлались ¹⁾. Не менѣе способствовала къ умноженію италіанскихъ названій администрація, которая вела дѣлопроизводство на италіанскомъ языкѣ уже съ XV в. (прежде по латыни) ²⁾.

¹⁾ Моряки большею частью провозносятъ отдѣльныя названія на венеціанскомъ діалектѣ, и хотя на картахъ дается имъ обыкновенно форма литературнаго италіанскаго языка, однако нѣкоторые записаны и на діалектѣ, какъ: Speo, Melada, Morter, Spalmadore, Levraga, Mandoler и т. д.

²⁾ Въ этомъ отношеніи и славянскій Дубровникъ не представлялъ исключенія. Въ Дубровникѣ говорили въ семейной жизни на народномъ языкѣ, писали пѣсни и драмы по славянски, но дѣла вели на латинскомъ или италіанскомъ языкахъ.

Въ этомъ отношеніи австрійское правительство, начавшее свое владычество въ этихъ краяхъ отчасти еще съ конца прошлаго вѣка, ничего не измѣнило; даже напротивъ, съ расширеніемъ въ послѣднее время круга дѣйствій администраціи увеличивалось и вліяніе италіянщины. Даже военный флотъ австрійскій до роковаго 1848 года былъ совершенно италіянскимъ; на италіянскомъ языкѣ велись всѣ акты; италіянскій языкъ господствовалъ и доселѣ господствуетъ въ морскихъ училищахъ. Картографическія работы и при австрійскомъ правительствѣ дѣлались не на нѣмецкомъ, а на италіянскомъ языкѣ, а тѣмъ болѣе кадастральныя описи должны были дѣлаться по италіянски, при чемъ, разумѣется, вписывались названія по актамъ и ученымъ сочиненіямъ, гдѣ они были; на живыя же народныя названія обращали вниманіе только при отсутствіи первыхъ, но и въ послѣднемъ случаѣ народныя названія получали всегда иностранный колоритъ и призвукъ.

Послѣ всего вышеннеложеннаго не покажется нисколько удивительнымъ то, что мѣстныя названія въ славянскомъ адриатическомъ приморьи носятъ на себѣ характеръ дуализма, равно какъ и то, что иностранныя названія болѣе извѣстны въ литературѣ, чѣмъ домашнія. О мѣстахъ, имѣющихъ еще особыя названія на латинскомъ языкѣ (которыя употребляются и до сихъ поръ въ церковныхъ дѣлахъ), кромѣ славянскаго и италіянскаго, — считаю излишнимъ распространяться.

Въ заключеніе я долженъ сказать два слова и о томъ, какимъ образомъ собранъ, распредѣленъ и записанъ матеріалъ въ прилагаемомъ спискѣ.

Названія мѣстъ, обозначенныхъ на картахъ, я переписалъ съ карты подъ заглавіемъ: *Idrografia generale del mare Adriatico. Primo foglio ultimato nell' i. r. istituto geografico militare in Milano 1825*. При этомъ я принялъ на востокъ городъ Авлону, а на западѣ рѣку Сочу (*Isonzo*) крайними предѣлами славянскаго населенія на адриатическомъ побережьи. Славянскія названія, записанныя мною рядомъ съ иностранными, я собиралъ большею частію изъ живыхъ источниковъ, посредствомъ устнаго и письменнаго разпроса; многія же и самъ зналъ. Что касается вѣрности названій, то по крайней мѣрѣ относительно послѣднихъ могу ручаться. Изъ

книгъ я пользовался только сочиненіемъ Сабляра: Rječnik mjestnih imena trojedne Kraljevine. Zagreb 1860. Впрочемъ, есть около сотни названій, которымъ я не могъ узнать соотвѣтствующія славянскія имена, почему они и исключены изъ списка. Самымъ удобнымъ распределеніемъ матеріала я счелъ алфавитный порядокъ, при чемъ на отдѣльныя части названій, состоящихъ изъ нѣсколькихъ словъ, сдѣланы особыя ссылки. Впрочемъ, въ сложныхъ названіяхъ часто встрѣчающіяся слова, каковы: porto (гавань, пристань); isola (островъ); scoglio (небольшой каменный островъ); valle (бухта); golfo (заливъ); sessa (отмель); saro (мысъ); punta (носъ); canale (каналъ); fiume (рѣка); lago (озеро); monte (гора),— я не счелъ нужнымъ переводить при каждомъ упоминаніи; для болѣе удобнаго присканія обозначены въ особомъ столбцѣ земля, округъ, полуостровъ или островъ, въ которыхъ находится та или другая мѣстность. При списываніи названій съ карты я держался способа, употребленнаго составителями карты, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они ошибочны ¹⁾.

На счетъ славянскихъ названій, хотя они чисто сербо-хорватскія, я держался, на сколько это было возможно, русскаго правописанія; звуки же названій, которыхъ въ русскомъ языкѣ вовсе нѣтъ, обозначены общепринятыми письменами. Впрочемъ ихъ только два, именно ѣ и ѣ. Первый выговаривается еще мягче, чѣмъ по русски *дѣжъ* (образовался изъ старославянскаго *ж*); второй мягче, нежели по русски *тъчъ* (образуется изъ старославянскаго *ш*). Звукъ *р*, въ смыслѣ гласнаго, оставленъ безъ другихъ гласныхъ; напримѣръ, я писалъ *Крка*, а не Керка или Кръка.

СПИСОКЪ НАЗВАНІЙ.

А.

Abba scoglio, см. Scoglio Abba.

Abbazia — Опатія.

Abo — Аб.

Окр. Истрія.

Окр. Задаръ.

¹⁾ Напримѣръ, Covist писано вмѣсто Loviste, Gernagora вмѣсто Zernagora и т. д.

Abo, isola, см. Isola Abo.	
Abrega — Абрегъ.	Окр. Истрія.
Albanassi, scoglio, см. Scoglio Albanassi.	
Albezoni, porto, см. Porto Albezoni.	
Alessandria scoglio, см. Scoglio Alessandria.	
Albona — Лабинъ.	Окр. Истрія.
Almissa — Омисъ.	Окр. Сплѣтъ.
Almissa, rada di, см. Rada di Almissa.	
Altese — Алтезъ.	
Allura — Алюра.	} Окр. Истрія.
Amica, punta, см. Punta Amica.	
Andreis, castello, см. Castel' Andreis.	
Antivari — Баръ.	Албанія.
Antivari, baja di, см. Baja di Antivari.	
Arbe — Рабъ.	Остр. Рабъ.
Arbe, isola, см. Isola Arbe.	
Arbania — Арбанія.	Окр. Сплѣтъ.
Arcangelo, scoglio, см. Scoglio Arcangelo.	
Aron, fiume, см. Fiume Aron.	
Artan, valle di, см. Valle di Artan.	
Artich, porto, см. Porto di Artich.	
Arsa, canale di, см. Canale di Arsa.	
Arvasca — Хрватска.	Остр. Брачъ.
Asinello, scoglio, см. Scoglio Asinello.	
Aulona — Авлона.	Албанія.
Aulona, baja di, см. Baja di Aulona.	

В.

Babaroviscia — Бабаровишѣ.	Остр. Брачъ.
Babaroviscia, valle, см. Valle Babaroviscia.	
Babinopoglie — Бабинополъ.	Остр. Млѣтъ.
Bacili, scogli, см. Scogli Bacili.	
Bacili, scogli, см. Scogli Bacili.	
Badessa, castel, см. Castel Badessa.	
Badia, scoglio della, см. Scoglio della Badia.	
Bagno — Бана.	Полуостр. Пелѣшадъ.

Bagna — Баня.

Bagna, porto, см. Porto Bagna.

Bagotin, scoglio, см. Scoglio Bagotin.

Baja d'Antivari — Баръ.

Baja di Aulona — Авлона.

Baja di Durazzo — Драчъ.

Baja di Baticovica — Батковица.

Baja di Traste — Траште.

Baja di Tucepi — Тучепи.

Baldarin, porto, см. Porto di Baldarin.

Balvareide, punta, см. Punta Balvareide.

Baosich — Баошихи.

Barbana — Барбанъ.

Barbariga — Барбаригъ.

Barbariga, punta, см. Punta Barbariga.

Barbisciza — Бабишица.

Barnestrovaz — Барнѣстровацъ.

Bariaski, scogli, см. Scogli Bariaski.

Bas, valle di, см. Valle di Bas.

Bassania — Басаниѣ.

Bassania, punta, см. Punta Bassania.

Bascanuova — Новабашка.

Bascanuova, valle di, см. Valle di Bascanuova.

Bascavoda — Башкавода.

Bascavecchia — Старабашка.

Bascavecchia, valle di, см. Valle di Bascavecchia.

Bast — Бастъ.

Batahovina — Батаховина.

Baticoviza, baja di, см. Baja di Baticoviza.

Benlini, torre, см. Torre Benlini.

Berguglie, valle di, см. Valle di Berguglie.

Bernazza, punta, см. Punta Bernazza.

Berusco, valle, см. Valle Berusco.

Beschizi — Бечизи.

Besdia, valle, см. Valle Besdia.

Bevce — Бевче.

Окр. Дубровникъ.

} Албанія.

Полуостр. Пелѣшацъ.

Окр. Которъ.

Окр. Сплѣтъ.

Окр. Которъ.

} Окр. Истрія.

Остр. Висъ.

Остр. Млѣтъ.

Окр. Истрія.

Остр. Кркъ.

Окр. Сплѣтъ.

Остр. Кркъ.

Окр. Сплѣтъ.

Окр. Дубровникъ.

Окр. Которъ.

Окр. Истрія.

*

Bianca — Бѣла.	Окр. Которъ.
Bianca, punta, см. Punta Bianca.	
Bianche, punte, см. Punte Bianche.	
Bibigue — Бругдъ.	Окр. Сплитъ.
Bibigne — Бирбине.	Остр. Лука.
Bielaz, scoglio, см. Scoglio Bielaz.	
Bieliviza, valle, см. Valle Bieliviza.	
Bila, scoglio, см. Scoglio Bila.	
Bilecarizza — Билекариза.	Хорватія.
Bilibrach — Билибраѣъ.	Остр. Рабъ.
Bissach, scoglio, см. Scoglio Bissach.	
Bissaga, scoglio, см. Scoglio Bissaga.	
Bisicoviza, porto, см. Porto Bisicoviza.	
Blasilna, valle, см. Valle Blasilna.	
Blaso, valle, см. Valle Blaso.	
Blatazza, scoglio, см. Scoglio Blatazza.	
Blatta — Блата.	Остр. Корчула.
Blazza, valle, см. Valle di Blazza.	
Bocche di Cattaro — Бока Которска.	
Bocca falsa — Трапте.	Окр. Которъ.
Bacca di Pago — Пагъ.	Остр. Пагъ.
Bocca Pompejana Napoli — Арпати.	Окр. Дубровникъ.
Bocca di Segna — Сень.	Хорватія.
Boccagnazzo, lago di, см. Lago di Boccagnazzo.	
Bacicosin, porto, см. Porto di Bacicosin.	
Bogomoglie — Богомолъ.	Остр. Хваръ.
Bojana, fiume, см. Fiume Bajana.	
Bokal, porto, см. Porto Bokal.	
Bol — Болъ.	Остр. Брачъ.
Bonazza, valle, см. Valle Bonazza.	
Boraja — Бораа.	Окр. Задаръ.
Baraja, monte, см. Monte Baraja.	
Borak, monte, см. Monte Borak.	
Boric — Борић.	Остр. Пелъшацъ.
Borolognac, porto, см. Porto Borolognac.	
Borovnik, scoglio, см. Scoglio Borovnik.	

Bosava — Божава.	Остр. Лука.
Bossigliava — Босилява.	Окр. Сплѣтъ.
Bossolo, porto, см. Porto Bosul.	
Boticella — Бачвице.	Окр. Задаръ.
Bracevoberdo, monte, см. Monte Bracevoberdo.	
Bracietto — Рукавацъ.	Окр. Задаръ.
Brazza, isola, см. Isola Brazza.	
Braziol, porto, см. Porto Braziol.	
Brasnach, scoglio, см. Scoglio Brasnach.	
Brelle — Бреле.	Окр. Сплѣтъ.
Breno — Жупа.	Окр. Дубровникъ.
Breno, valle di, см. Valle di Breno.	
Brestenovaz, porto, см. Porto Brestenovaz.	
Brestine, valle di, см. Valle di Brestine.	
Brevilaqua — Привлака.	Окр. Задаръ.
Brevilaqua, stretto di, см. Stretto di Brevilaqua.	
Briesta — Бриста.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Brioni, isola, см. Isola Brioni.	
Brist — Бристъ.	Окр. Сплѣтъ.
Brista, valle, см. Valle Brista.	
Bristova, valle, см. Valle Bristova.	
Brozze — Бродци.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Bruscie — Брусце.	Остр. Хваръ.
Brusnik, scoglio — Scoglio Brusnik.	
Buccari — Бакаръ.	Хорватія.
Budicovaz, scoglio, см. Scoglio Budicovaz.	
Budua — Будва.	Окр. Которъ.
Budua, porto di, см. Porto di Budua.	
Buot, secca di, см. Secca di Buot.	
Busi, isola, см. Isola Busi.	
Busi, porto, см. Porto di Busi.	
Buccarizza — Бакарацъ.	Хорватія.

С.

Cabal, punta, см. Punta Cabal.
 Cablin, valle, см. Valle Cablin.

Caino, porto, см. Porto Caino.	
Calamota, isola, см. Isola Calamota.	
Caldota, punta, см. Punta Caldota.	
Cale — Кали.	Остр. Улянъ.
Caleare, valle, см. Valle Caleare.	Остр. Улянъ.
Calugerá, scoglio, см. Scoglio Calugerá.	
Camenova, punta, см. Punta Camenova.	
Camera, porto, см. Porto Camera.	
Camignak, scogli, см. Scogli Camignak.	
Campora — Канпоръ.	Остр. Рабъ.
Campora, vallone di, см. Vallone di Campora.	
Canale dell'Arsa — Арза.	Окр. Задаръ.
Canale della Corsia — Коршия.	Окр. Истрия.
Canale di Calamota — Калочикъ.	Окр. Дубровникъ.
Canale di Fasana — Фазана.	Окр. Истрия.
Canale di Farasina — Фаразина.	Окр. Истрия.
Canale di Lesina — Хваръ.	Остр. Хваръ.
Canale di Lemo — Лемъ.	Окр. Истрия.
Canale di Meleda — Млѣтъ.	Остр. Млѣтъ.
Canale di Mattempo — Матемпъ.	{ Окр. Задаръ.
Canale di Nona — Нияъ.	
Canale delle Castella — Каштела.	Окр. Сплитъ.
Canale d'Ossero — Осеръ.	Остр. Цресъ.
Canale di Pogliana nuova — Поляна нова.	Остр. Пагъ.
Canale di Pago o della Montagna — Пагъ.	Остр. Пагъ.
Canale di Scardizza o Maon — Скардица.	{ Окр. Задаръ.
Canale di Sebenico — Шибеникъ.	
Canale di Selve ed Ulbo — Жельва и Олябъ.	
Canale di Stagno piccolo — Мали Стонъ.	Окр. Дубровникъ.
Canale delle Zirone — Дрвеникъ.	Окр. Задаръ.
Canale di Traù — Тротръ.	Окр. Сплитъ.
Canale di Zara — Задаръ.	Окр. Задаръ.
Canidole, scogli, см. Scogli Canidole.	
Canosa — Трстенъ.	{ Окр. Дубровникъ.
Cantofige — Кантафигъ.	
Capo Cesto — Примостенъ.	Окр. Задаръ.

Capo Cesto, porto e scoglio, см. Porto e Scoglio
di Capo Cesto.

Capo Gomena — Као Гумина.

Capo Conipare — Конипаръ.

Capodistria — Конаръ.

Capo Pelegrino — Лиръ.

Capo delle Planche — Синёва

Capo Speo — Ражный.

Capri — Каприе.

Capri, isola, см. Isola Capri.

Cazza — Цара.

Carboni, porto, см. Porto Carboni.

Carlopago — Карлобагъ или Багъ.

Caricatore, valle, см. Valle Caricatore.

Carober, porto, см. Porto Carober.

Carober, porto, см. Porto Carober.

Czarovich, monte, см. Monte Czarovich.

Carvina — Карвина.

Cascata — Сланъ.

Cassion, valle, см. Valle Cassion.

Cassion, punta, см. Punta Cassion.

Cassone, monte, см. Monte Cassone.

Casella — Казела.

Caisole — Кайзола.

Castell' Andreis — Ядрстовацъ.

Castel Badessa — Гомпица.

Castel Cambio — Камбеловацъ.

Castel della Daila — Дайла.

Castel di Lastua — Ластва.

Castelmuschio — Омишаль.

Castelnuovo — Нови.

Castelnuovo — Нови.

Castel S. Steffano — Свети Стѣпанъ.

Castel Stafileo — Стафилийъ.

Castel Suzzuraz — Сѹхурацъ.

Castel Vecchio — Стари.

Полуостр. Пелѣшацъ.

Окр. Истрія.

Остр. Хваръ.

Остр. Брачъ.

Остр. Корчула.

Остр. Каприъ.

Окр. Задаръ.

Окр. Задаръ.

Окр. Задаръ.

Окр. Задаръ.

Остр. Цресъ.

Окр. Задаръ.

Окр. Сплитъ.

Окр. Истрія.

Окр. Которъ.

Остр. Кркъ.

Окр. Которъ.

Окр. Сплитъ.

Окр. Которъ.

Окр. Сплитъ.

Castel Venier — Винѣрацъ.	Окр. Задаръ.
Castel Vitturi — Лушићъ.	Окр. Сплѣтъ.
Cattaro — Которъ.	Окр. Которъ.
Cazza isola, см. Isola Cazza.	
Cazziola, isola, см. Isola Cazziola.	
Cerduk, valle, см. Valle Cerduk.	
Cernicca, valle, см. Valle Cernicca.	
Cervera, porto, см. Porto Cervera.	
Cessara, valle, см. Valle Cessara.	
Cesarizza, valle, см. Valle Cesarizza.	
Cessinova, valle, см. Valle Cessinova.	
Chelm, monte, см. Monte Chelm.	
Cherso — Цресъ.	Остр. Цресъ.
Cherso, isola, см. Isola Cherso.	
Cherso, porto di, см. Porte Cherso.	
Cherso, vallone di, см. Vallone di Cherso.	
Chiatz, porto, см. Porto di Chiatz.	
Chiave, porto, см. Porto Chiave.	
Chiave, porto, см. Porto Chiave.	
Chiave, porto, см. Porto Chiave.	
Chiave, porto, см. Porto Chiave.	
Chiavlina, valle di, см. Valle di Chiavlina.	
Chiaz, valla, см. Valle Chiaz.	
Cicola, fiume, см. Fiume Cicola.	
Cigale, porto, см. Porto Cigale.	
Ciprianda, valle, см. Valle Ciprianda.	
Cis, monte, см. Monte Cis.	
Cisichie — Чижичъ.	Остр. Кркъ.
Cisto, porto, см. Porto Cisto.	
Cittanova — Поградъ или Новиградъ.	Окр. Истрия.
Citluc — Читлукъ.	Окр. Сплѣтъ.
Cittavecchia — Стариградъ.	Остр. Хваръ.
Cittavecchia, valle e porto, см. Valle e Porto di Cittavecchia.	
Ciuton, scoglio, см. Scoglio Ciuton.	
Cobi, porto, см. Porto Cobi.	

Cocogliari, scoglio, см. Scoglio Cocogliari.	
Cogn, scoglio, см. Scoglio Cogn.	
Collane — Колани.	Остр. Пагъ.
Collerat, porto, см. Porto Collerat.	
Colludar, scoglio, см. Scoglio Colludar.	
Com — Комъ.	Остр. Пашманъ.
Comisa — Комижа.	Остр. Висъ.
Comisa, vallone di, см. Vallone di Comisa.	
Con — Конъ.	Остр. Рабъ.
Conivize — Конивизе.	Остр. Кркъ.
Contarara, scoglio, см. Scoglio Contarara.	
Contovello — Контовель.	Окр. Истрія.
Convento — Манастиръ.	
Convento di S. Maria del Cero — Манастиръ	} Остр. Кркъ.
Богородице отъ Чена.	
Convento S. Nicoló, — Св. Никола.	Остр. Цресъ.
Convento di Stagnevich — Станѣвичъ.	Окр. Которъ.
Convento di Zavstrogh — Заострогъ.	Окр. Сплѣтъ.
Coritta — Корита.	
Coromacna, porto, см. Porto Coromacna.	
Covist, scoglio, см. Scoglio Covist.	
Coperto, porto, см. Porto Coperto.	
Corbanaz, scoglio, см. Scoglio Corbanaz.	
Coromazna, porto, см. Porto Coromazna.	
Cosia, porto, см. Porto Cosia.	
Cosia, valle, см. Valle Cosia.	
Cosiraccia, valle, см. Valle Cosiraccia.	
Cossara, scoglio, см. Scoglio Cossara.	
Cosvinizzo, scoglio, см. Scoglio Cosvinizza.	
Costina, punta, см. Punta Costina.	
Crapano — Крапанъ.	Окр. Задаръ.
Creul, porto, см. Porto Creul.	
Cziquinizza — Цриквиница.	Хорватія.
Croce — Крижъ.	Окр. Истрія.
Croce, porto, см. Porto Croce.	
Croce, punta, см. Punta Croce.	

Croce, punta, см. Punta Croce.

Croazia Militare — Военa Граница или про-
сто: Граница.

Crucizza — Кручница.

Окр. Задаръ.

Crucizza, scoglio, см. Scoglio Crucizza.

Crucizza, scoglio, см. Scoglio Crucizza.

Cuciste — Куѣиште.

Полуостр. Пелѣшацъ.

Cudizza, scoglio, см. Scoglio Cudizza.

Cuje, porto di, см. Porto di Cuje.

Curbabella, isola, см. Isola Curbabella.

Curzola, isola, см. Isola Curzola.

Cut — Кутъ.

Остр. Висъ.

Cutesoci — Кутиници.

Окр. Сплѣтъ.

Cubula, secca, см. Secca Cubula.

Czarovich, monte, см. Monte Czarovich.

D.

Daba, valle, см. Valle Daba.

Daila, castello, см. Castel Daila.

Daina — Данинъ.

Окр. Задаръ.

Daха, scoglio, см. Scoglio Daxa.

Deda, porto, см. Porto Deda.

Dente, punta del, см. Punta del Dente.

Derkudich, valle, см. Valle Derkudich.

Dersiciavala, valle, см. Valle Dersiciavala.

Dervenik — Дрвеникъ.

Окр. Сплѣтъ.

Desviglie, monte, см. Monte Desviglie.

Dignano — Водиянъ.

Окр. Истрія.

Digniska, valle, см. Valle Digniska.

Digniska — Диньска.

Остр. Пагъ.

Diclo — Дикло.

Окр. Задаръ.

Dingach — Дингачъ.

Полуостр. Пелѣшацъ.

Dobrace — Добраче.

Окр. Сплѣтъ.

Dobrigno, vallone di, см. Vallone di Dobrigno.

Dobrota — Доброта.

Окр. Которъ.

Dobrotoch, scoglio, см. Scoglio Dobrotoch.

Dogna, punta, см. Punta Dogna.

Doll, valle, см. Valle Doll.

Dolli — Доли.

Окр. Дубровникъ.

Dolli, valle, см. Valle Dolli.

Dolin, scoglio, см. Scoglio Dolin.

Dolfin, scoglio, см. Scoglio Dolfin.

Domboch, porto, см. Porto Domboch.

Donzella, scoglio, см. Scoglio Donzella.

Draguniza, valle e porto, см. Valle e Porto

Draguniza.

Dragogna, fiume, см. Fiume Dragogna.

Dragove — Драгове.

Остр. Лука.

Drasnizze — Драшнице.

Окр. Сплѣтъ.

Drasumanschi, scoglio, см. Scoglio Drasumanschi.

Drenova, monte, см. Monte Drenova.

Duba — Дуба.

Полуостр. Пелѣшацъ.

Duba — Дуба.

Окр. Сплѣтъ.

Duba, porto di, см. Porto di Duba.

Duba, valle di, см. Valle di Duba.

Dubas, valle di, см. Valle di Dubas.

Dubovizza — Дубовица.

Албанія.

Duboviza, monte, см. Monte Duboviza.

Duboca, valle, см. Valle Duboca.

Dubrovasca, monte, см. Monte Dubrovasca.

Dubrovizza — Дубравница.

Окр. Дубровникъ.

Duce — Дуѣ.

Окр. Сплѣтъ.

Dulcigno — Оцинь.

Dulcigno vecchio — Стариѣ Оцинь.

} Албанія.

Dumboca, valle, см. Valle Dumboca.

Durazzo — Драчъ.

Албанія.

Durazzo, baja di, см. Baja di Durazzo.

Е.

Ellenizza, valle, см. Valle Ellenizza.

Erbosgnak, scoglio, см. Scoglio Erbosgnak.

Eso — Ижъ.

Остр. Ижъ.

Eso, isola, см. Isola Eso,
Eso, porto di, см. Porto d'Eso.

F.

Farasina, porto di, см. Porto di Farasina.	
Fasana — Фазана.	Истрія.
Fasana, canale di, см. Canale di Fasana.	
Fenera, scoglio di, см. Scoglio di Fenera.	
Fianona — Фланона.	Истрія.
Figarola, scoglio di, см. Scoglio di Figarola.	
Figliaccia, porto di, см. Porto di Figliaccia.	
Finocchio, porto di, см. Porto Finocchio.	
Firasma, canale di, см. Canale di Firasma.	
Fiume — Рѣка.	Хорватія.
Fiume Aron — Аронъ.	} Истрія.
Fiume Dragogna — Драгона.	
Fiume Drino — Дрина.	Албанія.
Fiume Kerka — Крка.	Окр. Задаръ.
Fiume Cicola — Чикола.	Истрія.
Fiume Kovaja — Ковая.	Албанія.
Fiume Isonzo — Соча.	Горица.
Fiume Narenta — Неретва.	Окр. Сплѣтъ.
Fiume Ricina — Ричина.	Окр. Задаръ.
Fiume Risano — Рисанъ.	Истрія.
Fiume Salona — Солинъ.	} Окр. Сплѣтъ.
Fiume Zettina — Цетина.	
Fiume di S. Stefano — Св. Степанъ.	} Албанія.
Foci della Bojana — Бояна.	
Fogon, porto, см. Porto Fogon.	
Foci del fiume Narenta — Неретва.	Окр. Сплѣтъ.
Forte Imperiale — Срѣъ.	Окр. Дубровникъ.
Fort 'Opus — Опузено.	} Окр. Сплѣтъ.
Forte Smerdan — Смерданъ.	
Forte Spagnuolo — Спаньолска.	Окр. Которъ.
Fucin, scoglio, см. Scoglio Fucin.	

Fuha, scoglio, см. Scoglio Fuha.
Futine di Kurisnizza — Куришница.

Окр. Задаръ.

G.

Gaglian, scoglio, см. Scoglio Gaglian.
Gaign — Гай.

Истрія.

Gangarol, scoglio, см. Scoglio Gangarol.
Gargurich — Гргурих.

Окр. Дубровникъ.

Gatolo, punta, см. Punta Gatolo.

Gedmak, porto, см. Porto Gedmak.

Gelsa — Еша.

Остр. Хваръ.

Germinak, scoglio, см. Scoglio Germinak.

Gernahora, monte, см. Monte Gernahora.

Gianno, porto, см. Porto Gianno.

Giuliana, valle, см. Valle Giuliana.

Giuliana — Жуліана.

Полостр. Полъшадъ.

Giupana, isola, см. Isola Giupana.

Glovat, scoglio, см. Scoglio Glovat.

Glavoch, scoglio, см. Scoglio Glavoch.

Glavina, porto, см. Porto Glavina.

Gliuba, stretto di, см. Stretto di Gliuba.

Gliubaz — Любацъ.

Окр. Задаръ.

Gliubaz, valle di, см. Valle di Gliubaz.

Gluda — Груда.

Окр. Которъ.

Gnivizza, porto, см. Porto di Gnivizza.

Gnivizza, scoglio, см. Scoglio di Gnivizza.

Golfo o Bocche di Cattaro — Бока Которска. Окр. Которъ.

Golfo di Drino — Дрина.

Албаниа.

Golfo di Trieste — Трстъ.

Истрія.

Goliola, scoglio, см. Scoglio Goliola.

Golis, monte, см. Monte Golis.

Golo, scoglio, см. Scoglio Golo.

Gomignach, scoglio, см. Scoglio Gomignach.

Gorgna, punta, см. Punta Gorgna.

Gorizza — Горца.

Остр. Пагъ.

Govegiar — Говеѣари.

Остр. Млѣтъ.

Grabovizza, scoglio, см. Scoglio Grabovizza.	
Gradaska, valle, см. Valle Gradaska.	
Gradaz — Градацъ.	Окр. Сплѣтъ.
Grado, monte, см. Monte Grado.	
Grande, porto, см. Porto Grande.	
Grande, valle, см. Valle Grande.	
Gravosa — Гружъ.	Окр. Дубровникъ.
Grebascizza — Гребашаца.	Окр. Задаръ.
Grasgnich, valle, см. Valle di Grasgnich.	
Grille, secca, см. Secca di Grille.	
Grignano, punta di, см. Punta di Grignano.	
Grossa, punta, см. Punta Grossa.	
Grossa, punta, см. Punta Grossa.	
Grui, punta, см. Punta Grui.	
Gruizza, scoglio, см. Scoglio Gruizza.	
Grudda — Груда.	
Gruc — Грѹхъ.	Окр. Сплѣтъ.
Gustignan, punta, см. Punta Gustignan.	

I.

Ichsichi, punta, см. Punta Ichsichi.	
Idolo, scoglio, см. Scoglio Idolo.	
Ика — Ика.	Окр. Истрия.
Igrane — Играни.	Окр. Сплѣтъ.
Imperiale, forte, см. Forte Imperiale.	
Ingannatore, porto, см. Porto Ingannatore.	
Isola Abo — Абъ.	} Окр. Задаръ.
Isola Arbe — Рабъ.	
Isola Brioni — Брионъ.	Окр. Истрия.
Isola Brazza — Брацъ.	} Окр. Сплѣтъ.
Isola Busi — Буа.	
Isola Calamota — Колочепъ.	Окр. Дубровникъ.
Isola Capri — Каприя.	Окр. Задаръ.
Isola Cazza — Кача.	} Окр. Сплѣтъ.
Isola Cazziola — Чопиште.	
Isola Cherso — Чрѣсъ.	Военная Граница.

Isola S. Clemente — Свети Клете.
 Isola Curbabella — Курбавеля.
 Isola Curzola — Корчула.
 Isola Eso — Ижъ.
 Isola — Отокъ.
 Isola Giupana — Щипанъ.
 Isola Isto — Йстъ.
 Isola Jaklin — Яклянъ.
 Isola Kakan — Каканъ.
 Isola Kerknata — Кркната.
 Isola Labdara — Лабдара.
 Isola di Lesina — Хваръ.
 Isola di Lissa — Висъ.
 Isola de Lossini — Лошинъ.
 Isola Lunga — Лука.
 Isola Lunga o Grossa — Лука.
 Isola Maon — Маонъ.
 Isola Lagosta — Ластово.
 Isola di Meleda — Млѣтъ.
 Isola di Melada — Мулатъ.
 Isola di Mezzo — Лопудъ.
 Isola Morter — Мортъръ.
 Isola Pago — Пагъ.
 Isola Premuda — Премуда.
 Isola Puntadura — Виръ.
 Isola Rava — Рава.
 Isola Rivagn — Риванъ.
 Isola Scarda — Скарда.
 Isola Scardizza — Скардица.
 Isola Sant'Andrea — Свети Андрия.
 Isola Selve — Жельва.
 Isola Smajan — Змаянъ.
 Isola Sansego — Сансегъ.
 Isola Solta — Шолта.
 Isola Spalmadore — Шкон Фарски.
 Isola Sestrun — Сеструнъ.

Окр. Сплѣтъ.
 Окр. Задаръ.
 Окр. Дубровникъ.
 Окр. Задаръ.
 Окр. Истрия.
 } Окр. Дубровникъ.
 } Окр. Задаръ.
 } Окр. Сплѣтъ.
 } Окр. Задаръ.
 } Окр. Дубровникъ.
 } Окр. Задаръ.
 } Окр. Сплѣтъ.
 } Окр. Задаръ.
 } Окр. Сплѣтъ.
 } Окр. Задаръ.

Isola Sverinaz — Звериняцъ.	Остр. Задаръ.
Isola Torcola — Шчедрово.	Окр. Сплѣтъ.
Isola Ugliano — Улянъ.	}
Isola Ulbo — Олбъ.	
Isola Veglia — Кркъ.	
Isola Vergada — Вѣгада.	
Isola Zlarina — Зларинъ.	
Isola Unie — Униѣ.	}
Isola Zirona grande — Вѣльи Зларинъ.	
Isola Zirona piccola — Малай Зларинъ.	
Isola Zit — Ытъ.	
Isola Zuri — Зуръ.	
Isola Zut — Зутъ.	}
Isonzo, fiume, см. Fiume Isonzo.	
Ista — Исто.	
Ivancia, valle, см. Valle Ivancia.	Окр. Задаръ.

Ж.

Jablanaz, punta, см. Punta Jablanaz.	
Jachisnizza, valle, см. Valle Jachisnizza.	
Jaklian, isola, см. Isola Jaklian.	
Janina, valle e Porto, см. Valle e Porto di Janina.	
Jarta, scoglio, см. Scoglio Jarta.	
Jasich — Язичъ.	Окр. Задаръ.
Jasine, porto di, см. Porto di Jasine.	
Jelenizza, valle, см. Valle Jelenizza.	
Jeschova, valle di, см. Valle di Jeschova.	
Jesenizza — Есенице.	Окр. Сплѣтъ.

К.

Kablin, valle di, см. Valle di Kablin.	
Kakan, isola, см. Isola Kakan.	
Kamenisciakow, scoglio, см. Scoglio Kamenisciakow.	
Karin, mare di, см. Mare di Karin.	
Karin, stretto di, см. Stretto di Karin.	

Kartoli — Кртоли.
 Kenirat, punta, см. Punta Kenirat.
 Kerka, fiume, см. Fiume Kerka.
 Kerknata, isola, см. Isola Kerknata.
 Klada — Клада.
 Klek, valle di, см. Valle di Klek.
 Kliasova — Клясова.
 Klib, scoglio, см. Scoglio Klib.
 Klokun, valle di, см. Valle di Klokun.
 Knesa, scoglio, см. Scoglio Knesa.
 Kobare — Кобаре.
 Kobila, punta, см. Punta Kobila.
 Kobrava, scoglio, см. Scoglio Kobrava.
 Konik, scoglio, см. Scoglio Konik.
 Kombar — Кумбуръ.
 Kostrena — Кострена.
 Kruschizza, valle, см. Valle Kruschizza.
 Kuklizza — Куклица.
 Kuklizza, porto di, см. Porto di Kuklizza.
 Kurisnizza, futine di, см. Futine di Kurisnizza.
 Kovaja — Ковая.

Окр. Которъ.

Военная Граница.

Окр. Дубровникъ.

Полуостр. Пелѣшацъ.

Окр. Которъ.

Хорватія.

Остр. Улянъ.

Албанія.

L.

La Boticella — Бачвице.
 Labdara, isola, см. Isola Labdara.
 Lacroma, scoglio, см. Scoglio Lacroma.
 Ladra, valle, см. Valle Ladra.
 Lagagn, scoglio, см. Scoglio Lagagn.
 Lagostini, scogli, см. Scogli Lagostini.
 Lago di Bocagnazzo — Боканяцъ.
 Lago Morigne — Моринье.
 Lago Proklian — Проклянъ.
 Lago di Scutari — Скадаръ.
 Lago di Vrana — Врана.
 Lago di Vrana — Врана.

Окр. Задаръ.

} Окр. Задаръ.

Албанія.

Окр. Задаръ.

Остр. Цресъ.

- Lago grande, porto di, см. Porto di Lago grande.
- Lago piccolo, porto di, см. Porto di Lago piccolo.
- Lagosta — Ластово. Остр. Ластово.
- Lagosta, isola, см. Isola Lagosta.
- Lamane, valle di, см. Valle di Lamane.
- Lapad — Лападъ. Окр. Дубровникъ.
- Lasariza, valle, см. Valle Lasariza.
- La Rocca — Рока. Окр. Задаръ.
- Lasiza — Ласица. Окр. Дубровникъ.
- Lastövska, punta, см. Punta Lastovska.
- Lavina, valle, см. Valle Lavina.
- Lavze, scoglio, см. Scoglio Lavze.
- Lazaretto — Лазаретъ. Окр. Истрія
- Leandra, punta, см. Punta Leandra.
- Le due sorelle — Сестрице. Окр. Дубровникъ.
- Le due sorelle — Дви сестрице. Окр. Задаръ.
- Lemo — Лемъ. Окр. Истрія.
- Lenga, punta, см. Punta Lenga.
- Lenga, punta, см. Punta Lenga.
- Lepetano — Лепетани. Окр. Которъ.
- Lesina — Хваръ. Остр. Хваръ.
- Lesina, isola, см. Isola Lesina.
- Levante, secca di, см. Secca di Levante.
- Levernaka, scoglio, см. Scoglio Levernaka.
- Levrera, scoglio, см. Scoglio Levrera.
- Lipzi — Липци. Окр. Которъ.
- Lissa — Висъ. Остр. Висъ.
- Lissa, isola, см. Isola Lissa.
- Locorano — Лукоранъ. Окр. Сплѣтъ.
- Loni, punta, см. Punta Loni.
- Lopara — Лопаръ. Остр. Пагъ.
- Lossin grande — Вельи Лошинъ.
- Lossin piccolo — Малыи Лошинъ.
- Lossini, isola, см. Isola Lossini.
- Lovo, punta, см. Punta Lovo.

Lovrana — Ловрана.

Luche, valle, см. Valle di Luche.

Lucina, porto, см. Porto Lucina.

Lucietta, scoglio, см. Scoglio Lucietta.

Lucietta, secca, см. Secca Lucietta.

Lucize, porto, см. Porto Lucize.

Luka — Лука.

Luka, valle, см. Valle Luka.

Luka, valle, см. Valle Luka.

Luka, porto, см. Porto Luka.

Luka, porto, см. Porto Luka.

Lukovo, porto, см. Porto Lukovo.

Lukovo, porto, см. Porto Lukovo.

Lukovaz, scoglio, см. Scoglio Lukovaz.

Lund, secca, см. Secca Lund.

Lunga, punta, см. Punta Lunga.

Lunga, punta, см. Punta Lunga.

Lungo, porto, см. Porto Lungo.

Lungo, porto, см. Porto Lungo.

Lunga, isola, см. Isola Lunga.

Lunga o Grossa, isola, см. Isola Lunga o Grossa.

Lustiza, monte, см. Monte Lustiza.

Lutestraz, scoglio, см. Scoglio Lutestraz.

Luzmarfnach, scoglio, см. Scoglio Luzmarinach.

Окр. Истрия.

Окр. Дубровникъ.

М.

Macarsca — Макарска.

Macarsca, porto, см. Porto Macarsca.

Macocina, porto, см. Porto Macocina.

Madonna — Госпа.

Madonna, porto, см. Porto Madonna.

Magazzino, porto, см. Porto Magazzino.

Magrisina, scoglio, см. Scoglio Magrisina.

Maini — Майни.

Maisan, scoglio, см. Scoglio Maisan.

Makaraz, porto, см. Porto Makaraz.

Окр. Сплѣтъ.

Остр. Хваръ.

Окр. Которъ.

Maladrage, valle, см. Valle Maladrage.	
Malaluka, porto, см. Porto Malaluka.	
Malimandre, valle, см. Valle Malimandre.	
Malinska — Малинска.	Остр. Крѣъ.
Malfi, porto, см. Porto Malfi.	
Malivosce — Мали-возъ	Окр. Дубровникъ.
Malta, porto, см. Porto Malta.	
Mamarano — Мамаранъ.	
Mana, scoglio, см. Scoglio Mana.	
Manego, porto, см. Porto Manego.	
Manera, porto, см. Porto Manera.	
Manestar — Манестаръ.	Хорватія.
Mandoler, porto, см. Porto Mandoler.	
Manfrin, stabilimento di, см. Stabilimento di Manfrin.	
Maon, isola, см. Isola Maon.	
Marciara, isola, см. Isola Marciara.	
Marcana, scoglio, см. Scoglio Marcana.	
Mare di Karin — Море Каринско.	{ Окр. Задаръ.
Mare di Novigradi — Новиградъ.	
Maricchio, porto, см. Porto Maricchio.	
Marincovaz, scoglio, см. Scoglio Marincovaz.	
Marlognaco, scoglio, см. Scoglio Marlognaco.	
Marnik, scoglio, см. Scoglio Marnik.	
Martinschiza, porto, см. Porto Martinschiza.	
Martinschizza, porto, см. Porto Martinschizza.	
Martinska, porto, см. Porto Martinska.	
Martognach, scoglio, см. Scoglio Martognach.	
Marusic — Марушићъ.	Окр. Сплѣтъ.
Marziculet, valle, см. Valle Marziculet.	
Masliniva, valle, см. Valle Masliniva.	
Maso — Мазъ.	Окр. Истрія.
Massurina, scoglio, см. Scoglio Massurina.	
Mataglie — Матаљи.	Хорватія.
Mavrizza — Маврица.	Остр. Брачъ.
Mazoria — Мазоръ.	Окр. Истрія.

Medolino — Медолинъ.

Megline — Мелине.

Melada — Мулатъ.

Melada, isola, см. Isola Melada.

Meleda, isola, см. Isola Meleda.

Meli, val, см. Val Meli.

Melino, valle, см. Valle Melino.

Mellini, valle di, см. Valle di Mellini.

Menticchio — Ментихи.

Mercize, punta, см. Punta Mercize.

Mesagn, scoglio, см. Scoglio Mesagn.

Metcovich — Метковићи.

Mezzo, isola di, см. Isola di Mezzo.

Micovizza — Миковица.

Milna — Милна.

Mirce — Мирче.

Mischiach, scogli, см. Scogli Mischiach.

Misgnach, scogli, см. Scogli Misgnach.

Mocosea — Мокошица.

Moschenize — Мошенице.

Molontá grande, porto di, см. Porto di Molontá grande.

Molontá piccola, porto di, см. Porto di Molontá piccola.

Monte Boraja — Борая.

Monte Borak — Борахъ.

Monte Braceverdo — Брачевобрдо.

Monte Czarovich — Царевихъ.

Monte Cassone — Кашунъ.

Monte Chelm — Келмъ.

Monte Cis — Чисъ.

Monte Desvigli — Десевилие.

Monte Drenova — Дренова.

Monte Duboviza — Дубовица.

Monte Dubrovaska — Дубровашка.

Monte Gernağora — Црнагора.

Окр. Которъ.

Остр. Мулатъ.

Окр. Истрия.

Окр. Сплѣтъ.

Остр. Зуръ.

Остр. Брачъ.

Окр. Дубровникъ.

Окр. Истрия.

Окр. Сплѣтъ.

Окр. Дубровникъ.

Полуостр. Пелѣшакъ.

Окр. Которъ.

Остр. Цресъ.

Окр. Которъ.

Хорватія.

Окр. Которъ.

Остр. Корчула.

Окр. Задаръ.

Monte Golis — Голишъ.	Окр. Которъ.
Monte Gradina — Градина.	Окр. Истрія.
Monte Grado — Градъ.	Остр. Млѣтъ.
Monte Hum — Умацъ.	Остр. Висъ.
Monte Lustiza — Люштица.	Окр. Которъ.
Monte della Madonna — Госпићъ.	Окр. Истрія.
Monte Marian — Марянъ.	Окр. Сплѣтъ.
Monte Montorogo — Монтеруга.	Окр. Дубровникъ.
Monte Mossor — Мосоръ.	Окр. Сплѣтъ.
Monte d'Ossero — Осеръ.	Окр. Задаръ.
Monte d'Ostrigne — Остриніе.	Окр. Истрія.
Monte Plana — Плана.	Остр. Хваръ.
Monte Sniegznizza — Снѣжница.	Окр. Дубровникъ.
Monte S. Elia — Свети Илія.	Окр. Сплѣтъ.
Monte Sant'Elia — Илійно-брдо.	Окр. Дубровникъ.
Monte San Giorgio — Юрьево-брдо.	Остр. Церцъ.
Monte San Giorgio — Ћурђево-брдо.	Остр. Ластово.
Monte S. Nicoló — Свети Никола.	Остр. Хваръ.
Monte S. Salvatore — Спасово-брдо.	Окр. Которъ.
Monte S. Vito — Сутвидъ.	Остр. Рабъ.
Monte Sella — Ловћенъ.	Окр. Которъ.
Monte Strasischie — Стражище.	Окр. Дубровникъ.
Monte Straza — Стража.	Остр. Шолта.
Monte Sustvid — Сутвидъ.	Окр. Сплѣтъ.
Monte Timor — Тморъ.	Окр. Дубровникъ.
Monte Trebiansiz — Требианчићъ.	Остр. Пресъ.
Monte Triskavaz — Трискавацъ.	Остр. Кркъ.
Monte Ullaco — Улакъ.	Окр. Сплѣтъ.
Monte Veglia — Веля.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Monte Velagora — Велягора.	Окр. Которъ.
Monte Velebich — Велебихъ.	Военная Граница.
Monte delle Vipere — Свети Илія, или Випера.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Monte Vlasca — Влашка.	Окр. Сплѣтъ.
Monte S. Vito — Видно.	Остр. Брачъ.
Monte Vermatz — Врмацъ.	Окр. Которъ.

Monte Vratnien — Вратникъ.
 Monte Vrezero — Вречево.
 Monte Movar — Муваръ.
 Monte Zercerberdo — Зечево-брдо.
 Morigne — Моринье.
 Morigne, lado di, см. Lado di Morigne.
 Morina, scoglio, см. Scoglio Morina.
 Morovnik, scoglio, см. Scoglio Morovnik.
 Morovnich, secca, см. Secca Morovnich.
 Morter, isola, см. Isola Morter.
 Mravnizza — Мравница.
 Mucchiana, torre, см. Torre Mucchiana.
 Muja — Муя.
 Muja, vecchia — Муя, старая
 Mula — Муо.
 Muli, scoglio, см. Scoglio Muli.
 Mulo, scoglio, см. Scoglio Mulo.
 Mutovaz, valle, см. Valle Mutovaz.

Окр. Дубровникъ.
 Окр. Задаръ.
 Окр. Сплѣтъ.
 Остр. Корчула.
 Окр. Которъ.

Окр. Дубровникъ.

{ Окр. Истрія.

Окр. Которъ

N.

Narenta, fiume, см. Fiume Narenta.
 Nastrascia — Настражинѣи.
 Neresi — Нережишѣи.
 Neresine — Нережини.
 Nona — Нинъ.
 Nona, valle di, см. Valle di Nona.
 Norin, torre di, см. Torre di Norin.
 Nodre, scoglio, см. Scoglio Nodre.
 Novaglia nuova — Новаля нова.
 Novaglia vecchia — Новаля стара.
 Novi — Нови.
 Novigliane — Новлини.
 Novigradi, mare di, см. Mare di Novigradi.
 Novigradi — Новиградъ.

Остр. Хваръ.
 Остр. Брачъ.
 Остр. Лошинъ.
 Окр. Задаръ.

Остр. Пагъ.
 Остр. Пагъ.
 Хорватія.
 Окр. Задаръ.
 Окр. Задаръ.

О.

Oblica — Облиза.

Obognano — Обогнянъ.

Obrovazzo — Обровацъ.

Obud — Ободъ.

Obun, scoglio, см. Scoglio Obun.

Obrucian, scoglio, см. Scoglio Obrucian.

Ochiuch, scoglio, см. Scoglio Ochiuch.

Okruch — Округъ.

Okrucho — Округъ.

Ogliran, scoglio, см. Scoglio Ogliran.

Olebach, scoglio, см. Scoglio Olebach.

Olipa, scoglio, см. Scoglio Olipa.

Oliveto, porto, см. Porto Oliveto.

Oliveto, porto, см. Porto Oliveto.

Olok, monte, см. Monte Olok.

Olmi, punta di, см. Punta d'Olmi.

Olmo piccolo, porto, см. Porto Olmo piccolo.

Olmo grande, porto, см. Porto Olmo grande.

Oltra — Прѣко.

Omago — Омажъ.

Omago, porto di, см. Porto d'Omago.

Omago, porto di, см. Porto d'Omago.

Ombla, valle di, см. Valle d'Ombla.

Opat, porto di, см. Porto d'Opat.

Opschina — Опщина.

Orabova — Ораховацъ.

Orebicio — Оребичъ.

Ornile, scoglio, см. Scoglio Ornile.

Orud, scoglio, см. Scoglio Orud.

Osero — Осоръ.

Ossero, punta, см. Punto d'Ossero.

Ossera, — Осоръ.

Ossero, monte, см. Monte Ossero.

Ossero, canale di, см. Canale d'Ossero.

Ossit, punta di, см. Punta d'Ossit.

Албанія.

{ Окр. Задаръ.

Окр. Дубровникъ.

{ Окр. Сплѣтъ.

{ Окр. Истрія.

Окр. Истрія.

Окр. Боторъ.

Полуостр. Пелѣшачъ

Остр. Цресъ.

Окр. Истрія.

Ossuri, scoglio, см. Scoglio Ossuri.
Ostrigne, monte, см. Monte Ostrigne.
Otrigradizza, scogli, см. Scogli Otrigradizza.

Р.

Raesciani — Пакошѣня.
Pago — Пагъ.
Pago, isola, см. Isola Pago.
Palá, scoglio, см. Scoglio Palá.
Palazzo, porto, см. Porto Palazzo.
Palermo, porto, см. Porto Palermo.
Palma, punta, см. Punta Palma.
Palludi, valle di, см. Valle di Palludi.
Panitole, scoglio, см. Scoglio Panitole.
Panzano, porto, см. Porto Panzano.
Panzana, secca, см. Secca Panzana.
Paranze — Паранци.
Paranzo — Поречъ.
Parga, punta, см. Punta Parga.
Parura, scoglio, см. Scoglio Porura.
Parvicchio, scoglio, см. Scoglio Parvicchio.
Pasman — Пашманъ.
Pasman, isola, см. Isola Pasman.
Pasman, stretto di, см. Stretto di Pasman.
Passo, porto, см. Porto Passo.
Patehio, porto, см. Porto Patehio.
Pazal, valle, см. Valle Pazal.
Pedoccio, porto, см. Porto Pedoccio.
Pelegrino, porto, см. Porto Pelegrino.
Peles, porto, см. Porto Peles.
Pelinovich, valle, см. Valle Pelinovich.
Pendja, punta, см. Punta Pendja.
Penisola di Sabiancello, — Пелѣшанъ.
Perasto — Перастъ.
Persagn, scoglio, см. Scoglio Persagn.
Pernata, punta, см. Punta Pernata.

Окр. Задаръ.
Остр. Пагъ.

Окр. Задаръ.
Окр. Истрия.

Остр. Пашманъ.

Окр. Которъ.

Pero — Перъ.	Окр. Истрія.
Percevaz, scoglio, см. Scoglio Percevaz.	
Persgnach, scoglio, см. Scoglio Persgnach.	
Persagno — Прчажъ.	{ Окр. Которъ.
Persna — Пржево.	
Peschiera, scoglio, — Scoglio Peschiera.	
Peterzani — Петрићани.	Окр. Задаръ.
Pettini — Гребени.	Окр. Дубровникъ.
Pettini, porto, см. Porto Pettini.	
Petrina, porto, см. Porto Petrina.	
Petrova — Петрова.	Окр. Истрія.
Petrovaz, scoglio, см. Scoglio Petrovaz.	
Pirano — Пиранъ.	Окр. Истрія.
Plana, monte, см. Monte Plana.	
Planca, punta della, см. Punta della Planca.	
Planche, Capo delle, см. Capo delle Planche.	
Planchetta — Плоцаде.	Остр. Хваръ.
Planich, scoglio, см. Scoglio Planich.	
Planirad, porta, см. Porta Planirad.	
Platamone, punta, см. Punta Platamone.	
Plaunich scoglio, см. Scoglio Plaunich.	
Ploce, val di, см. Val di Ploce.	
Ploccia, porto, см. Porto Ploccia.	
Plocize — Плочице.	Окр. Дубровникъ.
Pociscie — Пучишће.	Остр. Брачъ.
Poclib, porto, см. Porto Poclib.	
Pocognidol, scoglio, см. Scoglio Pocognidol.	
Pogliana nuova — Поляна нова.	{ Остр. Пагъ.
Pogliana vecchia — Поляна стара.	
Poglie — Полъ.	Окр. Задаръ.
Poglizza — Полица.	Окр. Сплѣтъ.
Poglize — Полице.	Окр. Дубровникъ.
Pola — Пуль.	Окр. Истрія.
Pola, porto di. см. Porto di Pola.	
Poluga, punta, см. Punta Poluga.	
Pomer — Померъ.	Окр. Истрія.

Pomo, scoglio, см. Scoglio Pomo.	
Ponte — Мостъ.	Остр. Кркъ.
Poprecizze, valle di, см. Valle di Poprecizze.	
Porer, scoglio, см. Scoglio Porer.	
Porta Planirad — Планиратъ	Остр. Хваръ.
Porto Albezoni — Албезонъ.	Окр. Истрія.
Porto Sant' Antonio — Свети Антонъ.	Остр. Жельва.
Porto Sant' Antonio — Св. Антонъ.	Остр. Пашманъ.
Porto Artich — Хртићъ.	Окр. Задаръ.
Porto Bagna — Баня.	
Porto Baldarin — Балдаринъ.	} Остр. Цресъ.
Porto Bokal — Бокалъ.	
Porto Borolognac — Боролоняцъ.	Остр. Ижъ.
Porto Bossolo — Босулъ.	Окр. Истрія.
Porto Brazzol — Брацолъ.	Остр. Кркъ.
Porto Brestenovaz — Брестеновацъ.	Окр. Истрія.
Porto di Badua — Будва.	Окр. Которъ.
Porto Busi — Буа.	Окр. Сплѣтъ.
Porto Caino — Каинъ.	Окр. Задаръ.
Porto Camera — Камера.	Остр. Млѣтъ.
Porto di Capo Cesto — Примоштень.	Окр. Задаръ.
Porto Carboni — Карбуни.	Остр. Корчула.
Porto di Carlomagno — Карлобагъ.	Окр. Задаръ.
Porto Carober — Кароберъ.	Остр. Висъ.
Porto Carober — Рогачи.	Остр. Шолта.
Porto Cassion — Касионъ.	Остр. Кркъ.
Porto Cervera — Чрвера.	Окр. Истрія.
Porto di Cherso — Чресъ.	Остр. Цресъ.
Porto di Chiave — Ключи.	Остр. Ластва.
Porto Chiave — Ключи.	Остр. Хваръ.
Porto Chiave — Чаве.	Остр. Пашманъ.
Porto Chiave — Ключъ.	Остр. Висъ.
Porto Chiatz — Чатъ.	Остр. Кркъ.
Porto Cigale — Чигалъ.	Остр. Лошинъ.
Porto Cisto — Чисто.	Остр. Пагъ.
Porto Cobi — Коби	Остр. Цресъ.

Porto Colerat—Коловратъ.	{ Остр. Цресь.
Porto di Comisa—Комижа.	
Porto Coperto—Покривеникъ.	Остр. Хваръ.
Porto Coromazna—Коромазна.	Остр. Цресь.
Porto Coromazna—Коромачна.	{ Остр. Хваръ.
Porto Cosia—Козия.	
Porto Costina—Костина.	Остр. Жельва.
Porto Creul—Креуль.	Остр. Премуда.
Porto S. Cristoforo—Св. Христофоръ.	Остр. Рабъ.
Porto Croce—Крижица.	Остр. Млѣтъ.
Porto di Cuje—Кује.	Остр. Истрія.
Porto Deda—Деда.	Остр. Пагъ.
Porto del Castello—Каштео.	Окр. Истрія.
Porto Domboc—Домбокъ.	Остр. Лука.
Porto di Duba—Дуба.	Окр. Истрія.
Porto di Eso—Ижъ.	Остр. Ижъ.
Porto S. Eufemia—Св. Фема.	Остр. Улянъ.
Porto e Scoglio Santa Eufemia—Св. Фема.	Окр. Сплѣтъ.
Porto Farasina—Фаражина.	{ Окр. Истрія.
Porto di Fianona—Фланона.	
Porto Figliaccia—Хиляча.	Окр. Задаръ.
Porto Finocchio—Финоћъ.	Остр. Зуръ.
Porto Fogon—Фогунъ.	Остр. Уніе.
Porto S. Fosca—Св. Фоска.	Остр. Кркъ.
Porto Gedmak—Гедмакъ.	Окр. Сплѣтъ.
Porto Gianni—Яна.	Остр. Кркъ.
Porto San Giorgio—Свети Юрай.	Остр. Висъ.
Porto San Giorgio—Св. Юрай.	Военная Граница.
Porto San Giorgio—Св. Юрай.	Остр. Кркъ.
Porto San Giovanni—Св. Иванъ.	Остр. Корчула.
Porto San Giuseppe—Св. Осипъ.	Остр. Брачъ.
Porto e Valle Gradaz—Градацъ.	Остр. Висъ.
Porto Glavina—Главина.	Остр. Кркъ.
Porto Gnivizze—Нивице.	Остр. Лошинъ.
Porto Grande—Вели Поратъ.	Остр. Шchedрово.
Porto San Gregorio—Св. Гргуръ.	Окр. Истрія.

Porto Ingannatore — Гонутурѣа.
 Porto Isto — Исто.
 Porto e Valle Janina — Янина.
 Porto Jasine — Язине.
 Porto di Kuklizza — Кузлица.
 Porto Lago grande — Вели Лагъ.
 Porto Lago piccolo — Мали Лагъ.
 Porto Lovo — Ловъ.
 Porto Lovrana — Ловрана.
 Porto Lucina — Лучина.
 Porto Lucize — Лучице.
 Porto Luka — Лука.
 Porto Luka — Лука.
 Porto Lukovo — Луково.
 Porto Lukovo — Луково.
 Porto Lukovo — Луково.
 Porto Lungo — Лука.
 Porto Lungo — Лука.
 Porto Lungo — Лука.
 Porto di Lustiza — Люштица.
 Porto di Macarsca — Макарска.
 Porto Macocina — Макочина.
 Porto Madonna — Под Госпу.
 Porto Magazzino — Лучина.
 Porto Makaraz — Макарацъ.
 Porto Maloluka — Малолука.
 Porto Malinska — Малинска.
 Porto Malfi — Затонъ.
 Porto Malta — Малта.
 Porto Manego — Рукавацъ.
 Porto Manera — Сикирача.
 Porto Mandoler — Баямово.
 Porto Manzo — Манзо.
 Porto S. Margherita — Св. Маргарита.
 Porto S. Marino — Св. Марянъ.
 Porto S. Martino — Св. Мартинъ.

Остр. Млѣтъ.
 Окр. Задаръ.
 Остр. Кркъ.
 Остр. Лука.
 Остр. Улянъ.
 } Остр. Ластово.
 Остр. Лошинъ.
 Окр. Истрія.
 Остр. Лука.
 Остр. Брачъ.
 Полуостр. Пелѣшацъ.
 Остр. Лука.
 Военная Граница.
 Остр. Цресъ.
 Окр. Задаръ.
 Окр. Истрія.
 Окр. Задаръ.
 Остр. Уніе.
 Окр. Которъ.
 Окр. Сплѣтъ.
 Остр. Рабъ.
 Остр. Шчедрово.
 Окр. Задаръ.
 Остр. Млѣтъ.
 } Остр. Кркъ.
 Окр. Дубровникъ.
 Окр. Задаръ.
 Остр. Висъ.
 } Окр. Сплѣтъ.
 Остр. Мулатъ.
 Остр. Рабъ.
 Окр. Истрія.
 Остр. Цресъ.

Porto S. Martino — Сумартинъ.	Остр. Брачъ.
Porto Maricchio — Мариѣи.	Окр. Истрія.
Porto Martinschiza — Мартиншѣица.	Хорватія.
Porto Martinschizza — Мартиншѣица	Остр. Цресъ.
Porto Martinska — Мартинска.	Остр. Хваръ.
Porto Cono di Meleda — Млѣтъ.	Остр. Млѣтъ.
Porto di Milná — Милна.	Остр. Брачъ.
Porto di Molonta grande — Малунатъ велики	} Окр. Дубровникъ.
Porto di Molonta piccola — Малунатъ мали.	
Porto di Novaglia nuova — Новаля нова.	Остр. Пагъ.
Porto S. Nicoló — Св. Никола.	} Окр. Задаръ.
Porto S. Nicoló — Свети Никола.	
Porto S. Nicoló — Св. Никола.	
Porto S. Nicoló — Св. Никола.	Остр. Олибъ.
Porto Palazzo — Полаче.	Остр. Млѣтъ.
Porto Palermo — Гарска.	Остр. Хваръ.
Porto Palma — Помена.	Остр. Млѣтъ.
Porto Panzano — Панцанъ.	} Окр. Истрія.
Porto S. Pavlo — Св. Павао.	
Porto Passo — Пашъ.	Хорватія.
Porto Patchio — Пачія.	Окр. Дубровникъ.
Porto Pedoccio — Лука.	Остр. Корчула.
Porto Pelegrino — Виръ.	Остр. Хваръ.
Porto Peles — Пелешъ.	Окр. Задаръ.
Porto Petrina — Петриня.	Остр. Кркъ.
Porto Ploccia — Плоча.	Окр. Сплѣтъ.
Porto S. Pietro di Nembo — Свети Пе- таръ од Немба.	Окр. Задаръ.
Porto di Pociscie — Пучишѣе.	Остр. Брачъ.
Porto di Poclib — Поклибъ.	Окр. Задаръ.
Porto di Pola — Пуль.	Окр. Истрія.
Porto di Premuda — Пармуда.	Окр. Задаръ.
Porto di Prilaka — Привлака.	Хорватія.
Porto Priluka — Трилука.	Окр. Истрія.
Porto Progiura — Прођура.	Остр. Млѣтъ.
Porto Rabaz — Рабацъ.	Окр. Истрія.

Porto Racischie — Рачинше.	Остр. Корчула.
Porto Rastova — Растова.	Остр. Висъ.
Porto Re — Кралѣвица.	Хорватія.
Porto di Rogosnizza — Рогозница.	Окр. Сплѣтъ.
Porto Rose — Руже.	Окр. Истрія.
Porto Rosso — Росиѣъ.	Остр. Шchedрово.
Porto Rosso — Чрнѣни.	Остр. Шолта.
Porto Rosso — Порто Росо.	Остр. Ластово.
Porto Ruda — Руда.	Остр. Висъ.
Porto Sablanova — Сапунара.	Остр. Млѣтъ.
Porto Oliveto — Маслиница.	Остр. Брачъ.
Porto Oliveto — Маслиница.	Остр. Шолта.
Porto Olmo grande — Веля Дубица.	} Окр. Истрія.
Porto Olmo piccola — Мала Дубица.	
Porto Omago — Омажъ.	Остр. Пагъ.
Porto Omago — Омажъ.	Окр. Задаръ.
Porto Opat — Опатъ.	Остр. Зуръ.
Porto Saracino — Сарачинска.	Остр. Виръ.
Porto e Valle Sarplicesa — Српличка.	} Окр. Задаръ.
Porto Schiavina — Шѣавина.	
Porto di Sebenico vecchio.—Шибеникъ старъ.	Военная Граница.
Porto di Segna — Сень.	Остр. Кркъ.
Porto Serschizza — Сршѣица.	Остр. Шолта.
Porto Sessola — Шешула.	Остр. Пагъ.
Porto Simone — Св. Шимунъ.	Окр. Цубровниѣъ.
Porto Slano — Слано.	Остр. Хваръ.
Porto Socolizza — Соколица.	Окр. Задаръ.
Porto Soline — Солине.	Остр. Шолта.
Porto Sordo — Глухо.	Остр. Хваръ.
Porto Spinizze — Спиница.	Окр. Истрія.
Porto di S. Stefano — Св. Степанъ.	Остр. Брачъ.
Porto di S. Stefano — Сустипанъ.	Остр. Шолта.
Porto Stomoska — Стомоска.	Остр. Зуръ.
Porto Stupiza — Ступица.	Остр. Ластово.
Porto Svegliegamora — Свелѣгамора.	Остр. Олибъ.
Porto Syb — Шибъ.	

Porto Tojer — Таѣръ.	Окр. Задаръ.
Porto Tavernelle — Тавернѣлъ.	Остр. Пагъ.
Porto Tertar — Тртаръ.	Окр. Истрія.
Porto Testenich — Тештениѣи.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Porto Tolero — Талиръ.	Окр. Сплѣтъ.
Porto Tonara — Тонара.	Окр. Задаръ.
Porto Torcolo — Торкулъ.	Остр. Креъ.
Porto Tre porti — Тре порти.	Остр. Корчула.
Porto di Ulbo — Олибъ.	Окр. Задаръ.
Porto d'Unie — Уніе.	Остр. Уніе.
Porto Vecchia — Стара.	} Остр. Креъ.
Porto di Veglia — Креъ.	
Porto Velibog — Вельи-богъ.	Остр. Хваръ.
Porto Verbosca — Врбойска.	} Окр. Истрія.
Porto e Scoglio di Veruda — Веруда.	
Porto Vestri — Вестри.	Остр. Хваръ.
Porto Vlasca — Влашка.	Окр. Дубровникъ.
Porto e Mont' Vratnien — Вратникъ.	Остр. Хваръ.
Porto Vucovo — Вуково.	Остр. Млѣтъ.
Porto Zaglava — Заглава.	Остр. Мулатъ.
Porto di Zapontello — Запунтелъ.	Остр. Олибъ.
Porto Zubine — Зубине.	Окр. Истрія.
Porto Zert — Зертъ.	Хорватія.
Porto Jurcovo — Зурково.	Остр. Зуръ.
Porto di Zyri — Зури.	Окр. Которъ.
Porto di Xaniza — Жанице.	Окр. Задаръ.
Possidarin — Пошидаринъ.	Остр. Брачъ.
Postire — Постаре.	Окр. Задаръ.
Postrana — Пострана.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Postuppa — Поступъ.	Остр. Брачъ.
Povie — Повіе.	
Povobosch, valle, см. Valle Povobosch.	
Prapratna, valle, см. Valle Prapratna.	
Prapratina, valle e Porto, см. Valle e Porto Prapratina.	
Prasna, valle, см. Valle Prasna.	

Predos chizza — Предомѣница.	Остр. Цресъ.
Pregradizza, valle, см. Valle Pregradizza.	
Premuda, isola, см. Isola Premuda.	
Preschiach, scoglio, см. Scoglio Preschiach.	
Pricodgna, valle, см. Valle Pricodgna.	
Prilaka, porto, см. Porto Prilaka.	
Prisna — Присна.	Окр. Задаръ.
Privlaca — Привлака.	Окр. Дубровникъ.
Proisde, scoglio, см. Scoglio Proisde.	
Proklian, lago di, см. Lago di Proklian.	
Prosecco — Просекъ.	Окр. Истрія.
Provicchio — Првићъ.	Окр. Задаръ.
Puntadura — Виръ.	Окр. Задаръ.
Puntadura, isola, см. Isola Puntadura.	
Punta Amica — Мика.	Окр. Задаръ.
Punta Sant'Andrea — Св. Андрија.	Окр. Дубровникъ.
Punta e Valle Sant'Antonio — Св. Антонъ.	Остр. Маонъ.
Punta di Antivari — Баръ.	Албанія.
Punta Balvareide — Балварейдъ.	Остр. Лошинъ.
Punta Barbariga — Барбаригъ.	} Окр. Истрія.
Punta Bassania — Басанићъ.	
Punta Bernazza — Брнаца.	
Punta S. Biaggio — Св. Блажъ.	Остр. Кркъ.
Punte Bianche — Белератъ.	Окр. Задаръ.
Punta Bianca — Била.	Остр. Лошинъ.
Punta Cabal — Кабалъ.	} Остр. Кркъ.
Punta Caldota — Калдонта.	
Punta Camenova — Каменова.	Окр. Которъ.
Punta Cobi — Коби.	Остр. Цресъ.
Punta Croce — Крижи.	Остр. Цресъ.
Punta Croce — Крижи.	Остр. Кркъ.
Punta del Dente — Зубацъ.	Окр. Истрія.
Punta Dogna — Доня.	Окр. Дубровникъ.
Punta Gatolo — Гатоло.	Остр. Буа.
Punta S. Giorgio — Суђурай.	Остр. Брачъ.
Punta S. Giorgio — Суђурацъ.	Окр. Сплѣтъ.

Punta S. Giorgio — Св. Юрай.	Остр. Ввсь.
Punta Gorgna — Горня.	Окр. Дубровникъ.
Punta Grignano — Гриванъ.	Окр. Истрія.
Punta Grossa — Веля.	Остр. Уніе.
Punta Grossa — Веля.	Окр. Истрія.
Punta Gruì — Груй.	Остр. Млѣтъ.
Punta Gustignan — Густинянъ.	Окр. Истрія.
Punta Garbagliava — Грблява.	Окр. Дубровникъ.
Punta Ichsichi — Икшичи.	Окр. Истрія.
Punta Kenirat — Кениратъ.	Остр. Корчула.
Punta di Klek — Клекъ.	Турецкая територія.
Punta Kobilà — Кобила.	Окр. Дубровникъ.
Punta Jablanaz — Ябланацъ.	Окр. Истрія.
Punta Lastovska — Ластовска.	Остр. Млѣтъ.
Punta Leandra — Леандра.	Окр. Дубровникъ.
Punta Lenga — Ленга.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Punta Lenga — Ленга.	Остр. Млѣтъ.
Punta Loni — Луъ.	Остр. Пагъ.
Punta S. Lorenzo — Св. Ловре.	Окр. Истрія.
Punta di Lossin piccolo — Лошинь мали.	Остр. Лошинь.
Punte Lukovo — Луново.	Остр. Цресъ.
Punta Lunga — Дуга.	Остр. Брачъ.
Punta Lunga — Лува.	Окр. Сплѣтъ.
Punta S. Martino — Св. Мартинъ.	Остр. Кркъ.
Punta Mercizze — Мрчица.	Окр. Дубровникъ.
Punta d'Olmì — Дубовина.	Окр. Истрія.
Punta Ossit — Осицацъ.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Punta d'Ossero — Осеръ.	Остр. Цресъ.
Punta d'Ostro — Оштра.	Окр. Которъ.
Punta Palma — Палма.	Остр. Млѣтъ.
Punta Parga — Парга.	Остр. Ижъ.
Punta Pendja — Пенджа.	Окр. Дубровникъ.
Punta Pernata — Пзната.	Остр. Цресъ.
Punta della Planca — Плоча.	Окр. Сплѣтъ.
Punta Platamone — Платамуны.	Окр. Которъ.
Punta Poluga — Полуга.	Окр. Дубровникъ.

Punta Remo — Весю.	Окр. Которъ.
Punta del Sallurell — Салурелъ.	Окр. Истрія.
Punta Scala — Скала.	Окр. Задаръ.
Punta Scillo — Шило.	Остр. Крѣъ.
Punta di Sdobba o foci d'Isonzo — Соча.	Окр. Истрія.
Punta Secca — Сика.	Остр. Цресъ.
Punta Sginbovax — Жуковацъ.	Окр. Которъ.
Punta Silla — Шила.	Остр. Рабъ.
Punta Slatina — Слатина.	Остр. Пагъ.
Punta Sottile — Танка.	Окр. Истрія.
Punta Sottile — Танка.	{ Остр. Олибъ.
Punta Stinuza — Штинуца.	
Punta Stupischi — Ступићи.	Остр. Висъ.
Punta Suora o mezza Meleda — Совра или Полъ Млѣта.	Остр. Млѣтъ
Punta Ubas — Убасъ.	Окр. Истрія.
Punta di Ulbo — Олибъ.	Остр. Олибъ.
Punta S. Maria — Госпа.	Остр. Крѣъ.
Punta Scocidievoica — Скочиђевоика.	Окр. Которъ.
Punta delle Vecchie — Стара.	Окр. Задаръ.
Punta Visnovizza — Вишньовица.	Остр. Цресъ.
Punta e Valle di Visnovizza — Вишньовица.	Окр. Сплѣтъ
Puttana grande, scoglio, см. Scoglio Puttana grande.	

В.

Rabaz, porto, см. Porto Rabaz.	
Racischie, porto, см. Porto Racischie.	
Rada d'Almissa — Омишъ.	Окр. Сплѣтъ.
Rada di Fiume — Рѣка.	Хорватія.
Rada di Pirano — Пиранъ.	{ Окр. Истрія.
Rada di Sassobianco — Билибригъ.	
Rada di Selve — Жельва.	Остр. Жельва.
Radocevo, valle, см. Valle Radocevo.	
Radeschichi — Радешићи.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Radovna, valle, см. Valle Radovna.	

Ragusa — Дубровникъ.	
Ragusa vecchia — Цавтатъ.	Окр. Дубровникъ.
Ralabne, scoglio, см. Scoglio Ralabne.	
Rasanze — Разанци.	Окр. Задаръ.
Rasanzi, scoglio, см. Scoglio Rasanzi.	
Rassip, scoglio, см. Scoglio Rassip.	
Rasocatezza, valle, см. Valle Rasocatezza.	
Rataz — Ратацъ.	Окр. Дубровникъ.
Ravajasco — Равајашко.	Окр. Задаръ.
Ravanich, scoglio, см. Scoglio Ravanich.	
Ravna, scoglio, см. Scoglio Ravna.	
Ravnasika, scoglio, см. Scoglio Ravnasika.	
Re, porto, см. Porto Re.	
Remo, punta, см. Punta Remo.	
Repai — Репай.	Окр. Которъ.
Ribgna, valle, см. Valle Ribgna.	
Ricina, fiume, см. Fiume Ricina.	
Risano — Рисанъ.	Окр. Которъ.
Risano, fiume, см. Fiume Risano.	
Rischizza — Ричица.	Окр. Дубровникъ.
Roberson, torre, см. Torre Roberson.	
Rocca, la, см. La Rocca.	
Rogosnizza, porto, см. Porto Rogosnizza.	
Rondoni, scoglio, см. Scoglio Rondoni.	
Rosalia, valle, см. Valle Rosalia.	
Rosario — Розаріо.	Полуостр. Пелъшацъ.
Roscie, scoglio, см. Scoglio Roscie.	
Rose — Розе.	Окр. Которъ.
Rose, porto, см. Porto Rose.	
Rosso, porto, см. Porto Rosso.	
Rosso, porto, см. Porto Rosso.	
Rosso, porto, см. Porto Rosso.	
Rosoka, valle, см. Valle Rosoka.	
Rosujat — Росуля.	Окр. Дубровникъ.
Rosoka, valle, см. Valle Rosoka.	
Rovigno — Ровинъ.	Окр. Истрія.

Rovine — Развалине.

Ruda, porto, см. Porto Ruda.

Rudda, scoglio, см. Scoglio Rudda.

Окр. Сплѣтъ.

S.

Sabioncello, penisola di, см. Penisola di Sabioncello.

Sablonova, porto, см. Porto Sablonova.

Sacaron, valle, см. Valle Sacaron.

Sale — Сале.

Остр. Лука.

Saline, valle, см. Valle Saline.

Salona — Солинъ.

Окр. Сплѣтъ.

Salona, fiume, см. Fiume Salona.

Salon — Затонъ.

Окр. Дубровникъ.

Sallurel, punta di, см. Punta di Sallurel.

Salvore — Салворъ.

Окр. Истрія.

Samarici — Самарићи.

Албанія.

Samograd, scoglio, см. Scoglio Samograd.

Sononscogli, scoglio, см. Scoglio Sanonscogli.

Sant'Andrea, scoglio, см. Scoglio Sant'Andrea.

Sant'Andrea — Св. Андриѧ.

Окр. Истрія.

Sant'Andrea — Св. Андриѧ.

Остр. Цресъ.

Sant'Andrea, isola, см. Isola Sant'Andrea.

Sant'Andrea, scoglio, см. Scoglio Sant'Andrea.

Sant'Anna — Св. Анна.

Окр. Дубровникъ.

Sant'Antonio, porto, см. Porto Sant'Antonio.

Sant'Antonio, punto e valle, см. Punta e Valle Sant'Antonio.

Sant'Antonio, porto, см. Porto Sant'Antonio.

Sant'Antonio — Св. Антонъ.

Sant'Antonio — Св. Антонъ.

Окр. Задаръ.

Sant'Antonio — Св. Антонъ.

Sant'Antonio — Св. Антунъ.

Окр. Истрія.

Sant'Antonio, scoglio, см. Scoglio Sant'Antonio.

Sant' Arcangelo, scoglio, см. Scoglio Sant'Arcangelo.

- Santa Brigida, scoglio, см. Scoglio Santa Brigida.
- San Casino — Св. Кажинъ. Остр. Брѣъ.
- San Cassano — Св. Капанъ. Окр. Задаръ.
- Santa Caterina, Scoglio, см. Scoglio Santa Catarina.
- San Clemente — Каменъ. Окр. Сплѣтъ.
- San Clemente, isola, см. Isola S. Clemente.
- San Cosimo — Св. Кузма. Остр. Брачъ.
- San Cosmo — Св. Кузма. Окр. Задаръ.
- San Cristoforo, porto, см. Porto S. Cristoforo.
- Santa Croce — Крижи. } Окр. Дубровникъ.
- Santa Domenica — Недѣля.
- Santa Domenica — Св. Неѣля. Окр. Которъ.
- Santa Ellena — Св. Елена. Военная Граница.
- Sant'Elia, monte, см. Monte Sant'Elia.
- Sant'Elia, monte, см. Monte Sant'Elia.
- Sant'Elia, valle, см. Valle Sant'Elia.
- Sant'Eufemia, porto, см. Porto Sant'Eufemia.
- Sant'Eufemia, porto e scoglio, см. Porto e Scoglio S. Eufemia.
- Sant'Eufemia, scoglio, см. Scoglio Sant'Eufemia.
- Sant'Eufemia, valle, см. Valle Sant'Eufemia.
- San Filippo e Giacomo — Св. Филипъ и Яковъ. Окр. Задаръ.
- Santa Fosca, porto, см. Porto Santa Fosca.
- San Giorgio, porto, см. Porto San Giorgio.
- San Giorgio, porto, см. Porto San Giorgio.
- San Giorgio, monte, см. Monte San Giorgio.
- San Giorgio, monte, см. Monte San Giorgio.
- San Giorgio, scoglio, см. Scoglio San Giorgio.
- San Giorgio — Суһурѣ. Остр. Хваръ.
- San Giorgio — Св. Юрай. Военная Граница.
- San Giorgio — Св. Юрай. Остр. Пагъ.
- San Giorgio — Суһураѣ. Окр. Дубровникъ.

- San Giovanni in Pelago, scogli, см. Scogli S. Giovanni in Pelago.
- San Giovanni — Св. Иванъ. Остр. Пагъ.
- San Giovanni — Светиванъ. Окр. Истрія.
- San Giovanni — Св. Иванъ. Окр. Задаръ.
- San Giovanni — Св. Иванъ. Окр. Истрія.
- San Giovanni — Сутиванъ. Остр. Брачъ.
- San Guiseppe, porto, см. Porto San Guiseppe.
- San Guiseppe — Св. Йозипъ. Хорватія.
- San Gregorio, scoglio, см. Scoglio San Gregorio.
- San Gregorio, porto, см. Porto San Gregorio.
- San Lorenzo — Св. Ловре. Окр. Истрія.
- San Marco, scoglio, см. Scoglio S. Marco.
- Santa Margharita, punta, см. Punta Santa Margharita.
- Santa Maria, punta, см. Punta Santa Maria.
- Santa Maria, porto, см. Porto Santa Maria.
- San Marino, porto, см. Porto San Marino.
- San Martino — Св. Мартинъ. Полуостр. Пелъшацъ.
- San Martino, porto, см. Porto San Martino.
- San Martino, porto, см. Porto S. Martino.
- San Martino, valle, см. Valle San Martino.
- San Martino — Св. Мартинъ. Остр. Пресъ.
- San Martino — Св. Мартинъ. Истрія.
- San Martino — Сумартинъ. Остр. Брачъ.
- San Michiele di Lemo — Св. Миховло одъ Окр. Истрія.
Лема.
- San Michiele — Св. Миховилъ. Остр. Улянъ.
- San Nicoló con torre — Св. Никола. Окр. Истрія.
- San Nicoló, porto, см. Porto San Nicoló.
- San Nicoló, porto, см. Porto San Nicoló.
- San Nicoló, scoglio, см. Scoglio San Nicoló.
- San Nicoló, — Св. Николай. Албанія.
- San Nicoló, porto, см. San Nicoló.
- San Nicoló, porto, см. San Nicoló.

San Nicoló, monte, см. Monte S. Nicoló.

San Nicolo, convento di, см. Convento di San Nicoló.

San Paolo, porto, см. Porto S. Paolo.

San Pietro di Nembo, — Св. Петаръ одъ Окр. Задаръ.
Немба.

San Pietro — Сунетаръ. Остр. Брачъ.

San Salvatore, monte, см. Monte S. Salvatore.

San Sergio — Св. Срђъ. Албанія.

San Steffano — Сустипанъ. Окр. Дубровникъ.

San Steffano, castello, см. Castello S. Steffano.

• San Steffano, porto, см. Porto S. Steffano.

San Steffano, porto, см. Porto S. Steffano.

San Steffano, monte, см. Monte S. Steffano.

San Vito, monte, см. Monte S. Vito.

San Teodoro — Св. Тодоръ. Албанія.

Sasso, valle, см. Valle Sasso.

Sassobianco, rada di, см. Rada di Sassobianco.

Saracino, porto, см. Porto Saracino.

Sarplicea, porto e valle, см. Porto e Valle Sarplicea.

Savro — Савро. Остр. Лука.

Scala, porto, см. Porto Scala.

Scardona — Скрадинъ. Окр. Задаръ.

Schiavina, porto, см. Porto Schiavina.

Scillo, punta, см. Punta Scillo.

Scillo, scoglio, см. Scoglio Scillo.

Scipanna, valle di, см. Valle di Scipanna.

Scirocca, valle di, см. Valle di Scirocca.

Scocidievoica, punta, см. Punta Scocidievoica.

Scoglio Abba — Аба. Окр. Задаръ.

Scoglio Alessandria — Алесандрія. Полуостр. Целъшацъ.

Scoglio Altese — Алтезъ. Окр. Истрія.

Scoglio Sant'Andrea — Св. Андрія. Окр. Сплѣтъ.

Scoglio Sant'Andrea — Св. Андрія. Окр. Дубровникъ.

Scoglio Sant'Antonio — Св. Антонъ. Военная Граница.

Scoglio Sant'Arcangelo — Арканђеловацъ.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Asinello — Магарацъ.	} Окр. Задаръ.
Scogli Bacili — Стубови.	
Scogli Bacili — Бачили.	Остр. Корчула.
Scoglio della Badia — Подъ Отокъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Bagotign — Баготинъ.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Bargnestrovaz — Бриѣстровадъ.	Остр. Млѣтъ.
Scoglio Bariaski — Баряски.	Остр. Висъ.
Scoglio Bielaz — Бѣлацъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Bilo — Вила.	Остр. Ижъ.
Scoglio Bissach — Бисахъ.	Остр. Корчула.
Scoglio Bissaga — Бисага.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Blatazza — Блатацъ.	Остр. Корчула.
Scoglio Borovnik — Боровникъ.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Brasgnack — Брашникъ.	
Scoglio S. Brigida — Св. Бригида.	Окр. Истрія.
Scoglio Brusnich — Брусникъ.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Budicovaz — Будиковацъ.	Остр. Висъ.
Scoglio Calugerá — Калуђеравацъ.	Остр. Улянъ.
Scogli Camignach — Каменякъ.	} Окр. Задаръ.
Scogli Canidole — Канидоли.	
Scoglio e Porto di Capo Cesto — Примостенъ.	} Окр. Истрія.
Scoglio S. Catarina — Св. Ката	
Scoglio Ciutin — Сутонъ.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Cocogliare — Коколяръ.	
Scoglio Cogn — Конъ.	} Окр. Истрія.
Scoglio Colludar — Колударъ.	
Scoglio Cantarara — Кантарара.	Окр. Задаръ.
Scoglio Corbanaz — Курбанацъ.	} Окр. Дубровникъ.
Scoglio Cossara — Кошара.	
Scoglio Cosvinizza — Чесвиница.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Covist — Ловиште.	
Scoglio Crucizza — Кручица.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Cudizza — Кудица.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Daxa — Дакса.	
Scoglio Dobrototch — Добротокъ.	

Scoglio Dolin — Долинъ.	
Scoglio Dolfin — Долфинъ.	
Scoglio Donzalla — Св. Андрия.	Окр. Задаръ.
Scoglio Drasumanschi — Драшумански.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Santa Domenica — Св. Неђѣля.	Окр. Задаръ.
Scoglio e valle Duga — Дуга.	Окр. Которъ.
Scoglio Erbosgnach — Ръбошнякъ.	Остр. Хваръ.
Scoglio Sant'Eufemia — Св. Фема.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Fenera — Фенѣра.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Figarola — Фягарола.	Окр. Истрія.
Scoglio Fucin — Фучинъ.	
Scoglio Gaglian — Гальянъ.	
Scoglio Galiola — Сика Галиола.	Окр. Задаръ.
Scoglio Gangarolo — Гангоролъ.	
Scoglio Germinach — Ерминакъ.	
Scoglio S. Giorgio — Св. Юрай.	
Scoglio di S. Gionanni in Pelago — Св. Иванъ у Пелагу.	Окр. Истрія.
Scoglio Glovat — Гловать.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Glavoch — Главошъ.	Остр. Пашманъ.
Scoglio Gnivizza — Нивица.	Окр. Истрія.
Scoglio Golo — Голо.	Окр. Истрія.
Scoglio Gomignach — Гуминякъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Graboviza — Грабовица.	
Scoglio S. Gregorio — Св. Гъргуръ.	Окр. Истрія.
Scoglio Gruizza — Груица.	
Scoglio Idolo — Идолъ.	
Scoglio Jarta — Ярта.	
Scoglio Kamenisciakovo — Каменишковъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Klib — Клибъ.	
Scoglio Knesa — Кнеза.	
Scoglio Kobrava — Кобрава.	Остр. Млѣтъ.
Scoglio Konik — Конникъ.	
Scoglio Kosiak — Кошакъ.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Lacroma — Локрунъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Lagagn — Лаганъ.	Окр. Задаръ.

Scoglio Lagostini — Ластовски.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Lavze — Лавча.	Окр. Задаръ.
Scoglio di Lemo o Lungo — Лемъ.	Окр. Истрія.
Scoglio Lavernaka — Левърняка.	Окр. Задаръ.
Scoglio Levvera — Зечиякъ.	Остр. Цресъ.
Scoglio Lucietta — Луція.	Окр. Задаръ.
Scoglio Lucovaz — Луковацъ.	Остр. Млѣтъ.
Scoglio Lutestraz — Лутештразъ.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Luzmarinach — Луцмаринякъ.	
Scoglio Magresina — Магрижина.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Maisan — Маисанъ.	Остр. Хваръ.
Scoglio Marincovaz — Маринковацъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Mana — Мана.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Marcana — Мрканъ.	Окр. Истрія.
Scoglio S. Marco — Св. Марко.	Окр. Задаръ.
Scoglio Marlognach — Марлонякъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Marnik — Марникъ.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Martognach — Мартонякъ.	
Scoglio Massirina — Масирина.	
Scoglio Messagn — Месанъ.	
Scoglio Mischiach — Мишякъ.	Окр. Истрія.
Scoglio Misgnach — Мишнякъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Morina — Морина.	Окр. Задаръ.
Scoglio Molonta — Молунатъ.	} Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Morovnich — Моровникъ.	
Scoglio Muli — Мулацъ.	Окр. Которъ.
Scoglio Mulo — Мулацъ.	Окр. Истрія.
Scoglio S. Nicoló — Св. Никола.	Остр. Зуръ.
Scoglio S. Nicoló con torre — Св. Никола.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Nodre — Ноздре.	
Scoglio Obun — Обунъ.	Остр. Млѣтъ.
Scoglio Obrucian — Обручанъ.	Остр. Хваръ.
Scoglio Ochiuch — Окручъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Ogiran — Огѣранъ.	
Scoglio Olebach — Улени бокъ.	
Scoglio Olipa — Олипъ.	

Scoglio Opus — Опузъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Ornile — Орнилъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Orud — Орудъ.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Ossuri — Осуръ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Otprigradizza — Приградица.	Остр. Корчула.
Scoglio Pala — Пала.	Окр. Истрія.
Scoglio Panitole — Панитулъ.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Paranze — Паранци.	
Scoglio Parura — Паруръ.	} Окр. Истрія.
Scoglio Parvicchio — Првићъ.	
Scoglio Peschiera — Пишкера.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Parcevaz — Прчевацъ.	
Scoglio Persagn — Прсанъ.	Остр. Висъ.
Scoglio Persgnach — Пршнякъ.	Остр. Корчула.
Scoglio Pettini — Гребени.	Окр. Задаръ.
Scoglio Pettini — Гребени.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Petrovaz — Петровацъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Plana — Плана.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Planicik — Планичикъ.	
Scoglio Plaunich — Плавнићъ.	Окр. Истрія.
Scoglio Pocognidol — Покойни-долъ.	Остр. Хваръ.
Scoglio Poçlib — Поçлибъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Pomo — Ябука.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Porer — Пореръ.	Окр. Истрія.
Scoglio Proizdo — Произдо.	Остр. Корчула.
Scoglio Preschiach — Пресіакъ.	Остр. Ластва.
Scoglio Puttana grande — Курба-веля.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Ralabne — Ралабанъ.	
Scoglio Rassip — Расипъ.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Rasanzi — Разанъци.	
Scoglio Ravanich — Раванићъ.	Остр. Висъ.
Scoglio Ravna — Равна.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Ravnasika — Равнасика.	
Scoglio Regata — Регата.	} Окр. Истрія.
Scoglio Roscie — Рошье.	
Scoglio Rondoni — Жаница.	Окр. Которъ.

Scoglio Ruda — Руда.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Samograd — Самоградъ.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Sanonscogli — Занани.	
Scoglio Sgrisagne — Сгрисанъ.	
Scoglio Scillo — Шило.	} Окр. Корчула.
Scoglio Smerduglia — Сирдуля.	
Scoglio Smirinovich — Смириновичъ.	
Scoglio Smoquizza — Смоквица.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Smoquizza — Смоквица.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Srignach — Сринякъ.	Остр. Корчула.
Scoglio Sissagn — Шисанъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Stradioti — Отокъ.	Окр. Которъ.
Scoglio Stipanska — Стипаньска.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Stolaz — Столацъ.	Остр. Рабъ.
Scoglio Stomorin — Стоморинъ.	} Окр. Дубровникъ.
Scoglio Taino — Тайни.	
Scoglio Tajer — Таеръ.	
Scoglio Temesgnach — Темишнякъ.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Terstenich — Трстеникъ.	
Scoglio Terstenich — Трстеникъ.	
Scoglio Trimole — Тримуля.	} Остр. Копиште.
Scoglio Ton — Тунъ.	
Scoglio Tetevisgnach — Тетевиньякъ.	
Scoglio Tovariak — Товарякъ.	Окр. Истрия.
Scoglio Vitelli — Телећево.	} Окр. Задаръ.
Scoglio Zecia — Зечія.	
Scoglio Zeciovo — Зечево.	
Scoglio Zicovza — Зиковацъ.	Остр. Висъ.
Scutari — Скадаръ.	Военная Граница.
Sdralova valle, см. Valle Sdralova.	Остр. Хваръ.
Sirelaz — Ждрелацъ.	Окр. Задаръ.
Sebenico — Шибеникъ.	Албанія.
Sebenico vecchio, porto di. см. Porto di Sebenico vecchio.	Остр. Пашманъ.
Secca, punta см. Punta Secca.	Окр. Задаръ.
Secca Albanassi — Арбанася.	Окр. Которъ.

Secca Buot — Буотъ.	
Secca S. Caterina — Св. Ката.	} Окр. Истрія.
Secca Cubula — Кубула.	
Secca Grille — Гриль.	
Secca Kerka — Крка.	Окр. Истрія.
Secca di Levante — Од Истока.	} Окр. Задаръ.
Secca Lucietta — Луція.	
Secca Lund — Лунда.	Окр. Сплѣтъ.
Secca dei Marmi d'Ossera — Осеръ.	Окр. Истрія.
Secca Morovnich — Моровниѣ.	Окр. Задаръ.
Secca di Panzano — Панцанъ.	} Окр. Истрія.
Secca delle Pitte — Пите.	
Secca di Selve — Жельва.	Остр. Жельва.
Secca di Sipar — Шипаръ.	} Остр. Истрія.
Secca di Val — Валь.	
Seghetto — Сегетъ.	Окр. Сплѣтъ.
Segna — Сень.	Военная Граница.
Sella, monte, см. Monte Sella.	
Selve, isola, см. Isola di Selve.	
Selve, secca di, см. Secca di Selve.	
Selza — Селца.	Хорватія.
Serochizza, porto, см. Porto Serochizza.	
Sgrisagne, scoglio, см. Scoglio Sgrissagne.	
Silla, punta, см. Punta Silla.	
Sipar, secca di, см. Secca di Sipar.	
Sissagn, scoglio, см. Scoglio Sissagn.	
Sissano — Шишанъ.	Окр. Истрія.
Slana, valle, см. Valle Slana.	
Slana, porto, см. Porto Slana.	
Slano — Слано.	Окр. Дубровникъ.
Slatina — Слатина.	Окр. Сплѣтъ.
Slatina, valle e porto, см. Valle Slatina.	
Slobena, valle, см. Valle Slobena.	
Sloselle, valle, см. Valle Sloselle.	
Sman — Сманъ.	Остр. Лука.
Smarska, valle, см. Valle Smarska.	

Smerdan, forte, см. Forte Smerdan.	
Smerduglia, scoglio, см. Scoglio Smerduglia.	
Smirnovich, scoglio, см. Scoglio Smirnovich.	
Smocova, valle, см. Valle Smocova.	
Smocovinaх — Смоковѣнацъ.	Окр. Дубровникъ.
Smoquizza, scoglio, см. Scoglio Smoquizza.	
Smocoviza, valle, см. Valle Smocoviza.	
Smoquizza — Смоквица.	Окр. Задаръ.
Smoquizza, scoglio, см. Scoglio Smoquizza.	
Socolizza, porto, см. Porto Socolizza.	
Soline — Солине.	Остр. Лука.
Soline, valle, см. Valle Soline.	
Soline — Солине.	Остр. Кръгъ.
Soline, porto, см. Porto Soline.	
Sordo, porto, см. Porto Sordo.	
Sottile, punta, см. Punta Sottile.	
Sottile, valle, см. Valle Sottile.	
Spalatro — Сплѣтъ.	Окр. Сплѣтъ.
Spagnolo, forte, см. Forte Spagnolo.	
Sparsina, valle, см. Valle Sparsina.	
Spasoe, valle, см. Valle Spasoe.	
Spiaggia — Плаза.	Остр. Хваръ.
Spinizze, porto, см. Porto Spinizze.	
Splisca — Сплиска.	Остр. Брачъ.
Squaraisca — Скварайска.	Окр. Истрія.
Stradioti, scoglio, см. Scoglio Stradioti.	
Srignaz, scoglio, см. Scoglio Srignaz.	
Stabilimento di Manfrin — Манфриновацъ.	Окр. Задаръ.
Snisgnizza, monte, см. Monte Snisgnizza.	
Stagno — Стонъ.	{ Окр. Дубровникъ.
Stagno piccolo — Стонъ мали.	
Stafileo, castello, см. Castello Stafileo.	
Staniva, valle, см. Valle Staniva.	
Starigrad — Стариградъ.	Окр. Задаръ.
Sterp — Стрпъ.	Окр. Которъ.
Stignano — Стинянъ.	Окр. Истрія.

Stinizza — Стиница.	Окр. Истрия.
Stinuza, punta, см. Punta Stinuza.	
Stipana, valle, см. Valle Stipana.	
Stipanska, scoglio, см. Scoglio Stipanska.	
Stobrec — Стобрецъ.	Окр. Сплѣтъ.
Stolaz, Scoglio, см. Scoglio Stolaz.	
Stomoska, porto, см. Porto Stomoska.	
Stomorin — Стоморинъ.	Окр. Дубровникъ.
Stonsiza — Стоньица.	Остр. Висъ.
Stoselle — Стоселе.	Окр. Задаръ.
Straine, valle, см. Valle Straini.	
Strasischie, monte, см. Monte Strasischie.	
Straza, monte, см. Monte Straza.	
Stretto di Brevilaqua — Привлака.	} Окр. Задаръ.
Stretto di Gliuba — Люба.	
Stretto di Karin — Каринъ.	
Stretto di Masliniza — Маслиница.	
Srtetto di Pasman — Пашманъ.	
Stretto delle Porte di Spalatro — Сплѣтъ.	Окр. Сплѣтъ.
Stretto di Sdrelaz — Ждрелацъ.	Остр. Пошманъ.
Stupischi, punta — Ступиши.	Остр. Висъ.
Stupizza, porto, см. Porto Stupizza.	
Studenaz, valle, см. Valle Studenaz.	
Subgliava — Шублява.	Полуостр. Пелѣшадъ.
Studenikoiska, valle, см. Valle Studenikoiska.	
Suora o Mezza Meleda, punta, см. Punta Suora o Mezza Meleda.	
Sustvid, monte, см. Monte Sustvid.	
Suzzuraz, caset, см. Castel Suzzuraz.	
Svegliamora, porto, см. Porto Svegliamora.	
Sviciana, valle, см. Valle Sviciana.	
Syb, porto, см. Porto Sub.	

Т.

Tabignach, valle, см. Valle Tabignach.
Taino, scogli, см. Scogli Taino.

Tajer, porto, см. Porto Tajer.	
Tajer, scoglio, см. Scoglio Tajer.	
Tativna, valle, см. Valle Tativna.	
Tavernelle, porto, см. Porto Tavernelle.	
Teodo — Тиватъ.	Окр. Которъ.
Temesgnach, scoglio, см. Scoglio Temesgnach.	
Terstenich, scoglio, см. Scoglio Terstenich.	
Terstenich, scoglio, см. Scoglio Terstenich.	
Terstenizza, valle, см. Valle Terstenizza.	
Tertar, porto, см. Porto Tertar.	
Testenich, porto, см. Porto Testenich.	
Testina, valle, см. Valle Testina.	
Tetevisgnach, scoglio, см. Scoglio Tetevisgnach.	
Timor, monte, см. Monte Timor.	
Toisti, punta, см. Punta Toisti.	
Tolero, porto, см. Porto Tolero.	
Tomosina, valle, см. Valle Tomosina.	
Ton, scoglio, см. Scoglio Ton.	
Tonara, porto, см. Porto Tonara.	
Topla — Топла.	Окр. Которъ.
Torcolo, porto, см. Porto Torcolo.	
Torre — Атлагѣћа Кула.	{ Окр. Задаръ.
Torre Benlini — Веньтинъ.	
Torre Mucchiana — Мућъ.	Окр. Сплѣтъ.
Torre Roberson — Шупурине.	{ Окр. Висъ.
Torre Vellington — Ђурђева-брда.	
Torette — Кулице.	Окр. Задаръ.
Toric — Торѣћъ.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Tovariak, scoglio, см. Scoglio Tovariak.	
Toveraschizza, valle, см. Valle Toveraschizza.	
Trappano — Трпанъ.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Traste — Бигово.	Окр. Которъ.
Traste, baja di, см. Baja di Traste.	
Trau — Трогиръ.	Окр. Сплѣтъ.
Trau vecchia, valle di, см. Valle di Trau vecchia.	

Trebiانسiz, monte, см. Monte Trebiانسiz.	
Trebocconi — Трибокуна.	Окр. Задаръ.
Trepozzi — Трепоци.	Остр. Корчула.
Tre sorelle — Три сестрице.	Окр. Задаръ.
Trieste — Трстъ.	Окр. Истрія.
Triluke, valle, см. Valle Triluke.	Окр. Задаръ.
Trimole; scoglio, см. Scoglio Trimole.	
Trinita, porte — Троица.	Окр. Которъ.
Triskavaz, monte, см. Monte Triskavaz.	
Tucepi, baja di, см. Baja di Tucepi.	
Torre di Norin — Норинска Кула.	Окр. Сплѣтъ.

U.

Ubas, punta, см. Punta Ubas.	
Ugliano — Улянъ.	Остр. Улянъ.
Ugliano, isola, см. Isola Ugliano.	
Ulbo — Олибъ.	Остр. Олибъ.
Ulbo, isola, см. Isola Ulbo.	
Ulbo, porto di, см. Porto di Ulbo.	
Ullaco, monte, см. Monte Ullaco.	
Ustrine — Устрине.	Остр. Цресъ.

V.

Val, secca di, см. Secca di Val.	
Valdinoce — Орашацъ.	Окр. Дубровникъ.
Valle di Artan — Хртанъ.	Окр. Задаръ.
Vall' Arvasca — Хрватска.	Остр. Брачъ.
Valle di Busi — Буа.	Остр. Пагъ.
Valle di Babaroviscia — Бабаровишће.	Остр. Брачъ.
Valle di Bas — Башъ.	Остр. Пагъ.
Valle di Bascavecchia — Старабашка.	Остр. Крѣъ.
Val Berguglie — Брулъ.	Остр. Мулатъ.
Val di Bascanuova — Башканова.	Остр. Крѣъ.
Val Bersecine — Брсечине.	Окр. Дубровникъ.
Val Berusco — Берушићъ.	Окр. Истрія.

Val Besdia — Бездія.	Остр. Висъ.
Valle Bielivizza — Бѣливица.	} Полуостр. Пелѣшацъ.
Valle Blaso — Блажъ.	
Valle Blasilna — Басильнѣна.	Остр. Хваръ.
Valle Blazza — Блата.	Остр. Корчула.
Valle Bonazza — Бонаца.	Военная Граница.
Valle di Breno — Жупа.	} Окр. Дубровникъ.
Valle Brestine — Брестине.	
Val Brista — Бриста.	Остр. Корчула.
Val Bristova — Бристова.	Остр. Хваръ.
Val Cablin — Каблинъ.	Остр. Пашманъ.
Valle Caleare — Каляри.	Окр. Задаръ.
Vallone di Campora — Кампоръ.	Остр. Рабъ.
Valle Caneve — Канаве.	Остр. Кркъ.
Val Caricatore — Карикатуръ.	Остр. Цресъ.
Val Cassion — Сукошандрага.	Остр. Пагъ.
Vallone di Castelmuscio — Омышаль.	Остр. Кркъ.
Val Cerduk — Чердукъ.	Военная Граница.
Val Cernicca — Црница.	Остр. Рабъ.
Val Cessara — Цесарица.	Окр. Истрія.
Val Cesarizza — Цесарица.	Окр. Задаръ.
Valle Cessinova — Чесенова.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Vallone di Cherso — Чресъ.	Остр. Цресъ.
Valle di Chiavlina — Чавлина.	Остр. Кркъ.
Valle Chiaz — Ћацъ.	Окр. Задаръ.
Val Ciprianda — Чипранда.	Остр. Улянъ.
Val Cosiraccia — Косирача.	Остр. Исто.
Val Cosia — Козія.	Остр. Хваръ.
Vallone di Comisa — Комижа.	Остр. Висъ.
Valle e Porto di Cittavecchia — Стариградъ.	Остр. Хваръ.
Valle Daba — Даба.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Val Derchudieh — Дркудиѣъ.	Окр. Истрія.
Valle Dorsiciava — Држиѣа-вала.	Окр. Задаръ.
Valle Digniska — Диниска.	Остр. Пагъ.
Vallone di Dobrigno — Добринъ.	Остр. Кркъ.
Valle Dolli — Доли.	Остр. Кача.

Valle Dolli — Доли.	Окр. Дубровникъ.
Valle e Porto Draganiza — Драганица.	Окр. Задаръ.
Valle Duba — Дуба.	Окр. Сплѣтъ.
Valle Dubas — Дубашъ.	Остр. Кркъ.
Vallé Dubocca — Дубока.	Остр. Хваръ.
Valle Dumboca — Думбока.	{ Военная Граница.
Valle S. Ellena — Св. Елена.	
Valle Elleniza — Еленица.	Остр. Улянъ.
Val Sant'Elia — Св. Илія.	Военная Граница.
Valle di Sant' Eufemia — Св. Фема.	Остр. Рабъ.
Valle di Guiliana — Жуліана.	Полуостр. Целѣшацъ.
Val di Gliubaz — Любацъ.	Окр. Задаръ.
Val Gradaska — Градаска.	Остр. Шолта.
Valle Gradaz — Градацъ.	Окр. Сплѣтъ.
Valle e Punta Gradaz — Градацъ.	Остр. Вись.
Val Grande — Веля-вала.	Остр. Корчула.
Val Grasgnich — Грашникъ.	Окр. Задаръ.
Val Ivancia — Иванка.	Окр. Истрія.
Valle Jaschisnizza — Якишница.	Остр. Пагъ.
Val Jelonizza — Еленица.	Остр. Рабъ.
Val Jeschova — Ешкова.	Окр. Задаръ.
Valle Kablin — Каблинъ.	Остр. Сеструнь.
Valle di Klek — Клекъ.	Турецкая территорія.
Val Klada — Клала.	Окр. Истрія.
Val Klokun — Клокунъ.	Окр. Сплѣтъ.
Valle Kruschizza — Крушевица.	{ Остр. Цресъ.
Valle Ladra — Лупешка.	
Valle di Lamiane — Ламіани.	Остр. Улянъ.
Val Lisariza — Лисарица.	Окр. Задаръ.
Valle Lovina — Ловина.	Окр. Истрія.
Val Locorano — Лукоранъ.	Остр. Улянъ.
Val Lopara — Лопаръ.	Остр. Рабъ.
Val Luche — Лука.	Остр. Брачъ.
Val Luka — Лука.	Остр. Шолта.
Val Luka — Лука.	Остр. Корчула.
Val Maladruga — Маладрага.	Военная Граница.

Val Malimandre — Малимандра.
Valle S. Martino — Св. Мартинъ.
Val Marzieulet — Марчунъ.
Val Meli — Мель.
Val Meline — Мелини.
Valle Micoviza — Миковица.
Valle Masliniva — Маслинница.
Valle di Mutovaz — Мутовацъ.
Valle S. Nicoló — Св. Никола.
Valle S. Nicoló — Св. Никола.
Valle di Noce — Баямово.
Val di Nona — Нинъ.
Valle di Novaglia vecchia — Новаля стара.
Valle di Ombla — Рѣка.
Valle di Pago — Пагъ.
Valle di Palludi — Полюди.
Valle Paral — Пацалъ.
Valle Pelinovich — Пелиновићъ.
Valle e Porto S. Pietro — Св. Петаръ.
Val Ploce — Плоче.
Val di Pogliana vecchia — Полана.
Val Preprecizza — Попречица.
Valle Prapratna — Прапратна.
Valle Prapratna — Прапратно.
Val Prasna — Празна.
Val Prigradizza — Приградица.
Val Pricodgna — Приходня.
Val Radocevo — Радочево.
Val Radovna — Радовна.
Val Ribgna — Рибня.
Val Rosalia — Под. Розаръ.
Val Rosoka — Росока.
Val Sacaron — Саваронъ.
Valle Saline — Солине.
Valle di Scirocco — Широка.
Valle di Scipanna — Шипанъ.

Остр. Пагъ.
Окр. Истрія.
Полуостр. Пелѣшацъ.
Остр. Цресъ.
Военная Граница.
Остр. Зуръ.
Остр. Хваръ,
Остр. Пашманъ.
Остр. Цресъ.
Остр. Пашманъ.
Албанія.
Окр. Задаръ.
Остр. Пагъ.
Окр. Дубровникъ.
Остр. Пагъ.
Окр. Сплѣтъ.
Окр. Истрія.
Остр. Хваръ.
} Остр. Рабъ.
Окр. Задаръ.
Остр. Жельва.
Остр. Хваръ.
Полуостр. Пелѣшацъ.
Окр. Дубровникъ.
} Остр. Корчула.
Окр. Сплѣтъ.
Остр. Брачъ.
Окр. Дубровникъ.
} Полуостр. Пелѣшацъ.
Окр. Задаръ.
Окр. Сплѣтъ.
Остр. Шчедроно.
Окр. Дубровникъ.

Valle di Sdralova — Ждралова.	Военная Граница.
Val Slana — Слана.	Остр. Пагъ.
Val Slatina — Слатина.	Остр. Олибъ.
Valle Slatina — Слатина.	Остр. Пагъ.
Val di Sloselle — Злоселе.	Окр. Задаръ.
Valle Slobena — Злобена.	Остр. Пагъ.
Valle Smarska — Смрска.	Остр. Хваръ.
Val Sasso — Камень.	Остр. Вись.
Val Straini — Страни.	Остр. Премуда.
Val Sviciiana — Свићана.	Остр. Пагъ.
Val Studenaz — Студенац.	Остр. Брачъ.
Val Stipana — Стипана.	Остр. Крѣъ.
Val Spasaz — Спацацъ.	Военная Граница.
Val Sparsina — Пржина.	Остр. Корчула.
Valle Sottile — Танки ратъ.	Остр. Кача.
Valle Soline — Сулини.	Окр. Сплѣтъ.
Val Smocoviza — Смоковица.	Окр. Дубровникъ.
Val Smocova — Смокова.	Остр. Вись.
Val Stiniva — Стинива.	Остр. Корчула.
Valle Stinuza — Стинуца.	Остр. Вись.
Valle Studenicovoiska — Суденикъ.	Остр. Млѣтъ.
Valle Tatignach — Татиня.	Остр. Шолта.
Valle Tativna — Тативна.	Окр. Истрія.
Valle Terstenizza — Трстеница.	Остр. Хваръ.
Valle Tativna — Веля Лука.	Остр. Корчула.
Valle Tomosina — Томозина.	Окр. Задаръ.
Valle Toveraschizza — Товерашица.	Остр. Цресъ.
Val di Traù vecchio — Стари Трогиръ.	Окр. Сплѣтъ.
Val Ttilluke — Трплуке.	Окр. Задаръ.
Val Veliboc — Велибокъ.	Остр. Цресъ.
Valle Velicadraga — Великадрага.	Остр. Пагъ.
Valle Velicajavoma — Великаявوما.	Окр. Задаръ.
Valle Velicaluka — Великалука.	Остр. Крѣъ.
Valle Vicevich — Ивићевихъ.	Окр. Сплѣтъ.
Valle di Vignole — Виньоле.	{ Окр. Истрія.
Valle Vlaka — Влака.	

Valle Vlasca — Влашка.	Остр. Хваръ.
Valle Vlaska — Влашка.	Военная Граница.
Valle Vlassich — Власиѣъ.	Остр. Пагъ.
Valle della Vrullia — Вруля.	Окр. Сплѣтъ.
Valle Zaglava — Заглава.	Остр. Пагъ.
Valle Zaglava — Заглава.	Остр. Цресъ.
Valle Zapoviza — Заповица.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Valle Zarelopizza — Зарелопица.	Остр. Цресъ.
Val Ziric — Зирѣъ.	Остр. Брачъ.
Val Zasca — Зашка.	Остр. Пагъ.
Val Zavalatizza — Завалатица.	Остр. Корчула.
Val Zmirceviza — Змирчевица.	Остр. Висъ.
Valle Zamograv — Замогравъ.	Остр. Корчула.
Valovska — Воловска.	Окр. Истрия.
Vanlaccio — Ванлациѣъ.	Остр. Крѣъ.
Vecchie, punta delle, см. Punta delle Vecchie.	
Vecchia, porto, см. Porto Vecchia.	
Vecchio Dulcigno, см. Dulcigno vecchio.	
Vecchia Muja, см. Muja vecchia.	
Veglia — Крѣъ.	Остр. Крѣъ.
Veglia, isola, см. Isola di Veglia.	
Veglia, monte, см. Monte Veglia.	
Veglia, porto di, см. Porto di Veglia.	
Velagora, monte, см. Monte Velagora.	
Velebich, monte, см. Monte Velebich.	
Veliboc, valle, см. Valle Veliboc.	
Velibog, porto, см. Porto Velibog.	
Velicadruga valle, см. Valle Velicadruga.	
Velichi Zaton — Велики Затонъ.	{ Окр. Дубровникъ.
Velichi Vratnik — Велики Вратникъ.	
Velicajavoma, valle, см. Valle Velicajavoma.	
Velicaluca, val, см. Val Velicaluka.	
Vellington, torre, см. Torre Vellington.	
Verbenico — Врбникъ.	Остр. Крѣъ.
Verbosca — Врбойска.	Остр. Хваръ.
Verbosca, porto, см. Porto Verbosca.	

Verbiza — Врбница.	Окр. Дубровникъ.
Verchi — Врхъ.	Окр. Задаръ.
Vermatz, monte, см. Monte Vermatz.	
Verpoglie — Врполе.	Окр. Сплѣтъ.
Veruda, porto e scoglio, см. Porto e scoglio	
Veruda.	
Vestri, porto, см. Porto Vestri.	
Vetergnach, monte, см. Monte Vetergnach.	
Vicevich, valle, см. Valle Vicevich.	
Vignole, valle di, см. Valle di Vignole.	
Vipere, monte delle, см. Monte delle Vipere.	
Visnovizza, punta, см. Punta Visnovizza.	
Vitaglina — Виталина.	Окр. Дубровникъ.
Vitelli, scogli, см. Scogli Vitelli	
Vlasca, monte, см. Monte Vlasca.	
Vlasca, porto, см. Porto Vlasca.	
Vlaska, valle, см. Valle Vlaska.	
Vlaska, valle, см. Valle Vlaska.	
Vlaka, valle, см. Valle Vlaka.	
Vlassich — Власићъ.	Остр. Пагъ.
Vlassich, valle, см. Valle Vlassich.	
Vodizze — Водице.	Остр. Цресъ.
Vodizze — Водице.	Окр. Задаръ.
Vragnizza — Враница.	Окр. Сплѣтъ.
Vrana, lago di, см. Lago di Vrana.	
Vrana, lago di, см. Lago di Vrana.	
Vratnien, monte, см. Monte Vratnien.	
Vratnien, monte e Porto, см. Monte e Porto	
Vratnien.	
Vrečevo — Вречево.	Окр. Задаръ.
Vucovo, porto, см. Porto Vučovo.	
Vrullia, valle della, см. Valle della Vrullia.	

Z.

Zaglava — Заглава.	Остр. Лука.
Zaglava — Заглава.	Остр. Млѣтъ.

Zaglava, valle, см. Valle Zaglava.	
Zaglava, valle, см. Valle Zaglava.	
Zamasline — Замаслине.	Окр. Дубровникъ.
Zappontello, porto di, см. Porto di Zappontello.	
Zapoviza, valle, см. Valle Zapoviza.	
Zara — Задаръ.	} Окр. Задаръ.
Zaza vecchia — Стари Задаръ.	
Zarelopizza, valle, см. Valle Zarelopizza.	
Zaric, valle, см. Valle Zaric.	
Zasca, valle, см. Valle Zasca.	
Zatton — Затонъ.	} Окр. Задаръ.
Zaton — Затонъ.	
Zaton, velichi, см. Velichi Zaton.	
Zavalatizza — Завалатица.	Остр. Корчула.
Zavstrog — Завстрогъ.	Окр. Сплѣтъ.
Zecia, scoglio, см. Scoglio Zecia.	
Zellevich — Зелевихъ.	Окр. Сплѣтъ.
Zercherberdo, monte, см. Monte Zercherberdo.	
Zeciovo, scoglio, см. Scoglio Zeciovo.	
Zermagna, fiume, см. Fiume Zermagna.	
Zernova — Зрнова.	Остр. Корчула.
Zert, porto, см. Porto Zert.	
Zettina, fiume, см. Fiume Zettina.	
Zicovza, scoglio, см. Scoglio Zicovza.	
Zirona grande — Дрвеникъ.	
Zirona piccola — Плоча.	Окр. Сплѣтъ.
Zlarina — Зларинъ.	Окр. Задаръ.
Zmircoviza, valle, см. Valle Zmircoviza.	
Zocol — Цоколъ.	Окр. Задаръ.
Zomograv, valle, см. Valle Zomograv.	
Zuri, isola, см. Isola Zuri.	
Zuri, punta di, см. Punta di Zuri.	
Zubine, porto, см. Porto Zubine.	

В. Воиничъ.

Одесса. 25-го мая 1871 года.

О ПЛЕМЕННОМЪ СОСТАВѢ НАСЕЛЕНІЯ

ВЪ

КНЯЖЕСТВѢ СЕРБСКОМЪ.

О ПЛЕМЕННОМЪ СОСТАВѢ НАСЕЛЕНІЯ

ВЪ КНЯЖЕСТВѢ СЕРБСКОМЪ ¹⁾.

Славяне искони занимали своими селбищами значительное пространство Европы и если по численности не всегда стояли выше остальныхъ ея народовъ, то отнюдь и не ниже ихъ. Пространство Европы опредѣляется обыкновенно въ 182,000 кв. г. миль; если же мы выкинемъ мало населенныя мѣстности Швеціи, Норвегіи и Европейской Россіи, то пространство Европы опредѣлится лишь въ 142,000 кв. г. миль.

Въ политическомъ отношеніи Славяне независимы въ одной лишь, но за то въ наибольшей части своихъ селбищъ, а именно въ Россіи (Черную-гору мы не считаемъ по ея малозначительности), тогда какъ въ Австріи, Турціи и Германіи они подчинены ино-племенникамъ. Въ Австріи считается ихъ 17 м. душъ или почти половина всего населенія государства (вѣрнѣе 47%), въ Турціи (вмѣстѣ съ Сербіей) и въ Черной-горѣ 4.600,000 душъ, что составляетъ также половину всего количества народонаселенія; въ Германіи же Славянъ всего 2.650,000 душъ, а именно Сербовъ Лу-зицкихъ 90,000, Чеховъ до 60,000 и около 2.500,000 Поляковъ.

Для отдѣльныхъ Славянскихъ племенъ число душъ и количество

¹⁾ Статья эта, доставленная авторомъ въ Географическое Общество на серб-скихъ языхъ въ рукописи, переведена д. чл. В. Н. Майновымъ.

занимаемого ими пространства во всѣхъ четырехъ поименованныхъ государствахъ Европы, по свѣдѣніямъ 1870 г., оказываются слѣдующими:

	Кв. миль.	Всего жителей.	На одну ми- лю среднее число душъ.
1. Русскіе	60,000	64.450,000	1,073
2. Поляки	3,200	10.000,000	3,125
3. Чехи	1,520	6.600,000	4,342
4. Сербы	3,850	5.600,000	1,454
5. Болгары	2,000	2.000,000	1,000
6. Словенцы	400	1.200,000	3,000
7. Луж. Сербы	30	150,000	5,000
<hr/>			
Вообще Славяне . . .	71,000	90.000,000	1,270
Не-Славяне	71,000	208.000,000	2,930
<hr/>			
Всего въ Европѣ	142,000	298.000,000	2,100

Всѣ эти цифры могутъ считаться лишь приблизительными, такъ какъ точно опредѣлить ихъ въ однихъ случаяхъ не возможно, въ другихъ, очень трудно. Если прибавить къ вышеупомянутымъ цифрамъ 550,000 Славянъ и 1.450,000 не-Славянъ, населяющихъ сѣверныя пространства Европы, то мы увидимъ, что населеніе всей Европы будетъ равняться 300.000,000 душъ, а пространство ея—182,000 кв. г. миль.

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ народъ Русскій самый многочисленный, и сельбища его занимаютъ наибольшее пространство. Кромѣ того, народъ этотъ господствуетъ надъ 12 иноплеменными народами, раздѣленными на 50 народцевъ, которые рано или поздно должны будутъ въ силу обстоятельствъ слиться съ народомъ Русскимъ. Защищенные неприступными границами, Русскіе непобѣдимы и притомъ составляютъ какъ по величинѣ своего государства, такъ и по количеству своихъ подвластныхъ, первую политическую силу Европы; въ средѣ Славянъ Русскіе занимаютъ также первое мѣсто въ отношеніи важности ихъ литературы. Русскіе населяютъ земли еще мало населенныя и притомъ еще стремятся колонизировать и сосѣднія съ ихъ государствомъ пространства. Въ настоящее время Русскіе составляютъ 71,6% всего славянства, такъ что на четвертыхъ Славянъ приходится трое Русскихъ.

Въ отношеніи количества народонаселенія за Русскими слѣдуютъ Поляки, тогда какъ по количеству занимаемаго сельбищами пространства первое мѣсто послѣ Русскихъ принадлежитъ Сербамъ. Поляки не составляютъ самостоятельнаго государства и живутъ теперь подъ господствомъ трехъ державъ: Россіи, Германіи и Австріи. Тѣмъ не менѣе они обладаютъ значительною литературою, по численности своей составляютъ 11,1% всего славянскаго населенія Европы и занимаютъ около 45,0% всего пространства, населеннаго Славянскимъ племенемъ.

Чехи съ Моравами и Словаками не занимаютъ своими сельбищами значительнаго пространства, но могутъ считаться первыми между Славянами по образованности и промышленности. Литература чешская процвѣтала уже въ весьма отдаленныя отъ насъ времена, и Чехи могутъ по истинѣ назваться народомъ совершенно зрѣлымъ въ политическомъ отношеніи; они подвластны Австріи, исключая незначительнаго числа ихъ, которое живетъ въ Прусскомъ округѣ Гладѣ въ Силезіи. Чехи составляютъ 7,33% всего славянства и занимаютъ 2,14% всего пространства, населеннаго Славянами.

По численности за Чехами слѣдуютъ Сербы, хотя по пространству, занимаемому ихъ поселеніями, они и стоятъ тотчасъ послѣ Русскихъ. Сербы занимаютъ 5,42% всего пространства населеннаго Славянами, количество же ихъ не превышаетъ 6,22% всего Славянскаго племени. Литература сербская съ каждымъ годомъ развивается все болѣе и болѣе; письменность у нихъ двойная, такъ какъ часть Сербовъ исповѣдуетъ католичество и называлась Хорватами; такая разъединенность не можетъ не вредить обще-сербскимъ интересамъ.

Болгары не особенно многочисленны, если взять во вниманіе занятое ими пространство земли, которое болѣе даже области, населенной Чехами. Количество ихъ составляетъ 2% всего славянства, тогда какъ поселенія ихъ занимаютъ около 3% всего пространства, заселеннаго Славянскимъ племенемъ. Находясь подъ игомъ Азіатцевъ, Болгары, конечно, не могутъ идти по пути прогресса, хотя и слѣдуетъ надѣяться, что они быстро пойдутъ впередъ, если имъ удастся освободиться: трудолюбіе ихъ необыкновенно.

Словенцы малочисленны и населяют весьма малое пространство; въ случаѣ освобожденія славянства они неминуемо должны посербиться, такъ какъ и въ настоящее время они уже имѣютъ весьма много общаго (въ особенности въ литературномъ отношеніи) съ Хорватами. Теперь литература Словенцевъ весьма незначительна.

Послѣдними по количеству душъ и занимаемаго пространства въ ряду народовъ славянскихъ стоятъ Лужицкіе Сербы; они почти не имѣютъ національной литературы и представляютъ собою незначительный славянскій островокъ среди необъятнаго нѣмецкаго океана; политической будущности они не могутъ имѣть, такъ какъ неминуемо должны слиться съ нѣмецкою стихіей, что уже и случилось съ Лютичами и Бодричами.

Изъ сказаннаго видно, что славянскіе народы занимаютъ своими селѣбизмами половину всего обитаемаго пространства Европы. Однако нельзя сказать, чтобы населеніе этой обширной области было довольно густо, что главнымъ образомъ происходитъ для восточныхъ племенъ славянскихъ — отъ татарскаго погрома XIII вѣка, а для западныхъ — отъ покоренія и яга турецкаго, продолжающагося и до сего времени. Чрезъ 130 лѣтъ — весьма вѣроятно — Славянъ будетъ въ Европѣ столько же, сколько и не-Славянъ, и тогда наша часть свѣта будетъ имѣть право называться Славеніей или Россіей.

Многолюдное племя Славянское, населяющее пространство въ 71,000 кв. миль и численностью доходящее до 90.000,000 душъ, имѣетъ въ своей средѣ представителей почти всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Такъ, Русскіе въ своемъ отечествѣ всѣ православные, а въ Польшѣ и Австріи — уніаты. Поляки почти всѣ католики, кромѣ небольшого числа протестантовъ въ царствѣ Польскомъ и Пруссіи. Чехи съ Моравами почти всѣ католики, а Словаки почти безъ исключеній (700,000) — протестанты. Двѣ трети Сербовъ — православные, а одна треть, вмѣстѣ съ Хорватами, — католическаго вѣроисповѣданія. Болгары (кромѣ 20,000 католиковъ) — всѣ православные, тогда какъ Словенцы — католики, а Лужицкіе Сербы — протестанты.

По плотности населенія, какъ видно изъ вышеприведенной таб-

лицы, на первомъ мѣстѣ стоятъ Лужицкіе Сербы, которыхъ приходится 5,000 душъ на каждую квадратную милю. За ними слѣдуютъ Чехи (4,342 д. на кв. милю), затѣмъ Поляки и Словенцы (3,000 д. на кв. милю), далѣе Сербы, съ населеніемъ въ 1,454 д. на каждую кв. милю, и наконецъ, Русскіе и Болгары, которые наименѣе густо заселяютъ свою землю, такъ что на кв. милю приходится ихъ лишь по 1,000 душъ. Всѣ Славянскія земли населены лишь въ половину густо противъ земель, населенныхъ народами не-славянскими, а потому и возможно ожидать, что съ прошествіемъ нѣкотораго времени количество Славянскаго племени должно удвоиться.

Всѣ нынѣшнія вѣтви великаго Славянскаго племени произошли отъ одного народа, колыбелью котораго было пространство между Валдайскими и Карпатскими горами, съ одной стороны, и между рѣками Вислой и Дономъ — съ другой; съ юга пространство это граничило нынѣшнимъ Новороссійскимъ краемъ, гдѣ тогда жили кочевники Тюркско-Татарскаго племени. Сербы заселили свои настоящіе сельбища — бывшій Иллирикъ — около 626 года по Р. Х., когда Авары, имѣя уже въ своихъ рукахъ лѣвый берегъ Дуная и нынѣшнюю Славонію, во второй разъ осадили съ европейской стороны Цареградъ, тогда какъ со стороны азіатской онъ былъ въ то же время осажденъ Персами. На Цареградскомъ престолѣ сидѣлъ тогда императоръ Ираклій, прославившійся своею борьбою съ Персами въ Азіи. По приглашенію византійскаго императора, если вѣрить историческимъ преданіямъ, но вѣрнѣе — независимо отъ зова, лишь пользуясь тѣмъ, что аварскій ханъ Боянъ обложилъ Цареградъ своимъ войскомъ, воинственные сербскія дружины двинулись изъ закарпатскихъ предѣловъ, изъ такъ называемой Бойки, пограбили аварскія села (аулы) въ Венгріи и отбили свои настоящіе сельбища какъ отъ Аваровъ, такъ и отъ римскихъ поселенцевъ на Далматинскомъ приморьѣ. Затѣмъ они разорили главный городъ Далмаціи — Салону въ 640 году и подчинили себѣ поселившихся тамъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Славянъ, которые до того были подчинены Аварамъ и извѣстны подъ именемъ Рватовъ (Хорватъ — по сербски Рватъ). Тогда же учредили они у себя правительствующую династію, сперва въ лицѣ

великихъ жупановъ, а затѣмъ переименованную въ царей и королей, и имѣвшую столицы въ Дуклѣ, Скадрѣ на Боянѣ, затѣмъ въ Рассѣ (Новый Пазаръ), Приштинѣ и Призренѣ, главныхъ городахъ Старой Сербіи. Сербы и въ старой отчизнѣ своей были всегда самостоятельны и свободны, и даже народное имя ихъ этимологически происходитъ отъ персидскаго слова *серъ*—глава, а Сербъ значить главарь, владыко, старѣйшина, одного корня съ древне-мидійскимъ словомъ Сармать. Въ различіе отъ господствующаго племени данники назывались какъ въ старой отчизнѣ, такъ и на новыхъ мѣстахъ—Рватами, а слово это есть ничто иное какъ простой переводъ татарскаго слова *татъ* (Тотъ, Татчъ) и турецкаго—*коптъ* (Гепидъ). *Татъ*, точно также, какъ и *коптъ*, означаетъ побѣжденнаго, покореннаго, несвободнаго человѣка; то же означаетъ и славянское слово *рватъ* ¹⁾.

Въ этой статьѣ мы будемъ говорить лишь о той части Сербскаго народа, которая создала политическое тѣло, извѣстное подъ именемъ княжества Сербскаго. Здѣсь наиболѣе сохранились преданія о народной династіи древней Сербіи, и эта часть народа уже значительное время живетъ болѣе или менѣе свободно, тогда какъ остальные Сербы все еще несутъ чужеземное иго.

Но кромѣ народа чисто Славянскаго племени, есть въ Сербіи и представители другихъ, не-славянскихъ народностей, изъ которыхъ наиболѣе многочисленны Валахи и Цыгане. Валахи тянутъ къ своимъ единоплеменникамъ, живущимъ въ Валахіи и Банатѣ, а потому и населяютъ преимущественно тѣ части княжества, которыя прилегаютъ къ этимъ землямъ; Цыгане же разбѣяны по всей странѣ и ведутъ жизнь частью осѣдлую, частью кочевую. Оба эти народа подвластны Сербамъ и имѣютъ совершенно одинаковыя съ Сербами политическія и гражданскія права; впрочемъ, въ княжествѣ живутъ и подданные другихъ государствъ, которые по большей части суть иноплеменники и инوверцы. Больше всего въ этомъ числѣ Нѣмцевъ, а за ними слѣдуютъ Мадыары,

¹⁾ Какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ другихъ, ниже сего, предлагаемое авторомъ объясненіе племенныхъ и народныхъ названій едва-ли можетъ выдержать научную критику; тѣмъ не менѣе догадки автора помѣщаются здѣсь безъ всякихъ измѣненій со стороны редакціи. Ред.

такъ какъ оба эти народа сосѣдять съ Сербами; большинство иностранныхъ подданныхъ, живущихъ въ Сербіи, суть католики.

При общей девятой народной переписи, произведенной въ 1866 году, введена была въ таблицы народонаселенія особая графа для не-сербскихъ народностей. Въ переписныхъ книгахъ значутся особо Валахи, Цыгане, Нѣмцы и пр., несмотря на то, что иногда и не употребляютъ своего языка и по нуждѣ говорятъ языкомъ большинства. Такъ, напримѣръ, Цыгане говорятъ обыкновенно своимъ языкомъ, но кромѣ того, между Тимокомъ и Колубаромъ знаютъ и по валашски; многіе изъ нихъ знаютъ и по сербски, а между Колубаромъ и Дриномъ они постоянно говорятъ по сербски и изрѣдка лишь по турецки. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ инородныхъ племенахъ; только Сербы говорятъ вездѣ по сербски, и лишь находясь внѣ Сербіи, употребляютъ иностранные языки.

Валахи или *Румыны*, какъ уже сказано выше, населяютъ сѣверо-восточный уголъ Сербіи, и то лишь собственно четыре округа: Краинскій, Чернорѣчскій, Пожаревацкій и Чупрійскій. Въ переписи 1846 г. показано было лишь количество жителей, а въ 1866 году удалось узнать и количество душъ, и количество домовъ. На основаніи данныхъ 1846 и 1866 годовъ, въ слѣдующей таблицѣ помѣщены всѣ города и села сѣверо-восточной Сербіи, въ которыхъ живутъ Валахи, и кромѣ того, показано въ нихъ число жителей Сербовъ; Цыгане же и остальные народы, тутъ же живущіе, показаны общимъ числомъ ниже, въ главной сводной таблицѣ.

Названія округовъ, уѣздовъ, городовъ и селъ.	1846 г.			Въ 1866 году.		Всего жителей.	Валаховъ прикомандится на 100.
	Число душъ.	Число домовъ.	Число душъ.	Сербовъ.			
	В а л а х о в ь.						

1. Пожаревацкій округъ.

Голубацкій уездъ.

Городъ Пожаревацъ . . .	362	62	371	5,671	6,909	5,4
Берница	202	54	246	—	246	100,0
Вуковичъ	417	96	466	—	466	100,0
Голубацъ	132	32	179	727	925	19,2
Житковица	117	29	180	—	180	100,0
Дворище	246	57	309	—	332	93,1
Добра	196	47	214	538	764	28,0
Кривача	227	62	345	12	446	77,4
Вудрежъ	190	51	265	1	273	97,1

*

Лѣшняца	251	52	284	—	284	100,0
Малешчево	20	6	36	252	288	12,5
Милевиче	180	49	239	263	523	45,7
Пониква	40	14	53	62	115	46,4
Сявготинъ	205	64	311	—	319	97,5
Србце	218	47	206	8	221	93,2

Всего въ уѣздѣ 2,641 660 3,333 1,863 5,382 61,9

Земедскій уездъ.

Бувовска	362	96	607	4	621	97,7
Вогуя	605	162	725	4	844	83,5
Дубока	1,530	430	2,283	11	2,339	97,6
Каона	550	144	750	—	756	99,2
Кучайна	—	26	149	513	678	22,0
Майданъ-Кучайна	—	23	69	—	207	33,3
Мустапиче	805	195	1,196	23	1,232	89,8
Нерѣсница	1,146	298	1,462	16	1,571	93,1
Ракова Бара	405	135	559	139	717	78,0
Сена	206	50	228	16	248	91,9
Турія	365	83	495	278	781	63,4
Церовица	155	38	194	1	195	99,5

Всего въ уѣздѣ 6,129 1,680 8,717 1,005 10,189 84,7

Млавскій уездъ.

Алюдово	167	41	227	—	227	100,0
Буровацъ	—	2	15	542	585	2,6
Бусуръ	577	138	797	—	809	98,8
Витовница	366	78	453	6	459	98,7
Дубочка	718	161	934	—	938	99,6
Ждрело	848	178	960	3	963	99,7
Кладурова	561	131	750	—	759	98,8
Кобиле	843	185	1,004	23	1,031	97,4
Лесковацъ	325	80	441	5	446	98,9
Манастирица	710	191	1,092	1	1,097	99,5
Мельница	1,088	290	1,641	7	1,686	97,6
Петровацъ	—	1	5	87	1,422	0,4
Рановацъ	1,578	393	2,200	9	2,232	98,6
Рашанцы	1,067	251	1,438	13	1,446	99,1
Стамница	977	213	1,129	—	1,166	96,8
Старчево	575	134	826	—	833	99,2

Всего въ уѣздѣ 10,400 2,474 13,907 1,996 16,099 86,4

Моравскій уѣздъ.

Арнаутскій Поповацъ . . .	100	17	132	829	967	85,7
Бошнякъ	70	32	159	156	323	49,2
Велико Село	364	79	432	581	1,150	37,5
Влашкий долъ	550	140	784	539	1,363	57,5
Вошановацъ	30	8	46	360	419	11,0
Врбница	572	133	634	9	654	96,9
Добрнѣ	203	34	183	405	588	31,1
Жабари	35	9	49	904	962	5,1
Кочетинъ	241	53	296	4	306	96,7
Кушнѣво	200	44	268	2,219	2,538	10,6
Миріево	471	114	688	—	688	100,0
Орѣшковицы	54	11	64	573	673	9,5
Оргѣво	275	69	414	—	414	100,0
Панково	141	26	157	217	377	41,6
Породинъ	1,806	417	2,212	81	2,332	94,8
Полатна	45	9	51	260	329	15,5
Право	676	107	517	1,017	1,561	33,1
Ракинацъ	301	70	332	1,099	1,480	22,4
Свинярево	138	30	180	—	186	96,8
Сибница	105	25	148	410	570	26,0
Тичевацъ	219	53	260	—	260	100,0

Всего въ уѣздѣ 6,596 1,480 8,006 9,863 18,134 44,1

Омолскій уѣздъ.

Близнякъ	193	52	303	109	412	73,5
Брезница	160	34	215	—	215	100,0
Влаоле	216	72	464	6	470	98,7
Жагубица	636	170	968	1,027	2,016	48,0
Брепольнѣ	454	94	501	629	1,137	44,1
Брулаа	—	2	20	209	239	8,4
Лазница	1,416	343	2,066	12	2,097	98,5
Лесково	—	50	291	—	291	100,0
Магудица	212	56	272	—	282	96,4
Милатовацъ	—	1	14	740	754	1,9
Осаница	755	229	1,288	—	1,300	99,1
Сига	383	100	598	12	610	98,
Суводолъ	28	8	47	1,103	1,154	4,1
Яснково	347	72	463	6	474	97,7

Всего въ уѣздѣ 4,800 1,283 7,510 3,853 11,451 65,4

Пожаревацкій уездъ.

Батовацъ	—	2	12	582	615	2,0
Батуша	—	1	2	548	567	0,4
Брадарцы	—	1	6	551	586	1,0
Брежане	595	132	785	284	1,086	71,8
Забрега	134	33	219		220	99,5
Кленовникъ	—	1	4	526	551	0,7
Костолацъ	30	6	37	561	614	6,0
Лучица	—	15	78	1,369	1,507	5,2
Набрђе	67	10	78	211	298	26,2
Петка	316	50	258	547	818	31,5
Поляна	731	149	884	583	1,496	59,4
Салаковацъ	186	39	192	233	553	34,7
Топоница	—	1	4	940	1,024	0,4
Трияни	210	37	232	495	730	31,8
Црнице велико	187	12	55	429	596	9,2
Црнице мало	50	19	87	564	709	12,3
Шлизовацъ	72	28	163	7	170	95,9
Всего въ уездѣ	2,578	536	3,096	8,431	12,140	25,5

Рамскій уездъ.

Доляшница	430	92	545	—	553	98,6
Кличевацъ	73	24	90	1,123	1,239	7,2
Кураче	28	8	40	841	898	4,4
Кусиче	208	20	115	514	629	18,3
Рамъ	245	50	200	89	289	69,2
Рѣчница	493	101	561	—	564	99,5
Тополовникъ	974	189	1,186	1	1,205	98,4
Чешлева бара	564	123	640	—	640	100,0
Дьюраково	175	93	254	—	254	100,0
Всего въ уездѣ	3,190	650	3,631	2,568	6,271	57,9

II. Краинскій округъ.

Брзопаланскій уездъ.

Городъ Неготинъ	771	163	756	3,206	4,325	17,5
Брза Паланка	302	96	442	169	616	71,8
Вратна	389	92	405	18	428	94,6
Дупляни	419	120	615	—	625	98,4
Каменица	579	135	666	—	673	99,0
Купусище	294	97	460	—	464	99,4
Малайница	697	180	916	—	923	99,3
Мняйловацъ	878	200	1,087	5	1,107	98,3

Плавна	924	184	1,145	—	1,152	99,4
Право	822	203	1,177	—	1,177	100,0
Рѣка	142	91	186	4	190	97,9
Слатина	560	132	608	3	953	63,8
Уровица	940	275	1,315	175	1,514	86,8
Ябуковацъ	1,971	567	2,775	10	2,842	97,7
Янево	1,327	336	1,792	28	1,838	97,5

Всего въ уѣздѣ 10,244 2,658 13,589 412 14,502 93,7

Ключскій уездъ.

Бордель	705	155	776	2	778	99,7
Брюга	168	38	161	2	163	98,8
Ваюга	377	119	466	—	466	100,0
Велесница	407	93	433	3	443	97,7
Врбица велика	550	131	660	3	663	99,5
Врбица мала	393	109	505	9	514	98,2
Грабовица	923	226	1,107	24	1,187	93,8
Каменица велика	446	117	511	32	800	63,9
Кладово	411	115	510	735	1,480	34,4
Кладушница	409	83	416	—	416	100,0
Корбово	727	163	781	6	795	98,3
Костолъ	233	58	290	8	298	97,3
Манастирица	158	35	164	2	166	98,8
Петрово село	—	3	17	361	382	4,4
Подвршка	263	109	517	6	528	97,9
Ртново	541	136	712	—	720	98,9
Рѣчица	73	126	91	2	93	97,9
Сипъ	315	82	383	2	397	96,5
Текиа	673	164	815	135	982	83,0
Джеджераци	317	71	316	3	325	97,2

Всего въ уѣздѣ 7,258 2,056 9,631 1,335 11,596 83,1

Краинскій уездъ.

Бивановацъ	272	61	369	—	379	97,4
Буковча	1,279	292	1,611	—	1,641	98,2
Глоговица	780	195	1,092	9	1,113	98,1
Кобишница	1,041	276	1,546	2	1,581	97,7
Короглашъ	309	78	391	—	391	100,0
Лука	718	154	971	127	1,110	87,5
Мокрање	1,020	259	1,447	10	1,492	97,0
Радужевацъ	1,246	310	1,675	107	1,801	93,0
Самариновацъ	333	81	391	—	403	97,0
Србовла	591	138	642	—	642	100,0

Табаковаць	227	47	292	8	300	97,3
Чоконьярь	115	33	154	—	154	100,0
Ясикова велика	962	266	1,342	12	1,354	99,1
Ясикова мала	426	95	516	11	527	97,9
Всего въ уѣздѣ	9,319	2,285	12,439	236	12,888	96,3

Портиско-Рычскій уездъ.

Большетинъ	95	28	136	136	275	49,5
Голубинье	323	80	458	129	600	76,3
Горняни	1,265	284	1,618	—	1,634	99,0
Клокочеваць	445	105	493	—	496	99,4
Милановаць-Долный	337	90	368	747	1,207	30,5
Мосна	319	72	348	13	375	92,8
Рудна глава	730	186	935	3	950	98,4
Танда	476	93	494	—	498	99,3
Топольница	361	72	343	—	352	97,4
Црнайка	587	139	776	11	793	98,0
Всего въ уѣздѣ	4,938	1,149	5,969	1,039	7,180	83,1

Майдантекскій уездъ.

Майданпекъ	303	124	570	134	1,024	55,8
----------------------	-----	-----	-----	-----	-------	------

III. Чернорѣчскій округъ.

Болысаяцкій уездъ.

Городъ Заечаръ	946	72	392	3,102	3,860	10,3
Бачевница	360	92	547	45	599	91,3
Валаконье	1,345	290	1,835	—	1,850	99,2
Добро-поле	321	92	538	1	736	73,1
Злотъ	2,234	548	3,100	26	3,137	98,8
Изворъ малый	410	87	590	370	969	60,9
Луково	252	47	271	447	851	31,8
Осничъ	906	226	1,317	7	1,330	99,0
Подгораць	2,526	642	3,273	22	3,311	98,8
Шарбановаць	857	219	1,297	2	1,310	99,0
Всего въ уѣздѣ	9,211	2,243	12,768	920	14,093	90,6

Заечарскій уездъ.

Боръ	376	102	556	—	563	98,8
Брестоваць	1,012	239	1,221	1	1,241	98,4
Бучье	501	109	678	—	682	99,4
Гамзиградь	284	89	555	38	598	94,5
Грлянь	896	211	1,207	528	1,757	68,4
Дубочани	721	168	948	1	971	97,9

Брянель	1,329	323	1,997	15	2,032	98,8
Лубница	809	180	1,114	21	1,142	97,5
Метовница	599	162	884	—	890	99,3
Някуличево	593	155	801	4	805	99,9
Оштрель	533	118	681	—	689	98,8
Пръята	268	59	385	—	394	97,7
Рготица	—	1	3	1,914	1,940	0,2
Слатина	1,032	243	1,205	10	1,215	99,8
Топла	173	41	245	—	245	100,0
Шльиваръ	262	64	416	32	453	91,8

Всего въ уѣздѣ 9,388 2,264 12,896 2,564 15,617 82,6

IV. Чупрійскій округъ.

Чупрійскій уездъ.

Городъ Чупрія — 9 39 — 2,439 (?)

Парачинскій уездъ.

Батинацъ	385	96	567	—	567	100,0
Бигреница	955	207	1,324	—	1,324	100,0
Влашка	304	66	329	—	329	100,0
Исаково	593	141	780	16	796	98,0
Србска	114	22	138	388	526	26,2

Всего въ уѣздѣ 2,351 532 3,138 404 3,542 88,6

Ресавскій уездъ.

Белайна	566	122	708	—	708	100,0
Бобова	1,035	244	1,543	5	1,568	98,8
Брестово	—	3	22	308	330	6,6
Витежево	564	141	860	1	861	99,9
Гладна	253	49	299	—	299	100,0
Дубница	133	24	145	412	568	25,5
Езеро	70	27	172	224	396	43,4
Жицилье	179	45	297	87	384	77,4
Липовица	—	3	15	259	274	5,5
Мачевацъ	226	51	291	—	296	98,4
Поповнякъ	10	3	20	187	207	9,6
Простинацъ	178	30	181	25	206	87,8
Ресавица долина	247	55	287	—	287	100,0
Свилайнацъ	—	3	7	3,921	4,009	0,2
Суботница	552	114	549	10	606	90,6
Тропонье	308	66	363	541	910	39,9
Ясеново	676	142	893	3	896	99,7

Всего въ уѣздѣ 4,997 1,122 6,650 5,983 12,803 51,9

Съ цѣлю болѣе нагляднаго изображенія разселенія Валаховъ отдѣльными поселками и смѣшанно съ Сербами при семъ приложена этнографическая карта, составленная по наиболѣе достовѣрнымъ въ настоящее время источникамъ; на нее нанесены всѣ тѣ селенія, гдѣ только живутъ Валахи въ упомянутыхъ выше округахъ Краинскомъ, Чернорѣчскомъ, Пожаревацкомъ и Чупрійскомъ. Съ перваго взгляда на эту карту становится совершенно ясно, что Валахи населяютъ густыми массами лишь тѣ части Сербіи, которыя прилегаютъ къ Румыніи и къ мадыарской области Банату. Начиная отъ древняго города Голубца, Валахи, за немногими исключеніями, занимаютъ почти весь правый берегъ Дуная, прилегая на востокъ къ Тимоку. Ихъ передовыя колоніи граничатъ съ округами Княжевацкимъ и Алексинацкимъ на югѣ, а дойдя до рѣки Моравы—съ округами Ягодинскимъ, Крагуевацкимъ и Смеджѣвскимъ. За упомянутыми рѣками, и кромѣ названныхъ четырехъ округовъ, нѣтъ ни одного села ни чисто валашскаго, ни смѣшаннаго.

Валахи—многочисленнѣйшій послѣ Сербовъ народъ въ Сербіи: они составляютъ почти 10,4% всего народонаселенія княжества и потому заслуживаютъ подробнаго этнографическаго изслѣдованія. Въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ теперь живутъ Валахи, лѣтъ 100 по Р. Х. обитали многіе народы татарско-тюркскаго, германскаго и славянскаго корня. Общее ихъ имя было тогда—*Даки*, или что то же, *татчи*, какъ и по сю пору называются побѣжденные въ Персіи и Бухаріи. Этимологию этого слова слѣдуетъ искать въ языкѣ татарскомъ, гдѣ оно значить то же, что и вышеупомянутое сербское слово *Рвати*, то есть, люди побѣжденные, покоренные, поборенные. Оно вполне соотвѣтствуетъ тому, что выражается нынче въ сербскомъ языкѣ словомъ: *поданикъ*, въ нѣмецкомъ—*Unterthan*, во французскомъ—*sujet*. Въ то время, когда Карлъ Великій, лѣтъ 1070 тому назадъ, сломилъ аварскую силу въ нынѣшней Венгріи, всѣ германскіе народы были прозваны общимъ именемъ *Teutsche—Deutsche*; названіе это заимствовано изъ татарскаго языка и доселѣ употребляется у Мадыаръ для обозначенія Словаковъ и Хорватовъ, которыхъ они называютъ *Тотъ*. Извѣстно изъ римскихъ историковъ, что императоръ Траянъ, въ первые годы II вѣка по

Р. Х., покорилъ Дакію подѣ власть Рима, и въ видахъ большихъ удобствъ административныхъ и стратегическихъ, соорудилъ величественный мостъ у Кладова, на Дунаѣ. Слѣдуя древне-римской политикѣ, Траянъ и наслѣдники его населили вновь завоеванную область значительнымъ числомъ римскихъ гражданъ, которые вслѣдствіе благопріятныхъ для распложенія условій вскорѣ и овладѣли всею землею. Два вѣка спустя, мы уже не видимъ здѣсь римскаго господства, но значительное количество римскихъ гражданъ осталось въ своемъ новомъ отечествѣ, и лишь уступая напору Атиллинныхъ ордъ, удалилось въ неприступныя горы Эрделя (Трансильваніи). Татарско-монгольскіе народы частью погибли здѣсь, частью же снова ушли на востокъ, откуда явились; Славяне слились съ Римлянами, и только остатки Мадьяръ и Нѣмцевъ удержали свою народность среди латинской стихіи. Изъ Мадьяръ весьма многіе могутъ быть узнаны и теперь, но лишь по нѣкоторымъ политическимъ преимуществамъ, которыми они пользуются, а не по языку, такъ какъ они говорятъ по валашски. Между Нѣмцами сохранились кое-какіе остатки Остѣ-Готовъ, а также потомки тѣхъ колонистовъ, которые переселились въ Эрдель въ половинѣ XII вѣка, при мадьярскомъ королѣ Гейзѣ II; всѣ они сохранили свой языкъ въ школахъ, въ церкви и внутренней администраціи, и всѣ остались чистыми Нѣмцами. Но все вышесказанное относится лишь къ Эрделю, тогда какъ въ равнинахъ Молдавіи и Валахіи всѣ жители говорятъ по валашски, даже и Цыгане, которыхъ тамъ насчитываютъ почти столько же, сколько въ Сербіи Валаховъ, то есть, около 10% всего народонаселенія.

Въ древнія времена жили въ предѣлахъ Карпатскихъ горъ народы, называвшіеся *Галы* и *Валы*, что означаетъ великаны, господствующіе, съ одной стороны, и подданные, побѣжденные—съ другой. Народы Нѣмецкаго племени—Остѣ-Готы, а потомъ и Вестѣ-Готы, также нѣкоторое время жили въ тѣхъ предѣлахъ и называли подданныхъ римской рѣчи — *Валахъ-хи*; названіе это употребляли и позднѣйшіе Славяне, но замѣнили лишь повторяющуюся букву *а* въ обоихъ мѣстахъ буквою *о*; Сербы же, съ своей стороны, сократили одинъ слогъ, выговаривая въ единственномъ числѣ *Влахъ*, а во множественномъ: *Влахы-си*.

Между тѣмъ слова: *Влахъ*, *Тотъ* или *Татчи* (*Deutsche*), *Рваты* выражаютъ одно и то же понятіе, то есть, обозначаютъ подданныхъ въ отличіе отъ владыкъ, которые назывались: *Галы* (оттуда—Галиція), *Боланы* (позднѣ Поляки) и *Сербы*. Народное имя Сербовъ мы находимъ и въ разсказѣ римскаго писателя Плинія, жившаго въ I вѣкѣ по Р. Х.; онъ помѣщаетъ древнія сельбища Сербовъ въ нынѣшнюю Кубанскую область, на восточномъ берегу Азовскаго моря, гдѣ жилъ, по разсказамъ его, и народъ Вали. Но персидскій корень имени *Сербъ*, означающій главу, господина, главаря, при переводѣ на славянскій языкъ значитъ то же, что отчѣнный, великій, достохвальный, добрый и славный, ибо въ русскомъ языкѣ, какъ наиболѣе чисто сохранившемся между всѣми славянскими языками, *славный* означаетъ не только (какъ на примѣръ въ сербскомъ), человѣка, прославившагося военными подвигами, но и человѣка господствующаго, почетнаго, важнаго, въ отличіе отъ простаго, обыкновеннаго, не важнаго. Также точно отъ *Лихой*—*Лехи*, въ противоположность *Боланамъ*, отъ татарскаго слова *болъ*—великій, прозваннымъ по славянски *Велити*, *Влчи*, которые погибли въ борьбѣ съ Франками Карла Великаго; *Боланы* — испорчено въ *Поланы*, нынѣ *Поляки*. *Лихой* — неважный, есть ничто иное, какъ переводъ турецко-татарскаго имени *Карпы*, которое употреблялось для означенія народовъ, населявшихъ западныя Карпаты, и переводится: простые, отверженные люди. Персидское слово *Сербъ* и *Сербы* Славяне перевели на свой языкъ черезъ *Славанъ*, *Славены*, что значитъ глава, господинъ такъ какъ по персидски голова (глава) и до сихъ поръ называется *серъ*, а воины — *сербазъ*, по турецки свободный, каковыми всегда были воины; арабское же слово *сарбъ* означаетъ непобѣдимаго, недолимаго человѣка.

Народныя прозвища *Сербы*—*Славены* и *Вали*, *Влахы*—*Рваты* имѣютъ свое начало въ обоюдныхъ отношеніяхъ двухъ народовъ, населявшихъ одну и ту же страну, а отнюдь не въ какомъ-либо племенномъ различіи одной расы людей, обитающихъ въ двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга странахъ; какъ мы въ обыкновенномъ разговорѣ замѣчаемъ, что гдѣ есть сиротина, тамъ и хозяинъ (де-сіромаха, тамо и панъ) также точно всюду въ старое время тамъ

жили Рваты, гдѣ жили и Сербы; оба эти прозвища означаютъ одинъ и тотъ же народъ, говорящій тѣмъ же языкомъ, часть котораго служила, работала, а другая властвовала.

Народъ Валашскій, живущій въ Сербіи, населяетъ густыми массами все пространство отъ берега Дуная на сѣверо-восточной границѣ княжества до рѣки Моравы, частью отдѣльными селами, частью въ перемѣшку съ Сербами. Поселенія эти уже перечислены въ вышеприведенныхъ таблицахъ. Но кромѣ густыхъ массъ, Валахи живутъ отдѣльными группами среди Сербовъ, какъ видно изъ прилагаемой карты, въ особенности въ Пожаревацкомъ и Чупрійскомъ округахъ; такихъ отдѣльныхъ группъ насчитывается тринадцать. Съ другой стороны, есть и нѣсколько сербскихъ поселеній между Валахами, каковы, напримѣръ, Черногорское поселеніе въ Петровомъ селѣ, основанное въ 1854 году. Эти сербскія поселенія имѣютъ возможность со временемъ расширяться въ такой степени, что валашскія поселенія будутъ въ нихъ расположены лишь отдѣльными группами, а наконецъ, и совершенно осербятся Валаховъ. На приложенной этнографической картѣ обозначены всѣ мѣстности со смѣшаннымъ населеніемъ, и притомъ такъ, что если Сербы составляютъ болѣе 0,5% всего населенія, то мѣстность признана сербскою, а въ противномъ случаѣ—валашскою.

Не менѣе любопытно было бы дознаться, въ какое время Валахи переселились въ Сербію, такъ какъ теперь они составляютъ здѣсь 10,5% всего народонаселенія. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть Сербіи во II, III и IV вѣкахъ по Р. Х. главнымъ образомъ была населена Римлянами, и что тотъ край Сербіи, въ которомъ теперь наиболѣе Валаховъ, извѣстенъ былъ подъ названіемъ Адриановой Дакіи. Но послѣ гуннскаго нашествія въ V и аварскаго въ VI вѣкахъ римскіе переселенцы были истреблены здѣсь почти совершенно, такъ что Сербы, при занятіи этой страны въ VII вѣкѣ, нашли здѣсь лишь весьма небольшое число римскихъ колонистовъ. Въ продолженіе 9-ти-вѣковаго владычества Сербовъ въ Иллирикѣ остатки не-славянскихъ народностей вымерли или осербились, такъ что когда Турки, послѣ взятія Бѣлграда въ 1521 году, забрали всѣ Сербскія земли, то они, кромѣ Сербовъ, никого уже здѣсь не встрѣтили. Всего вѣроятнѣе, что насто-

ящіе сербскіе Валахи поселились въ восточной части Сербіи послѣ того, какъ Сербь съ патріархомъ своимъ Арсеніемъ III Черноевичемъ въ 1690 году переселились въ Австрію, и такимъ образомъ мѣстность эта опустѣла. Точно такимъ же образомъ и въ то же время поселились Арнауты въ сербской жупѣ на Косовомъ и въ Метохін. Валахи, съ одной стороны, и Арнауты, съ другой—завлали гористыя мѣстности Сербіи, и до сихъ поръ мы замѣчаемъ, что Валахи въ княжествѣ, а Арнауты въ Старой Сербіи населяютъ гористыя мѣста, тогда какъ Сербь живутъ въ долинахъ и по равнинамъ. Что не Валахи, а Сербь жили въ тѣхъ частяхъ Сербіи, которыя теперь населены Валахами, до взятія Бѣлграда въ 1521 году, или вѣрнѣе, до Карловацкаго мира въ 1699 году, это подтверждается еще и тѣмъ, что изъ 213 городовъ и селъ, въ которыхъ живутъ теперь Валахи, только 12 носятъ названія валашскаго корня, 25—турецкаго, а 176 — чисто славянскаго. Валашскій корень замѣтенъ въ названіяхъ: Кушильво, Крпеоляинъ, Магудица, Костолацъ, Рамъ, Малайница, Бордель, Костоль, Джеджераци, Чоконяръ, Сиколѣ и Ошитрѣль. Мѣстности, носящія турецкія имена, суть: Кучайна-Майданъ, Мустапиче, Турія, Салашъ, Буровацъ, Бусуръ Батовацъ, Батуша, Кураче, Салаковацъ, Кусиче, Брза-Паланка, Джанѣво, Карбулово, Текія, Короглашъ, Табаковацъ, Самариновацъ, Кочетинъ, Майданпекъ, Бачевица, Шарбановацъ, Чупрія, Батинацъ и Гамзиградъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ Пожаревацкомъ и Чупрійскомъ округахъ Валахи говорятъ банатскимъ валашскимъ говоромъ, тогда какъ въ Краинскомъ и Чернорѣцкомъ округахъ они говорятъ нарѣчіемъ болѣе схожимъ съ говоромъ мало-валашскимъ.

ТАБЛИЦА ОБЩАГО ЧИСЛА ЖИТЕЛЕЙ ВЪ СЕРБИИ.

Округа и уѣзды.	Сербовъ.		Валаховъ.		Цыганъ.		Инопле- менни- ковъ.	Всего.	
	1846.	1866.	1846.	1866.	1846.	1866.	1866.	1846.	1866.
г. Пожаревацъ.	3,691	5,671	362	371	—	844	23	4,053	6,909
уѣздъ его . .	15,346	21,652	2,578	3,096	294	1,146	8	18,218	25,902
у. Моравскій .	9,638	13,358	6,596	8,006	508	624	—	16,742	21,982
» Млавскій . .	10,031	13,644	10,400	13,907	165	559	5	20,596	28,115
» Голубацкій .	6,047	8,003	2,641	3,333	154	269	11	8,842	11,616

у. Рамскій . .	12,062	16,576	3,190	3,631	248	329	15	15,500	20,551
» Омољскій .	4,128	5,986	4,800	7,510	170	121	—	9,098	13,617
» Звиждскій .	2,016	2,867	6,129	8,717	226	371	143	8,371	12,098
о. Пожаревацкій	62,999	87,757	36,696	48,571	1,765	4,263	205	101,460	140,790
г. Нѣготинъ .	2,314	3,206	771	756	—	289	74	2,085	4,325
« Майданпекъ.	—	134	314	570	—	127	193	314	1,024
у. Порѣчско-									
Рѣчскій . .	1,237	912	4,938	5,969	14	295	4	6,189	7,180
» Ключскій . .	555	1,335	8,040	9,631	51	613	17	8,646	11,596
» Брзопаланск-									
скій . . .	5,313	7,338	10,244	13,589	191	606	—	15,748	21,533
» Краинскій .	8,853	11,521	9,319	12,439	47	669	6	18,219	24,635
о. Краинскій .	18,272	24,446	33,626	42,954	303	2,599	294	52,201	70,293
г. Заечаръ . .	1,305	3,103	946	392	20	339	26	2,271	3,860
у. Бољевацкій	7,788	10,725	9,211	12,768	301	546	—	17,300	24,039
» Заечарскій .	9,626	12,066	9,388	12,896	127	423	—	19,141	25,385
о. Чрнорѣчскій	18,719	25,894	19,545	26,056	448	1,308	26	38,712	53,284
г. Чупрія . .	1,809	2,372	—	39	17	22	6	1,826	2,439
у. Ресавскій .	19,536	24,453	4,997	6,650	485	537	—	25,018	31,640
» Парачинскій.	14,218	18,558	2,351	3,138	118	109	—	16,687	21,805
о. Чуврійскій .	35,563	45,383	7,348	9,827	620	668	6	43,531	55,884
Общее число	135,553	183,480	97,215	127,402	3,136	8,838	531	235,904	320,251

ТАБЛИЦА ОТНОШЕНІЯ НАРОДНОСТЕЙ ВЪ СЕРБІИ.

Округа и уѣзды.	Сербовъ.		Валаховъ.		Цыганъ.		Инопле-
	1846.	1866.	1846.	1866.	1846.	1866.	менни-
							ковъ.
							1866.
г. Пожаревацъ . .	91,07	82,08	8,93	5,37	—	12,22	0,83
у. Пожаревацскій .	84,24	83,59	14,15	11,95	1,61	4,42	0,04
» Моравскій . . .	57,57	60,77	39,40	36,40	3,03	2,83	—
» Млавскій . . .	48,70	48,53	50,50	49,47	0,80	1,99	0,04
» Голубацкій . . .	68,40	68,89	29,86	28,68	1,74	2,82	0,11
» Рамскій	77,82	80,63	20,58	17,67	1,60	1,60	0,08
» Омољскій	45,87	43,96	52,76	55,15	1,87	0,89	—
» Звиждскій . . .	24,09	23,70	73,81	72,05	2,70	3,15	1,10
о. Пожаревацкій .	62,10	62,93	36,16	34,50	1,74	3,02	0,15
г. Нѣготинъ . . .	75,01	74,13	24,99	17,48	—	6,68	1,71
» Майданпекъ . .	—	13,09	100,00	55,66	—	12,40	18,85
у. Порѣчско-Рѣчск.	19,98	12,70	79,79	83,13	0,23	4,11	0,06
» Ключскій . . .	6,46	11,51	92,93	83,06	0,59	5,29	0,14
» Брзопаланскій.	33,74	34,08	65,05	63,11	1,21	2,81	—

у. Краинскій . . .	48,59	46,77	51,15	50,49	0,36	2,72	0,01
о. Краинскій . . .	35,00	34,78	64,42	61,11	0,58	3,70	0,41
г. Заечаръ	57,46	80,39	41,65	10,16	0,89	8,78	0,67
у. Болъевадскій .	45,02	44,64	53,22	53,11	1,75	2,28	—
» Заечарскій . .	50,29	47,53	49,05	50,80	0,66	1,67	—
о. Чернорѣчскій .	48,33	48,60	50,48	48,90	1,17	2,45	0,03
г. Чупрія	99,07	97,23	—	1,60	0,93	0,90	0,23
у. Ресавскій . . .	78,08	77,28	19,98	21,02	1,94	1,70	—
» Парачинскій . .	85,20	85,11	14,08	14,89	0,72	0,50	—
о. Чупрійскій . .	81,70	81,21	16,88	17,58	1,42	1,20	0,01
Общее число . .	57,46	57,29	41,24	39,78	1,33	2,76	0,17

Изъ этихъ таблицъ видно, что въ теченіе 20 лѣтъ въ Пожаревадскомъ округѣ во всѣхъ уѣздахъ, по всѣмъ тремъ народностямъ, населеніе значительно прибавилось, и что только въ самомъ городѣ Пожаревацѣ количество Валаховъ увеличилось весьма незначительно; въ Омольскомъ уѣздѣ число Цыганъ уменьшилось почти на цѣлую треть. Въ Краинскомъ округѣ измѣненія гораздо значительнѣе: тамъ число Сербовъ въ Порѣчскомъ уѣздѣ значительно уменьшилось, а въ Краинскомъ уѣздѣ значительно увеличилось; это обстоятельство объясняется тѣмъ, что они съ Порѣча (острова) переселились во вновь выстроенный Майданпекъ, а пзъ Текинъ въ Петрово-село. Валахи всюду увеличились въ численности, исключая города Нѣготина. Въ Чернорѣчскомъ округѣ всѣ три народности увеличились въ численности, исключая Валаховъ въ Заечарѣ, гдѣ прежде подъ именемъ Валаховъ показывались чистые Сербы. Наконецъ, въ Чупрійскомъ округѣ Валахи также размножились даже болѣе Сербовъ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ВАЛАХОВЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ ПОЛА.

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Городъ Пожаревацъ	213	158	371
Уѣздъ Голубадскій	1,784	1,549	3,333
» Звиждскій	4,499	4,218	8,717
» Млавскій	7,202	6,705	13,907
» Моравскій	4,136	3,870	8,006
» Омольскій	3,924	3,586	7,510
» Пожаревадскій . . .	1,591	1,505	3,096
» Рамскій	1,853	1,778	3,631
Округъ Пожаревадскій . .	25,202	23,369	48,571

Городъ Нѣготинъ	419	337	756
» Майданекъ	315	255	570
Уѣздъ Брэопаланскій . .	6,940	6,649	13,589
» Ключскій	5,017	4,614	9,631
» Краинскій	6,296	6,143	12,439
» Порѣчско-Рѣчскій . .	3,089	2,880	5,969
Округъ Краинскій	22,076	20,878	42,954
Городъ Заечаръ	215	177	392
Уѣздъ Вольевацскій	6,630	6,138	12,768
» Заечарскій	6,571	6,325	12,896
Округъ Црнорѣчскій . . .	13,416	12,640	26,056
Городъ Чупрія	20	19	39
Уѣздъ Парачинскій	1,596	1,542	3,138
» Ресавскій	3,360	3,290	6,650
Округъ Чупрійскій	4,976	4,851	9,827
Общее число	65,670	61,738	127,408

Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, въ валашскомъ населеніи количество мужчинъ превышаетъ количество женщинъ; то же замѣтно и въ населеніи сербскомъ. Условія жизни одни и тѣ же для обѣихъ народностей: такъ какъ переселеніе въ Сербію превышаетъ численностью выселеніе, и притомъ, переселяется въ княжество больше мужчинъ, нежели женщинъ, то понятно, что въ Сербіи вообще мужчинъ больше, нежели женщинъ; кромѣ того, нельзя не замѣтить, что и излишекъ рожденій надъ смертностью значительно по отношенію къ мужскому полу.

Изложивъ свѣдѣнія о численности сербскаго, валашскаго и цыганскаго населенія въ тѣхъ краяхъ Сербіи, въ которыхъ встрѣчаются валашскія поселенія, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь и цифры средняго увеличенія этихъ народностей съ 1846 по 1866 годъ:

	Сербы.		Валахи.		Цыгане.		Всего.	
	Число душъ.	°/о увел.	Число душъ.	°/о увел.	Число душъ.	°/о увел.	Число душъ.	°/о увел.
Округъ Пожаревацскій	1,188	1,59	644	1,46	125	4,14	1,966	1,62
» Краинскій . .	309	1,45	467	1,22	115	7,93	905	1,48
» Црнорѣчскій .	359	1,61	325	1,42	43	5,06	729	1,58
» Чупрійскій . .	498	1,21	124	1,44	3	0,40	624	1,26
Всего . . .	2,354	1,49	1,560	1,37	286	4,75	4,224	1,52

Изъ этой таблицы видно, что по всѣмъ 7-ми округамъ приращеніе сербской народности было значительнѣе, чѣмъ приращеніе народности валашской; только въ Чупрійскомъ округѣ приращеніе Валаховъ значительнѣе приращенія Сербовъ, хотя здѣсь принято языкъ сербскій, а валашскій почти изгнанъ изъ устъ народа.

Главные сельбища валашской народности, какъ извѣстно, находятся въ Румынскихъ княжествахъ, но тѣмъ не менѣе Валахи живутъ и во всѣхъ сосѣднихъ государствахъ—въ Россіи, Австріи и Турціи. Въ Россіи они живутъ большими массами въ Бессарабіи, составляя здѣсь болѣе половины всего населенія; кромѣ того, они встрѣчаются въ Подольской и Херсонской губерніяхъ, преимущественно по берегамъ Днѣстра. Въ Австріи въ большомъ числѣ они живутъ въ Эрделѣ, гдѣ составляютъ 60% всего народонаселенія, въ Венгріи, гдѣ составляютъ болѣе 11%, и въ Буковинѣ, образуя 50% всего населенія; наконецъ, нѣкоторое число ихъ поселилось въ восточной части Военной Границы. Въ Турціи они живутъ преимущественно у Виддина и въ Добруджѣ. Общее же количество Валаховъ въ Европѣ можетъ быть принято слѣдующее:

Валахія и Молдавія . . .	въ 1859 году.	3.586,000
Россія	» 1857 »	685,000
Трансильванія	» 1869 »	1.250,000
Венгрія	» 1869 »	1.280,000
Буковина	» 1869 »	188,000
Военная Граница	» 1869 »	106,000
Турція	» 1867 »	50,000
Сербія	» 1866 »	137,000

Всего 7.282,000

Въ этомъ числѣ находится нѣкоторое число Цыганъ, которые употребляютъ на ряду со своимъ и валашскій языкъ, а иногда отдають даже послѣднему преимущество. Цыганъ, которые попали такимъ образомъ въ вышеприведенную таблицу, въ Валахіи—400,000, въ Россіи—30,000, въ Эрделѣ—100,000, въ Венгріи—80,000, въ Буковинѣ—5,000, въ Границѣ—2,000, и въ Сербіи—9,000, всего до 626,000 душъ. Такимъ образомъ, численность Валаховъ должна уменьшиться до 6.656,000 душъ, такъ что вообще Валаховъ только на 1 миллионъ душъ больше, чѣмъ Сербовъ.

Обращаемся къ обзору *Цыганъ* въ княжествѣ Сербскомъ. Обыкновенно полагаютъ, что Цыгане лишь въ 1416 году появились на нижнемъ Дунаѣ, затѣмъ тотчасъ же перешли въ Венгрію, а въ 1418 году встрѣчаются уже въ Чехіи и Германіи. Думаютъ также, что отечество ихъ Индія, и что переселеніемъ части ихъ въ Европу наша часть свѣта обязана тѣмъ опустошеніямъ, которыя совершены были на ихъ родинѣ Тамерланомъ въ 1398 году. Что языкъ ихъ принесенъ ими изъ Индіи, доказывается вполнѣ сходствомъ ихъ рѣчи съ санскритомъ, но приходъ ихъ въ Европу, одновременный съ появленіемъ Османлійскихъ Турокъ, болѣе чѣмъ невѣроятенъ. Уже старѣйшина всѣхъ европейскихъ лѣтописцевъ Геродотъ утверждаетъ, что въ нынѣшней Валахіи и въ Банатѣ жили между различными народами и *Сигане*, что чрезвычайно сходно съ Цыганами, да и до сей поры Цыганъ въ этихъ мѣстностяхъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Нигдѣ нѣтъ столько Цыганъ, сколько ихъ въ Валахіи, да и притомъ представители этой народности постепенно убываютъ повсюду, кромѣ лишь Валахіи. Какъ замѣчена та характерная этнографическая черта, что Евреевъ много тамъ, гдѣ много Поляковъ, точно также и Цыгане живутъ преимущественно тамъ, гдѣ живутъ Валахи. На 10 Валаховъ приходится болѣе одного Цыгана. Есть много основаній предполагать, что Цыгане составляли значительный контингентъ населенія древней Дакии, которую во II в. по Р. Х. покорили Римляне и населили своими колонистами, а затѣмъ опустошили и покорили Готы и Гунны. Извѣстно, что Остготы основали свое царство въ Испаніи, и что до сихъ поръ Испанцы называютъ Цыганъ *Гитанами*, что весьма напоминаетъ самое названіе Готовъ. Цыганъ много и въ Сербіи, а именно около 2% всего народонаселенія принадлежитъ къ цыганской народности, такъ что въ таблицѣ народовъ, населяющихъ Сербію, они стоятъ на третьемъ мѣстѣ. Что они переселились, вѣроятно, изъ Валахіи, доказывается тѣмъ, что наравнѣ съ своимъ природнымъ языкомъ они употребляютъ и валашскій. Только тѣхъ Цыганъ, которые живутъ въ Подриньѣ, можно считать старосельцами, и здѣсь они говорятъ по большей части по сербски.

ЧИСЛО ЦЫГАНЪ ВЪ СЕРВІИ ПО ВЪРОИСПОВѢДАНІЯМЪ.

	1846.		1866.		Христіанъ.		Магометанъ.		Общее число.		Число браковъ.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	1846.	1866.	1846.	1866.	1846.	1866.	1846.	1866.
Городъ Бѣлградъ	128	88	62	48	96	110	120	—	216	101	70	31
Округъ Алексинацкій	499	520	478	447	448	93	571	832	1,019	925	208	184
» Бѣлградскій	869	814	1,033	1,064	1,596	2,117	87	—	1,683	2,117	332	427
» Вальевскій	492	469	1,249	1,230	897	2,248	64	231	961	2,479	200	484
» Бялзевецкій	320	302	481	505	17	2	605	984	622	986	133	199
» Крагуевацкій	602	550	789	738	921	1,154	231	373	1,152	1,527	243	312
» Краинскій	156	147	1,298	1,301	303	2,599	—	—	303	2,599	67	532
» Крушевацкій	189	160	210	212	70	160	279	262	349	422	81	95
» Подринскій	471	432	386	331	68	47	835	670	903	717	195	137
» Пожаревацкій	899	866	2,193	2,070	1,765	4,263	—	—	1,765	4,263	379	983
» Рудникскій	52	61	107	104	113	161	—	50	113	211	19	37
» Смедеревскій	788	720	1,257	1,239	1,464	2,496	44	—	1,508	2,496	294	523
» Ужичскій	242	227	56	54	2	10	467	100	469	110	105	23
» Приоръскій	235	213	632	626	234	939	214	369	448	1,308	105	262
» Чачакскій	63	56	21	17	45	—	74	38	119	38	26	9
» Шабацскій	1,011	911	1,417	1,424	1,552	2,256	370	585	1,922	2,841	406	559
» Ягодинскій	368	371	455	458	496	607	243	306	739	913	169	188
» Чуриѣвскій	324	296	326	346	551	534	69	138	620	672	134	133
Всего	7,708	7,203	12,520	12,214	10,638	19,796	4,273	4,938	14,911	24,734	3,166	5,118

Таблица эта ясно показывает численность Цыганъ въ 1846 и 1866 годахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя большинство Цыганъ и исповѣдуетъ христіанство, тѣмъ не менѣе остатки древне-языческаго культа еще очень живы у нихъ. Меньшинство Цыганъ исповѣдуетъ исламизмъ, но принадлежность ихъ къ магометанству выражается лишь въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядахъ, напримѣръ, въ обрѣзаніи, въ присвоеніи магометанскихъ именъ и т. п.; настоящіе же мусульмане никогда не допускаютъ ихъ съ собою въ джамію и не молятся съ ними вмѣстѣ. Поэтому, на Цыганъ слѣдуетъ смотрѣть скорѣе, какъ на невѣрныхъ, чѣмъ какъ на истинныхъ мусульманъ; они не имѣютъ ни молитвенныхъ зданій, ни духовенства. Тѣмъ болѣе очевидно, что скоро наступитъ то время, когда всѣ они сдѣлаются православными. Въ городѣ Бѣлградѣ и въ округахъ Бѣлградскомъ, Кранинскомъ, Пожаревацкомъ и Смедеревскомъ православныхъ Цыганъ уже болѣе, чѣмъ магометанъ, но въ Рудникскомъ и въ Чачакскомъ ихъ еще очень мало; много же ихъ лишь въ тѣхъ округахъ, которые граничатъ съ Болгаріей, то есть, въ Алексинацкомъ и Княжевацкомъ.

Что касается до отношенія между полами, то слѣдуетъ замѣтить, что и у Цыганъ, какъ у остальнаго населенія Сербіи, замѣтно преобладаніе въ численности мужскаго пола надъ женскимъ. Это объясняется какъ тѣмъ, что Цыгане не обязаны выставлять контингентъ постоянного войска, такъ и тѣмъ, что и у нихъ инколонизація превышаетъ эксколонизацію.

Общее число Цыганъ, какъ видно изъ таблицы, сильно увеличивается (сильнѣе, чѣмъ увеличивается народонаселеніе Сербовъ и Валаховъ): въ 1846 году оно составляло 15,000 душъ, а въ 1866 г. 25,000 душъ. Такое значительное увеличеніе главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что съ 1856 года Цыгане начали переселяться въ Сербію изъ Валахіи, выйдя изъ того рабскаго положенія, въ которомъ они находились до той поры въ Дунайскихъ княжествахъ. Извѣстно, что у валахскихъ бояръ Цыгане занимали всѣ домашнія должности и даже нянчили ихъ дѣтей. Цыгане и французскіе учителя обоихъ половъ—вотъ та челядь, которою окружаютъ себя валахскіе господа, и въ кругу которыхъ растутъ и воспитывается валахская аристократія. Въ сосѣднихъ съ Валахіей округахъ Сер-

бин цыганская колонизация и произошла изъ этихъ именно переселенцевъ, которые перешли границу вслѣдствіе боязни, чтобъ эта новая эмансипация не оказалась такою же, какая была уже объявлена разъ въ 1848 году. Сказанное о переселеніи Цыганъ изъ Валахій относится лишь до Цыганъ-христіанъ; Цыгане-магометане, напротивъ того, выселились изъ Сербіи въ значительномъ числѣ въ 1862 году. Когда покидали Сербію Турки, то вмѣстѣ съ ними и Цыгане-магометане удалились изъ городовъ и округовъ Бѣлградскаго, Подринскаго, Смедеревскаго и Ужицкаго; только Шабацие Цыгане-магометане остались на мѣстѣ, такъ какъ они надѣялись получить большія выгоды отъ Сербовъ, чѣмъ отъ Турокъ. Если бы не случилось этого послѣдняго выселенія, то число Цыганъ въ Сербіи возрасло бы еще на 1,000 душъ.

Цыгане раздѣляются въ Сербіи на осѣдлыхъ и скитающихся. Къ числу первыхъ относятся всѣ почти магометане и нѣкоторая часть христіанъ, къ числу же послѣднихъ — остальные христіане. До 1855 года Цыгане всѣ платили *арачъ* трехъ родовъ, но въ этомъ году арачъ остался лишь для скитающихся, а всѣ осѣдлые были подчинены системѣ сборовъ, существующей для всего остальнаго населенія. Слѣдующая таблица можетъ показать постепенное увеличеніе арачныхъ душъ, по которому мы можемъ смѣло заключать вообще объ увеличеніи цыганскаго населенія.

Годы.	Число арачныхъ душъ.	Годовое увеличеніе.
1840	2,440	
1841	2,479	+ 39
1842	2,559	+ 80
1843	2,593	+ 34
1844	2,527	— 66
1845	2,820	+ 293
1846	2,942	+ 122
1847	2,939	— 3
1848	3,269	+ 330
1849	3,212	— 57
1850	3,240	+ 38
1851	3,410	+ 170
1852	3,523	+ 113
1853	3,597	+ 74
1854	3,578	— 19

Итакъ, видно, что въ 14 лѣтъ арачныя души увеличивались среднимъ числомъ на 83 души въ годъ, что составляетъ 2,71%. Эта цифра гораздо значительнѣе цифры общаго увеличенія народонаселенія, которая простирается лишь до 1,5 %. Такимъ образомъ оказывается, что Цыгане вовсе не угнетены въ Сербіи и имѣютъ всѣ средства для своего существованія и матеріальнаго обезпеченія.

Кромѣ Валаховъ и Цыганъ, которые вмѣстѣ съ Сербами составляютъ туземное населеніе страны, имѣется въ Сербіи и значительное число представителей другихъ народностей, которые переселились сюда въ позднѣйшее время. Большинство ихъ суть подданные иностранныхъ государствъ, и лишь незначительная часть ихъ приняла сербское подданство. Изъ Славянъ есть Чехи, Поляки, Русскіе и Хорваты, изъ другихъ народовъ—Нѣмцы, Испанцы, Мадьяры, Греки, Турки, Италіянцы, Французы и Англичане.

Между Испанцами числятся также и *Евреи*, которые говорятъ по большей части по испански; они приобрѣли ограниченное право гражданства въ 1859 году и могутъ жить по всѣмъ городамъ княжества, тогда какъ прежде они имѣли право жить лишь въ Бѣлградѣ. Въ 1846 году считали ихъ 1562 души (786 мужчинъ и 776 женщинъ), а въ 1866 году ихъ насчитали 1560 душъ, изъ которыхъ было 767 мужчинъ и 793 женщины. Принимая въ соображеніе способность Евреевъ плодиться и ихъ постоянное переселеніе изъ Австріи, можно бы было надѣяться на увеличеніе числа ихъ до 3,000, но кровавое столкновеніе Сербовъ съ Турками въ 1862 году заставило весьма многихъ Евреевъ совсѣмъ переселиться изъ княжества.

Нѣмецкое населеніе состоитъ изъ ремесленниковъ въ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ, Шабацѣ, Пожаревцѣ и Майданпекѣ, и кромѣ того, изъ слугъ въ первомъ городѣ, гдѣ какъ католики, такъ и протестанты, имѣютъ свою капеллу и духовенство. То же самое можно сказать и про *Мадьяръ*. Представителей остальныхъ народностей весьма мало; они или занимаются ремеслами или служатъ на сербской государственной службѣ, или наконецъ, состоятъ въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ при сербскомъ правительствѣ.

ОБЩАЯ ТАБЛИЦА НАМ

№	О к р у г а .	Ч и с л о						
		В с е г о .			С е р б о в ъ .			В
		МУЖЧ.	ЖЕН.	ВСЕГО.	МУЖЧ.	ЖЕН.	ВСЕГО.	МУЖЧ.
1	Гор. Бѣлградъ . .	14,876	10,213	25,089	12,494	8,019	20,513	94
2	Алексинацкій . .	24,671	23,465	48,136	24,176	23,010	47,186	—
3	Бѣлградскій . . .	33,043	30,837	63,880	31,990	29,773	61,763	—
4	Вальевскій . . .	43,177	40,306	83,483	41,919	39,064	80,983	—
5	Княжевацкій . .	28,136	26,943	55,079	27,652	26,433	54,085	—
6	Крагуевацкій . .	50,983	47,158	98,141	50,005	46,323	96,328	6
7	Краинскій	36,021	34,272	70,293	12,530	12,039	24,569	22,076
8	Крушевацкій . . .	34,749	32,690	67,439	34,539	32,478	67,017	—
9	Подринскій . . .	24,623	24,204	48,827	24,237	23,873	48,110	—
10	Пожаревацкій . .	72,974	67,816	140,790	45,435	42,243	87,678	25,202
11	Рудникскій . . .	24,070	23,397	47,467	23,962	23,293	47,255	1
12	Смедеревскій . .	30,934	29,143	60,077	29,652	27,873	57,525	15
13	Ужицскій	52,794	51,583	104,377	52,733	51,527	104,260	—
14	Црнобрѣжскій . .	27,559	25,725	53,284	13,444	12,451	25,895	13,416
15	Чачакскій	29,869	28,168	58,037	29,826	28,140	57,966	—
16	Шабацкій	37,677	35,942	73,619	36,140	34,432	70,572	—
17	Ягодинскій	31,856	30,328	62,184	31,377	29,860	61,237	1
18	Чупрійскій	28,585	27,299	55,884	23,276	22,096	45,372	4,976
Всего		626,597	589,489	1,216,086	545,387	512,927	1,058,314	65,787 6

ВЪ СЕРВИИ 1866 ГОДА.

и т е л е й.																					
Чеховъ.			Поляковъ.			Нѣмцевъ.			Мадьяръ.			Испанцевъ.			Италіанцевъ.			Французовъ.			
м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	мужч.	жен.	всего.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	
9	185	136	321	13	16	29	930	985	1,915	253	264	517	652	671	1,323	11	6	17	9	4	13
	7	3	10	—	—	—	3	3	6	7	2	9	—	—	—	—	—	—	—	—	
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	12	21	—	—	—	—	—	
	—	—	—	—	1	1	1	—	1	2	4	6	—	—	—	—	—	—	—	—	
6	17	15	32	1	1	2	113	72	185	47	7	54	1	1	2	—	—	—	3	1	4
4	49	33	82	9	4	13	87	62	149	14	1	15	3	2	5	13	6	19	9	6	15
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1	9	6	15	—	—	—	80	66	146	22	20	42	32	41	73	1	1	2	—	—	
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	16	26	—	—	—	—	—	
	—	—	—	—	—	—	5	2	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
56	4	4	8	1	—	1	7	2	9	3	2	5	—	—	—	2	—	2	—	—	
	3	1	4	—	—	—	19	10	29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	—	1	1	1	3	4	80	50	130	11	5	16	28	27	55	—	—	—	—	—	
1	4	—	4	—	—	—	7	5	12	11	5	16	—	—	—	1	—	1	—	—	
27	1	1	2	—	—	—	—	—	—	3	1	4	3	4	7	—	—	—	—	—	
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
45	279	200	479	25	25	50	1,332	1,259	2,589	373	311	684	738	774	1,512	28	13	41	21	11	32

Вышеприведенная таблица весьма наглядно показываетъ, сколько представителей каждой народности живетъ въ каждомъ изъ округовъ. Изъ нея же явствуетъ, что Сербія есть страна чисто славянская, такъ какъ Славяне живутъ въ ней въ количествѣ $\frac{9}{10}$ всего населенія. Валахи, кромѣ своихъ четырехъ восточныхъ округовъ, гдѣ они живутъ компактными массами, живутъ еще въ городахъ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ, Ягодинѣ и Горномъ Милановцѣ; кромѣ нихъ, есть кое-гдѣ и иные представители Романскаго племени—Цыпцары, которые однако успѣли уже осербиться, точно также, какъ Болгары. Представители иныхъ народностей живутъ въ городахъ, а Цыгане живутъ преимущественно по уѣздамъ. Русскихъ, Хорватовъ, Грековъ, Турокъ и Англичанъ весьма малое число находится въ Бѣлградѣ.

Общее количество народонаселенія княжества по народностямъ въ 1866 году было слѣдующее:

Наименованіе народностей.	Число жителей.			Итого на 100.
	Мужч.	Женщ.	Всего.	
1. Сербовъ	545,320	512,867	1.058,187	87,02
2. Валаховъ	65,787	61,758	127,545	10,49
3. Цыганъ	12,520	12,214	24,734	2,03
4. Нѣмцевъ	1,332	1,257	2,589	0,21
5. Испанцевъ	73	774	1,512	0,12
6. Мадыаръ	373	311	684	0,06
7. Чеховъ	279	200	479	0,04
8. Грековъ	136	47	183	0,015
9. Поляковъ	25	25	50	—
10. Италіанцевъ . .	28	13	41	—
11. Французовъ . .	21	11	32	—
12. Турокъ	25	2	27	—
13. Англичанъ . . .	5	5	10	—
14. Русскихъ	5	2	7	—
15. Хорватовъ . . .	3	3	6	—
Всего . .	626,597	589,489	1.216,086	100,00

Округа.	На 10,000 жителей приходится:			
	Сер- бовъ.	Вала- ховъ.	Цы- ганъ.	Ино- страницъ.
1. Г. Бѣлградъ . . .	8,176	40	44	1,740
2. Алексинацскій .	9,803	—	192	20

3. Бѣлградскій . . .	9,668	—	832	—
4. Ваљевскій . . .	9,701	—	297	2
5. Княжевацскій . .	9,820	—	179	1
6. Крагуевацскій . .	9,815	1	155	29
7. Краинскій . . .	3,477	6,111	870	42
8. Крушевацскій . .	9,938	—	62	—
9. Нодринскій . . .	9,853	—	147	—
10. Пожаревацскій . .	6,220	3,449	303	28
11. Рудникскій . . .	9,955	—	45	—
12. Смедеревскій . .	9,575	5	415	5
13. Ужицскій . . .	9,989	—	11	—
14. Црноръчскій . .	4,860	4,890	246	4
15. Чачакскій . . .	9,988	—	6	6
16. Шабацскій . . .	9,586	—	386	28
17. Ягодинскій . . .	9,848	—	147	5
18. Чуприйскій . . .	8,119	1,758	120	3
<hr/>				
Всего въ Сербіи	8,702	1,049	203	46

Изъ вышесказаннаго видно, что пятнадцать народностей имѣютъ своихъ представителей въ Сербіи, но что только три народности заслуживаютъ наибольшаго вниманія, такъ какъ, въ сравненіи съ ихъ численностью, численность остальныхъ составляетъ лишь ничтожный процентъ всего населенія. По всѣмъ вѣроятіямъ, Сербы, какъ народъ главенствующій и имѣющій свою собственную культуру, осербитъ со временемъ остальные народности, и конечно, это произойдетъ скорѣе всего съ тѣми, кто исповѣдуетъ одну съ Сербами религію. Болгары, населяющіе въ значительномъ числѣ восточныя окраины Сербіи, въ самомъ скоромъ времени должны усвоить сербскій языкъ, какъ болѣе пригодный по своему благозвучію для прозы и поэзіи, нежели языкъ болгарскій.

Послѣдняя таблица показываетъ намъ, что кромѣ Краинскаго и Черноръчскаго округовъ, Сербы вездѣ составляютъ большинство, да скоро и въ Черноръчскомъ округѣ число ихъ превыситъ число чужаковъ. Не пройдетъ и одного человѣческаго вѣка, какъ всѣ инородцы въ Сербіи, наравнѣ съ своимъ роднымъ языкомъ, будутъ говорить и по сербски, такъ какъ знаніе этого языка будетъ имъ необходимо въ жизни.

Въ концѣ настоящаго очерка не будетъ излишне изложить кон-

кретныя и процентныя цифры увеличенія разныхъ народностей въ Сербіи съ 1846 по 1866 годъ.

Наименованіе народностей.	В с е г о.		Н а с т о.		Увеличилось въ годъ.	
	1846	1866	1846	1866	Средняя.	На сто.
Сербовъ	802,954	1.058,187	87,78	87,02	12,762	1,37
Валаховъ	97,215	127,545	10,59	10,49	1,516	1,35
Цыганъ	14,911	24,734	1,62	2,02	491	2,48
Иностранцевъ . .	—	5,620	—	0,46	—	—
Всего	915,080	1.216,086	100	100	15,050	1,40

Въ годъ первой переписи въ Сербіи было такъ мало иностранцевъ, что ихъ отдѣльно не считали, но показывали вмѣстѣ съ Сербами. Тотъ фактъ, что процентъ Сербовъ въ 1866 году уменьшился противъ 1846 года, объясняется несоразмѣрнымъ наплывомъ Цыганъ послѣ эмансипаціи 1856 года; то же самое видно и изъ того, что цифра цыганскаго населенія значительно увеличилась, между тѣмъ какъ цифра сербскаго и валахскаго населенія осталась безъ измѣненія.

В. Языничъ.

Бѣлградъ.
Ноябрь 1871 года.

ОЧЕРКИ ЧАСТНАГО БЫТА

ЕВРЕЕВЪ.

ОЧЕРКИ ЧАСТНАГО БЫТА ЕВРЕЕВЪ.

Вмѣсто предисловія — выписка изъ письма д. чл. П. И. Небольсина въ Совѣтъ Имп. Р. Геогр. Общества.

Предположивъ передать въ Отдѣленіе Этнографіи въ высшей степени интересныя и для людей, чуждыхъ еврейству, совершенно таинственныя, хотя и въ значительной мѣрѣ пиническія „Установленія о Миквѣ“, нѣсколько выясняющія одну изъ причинъ необыкновенной плодovitости Еврейскаго племени, я считаю себя обязаннымъ предпослать этой статьѣ нѣсколько общихъ замѣчаній, выясняющихъ степень довѣрія, которое можно питать какъ къ моимъ познаніямъ, такъ и къ самому тексту „Установленій“, обнажающему, такъ сказать, одну изъ самыхъ сокровенныхъ бытовыхъ сторонъ жизни Евреевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, которая отличается отъ жизни Евреевъ въ Одессѣ и Прибалтійскомъ краѣ своимъ коснѣніемъ въ старовѣрствѣ, фанатизмъ и религіозномъ изувѣрствѣ.

Я поселился въ Сѣверо-Западномъ краѣ, такъ сказать, съ перваго выстрѣла мятежниковъ, и въ началѣ марта 1863 года былъ уже въ Гроднѣ; пробылъ тамъ въ теченіе шести лѣтъ членомъ Гродненскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и въ этомъ званіи изъѣздилъ не одинъ разъ всю Гродненскую губернію для посѣщенія крестьянскихъ волостей, при чемъ имѣлъ возможность производить наблюденія и надъ жизнью Евреевъ. Всѣ эти шесть лѣтъ я выжилъ на одной и той же квартирѣ въ домѣ хозяина-Еврея, семья котораго жила тутъ же, и къ образу

жизни этой семьи я могъ вполне тщательно присмотрѣться, окруживъ себя къ тому же многочисленнымъ еврейскимъ знакомствомъ разнаго рода. Съ апрѣля 1869 года по февраль 1871 года я былъ старшимъ, при мѣстномъ генералъ-губернаторѣ, чиновникомъ особыхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, порученій и по обязанностямъ службы не разъ посѣщалъ губерніи Виленскую и Ковенскую. Съ февраля 1871 года я занимаю должность Виленскаго отдѣльнаго цензора по внутренней цензурѣ, и понятное дѣло, обязанъ тщательно вникать во всѣ фазисы литературнаго движенія въ краѣ. Но такъ какъ я, подобно моимъ предшественникамъ, еврейскимъ языкомъ не обладаю, то для еврейской цензуры въ Вильнѣ и нынѣ состоятъ при мнѣ два ученые сотрудника-Еврея, семейные въ цвѣтѣ лѣтъ люди, извѣстные своими трудами, пользующимися огромнымъ уваженіемъ. Одинъ изъ нихъ — Овсей Наумовичъ Штейнбергъ, старшій учитель еврейскаго и халдейскаго языковъ при Виленскомъ раввинскомъ училищѣ, авторъ, между прочимъ „Полнаго курса еврейской грамматики для систематическаго изученія языка ветхаго завета, его исторіи, этимологіи и синтаксиса“ и интересной статьи, напечатанной въ 1871 году, въ Вѣстникѣ Европы: „Органическая жизнь языка“; другой, равномѣрно дѣятельный мой сотрудникъ — Асиръ Лазаревичъ Воль, тоже старшій учитель раввинскаго училища по кафедрѣ талмуда и религіозныхъ узаконеній, издавшій нѣсколько строго-научныхъ изслѣдованій по эзрензму, и между прочимъ, „Исторію Евреевъ“, „Опытъ перевода изъ Мишны трактата Берахотъ“ (о благословеніяхъ), переводъ „Молитвъ Евреевъ“ и проч. Безпрестанное сближеніе, по цензурѣ еврейскихъ книгъ, съ такими почтенными, научно-развитыми сотрудниками дало мнѣ возможность воспользоваться ихъ готовностію самымъ точнымъ, почти буквальнымъ образомъ перевести одну брошюру, содержащую въ себѣ строго-обязательныя для женщинъ „Установленія о Миквѣ“: этотъ-то переводъ, съ моими въ нѣкоторыхъ параграфахъ объяснительными статьями, я и представляю благосклонной внимательности Отдѣленія Этнографіи Географическаго Общества.

ВВЕДЕНІЕ.

Израильскій народъ, населяющій Сѣверо-Западный край, раздѣляется на двѣ коренныя, но далеко неравночисленныя отрасли: „Евреевъ“, болѣе или менѣе признающихъ Талмудъ и вѣрующихъ въ каждую его букву, и „Караймовъ“, отвергающихъ Талмудъ, хотя и они все-таки не чистые библиевсты, не строгіе мозаисты, ибо и они руководствуются тоже собственнымъ собраніемъ своихъ преданій. Караймское населеніе, всего лишь въ нѣсколько сотъ семей, я нашелъ только въ городѣ Тровахъ, да нѣсколько мелкихъ отбросковъ его встрѣтилъ въ Вильнѣ; есть, безъ сомнѣнія, еще кое-гдѣ Караймы, незамѣтные въ массѣ, какъ единичные жители. Уподоблять здѣшнихъ Караймовъ Караймамъ, живущимъ въ Евпаторіи и въ Чуфутъ-кале, понятное дѣло, невозможно. Народный говоръ у здѣшнихъ Караймовъ—ломанное татарское нарѣчіе, съ нѣкоторымъ процентомъ словъ польскихъ и русскихъ, а кое-какая литература, или лучше сказать, издаваемая для употребленія Караймовъ книги пишутся на древнемъ библейскомъ *еврейскомъ* языкѣ, кромѣ трудовъ г. Фирковича, пишущаго *по-раввински*. Караймъ съ Евреемъ не ведутъ разговора иначе какъ по-русски или по-польскіи: еслибъ они вздумали говорить каждый на своемъ просторѣчьи, то никогда не поняли бы другъ друга. Несомнѣнное дѣло, что Караймы владѣютъ польскою рѣчью бойчѣе, чѣмъ русскою, хотя и по-русски тоже говорятъ хорошо, а караймскихъ женщинъ рѣшительно уже ничѣмъ нельзя отличить отъ „тутѣйшихъ“ шляхтановъ, или разныхъ паннъ и паней.

Евреи, то-есть, главная, миллионная, масса здѣшняго населенія, въ домашнемъ быту говорятъ *по-жидовски*, то есть, ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ; напримѣръ, вмѣсто „kommen“ произносятъ „кум“, вмѣсто „geh'weg“—„ге авек“; вмѣсто „Vater“—„фотеръ“; вмѣсто „wollen wir gehen spazieren“—„ло миръ гейнъ спадирнъ“; но въ просторѣчьи этомъ есть множество словъ русскихъ, польскихъ и иныхъ народовъ, среди которыхъ Евреи совершали свое

историческое странствование; напимѣрь, у нихъ право гражданства получили слова: *крыя* вмѣсто *льдины*, *призба*—земляной прилавокъ при хатѣ, *макетеръ* или *тѣрле* — глиняный прямоствнный горшокъ, въ которомъ готовится національное еврейское блюдо „кугель“: это слово—русское „макотѣръ“, или общепотребительнѣе—„макитра“, горшокъ, въ чемъ макъ трутъ, отъ того же и тѣрле. Просторѣчїе свое, или какъ бы сказать — „жаргонъ“, сами Евреи называютъ „йдишь“ (юдишь), когда выражаются устно, и „ивритѣйцъ“, то есть, еврейско-нѣмецина, когда говорятъ о просторѣчїи въ печати, но *жидовскимъ* языкомъ называть его не любятъ. Богослужебныя ихъ книги и разсужденія излагаются у нихъ на мертвомъ древне-еврейскомъ, то есть, на библейскомъ языкѣ, но всѣ духовныя сочиненія и богословско-философскія изслѣдованія пишутся тоже на мертвомъ, *раввинскомъ* языкѣ, то есть, на древне-еврейскомъ же, но съ сильною примѣсью халдейскаго; поэтому мы видимъ, что въ одной и той же книгѣ текстъ весь печатается на ветхозавѣтномъ еврейскомъ языкѣ, а комментарїи къ нему — на раввинскомъ. Наконецъ, почти всѣ книги кабалистическаго содержанія, то есть, касающіяся гностики, мистики, пишутся обыкновенно опять-таки на мертвомъ языкѣ — *по халдейски*, тогда какъ всѣ молитвенники для женщинъ, и равномѣрно, сочиненія по части легкой литературы пишутся обыкновенно на живомъ языкѣ *по-жидовски*, на просторѣчїи. Всѣ эти четыре рода письменности изображаются въ рукописяхъ и печатаются въ книгахъ еврейскими буквами, еврейскимъ шрифтомъ, а нѣсколько десятилѣтїй назадъ были еврейскими же буквами напечатаны даже чисто нѣмецкіе переводы, напимѣрь, весь ветхій-завѣтъ, и позже, нѣкоторыя части Талмуда; но теперь этого уже не бываетъ.

Прежде, не такъ еще давно, Евреи и думать не дерзали, чтобъ возможно было печатать „священными“ буквами такія вздорныя, по ихъ мнѣнію, вещи, которыя, будучи лишены религіознаго содержанія, относятся къ какому-нибудь роду литературы свѣтской: это называли профанацией святаго дѣла печати. Въ фанатизированной и до чрезвычайности набожной массѣ еврейскаго населенія эту мысль о профанации очень старались поддерживать, вслѣдствіе того, что въ Вильнѣ, напимѣрь, была только одна на весь край, да

то привилегированная, еврейская типографія и такъ была завалена работами, что бывшія въ большомъ ходу книги ей приходилось печатать стереотипомъ ¹⁾; доходы съ книжнаго дѣла были отлично гарантированы, потому что книги расходились между Евреями въ громадныхъ массахъ и такими невѣдомыми, но вѣрными, путями, о какихъ, вѣроятно, не додумался еще ни одинъ изъ нашихъ коробейниковъ. Нельзя при этомъ упускать изъ виду, что Евреи *всею пополюсно* грамотны; едва ли на тысячу человекъ найдется одинъ незнающій читать и писать. И что жъ бы это былъ за человекъ, какой онъ былъ бы Еврей, какъ сталъ бы онъ отправлять свои молитвы, которымъ нѣсть числа, и процессъ чтенія которыхъ составляетъ всю суть богослуженія у Евреевъ? Женщинъ неграмотныхъ гораздо больше, но у нихъ и молитвъ меньше, и религиозныхъ, строго-обязательныхъ надобностей неизмѣримо меньше, чѣмъ у мужчинъ. Но времена измѣнились, и нѣкоторыя привилегіи прекратились; право владѣнія типографіей расширено, явилась конкуренція, понадобилось кусокъ хлѣба схватывать съ боя — и вотъ теперь у Евреевъ возникла свѣтская литература: мы видимъ еврейскіе сатирическіе рассказы, еврейскіе романы, еврейскіе журналы и газеты.

Собственно-Евреи раздѣляются нынѣ на двѣ громадныя, но не равночисленныя массы: одна масса — это миснагедъ, во множественномъ миснагедимъ, по-русски, слово въ слово, „противники“; но по русскимъ понятіямъ миснагедъ обозначаетъ обыкновеннаго, намъ всѣмъ знакомаго Еврея; другая масса — это хасиды или такъ здѣсь называемые „скагунчики“, съ ихъ падиками. Самимъ Евреямъ слово „скагуны“ — не извѣстно.

Секта хасидовъ возникла съ конца прошлаго столѣтія, но она

¹⁾ Стереотипомъ и теперь многое печатается, конечно больше все старое, но Еврею дѣнное и дорогое. Нынѣ лучшая въ Вильнѣ еврейская типографія — это старая типографія Ромма; завѣдующій ея стереотипнымъ отдѣленіемъ г. Пункинъ, конечно — Еврей же, обучился этому дѣлу въ Кіево-Печерской лаврѣ, гдѣ пробылъ долгое время. Въ этой старинной типографіи гг. Роммовъ, кромѣ стереотипнаго отдѣла, обращаютъ на себя вниманіе прекрасное переплетное отдѣленіе (прекрасное по отношенію къ Вильнѣ, но никакъ не къ Петербургу) и цѣлый, въ примѣрномъ порядкѣ содержимый архивъ стереотипныхъ досокъ.

такъ быстро разрослась, и донныѣ еще, какъ кажется, разростается, что мудроно сказать навѣрное: какихъ Евреевъ больше, обыкновенныхъ ли, или хассидовъ. Хассидами переполнена вся Бессарабская область, вся Подоля, вся Кіевская губернія, вся губернія Волынская; губерніи Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, и особенно, весь Привислянскій край, а далѣе вся Галиція почти сплошь усѣяны хассидами. Въ самой Вильнѣ, этихъ Аоннахъ, этомъ Іерушалаимѣ русскаго еврейства, не смотря на громадныя успѣхи просвѣщенія, хассидовъ можно насчитать не одну тысячу, но здѣсь ихъ, относительно къ другимъ Евреямъ, несравненно меньше; въ Ковенской ихъ еще меньше. Въ хассидизмѣ, какъ и во всякомъ расколѣ, сторонники его раздѣляются на нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ группъ или сектъ, каждая съ какимъ-нибудь особымъ отгѣнкомъ религіозныхъ вѣрованій, и у каждой группы непременно есть свой отдѣльный цадикъ, чуть-чуть не обожествляемый своими поклонниками. Но каждый цадикъ строго соблюдаетъ территоріальныя границы своего владѣнія, и цадикъ изъ мѣстечка Волѣжина, что въ Опшмянскомъ уѣздѣ, не осмѣлится посѣтить Волковыскаго или Кобринскаго уѣзда, гдѣ владычествуютъ цадики—для Волковыскаго изъ другого угла Виленской, а для Кобринскаго уѣзда изъ особаго угла Минской губерніи.

Хассидизмъ возникъ съ разумною цѣлью. Евреи, какъ я вскользь уже замѣтилъ, преданы больше наружной обрядности, чѣмъ внутреннему религіозному чувству, и всю свою набожность они выражаютъ тѣмъ, что безустанно подвергаютъ себя процессу чтенія назидательныхъ и молитвенныхъ книгъ. Основною идеей хассидизма первоначально было — не читать двадцать разъ одну молитву безъ толку, лишь бы не пропустить срочнаго, на нее часу, а прочесть хоть разъ, но проникнуться ею до глубины души. Но основная идея раскола въ необразованной, загрубѣлой толпѣ теперь исчезла: хассиды теперь самое фанатизированное и самое регрессивное населеніе, и проникновеніе себя молитвою они выражаютъ едва ли не однимъ тѣмъ, что въ синагогѣ или въ миньйонѣ, то есть, въ еврейской школѣ ¹⁾, они таращатъ и вывертываютъ себѣ

¹⁾ Школа у Евреевъ совсѣмъ не то, что у насъ обыкновенно разумѣютъ подъ

глаза, бьютъ себя въ грудь, потрясаютъ кулаками по направленію къ небу и выдѣлываютъ нестерпимые даже для хладнокровнаго зрителя молитвенные жесты и кривлянія, сопровождаемые самыми неожиданными всхлипываніями, вздохами, воемъ, ревомъ и взвизгиваніемъ. Основой этого — слова псалмопѣвца: „всѣ кости мои заговорятъ: Господи, кто Тебѣ подобенъ?“

Вотъ отъ этихъ-то именно хасидовъ остальные Евреи и получили, а затѣмъ уже и сами себѣ усвоили прозвище миснагедовъ, „противниковъ“ (подразумѣвается: противники хасидизма, а въ вольномъ переводѣ—протестаторы, протестанты).

„Скакунчиками“ хасидовъ называютъ совершенно неосновательно. Полагаютъ, что только одни хасиды, глядя на луну, скачутъ на улицѣ. Это дѣлаютъ не одни хасиды, а положительно всѣ Евреи. И въ Гроднѣ, и въ Ковнѣ, и въ Вильнѣ мнѣ не разъ самому случалось видѣть и лѣтомъ, и зимой, вскорѣ послѣ новолунія, на перекресткахъ или на площадяхъ, огромныя толпы Евреевъ, отправляющихъ такъ называемое „благословеніе за луну“. Это особый родъ общественнаго богослуженія, когда Евреи, глядя на луну, на чистомъ воздухѣ возсылаютъ опредѣленныя молитвы. Молитвословіе это начинается, какъ и всякое „благословеніе“—а этихъ благословеній можно насчитать цѣлыя сотни, — обычною формулой: „Благословенъ, Ты, Іегова, Богъ нашъ, Царь вселенной, который“... и проч., сообразно обстоятельству. Затѣмъ, въ данномъ здѣсь случаѣ, произносится: „...который повелѣлъ лунѣ обновляться въ своемъ лучезарномъ вѣнцѣ предъ тѣми, которыхъ онъ лелѣялъ во утробѣ, и которые нѣкогда обновятся, подобно ей, и будутъ превозносить своего Создателя, во имя Его

школой или училищемъ. У Евреевъ синагога, храмъ—домъ ученія, гдѣ Евреи и Закону учатъ, и сами получаютъ Закону. Зданія меньшія противъ синагоги, а главное—не безъ печей, а непремѣнно съ печами, такъ что очень удобно производить кейфъ и на дѣлѣ испытывать *dolce far niente*, прикрываясь при этомъ релігиозными стремленіями, называются безразлично школами и пришколками. У хасидовъ школы отдѣльны отъ школъ другихъ Евреевъ, отъ миснагидовъ; въ дѣлахъ вѣры тѣ и другіе питаютъ другъ къ другу сильнѣйшее отвращеніе. Утромная комната моленной школы, съ печью и со скамьей для сна, — настоящій рай бродягъ и тунеядцу: въ этомъ-то раѣ и укрываются безпаспортные святоши.

достославнаго царствія. Благословенъ Ты, Иегова, (слова „Иегова“ Еврей страшится; онъ его *никогда* вслухъ не читаетъ и не произносить, замѣняя его на устной молитвѣ словомъ „Адонай“, Господь), обновляющій мѣсяцы“. Послѣ этого, обратясь къ лунѣ, толпа троекратно произноситъ слѣдующее: „Какъ я, возносясь (собственно, „подскакивая“) къ тебѣ, не въ состояніи дотронуться до тебя, такъ враги мои да не будутъ въ состояніи дотрогиваться до меня“. Въ продолженіе этого троекратнаго причитанія, каждый членъ еврейской толпы старается сколь возможно чаще и сколь-возможно выше приподняться на цыпочки, опять опуститься на каблукъ и опять приподняться на концы пальцевъ, а люди, какъ Евреи говорятъ, „набѣзныя“, изъ молитвеннаго усердія, можетъ быть, и дѣйствительно припрыгиваютъ, тогда какъ болѣе развитые люди, незамѣтно для посторонняго глаза, лишь слегка переступаютъ съ каблукъ на цыпочки, и обратно. Но все-таки это дѣлаютъ не одни хасиды, а всѣ вообще Евреи.

Раздѣленіе на двѣнадцать израилевыхъ колѣнъ у Евреевъ давно уже въ дѣйствительности утратилось. Теперь у Евреевъ существуютъ только „когены“, то есть, по прямой линіи, потомки Аарона „левиты“, потомки левитовъ, сыновъ Левія, и простой „израиль“, то есть, остальной еврейскій людъ. Въ частной жизни раздѣленіе это не имѣетъ никакого значенія и не придаетъ Еврею никакой особой родовитости, никакихъ преимуществъ; но въ синагогѣ когену принадлежитъ право первой „аліа“, или извѣстнаго рода молитвеннаго возглашенія, а левитамъ—послѣ нихъ. Кромѣ того, въ извѣстные еврейскіе праздники, именно въ извѣстную пору богослуженія, „въ мусафѣ“, 1-нй, 2-ой, 7-ой и 8-ой дни Пасхи, въ Пятидесятницу, въ Новолѣтіе, въ День Прощенія и въ 1-нй, 2-ой и 8-ой дни Праздника Кущей ¹⁾, левиты, снявъ сапоги, обливаютъ,

¹⁾ Праздникъ Кущей, здѣсь въ краѣ, все простолюдье, въ томъ числѣ и не доучившіеся Евреи, зоветъ Кучками, будто бы оттого, что Евреи *кучками* сидятъ въ наскоро устроенныхъ во дворахъ (а иногда и въ постоянныхъ) и приспособленныхъ къ тому холодныхъ помѣщеніяхъ, обкладываемыхъ сверху еловыми вѣтвями, съ неизмѣннымъ условіемъ, чтобъ накрываемый потолокъ былъ развѣтъ. Въ этихъ кущахъ еврейскія семейства должны совершать трапезу, то

тоже разутому, когену руки. Послѣ этого обряда, когенъ, весь покрывшись тѣлѣсомъ ¹⁾, то есть, обычною у каждаго Еврея молитвенною ризою, такъ чтобы и рукъ его изъ-подъ нея не было видно, но держа ихъ въ извѣстномъ направленіи, именно—отдѣливъ на каждой рукѣ большой палецъ, а также мизинецъ, вмѣстѣ съ безымяннымъ, отъ сомкнутыхъ вмѣстѣ указательнаго и средняго перста, простираетъ эти запряганныя подъ тѣлѣсы руки надъ головами народа и благословляетъ его ²⁾. Есть и еще одна особенность у когеновъ: они не могутъ вступать въ бракъ вообще съ разведенною женой, а также ходить на кладбище и вообще бить подъ одною крышею съ мертвымъ тѣломъ, Евреемъ или не-Евреемъ. Что нынѣшніе когены суть потомки Аарона—въ этомъ никто изъ Евреевъ не сомнѣвается, но чтобы они были чистокровные аарониды—этому, конечно, никто уже не вѣритъ, тѣмъ болѣе, что между Евреями жива вѣра въ то, что когда явится Мессія, а его ожидаетъ, на него возлагаетъ упованіе каждая Еврейка, каждый Еврей, тогда начнется самый строгій пересмотръ правъ современныхъ когеновъ на присвоенное имъ званіе.

Можно допустить у Евреевъ еще и иное раздѣленіе, это отдѣлы: свѣтилъ, аристократовъ, обыкновенныхъ людей и простую пѣшку. Понятное дѣло, что свѣтилами считаются только люди въ родѣ Давраели, Ротшильда, Монтефіоре, Кремье или Фульда, имена которыхъ пользуются чуть не всесвѣтною извѣстностью. Чтобы считаться аристократомъ богатство не нужно: необходима безусловная родовитость или преемственность почетнаго положенія въ большой еврейской общинѣ. Такъ, море-гердъ, слово-въ-слово — „указывающій законъ“, или то, что у насъ обыкновенно вели-

есть, обѣдать и ужинать во все теченіе праздника. Куша—это походный шатеръ, палатка, джуламейка, юрта, кибитка, донниѣ очень схожі у Бурятъ, Киргизовъ, Башкирцовъ, Калмыковъ, Арабовъ.

¹⁾ У Когена тѣлѣсъ долженъ быть спущенъ съ головы на столѣе, чтобы лица его было не видать молящемуся люду.

²⁾ По одному шутивому поученію, обращаемому къ любознательнымъ и питаемымъ зрителямъ, особенно къ дѣтямъ, смотрѣть, во время благословенія когена, на персты его—нельзя: кто разъ посмотритъ—ослѣпнеть, а другой разъ взглянетъ (то есть, послѣ того какъ ослѣпнеть)—умреть.

чается словомъ раввинъ, конечно, не „казенный“, котораго вліяніе очень и очень ничтожно, а такъ называемый „духовный“ раввинъ, если его и отецъ и дѣдъ были тоже море-герда, принимается безусловно всѣми какъ наипочетнѣйшее лицо, какъ чистѣйшій аристократъ. Море-герда, у котораго отецъ былъ „магидъ“, по русски проповѣдникъ или опять тоже, что у насъ иногда безразлично зовется раввиномъ, или по чему то—подрабывкомъ, а дѣдъ былъ, положимъ, „даіономъ“, судьей, подходитъ опять подъ эту же породу. Сынъ такого человѣка, въ какой бы нищетѣ семья его ни обращалась, всегда и вездѣ найдетъ себѣ и почетный пріемъ, и поддержку, и что для Еврея главное, приличную невѣсту. Простою пѣшкой зовется не отесанный Еврей, простой работникъ, слуга, и вообще самый низшій классъ ¹⁾).

Затѣмъ существуетъ и еще одно различіе у Евреевъ: въ противоположность предыдущему, такъ сказать, продольному, его можно назвать поперечнымъ; это различіе: 1) обыкновенныхъ людей, 2) людей „набѣзныхъ“ или аскетовъ, 3) „апикрейцевъ“ или эпикурейцевъ и 4) нѣмчиковъ или берлинеровъ. Обыкновенные люди—это люди, держащіеся золотой середины: сурово, на глаза другихъ, соблюдающіе установленія о трѣфѣ и коширѣ, то есть, о заповѣдномъ, преступномъ и о разрѣшенномъ кушаньѣ и питьѣ (а по этой части Евреи, черезъ женщинъ, особенно черезъ прислугу, сильно другъ за другомъ шпионничаютъ); усердно посѣщающіе „храмъ ученія“, то есть, синагогу, бетъ-гамедрашъ, клаузъ, штейбель или мѣнѣйонъ, то есть, простую моленную школу, и ведущіе себя, въ обрядовомъ отношеніи, совершенно безупречно; это, при общественномъ расположеніи къ выполненію только однихъ наружныхъ формъ, не дѣлаетъ изъ Еврея ни законопреступ-

¹⁾ Невѣста—великое дѣло для каждаго Еврея. Каждый Еврей, по Божескому закону, *долженъ* быть женатъ и *долженъ* имѣть дѣтей: иначе онъ отступникъ и отверженецъ. Кромѣ Ковны и Вильны, имъ здѣсь житья себѣ не найдти, но и въ Вильнѣ холостыхъ, вошедшихъ уже въ лѣта, живущихъ безбоязненно, а все-таки подъ охраной власти предержавшей, найдется лишь нѣсколько человѣкъ. Положеніе ихъ очень драматическое. Незнакомый съ еврействомъ человѣкъ никогда не повѣритъ, что это чистый героизмъ—быть Евреемъ-холостякомъ.

ника, ни погруженного въ святошество отшельника: это и есть то, что у насъ называется „ни шатко, ни валко, ни на-сторону“.

„Набóзные“—это или набожные ханжи, тартюфы, или дѣйствительно люди, пропитанные набожностію, старики или даже еще не отцвѣтшая молодежь, вдавшаяся въ задачу изучить всю премудрость и завоевать себѣ славу ученаго мужа, конечно, ученаго въ еврейскомъ смыслѣ. Это люди, учащающіе посѣщать бетъ-гамедрашъ или школьное зданіе съ печью, со скамьями, съ библиотекой и съ такимъ устройствомъ, что жить тутъ можно: они тамъ днюютъ и ночуютъ; они налагаютъ на себя разные обѣты; они, болѣе или менѣе искренно, всѣ дни, всѣ минуты жизни посвящаютъ посту и изученію „Тóръ“ — Закона, то есть, пятикнижія, и „Тáлмуда“, или толкованія Закона. Люди эти доходятъ положительно до аскетизма, отрекаются отъ всякаго мяса, отрекаются отъ всякаго житейскаго увеселенія или удовольствія, отрекаются отъ всего, что могло бы развлечь ихъ мысли и хоть на минуту сбить съ той идеи, которой они предались всѣми помыслами души, и додумываются иногда до невѣроятныхъ вещей: встрѣчаются молодые люди, юноши, вышедшіе давно изъ отроческихъ лѣтъ, которые отказались носить панталоны, не только верхніе, но и нижніе, изъ сознательнаго трепета, чтобы треніе платьемъ мимовольно не раздражало сознательно-умерщвляемой плоти.... Да и бѣдность же здѣсь бываетъ страшная. Особенною славой въ преподаваніи мистической еврейской премудрости издавна и все-свѣтно пользуется мѣстечко Волóжинъ (Опшянскаго уѣзда): по массѣ адептовъ и по „плодотворности“ успѣховъ, его смѣло можно приравнять къ любому богословскому факультету, опять-таки смотря на предметъ съ чисто-еврейской точки зрѣнія.

„Нѣмчика“ или „берлинера“ можно легко признать съ перваго же взгляда: у него не только нѣтъ пейсовъ, но и висковъ, близко подходящихъ къ идеѣ пейсовъ, то есть, подстриженныхъ не на столько коротко, чтобы ужъ не оставалось и возможности закрутить ихъ кончики, хотя бы въ воспоминаніе о пейсѣ: у нѣмчика рѣшительно всѣ виски выстрижены подъ гребенку; онъ осмѣливается всенародно носить пальто или пиджакъ, а главное — посягаетъ надѣвать фракъ, что не только набожный человѣкъ, но и обыкновенный Еврей

врядъ ли проститъ родному сыну. Названіе берлинеровъ и нѣмчиковъ получило начало съ Мендельсона, то есть, со времени перевода Евреями Библии на нѣмецкій языкъ.

„Апикриецъ“—это ужь совсѣмъ отпѣтый человѣкъ, это положительный отступникъ: онъ не только фракъ носить, онъ и въ синагогу глазъ не кажетъ; онъ послѣ куска бифстекса пьетъ кофе со сливками, тогда какъ подобное смѣшеніе воспрещено въ Библии самимъ Господомъ Богомъ, слѣдовательно, на вѣки вѣковъ затрѣфлено; онъ предался „гѣйскимъ“, не еврейскимъ, не богоданнымъ, не талмудическимъ, а вымышленнымъ гоимъ знаніямъ и обычаямъ, до того, что и говядину ѣстъ сжаренною на коровьемъ маслѣ, и мясо ѣстъ не еврейскаго рѣзанья, и на извозикѣ ѣздитъ по субботамъ, и сигары въ субботу курить.... и вообще онъ отвергаетъ всю непреложность и всю обязательность навьюченныхъ на Евреевъ премудростью Талмуда истинъ и вѣрованій.

Но каковъ бы ни былъ человѣкъ, пребывающій въ еврействѣ, будь это хоть самый зачумленный наукою апикриецъ, — и между этою братіей много найдется такихъ, которые всегда останутся вѣрны неразлучнымъ съ еврействомъ „цйцелю“, „талису“, „тефилину“ и „мезузѣ“. Здѣсь вся рѣчь идетъ пока о мужчинахъ; на женщинъ еврейство и рукой махнуло: женщины, что рабы, и въ пол-человѣка не считаются; ни на цйцель, ни на талисъ, ни на тефилинъ онѣ и права не имѣютъ. У Евреевъ есть великая святиня, обязательная для каждого, это именно рядъ извѣстныхъ молитвъ о единствѣ Божіемъ, о любви къ Богу, объ изученіи и соблюденіи Закона и о нитяхъ или кистяхъ видѣнія; весь этотъ рядъ молитвъ извѣстенъ подъ названіемъ „шема“: женщины даже отъ шемы и вообще отъ всякихъ молитвъ освобождены, кромѣ трехъ случаевъ: а) при зажиганіи субботнихъ свѣчъ, б) при отдѣленіи, на сожженіе, перваго куска тѣста, приготовленнаго для халлы, для мацы и для всякаго вообще хлѣба или булки, и в) при миквенномъ погруженіи. Женщинамъ и въ моленной залѣ отведены мѣста не внутри зданія, не между „народомъ Божіимъ“, а на галереяхъ, окружающихъ моельню снаружи, хотя и съ окнами во внутренность синагоги, но прикрытыхъ особою стѣной и кровлей; дѣвицы и вовсе въ синагогу не ходятъ. Это формаль-

ная сторона; но нѣтъ сомнѣнія, что обще-житейскими правами женщины пользуются весьма значительными; тутъ личный характеръ, запасъ энергіи, развитія и образованности дѣлають ихъ просто царицами маленькаго семейнаго міра.

Цѣцехе, или правильнѣе, арба-канфоть—это не что иное, какъ родъ манишки, состоящей изъ нагрудника и наспинника, съ перекрѣтами на плечахъ и подъ мышками. Она надѣвается поверхъ рубахи, подъ жилетомъ, а если Еврей щеголяетъ бѣлымъ, то подъ верхнею рубахою. При двухъ полотнищахъ, составляющихъ эту непремѣнную часть одѣянія, у цѣцехе образуются четыре угла, такъ называемыя „воскрылія ризъ“; къ каждому изъ угловъ этихъ приспособлено по кисточкѣ изъ шерстяныхъ или изъ льняныхъ нитей, приготовленныхъ извѣстнымъ манеромъ: эти-то кисточки и суть „кисти“ или „нити видѣнія“, о которыхъ сохранено повелѣніе у Моисея. Собственно, самыя-то кисточки у арба-канфота и носятъ названіе „цѣцисъ“. Надо помнить, что смѣшивать шерсть со льномъ воспрещено Господомъ Богомъ, и запретъ этотъ соблюдается очень строго.

Тѣлисъ—это нѣчто въ родѣ плаща или что-то нѣсколько схожее съ одѣяломъ: это большое полотнище шерстяной бѣлой матеріи съ черными, къ краю, полосами, не узенькими, а широкими, и весьма часто обшиваемое серебряннымъ позументомъ, галуномъ или аграмантомъ; на концахъ, на воскрыліяхъ своихъ онъ также долженъ имѣть „нити видѣнія“. Тѣлисъ—обязательная для каждаго женатаго Еврея молитвенная, для „утренней“ молитвы, риза, но ее носятъ иногда и очень молодые люди, выхоленные сынки. Накидывается тѣлисъ, какъ всякій плащъ, со спины на плечи, но набрасывается одною кромкой на голову и обрамляетъ ее по самыя брови, что бы на головѣ ни было надѣто, одна ли ермолка, или кромѣея, еще картузъ, шляпа, фуражка или мѣховая шапка. Еврей, съ природною граціей и съ артистическою жилкой, закутавшись въ тѣлисъ и ловко имъ драпировавшись, чрезвычайно живописенъ, съ своими искрящимися глазами и съ черною, какъ смоль, бородой. Евреи молятся съ покрытою головою, но шапку и ермолку можно и снять, если голова покрыта тѣлисомъ. Въ извѣстные промежутки молитвъ, тѣлисъ съ головы спускается на плечи, и Еврей снова

фигурируетъ въ прозаическомъ картузѣ или въ цилиндрѣ; лицо у него, отъ горячихъ моленій, отъ жары и отъ спертаго воздуха мокрымъ-мокрешенью, п эта смѣсь слипшихся волосяныхъ сосулекъ, ризы и цилиндра дѣлаетъ его уже далеко не картиннымъ. Тѣлисъ хранится въ особомъ у Евреевъ чехлѣ— „тѣлисъ-закъ“; въ немъ, въ этомъ мѣшкѣ, обыкновенно помѣщается другой, меньшій мѣшечекъ съ тефилинами, съ молитвенникомъ и съ ермолкой, „ѳрмолкэ“, которая, будучи изгоняема изъ общежитія, сдѣлалась у многихъ какъ-бы молитвенною принадлежностью. Тѣлисъ, обыкновенно, составляетъ брачный подарокъ жениху отъ невѣсты, и смотря по степени ея зажиточности, и на этотъ разъ, тароватости, бываетъ болѣе или менѣе блестящъ и цѣненъ.

Тефилиновъ у каждаго Еврея должно быть два, одинъ для лѣвой руки, другой для лба. Каждый представляетъ собою небольшой, кубической формы, кожаный футляръ, съ вытисненными, на лицевой сторонѣ, литерами: „Шадай“, Всемогушій. Каждый футляръ содержитъ въ себѣ по четыре выдержки изъ пятикнижія Моисеева, написанныхъ на крошечныхъ пергаментныхъ сверткахъ: Исхода главы XIII, стихи отъ 1-го до 11-го; Исхода той же главы, стихи 11 — 16; Второзаконія VI главы, стихи 4 — 9 и Второзаконія же главы XI, стихи 13 — 21. Каждый изъ этихъ двухъ тефилиновъ снабженъ чернымъ сыромятнымъ ремешкомъ, и на время молитвы, прикрѣпляется одинъ ко лбу, а другой къ лѣвой рукѣ.

Мезуза—тоже пергаментный свертокъ, съ выписками изъ Второзаконія стиховъ 4—9 главы VI и 13—20 главы XI. Мезуза прибавляется наискось къ двернымъ косякамъ внутреннихъ жилыхъ покоевъ, по правую руку входа. Она вставляется обыкновенно въ оправу, и въ серединѣ оправы всегда виднѣется чрезъ отверстіе, чрезъ которое какъ-бы выглядываетъ буква Ш или сокращеніе слова „Шадай“, Всемогушій: вслѣдствіе этого, каждый входящій и выходящій Еврей или прямо губами прикладываетъ къ мезузѣ, или прикоснется къ ней пальцемъ, и палецъ этотъ облобызаетъ, а иные прикасаются двумя пальцами и ихъ со чмокомъ цѣлуютъ. Набожныя женщины, отходя ко сну, почти всегда усердно, даже слезно цѣлуютъ мезузу.

При этомъ неизлишнее припомнить слѣдующія слова кн. Исходъ,

глава XIII, стихи 9 и 16 и Второзаконія, глава XI, стихъ 18: „И да будетъ это знакомъ на рукѣ твоей и вмѣсто повязки надъ глазами твоими, ибо рукою крѣпкою Господь вывелъ насъ изъ Египта“; Второзаконія глава XVII стихъ 8: „И навязи ихъ въ знакъ на руку твою, и да будутъ они повязкою надъ глазами твоими“. Второзаконія стихъ 9-й, а также и стихъ 20 главы XI: „И напиши ихъ на косякахъ дома твоего и на воротахъ твоихъ“.

Заповѣди эти, какъ видится, строго Евреями донинѣ соблюдаются; а такъ какъ заповѣдями у Евреевъ называется все то, что въ Пятикнижїи поставлено въ повелительномъ наклоненїи, а такихъ оборотовъ рѣчи насчитывается 360, то одною изъ первѣйшихъ заповѣдей Евреи признаютъ повелѣніе: „Плодитесь и множитесь, и наполняйте землю, и обладайте ею“. Но кромѣ заповѣдей или прямыхъ выраженїи воли Божїей, есть еще запреты: такихъ за- претовъ, вмѣстѣ съ повелѣніями, насчитано 613.

Молитвъ, или молитвенныхъ обращенїи къ Богу, или какъ уже принято ихъ называть, „благословенїи“ на каждый спеціальнѣй случай,—необыкновенное множество. Проснется ли Еврей и вста- нетъ съ своего ложа, онъ долженъ воздать благословенїе Богу. Но такъ какъ, проснувшись, онъ еще нечистъ, душа, отлетавшая отъ него при засыпанїи, только при просонкахъ возвратилась, а между тѣмъ на каждомъ пальцѣ руки, по существующимъ вѣро- ванїямъ, сидятъ еще чертики и разная нечистая сила, и такъ какъ не очистившись же, то-есть, не то что не вымывши, а не споло- снувши рукъ, имени Божїа нельзя произнести ни въ какой его фор- мѣ—то Еврей вмѣсто обычнаго „благословенїа“, всегда начинаю- щагося извѣстными словами, никогда не измѣняемыми, произно- сить только: „Благодарю Тебя, царя вѣчноживущаго, что Ты воз- вратилъ мнѣ душу: истинность Твоя—безконечно-вѣчная милость“.

Когда послѣ того Еврей очистится, сполоснетъ водою съ концевъ пальцевъ чертиковъ, тогда только онъ возсылаетъ установленное „благословенїе“: „Благословенъ Ты, Іегова, Богъ нашъ, царь все- ленной, который заповѣдалъ намъ омовенїе“. Надѣнетъ ли Еврей свою арба-канфоть, разбираетъ ли онъ въ талїсѣ нити видѣнія, надѣваетъ ли потомъ талїсъ этотъ на себя, собирается ли надѣть тефилїнъ, возлагаетъ ли его на себя, навертываетъ ли ремень на

пальцы, снимаетъ ли его съ себя, омываетъ ли руки, исправляетъ ли нужды, обыкновенно называемыя естественными, увидитъ ли радугу, увидитъ ли море, услышитъ ли грозу, выслушаетъ ли добрыя вѣсти, получитъ ли непріятное письмо, встрѣтитъ ли ученаго мужа, надѣнетъ ли новое платье, ѣстъ ли мясо, пьетъ ли вино, ѣстъ ли пирожное, ложится ли спать и проч., и проч., и проч., каждый разъ онъ обязанъ произнести специальное на данный случай благословеніе.

Я уже предупредилъ, что у меня встрѣтятся мѣста и нескромныя, и циническія; но въ дѣлѣ этнографическаго этюда, каковъ настоящій мой трудъ, даже самая грязь освѣщаетъ пока еще темныя для насъ стороны еврейской жизни. Цинизмъ, доходящій до послѣднихъ предѣловъ, будетъ дальше, въ текстѣ „установленій о миквѣ“; теперь прошу позволенія сказать два слова о „нуждахъ“. Исправленіе естественныхъ нуждъ—вещь чрезвычайно многозначачая у Евреевъ, вообще не умѣющихъ сдерживаться въ этомъ отношеніи. Для многихъ, думаю, будетъ ново, если я прибавлю, что Еврей, по вѣрованіямъ своимъ, даже обязанъ не сдерживаться; во время молитвы, даже не дочитавши ее до конца или до конца стиха, или даже до точки, Еврей преспокойно выходитъ на „школьный дворъ“, то есть, на дворъ, прилегающій къ синагогѣ, бет-гамедрашу, клаузу и тому подобному „дому ученія“, и справивъ свое дѣло, возвращается на мѣсто, для продолженія начатаго пѣснопѣнія, конечно, сполоснувъ руки: вотъ объясненіе того удушашаго зловонія, которое обыкновенно, вмѣстѣ съ отвратительными лужами, бываетъ существенною, непремѣнною принадлежностью ближайшаго къ молитвенному дому пространства. Но даже и въ этихъ отправленіяхъ Еврей, при каждомъ движеніи, чуть-чуть не при каждомъ оборотѣ, связанъ извѣстными строго-обязательными правилами, „благословеніями“.

Между различными „благословеніями“, особеннымъ формализмомъ выдаются благословенія за трапезой, то есть, за обѣдомъ и ужиномъ или и за завтракомъ, если только это не легкая закуска, а какая-нибудь сытная пища. Надъ хлѣбомъ Еврей обязанъ произносить: „Благословенъ Ты, Іегова, Богъ нашъ, царь вселенной, который производишь пищу изъ земли“. Надъ зеленью это видоизмѣняется

такъ: „Благословенъ Ты, Іегова, Богъ нашъ, царь вселенной, который творишь разные роды травъ“. Надъ грушей надо говорить уже иначе „...который сотворилъ плодъ древа“. Надъ картофелемъ или бураками опять иная формула: „...который сотворилъ плодъ земли“.

При обѣдахъ и ужинахъ особенно замѣчательнъ законъ объ обобщеніяхъ. Въ одномъ изъ трактатовъ Мишны, именно въ Берахотъ, посвященномъ благословеніямъ, прямо говорится слѣдующее: „Трое, поѣвшихъ вмѣстѣ, должны обобщиться“. Это значитъ, что если трое Евреевъ сѣли за столъ, то они предварительно должны сговориться совершить одну общую для всѣхъ ихъ застольную молитву. Это сговариваніе на обобщеніе дѣлается такъ, что одинъ изъ застольниковъ, обыкновенно—старѣйшій по лѣтамъ или по общественному положенію, приглашаетъ остальныхъ участниковъ поблагодарить Бога за пищу. Если ѣдятъ только трое, то уставщикъ этотъ возглашаетъ: „поблагословимъ“; а если ихъ четверо, то онъ ужъ не можетъ сказать: „поблагословимъ“, а непременно обязанъ провозгласить: „поблагословите“. Если обѣдаютъ десятеро, то уставщикъ обязанъ сказать иначе, именно: „поблагословимъ нашего Бога“, а если застольниковъ десятеро, а самъ уставщикъ уже одиннадцатый, то произносить слова въ прежней формѣ уже нельзя; надо сказать: „поблагословите нашего Бога“. Если за столомъ сто человѣкъ, уставщикъ долженъ проговорить: „поблагословимъ Господа Бога нашего“, а если хоть однимъ человѣкомъ больше, то: „поблагословите Господа Бога нашего“; если собралось народу на трапезу ровно тысяча человѣкъ, тогда надо сказать: „поблагословимъ Господа Бога нашего, Бога Израилева“, а если десять тысячъ то: „поблагословимъ Господа Бога нашего, Бога Израилева, Бога воинствъ, возсѣдающаго между херувимами, за пищу, которую мы вкусили“. Остальные участники въ трапезѣ повторяютъ эти благословенія вслухъ и проносятъ: „Благословенъ Ты, Іегова...“, а затѣмъ прибавляютъ: „Который далъ намъ пищу, и по благодати Котораго мы живемъ“, и ужъ послѣ этого дѣйствительнаго обобщенія начинается самая застольная молитва.

Но женщины въ этотъ счетъ не то что не включаются, а онѣ

просто въ этотъ счетъ не допускаются: по закону, вообще съ женщинами, съ малолѣтними и съ рабами не обобщаются.

Трое мужчинъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ за столомъ, не въ правѣ разобщиться; не въ правѣ этого дѣлать и четверо, и пятеро. Начиная съ шести человѣкъ и до девяти включительно, собесѣдники въ правѣ разобщиться, то есть, раздѣлиться для „благословеній“ на группы, но такъ, чтобъ въ каждой было не менѣе трехъ человѣкъ. Но десять человѣкъ уже никакъ не въ правѣ разобщиться; не въ правѣ этого дѣлать и одиннадцать, и двѣнадцать, и такъ далѣе до двадцати: это оттого, что въ противномъ случаѣ разстроилось бы „благословеніе“, сформулированное для десяти человѣкъ, и уменьшилось бы число словъ, изъ которыхъ состоитъ званіе къ Богу.

Вино за столомъ, или говоря опредѣлительнѣе и точнѣе, первая рюмка вина, сопровождается особымъ благословеніемъ: „благословенъ Ты, Іегова 1), Богъ нашъ, царь вселенной, Который сотворилъ плодъ винограда“, и при этомъ еще безусловно необходимо омовеніе рукъ.

Вино—необходимая принадлежность субботы, шабаса. У Евреевъ пьяницы—такое рѣдкое явленіе, что можно смѣло сказать: пьянства у Евреевъ нѣтъ 2). Но какъ бы ни мало требовалось вина для шабаса, его вѣдь все-таки необходимо купить. Въ субботу работать нельзя, а безъ ѣды нельзя прожить; но въ шабасъ должны быть на столѣ лучшія, по достатку, блюда, а даромъ они не даются. Всѣ будни Еврей, особенно бѣдняки—а ихъ большинство — довольствуются кое-какою холодною пищею или варятъ немного на щепочкахъ да на хворостѣ, какой подъ руку попадется; для субботы же надо все въ печи приготовить, а печь

1) Надо постоянно помнить, что слова «Іегова» Еврей никогда произносить не дерзаетъ.

2) Еврей, по преданіямъ, перешедшимъ къ нимъ изъ отдаленной старины, усвоили себѣ обычай дважды въ годъ упиваться до пьяна: это именно—въ послѣдній день праздника Кушей и еще въ Пуримъ или праздникъ Есфирь. Касательно этого послѣдняго дня въ еврейскихъ книгахъ есть наставленіе: въ Пуримъ напиваться до того, чтобы „не быть въ состояніи различить въ своей головѣ Амана отъ Мордохея“. Люди не пьющіе и вообще солидныхъ правилъ, уступая обычаю, обыкновенно притворяются очень пьяными.

особенно неуклюжая здѣшняя, одна изъ самыхъ безтолковѣйшихъ въ мірѣ печей, дровъ требуетъ, а дрова—цѣнный расходъ. И вотъ всю недѣлю, цѣлые шесть дней, Еврей трудится въ проголодь для того, чтобы законно встрѣтить и отпраздновать шабасъ. Кромѣ пищи и вина, для шабаса необходимъ свѣтъ огня: для дешевизны, покупаются свѣчи тоненькія, тощенькія, крошечныя, называемыя „шабашушками“. Тушить ихъ нельзя: въ шабасъ онѣ должны сами собою потухать, сгорѣвъ до основанія, и понятное дѣло, смрадъ и чадъ отъ этого въ еврейскихъ крошечныхъ комнаткахъ, гдѣ еще бывають скучены члены всѣхъ семействъ, нанимающихъ комнаты эти сообща, царствуетъ нестерпимый. Кромѣ того, Еврей въ шабасъ обязанъ „радоваться и веселиться“; отъ этого онъ обязательно отправляется „на-спѣциръ“—лѣтомъ in's Grüne, зимой на улицу, расфранченный—и онъ, и жена, и дѣти, на сколько хватаетъ силъ и умѣнья; но упаси Боже, если набѣзный человѣкъ встрѣтитъ дочь свою въ шабасъ въ перчаткахъ или съ зонтикомъ въ рукѣ: вѣрующій родитель ни за что не дастъ такой дочери спуску. Въ шабасъ носить нельзя ничего, ни даже платка носоваго; мужчины повязываютъ его поверхъ сюртука, на животъ (вѣдь это они не въ карманѣ носятъ), а женщины—или тоже на животъ, или чаще всего, на шею. Въ Вильнѣ, впрочемъ, исключенія очень часты. Но вѣдь за то это Вильна. Гродна же хоть и губернский городъ, а тамъ за нарушение святости шабаса виновному не дадутъ проходу; я былъ неоднократно очевидцемъ того, какъ и порядочныя съ виду Еврейки всенародно ругались изъ-за этого; я знавалъ примѣры, что тестъ съ тещей били и волочили по полу молоденькихъ женъ своихъ сыновей за то, что тѣ или парика (цѣльнаго на всю голову, или только накладки на темя, съ проборомъ) носить не хотѣли, или осмѣливались надѣвать перчатки, брать зонтикъ въ руки или что-нибудь писать въ шабасъ. Про здѣшніе уѣздныя городишки или про захолустныя мѣстечки, про то, какъ тамъ Еврея заскорузли въ разной мертвечинѣ, особенно хассиды, и говорить нечего.

Еврей, какъ и у насъ въ церкви принято, начинаютъ счетъ дня съ того вечера, который этому дню предшествуетъ: поэтому и шабасъ, день субботній, начинается съ сумерками пятницы.

Вечерняя трапеза этого начала шабаса непременно сопровождается, даже у послѣдняго бѣдняка, бокаломъ или чаркой вина и двумя цѣльными ковригами бѣлаго хлѣба, извѣстнаго у насъ подъ названіемъ „халлы“, хотя собственно халла вообще означаетъ начатокъ, первый комъ всякаго тѣста, изъ котораго хлѣбъ печется: этотъ кусокъ (принадлежавшій, до разрушенія Храма, когену, на основаніи стиха 20, главы XV книги Числъ), за прекращеніемъ, по неимѣнію Храма, жертвоприношеній, нынѣ предается все-сожженію въ хозяйской печи. При этой вечерней трапезѣ совершаются два „благословенія“: одно относится къ празднуемому дню, а другое — къ вину или хлѣбу. Но вотъ образецъ того, до какой мелочной щепетильности доходила требовательность еврейскихъ авторитетовъ по отношенію къ обрядности; по словамъ самой Мишны, были вотъ какіе спорные вопросы между школами Шаммая и Гиллеля.

Школа Шаммая говоритъ: благословляютъ день, а потомъ вино; школа Гиллеля, со всею основательностію, утверждаетъ, что благословляютъ сперва вино, а потомъ уже день.

Школа Шаммая говоритъ: умываютъ руки, а потомъ наливаютъ бокалъ; школа Гиллеля утверждаетъ: наливаютъ бокалъ, а потомъ умываютъ руки.

Школа Шаммая говоритъ: утерши руки полотенцемъ, кладутъ его на столъ; школа Гиллеля утверждаетъ, что, умывши руки, полотенце надо положить на полушку.

Школа Шаммая говоритъ: подметають комнату, а потомъ умываютъ руки; школа Гиллеля утверждаетъ: сперва умываютъ руки, а потомъ ужъ подметають комнату.

Теперь партій, соперничающихъ на этотъ счетъ, уже нѣтъ; жизнь выработала свое рѣшеніе, сообразно указаніямъ Гиллеля, а о подметаніи комнаты и о полотенцѣ прекратились всѣ толки.

Еврейскія омовенія правильнѣе было бы назвать, въ большинствѣ случаевъ, споласкиваніями, потому что обыкновенный Еврей изъ толпы не столько моетъ, сколько обливаетъ водой кисти рукъ или части этой кисти, и потомъ, обтираетъ ее полой своего грязнаго, вонючаго, засаленнаго и излохмоченнаго лапсардака и тѣмъ, конечно, не смываетъ, а только больше еще растираетъ и распространяетъ

нашью уже грязь. Ковши, изъ которыхъ Евреи умываются, дѣлаются съ двумя ручками: лѣвою рукой Еврей беретъ за лѣвую скобу и подхватываетъ изъ ковша правую руку; потомъ, схватившись правою рукой за правую ручку ковша, онъ обливаетъ себя лѣвую руку, и такъ далѣе, въ перемежку.

Такого рода омовенія имѣютъ нѣсколько подраздѣленій, а именно:

1) Омовеніе кончиковъ у пальцевъ на рукахъ. Къ этому омовенію Еврей прибѣгаетъ, вставши отъ сна и сгоняя, такимъ манеромъ, чертей, ухватившихся, во время сна, за его пальцы.

2) Омовеніе пальцевъ на рукахъ. Оно обязательно для Еврея послѣ каждаго отправленія естественныхъ нуждъ.

3) Омовеніе рукъ, то-есть, не однихъ пальцевъ, а обѣихъ кистей рукъ, вмѣстѣ съ пальцами. Оно обязательно при разныхъ обстоятельствахъ: передъ принятіемъ пищи, не составляющей легкой закуски, а входящей въ составъ сытнаго завтрака, обѣда и ужина; передъ застольною молитвой и по возвращеніи съ проводовъ покойника. Всякое такого рода омовеніе, за исключеніемъ только того, которое обязательно послѣ проводовъ покойника, непременно сопровождается особою молитвой, благословеніемъ. А такъ какъ Еврею чаще всего приходится дѣлать себя омовеніе рукъ передъ ѣдой, то общепринятыя у насъ фразы приглашенія: „раздѣлить хлѣба-соли“, или „откупать чѣмъ Богъ послалъ“, „пожаловать къ столу“ или „садиться за столъ“ въ еврейскомъ быту замѣнены приглашеніемъ „помыть руки“.

4) Омовеніе всего тѣла, ради соблюденія чистоплотности, у Евреевъ обычно какъ въ баняхъ, такъ и въ ваннахъ, бывающихъ при баняхъ, или лѣтомъ, на живой водѣ.

Но совершенно иного рода значеніе имѣетъ погруженіе или окунаніе въ микву. Миква—это особый резервуаръ, наполняемый непременно проточною водою. Къ сожалѣнію, притокъ этой воды обыкновенно бываетъ такъ слабъ и такъ тихъ, что весь резервуаръ представляется вонючею застоявшеюся лужей. Миква всегда устроивается при еврейскихъ баняхъ, торговыхъ и домашнихъ. За пользованіе миквой при общественныхъ баняхъ установленъ общественный сборъ, и разумѣется (это „разумѣется“ мыслимо только съ еврейской точки зрѣнія), съ тѣхъ, кто побогаче, берется свѣ-

ше ординарной платы, глядя по достатку подвергающейся погруженію особы.

Погруженіе въ микву строго-обязательно только для невѣстъ, готовящихся къ совершенію брака, и для замужнихъ женщинъ— послѣ родовъ и послѣ каждой менструаціи, когда женщина, по закону Моисееву, считается нечистою, оскверненною. Для женщинъ остальныхъ разрядовъ и для мужчинъ миква не обязательна, хотя люди набожные стараются къ ней прибѣгать всегда, когда сочтутъ себя нечистыми или оскверненными (въ случаяхъ, напримѣръ, указанныхъ въ главѣ XV книги Левитъ), и когда со всею искренностію вѣруютъ, что погруженіемъ въ микву они совершаютъ надъ собою, такъ сказать, полное, совершенное духовное очищеніе. Этимъ именно характеромъ миква и отличается отъ обыкновенной бани: въ банѣ хоть сто разъ перебивай — все это ровнешенько ничего не значитъ сравнительно съ однократнымъ, но совершеннымъ по всѣмъ правиламъ еврейскаго закона погруженіемъ въ миквѣ. Что это за правила, что это за таинственность—все это разоблачится далѣе, изъ текста и изъ объяснительныхъ статей къ „Установленіямъ о миквѣ“.

Нормальный minimum объема воды въ миквѣ долженъ быть въ 44,118¹/₂ „пальцевъ“, что, по исчисленію самихъ Евреевъ, составитъ ровно три кубическіе аршина ¹⁾, и то при условіи, чтобы глубина миквы была такова, чтобъ погружившейся въ нее женщины вода была на одинъ палецъ выше пупа: такой minimum указанъ закономъ. Конечно, чѣмъ резервуаръ обширнѣе, и чѣмъ воды больше, тѣмъ лучше, но ужъ изъ опредѣленія нормы minimum'а легко догадаться, что, вѣроятно, и въ дѣйствительности, и въ практической жизни эти водные резервуары не могутъ быть бассейнами кристальной воды. Оно такъ и есть: миква—это какая-то конура, комната—не комната, колодезь — не колодезь, а юдоль какая-то мглистая. А такъ какъ въ переполненныхъ Евреями городахъ, городкахъ, городишкахъ и „мѣстечкахъ“ (отъ польскаго *miasło* — городъ; *miasteczko* Западной Россіи соответствуетъ нашему „городку“, какъ

¹⁾ По этому расчету окажется, что нашъ дюймъ = 1,49 еврейскимъ „пальцамъ“, а еврейскій „палецъ“ = 0,67 дюйма, или проще, полтора и двѣ трети.

зовуть, напримѣръ, Гурьевъ, Сакмарскъ, Илецкъ и др.) число миквъ очень ограничено, я думаю, вслѣдствіе еврейской жадности и общественнаго корыстолюбія, а число женщинъ, моральное существованіе которыхъ отъ нихъ зависитъ, доходить до весьма почтенныхъ размѣровъ, то можно себя представить, въ какой степени эти миквы могутъ называться „чистымъ источникомъ“.

Такъ какъ самый актъ супружескаго совокупленія у Евреевъ считается за актъ религіозный, за богоугодное дѣло, то и предшествующій ему актъ „правильнаго“ погруженія въ микву есть тоже совершеніе богоугоднаго дѣла. Безъ исполненія его, женщина нечиста, осквернена, недоступна, отторжена отъ супружескихъ ласкъ, она—отверженница: и богобоязненная жажда духовнаго очищенія до такой степени воспаляетъ хлопочущихъ о чадородіи еврейскихъ женщинъ ¹⁾, что при отсутствіи миквы въ мѣстахъ случайнаго и одиночнаго поселенія еврейской семьи, когда съѣздить въ городъ или въ мѣстечко нарочно для подготовки къ брачному дѣлу или далеко, или по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ—не возможно, нѣкоторыя женщины, зимой, бросаются въ прорубь, и въ этой естественной миквѣ, въ этой живой водѣ, совершаютъ духовное очищеніе себя отъ всякаго скверны. Вѣчно трудящіяся, вѣчно хлопочущія, вѣчно изъ силъ выбивающіяся, Еврейки прилагаютъ стараніе, чтобъ на шабасъ быть совершенно чистыми и доступными мужу. Не лишнее присовокупить къ этому, что при супружескихъ совокупленіяхъ въ ночь на субботу, Евреямъ вмѣняется въ набожную обязанность—сколько возможно отдалять отъ себя страстные, плотскіе порывы.

Миквенные обряды и уставы объ очищеніи, независимо отъ того, что они имѣютъ чисто-санитарныя цѣли для народа, который цѣлѣе вѣка живетъ въ поразительной нищетѣ и грязи, вліяютъ на семейный бытъ Евреевъ еще и моральнымъ путемъ. Цѣлые шесть мѣсяцевъ въ году, а въ общемъ счетѣ половину всей своей супружеской жизни, мужъ и жена, не смотря на пылкость еврейской крови, должны сдерживать всякую животненность страсти. Въ теченіе половины всей своей супружеской жизни еврейская женщина должна

¹⁾ Безплодіе жёнъ служитъ у Евреевъ поводомъ къ расторженію брачнаго союза.

давать своей натурѣ физиологическій отдыхъ, при неотступномъ сознаніи своей отверженности, своего полууниженного состоянія, въ которое она поставлена своимъ „оскверненіемъ“. Въ теченіе половины своей супружеской жизни мужъ лишается, *долженъ* отрѣчься отъ присущей ему потребности видѣть и въ женѣ равноправность на обмѣнъ ласкъ и выраженій склонности. Въ концѣ концовъ, въ формѣ крайнихъ послѣдствій, мы видимъ въ самой нищенской еврейской семьѣ, изможденной заботами о „гелдѣ“, о насущномъ хлѣбѣ, нетощалой отъ скудной пищи, которая состоитъ изъ постнаго крупняка, изъ постнаго картошки, изъ постнаго борща, изъ заржавленной селедки, и развѣ только въ шабасъ, изъ микроскопическихъ приемовъ говядины, припаса, по дороговизнѣ своей, положительно большинству недоступнаго по милости такъ называемаго „коробочнаго“ сбора, въ этакой-то, я говорю, семьѣ, приютившейся въ крошечномъ уголку, крошечной низенькой канурки мы видимъ два супружескія ложа, двѣ кровати, привычку воздерживать страсти и охлаждать порывы, полное спокойствіе для успѣшности жизненныхъ процессуальныхъ выдѣленій въ организмѣ, а вслѣдствіе того, всегда готовый и здоровый запасъ сперматозоидовъ, обильное чадородіе, и что всего важнѣе — полный миръ, истинную гармонію, образцовое согласіе у мужа съ женою въ громадномъ большинствѣ еврейскихъ семействъ.

Установленія о миквенныхъ обрядахъ излагаются въ особыхъ отдѣлахъ молитвенныхъ книгъ и тщательно изучаются не только женщинами и взрослыми мужчинами, но преподаются даже едва вышедшимъ изъ отрочества мальчикамъ, которые долбятъ и заучиваютъ эти правила, также точно, какъ долбятъ и заучиваютъ они все, преподаваемое имъ въ хедѣрахъ, талмудъ-торѣ и эпикѣтахъ.

Законъ объ очищеніяхъ имѣетъ основаніе въ Пятикнижии Моисеевомъ. Но Евреи принимаютъ, что въ Пятикнижіе вошли не всѣ законы, переданные Моисею на Синаѣ: многіе, говорятъ они, вѣрены были народной памятью, и вотъ происхожденіе цѣлаго ученія объ устномъ Законѣ, начатки котораго возникли въ эпоху возвращенія Евреевъ, во времена Кира, изъ вавилонскаго плѣна. Только во II вѣкѣ нашей эры начались попытки письмен-

ныхъ собраній законодательства, дотогѣ развивавшагося лишь путемъ устной передачи, а въ III вѣкѣ, и именно въ 237 году нашей эры, рабби Иуда, прозванный Святѣмъ, первый привелъ въ систему весь накопившійся до его времени религіозно-юридическій матеріалъ въ такъ называемой Мишнѣ, написанной на мертвомъ уже и для того времени еврейскомъ языкѣ.

Мишна состоитъ изъ шести отдѣловъ, называемыхъ по-еврейски „порядки“; въ каждомъ такомъ „порядкѣ“ отъ 7 до 12-ти отдѣльныхъ трактатовъ, а всего ихъ 63, и между ними, особый трактатъ — Нидда—о половой нечистотѣ женщинъ и объ очищеніи, и особый же трактатъ—Микваотъ—о миквенныхъ погруженіяхъ.

Мишна составляетъ какъ бы ядро всего еврейскаго вѣроученія. Въ III вѣкѣ въ Палестинѣ, а въ V в. въ Вавилоніи были соединены въ одно цѣлое всѣ сборники, объяснявшіе и комментировавшіе Мишну: эти сборники называются Гемарою. Отдѣльныхъ изданій Гемары нѣтъ: она всегда издается вмѣстѣ съ Мишною, подъ общимъ названіемъ Талмуда, который и представляетъ собою нынѣ громадный фоліантъ въ 2,947 листовъ. Талмудъ бываетъ или Палестинскій, или Вавилонскій, смотря по той мѣстности, гдѣ была собрана Гемара ¹⁾.

Послѣ Библии, Мишна занимаетъ первое мѣсто въ духовной

¹⁾ Недавно вышли въ свѣтъ нѣкоторые трактаты Талмуда новымъ изданіемъ—Богъ вѣсть ужъ которымъ, такъ какъ счетъ имъ давно потерянъ; позволяю себѣ по этому случаю передать здѣсь нѣсколько любопытныхъ данныхъ о еврейской прессѣ въ Вильнѣ за 1871 годъ.

Ч и с л о:

	Всѣхъ изданій.	Печатныхъ листовъ.	Отпечатанныхъ экземпляровъ.
1. На одномъ еврейскомъ языкѣ:			
Азбука	1	1/2	5,000
Грамматика	1	20	2,000
Произведенія словесности	5	42 1/2	9,060
Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія книги	22	254	158,500
Историческія сочиненія	2	8	2,100

еврейской литературѣ. При невозможности, для небогатаго человѣка, обладать такимъ сокровищемъ, какъ Талмудъ, и при поголовной грамотности Евреевъ, настольною книгою почти каждого изъ нихъ должно быть непремѣнно какое-нибудь извлеченіе изъ него. Самымъ распространеннымъ, въ этомъ отношеніи, сборникомъ надо признать особенно одну книгу, озаглавленную „Шульханъ-

Географія	1	10	2,000
Смѣсь	5	5	50,100
Итого	36	340	288,760
	27 ¹ / ₂ %	25%	39 ¹ / ₄ %

2. На одномъ *раввинскомъ* языкѣ:

Произведенія словесности	1	3 ¹ / ₂	400
Философскія сочиненія	1	12 ¹ / ₂	2,000
Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія книги	23	318	48,700
Смѣсь	2	2	4,000
Итого	27	336	55,100
	20 ¹ / ₂ %	25%	9 ¹ / ₂ %

3. На одномъ *жидовскомъ* языкѣ:

Произведенія словесности	17	35	93,000
Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія книги	17	139	70,000
Смѣсь	4	2	13,500
Итого	38	176	176,000
	29%	12 ¹ / ₂ %	30 ¹ / ₂ %

4. На языкахъ: *еврейскомъ* и *русскомъ*:

Богословско-догматическія	1	16 ³ / ₄	7,500
Смѣсь	1	1 ¹ / ₄	1,000
Итого	2	17	8,500
	1 ³ / ₈ %	1 ¹ / ₄ %	1 ¹ / ₂ %

5. На *еврейскомъ*, *русскомъ*, *французскомъ* и *нѣмецкомъ*:

Азбука	1	1	5,000
	⁴ / ₈ %	¹ / ₁₀₀ %	⁴ / ₈ %

6. На *еврейскомъ* и *жидовскомъ*:

Религіознаго содержанія книги	12	182	65,000
	9%	15 ¹ / ₂ %	11%

Арѣхъ“, по русски: „Накрытый Столъ“: это сводъ всѣхъ религіозныхъ еврейскихъ узаконеній и установленій.

Шульханъ-Арухъ составленъ раввиномъ Іосифомъ Кара, жившимъ послѣ Маймонида, въ концѣ XIII или въ началѣ XIV столѣтія. Онъ раздѣляется на четыре тома и шесть частей. Первый томъ Шульханъ-Аруха носитъ заглавіе „Орахъ-хаймъ“, по-русски: „Путь Жизни“, и содержитъ въ себѣ обряды молитвъ и молитвен-

7. На *раввинскомъ* и *жидовскомъ*:

Произведенія словесности	1	2	5,000
Религіознаго содержанія и богословско-догматскія	2	83	4,000
Итого	3	35	9,000
	2 1/3%	2 1/3%	1 1/3%

8. На *еврейскомъ* и *раввинскомъ*:

Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія	5	72	14,900
	3 4/5%	5 2/3%	2 1/3%

9. На *еврейскомъ* и *калдейскомъ*:

Смѣсь	1	1/2	8,000
	4/5%	4/100%	1 1/4%

и 10. На *раввинскомъ* и *калдейскомъ*:

Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія	5	190	6,350
	3 4/5%	14%	1 1/2%

В с е г о 131 1,349 1/2 577,110

А если не разбивать на нарѣчій, но распределить всѣ изданія по ихъ родамъ, то получится такой результатъ:

	Ч и с л о .			Процентное отношеніе по числу.		
	Всѣхъ изданій.	Печатныхъ листовъ.	Отпечатанныхъ экземпляровъ.	Всѣхъ изданій.	Печатныхъ листовъ.	Отпечатанныхъ экземпляровъ.
Азбука	2	1 1/2	10,000	1 2/3%	11/100%	1 4/5%
Грамматика	1	20	2,000	4/5%	1 1/2%	1/5%
Произведенія словесности . . .	24	83	107,480	18%	6%	18 1/2%
Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія						
книги	87	1,204 1/2	374,960	66 1/3%	90%	65%

ныхъ къ Богу обращеній, „благословеній“, а также установленія о праздникахъ и о постахъ. Второй томъ озаглавленъ „Ібре-дѣа“, по-русски: „Указатель Знанія“. Въ немъ двѣ части; первая излагаетъ установленія о пищѣ, объ ея приготовленіи, о рѣзаніи животныхъ въ пищу, о соленіи мяса, а главнѣйшимъ образомъ все сводится

Философія	1	12½	2,000	¼%	⅙%	⅓%
Исторія	2	8	2,100	1½%	⅙%	⅓%
Географія	1	10	2,000	¼%	⅙%	⅓%
Смѣсь	13	9½	76,000	10%	⅙%	13½%

В с е г о 131 1,349½ 577,110

Въ счетъ 131 книги не вошли три выпуска еврейскаго періодическаго изданія „Гакармель“, возобновленнаго съ октября 1871 года, но уже не въ прежней формѣ газеты, а въ видѣ ежемѣсячнаго журнала. Относительно числа листовъ должно замѣтить, что еврейскій шрифтъ чрезвычайно компактенъ: еврейскій листъ стѣяетъ двухъ-трехъ листовъ русскаго набора.

Къ вышеприведеннымъ цифрамъ, которыя говорятъ сами за себя, прибавлять многого, кажется, нечего, развѣ лишь замѣтить слѣдующее. Всѣ книги, относящіяся къ разряду богословско-догматическихъ и вообще религіознаго содержанія—если не исключительно, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ—суть перепечатки прежнихъ изданій, съ весьма немногими или добавленіями самаго издателя и вошедшаго съ нимъ въ соглашеніе автора или со вставками изъ другихъ книгъ. Весьма нерѣдко случается, что книги авторитетныя или такого рода, къ которымъ Еврей привылъ, такъ сказать, изъ-покоя въѣху, напримѣръ трактаты извѣстныхъ еврейскихъ философовъ и богослововъ, молитвенники или что иное, печатаются въ теченіе одного и того же года, въ разныхъ типографіяхъ и даже въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Прочія книги болѣе-серьезнаго содержанія—почти на половину компіляціи. Конечно, нельзя вовсе отвергать и оригинальности многихъ сочиненій, но къ оригинальнымъ, въ большей части случаевъ, относятся по преимуществу произведенія словесности, романы, или правильнѣе, пополюзновенія на романъ, повѣсти, рассказы въ прозѣ и стихахъ, сатиры и т. п. Но конечно, все это расплывается въ хлябяхъ 375 тысячъ экземпляровъ такихъ книгъ, которыя топчутъ еврейскій смыслъ и разсудокъ въ тревоженіяхъ мистически-старовѣрческой тины.

Сочиненія вообще крайняго ригоризма въ дѣлѣ религіи, конечно, преименно изъ рода въ родъ, поддерживаютъ въ Евреяхъ крайнюю отсталость и фанатическую замкнутость. Но массы еврейскія, въ которыхъ каждая отдѣльная единица прошла сквозь строй очумляющаго „хеде́ра“ съ зачумленнымъ „меламедомъ“ (хеде́рь—это яви́на, а по большей части тайныя, первоначальныя школы, а меламедъ—„народный“ учитель въ чисто еврейскомъ смыслѣ), самымъ то горячѣйшимъ

въ постановленіяхъ о „трефѣ“ и о „кошерѣ“; во второй части наложены законы о соблюденіи менструаціи, объ оскверненіи, объ омовеніяхъ въ банѣ, объ очищеніи, о погруженіи въ миквѣ, объ обѣтахъ, о клятвахъ, о почитаніи родителей, наставниковъ и вообще ученыхъ людей, объ обученіи Торѣ (Пятикнижію), Мишнѣ

образомъ фанатизируются не талмудическими умствованіями, не хасидическими разглагольствованіями въ книгахъ да въ брошюрахъ, а устною болтовнею „магидовъ“, проповѣдниковъ.

Между тѣмъ какъ вообще свобода устнаго слова встрѣчаетъ у насъ болѣе или менѣе значительныя ограниченія, одинъ на Руси ораторъ—магидъ—конь разнузданный, бѣшено мечущійся и по привольной степи, и по пространнымъ пажитямъ съ тощими Фараоновыми колосьями; одинъ магидъ блаженствуетъ, наслаждаясь исключительностію положенія Еврейчика, прикрытаго эгидою ничтожества. Наши Евреи въ этомъ отношеніи въ самомъ дѣлѣ народъ безпримѣрный: публично произноситъ проповѣди, говоритъ рѣчи въ синагогахъ, бетгамедрашахъ, въ тайникѣ запрятанныхъ на заднемъ дворѣ маленькихъ частныхъ моленъ или на кладбищахъ—у нихъ безвозбранно можетъ всякій, кому только вздумается; всякій считаетъ себя въ правѣ говорить, что только взбрѣдетъ ему въ голову, и его охотно будутъ слушать, лишь бы рѣчь его сопровождалась почаще ссылками на еврейскихъ святыхъ мудрецовъ, подведеніемъ религіозныхъ текстовъ, и какъ можно побольше, разными воздыханіями. Вотъ гдѣ разгадка всякихъ „хейримовъ“ (родъ анекдотовъ) и „кагальныхъ“ безобразій... А вотъ, для образца, проповѣдь по случаю рекрутскаго набора 1872 г., не говоренная въ дѣйствительности, но составленная на подобіе тѣхъ, которыя дѣйствительно были произносимы: „Дѣти Авраама, Исаака и Іакова, опять на насъ рухнуло горе!... Вы, сыны народа Божія, опять надъ вами разразилась гроза!... Благочестивѣйшіе мои братія Израиль, нашихъ дѣтей опять отъ насъ отнимаютъ!... Какъ они тамъ содержатъ станутъ святую вѣру нашу? Вспомните Бога! Вспомните, что вы избранный народъ Его! держитесь Его святой воли! Будьте преданы святому Его закону!... Но воля земнаго владыки нашего, Государя Императора, должна быть священна!... Наемщики запрещены, но за то продаются новаго рода рекрутскія квитанціи по 800 рублей за штуку!... Отдайте все, несите послѣдній грошъ, выкупайте сыновъ Израиля отъ грозящей бѣды!“

Вслѣдствіе этого еврейскимъ обществомъ было постановлено: шѣбашъ съ вечера 4-го на 5-е февраля всѣмъ праздновать одною селѣдкой, а все, что бы должно было быть израсходовано на достодолжное, въ обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ, чествованіе седьмаго дня Господня, все принесть въ жертву общему дѣлу. Въ четвергъ, 3-го февраля, потекли отцы и матери, потекли по всѣмъ улицамъ на школьный (синагогальный) дворъ съ посылною лентой. И зажиточный портной Пташекъ, а въ обрусѣломъ видѣ Пташкинъ, внесъ, ежедневно

и Талмуду, и проч. Третій томъ называется „Хошенъ - Хаміш-пате“, что по-русски означаетъ „Щитъ Суда“; въ этомъ томѣ также двѣ части; обѣ трактуютъ и излагаютъ постановленія по вопросамъ чисто гражданскихъ отношеній. Четвертый томъ имѣетъ заглавіемъ „Евентъ Газзеръ“, по русски: „Камень Спасенія“; здѣсь содержатся заветы о распложеніи и размноженіи рода человѣческаго, о половыхъ супружескихъ сношеніяхъ, о бракѣ и брачномъ союзѣ, о свадьбахъ, о дозволенныхъ и не дозволенныхъ союзахъ и прочее, въ этомъ же родѣ, наконецъ—о разводѣ.

Понятное дѣло, что и въ Шульханъ-Арухѣ, какъ и въ Талмудѣ, есть очень много фанатизма и религіозной нетерпимости, но надо принять въ расчетъ, что языкъ этого религіознаго кодекса не всякому Еврею доступенъ, что жизнь все-таки беретъ свое и многое смягчила, а многое не только сгладила, но и вовсе изгладила изъ понятій и убѣжденій Евреевъ, все-таки увлекаемыхъ общимъ потокомъ современнаго прогресса и рвущихся по пути реформъ и всяческихъ преобразованій. Молодое поколѣніе этого талантливаго племени дѣлаетъ такіе гигантскіе шаги на пути своего гражданского, умственнаго и нравственнаго развитія, что поклонники хассидизма цѣпенѣютъ отъ ужаса при мысли: „куда идетъ нынѣшнее еврейство?“

Шульханъ-Арухъ написанъ на языкѣ мертвомъ, непонятномъ и недоступномъ для полнаго усвоенія его простолюдьемъ и женщи-

на шабашъ расходующие его семьей, тринадцать цѣлковыхъ, и чуть-чуть не совѣмъ нищая вдова Роха доставила свои 13½ копѣекъ. Кашущуюся неровность этого счета она объяснила искренно тѣмъ, что, по бѣдности, она никогда не въ силахъ честовать шабашъ иначе, какъ лишь двумя сеledками, по три копѣйки, булкой (халкой) и картошкой на шесть копѣекъ, чаемъ, покупаемымъ ровно на копѣйку (здѣсь торговля спитымъ чаемъ идетъ въ тѣхъ же подвалахъ, гдѣ продается лукъ и деготь) и кипяткомъ изъ водогрѣйни на полкопѣйки. Ей возвращали ей лепту, какъ не подлежащую взносу и равноцѣнную съ одною хорошею сеledкой, но Роха взять назадъ отказалась. Въ приношеніи на общую пользу приняли участіе и нѣкоторые изъ тѣхъ семей (еврейскихъ семействъ въ Вильнѣ считается 12.000), которыя, по привилегированному положенію, вовсе о рекрутствѣ и знать ничего не хотятъ. Если ввести кое-какія не официальныя данныя, то въ результатъ получимъ, что честованіе одного лишь шабаша обходится Евреямъ города Вильны почти въ полмилліона рублей въ годъ, и то только на одинъ столъ.

вамъ: стоять только сравнить приведенныя нами цифры о количествахъ книгъ, выходящихъ на раввинскомъ языкѣ; для миллионной толпы Евреевъ дѣлаются изъ Шульханъ-Аруха выборки, составляются, на жидовскомъ языкѣ, особые сборники по разнымъ частямъ обрядовыхъ знаній, такъ что невѣдѣніемъ ихъ положительно ужь никому нельзя извиняться.

Одинъ изъ такихъ сборниковъ, взятый изъ помѣщенного въ „Юре-деа“ трактата, называемаго „Гильхотъ Нйdda“, то есть, законы о женскомъ оскверненіи, собранные изъ разныхъ кодификаторовъ старыхъ и новыхъ, переведены съ раввинскаго языка на жидовскій, обработаны подъ своеобразною системою раввиномъ (конечно, ужь не такъ называемымъ „казеннымъ“) изъ мѣстечка Илин, Вилейскаго уѣзда Виленской губерніи, Монсеемъ Таутельбаумомъ, и сведены въ одну брошюру подъ заглавіемъ „Мааіанъ-тагòръ“, по-русски: „Источникъ Чистый“; брошюра эта трактуетъ только объ однихъ женскихъ миквенныхъ погруженіяхъ и совершенно обходить установленія, впрочемъ, какъ я уже сказалъ, необязательныя для мужчинъ.

Переводъ этой-то брошюры, для того, чтобъ сохранить весь еврейскій букетъ и чтобъ дать понятіе о еврейской манерѣ трактовать религіозные предметы, сдѣланъ гг. Волеиъ и Штейнбергомъ почти дословно, не смотря на весь цинизмъ нѣкоторыхъ страницъ; смыслъ переданъ, конечно, съ строгою точностью.

УСТАНОВЛЕНІЯ О МИКВЪ.

(Переводъ съ жидовскаго).

ГЛАВА I.

§ 1. Такъ какъ почти у каждой женщины свое время приходитъ въ опредѣленные сроки, черезъ каждые 20—30, больше или меньше, дней, то мужъ, пока срокъ еще не насталъ, можетъ у нея быть, и она не нуждается въ предварительномъ себя осмотрѣ; но она обязана сама себя осмотрѣть предъ самымъ актомъ, если онъ случится около того времени, но такъ, чтобъ мужъ этого не видѣлъ; чѣмъ больше она себя осматриваетъ, тѣмъ больше получить награды.

Поясненіе. — Время, о которомъ здѣсь говорится, есть періодъ менструаціи. Самый актъ супружескихъ сношеній есть актъ религиозный, сопровождаемый, въ первую ночь, извѣстнаго рода молитвословіемъ и благословіемъ, въ томъ случаѣ, если невѣста—дѣвица. Подготовленіе женщины къ этому акту—богоугодное дѣло. Малѣйшее цвѣтное пятно, открывшееся у женщины, есть уже признакъ ея оскверненія. Награда, о которой тутъ упоминается, подразумѣвается небесная.

§ 2. Мужъ долженъ отдалиться отъ жены заблаговременно. Именно, если срокъ ея времени послѣдуетъ вечеромъ тридцатаго или инаго дня, то мужъ не долженъ у нея быть цѣлый тотъ день, отъ самаго его начала. Если она осмотрѣла себя, по закону, на канунъ срочнаго дня и не замѣтила крови, то мужъ можетъ быть у нея въ слѣдующій день. Если время ея наступаетъ ночью, то всю ту ночь и весь предшествующій день она для мужа запретна. Но если крови вовсе не было, она на весь слѣдующій день для него дозволена. Съ другой стороны, если ея времени слѣдуетъ наступить утромъ тридцатаго или инаго дня, то жена не можетъ совокупляться съ мужемъ цѣлый день, даже вече-

ромъ, хотя бы она, осмотрѣвъ себя, ничего на себѣ не нашла; но въ ночь, предшествовавшую срочному дню, она можетъ ложиться съ нимъ, потому что законъ одинаковъ—наступаетъ ли время въ началѣ, въ срединѣ или въ концѣ ночи; къ тому жъ еще все равно—опредѣлился у нея этотъ періодъ три раза, или нѣтъ. Предъ наступленіемъ срочнаго времени мужъ не долженъ ни обнимать, ни цѣловать жену.

Поясненіе.—День, сутки, считается у Евреевъ съ появленіемъ вечерней звѣзды и оканчивается съ сумерками слѣдующихъ сутокъ. Срочный періодъ устанавливается, когда женщина, по троекратномъ наблюденіи себя, вполне убѣдится, что время ея приходитъ на такіе-то сутки и въ такую-то пору. Она запретна, отвержена для мужа; это по еврейски выражается: „она есть нидда“.

§ 3. Женщина, имѣющая свое время неопредѣлительно, то на такіе-то сутки, то на иные, такъ что оно у нея колеблется и разнится на двое или на трое сутокъ, во все это сомнительное время отвержена мужу.

§ 4. Если у женщины время обыкновенно наступаетъ до восхода солнца, то время это принадлежитъ еще къ ночи и поэтому во всю ту ночь она запретна. Если она въ сомнѣніи о срокѣ, до или послѣ восхода солнца упадаетъ моментъ начала кровей, то она запретна въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, то есть, въ предшествующую ночь и въ слѣдующій день; также если она обыкновенно получаетъ свое время въ промежутокъ между днемъ и ночью (въ продолженіе сумерекъ), то запрещена въ продолженіе цѣлыхъ предшествующихъ сутокъ.

§ 5. Женщина беременная, или кормящая ребенка грудью, не должна обращать вниманія на прежніе сроки ея времени, развѣ у нея появится кровь.

Поясненіе.—Не обращать вниманія значитъ не стѣсняться; слѣдовательно, въ такомъ положеніи женщина — не нидда, пока не показалось крови.

§ 6. Выше (§ 2) было сказано, что женщинѣ сообщеніе съ мужемъ возбраняется, либо разрѣшается, „весь день“. Но да не дерзають онѣ думать, будто въ самомъ дѣлѣ „можно“

днемъ: Боже сохрани отъ этого насъ, народъ Божій, быть у жены днемъ — это дѣло скотское; развѣ лишь въ темной комнатѣ или при другихъ условіяхъ, о которыхъ упомянуто въ Шульханъ-Арухъ.

Поясненіе.—Условія эти: если мужъ отъѣзжаетъ въ дорогу, и вообще, находится въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ по поводу предстоящей неотложной разлуки съ женой и наступленія запретнаго ея періода, что, съ еврейской точки зрѣнія, дѣлаетъ доступъ къ женѣ дозволеннымъ.

§ 7. Если мужъ сблизился съ женой въ запретное время передъ срокомъ ея времени, то хотя бы до окончанія акта и не было замѣтно крови, и онъ, и она должны принять покаяніе.

Поясненіе.—Виды еврейскаго покаянія суть: посты, усиленныя молитвы, милостыня и отреченіе, на извѣстное время, отъ мясной пищи, включая сюда и животныя продукты, стало быть, не только говядину или гусинныя потроха, но даже молоко, масло, сыръ, гусинный жиръ и т. п. А гусинный жиръ — важная для Евреевъ статья: въ немъ жарится всякое жаркое. Обыкновенно, подобнаго рода посты соблюдаются Евреями въ продолженіе нѣсколькихъ дней, два раза въ году—передъ Іомъ-Кипуромъ и передъ Рошъ-Гошаной, кажется, въ теченіе девяти дней.

ГЛАВА II.

§ 1. Женщина, не имѣющая опредѣленнаго, установившагося срока, запретна въ тридцатый день послѣ предшествовавшаго „времени“, такъ какъ это есть обыкновенный періодъ, служащійся у большинства женщинъ. Объ этомъ законѣ можно говорить много; но такъ какъ большая часть женщинъ имѣетъ опредѣленные сроки, то мы сократили. Пусть она спроситъ у мудреца, какъ ей поступить относительно сепарациі съ мужемъ передъ срокомъ.

Поясненіе.—Здѣсь, и далѣе во многихъ мѣстахъ, переводчикъ говоритъ о мудрецѣ. Мудрецъ или опытный, знающій законъ ученый мужъ, „талмудъ-хахамъ“—это, обыкновенно, „морё-гердэ“, именно то самое, что принято у насъ называть раввиномъ, духов-

нимъ раввиномъ, не казеннымъ, не назначеннымъ правительствомъ (раввинъ, опредѣляемый администраціей, называется „общественнымъ“: его выбираютъ на общественныхъ выборахъ, но это фикція: общественный раввинъ только ведетъ, такъ сказать, нотаріальную часть, именно списки рожденій, смертей, браковъ и разводовъ; наружнымъ почетомъ онъ, конечно, пользуется). Этотъ „морегерозъ“ есть вершитель всѣхъ сомнительныхъ вопросовъ и казуистическихъ недоумѣній. Рассказываютъ, что въ Вильнѣ вовсе нѣтъ такого лица, которое бы, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, дѣйствительно называлось раввиномъ; въ Вильнѣ послѣдній человѣкъ, носившій это званіе, умеръ 160 лѣтъ тому назадъ: но этотъ послѣдній раввинъ былъ такой человѣкъ, что въ теченіе 160 лѣтъ Евреи не нашли еще никого, кого возможно было бы признать за достойнаго чести быть преемникомъ этого раввина. По этому въ Вильнѣ теперь четыре морегероза. Эти морегероза считаютъ себя такъ высоко поставленными, и дѣйствительно, держать себя съ такимъ достоинствомъ, что громадное уваженіе, которымъ они пользуются у своихъ единоплеменниковъ, вполне заслуженно: они не дозволяютъ себѣ никакихъ вымогательствъ при совѣщаніяхъ, и какъ бѣдному люду, такъ и богатымъ капиталистамъ, преподаютъ результаты своей опытности совершенно безмездно, хотя оеократическій народъ, особенно женщины, безпрестанно осаждаютъ и тормозатъ ихъ. Казенные раввины—вездѣ люди передовые, люди безупречные; но именно потому, что они передовые, болѣе или менѣе европейски-развитые люди и прогрессисты, пока жизнь и окружающая среда ихъ не заѣла и не огадила,—они, понятное дѣло, представляются стадообразному еврейскому люду берлинерами; притомъ же они и по лѣтамъ не старцы, стало быть, вдвойнѣ не любы. Теперь, полагаю я, будетъ понятно, какимъ образомъ и по этой части у Евреевъ и государственный законъ о раввинахъ соблюденъ, и государственный законъ о раввинахъ обойденъ. Смотри на даваемыхъ администраціей, хотя предварительно и баллотированныхъ на выборахъ казенныхъ раввиновъ какъ на берлинеровъ, нѣмчиковъ, Евреи вмѣстѣ съ тѣмъ смотрятъ на нихъ и какъ на правительственныхъ чиновниковъ. Кстати, нельзя не упомянуть, что раввинство все-таки не духовное сословіе, какъ каста: на это есть

когёны и левиты; раввины, какъ и всѣ Евреи,—просто Евреи, безъ особенныхъ знаковь отличій наружныхъ въ одеждѣ и въ сословныхъ правахъ; у Караймовъ, въ городѣ Тровахъ, ихъ „гахамъ“ и газзанъ“ отличаются хоть особою формою одежды и шапокъ, съ такъ называемою Давидовою звѣздой при богослуженіи; у Евреевъ и этого нѣтъ: у нихъ всѣ предполагаются равными, хотя раввины, и духовный, и казенный, пользуются передовыми, почетнѣйшими мѣстами. Здѣсь нѣтъ рѣчи о хассидахъ; у нихъ вовсе не то; ихъ „цадики“ — совсѣмъ особъ статья: это, положительно, какіе-то царьки, даже больше—это божки, передъ которыми все преклоняется, все падаетъ ницъ, все мгновенно повинуетъ каждому ихъ звуку.

§ 2. Женщина, не имѣющая опредѣленнаго срока ея времени, должна осматривать себя до и послѣ акта и удостовѣряться: нѣтъ ли пятна на ней самой, или на томъ, чѣмъ мужъ обтерся. Хотя бы, въ теченіе ночи, было и нѣсколько сообщеній, все-таки достаточно одного осмотра съ начала ночи, а другого утромъ. Осмотру подлежать трипки, которыми онъ и она, послѣ акта, обтираются.

§ 3. Вотъ общее правило: женщина, не имѣющая опредѣленнаго времени, должна поступать въ тридцатый день такъ, какъ иная женщина поступаетъ въ обычный и извѣстный для нея день того періода.

ГЛАВА III.

§ 1. Женщина, имѣющая опредѣленный срокъ своего времени, должна, предъ наступленіемъ его, подвергнуть себя тщательному осмотру, хотя бы и ничего еще даже не почувствовала. Если же она осмотрѣла себя, когда уже и срокъ прошелъ, и даже тогда ничего на себѣ не нашла,—она обязана обратиться о семъ къ мудрецу, потому что въ этихъ случаяхъ много бываетъ различныхъ казусовъ. Но безъ всякаго осмотра она безусловно запрещена мужу, хотя бы ничего даже и не чувствовала, а не то что увидѣла бы.

§ 2. Такимъ же образомъ должна въ тридцатый день поступать всякая женщина, не имѣющая установившаго опредѣленнаго срока.

ГЛАВА IV.

§ 1. Если мужъ собирается въ дорогу около времени женной менструаціи, онъ можетъ цѣловать и обнимать ее, хотя во всѣхъ другихъ случаяхъ это и не дозволено, какъ сказано выше (глава I, § 2). Ибо, предъ отправленіемъ въ дорогу, онъ, собственно, долженъ былъ бы „навѣстить“ ее, но такъ какъ это теперь ему не дозволяется, то онъ, по крайней мѣрѣ, исполняетъ свою обязанность посредствомъ поцѣлуевъ, обниманій или даже посредствомъ пріятныхъ словъ любви. Когда же мужнина отлучка совпадаетъ съ самымъ срокомъ менструаціи, то по закону, даже объятія и поцѣлуй воспрещены.

§ 2. Когда мужу предстоитъ дорога, а жена еще нечиста, но до времени погруженія ея въ микву ужь недалеко, на примѣръ, всего день, то лишь въ случаѣ крайней надобности онъ можетъ отправиться въ путь, и не исполнивъ заповѣди о супружескомъ долгѣ.

Поясненіе.—Когда особенной крайности къ немедленному отъѣзду въ путь не стоитъ, мужъ обязанъ выждать время, остающееся до полного очищенія жены, и послѣ миквы „навѣстить“ ее, а тогда ужь и ѣхать. За день до приступа менструаціи, во все время ея продолженія и въ теченіе семи „чистыхъ“ дней послѣ полного и окончательнаго ея прекращенія, жена, въ отношеніи къ мужу, считается ниддою, оскверненною. Подробности будутъ дальше.

§ 3. Если женщина, въ продолженіе „своихъ чистыхъ“ дней, увидитъ на себѣ пятно, чѣмъ, конечно, она ужь осквернилась, и если снова начнетъ отсчитывать „чистые“ дни, а время погруженія въ микву подойдетъ близко къ сроку ея опредѣленнаго времени, то объ этомъ случаѣ она должна спросить мудреца, чтобъ рѣшить: можно ли ей идти въ микву, или нельзя. Въ этомъ вопросѣ много бываетъ разныхъ казусовъ.

§ 4. Предварительно приступа къ совершенію супружескаго долга, мужъ долженъ спросить жену: осмотрѣлась ли она по закону, или нѣтъ. Но этотъ вопросъ надлежитъ дѣлать лишь при дѣйствительномъ намѣреніи приступить къ это-

*

му долгу въ день послѣ окончательнаго очищенія, или послѣ тридцатаго дня,—у женщины, не имѣющей, какъ сказано выше (гл. III § 1), опредѣленнаго срока.

ГЛАВА V.

§ 1. Мужъ не долженъ вообще сообщаться съ нечистою женою, хотя бы, по его догадкамъ, и выходило, что она уже успѣла сходить въ миеву: развѣ сама она ясно ему скажетъ о совершившемся погруженіи.

§ 2. Когда мужъ знаетъ, что отъ начала періода оскверненія не прошло еще столькихъ дней, чтобы жена успѣла уже побывать въ миевѣ, ему и не слѣдуетъ подаваться на женныя увѣренія, будто бы она уже совершила миквенное погруженіе.

ГЛАВА VI.

§ 1. Когда жена, во время акта совершенія супружескаго дѣла, объявитъ мужу о своей нечистотѣ и скажетъ, что сейчасъ только почувствовала, какъ у ней будто хлынуло, мужъ обязанъ тотчасъ „перестать“, употребивъ все стараніе отдѣлаться отъ нея не съ живымъ членомъ. Если же онъ отдѣлится съ живымъ, то подвергнется карѣ небесной, отъ чего да сохранить насъ Господь Богъ.

Поясненіе.—Евреи зовутъ, въ данномъ случаѣ, нормальное состояніе мертвымъ, въ противоположность напряженному, или, по ихъ выраженію, живому. Освобожденіе въ напряженномъ состояніи, производя все-таки раздраженіе стѣнокъ, считается за дѣйствительный актъ, а актъ съ ниддою законопреступенъ.

§ 2. Чтò жъ ему дѣлать? А онъ долженъ упереться ногами въ ложе, и именно такъ упереться руками и ногами, чтобъ отнюдь не касаться жены, быть рѣшительно безъ всякаго движенія, какъ камень, безчувственнымъ и оставаться въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока „то“ не омертвѣетъ, то есть, не потеряетъ своей твердости. Тогда только отдѣлится, но со страхомъ, съ большимъ трепетомъ и съ сердечнымъ сокрушеніемъ о томъ, чтò съ нимъ приключилось; ибо это совершилось не по напрасну: еслибъ онъ былъ добрый чело-

вѣкъ, то Господь не допустилъ бы его до такого грѣха. Оба, и мужъ, и жена, должны тогда тщательно осмотрѣться, обсудить свои дѣла и поступки и предаться горькому раскаянію предъ Господомъ Богомъ—да будетъ Онъ благословенъ!—а главное, остерегаться отъ прежнихъ злыхъ дѣлъ; тогда съ нимъ дальнѣйшихъ преткновеній не будетъ, а о случившемся преткновеніи онъ не обязанъ нести покаянія, если только на этотъ разъ не былъ онъ виновенъ, а подвернулось ему оно за какой-то другой грѣхъ.

§ 3. Это сказано лишь про тотъ единственно случай, когда дѣло происходило въ періодъ, по закону дозволенный, не подлежащій ни малѣйшей тѣни запрета. Но если мужъ имѣлъ сообщеніе съ женой во время, ближайшее къ сроку ея менструаціи, когда она, какъ сказано въ главѣ I, ему запретна,—о, тогда это, великое преступленіе! Онъ долженъ принести покаяніе. Онъ обязанъ обратиться къ море-герозъ, а тотъ, по своему усмотрѣнію, назначить ему родъ покаянія, согласно сказанію священныхъ книгъ. Если онъ отдѣлился отъ жены съ „живымъ“, хотя бы онъ и не зпалъ, что это воспрещается, онъ всенепремѣнно долженъ выдержать покаяніе, по указанію море-герозъ.

ГЛАВА VII.

§ 1. Если случится, что жена троекратно увидитъ у себя, во время супружескаго дѣйствія, кровь, она должна заявить объ этомъ море-герозъ и освѣдомиться отъ него, какъ ей слѣдуетъ поступить: можетъ ли она жить съ мужемъ, держась обычнаго своего счета дней, и можетъ ли совершать миквенныя погруженія; при такихъ обстоятельствахъ много встрѣчается различныхъ казусовъ. Я только указываю, что необходимо обращаться къ море-герозъ, а того, на основаніи чего ужъ онъ долженъ разрѣшать, я не перевелъ.

Поясненіе.—Въ статьяхъ, изложенныхъ въ видѣ отдѣльныхъ параграфовъ, рѣчь ведется отъ имени собирателя и переводчика ¹⁾

¹⁾ Съ раввинскаго языка на жидовскій.

изъ Шульханъ-Аруха. По части рѣшенія вопросовъ, недоразумѣній и сомнительныхъ случаевъ, относящихся лишь до супружескаго ложа, еврейскія женщины обращаются къ море-героезъ чрезвычайно часто: установленія о миквѣ на столько обязательны, на столько священны, что исполненіе ихъ не просто вѣроподобно, но безусловно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Исключенія, понятное дѣло, и здѣсь, какъ и всюду, бываютъ, но они единичны и относятся, конечно, къ „отпѣтому люду“, къ „апикрейцамъ“. Позволяю себѣ, къ слову, прибавить, что „супружеское дѣло“ никогда не происходитъ на мужниномъ ложѣ: всегда мужъ „наѣщаетъ“ жену.—Необыкновенно мѣткое и разумное сокращеніе многообъятнаго Шульханъ-Аруха, который, какъ уже сказано, самъ есть не что иное какъ сокращенный Талмудъ, представляетъ маленькая, всего на 130-ти страничкахъ въ 16-ю долю листа, брошюрка, напечатанная въ Вѣнѣ, въ 1867 году подъ заглавіемъ: *Historia de' riti hebraici, vità e osservanza degli' Hebrei di questi tempi di Leon Modena Rabi, hebreo da Venetia. Tradotto nella lingua ebraica da Solomon e Rubini, con molte e diverse note.*—Авторъ жилъ въ XVII столѣтіи; умеръ въ 1647 году. Извлеченіе его было переведено на французскій языкъ еще въ 1682 году Симонвилемъ (Simonville).

§ 2. Относительно опредѣленія періода, въ продолженіе котораго жена для мужа — нпда, есть много глубокихъ и острыхъ законоположеній, недоступныхъ пониманію женщины: по этому-то женщина, не имѣющая опредѣленнаго времени, и должна обращаться къ мудрецу за совѣтомъ, какъ ей поступать, а ужъ онъ, распросивъ ее обо всемъ самымъ подробнымъ образомъ, дастъ ей надлежащіе наставленія и направитъ на прямой путь.

§ 3. Вообще, если она замѣтитъ на себѣ пятно, она обязана обратиться къ мудрецу.

ГЛАВА VІІІ.

§ 1. Если женщина почувствовала, будто бы у нея „открылся источникъ“, и какъ будто бы „показалось“, и если она, тотчасъ же осмотрѣвъ себя, ничего на себѣ не нашла.

она—все-таки оскверненная, словно настоящая нидда. Если же она кое-что нашла, но сомнѣвается относительно цвѣта пятна, то должна идти на совѣтъ къ мудрецу. Если она и ничего не находитъ, она—нидда. Считается весьма добрымъ дѣломъ, чтобъ разговаривали, передавали въ разговорахъ объ этомъ другъ другу; по большей части, встрѣчаются неопытныя въ этомъ, полагающія, что въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ на себѣ ничего не находятъ, онѣ чисты, а на самомъ дѣлѣ онѣ осквернены; такая женщина не можетъ имѣть сообщеніе съ мужемъ: она—настоящая нидда.

§ 2. Женщина обязана тотчасъ же осмотрѣть себя, лишь только почувствуетъ, что у нея снова „открылся источникъ“.

Поясненіе.— Слово „женщина“ всегда означаетъ здѣсь жену: ниддой она бываетъ только въ отношеніи къ мужу. Если женщина, въ данномъ случаѣ, сблизится съ другимъ мужчиной, она вдвойнѣ преступна—и въ нарушеніи установленій о миквѣ, и въ вѣроломствѣ противъ мужа. Женщина, забеременѣвшая хотя бы отъ законнаго мужа, но безъ совершенія миквеннаго погруженія, не только преступна сама, но и рождаетъ ребенка преступнаго, извергаемаго изъ всякой еврейской общины. Участь дѣтей, родившихся или отъ нидды, или отъ вдовы, не совершившей, при извѣстныхъ условіяхъ, обряда „разуванія“ своего девера, или отъ связи Еврейки не съ мужемъ, либо съ не-Евреемъ, самая много-страдальная. Изъ безотраднаго, страшнаго, ужаснаго своего положенія у нихъ одинъ только выходъ—христіанство.

ГЛАВА IX.

§ 1. Невѣста, хотя бы она была совершенно чиста, должна имѣть семь чистыхъ дней, пріурочивая ихъ къ тому дню, въ который назначена свадьба.

Поясненіе.—Подъ совершенною чистотою здѣсь подразумѣвается состояніе совершенно внѣ періода менструаціи.

§ 2. Если послѣ того, какъ она начала отсчитывать себѣ чистые семь дней, свадьба была отложена дня на два, на три или больше, или если, начавъ отсчитывать, она не навѣрное знала о времени своей свадьбы, а считала дни бу-

лучи еще въ сомнѣніи, или если въ „наше время“ не было еще получено надлежащаго на свадьбу разрѣшенія, то о всѣхъ этихъ сомнительныхъ случаяхъ надо заявить мудрецу, чтобъ отъ него узнать: слѣдуетъ ли ей снова отсчитывать семь дней, или не нужно. Тутъ вѣдь много различныхъ узаконеній. И*извѣщать о семь законѣ—великое богоугодное дѣло, потому что простой народъ и не вѣдаетъ, что такой-то случай подлежитъ еще вопросу, и полагаетъ, что коль скоро невѣста отсчитала себѣ семь чистыхъ дней, съ нея этого ужъ и довольно. О срокѣ погруженія въ миквѣ и о томъ, можетъ ли она окунаться въ миквѣ за день до свадьбы, будетъ сказано дальше, въ статьѣ объ окунаніи.

§ 3. Когда кто снова женится на той, съ которою уже развёлся, то и она, подобно всякой невѣстѣ, должна имѣть семь чистыхъ дней.

Поясненіе.—Брать себѣ вѣнчаны прежнему жену, если она „вѣнчалась“ (если выразиться по русски) съ другимъ человѣкомъ и потомъ съ нимъ развелась, Еврею воспрещено: новый бракъ съ прежнею женою возможенъ только внѣ этого условія. Русское выраженіе „вѣнчаться“, „идти подъ вѣнецъ“ не примѣнимо къ Еврею; ему соотвѣтствуетъ еврейское „идти подъ балдахинъ, или подъ хупу“, „быть подъ балдахинѣмъ“. Но тутъ уже въ русской рѣчи слово „балдахинъ“ несовсѣмъ подходяще: понятіе о балдахинѣ сопряжено, по преимуществу, съ идеей о гробѣ, о покойникѣ. Обрядъ еврейской свадьбы обыкновенно происходитъ на школьномъ дворѣ, а еще чаще, просто во дворѣ частнаго дома, гдѣ играется свадьба, даже у корчмы (не смотря на зимнее время). Зажигаются свѣчи въ рукахъ у поѣзжанъ, присутствуютъ раввины, духовный и базенный; играетъ оркестръ музыкантовъ-Еврейчиковъ; у невѣсты все лицо закутано; молодыхъ водятъ кругомъ подъ „хупой“. Хупа—это просто складная „сѣнь“: четыре крашенныя жерди или длинныя палки, и поверхъ ихъ натянута холстина—вотъ и все. Хупа даетъ доходъ, потому что она сберегается въ синагогѣ. Но любопытно то, что о единобрачїи или о запрещеніи многоженства нѣтъ въ еврейскомъ законѣ ни слова. Моногамія введена лишь нѣсколько столѣтій тому назадъ знаменитымъ еврейскимъ авторитетомъ рабби Гёр-

шомъ, жившимъ въ XIII в. по Р. Х. Его завѣтъ или хейримъ о единоженствѣ, имѣвшій силу лишь до 1240 года, продолженъ, послѣ этого, соборомъ раввиновъ на неопредѣленное будущее, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ и христіанства, и экономическихъ расчетовъ, и санитарной предусмотрительности. Извѣстно, что въ Азіи, и кажется, въ Африкѣ полигамія существуетъ у Евреевъ до сего времени.

ГЛАВА X.

§ 1. Если кто женился на дѣвицѣ, то тотчасъ послѣ перваго ея „посѣщенія“, долженъ отъ нея отдѣлиться и уйти. Посвятить въ этотъ законъ жениха и невѣсту—великое богоугодное дѣло, потому что большая часть этого не знаетъ; иные дерзаютъ „посѣщать“ два раза, а это настоящій запретъ; и родители, и поѣзжане обязаны извѣстить объ этомъ какъ жениха, такъ и невѣсту.

§ 2. Новобрачная должна снова отсчитать себѣ семь чистыхъ дней, начавъ съ пятаго дня послѣ посѣщенія ея супругомъ. Хотя иная женщина должна начать этотъ счетъ и гораздо позже, но такъ какъ новобрачная осквернилась вслѣдствіе дѣвственной крови, то довольно начать счетъ съ пятаго дня.

§ 3. Хотя она осквернилась вслѣдствіе лишь изліянія дѣвственной крови, а не менструаціонной, она все-таки обязана исполнять все то же самое, что установлено закономъ для другихъ женщинъ въ ихъ менструаціонный періодъ.

ГЛАВА XI.

§ 1. Если женщина уже сидѣла на родильномъ креслѣ, готовая родить, но родильныя потуги прекратились, и она продолжаетъ быть беременною, то хотя бы при этомъ и не показалось крови, она обязана обратиться къ мудрецу, чтобы узнать: осквернена ли она для мужа, или нѣтъ.

Поясненіе. — Родильныхъ креселъ теперь не существуетъ, крайней мѣрѣ въ Вильнѣ. Здѣсь рѣчь идетъ о ложныхъ потугахъ.

§ 2. Такъ какъ относительно срока погруженія родильницы

въ миквѣ нѣтъ никакого надзора, и каждая женщина въ этомъ случаѣ поступаетъ безразлично, по своей прихоти, то отъ этого происходятъ большія преткновенія; по этому „для починки пролома въ оградѣ“ слѣдуетъ „бездину“ въ каждомъ городѣ установить извѣстный порядокъ, согласуясь съ потребностями.

Поясненіе.—Всякая роженца до принятія миквы есть непременно нидда, какъ и женщина въ менструаціонномъ періодѣ.—„Бездинѣ“ значить „домъ суда“, а затѣмъ и самый „судъ“, каждый изъ трехъ членовъ котораго называется „даіонъ“. „Для починки пролома въ оградѣ“ — это оборотъ еврейской рѣчи, соответствующій нашему „въ предупрежденіе нарушенія правилъ“.

§ 3. Если женщина, обороны Богъ, выкинетъ, она во всемъ должна поступать по указаніямъ море-героя.

ГЛАВА XII.

§ 1. Каждый Еврей обязанъ отдѣлиться отъ жены, когда она осквернена, до тѣхъ поръ, пока она не кончитъ счета семи чистыхъ своихъ дней и не очистится миквеннымъ погруженіемъ. Еслибъ она не была въ миквѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, она все это время продолжаетъ оставаться ниддою.

Поясненіе.—Слѣдовательно, при аккуратномъ соблюденіи, послѣ бани, обряда погруженія въ микву, жена недоступна мужу въ продолженіе 12—15 дней.—Сравн. стихъ 28 и далѣе до конца главы XV книги Левейтъ.

§ 2. Женщина не должна долго оставаться оскверненною, а обязана принять микву при первой возможности.

Поясненіе.—За пользованіе миквой установленъ опредѣленный сборъ, въ разныхъ мѣстностяхъ различный; въ Вильнѣ, на примѣръ, берутъ по семи копѣекъ, а кто побогаче—съ того 20 и 30 коп., и съ мужчины, и съ женщины. Въ субботу миква безмездная; въ субботу купается рабочій народъ, изъ хасидовъ, но не женщины, которымъ посѣщеніе въ субботу воспрещено; это оттого, что синагогальное молитвословіе начинается у миснагидовъ часовъ въ семь утра, а у хасидовъ — позже, часовъ съ одиннадцати:

они и успѣваютъ сбѣгать въ микву для нырка, дѣлаемаго почти моментально. Безмездность миквы въ субботу установилась не изъ филантропическихъ, социалистическихъ или коммунистическихъ взглядовъ, а просто потому, что въ шабасъ нельзя „носить“; а такъ какъ и отдающій, и принимающій деньги должны ихъ носить, держать въ рукахъ, а это законопреступно, — то и пришлось ввести безмездность. Разъ допустивши себя проговориться о мужчинахъ, ходящихъ въ микву, я долженъ ужъ заодно передать вкратцѣ слѣдующее. Мужчины-Евреи посѣщаютъ микву въ особые отъ женщинъ дни. Они пользуются миквой, не будучи обязаны предварительно вымыться въ банѣ, тогда какъ у еврейскихъ женщинъ этого права нѣтъ. Мужчины окунаются въ миквѣ днемъ, что женщинамъ отнюдь не дозволяется. Обыкновенные Евреи-миснагиды должны погружаться въ миквѣ два раза въ годъ — передъ Гомъ-Кипуромъ и передъ Рошъ - Гашаной. Набожные люди посѣщаютъ микву чаще, по своему усмотрѣнію. Фанатики же хасиды погружаются въ миквѣ несравненно чаще: люди независимые, свободные и достаточные бѣгаютъ туда ежедневно по утрамъ, люди зависимые, рабочіе люди — непременно каждую субботу предъ молениемъ.

§ 3. Запрещаются забавы, смѣхъ и шутки съ женой въ то время, когда она нидда. Запрещается вести съ нею легкіе разговоры и шутки.

§ 4. Мужъ не долженъ прикасаться къ тѣлу жены или къ ея платью ни малѣйшимъ пальцомъ, ни прямо, ни посредственно, какъ-бы посредство это ни было удлиннено. Мужъ не долженъ также что бы то ни было бросать женѣ на руки, или на колѣни, ни жена мужу.

§ 5. Они не должны ѣсть вмѣстѣ изъ одной миски. Если же у нихъ въ обыкновеніи не ѣсть изъ одной посуды и въ чистое время, то соблюденіе этого же обыкновенія при жениномъ оскверненіи не можетъ собственно служить признакомъ ея положенія. А такъ какъ мужъ съ женой ѣдятъ у насъ обыкновенно изъ одной и той же посуды, то неѣда изъ одной миски достаточна для времени жениной нечистоты.

§ 6. Мужу воспрещается доѣдать или допивать то, чего жена не доѣла или не допила; но ему разрѣшается доѣсть

и допить послѣ кого другого, кто ѣлъ и пилъ то, чего она не доѣла или не допила.

§ 7. Если жена пила изъ полнаго стакана и не допила, а оставила, примѣрно, половину, а потомъ стаканъ долила до-полна, то мужу запрещается пить изъ этого стакана. Но если она выпила весь стаканъ, тогда и онъ можетъ пить изъ того же стакана, даже не выполоскавши его. Но если мужъ захочетъ поступить со всею тонкостію и выполощетъ стаканъ, то на такомъ мужѣ почіетъ благословеніе Божіе.

§ 8. Если остатокъ пищи послѣ жены будетъ переложень въ другую посуду, то мужъ изъ этой послѣдней можетъ ѣсть то, чего жена не доѣла.

§ 9. Если жена чего-нибудь не доѣла или не допила и оставила, а мужъ потомъ увидитъ и захочетъ самъ доѣсть или допить, не зная вовсе, что это—женнины остатки, то его въ этомъ не надо останавливать, потому что запрещеніе ѣсть и пить остатки произошло вслѣдствіе того, что отъ подобнаго дѣйствія возникаетъ во второмъ потребителѣ любовностъ къ первому: поэтому-то здѣсь и нѣтъ мѣста запрещенію, такъ какъ мужъ не знаетъ, что это жена оставила.

§ 10. По этому, въ отсутствіе мужа, жена можетъ поѣсть и оставить для него что-нибудь въ той же мискѣ, только ему объ этомъ не сказывать. Все это относится лишь къ данному случаю.

Чтожь касается до другихъ вещей, которыя мужъ, вслѣдствіе усиленной набожности, поставилъ себѣ за правило соблюдать, не въ примѣръ другимъ, напримѣръ, не ѣсть того, что подлежитъ спросу у мудреца, хотя бы сей послѣдній и окошёрплъ это, или не ѣсть мяса отъ животнаго, на легкихъ котораго оказалась бы излишняя слизь, или ѣсть въ Пасху мацу береженную, или ѣсть въ пасху не иначе какъ изъ новой посуды, и тому подобное, то жена не должна дѣлать помѣхи его правиламъ, хотя бы онъ и не прозналъ про то. Недолжна тоже она его и отговаривать: „вѣдь это, молъ, кошеръ, всѣ Евреи это ѣдятъ“; она, пожалуй, придастъ этому видъ даже набожности, выкажетъ желаніе оказать вѣрностъ мужу, ради

заботъ, чтобъ ему было чего поѣсть. Но объявляется женщинамъ, что не этимъ выражается вѣрность; напротивъ: это такой же запретъ, какъ еслибъ она дала ему ѣсть свинину, ибо все, что человѣкъ возлагаетъ на себя ради исполненія или соблюденія, все считается для него обѣтомъ, и все, отъ чего человѣкъ отрекся по обѣту, все это воспретится окончательно, словно падалъ. Женщины, которыя подобнымъ образомъ кладутъ преткновенія своимъ мужьямъ, совершаютъ тѣмъ великій грѣхъ, за который они пропадутъ въ аду. Онѣ порочатъ этимъ свою жизнь и свои дни, порочатъ даже собственныхъ дѣтей. Священные мудрецы писали, что честна только та жена, которая исполняетъ мужнину волю, то есть, та, которая дѣлаетъ все, чего хочетъ мужъ. Только такая жена и есть жена кошѣрная: она удостоится имѣть добрыхъ дѣтей, благъ будущей жизни и всего добраго.

Поясненіе.—Понятіе о трѣфѣ и кошерѣ не есть понятіе растяжимое—о дозволенномъ и не дозволенномъ: это полное сознаніе о преступномъ и благословенномъ. Если, напримѣръ, рѣзали гуся или быка, и тоньше бритвы отточенный ножъ не далъ ни одной тончайшей щербинки, мясо не трѣфно, а окошѣрено; если же, напротивъ того, на ножѣ зоркій глазъ замѣтитъ едва замѣтную зазубринку, то ѣсть такое мясо для Еврея законопреступно: его и сбываютъ христіанамъ. Оттого-то наше мясо непременно обходится дешевле еврейскаго. Маца — это родъ большихъ, величиной въ тарелку и соразмѣрной тому толщине, облатокъ или лепешекъ изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста. „Береженною“ мацою называется та маца, тѣ опрѣсноки, на приготовленіе которыхъ было устремлено исключительное, въ нашихъ понятіяхъ даже безпримѣрное вниманіе. Отъ приготовленія поля, отъ засѣва зеренъ, отъ начала жатвы и до самаго испеченія мацы, до выхода ея изъ печи, Евреи зорко блюдутъ, чтобы хлѣбъ этотъ, во всѣ періоды его видоизмѣненій, не подвергся какому бы то ни было, хотя бы случайному окисленію или даже чему-нибудь схожему на то. Для „береженной мацы“, во всѣхъ мѣстностяхъ, обитаемыхъ Евреями, соблюдается въ охранѣ, отводимая собственно для этого, крошечная нивка; ее старательно воздѣлываютъ; за посѣвомъ ея усердно присматриваютъ; за чистотой

ея, вплоть до окончательной уборки хлѣба, ухаживаютъ заботливо; совершенно отдѣльно ото всего, хлѣбъ этотъ жнутъ, везутъ молотъ изъ отдѣльныхъ закровъ, мелютъ отдѣльно, хранятъ отдѣльно и потомъ ужъ пекутъ и ссушаютъ знакомыхъ. Выпеченная изъ береженного хлѣба маца распредѣляется мелкими партіями даже въ тѣ семейства, которыя сами пекутъ мацу въ большихъ запасахъ. только не изъ береженной, а изъ обыкновенной покупной муки. Не зажиточные люди довольствуются всего тремя ленешками „береженной мацы“ и потребляютъ ихъ въ два первые торжественные вечера Пасхи: ею Евреи какъ-бы разгавливаются и относятся къ ней съ тѣмъ же благоговѣніемъ, какъ у насъ богобоязливые люди къ артосу. Отъ этой „береженной мацы“ Еврей не посягнетъ дать христіанину ни крошки, хотя обыкновенною мацою, которую употребляетъ онъ во все продолженіе Пасхи, онъ охотно и съ удовольствіемъ ссушаетъ иновѣрца. Къ сожалѣнію, я долженъ здѣсь упомянуть, что въ мѣстныхъ захолустьяхъ, у невѣжественнаго люда, въ головѣ, какъ гвоздь, засѣла нелѣпая мысль, которою мужики, особенно католики, а впрочемъ и православные тоже, дѣлятся лишь въ тайнѣ съ людьми, къ которымъ питаютъ довѣріе, будто береженная маца готовится на крови христіанскаго младенца. Разныя сказки, въ родѣ знаменитыхъ дѣлъ Велижскаго двадцатыхъ годовъ, а потомъ Саратовскаго, Минскаго и др., въ старину возникали періодически и въ Европѣ, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ Евреи жили, и гдѣ невѣжество раздувало къ нимъ ненависть.—Теперь очередь сдѣлать кое-какія поясненія и о посудѣ: „Семь дней не должно быть ничего кваснаго въ домахъ вашихъ“, говорится въ 19 стихѣ XII гл. книги Исходъ, и вслѣдствіе этого закона, посуда у Еврея на Пасху безусловно должна быть обновлена. Еврейскія религіозныя установленія дозволяютъ, посредствомъ оттираній, чистки, выжиганій и ошпариваній кипяткомъ, приспособлять къ пасхальному употребленію металлическую посуду, употреблявшуюся уже въ теченіе года, но ригористы въ дѣлѣ религіозной обрядности налагаютъ на себя добровольные подвиги и затрудненія ѣсть въ Пасху не иначе какъ изъ новой посуды. Это только касается, повторяю посуды металлической; но посуда глиняная, стеклянная, фаянсовая и фарфоровая непременно должна быть закуплена для Пасхи вновь,

оттого-то у Евреевъ и мало держится этой посуды. Однако жъ и это требуетъ поясненія. У Евреевъ, въ теченіе года, должно быть три рода посуды: одна для изготвленія или храненія молочной пищи, другая точно также—для пищи мясной; третій родъ, какъ-бы сказать—нейтральный, — для пищи такой, которая, вслѣдствіе ли ея характера, или вслѣдствіе ея употребленія въ такую, а не въ иную пору послѣ предшествовавшаго принятія пищи, не можетъ относиться ни къ одному изъ названныхъ двухъ разрядовъ. Но въ продолженіе Пасхи, когда нейтральной пищи у Евреевъ вовсе не случается, да и молочнаго обыкновенно не готовится, а въ ходу исключительно мясная пища, новая посуда, кромѣ вообще металлической, закупается собственно для мясной пищи.

§ 11. Женѣ послѣ мужа можно ѣсть и пить всякіе остатки.

§ 12. Мужъ не долженъ сидѣть на кровати жены-нидды, хотя бы она на ту пору и отсутствовала.

Поясненіе.—Срав. книгу Левитъ, гл. XV, стихи 20—23 и 26.

§ 13. Жена можетъ сидѣть на кровати мужа въ его отсутствіе, но никакъ не лежать, хотя бы и во всемъ платьѣ, ни днемъ, ни ночью.

§ 14. Мужъ можетъ дотрогиваться до ея постели или до простыни, хотя бы на послѣдней и были пятна крови. Есть люди, которые стерегутся этого, но это ошибка; изъ этой строгости выходитъ лишь облегченіе: они думаютъ, что нельзя дотрогиваться до простыни, потому только что она запачкана кровью, а если жена начала ужъ считать чистые дни, то думаютъ—можно дотрогиваться и сидѣть; но на самомъ дѣлѣ запрещено сидѣть на ея кровати и въ чистые дни, точно также, какъ и въ нечистые, а дотрогиваться до ея постели можно всегда, хотя бы она и была запачкана.

§ 15. Супруги, въ это время, не должны ѣздить вмѣстѣ на прогулки въ одной телегѣ или въ одной лодкѣ; но они могутъ вмѣстѣ ѣхать для коммерческаго дѣла; только если, кромѣ ихъ двоихъ, не будетъ съ ними на повозкѣ кого-нибудь третьяго, то они должны усѣсться такъ, чтобъ отнюдь не прикасаться другъ къ другу.

§ 16. Кровати ихъ не должны взаимно соприкасаться.

§ 17. Мужъ не долженъ кидать взгляда на такую часть женина тѣла, которая обыкновенно бываетъ скрыта подъ платьемъ.

§ 18. Женщинѣ слѣдовало бы, въ періодъ ея оскверненія, носить особое платье, чтобы знали, что она—нидда.

§ 19. Жена не должна наливать мужу питья въ стаканъ въ то время, когда онъ на это смотреть.

§ 20. Во время этого состоянія, жена должна выказывать какую-нибудь перемѣну противъ обыкновенныхъ дней; такъ, напримѣръ, ставя пищу на столъ или подавая что-нибудь мужу, она должна дѣлать это лѣвою рукой, а не правою, какъ обыкновенно.

§ 21. Женѣ не дозволяется, въ присутствіи мужа, класть простыню или одѣяло на мужнину кровать. Но это разрѣшается, когда мужъ не видитъ этого, хотя бы послѣ онъ и узналъ, что это жена постлала.

§ 22. Мужу не дозволяется налить стаканъ и послать его женѣ, чтобы она выпила. Изъ этого запрета не исключается и такой стаканъ, надъ которымъ мужъ произнесъ благословеніе, развѣ кто-нибудь изъ постороннихъ отопьетъ изъ него.

§ 23. Жена не должна ставить мужу воды для умыванья.

§ 24. Всѣ находящіеся въ этой главѣ узаконенія обязательны для женщины отъ начала ея оскверненія до момента погруженія въ мнєву, хотя бы то, что выше говорилось, произошло въ промежуточное время ея нечистыхъ или чистыхъ дней.

§ 25. Въ случаѣ болѣзни одного изъ супруговъ—отъ чего да сохранить ихъ Господь!—когда одинъ изъ нихъ непременно долженъ ухаживать за другимъ, они должны спросить мудреца, какъ имъ поступать.

ГЛАВА XIII.

§ 1. Многіе кодификаторы того мнѣнія, что женщинѣ, въ то время, когда она нидда, запрещается ходить въ синагогу, молиться, думать о какомъ-нибудь имени Божіемъ и прикасаться къ книгѣ. Отъ послѣдтрапезной молитвы она

освобождается тѣмъ, что слышитъ какъ ее произносить другой, но за то она должна слышать слово въ слово; а когда нѣтъ уставщика, она можетъ сама молиться. То же самое относится и до „киддуна“. Другіе кодификаторы пишутъ, что женщина-нидда можетъ ходить въ синагогу, можетъ молиться, можетъ совершать всѣ благословія и можетъ думать объ имени Божіемъ. Обыкновенно однако, онѣ не ходятъ въ синагогу. А когда у нея у самой въ домѣ есть „миніанъ“, она да не дерзаетъ поднимать глаза на свитокъ Торы въ то время, когда его поднимаютъ и являютъ народу.

Поясненіе.—Подъ „книгою“ здѣсь подразумѣвается книга еврейской печати, обыкновенно бывающая религіознаго содержанія, въ чемъ можно удостовѣриться изъ помѣщенныхъ уже мною выше цифровыхъ данныхъ о еврейской прессѣ. „Киддушъ“—это освященіе субботы и праздниковъ посредствомъ молитвы, произносимой мужчинами надъ цѣльными, еще не надломленными хлѣбами или надъ полною стопкой вина (въ каждой семьѣ еврейской, по большей части, хранится заветная серебряная чарочка или стопочка). Еврей, въ теченіе шести недѣльныхъ дней, какъ рыба объ ледъ бьется и питается чуть-чуть что не воздухомъ (причины этого — страшная нищета тамъ, гдѣ она есть, привычка—гдѣ и нѣтъ нищеты, и та степень жадности, которая такъ выразительно по-русски называется жидоморствомъ: оттого-то Евреи такіе жидкіе и безсильные); но седьмой день для него святыня, и онъ копить и берегаетъ послѣднія крохи, чтобы честно ее встрѣтить и провести ¹⁾. „Миніанъ“ или и миньйонъ — это большею частію не заявленная полиціи, и только потому называемая потайнѣю, моленной, частная еврейская школка или пришколка, могущая быть въ любой еврейской каморкѣ, лишь бы накопилось по крайней мѣрѣ

¹⁾ „Шесть дней работай и дѣлай всякія дѣла твои, день седьмой, суббота — Господу Богу твоему. Не дѣлай въ оный никакого дѣла, ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни раба твоя, ни волъ твой, ни осель твой, ни всякій скотъ твой..... чтобы отдохнулъ рабъ твой, и раба твоя, и осель твой, какъ и ты. И помни, что ты былъ рабомъ въ землѣ Египетской, но Господь Богъ твой... повелѣлъ соблюдать день субботній и свято хранить его“. Второзаконіи, гл. V, в. 13, 14 и 15.

десять взрослых Евреевъ—мужчинъ, а взрослымъ считается всякій Еврей, который пережилъ 13-й день своего рожденія. Въ эти годы еврейская дѣвица бываетъ уже совершенно сформирована; 11-ти-лѣтнія дѣвочки знаютъ, по большей части, по опыту, что надо вести счетъ днямъ извѣстнаго времени. Къ несчастью, 13-ти-лѣтнихъ дѣвочекъ не только выдаютъ замужъ, но мнѣ извѣстны бывали случаи, когда тринадцатилѣтнія дѣвочки дѣлались уже матерями, хотя подобные случаи становятся нынѣ болѣе и болѣе рѣдкими. Понятное дѣло, что форменные документы ребенка показывали ему совершенно иной возрастъ, чтобъ подѣ законъ подходить — ну, а чтобъ *подойти*, надо дорожку проложить, а на эту торную дорожку и сворачиваютъ, быть можетъ, иные „казенные“ раввины... Еслибъ, въ теченіе осеннихъ еврейскихъ праздниковъ, *добрымъ* путемъ собрать свѣдѣнія о числѣ всѣхъ явныхъ и тайныхъ, вѣдомыхъ и не вѣдомыхъ еврейскихъ моленъ въ городахъ, въ мѣстечкахъ, а пожалуй, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ, то можно бы получить прекрасную перепись еврейскаго населенія; но казеннымъ путемъ, черезъ полицію, съ штрафами, съ запугиваніями ровно ничего добраго тутъ не сдѣлаешь; первѣйшее же дѣло — это предать забвенію „прописныя души“ и дозволить имъ теперь же записываться безъ всякихъ платежей и взысканій съ общества или съ кого бы то ни было: результаты будутъ, въ полномъ смыслѣ, добрыми во всѣхъ отношеніяхъ. Объ истинныхъ причинахъ и вынужденности житейскими обстоятельствами существованія безсчета количества тайныхъ молельныхъ школокъ вразумительно изложено въ небольшой статьѣ г. Брафмана, подѣ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о еврейскихъ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ въ Россіи и о причинахъ ихъ размноженія“. „Тора“ — это пергаминный свитокъ Пятикнижія, хранимый Евреями въ каждой молельнѣ съ величайшимъ благоговѣніемъ. Свитокъ этотъ, покрытый бархатнымъ, шелковымъ или парчевымъ чехломъ, поконтъ въ богатомъ футлярѣ съ роскошными украшеніями въ такъ называемомъ ковчегѣ, въ срединѣ восточной стѣны синагоги или всякаго молитвеннаго дома. Свитокъ бываетъ въ синагогѣ по нѣскольку. Замѣчательно, что въ нихъ не можетъ быть допущено ни малѣйшей описки. Свитки — всегда писанные, но уже одна, хотя бы и

ничтожная описка аннулируетъ хартію и лишаетъ ее всякой цѣны.

§ 2. Въ чистые дни женщина можетъ ходить въ синагогу.

§ 3. Въ „страшные дни“, въ дни прощенія и праздника вообще, когда всѣ ходять въ синагогу, и женщина тоже можетъ туда идти. То же самое относится и до времени свадьбы ея дѣтей, или когда она сама выходитъ въ первый разъ послѣ родовъ изъ дому.

Поясненіе.—Въ праздникъ новолѣтія Рошъ-Гашана, первый и второй дни и одинъ день праздника отпушенія Іомъ-Кипуръ называются „страшными днями“: въ эти дни дѣйствительно всѣ, даже „аникирейцы“, являются въ синагогу.

ГЛАВА XIV.

§ 1. Когда женщинѣ предстоитъ начать счетъ своихъ семи чистыхъ дней, то за день до того она должна осмотрѣть себя подѣ вчерѣ, въ сумерки. Если она убѣдится, что чиста, то съ утра слѣдующаго дня и начинается счетъ семи своихъ чистыхъ дней.

Поясненіе.—Сравн. стихъ 28, гл. XV книги Левить.

§ 2. Счетъ чистыхъ дней начинается не ранѣе шести сутокъ послѣ того, какъ женщина стала оскверненною. Еслибы, вслѣдъ за оскверненіемъ, она перестала видѣть на себѣ кровь, она все-таки должна выждать пять сутокъ и вечеромъ пятаго дня осмотрѣть себя, а съ утра шести сутокъ начинается уже первый изъ семи чистыхъ ея дней.

§ 3. Многія привыкли начинать счетъ этотъ съ восьмага дня послѣ оскверненія, то есть, женщина осматриваетъ себя въ седьмой день, а на завтра начинается счетъ чистыхъ дней. Это — нехорошій обычай: „богоугодное дѣло“ надо ускорить.

§ 4. Если невѣста, послѣ совершенія обряда свадьбы, замѣтила на себѣ менструаціонную кровь, а между тѣмъ ея еще не уложили на брачное ложе, то она обязана идти „дѣлать вопросъ“ мудрецу: когда ей начать счетъ чистыхъ дней.

§ 5. Равнымъ образомъ, невѣста, готовящаяся къ свадьбѣ, должна у него спросить, когда ей начать счетъ семи дней чистыхъ.

§ 6. Хотя бы она увидала только одно пятно, она уже называется нидою, сдѣлалась оскверненною, и семь чистыхъ ей дней начнутся только послѣ пятаго дня ея нечистоты, какъ у другихъ женщинъ.

§ 7. Это говорится только про обыкновенное время. Если же невѣста нашла пятно или даже кровь въ тѣ числа, которыя считаетъ уже чистыми, то она не должна ждать новыхъ пяти дней, а какъ только станетъ чистою, тотчасъ же можетъ начать счетъ семи чистыхъ дней.

§ 8. Если она приняла микву, а въ ночь послѣ погруженія мужъ у нея не былъ, но на другой день утромъ она нашла пятно, или если женщина совсѣмъ чистая, у которой мужъ ночью не былъ, на завтра найдетъ пятно, то онѣ должны объ этомъ „дѣлать вопросъ“.

§ 9. Первый самоосмотръ, какъ переходъ отъ нечистыхъ дней къ семи чистымъ, долженъ быть произведенъ въ сумерки, передъ вечернею молитвой. Если же молитву эту уже отправили, хотя сама бы она еще и не молилась, или если уже совершили молитву срѣтенія субботняго дня, хотя бы еще и не свечерѣло, то она должна спросить—какъ ей поступать. А какъ (тогда) становится уже поздно, и уже некогда спрашивать, то должна прежде сдѣлать самоосмотръ, а потомъ спросить. Когда уже поздно, хотя народъ не отправилъ еще вечерней молитвы, она тоже должна обращаться съ вопросомъ.

ГЛАВА XV.

§ 1. Желая совершить самоосмотръ, женщина должна поступать вотъ какимъ манеромъ: вложить бѣлую тряпку „туда“, (какъ пояснится дальше въ главѣ XVI) передъ вечернею молитвой (какъ сказано въ прешествовавшей главѣ); потомъ вынуть тряпку и хорошенько ее осмотрѣть, нѣтъ ли на ней какой-нибудь красноты; потомъ опять вложить какъ прежде;

тряпка должна тамъ оставаться во все продолженіе сумерекъ, то-есть, до наступленія настоящаго вечера; потомъ опять вынуть тряпку и хорошенько пересмотрѣть—нѣтъ ли красноты: завтра съ утра и начинаются семь чистыхъ дней. А если на тряпкѣ есть краснота, этотъ обрядъ надо ей повторить на завтра.

§ 2. Такъ должна поступать каждая благочестивая женщина. Но еслибъ, въ дѣйствительности, она себя такимъ образомъ осмотрѣла только разъ, это въ преступленіе не вѣняется.

§ 3. Въ день самоосмотра она должна надѣть бѣлую рубашу, рѣшительно безъ всякихъ пятенъ; простыня и наволочки на кровати тоже должны быть безъ пятенъ: завтра съ утра начинаются чистые дни.

§ 4. Есть обыкновеніе, честное и чистое, чтобы каждая женщина, дѣлающая себѣ осмотръ, обмылась и надѣла бѣлую рубашу и другое платье. Но когда человѣкъ въ нуждѣ—нѣтъ другого платья, даже обмыться не можетъ,—то достаточно поднять нижнія части и надѣть рубашу безъ пятенъ.

ГЛАВА XVI.

§ 1. Каждые сутки, изъ числа семи чистыхъ дней, она должна осматривать себя два раза, утромъ и вечеромъ.

§ 2. Осмотръ долженъ быть при денномъ свѣтѣ, а не при свѣчахъ.

§ 3. Осмотры должны производиться при посредствѣ или бѣлой тряпки изъ стараго полотна, или бѣлой мягкой и чистой шерсти, или бумажной матеріи. Осмотръ долженъ быть произведенъ вполне тщательно, въ дырахъ и щеляхъ. Осмотръ не вполне законный, произведенный слегка, не считается осмотромъ.

§ 4. Если она не можетъ осмотрѣть себя надлежащимъ образомъ, то для дѣйствительности достаточно, если она, въ теченіе семи чистыхъ дней, хоть разъ осмотритъ себя вполне-глубоко. Нѣтъ сомнѣнія, лучше, если она можетъ произвести хорошій осмотръ въ первый день, но для дѣйствительности

достаточно съ нея, если хорошій осмотръ произведенъ былъ и въ другой который-нибудь день, изъ числа семи чистыхъ. Но если она ни въ одинъ день не сдѣлала законнаго, то есть, глубокаго осмотра, а только втыкала немножко, то это вовсе не считается осмотровъ; ея семь чистыхъ дней не пойдутъ въ счетъ; ея погруженіе въ микву ничего не значить; этакъ она всегда останется полною ниддою.

§ 5. Семь чистыхъ дней должны идти послѣдовательно одинъ за другимъ: нужно, чтобъ въ продолженіе ихъ она не нашла на себѣ ни малѣйшей капельки; а если нашла, она обязана снова себя осмотрѣть, снова начать семь чистыхъ дней, какъ показано выше.

ГЛАВА XVII.

§ 1. Если мужъ дома, то дѣло богоугодное — принять микву въ то именно время, когда женщинѣ наступитъ срокъ ¹⁾).

§ 2. Женщина можетъ совершить миквенное погруженіе въ пятницу вечеромъ, если раньше не могла; но это только тогда, когда мужъ въ городѣ; если же его въ городѣ нѣтъ, то ей воспрещается совершать погруженія въ канунъ субботы; если даже онъ въ городѣ, а она могла сходить въ микву раньше, ей воспрещаются погруженія въ пятницу вечеромъ.

§ 3. Если она могла быть въ миквѣ раньше, но мужа не было, онъ пріѣхалъ только въ пятницу, тутъ ей разрѣшается идти въ микву и вечеромъ этого дня.

§ 4. Если она совершала погруженіе въ микву раньше, въ вечеръ съ четверга на пятницу, а потомъ узнала, что погруженіе это утратило всякое значеніе, напримѣръ, она открыла у себя какую-нибудь хаціцу, или напримѣръ, въ ней возродилось какое бы то ни было сомнѣніе въ законосообразности ея миквенныхъ погруженій, то въ пятницу вечеромъ ей позволяется еще разъ быть въ миквѣ.

Поясненіе. — „Хаціцею“ или „преградою“ называется всякое по-

¹⁾ Это означаетъ: не надо опаздывать, надо послѣшать ради мужа: „богоугодное дѣло надо ускорить“ (гл. XIV § 3).

стороннее вещество на тѣлѣ женщины, не позволяющее миквенной водѣ проникнуть вплоть до безусловно всѣхъ частей голаго тѣла, и только при такомъ проникновеніи, совершить дѣйствительно-духовное, по вѣрованіямъ Евреевъ, омовеніе. Подсохшіи рубчикъ на тѣлѣ, не отмытая еще въ банѣ, слѣдовательно, до миквы полоска грязи, жиръ между волосъ, нечистота подъ ногтями, пыль въ пальцахъ у ногъ, крошечный прыщикъ, все это „хащица“. У Евреевъ я постоянно видѣлъ прескверные, поражающіе какою-то бьющею въ глаза некрасивостію и даже уродствомъ... не руки, а на рукахъ пальцы, и только послѣ долгаго всматриванья догадался, что уродству этому причина — неестественно короткіе, вплоть до голого мяса обрѣзанные ногти: это чтобъ хащицы не было. Въ банѣ приспособленные къ своему дѣлу и уже напрактикованныя мыльщицы „отскребаютъ“ у молодой Еврейки или ужъ у отживающей свой вѣкъ, заплывшей жиромъ Жидовки всякую задоринку, отколупываютъ каждый крохотный, поджившій и подсохшій струпчикъ, вытягиваютъ всѣ складочки гдѣ бы то ни было образовавшихся морщинокъ, оттираютъ всю нечисть отовсюду, куда только возможно добраться, расчесываютъ всѣ волосы, такъ чтобъ ни одинъ волосокъ не слипся и не скрутился съ другимъ волоскомъ, а особая, спеціально только на одинъ этотъ предметъ содержимая прислужница не то что стрижетъ, а особо-приспособленнымъ ножомъ рѣжетъ имъ на рукахъ и ногахъ ногти, положительно до голаго мяса, такъ что нерѣдко у не вошедшихъ еще въ полные лѣта бабенокъ пальцы постоянно болятъ, а изъ-подъ ногтей показывается кровь.

§ 5. Также, если она погружалась въ микву въ пятницу вечеромъ, а потомъ нашла у себя хащицу, напримѣръ, что-нибудь такое подъ ногтемъ, она можетъ снова погружаться въ микву. Или, напримѣръ, если, возвращаясь домой изъ миквы, она встрѣтитъ что-нибудь нечистое, напримѣръ, собаку или свинью, а послѣ такихъ встрѣчъ она, по усвоенному ей обыкновенію или зарокъ, привыкла погружаться снова, то это второе принятіе миквы она можетъ совершить еще въ пятницу же вечеромъ.

Поясненіе.—Здѣсь подъ встрѣчею разумѣется только одна лишь

первая встрѣча. Нечистою встрѣчею считается не одна собака или свинья, а для ригористокъ — вообще мужчина, на открытомъ мѣстѣ, на улицѣ, на-юрѣ отправляющій свои естественныя потребности, что въ здѣшнихъ мѣстностяхъ отнюдь не большая рѣдкость, какъ въ отношеніи къ мужчинамъ, также точно и въ отношеніи къ прекрасному полу: стѣсняться этимъ онѣ не охотницы, за исключеніемъ, конечно, Вильны и тѣхъ пунктовъ, въ другихъ городахъ, гдѣ есть возможность, кому слѣдуетъ, услѣдить за этимъ и прекратить неблагочиніе. Но надо сказать правду, выѣстъ съ собакой и съ свиньей, старовѣрствующіе Евреи считаютъ нечистою встрѣчей и встрѣчу съ гомемъ, то есть, съ христианиномъ или съ Татариномъ (благо, этихъ послѣднихъ здѣсь много, хотя по наружнымъ примѣтамъ ихъ ничѣмъ нельзя отличить отъ другихъ: такъ они прониклись всѣми атрибутами мѣстной интеллигенціи). Для устраненія подобныхъ неудобствъ, а для Еврейки, стремящейся къ мужу, даже и несчастья, каждая еврейская баня, какъ кажется, содержитъ при себѣ, по найму, особаго „перваго встрѣчнаго“: замѣчательно находчивое изобрѣтеніе. Случается, что сами мужья ждутъ случая быть первыми встрѣчными: по цѣлымъ часамъ, иногда на трескучемъ морозѣ, а не то и въ непролазной грязи они поджидаютъ своихъ благовѣрныхъ, лишь бы дать имъ случай, для первой встрѣчи, платьемъ или локтемъ обтереться около мужа—для вѣрнѣйшаго кошера.

§ 6. Если она совершила миквенное погруженіе въ пятницу, а потомъ вдругъ спохватилась, что забыла подрѣзать ногти, хоть бы одинъ, то должна обратиться къ мудрецу за совѣтомъ—какъ ей поступить.

§ 7. Исходъ субботы имѣетъ такой же законъ, какъ вечеръ пятницы: она не должна дѣлать погруженій въ миквѣ въ исходъ субботы, развѣ раньше не могла.

§ 8. Праздникъ имѣетъ законъ субботы во всемъ, про что здѣсь говорилось.

§ 9. Если кто женится на вдовѣ, и первое ея, въ качествѣ невесты, погруженіе придется въ пятницу вечеромъ, то она должна спросить объ этомъ у мудреца.

§ 10. Никакая женщина не должна дѣлать погруженій въ

миквѣ днемъ: можно только вечеромъ, когда звѣзды показались.

§ 11. Если она проступилась противъ этого и дѣлала погруженія днемъ, то законъ вотъ что говорить: если это былъ седьмой, изъ числа чистыхъ, день, то погруженіе до появленія звѣздъ утратило все свое значеніе,—при звѣздахъ она должна снова идти въ микву; если же это случилось въ день послѣ семи чистыхъ дней, то погруженіе въ восьмой день, вслѣдствіе совершившагося уже факта погруженія, считается погруженіемъ, однакожь жена все еще запрещена мужу до вечера. Но смотря на дѣло легально, ни одна женщина не должна даже запоздалое погруженіе дѣлать днемъ: та, которая днемъ принимаетъ микву, называется развратною.

§ 12. Если она преступила заповѣдь и была въ миквѣ днемъ въ седьмой день, то, какъ мы уже сказали, она вечеромъ снова должна окунуться въ миквѣ. Таковъ же законъ, если это случилось даже въ пятницу.

§ 13. Если обстоятельства никакъ не дозволяютъ ей погрузиться въ миквѣ ночью, то законъ таковъ: въ седьмой день никакія обстоятельства не могутъ послужить ей въ оправданіе; при запоздаломъ погруженіи, напримѣръ, въ восьмой день, она должна спросить мудреца; онъ, по всей вѣроятности, ей разрѣшитъ; но сама по себѣ она отнюдь не должна этого дозволять.

§ 14. Невѣста, принимающая миквенное погруженіе передъ свадьбой, если это седьмой изъ ея чистыхъ дней, непременно должна дѣлать погруженія ночью; но ей разрѣшается дѣлать это и днемъ въ восьмой изъ чистыхъ дней. Богоугодное дѣло разглашать этотъ законъ между женщинами, которыя думаютъ, что невѣстѣ всегда разрѣшено ходить въ микву днемъ, даже въ седьмой день: но въ седьмой день—сохрани Богъ! ни замуженная женщина, ни невѣста не могутъ дѣлать погруженій днемъ. Для восьмага дня есть различіе: невѣста можетъ, но женщина — *de jure* отнюдь не должна. Да и повобрачная, если они идетъ въ микву послѣ свадьбы, первое

свое погруженіе не можетъ de jure производить днемъ, хотя бы и на восьмые сутки.

Поясненіе.—Если бы желанный для еврейской женщины срокъ идти въ микву наступилъ въ день еврейскаго постнаго праздника, когда Еврею, въ продолженіе цѣлыхъ 26—30 часовъ, нельзя ни пить, ни ѣсть (именно, въ Іомъ-Кипуръ или въ день отпущенія, здѣсь по польски называемый Босинн, потому что въ этотъ день Евреи должны и дома, и въ синагогѣ, непремѣнно быть босы, безъ обуви, хоть и въ чулкахъ), то погруженіе въ миквѣ дѣлается рѣшительно недостижимымъ: въ эти дни миква запрещена. Не вѣста и, вообще, женщина, которой исполнилось 45 лѣтъ, и которая покончила всѣ расчеты по части оскверненія, въ микву ужь не ходятъ.

ГЛАВА XVIII.

§ 1. Женщина должна погрузить въ микву все тѣло сразу, но никакъ не частями или послѣдовательно, напримѣръ, сперва сунуть руку, потомъ ногой ступить: нѣтъ; надо разомъ нырнуть въ воду, черезъ голову, всѣмъ корпусомъ, чтобъ вода охватила все тѣло.

§ 2. Ни одинъ волосъ не долженъ быть спутанъ; если и одинъ волосъ спутанъ, погруженіе не въ погруженіе.

§ 3. Погруженіе теряетъ всю силу, если волосы на потѣющихъ частяхъ тѣла слиплись.

Поясненіе.—Въ микву, устроенную обыкновенно ниже уровня общей площади бани, при которой она существуетъ, надо сходить по ступенькамъ, мокрымъ отъ слѣдовъ и скользкимъ отъ малой опрятности. Площадь миквы никакъ не больше 4 или 4½ аршинъ въ длину и ширину. Въ этой тѣснотѣ и днемъ царитъ мракъ. На одной изъ ступенекъ сидитъ опытная, пожилая Еврейка-блюстительница, либо съ горящею лучиною, либо съ салною свѣчей, а не то и съ керосиновою лампочкой. Если та замѣтитъ, что полѣзшая въ микву женщина не такъ, какъ слѣдуетъ, нырнула, или вынырнувъ, не такъ, какъ слѣдуетъ, встала и совершила троекратное свое погруженіе; она кричитъ „трефъ!“—и женщина должна снова начать погруженія; если она замѣтитъ, что у нырнувшей

женщины, хотя бы въ одномъ изъ троекратныхъ ся окунаній, вѣтосы не вѣсѣ погрузились вѣстѣ съ тѣломъ, а нѣсколько волосинокъ плаваютъ на поверхности воды, она снова кричитъ „трефѣ!“ —и та опять-таки должна все начать сызнова, пока надсмотрщица не провозгласитъ „кѣшерѣ!“ и не дастъ знать этимъ, что духовное очищеніе совершилось окончательно.

§ 4. Колтунъ у женщины, опаасающейсѣ его снять, не составляетъ хащица.

§ 5. Гной на вѣкахъ глазныхъ, подсохшій или еще влажный, есть хащица. Но матерія подъ вѣками тогда только считается хащицей, когда подсохла, а если она мокра и мягка, это не хащица; но если она уже пожелтѣла, или позеленѣла, или посинѣла, то вотъ это хащица.

§ 6. Запекшаяся и подсохшая кровь на вередѣ—хащица, а матерія внутри вереда—не хащица.

§ 7. Если матерія изъ вереда вытекла и прилипла къ тѣлу, то до трехъ дней это не хащица, а послѣ трехъ дней хащица, потому что въ продолженіе этого времени она ужъ подсохла.

§ 8. Сопли, засохшія около носа,—хащица; поэтому еще въ банѣ женщина должна тщательнѣ обмыть носъ; то, что въ носу, не образуетъ хащицы, но ей слѣдуетъ также и носъ вычистить.

§ 9. Если женщина отворяла себѣ кровь, то остающаяся на ранкѣ кровь въ первые три дня—не хащица, а послѣ трехъ дней—хащица и будетъ хащицей, пока не пройдетъ совсѣмъ.

§ 10. Если у женщины короста или струпь, то она должна отпарить ихъ въ банѣ, въ теплой водѣ, пока не отмокнуть; полутвердые струпи надо снять, хотя бы это и боль причиняло: иначе погруженіе въ микву не въ погруженіе. Въ нашихъ священныхъ книгахъ разсказывается, что нѣкоторые набожные и знающіе люди не довѣряли женамъ въ сниманіи подсохшихъ болячекъ и потому сильно предостерегаютъ женщинъ отъ подобнаго упущенія.

§ 11. Пластырь на вередѣ—хащица.

§ 12. Заноза деревянная, стеклянная или какая бы то ни

была, проникшая въ тѣло, должна быть передъ миквою вынута, если она не углубилась внутрь, за кожу; но если она вошла ужъ подъ кожу, это—не хащица.

§ 13. Легкій потъ на тѣлѣ—не хащица, но если онъ какъ бы заглазурился, подсохъ и лоснится, тогда это—хащица.

§ 14. Крошечные катышки грязи, образующіеся при потираніи рукой объ руку или при треніи по тѣлу,—хащица.

§ 15. Чернила, глина и кровь, если они крѣпко пристали къ тѣлу, хотя бы были и мокры, образуютъ хащцу. Краска—тоже.

§ 16. Всякая нечистота подъ ногтями—хащица.

§ 17. Самые ногти—хащица: если женщина была въ миквѣ и забыла обрѣзать какой-нибудь ноготь, она должна, обрѣзавъ его, снова совершить погруженіе.

§ 18. Если, съ наступленіемъ субботы, возвратясь изъ миквы, женщина спохватилась, что забыла своевременно обрѣзать ноготь, то она должна обратиться къ мудрецу съ вопросомъ, какъ ей поступить. Въ полупраздничные дни недѣль Пасхальной и Кушной она должна стараться, чтобы ногти ей обрѣзывалъ не Еврей, а если такого у нея въ виду нѣтъ, то можетъ и сама: нужно только, чтобы она обрѣзала себя ногти какъ-нибудь иначе, чѣмъ обрѣзаетъ ихъ обыкновенно.

§ 19. Если у нея на ногтѣ наривъ, и остричь его она не можетъ, то должна „обратиться съ вопросомъ“.

§ 20. Она должна тщательно выковырять себя въ зубахъ, потому что иначе, если она найдетъ, что у нея въ зубахъ что-нибудь навязло, погруженіе ея въ миквѣ утрачиваетъ всякое значеніе.

§ 21. Во весь день передъ вечеромъ погруженія ей возбраняется ѣсть мясо.

§ 22. Если срокъ погруженія въ микву приходится въ исходъ либо субботы, либо праздника, то она можетъ и мясо ѣсть, только непременно послѣ того тщательно выковырять въ зубахъ.

§ 23. Если она не старательно вымыла сокрытыя части

тѣла и мѣста, гдѣ есть морщины и складочки, а потомъ нашла хадицу, то совершившееся въ миквѣ погруженіе теряетъ всякое свое значеніе и силу.

§ 24. Если во время миквы ей что-нибудь попадетъ въ ротъ, хотя бы волосокъ, или во время нырніа она крѣпко сожметъ ротъ, либо руки, такъ что миквенная вода не можетъ всюду свободно проникнуть, такая миква не въ микву.

§ 25. Когда женщина совершаетъ микву, къ ней никто не долженъ прикасаться; но если бы встрѣтилась необходимость поддержать ее, то надзирающія женщины должны прежде погрузить свои руки въ микву и ужъ тогда, мокрыми руками, ее придержать.

§ 26. Дно въ миквѣ должно быть безъ глины; если въ миквѣ женщина наступитъ на глину, миква не въ микву.

§ 27. Миква не даетъ очищенія и тогда, когда ей (*женщина*) въ промежутки пальцевъ на ногахъ попадутъ щепочки или кусочки грязи.

§ 28. Женщина не должна совершать очистительнаго погруженія въ открытыхъ мѣстахъ, гдѣ могутъ случиться прохожіе люди: въ противномъ случаѣ она изъ боязни, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ ея, станетъ торопиться и зря совершать микву.

§ 29. Она не должна окунаться въ миквѣ совершенно-стоймя или опустившись всѣмъ тѣломъ: при такихъ положеніяхъ корпуса многія его части остаются недоступными водѣ.

§ 30. Она должна слегка принагнуться такимъ образомъ, какой принимается когда тѣсто на столѣ катаютъ: тутъ вода проникнетъ и въ пахи, и подъ груди. При усиленномъ нагибаніи, опять-таки вода будетъ недоступна для сокрытыхъ частей тѣла.

§ 31. Руки и ноги она должна держать въ миквѣ въ такомъ положеніи, какъ будто ходить по улицѣ; если плотно прижать ихъ къ корпусу, вода не охватитъ всѣхъ частей тѣла, а безъ того и миква не въ микву.

§ 32. Воды въ миквѣ должно быть, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобъ хватало на палецъ выше пупа.

§ 33. Она не должна ни сильно смыкать глазъ, ни сжимать рта, тоже и не раскрывать ихъ черезъ-чуръ, потому что въ такихъ случаяхъ погруженіе теряетъ свое значеніе.

§ 34. Женщина должна совершать миквенныя погруженія не торопливо, а обдуманно, и постоянно имѣть на мысляхъ все то, что ей предлежитъ по закону дѣлать. Она должна произносить благословеніе радостно и безбоязненно: бояться тутъ нечего! За совершеніе этой великой заповѣди она будетъ спасена отъ всего дурного. Благо ей, благо душѣ ея и въ семь, и въ будущемъ мірѣ; она непремѣнно выраститъ дѣтей учеными. Но если она всего этого не станетъ соблюдать, горе ей, горе душѣ ея!—она живетъ съ мужемъ, будучи нищою! Душа ея будетъ бросаема пращею, а тѣло истерзають ангели-истребители! И потому честныя жены, ради страха Божія, должны беречь себя, пожалѣть себя, пожалѣть свою душу: за это имъ непремѣнно хорошо будетъ.

Поясненіе. — Молитвенное къ Богу обращеніе, при окунаніяхъ въ миквенномъ погруженіи, состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: „Благословенъ Ты, Іегова, Богъ нашъ, Царь вселенной, освятившій насъ Своими заповѣдями и заповѣдавшій намъ миквенное (водное) погруженіе“. Надо постоянно помнить, что слово Іегова *никогда* не произносится; оно страшитъ Еврея и наводитъ на него священный ужасъ: отъ этого, если при присягѣ Еврей вынужденъ будетъ обстоятельствами выговорить собственными устами это слово, тогда его присяга будетъ крѣпка.—Въ выраженіи: „душа ея будетъ бросаема пращею“ подразумѣвается само собою слѣдующее дополненіе: изъ одного края преисподней въ другой.

§ 35. Израильянка должна присутствовать при погруженіи женщины въ микву, слѣдить за погружающеюся и смотрѣть, не выдается ли у нея какая-нибудь часть тѣла или хоть даже волосъ изъ-подъ воды.

§ 36. Въ случаѣ сомнѣнія въ томъ, что волосъ не тонулъ, а держался на водѣ, она должна снова начать погруженіе.

§ 37. Передъ вступленіемъ въ микву надо, чтобъ она очистилась, то есть, и помочилась, и „совершила большое“,

если можетъ, а потомъ, чтобъ всѣ мѣста подчистила отъ остатковъ изверженій.

§ 38. Два волоса, слѣпленные какъ глиною на головѣ, — хацица. Два волоса нижней рѣсницы, слѣпившіеся съ волосами верхней вѣжди, — хацица.

§ 39. Должна хорошо обмыть пыль съ ногъ.

§ 40. Бываютъ такія вши, что крѣпко впиваются въ тѣло между волосъ; ихъ называютъ „мандавошками“: предъ погруженіемъ въ микву женщина обязана отпарить ихъ у себя въ теплой водѣ и выковырнуть ногтями.

Поясненіе.—Слово, поставленное между кавычками, получило въ иудейскомъ языкѣ право гражданства; въ брошюрѣ, подавшей поводъ къ настоящему переводу, оно набрано еврейскимъ шрифтомъ, какъ свое родное.

§ 41. Женщина должна быть застѣнчива, то есть, не показывать и виду, что она идетъ въ микву. Та, которая рассказываетъ всякому, что она въ микву идетъ, — скотина: это про нее-то и сказано въ Писаніи: „проклятъ тотъ, кто со скотиной совокупляется“. И потому ей надо быть осторожною.

§ 42. Когда она, послѣ миквы, идетъ домой, она должна норовить такъ, чтобъ первую встрѣчей не попался ей какой-нибудь нечистый предметъ, напримѣръ, или собака, или свинья, или простолюдинъ, который не молится, не возлагаетъ на себя тефилиновъ, или нечестивецъ. Если она повстрѣчала кого-нибудь изъ нихъ, и если она женщина богобоязная, она должна вторично принять микву, но уже безъ благословенія.

(О первой встрѣчѣ см. поясненіе къ § 5, гл. XVII.)

§ 43. Послѣ совершенія миквеннаго погруженія женщина не должна уже ни купаться, ни мыться.

ГЛАВА XIX.

§ 1. Мытье, непосредственно передъ миквой, въ банѣ должно распространяться на всѣ сокровенныя мѣста и только водою, но никакъ не другими жидкостями. Надо расчесать

всѣ волосы, такъ чтобъ ни одинъ волосокъ не сцѣнился съ другимъ.

§ 2. Потомъ она должна окатить себѣ все тѣло, и особенно, голову старательно вымыть теплою водою и высмотрѣть, чтобъ все было чисто оттерто и отскоблено.

§ 3. Промывку волосъ и мытье тѣла надо дѣлать не холодною, а только теплою водою. Особенно голову ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ обливать холодною водою.

§ 4. Мыться въ банѣ должно во время дня, въ ближайшую пору къ сроку, въ который дозвоительно совершать миквенное погруженіе.

§ 5. Если срокъ миквы совпадаетъ съ исходомъ субботы, то въ пятницу до сумерекъ она должна сходить въ баню, вымыться и расчесать, какъ слѣдуетъ, волосы; но въ исходѣ субботы она снова должна сходить въ баню, снова вымыться и расчесаться и тогда ужъ идти въ микву принимать водное погруженіе.

§ 6. Если срокъ воднаго погруженія приходится въ пятницу вечеромъ, то въ банѣ отмыться, обскоблиться, окатиться и расчесаться надо быть еще засвѣтло, чтобы какъ нибудь—оборони Богъ!—не нарушить субботней святости; потомъ надо выждать появленія звѣзды, а тогда ужъ и принять микву.

§ 7. Въ промежутокъ времени между баней и миквой, она не должна брать на руки ребенка; вообще должна беречься, какъ бы не опачкаться.

§ 8. Когда она, послѣ дней очищенія, взола на руки ребенка, нечистаго отъ изверженій, глины или грязи, а потомъ, не осмотрѣвшись, чиста ли она, или нѣтъ, приняла микву, она должна вторично начать погруженіе.

§ 9. Если до принятія миквы женщина не тщательно расчесала себѣ волосы, хотя бы они и не были между собою спутаны, миква не въ микву. Миква не въ микву и тогда, если она и волосы себѣ расчесала какъ надо, да не осмотрѣла себя, чисто ли все тѣло.

§ 10. Относительно благословенія женщины должны быть

очень осторожны. Священный Шело пишетъ: мужчины должны предостерегать своихъ жепъ, чтобъ онѣ прежде окупались, а потомъ произнесли бы благословеніе, и тогда ужъ еще разъ погрузились. Тѣ, которымъ нѣтъ возможности еще разъ дѣлать погруженій, должны поступать, какъ сказано въ „Шульханъ - Арухъ“: благословеніе возносить, совершивъ погруженіе.

Поясненіе.—Священный Шело—это названіе и книги, и автора ея. Но вотъ что тутъ надо замѣтить. Имя автора, по-еврейски, изображается тремя буквами Ш, Л и Г, съ выпускомъ, конечно, гласныхъ, и въ чтеніи произносится Ше Ло'Г. Въ сущности же и фамиліи этакой нѣтъ, это родъ псевдонима; здѣсь монограмма, въ которой первая буква Ш означаетъ „Шлѣме“, то есть, Соломонъ, Л означаетъ „Лейба“ или Левія, а Г значить „Гиршовичъ“, то есть, сынъ Гирша.

§ 11. Тѣ, которые имѣютъ обыкновеніе два раза дѣлать погруженія, должны оба погруженія совершать со всею тщательностію, отнюдь не допуская мысли, что это не важная штука.

§ 12. Тѣ, которые имѣютъ обыкновеніе по два раза погружаться въ микву, такъ всегда и должны поступать, никогда не измѣнять этому, потому что усвоенное обыкновеніе приобретаетъ важность обѣта.

§ 13. Вознося благословеніе, женщина не должна смотрѣть внизъ на воду; она должна поднять глаза кверху, а руки сложить у сердца. По окончаніи славословія, она опускаетъ руки и даетъ имъ обыкновенное положеніе, какъ бы во время ходьбы.

Павелъ Небольсинъ.

Вильна,
10-го января 1872 г.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

ВО ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ

НА ЮГО-ВОСТОКЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

СТНОТАФНІСКИ НАВНОДНИ

ВО ВРМЯ ПОБДІИ

НА ЮЛО-ВОСТОКЪ ОУОНЕЦКОЙ ГЫБЕРНИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

ВО ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ

НА ЮГО-ВОСТОКЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ ¹⁾.

Главная задача моей поѣздки въ Олонецкую губернію была зоо-географическая, и сообразно съ нею распредѣлялись мои занятія: эта цѣль руководила мною въ выборѣ мѣстъ пребыванія, иногда пустынныхъ и малолюдныхъ, и она же опредѣляла періоды и время пребыванія въ разныхъ пунктахъ губерніи, впрочемъ только въ юго-восточной ея части. Такъ, всю весну со второй половины апрѣля до начала іюля 1871 года, я провелъ при устьѣ р. Вытегры, имѣя здѣсь дѣло преимущественно съ озерными и рѣчными водами, съ болотами и густыми лѣсами, и по временамъ только предпринималъ нѣкоторыя экскурсіи по сторонамъ; затѣмъ здѣсь же я провелъ и большую часть сентября, — по возвращеніи съ Водлозера,

¹⁾ Предлагаемая статья заключаетъ въ себѣ часть результатовъ, приобретенныхъ чл.-с. И. С. Поляковымъ въ теченіе его зоогеографической экспедиціи въ Олонецкую губернію въ 1871 году. Свѣдѣнія, относящіеся до снаряженія этой экспедиціи, а именно: представленіе Отдѣленія Физической Географіи и опредѣленіе Совѣта по этому предмету находятся въ Извѣстіяхъ Имп. Р. Геогр. Общества, т. VII, отд. I, стр. 142 и 150—153; краткіе же отчеты о ходѣ экспедиціи помѣщены тамъ же, отд. II, 125 — 130, 158 — 160, 250 — 261, 311 — 320, 348—353.

около котораго прожилъ почти весь іюль и часть августа, совершивъ отсюда экскурсію, въ виду тѣхъ же зоологическихъ цѣлей, на Кенозеро. Но если среди подобнаго хода путешествія я не могъ строго систематически вести этнографическія наблюденія, то съ другой стороны, не могъ и избѣжать столкновеній съ чело-вѣкомъ. Многія ночи проведены мною среди крестьянской семьи по деревнямъ, въ рыбацкихъ хижинахъ по берегамъ водъ, въ звѣроловческихъ лачугахъ по лѣсамъ; даже самыя болота и берега озеръ, представляющія большой интересъ въ отношеніи своихъ жи-вотныхъ обитателей, не остались безъинтересными и по отноше-нію къ судьбѣ и развитію чело-вѣка: и въ нихъ нашлась предметы, могущіе со временемъ послужить матеріаломъ для изученія уже вымершихъ чело-вѣческихъ племенъ. На основаніи этихъ-то наблю-деній и находокъ, вмѣстѣ со многими извѣстными, но разбросан-ными данными, составлены два нижеслѣдующіе этнографическіе очерка, касающіеся: первый — слѣдовъ существованія вымершаго чело-вѣка, и второй — условій быта современнаго населенія въ юго-восточной части Олонецкой губерніи. При этомъ мнѣ хотѣ-лось уяснить роль природы въ судьбѣ чело-вѣка, и обратно обо-значить тѣ измѣненія, которыя чело-вѣкъ произвелъ среди этой са-мой природы; сверхъ же того, при разсмотрѣніи многихъ фактовъ изъ современнаго быта, мнѣ хотѣлось также указать на нихъ, какъ на остатки вліянія прошлыхъ историческихъ обстоятельствъ.

Представленная статистика является какъ бы продолженіемъ къ статистическому очерку, составленному въ 1871 году. Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящемъ издѣніи не только не устранены, но и усилены недостатки, имѣвшіеся въ первомъ издѣніи. Такъ, въ настоящемъ издѣніи не только не устранены, но и усилены недостатки, имѣвшіеся въ первомъ издѣніи. Такъ, въ настоящемъ издѣніи не только не устранены, но и усилены недостатки, имѣвшіеся въ первомъ издѣніи.

Слѣды каменнаго вѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи.

I.

Каменный вѣкъ: его всеобщее распространеніе; его интересъ по отношенію къ развитію и началу цивилизаціи человѣчества; отдаленность этого начала: измѣненіе климата, земной поверхности и животныхъ.—Указаніе на интересъ зоотехническій.— Отношеніе каменнаго вѣка къ бронзовому и желѣзному; его однообразіе.—Каменный вѣкъ въ новѣйшее время въ Камчаткѣ; его принадлежности сходны съ древнѣйшими и изъ различныхъ странъ.—Указаніе на причины однообразія каменнаго вѣка въ связи съ умственными свойствами людей.—Исслѣдованія Бутенева о каменныхъ орудіяхъ въ Олонецкой губерніи.

Въ тѣхъ мѣстахъ земной поверхности, гдѣ человѣкъ поселился въ историческія времена, и гдѣ, благодаря ему, блестятъ въ настоящее время разнообразнѣйшіе металлы и минералы, въ ихъ полной чистотѣ, въ самыхъ прихотливыхъ формахъ и видахъ, предназначенныхъ къ удовлетворенію самыхъ разнообразныхъ цѣлей и потребностей, гдѣ развѣваются ткани, шеголяющія узорами и тонкостью своего сложенія,—тамъ въ почвѣ, при копаніи каналовъ для хода судовъ или при установкѣ фундаментовъ для домовъ огромной величины и изощренной архитектуры, нерѣдко находятъ особаго рода издѣлія изъ грубаго камня и кости, посящія на себѣ ясныя слѣды глубокой древности, но чрезвычайно мало признаковъ труда такой же человѣческой руки, подѣ влияніемъ которой возникаетъ вся масса искусственныхъ предметовъ настоящаго времени. Однакоже теперь безспорно доказано, что эти грубыя издѣлія изъ камня и кости, находимыя на всѣхъ протяженіяхъ земной поверхности, во всѣхъ частяхъ свѣта, принадлежатъ человѣку и относятся къ той порѣ его существованія, когда онъ не зналъ употребленія металловъ. Эта эпоха человѣческаго развитія, называемая *каменнымъ вѣкомъ*, была одною изъ первыхъ ступеней, на которой человѣкъ проявилъ свои силы въ искусствѣ и доказано ¹⁾, что чрезъ нее прошли всѣ историческіе цивилизованные народы, извѣстные теперь на землѣ; такимъ образомъ,

¹⁾ *Тайлоръ*, До-историческій бытъ человѣчества (М. 1868), стр. 254 и далѣе о каменномъ вѣкѣ.

каменный вѣкъ существовалъ у Японцевъ (отъ которыхъ привезена богатая коллекція каменныхъ орудій Зибольдомъ), у Китайцевъ, гдѣ о каменномъ вѣкѣ свидѣлствуютъ письменные памятники, у Евреевъ, гдѣ это обнаруживается изъ лингвистическихъ данныхъ и обычаевъ (обрѣзаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ острымъ кремнемъ); существовалъ онъ также у различныхъ европейскихъ народовъ, начиная съ Грековъ и кончая Ирландцами, у которыхъ даже въ наше время въ кузницахъ, на ряду съ желѣзными молотками, употребляются большіе каменные, на подобіе того, какъ это замѣчено въ копияхъ алтайской Чуди ¹⁾).

Это признаніе въ принадлежностяхъ каменнаго вѣка вліянія чело-вѣческаго труда, а также очевидная и часто тѣсная связь съ этимъ періодомъ нынѣ живущихъ народовъ, съ одной стороны, доказы-ваютъ, что рамки обыкновенной исторіи чело-вѣка весьма тѣсны и узки и далеко не охватываютъ въ настоящемъ объемѣ чело-вѣческой дѣятельности; съ другой же стороны, эти остатки прошлаго труда приводятъ къ очевидному заключенію, что и чело-вѣкъ, какъ всѣ другія органическія созданія, подчиняется закону постепеннаго развитія, что и онъ въ своей жизни, въ своей собственной организаціи и дѣятельности восходитъ отъ низшаго состоянія къ высшему, отъ простыхъ жизненныхъ отношеній къ сложнымъ.

Отсюда становится яснымъ интересъ каменнаго вѣка съ бытомъ его обитателей, названнымъ до-историческимъ, такъ какъ онъ не входилъ въ составъ той исторіи, которая называется въ тѣсномъ смыслѣ всеобщей исторіей чело-вѣчества, и которой онъ тѣмъ не менѣе составляетъ продолженіе въ сѣдую глубину протекшихъ вѣ-ковъ. Бытъ обитателей этого періода интересенъ для насъ, какъ забытая, но поучительная картина знаменитаго художника, краски которой стерлись силою времени и покрылись толстымъ покровомъ земли и пыли; возобновляя ихъ, мы восстанавливаемъ отдѣльныя подробности картины; можетъ быть, мы никогда не дойдемъ до возможности схватить выраженіе лица у представленныхъ дѣйствующихъ лицъ, но обнаружимъ ихъ обстановку и характеръ; получимъ

¹⁾ Энгельсъ, О чудскихъ копияхъ, стр. 520.

понятіе объ ихъ пищѣ, объ ихъ промыслахъ (чему служить прекраснымъ примѣромъ первобытный быкъ, найденный въ скандинавскихъ торфяникахъ со слѣдами каменной стрѣлы въ боку) ¹⁾; въ первыхъ грубыхъ орудіяхъ изъ дикаго камня, въ неменѣе грубыхъ плетеныхъ произведеніяхъ изъ растительныхъ волоконъ, въ обломкахъ посуды изъ глины въ смѣси съ большимъ количествомъ песку, также въ весьма простыхъ и безвыскусственныхъ украшеніяхъ прослѣдимъ зачатки той высокой, сравнительно со всѣмъ этимъ, культуры, которая въ настоящее время разрослась столь роскошнымъ цвѣтомъ. Но этимъ интересъ далеко не изчерпывается, даже еслибъ мы прибавили, что въ каменномъ вѣкѣ мы находимъ ключъ къ раскрытію источника многихъ предрасудковъ, мнѣній и обычаевъ, распространенныхъ до сихъ поръ въ чело-вѣчествѣ, въ силу того подмѣченного закона, по которому искусства или обычаи, вышедшіе изъ употребленія въ частной жизни, сохраняются въ торжественныхъ случаяхъ ²⁾; не иначе, какъ здѣсь же, есть возможность уловить связь между народами въ до-историческія времена, связь кровную, торговую, враждебную и т. д.

Есть еще одна не менѣе завлекательная сторона, выясняемая каменнымъ вѣкомъ въ исторіи развитія чело-вѣка. Въ этой эпохѣ кроются доказательства, что не только чело-вѣкъ видоизмѣнился съ первыхъ временъ своего появленія на землѣ, но даже и самыя мѣста, гдѣ онъ обиталъ въ до-историческія времена, приняли во многихъ случаяхъ другую фізіономію. Первобытный чело-вѣкъ наблюдалъ ледяной покровъ и терпѣлъ холодъ тамъ, гдѣ теперь мы видимъ соврѣваніе многихъ нѣжныхъ плодовъ и прекрасные сочные луга, какъ напримѣръ, въ Англіи ³⁾; долинны, гдѣ онъ оставилъ свои грубыя издѣлія, заполнились въ наше время толщами глинъ, известковыхъ отложеній и т. д. (на берегахъ рѣки Соммы) ⁴⁾. Мѣста,

¹⁾ Nilsson, Das Steinalter oder die Ureinwohner des Scand. Nordens, табл. XI, фф. 220—222.

²⁾ Тейлоръ, 218.

³⁾ Либелль, Древность чело-вѣка, 196 и 217; ср. В. Гемъ, Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Грцію и Итацію, а также и въ остальную Европу, стр. 2 и сл.

⁴⁾ Либелль, 114.

составлявшія во время его отдаленнаго существованія берега моря, теперь отдѣлены отъ морскихъ водъ цѣлыми милями разстоянія ¹⁾; тамъ, гдѣ былъ проливъ, теперь перешеекъ (Ютландія) ²⁾; перешейки же, соединявшіе двѣ страны и служившіе путями сообщенія для людей, оказались проливами (Большой и Малый Зундъ) ³⁾. Еще ярче перемѣна въ животныхъ. Тѣ изъ нихъ, на которыхъ первобытный человѣкъ, можетъ быть, охотился, и по близости съ которыми жилъ, извѣстны въ настоящее время только по немногимъ рѣдкимъ остаткамъ, сохраняющимся въ музеехъ; таковы мамонтъ ⁴⁾, носорогъ, гиппопотамъ, первобытный быкъ, пещерные медвѣди, гіены и т. д. Вся эта богатая и древняя фауна, которую такъ удачно пережилъ человѣкъ, относится преимущественно къ Западной Европѣ; у насъ каменные орудія, вмѣстѣ съ костями нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ (мамонтъ, носорогъ и зубръ), были находимы въ Сибири, въ Нерчинскихъ золотоносныхъ россыпяхъ ⁵⁾, и только остатки человѣческой дѣятельности, относящіяся къ болѣе новому періоду, встрѣчались собственно въ Россіи, въ черноземѣ ⁶⁾, образовавшемся однакоже въ то время, когда весь сѣверъ Россіи былъ покрытъ водами или льдомъ.

¹⁾ Ляйель, 11.

²⁾ Ляйель, 12.

³⁾ Nilsson, 186.

⁴⁾ Какъ бы для большаго закрѣпленія этого факта въ памяти, первобытные обитатели Перигорской пещеры съ удивительнымъ искусствомъ и точностію воспроизвели на своихъ орудіяхъ изображенія мамонта и многихъ другихъ животныхъ; эти памятники дошли до насъ. См. *Le Non*, L'homme fossile en Europe etc., стр. 70 и слѣд.

⁵⁾ Эйхвальдъ, Объ открытіяхъ мѣсторожденій каменнаго угля и графита и о подземныхъ пожарахъ по Нижней-Тунгузскѣ и Таймуру, стр. 33. Сюда же долженъ я присоединить указаніе на весьма интересную находку, сдѣланную въ самое недавнее время въ окрестностяхъ Иркутска: грубые орудія были выдѣланы изъ бивней мамонта, изъ клыковъ настоящаго оленя-изюбра и изъ глины; погребенныя на глубинѣ 2 м. въ лѣсъ, съ наземными раковинами, они сопровождались костями первобытнаго быка, обыкновенной лошади и другихъ млекопитающихъ, вмѣстѣ съ костями птицъ; этотъ слой характеризуется также присутствіемъ остатковъ носорога. Черский, Нѣсколько словъ и проч., въ Извѣст. Сиб. отд. Р. Г. Общ., т. III, № 3, стр. 167.

⁶⁾ Труды перв. сѣзда р. естествоиспытателей. Отд. Минер. и Геол. Головинскій. Древн. ост. челов. въ Каз. губ., 41.

Въ изслѣдованіи всѣхъ этихъ положеній, одинаково важныхъ какъ для антропологіи, такъ и для зоологіи, получаетъ интересъ еще третья, уже чисто практическая область знанія—зоотехника, именно со стороны исторіи происхожденія и законовъ развитія домашнихъ животныхъ. Важныя изслѣдованія, произведенныя въ этомъ направленіи Рютимайеромъ, на основаніи матеріала изъ швейцарскихъ озерныхъ жилищъ и частію Натузіусомъ, кратко очерчены профессоромъ К. О. Кесслеромъ ¹⁾.

Послѣ этого указанія на интересъ каменнаго вѣка я позволю себѣ еще не на долго остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ распространенія его среди человѣчества. Онъ является въ такихъ же отношеніяхъ къ другимъ стадіямъ развитія человѣческой культуры, къ вѣкамъ бронзовому и желѣзному, какія мы замѣчаемъ въ распредѣленіи органической жизни въ теченіи геологическихъ эпохъ. Какъ намъ представляется, что простыя и мало совершенныя организмы, преобладающіе въ первобытной эпохѣ, смѣняются въ послѣдующія другими, болѣе сложными и совершенными, не переставая въ то же время сосуществовать съ ними одновременно, такъ и въ каменномъ вѣкѣ его принадлежности, находящіяся въ концѣ ледниковой эпохи и непосредственно за нею слѣдующей, будучи самыми совершенными орудіями человѣка, смѣняются въ послѣдующіе періоды издѣліями изъ бронзы и желѣза, которыя потомъ у многихъ народовъ достигли замѣчательной сложности и совершенства; но вмѣстѣ съ тѣмъ у многихъ народовъ грубый топоръ изъ камня, стрѣла и ножъ изъ кремня оставались до новѣйшихъ временъ единственными совершеннѣйшими орудіями, хотя и ставили обладателей ихъ выше тѣхъ животныхъ, которыя ихъ окружаютъ. Эти принадлежности каменнаго вѣка изъ новѣйшихъ временъ играютъ для изслѣдователя до-историческаго быта человѣчества ту же роль, какую для геолога имѣетъ изученіе низшихъ представителей современной флоры или фауны для легчайшаго ознакомленія съ жизнью отдаленнѣйшихъ эпохъ въ развитіи земли.

Хотя въ выдѣлкѣ принадлежностей каменнаго вѣка замѣчается

¹⁾ Нѣкот. замѣтки относительно исторіи домашн. животныхъ въ Труд. Вольнаго Экон. Общ. Т. IV. В. I. 1865 г.

нѣкоторый прогрессъ — на сколько это можно судить по раздѣленію всего періода на двѣ части: вѣкъ несточенныхъ и вѣкъ сточенныхъ инструментовъ; однакоже самыя орудія у различныхъ народовъ жившихъ въ отдаленнѣйшія другъ отъ друга времена и въ совершенно противоположныхъ точкахъ земнаго шара, носятъ на себѣ слѣды замѣчательнаго сходства и однообразія, такъ что по выдѣлкѣ и назначенію принадлежностей у новѣйшихъ народовъ вполне вѣрно можно судить о роли ихъ и значенія у народовъ наиболѣе древнихъ; но за то не менѣе трудно бываетъ отличить, безъ положительныхъ указаній, къ какому періоду времени и какому именно народу принадлежитъ то или другое орудіе. „Это однообразіе каменныхъ инструментовъ различныхъ мѣстъ и временъ“, говоритъ Тайлоръ, „такъ велико, что стремится уничтожить ихъ значеніе, какъ отличительныхъ произведеній различныхъ расъ“ ¹⁾. Но смыслъ этого вывода, свидѣтельствуя о трудности задачи, не противорѣчить однако тому, что присутствіе или отсутствіе нѣкоторыхъ особенныхъ типовъ орудій, а также ихъ геологическое и ихъ географическое распредѣленіе, могутъ дать средство уловить отбѣнки до-историческаго быта въ разныхъ мѣстахъ, что и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ изслѣдованія.

Очеркъ характера каменнаго вѣка въ новѣйшее время мы находимъ между прочимъ у нашего даровитаго путешественника прошлаго столѣтія, Степана Крашенинникова, въ его „Описаніи Камчатки“. Приводимъ его слова ²⁾:

„Вся камчатская посуда и всѣ экономическія ихъ принадлежности состоятъ въ чашахъ, ворытахъ, берестяныхъ кужняхъ, а по тамошнему *чуманакъ*, да въ санкахъ и лодкахъ: въ чашахъ и ворытахъ варили они ѣсть и себѣ, и собакамъ; кужни употребляли вмѣсто стакановъ, санки — къ ѣздѣ зимою, а лодки — лѣтомъ. Чего ради и писать бы о томъ болѣе нечего, если бы сей народъ, такъ какъ другіе, имѣлъ тогда или зналъ употреблять металлы. Но какъ они безъ желѣзныхъ инструментовъ могли все дѣлать — строить, рубить, долбить, рѣзать, шить, огонь доставать, какъ

¹⁾ Тайлоръ, 271.

²⁾ Опис. Камчатки, II, стр. 45 изд. 1818 г. и стр. 31 изд. 1755 г.

могли въ деревянной посудѣ ѣсть варить, и что имъ служило вмѣсто metalloвъ, о томъ, какъ о дѣлѣ не всякому знаемомъ, упомянуть здѣсь не непристойно, тѣмъ напротивъ, что сіи средства не разумный или ученый народъ вымыслилъ, но дикій, грубій и трехъ перечестъ не умѣющій. Столь сильна нужда умулрать къ изобрѣтенію потребнаго въ жизни!

„Прежніе камчатскіе металлы, до прибытія почти Россіянъ, были кость и камень. Изъ нихъ они (Камчадалы) дѣлали топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорщикамъ плашмя, каковы у насъ бываютъ теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыта, которыя по тамошнему *хомями* называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто сдѣланное изъ дорогаго металла превысокою работою, и всякій острожекъ могъ тѣмъ хвалиться предъ другими, какъ бы нѣкоторою рѣдкостью, особливо когда кто, наваря въ одной посудѣ пищи, не одного гостя могъ удовольствовать, ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Камчадалъ противъ двадцати человекъ сѣдаетъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ камнемъ.

„Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрустала на подобіе ланцовъ востроконечные и насаживали ихъ на черенъе деревянное. Изъ того же хрустала бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и по нынѣ пускаютъ. Швальнымъ иглы дѣлали они изъ собольихъ костей и шили ими не только платье и обувь, но и подзоры весьма искусно.

„Огнива ихъ были дощечки деревянныя изъ сухого дерева, на которыхъ по краямъ наворачены дирочки, да кругленькія изъ сухого жъ дерева палочки, которыя верти въ ямочкахъ, огонь доставали. Вмѣсто трута употребляли они мятую траву тоничъ, въ которой раздували загорѣвшуюся отъ вертѣнія сажу. Всѣ сіи принадлежности, оберта берестю, каждый Камчадалъ носилъ съ

собой, и нынѣ носятъ, предпочитая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубать, какъ достаютъ своими огнивами“.

При всей видимой оригинальности этой картины быта едва ли есть въ ней хотя двѣ-три незначительныя частности, исключительно принадлежащія Камчадаламъ. Вообще же подобное описаніе быта съ самыми ничтожными измѣненіями можетъ быть примѣнено и къ большинству другихъ народовъ каменнаго вѣка, которые также обходились безъ металловъ и все рубили, долбили и т. д. инструментами, сдѣланными изъ камня и кости, на подобіе камчатскихъ. Топоры изъ яшмы были распространены въ большей части Европы и даже въ Америкѣ, а стрѣлы, копья и ланцеты во всѣхъ странахъ міра почти всегда производились по совершенно одинаковому образцу; изъ горнаго же хрустала встрѣчаются издѣлія въ Южной Америкѣ ¹⁾.

Не одни Камчадалы были искусны въ выдѣлываніи иглокъ безъ ушковъ и съ ушками (въ послѣдующія времена они ухитрялись придѣлывать ушки къ сломаннымъ металлическимъ игламъ); Штаубъ указываетъ ²⁾ на подобныя же иглоки изъ швейцарскихъ озерныхъ жилищъ; только здѣшнія, въ противоположность камчатскимъ, были сдѣланы не изъ собольихъ, а изъ птичьихъ костей. Цѣнно показаніе Крашенинникова на способъ кипяченія камнями, который впрочемъ также не исключительно камчатскій: онъ весьма распространенъ въ Америкѣ и вообще въ южномъ полушаріи ³⁾. Указанный же способъ добыванія огня еще обширнѣе: онъ распространялся въ Австраліи, у первобытныхъ обитателей Индіи, въ сѣверной Америкѣ, въ Мексикѣ и т. д. ⁴⁾. Дважды упоминаемыя Крашенинниковымъ ⁵⁾ плетенныя изъ травы рогожи (чирелы) едва ли не имѣютъ чего-нибудь подобнаго въ Новой Зеландіи, произведенія которой, плетенныя изъ пучковъ волоконъ, пред-

¹⁾ *Тайлоръ*, 249.

²⁾ *Die Pfahlbauten in den Schweizer-Seen*. I, 44; II, 21—24.

³⁾ *Тайлоръ*, 359.

⁴⁾ *Тайлоръ*, 322.

⁵⁾ *Описан. Камч.*, II, 26 и 102.

ставляютъ въ свою очередь замѣчательное сходство съ швейцарскими, изъ озерныхъ жилищъ ¹⁾. Но примѣры, подобные послѣднему, гдѣ мы встрѣчаемъ сходство новѣйшихъ принадлежностей съ весьма древними, находятся въ изобиліи у Нильсона. Этотъ замѣчательный натуралистъ только путемъ близкаго изученія новѣйшихъ орудій изъ Сѣверной Америки и Гренландіи, а также съ острововъ Курильскихъ и другихъ, лежащихъ въ Восточномъ Океанѣ, и пр., могъ объяснить назначеніе богатаго собранія каменныхъ орудій, вырытыхъ по большей части изъ скандинавскихъ торфяниковъ и оказавшихся въ большинствѣ случаевъ сходными съ первыми ²⁾. Онъ поражается особенно однимъ замѣчательнымъ примѣромъ сходства двухъ острогъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ новѣйшимъ жителямъ Сѣверной Америки, а другая взята изъ древнихъ скандинавскихъ торфяниковъ. По этому поводу онъ говоритъ: „Мы замѣчаемъ, что шведское (*schonische*) орудіе сдѣлано также, какъ американское, и трудно понять, какимъ образомъ два такіе народа, какъ современные Эскимосы Сѣверной Америки и первобытные обитатели Скандинавіи, между которыми немислимо допустить никакого родства, которые такъ отдалены другъ отъ друга по своему происхожденію и мѣсту жительства, пришли къ мысли сдѣлать одинаковымъ образомъ орудіе, столь искусно составленное“ ³⁾.

Съ другой стороны, Нильсонъ указываетъ ⁴⁾ на костяной гарпунъ изъ шведскихъ торфяниковъ и на подобный ему изъ Перигора во Франціи, гдѣ онъ найденъ вмѣстѣ съ костями давно вымершихъ животныхъ. Разница между ними та, что у шведскаго зубцы расположены по одну сторону, а у французскаго на двухъ противоположныхъ. П. А. Кропоткинъ сообщилъ мнѣ рисунокъ съ костянаго гарпуна, найденнаго въ окрестностяхъ Иркутска и имѣющаго подобное же назначеніе, какъ и два выше указанныя. По общему виду и по расположенію зубцовъ онъ совершенно уподо-

¹⁾ *Taylor*, 496.

²⁾ *Nilsson*, 78, 79.

³⁾ *Nilsson*, 34.

⁴⁾ *Nilsson*, 80, табл. IV., фф. 71 и 72.

бляется Перигорскому, а по числу зубцовъ (4) сходствуетъ со шведскимъ, и отличается отъ нихъ тѣмъ, что у него, вмѣсто зубчиковъ для прикрѣпленія каната, просверлена съ боку дырочка.

Изъ всего этого становится ясною общность въ принадлежностяхъ каменнаго вѣка на разстояніи тысячъ верстъ и въ предѣлахъ длиннѣйшихъ періодовъ временн. И она есть результатъ многихъ обстоятельствъ—силы независимаго изобрѣтенія однихъ и тѣхъ же вещей, кровнаго родства племенъ, торговли и враждебныхъ столкновеній народовъ. Въ заключеніе я приведу слова Тайлора о подобной же общности въ умственной жизни ¹⁾: „Существующее положеніе вещей, конечно, не представляетъ того, чтобъ одно племя дѣлало или знало совершенно то же, что и другое. Но тѣмъ не менѣе, одинаковыя ступени развитія повторяются въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ. Есть основаніе предполагать, что наши предки въ отдаленные вѣка добывали огонь съ помощію инструмента, очень сходнаго съ ново-зеландскимъ, а въ гораздо позднѣйшій періодъ употребляли лукъ и стрѣлы, какъ это дѣлаютъ и до сихъ поръ многія дикія племена. Предыдущія главы, въ которыхъ говорилось объ исторіи нѣкоторыхъ древнихъ искусствъ, о чародѣйствѣ, о нѣкоторыхъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, полны примѣрами повторенія сходныхъ явленій въ отдаленнѣйшихъ странахъ міра. Мы можемъ основательно предположить, что люди одинаковаго ума, поставленные въ очень несходныя условія страны, климата, растительной и животной жизни и т. д., разовьютъ и различныя явленія цивилизаціи, и мы даже знаемъ на опытѣ, что это такъ бываетъ; но тѣмъ не менѣе насъ поражаетъ степень умственного одиобразія въ человѣчествѣ. когда мы видимъ, что въ списокѣ двадцати статей искусствъ или знаній, обычаевъ или суевѣрій, взятыхъ на удачу изъ описанія не образованной расы, трудно найти хотя одну, для которой не нашлось бы нѣчто аналогичное въ другомъ мѣстѣ, у какой-нибудь другой расы, несходной съ первою въ физическихъ чертахъ и живущей за тысячу миль отъ нея“.

Имѣя въ данномъ случаѣ въ виду спеціальныи очеркъ обитателей,

¹⁾ Тайлоръ, 496.

быта и принадлежностей каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи, я привелъ предыдущія общія соображенія съ цѣлью показать, на какія приблизительно находки заранѣе можно разсчитывать (а именно—на каменные топоры, кремневые наконечники стрѣлъ, копья и пр.), и что въ большинствѣ случаевъ видимое отсутствіе однихъ изъ этихъ или подобныхъ имъ весьма распространенныхъ факторовъ тамъ, гдѣ найдены другіе, можетъ быть приписано скорѣе неимѣнію удобнаго случая открыть ихъ, чѣмъ дѣйствительному ихъ недостатку. Съ другой стороны слѣдуетъ, что рѣшительная важность принадлежностей и дѣйствительное ихъ значеніе для рѣшенія конечной задачи—возстановить до-историческій бытъ и племенные свойства обитателей каменнаго вѣка мыслимы лишь подъ условіемъ полноты ихъ и связи со всестороннимъ изслѣдованіемъ мѣстности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, съ геологическаго до чисто антропологическаго. Если первая часть этого вывода побудитъ изслѣдователя къ энергичнымъ и настойчивымъ поискамъ, то вторая неизбѣжно должна воздержать его отъ заключеній преждевременныхъ. Вполнѣ признавая заслуги Н. Θ. Бутенева по собиранію его богатой коллекціи каменныхъ орудій въ Олонецкой губерніи, я полагаю, что онъ былъ не совсѣмъ правъ, когда говорилъ о рѣзкой противоположности въ характерѣ каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи сравнительно съ Западною Европою, слѣдующимъ между прочимъ образомъ: „Скопленія сколько-нибудь значительнаго числа каменныхъ орудій до сихъ поръ встрѣчено не было: а находились они обыкновенно по одиночкѣ, и мнѣ извѣстенъ только одинъ случай, что найдены были три каменныхъ орудія вмѣстѣ, но какъ это было на мѣстѣ сгорѣвшаго дома, то слѣдуетъ полагать, что они хранились въ домѣ и послѣ пожара остались на пепелищѣ. Глиняныхъ древнихъ сосудовъ, равно какъ и орудій костяныхъ, роговыхъ, бронзовыхъ, ни съ каменными предметами, ни особенно встрѣчено не было. Ни жертвенныхъ, ни надгробныхъ камней, равно какъ могильныхъ кургановъ, склеповъ и гробницъ и ничего имъ подобнаго розыскать я въ томъ краѣ не могъ, и полагаю, что ихъ тамъ нѣтъ“. Разница въ такомъ видѣ не оправдывается даже и общими заключеніями о характерѣ распространенія каменнаго вѣка, а съ другой стороны, изъ дальнѣй-

шаго хода изложенія будетъ несомѣнно, что въ Олонецкой губерніи существуютъ каменные орудія всевозможныхъ сортовъ въ скопленіяхъ, вмѣстѣ съ глиняными сосудами, также съ валунами, выложенными въ цѣлесообразной формѣ, съ углями и пр., какъ это показано, относительно Западной Европы, Буше де-Пертомъ, которому противопоставляетъ свои слова нашъ изслѣдователь. При нѣкоторыхъ поправкахъ и фактахъ, стремящихся до извѣстной степени сгладить ту своеобразность, которую полагали видѣть въ остаткахъ каменнаго вѣка Олонецкой губерніи, я поставлю себѣ главной цѣлью доказать этимъ очеркомъ скорѣе необходимость дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, чѣмъ пролить достаточно ясный свѣтъ на первобытныхъ обитателей нашего Сѣвера, гдѣ—сказать между прочимъ—даже и современные жители весьма мало извѣстны.

II.

Почвы Олонецкой губерніи: ледниковыя, безъ принадлежностей каменнаго вѣка, и новѣйшія, содержащія орудія.—Черепки и обломки кремней въ пескахъ, между устьями Ошты и Мегры, по берегу Онежскаго озера; мѣстонахожденіе принадлежностей каменнаго вѣка на Лужандозерѣ.—Тудозеро у залива Щучья тона; вѣроятность пониженія уровня Тудозера, заростаніе части залива торфомъ, происхожденіе вала и отложеніе въ немъ ила, который содержитъ орудія.—Пребываніе жителей на валу обуслови-валось цѣлыми рыболовческими.—Дальнѣйшее распространеніе орудій около залива.—Общій взглядъ на измѣненія въ мѣстности.—Каменный вѣкъ къ востоку отъ Онежскаго озера.—Кенозеро.—Кумбась-озеро.—Орудія лежатъ на пашняхъ, въ растительномъ слоѣ или подъ нимъ.—Поль.—Ничтожныя измѣненія въ мѣстности со времени существованія здѣсь каменнаго вѣка.—Отсутствіе остатковъ каменнаго вѣка на Водлозерѣ и нѣкоторая вѣроятность, что оно было шире раскинуто во времена пребыванія современниковъ каменнаго вѣка въ окрестностяхъ Кенозера.

Пласты почвъ, господствующіе въ Олонецкой губерніи, относятся къ двумъ категоріямъ послѣ-третичнаго періода: это наносы ледниковые и новѣйшіе. Къ первой изъ нихъ принадлежатъ сѣрыя глины или суглинки, съ примѣсью гальки и щебня, также песокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ изобилуютъ валунами весьма различной величины и въ разнообразныхъ пропорціяхъ; по мнѣнію однихъ, онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ той эпохѣ, когда весь сѣверъ Россіи былъ погруженъ подъ моремъ, по которому носились массы льдовъ и бороздили гранитныя, гнейсовыя и діоритовыя скалы,

разсѣянныя въ разныхъ точкахъ края ¹⁾. Другіе стараются показать, что нѣкоторыя точки сѣвера были закованы ледниками на подобіе нынѣшней Гренландіи; отъ движенія ихъ въ сосѣднія страны могли произойдти часто тѣ же наносы, что и отъ плавающихъ льдинъ. Ледниковыя образованія Скандинавіи, Финляндіи и Эстляндіи объясняются помимо покрытія моремъ ²⁾. Которому изъ двухъ указанныхъ явленій страна обязана наиболѣе выдающимися чертами своей фizioноміи—это остается вопросомъ, требующимъ въ будущемъ вполнѣ точнаго, положительнаго рѣшенія. Выѣстъ съ тѣмъ остается совершенно темнымъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ заселялась страна съ того времени, когда начала выходить изъ-подъ воды или очищаться отъ ледниковъ. Не рѣшенъ вопросъ и о человѣкѣ: видѣлъ ли онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ тѣ физико-географическіе перевороты, о существованіи которыхъ теперь догадываются геологи? Есть отвѣты отрицательные, въ ледниковыхъ отложеніяхъ никакихъ слѣдовъ человѣка пока не найдено; но результаты могутъ представиться въ другомъ видѣ, если, съ одной стороны, наука, а съ другой—промышленность, оказавшая такъ много услугъ наукѣ объ ископаемомъ человѣкѣ на Западѣ, внимательно углубятся въ ледниковые наносы. Въ ожиданіи этого пріятнаго обстоятельства обратимся къ почвамъ болѣе новымъ или послѣ-ледниковымъ, которыя впрочемъ, по мнѣнію академика Гельмерсена, не всегда рѣзко отличаются отъ почвъ ледниковыхъ ³⁾.

Къ новѣйшимъ почвамъ принадлежитъ торфъ, образующійся на мѣстѣ высыхающихъ озеръ, или пески, суглинки—по берегамъ существующихъ озеръ и по долинамъ рѣкъ; сюда же относится

¹⁾ См. *Мурчисонъ*, Геологическое опис. Европейской Россіи и проч., перевелъ *Оверскій*, ч. II, стр. 375, 421, 431, 439, 444 и слѣд. *Н. Головкинскій*, О послѣ-третичныхъ образованіяхъ по Волгѣ и проч., стр. 15 и далѣе отъ 29. *А. Иностранцевъ*, Геологическій обзоръ мѣстности между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ, стр. 64 и далѣе.

²⁾ *Ф. Шмидтъ*, Труды С.-Петербург. Общ. Естествоисп., т. II, вып. I, стр. LXX—LXXX. Протоколы засѣд. по отд. Геол. и Минерал.; *П. Кропоткинъ*, Письма во время геологич. поѣзд. по Финляндіи и Швеціи, въ Извѣст. Р. Г. О.; т. VII, № 6, стр. 296, 301 и проч.

³⁾ Studien über die Wanderblöcke und die Diluvialgebilde Russlands. 37. 1869.

пахотный слой. Всѣ эти почвы характеризуются отсутствіемъ валуновъ, кромѣ мѣстныхъ, наносимыхъ и въ настоящее время.

Всѣ принадлежности каменнаго вѣка, привезенныя мною изъ Олонецкой губерніи, найдены въ почвахъ этой послѣдней категоріи. Къ очерку ихъ мѣстонахожденія я и приступаю въ настоящее время, начиная отъ запада къ востоку.

По всему юго-восточному берегу Онежскаго озера тянутся новѣйшіе пески; по одну сторону ихъ вездѣ разстилаются воды озера; по другую также виднѣются озера (*Ижумновское, Мелорское, Панское, Великое, Котечное*), но здѣсь преобладаютъ главнымъ образомъ трясины и торфяники, которые, отходя отъ песковъ на разстояніе отъ одной до пяти верстъ, упираются въ плотные холмы съ сильно развитыми ледниковыми наносами. Въ ряду этихъ отложеній послѣ-ледниковыхъ наносовъ, старшинство въ нѣкоторыхъ случаяхъ принадлежитъ, по всему вѣроятію, пескамъ; а рядомъ озеръ и торфяниковъ обозначается предѣлъ, до котораго могли доходить воды Онега на юго-востокъ. Во всякомъ случаѣ загадочнымъ представляется образованіе этихъ онежскихъ береговыхъ песковъ, даже если и допустить обмеленіе озера или отступленіе его водъ къ сѣверу. Вѣроятно, при высшемъ его уровнѣ на мѣстѣ песковъ находилась мель или уступъ, въ родѣ того, какой въ настоящее время замѣчается рыбаками у Вытегорскаго устья: эта мель могла разростись въ береговой валъ, близко уподоблющійся дюнѣ. Песчаные береговые валы представляются или одиночными, или же по нѣскольку въ рядъ, параллельными между собою, а также и водамъ озера; въ такомъ случаѣ между ними нерѣдко лежатъ болотца и озера, что служитъ доказательствомъ болѣе равномернаго отступленія. Такова, напримѣръ, мѣстность между устьями рѣкъ Ошты и Мегры. Здѣсь самый первый изъ валовъ лежитъ нерѣдко на разстояніи версты отъ современнаго берега озера; онъ есть въ то же время и самый старшій изъ всѣхъ параллельныхъ и ближайшихъ къ озеру валовъ, съ другой стороны—онъ старше и большей части трясинъ и торфяниковъ, лежащихъ между нимъ и ледниковыми образованіями на протяженіи 3 или 4 верстъ; въ одномъ изъ этихъ окраинныхъ песчаныхъ валовъ, чрезъ который проходитъ частію Онежскій каналъ,

версты на три къ востоку отъ впаденія въ него Ошты и недалеко, къ востоку же, отъ единственной въ этомъ мѣстѣ путевой казармы, найдены мною въ значительномъ количествѣ обломки кремней и горшковъ, несомнѣнно принадлежащіе каменному вѣку. Наклонность обитателей этого періода къ рыболовству обличается многими дальнѣйшими обстоятельствами, и весьма вѣроятно, что они черпали себѣ пропитаніе изъ озеръ, лежавшихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стелются обширныя трясины, намекая на будущую участь и тѣхъ озерковъ, которыя еще остались въ разныхъ мѣстахъ.

Второе за этимъ мѣстонахожденіе—Лужандозеро. Онежское озеро отдѣляется отъ него одиночнымъ песчанымъ валомъ (Кенда) и лентовидно идущимъ около него, довольно плотнымъ торфяникомъ, шириной около 150 сажень. Въ свою очередь и Лужандозеро, состоящее, по мнѣнію жителей, съ Онегомъ чистотою своихъ водъ, своимъ песчанымъ дномъ и вкусомъ рыбы, противопоставило ему на берегу, къ нему обращенномъ, Кенду, небольшой песчаный валъ, въ которомъ и найдены кремневые обломки, съ нѣкоторыми другими принадлежностями. Они будутъ описаны дальше. Нахожденіе же ихъ здѣсь доказываетъ, что до-историческіе обитатели края селились преимущественно на берегахъ мелкихъ озеръ. Если допустить, что послѣ образованія Онежской Кенды Лужандозеро было связано съ тѣмъ озеромъ, на мѣстѣ котораго теперь торфяникъ, что оно со стороны Онега начало потомъ заростать торфомъ (какъ это, очевидно, произошло съ Великимъ озеромъ ¹⁾), и какъ это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ и теперь съ самимъ Лужандозеромъ — на мысѣ „Толстой носъ“ или въ сѣверо-восточномъ его углу, около деревни Урюпиной), и что дальнѣйшій процессъ торфованія прекратился образованіемъ замѣченного вала, — то нужно вмѣстѣ съ этимъ допустить, что самый валъ Лужандозера новѣе нѣкоторыхъ торфяниковъ.

Теперь обратимся къ третьему мѣстонахожденію остатковъ каменнаго вѣка, наиболѣе важному и выдающемуся изъ всѣхъ, замѣченныхъ мною въ окрестностяхъ Онежскаго озера: я говорю о

¹⁾ На это заростаніе я указалъ во второмъ письмѣ, напечатанномъ въ Изв. Русск. Геогр. Общ., в. IV.

Тудозерѣ. Въ сѣверо-западномъ углу своемъ оно образуетъ небольшой заливъ (см. таб. I, ф. 1 и 2) прилегающій съ одной стороны непосредственно къ Кендѣ Онега. Съ запада и юга этотъ заливъ упирается въ трясиновое торфяное болото, которое тянется потомъ по направленію къ Лужандозеру на разстояніи, уходящемъ за $1\frac{1}{2}$ или 2 версты. Этимъ болотомъ, спертымъ съ одной стороны береговыми песками, а съ другой—холмами, обозначается, вѣроятно, нѣкогда существовавшее дальнѣйшее распространеніе залива Тудозера въ указанномъ направленіи. Берегъ Тудозера въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается заливъ, и начинается болото, представляется въ видѣ очень правильнаго вала, возвышающагося надъ уровнемъ воды приблизительно на 1 метръ, съ подобною же шириною; при всей ширинѣ болота, простирающейся отъ 100 до 150 саж., онъ начинается на разстояніи 40 или 50 саженой отъ юго-западнаго края и тянется по направленію къ Кендѣ сажень на 50; не доходя до нея сажень 10 или 15, онъ кончается, отдѣляясь отъ Кенды такимъ же вязкимъ и сырымъ болотомъ, какъ и со стороны холмовъ. Своимъ концомъ, обращеннымъ къ деревнѣ Бабовщинѣ, валъ примыкаетъ къ округленному возвышенію—острову, сажень на 10—15 въ діаметрѣ, сухому, довольно плотному и заросшему высокими соснякомъ; оба они, валъ и островъ, составляютъ до нѣкоторой степени мостъ для перехода чрезъ болото.

Если допустить, что Тудозеро, какъ и многія другія подобныя озера, было нѣкогда тѣснѣе соединено съ Онежскимъ озеромъ, на что есть основанія; что съ происшедшимъ здѣсь пониженіемъ уровня воды, оно отдѣлилось отъ Онега, оставивши доказательства своего высшаго стояніи въ пескахъ около деревень Щекиной и Бабовщины, и что со временемъ оно приняло приблизительно тотъ уровень стоянія воды, на которомъ мы теперь его замѣчаемъ,—то при этомъ обмеленіе легко могло постигнуть тотъ заливъ, на мѣстѣ котораго теперь болото, и особенно въ собственномъ ему затишьѣ онъ могъ предаться заростанію травой, мохомъ и торфованію. Этотъ послѣдній процессъ, начавшись со стороны Лужандозера, могъ остановиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь валъ; мягкая масса молодого, образовавшагося въ сырости торфа согнулась на окраинѣ, обращенной напору волнъ, на подобіе листа

бумаги, какъ это происходитъ и въ наше время во многихъ мѣстахъ, даже на Тудозерѣ, напримѣръ, около его устья. Въ эту эпоху стояніе воды могло быть нѣсколько выше современнаго, и какъ самъ валъ, такъ и сосѣдній съ нимъ островъ могли хотя временно заливаться водою; поэтому, какъ въ первомъ, подвергавшемся еще и прибою волнъ, такъ и на второмъ, могъ отлагаться сѣроватый озерный илъ, съ нѣкоторымъ содержаніемъ песку. Въ настоящее время ни валъ, ни островъ уже не заливаются никогда водою, хотя это и случается еще съ окружающимъ ихъ болотомъ, которое въ одни года высыхаетъ весьма значительно, и вырастающая на немъ трава выкашивается крестьянами, а въ другіе сильно заполняется водою и бываетъ совершенно недоступнымъ къ выкашиванію, какъ это произошло и въ 1871 году. Эта самая мѣстность была обитаема людьми въ эпоху отложенія сѣраго ила, достигающаго до $1\frac{1}{2}$ вершковъ толщины, въ валу на торфѣ, и на возвышеніи или островѣ, гдѣ илъ лежитъ на красномъ пескѣ. На валѣ, во входящемъ въ составъ его илѣ, я нашелъ множество обломковъ горшковъ и кремней, а также кремневыхъ и сланцевыхъ орудій. Всѣ эти находки показываютъ, что здѣсь довольно долго процвѣтала цивилизація каменнаго вѣка, или же по крайней мѣрѣ видно, что здѣсь жило не одно только семейство. Валъ въ своемъ настоящемъ видѣ очень узокъ для того, чтобы на немъ во всякое время дня и ночи можно было удобно располагаться, и нужно думать, что онъ съ тѣхъ поръ поднятъ со стороны залива, какъ это отчасти показываютъ вымытыя изъ него и валяющіяся въ береговомъ щебнѣ принадлежности каменнаго вѣка, а также сосны, выросшія на валу и потому въ силу подмыванія вала склонившія къ водѣ свои головы. Кромѣ того, видно, что жители пользовались и островомъ, какъ мѣстопребываніемъ: раскопка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показала, что въ красномъ пескѣ его, накрытомъ тонкимъ пластомъ ила до $1\frac{1}{2}$ вершка толщины, разбросаны перегорѣвшіе камни; но здѣсь не найдено пока посуды или кремневыхъ обломковъ, почему можно думать, что если они здѣсь и существуютъ, то рѣдко, что и можно принять въ свою очередь за доказательство, что главная промышленная дѣятельность жителей сосредоточивалась около вала.

Причины, заставившія первобытныхъ обитателей поселиться или временно, но часто и продолжительно бывать на этомъ во всякомъ случаѣ тѣсномъ мѣстѣ, могли быть различны. Имъ нужно было защищенное отъ непогодъ мѣсто, а заливъ совершенно удовлетворяетъ этому условію. Кенда, господствующая надъ окрестностью и заросшая высокимъ соснякомъ, защищаетъ его отъ западныхъ, сѣверныхъ и сопредѣльныхъ имъ вѣтровъ; въ то время, когда воды Онега отъ запада и сиверика бѣшено плещутся и стонутъ, въ заливѣ полная тишина; съ юга и юго-запада онъ также недоступенъ волненію, но свободно открытъ южному припеку солнца; холмы съ этой стороны пологи и очень лѣсисты; восточные вѣтры для него нѣсколько опаснѣе. Всѣ эти географическія черты мѣста, избраннаго жителями для поселенія, замѣчательно согласуются съ тѣми, которыя нравились и обитателямъ швейцарскихъ озерныхъ жилищъ, и которыя П. И. Лерхомъ, на основаніи показаній Ф. Келлера, описаны въ слѣдующихъ словахъ: „Для поселеній сваетроители избирали мѣсто въ озерахъ, находившееся на солнечной сторонѣ и не въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ берега (иногда однако же въ 3,000 ф.). При этомъ они часто имѣли въ виду, чтобъ мѣстность была ограждена горами, окружающими озеро, или вдающеюся въ него косою отъ бури и сильнаго волненія. Преимущественно привлекали ихъ бухты, открытыя на югъ и лежавшія у подножія горы, заросшей лѣсомъ, въ чащѣ котораго скрывалась добыча охотника“ ¹⁾.

Хотя остатковъ пищи, костей и т. д. мнѣ не удалось найти у нашихъ обитателей, однако по нѣкоторымъ принадлежностямъ (грузила) можно судить объ ихъ склонности къ рыболовству, откуда становится ясною другая причина поселенія на валу, помимо того, что здѣсь они могли чувствовать себя въ большей, чѣмъ гдѣ-либо, безопасности отъ враговъ. Эта причина была одною изъ тѣхъ, которыя поддерживали главнымъ образомъ существованіе озерныхъ жилищъ. По мнѣнію К. М. Бера, она заключалась въ томъ „что человѣку обезпечивалось большее количество

¹⁾ П. И. Лерхъ, Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ. Ст. вторая, стр. 19. (Отдѣльный оттискъ изъ Изв. Археол. Общ., томъ IV).

рыбы въ озерѣ, и преимущественно, въ ближайшихъ отъ жилья мѣстахъ его. Рыба размножается тамъ, гдѣ въ воду попадаетъ значительное количество остатковъ органическихъ тѣлъ, если только при томъ воды достаточно, чтобъ она не сдѣлалась совершенно вонючею; всѣ эти органическія вещества становятся пищею для рыбы или непосредственно, или по разложеніи въ водѣ на малѣйшія частицы“ ¹⁾).

Описываемый нами заливъ извѣстенъ въ настоящее время у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Щучьей тони; это названіе указываетъ, что щука любитъ это мѣсто, и конечно, не даромъ: не будъ въ немъ другой рыбы, она едва ли бы заглянула въ него; съ другой стороны, щука вообще любитъ во время лѣта мѣста, открытыя припеку солнца и поросшія травой, каковъ отчасти самый заливъ, а главнымъ образомъ, заливное болото. Кромѣ щуки, весьма многія другія рыбы ищутъ лѣтомъ тихихъ заливовъ, травы и камышу. Такимъ образомъ мы видимъ, что валъ замѣнялъ нашимъ жителямъ въ нѣкоторомъ родѣ свайную постройку, доставляя имъ возможность наиболѣе удобно пользоваться естественными богатствами. Въ то же время нужно сказать, что ни одинъ валъ и островъ въ заливѣ были обитаемы. Одинъ крестьянинъ изъ деревни Бабовщины въ то время, когда я уже совершилъ свою послѣднюю экскурсію къ заливу, рассказывалъ мнѣ, что на окраинѣ залива, прилежащей къ Кендѣ, онъ во время неводьбы замѣчалъ большіе обломки горшковъ и нашелъ цѣлое круглое дно горшка; онъ говорилъ также, что въ сухіе и маловодные года замѣчается, что чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ больше встрѣчается кремней. Это обстоятельство остается для меня совершенно загадочнымъ по своему значенію; рѣшеніе его нужно отложить до будущаго удобнаго случая. Я же не могъ лично убѣдиться въ истинѣ этого показанія, хотя и ходилъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ, къ показанному мѣсту; вода была весьма высока, и точки, на которыя онъ указывалъ, были совершенно залиты. Этотъ же крестьянинъ говорилъ мнѣ, что горшки встрѣчались и на пашняхъ, по холмамъ, лежа-

¹⁾ К. М. Беръ, О первоначальномъ состояніи челоѣка въ Европѣ. Прилож. къ Мѣсяцеслову 1864 г., стр. 59.

щимъ съ юго-запада залива. На сторонѣ Тудозера, противоположной заливу, около деревни Шекиной, въ пескахъ я также самъ лично находилъ обломки кремней. Не рѣшаясь судить о значеніи этихъ послѣднихъ фактовъ, обращаюсь къ остаткамъ, скрытымъ въ валѣ.

Если наше предположеніе о ходѣ физико-географическихъ измѣненій соотвѣтствуетъ въ нѣкоторой степени дѣйствительности, то изъ него видно, что прежде чѣмъ человѣкъ появился на валу, совершилось довольно много процессовъ, а именно: пониженіе водъ, раздѣленіе Тудозера съ Онегомъ и торфованіе залива. Отъ того же времени, когда человѣкъ удалился отсюда, появившись, можетъ быть, при нѣскольکو высшемъ стояніи водъ, чѣмъ теперь, не произошло въ мѣстности никакихъ замѣтныхъ измѣненій; только изъ въ которомъ человѣкъ оставилъ свои орудія и остатки своего хозяйства, покрылся торфовидною массою изъ едва перегнившихъ растений и достигающей 1 — 1½ вершка толщины, а илъ, покрывающій песокъ на островѣ, едва успѣлъ сверху принять черноватый оттѣнокъ. Изъ всего этого видно, что эпоха, въ которую процвѣтала здѣсь каменный вѣкъ, весьма недалека отъ насъ; но точнѣйшее опредѣленіе ея отдаленности въ глубь временъ должно составлять послѣднее слово многихъ совокупныхъ изслѣдованій.

На восточной сторонѣ Онежскаго озера принадлежности каменнаго вѣка также не составляютъ рѣдкости; по слухамъ мнѣ извѣстно, что онѣ находятся во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ развиты новыя образованія; таковы, напримѣръ, окрестности Пудожа, съ богатою аллювіальными отложеніями долиной рѣки Водлы. По личному же опыту я узналъ богатство остатковъ каменнаго вѣка на сѣверо-востокъ отсюда, на водораздѣлѣ между Онежскимъ и Бѣломорскимъ бассейнами, въ окрестностяхъ Кенозера, — мѣстность, на изслѣдованіе которой я не могъ, къ сожалѣнію, удѣлать больше нѣсколькихъ дней. Самая роль этой мѣстности — служить водораздѣломъ, указываетъ нѣкоторымъ образомъ на ея относительную высоту. И если справедливо, что Сѣверъ былъ нѣкогда подъ водою, то указанное мѣсто, какъ наиболѣе высокое изъ другихъ, должно было раньше обнажить многіе изъ своихъ пунктовъ,

раньше начать новѣйшія отложенія, и вмѣстѣ съ этимъ, сдѣлаться скорѣе и наиболѣе доступнымъ для поселенія. И въ самомъ дѣлѣ, аллювій во многихъ мѣстахъ залегаетъ здѣсь большими толщами, напримѣръ, по берегамъ Кенозера, противъ деревни Филиповъ Ручей, а кремни въ береговомъ щебнѣ встрѣчаются въ такомъ изобиліи, что трудно допустить, чтобъ они появились сюда помимо силъ самой природы; въ самомъ дѣлѣ нельзя сомнѣваться, что большая часть кремневыхъ кусковъ, величиною въ кулакъ, рѣдко болѣе, а чаще меньше, занесены водой изъ ихъ коренныхъ мѣсто-рожденій въ каменноугольныхъ образованіяхъ, развитыхъ въ окрестностяхъ Кенозера; но съ другой стороны, трудно не обратить вниманіе на то, что на большей части этихъ осколковъ существуютъ весьма ясныя слѣды руки человѣческой, такъ что это изобиліе большихъ и малыхъ осколковъ должно объяснять преимущественно участіемъ обитателей каменнаго вѣка. Еще болѣе убѣждаетъ въ томъ присутствіе настоящихъ орудій—стрѣлъ, иногда лежащихъ вмѣстѣ съ кремневыми кусками и осколками, иногда же отдѣльно разбросанныхъ въ мѣстности. Мною замѣчено было одно мѣсто на заливномъ лугу, на берегу Свиного озера, составляющаго отдѣльный заливъ Кенозера, противъ потока Филиповъ-Ручей, гдѣ положеніе осколковъ въ растительномъ слоѣ совершенно сохранилось и свидѣтельствуетъ о кратковременномъ здѣсь пребываніи одного человѣка или семейства, занимавшагося, судя по самому характеру осколковъ, выдѣлкой кремневыхъ орудій.

Эта мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ любопытная, видимо заключающая въ себѣ слѣды большаго развитія культуры каменнаго вѣка и служившая, по всему вѣроятію, центромъ распространенія этой культуры, а также и другія, къ югу и востоку отъ нея лежація, въ которыхъ, по доходившимъ до меня слухамъ, слѣды каменнаго вѣка представляются въ неменьшемъ изобиліи,—остались однако совершенно мнѣ неизвѣстными въ подробностяхъ, и вся находка моя въ окрестностяхъ Кенозера ограничилась нѣсколькими кремневыми наконечниками стрѣлъ, впрочемъ прекрасно выдѣланными, и кремневыми же осколками.

Но счастливый случай заставилъ меня познакомиться на возвратномъ пути къ Водлозеру, на западномъ склонѣ водораздѣла,

съ остатками каменнаго вѣка въ окрестностяхъ Кумбасъ-озера. Недалѣе, двадцати - верстное разстояніе этого мѣста отъ Кенозера даетъ право разсчитывать и на общую тѣсную связь въ нихъ каменныхъ принадлежностяхъ, и какъ мѣстонахожденіе, такъ и составъ Кумбасъ-озерскихъ орудій могутъ служить указаніемъ на общій характеръ кенозерской культуры, хотя эта послѣдняя можетъ заключать въ себѣ слѣды большей древности и большаго развитія.

На Кумбасъ-озерѣ встрѣчается меньше кремней и мало такихъ глыбъ, какія есть на Кенозерѣ, и которыя не были подвержены обработкѣ; по большей же части встрѣчались такіе осколки, которые остались отъ обдѣлки. Съ первыми же шагами по береговому щебню озера я находилъ значительное количество такихъ осколковъ, и между ними нашелъ обломокъ горшка, что и заставило меня произвести здѣсь болѣе дѣятельную развѣдку лично и черезъ распросы.

Кумбасъ-озеро расположено въ широкой чашевидной долині. среди довольно высокихъ холмовъ; само оно представляется также въ округленной формѣ, приближающейся къ эллипсису, и достигаетъ до 4 или 5 верстъ длины и до 2 верстъ ширины. Изъ сѣверо-западнаго своего края оно даетъ рѣку Кумбасу, достигающую при истокахъ сажень 15 ширины; здѣсь же холмы особенно близко приступаютъ къ рѣкѣ и къ водамъ озера, и здѣсь расположено современное населеніе. При самомъ истокѣ рѣки, по ту и другую ея сторону, расположены двѣ полосы пашень, и въ нихъ-то я добылъ орудія. Пашня, лежащая на сторонѣ деревни, особенно ими изобиловала, но по своей близости она всегда была доступна деревенскимъ юношамъ, которые, разыскивая на ней горшечные черепки и плоскіе кремневые обломки, а также стрѣлы, бросали ихъ въ рѣку. Благодаря этому обстоятельству, научный интересъ пашни былъ истощенъ, и я, ограничившись нѣсколькими не очень важными находками, переправился на другую сторону рѣки, гдѣ пашня была лучше ограждена отъ посѣщеній непрошенныхъ гостей. Съ этой пашни только что снятъ былъ ленъ, и я, при помощи ея хозяина, долженъ былъ перепахать ее, чтобъ вывести на свѣтъ ея сокровища. Пахатный ея слой имѣлъ отъ 1½ до 3 вершковъ мощи-

ности; онъ лежитъ на желтомъ рѣчномъ пескѣ безъ валуновъ, который, въ свою очередь залегаеъ, какъ кажется, на желтой леднижовой глинѣ, съ валунами; объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве можно судить потому, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки и отъ пашни растительный слой и песокъ кончаются, и начинается сырое болотистое мѣсто, заросшее высокимъ лѣсомъ; въ одной части его обнажается глина. Но не смотря на близость ея къ песку и на то что она выходитъ здѣсь на поверхность, она не содержитъ въ себѣ никакихъ остатковъ человѣческой дѣятельности, хотя, еслибъ они заключались въ ней, существовала бы и возможность открыть ихъ: черезъ пашни, лежащія на глинѣ, проведены довольно глубокія канавы; въ обнаженномъ такимъ образомъ слоѣ, до 0,5 метра толщиною, содержатся многочисленные небольшіе валуны, и между ними нѣтъ ни одного орудія, ни одного обломка горшка или кремня.

Другое дѣло — распаханная нами пашня; здѣсь въ пескахъ и въ растительномъ слоѣ скрыто почти все главное и необходимое въ хозяйствѣ жителя каменнаго вѣка: это топоры, стрѣлы, ножи, рубанокъ, плиты для шлифованія орудій, обломки кремней и горшковъ, остатки жилища и пр. Трудно съ точностью сказать, въ какомъ положеніи находились первоначально всѣ эти принадлежности, такъ какъ пашня была очень много разъ распахииваема, и они въ большинствѣ случаевъ сдвинуты съ своего мѣста. Однако же, судя по остаткамъ жилья, я пришелъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что орудія оставлены были на иловатомъ пескѣ. Это былъ полъ изъ валуновъ, служившій несомнѣнно фундаментомъ для хижины первобытнаго обитателя, такой полъ, какіе были позднѣе, въ историческія времена, въ употребленіи у нашихъ сѣверныхъ инородческихъ племенъ, и какіе до послѣдняго времени дѣлаются у Эскимосовъ Гренландіи и Сѣверной Америки. Полъ былъ выложенъ изъ валуновъ различной величины и формы: были валуны закругленные водой, были остроугольные и остросереберные; былъ одинъ валунъ до $\frac{3}{4}$ аршина въ длину и въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, находились и меньшіе, длиной до четверти; они лежали другъ на другѣ въ нѣсколько рядовъ, не были связаны ни какимъ цементомъ и держались вмѣстѣ, благодаря аккуратной укладкѣ, какъ это вообще встрѣчается въ сооруженіи

яхъ каменнаго вѣка. Имѣя довольно ровную поверхность, этотъ каменный полъ является округленнымъ, до $1\frac{1}{2}$ метра въ діаметрѣ; около одного изъ краевъ его былъ найденъ камень съ обточенною верхнею стороною; онъ былъ уже вставленъ сюда въ такомъ видѣ и служилъ точиломъ, на которомъ готовились топоры или другія сточенныя орудія; промежутки между камнями были заполнены частию пескомъ, частию горшечными обломками, кремнями или углями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались остатки сосновой коры и береста; видно, что жители не только дѣлали здѣсь свои орудія, но разводили огонь и варили пищу; кора сосны и береста служила, вѣроятно, покровомъ для хижины, размеры которой легко могли быть больше, чѣмъ величина каменнаго пола.

Это сооруженіе находилось среди пашни, представляясь въ формѣ небольшого выпуклаго возвышенія. Сверху оно было накрыто растительнымъ слоемъ, подъ которымъ лежалъ песокъ, и затѣмъ только, въ глубинѣ, было самое сооруженіе. Отсюда видно, что полъ существовалъ тогда, когда еще не было перегноя; отъ хозяевъ онъ остался открытымъ, среди песку, которымъ потомъ и засыпался, благодаря, можетъ быть, вѣтрамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь начала водворяться растительность, трава и ивы, за которыми послѣдовали березки или сосна, и такимъ образомъ началось, вѣроятно, отложеніе пахатной почвы. Въ то время, когда первобытные обитатели были живы, рѣка подходила ближе къ ихъ хижинамъ; ихъ сооруженіе стояло непосредственно на берегу ея, такъ какъ и теперь современные пески лежатъ только около самаго берега. Прежде рѣка была выше пола, затѣмъ она отходила по направленію къ правому берегу и теперь находится отъ пола сажень на 30 и на нѣсколько метровъ ниже. По этому можно судить, что измѣненія въ мѣстности, происшедшія со времени исчезновенія жителей каменнаго вѣка, весьма не велики; причина ихъ можетъ заключаться или въ простомъ измѣненіи рѣчнаго русла, или въ уменьшеніи количества водъ, но въ слѣдствіе ли поднятія мѣстности, или вырубки лѣсовъ, или иного какого-либо случая, для этого доказательствъ не имѣется. Самое теченіе рѣки Кумбасы весьма медленно; во многихъ своихъ плесахъ она подобна озеру, исключая нижнихъ частей, гдѣ она порожиста. Съ другой

стороннѣ, трудно также сказать, по какимъ причинамъ былъ оставленъ этотъ теплый домашній очагъ, вмѣстѣ со всѣми орудіями, стоившими жителямъ большаго труда, и которыми они дорожили, можетъ быть, несравненно больше, чѣмъ самый пылкій изъ современныхъ археологовъ.

Другихъ мѣстонахожденій каменныхъ орудій мнѣ не удалось найти и осмотрѣть въ короткій срокъ пребыванія въ окрестностяхъ Кумбасъ-озера, хотя мнѣ сдѣлалось хорошо извѣстно, что женщины изводятъ много кремневыхъ издѣлій, собирая ихъ на полевыхъ работахъ, при добываніи огня, такъ какъ спички весьма туго входятъ здѣсь въ употребленіе. Далѣе отъ деревни, по теченію рѣки Кумбасы, орудія становятся все болѣе и болѣе рѣдкими, и жители деревни Падуна на Водлѣ, недалеко отъ устья Кумбасы, весьма мало знакомы съ ними. Небольшая сумма денегъ, потребовавшаяся одной Падунской красавицѣ на фартукъ, заставила ее поднести мнѣ сланцевый топоръ, единственный, какъ кажется, изъ когда-либо найденныхъ при устьѣ р. Кумбасы и извѣстныхъ жителямъ. Онъ былъ послѣднею моею находкою въ этомъ краѣ.

Если въ окрестностяхъ Кено и Кумбасъ-озера нѣсколько дней пребыванія дали мнѣ возможность открыть значительные слѣды каменнаго вѣка, то теперь передо мною открылась страна, въ которой попытѣи найти то же самое остались въ теченіе цѣлаго мѣсяца безъ всякихъ положительныхъ и желанныхъ послѣдствій. Эта страна лежитъ къ сѣверо-западу отъ Падуна и обнимаетъ Вирозеро, Ваму и большую часть окрестностей Водлозера. И въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ экскурсіяхъ, совершенныхъ мною въ этихъ мѣстахъ по всевозможнымъ направленіямъ, глаза мои часто обращались къ землѣ, но я не находилъ и не видѣлъ ни одного каменнаго орудія, ни даже обломка кремешка. Мой глазъ могъ однако обмануть меня, и я обращался съ вопросами къ жителямъ, которые, можетъ быть, не меньше меня интересуются каменнымъ вѣкомъ, въ виду недостатка синчекъ и существованія кремневыхъ ружей. Отвѣты были отрицательные; громовыхъ стрѣлъ, въ родѣ тѣхъ, какія я имъ показывалъ изъ окрестностей Тудозера, съ Кено и Кумбасъ-озера, они не знаютъ. А кремни для добыванія огня и для ружей

привозятся съ „Каргопольщины“, то есть, изъ окрестностей Кенозера и съ р. Онеги, Каргопольскаго уѣзда. Въ этихъ кремняхъ я узнавалъ осколки отъ обдѣлки каменныхъ орудій.

Къ сказанному присоединяется еще одно весьма важное обстоятельство, которое отчасти находится въ связи съ отсутствіемъ здѣсь остатковъ каменнаго вѣка. Это бѣдность аллювія во всей странѣ и преобладаніе ледниковыхъ образованій, другими словами, здѣсь нѣтъ тѣхъ почвъ, какія развиты на Кенозерѣ, а частью и на Кумбасѣ-озерѣ, и въ которыхъ заключены тамъ остатки каменнаго вѣка. По всюду здѣсь господствуетъ сѣрая, иногда съ дымчатымъ оттѣнкомъ глина; она выглядываетъ изъ-подъ моховаго покрова, изъ промоины, на скатѣ холма, заполненная мелкимъ щебнемъ и по всюду—на камняхъ и по берегамъ озеръ, сопровождается тѣми самыми валунами, которые такъ тяжело лежатъ на плечахъ Водлозера ¹⁾. Ничтожные проблески новѣйшихъ наносовъ, которые, можетъ быть, теперь только образуются, напоминаютъ о молодомъ возрастѣ страны. И можетъ быть, въ пользу этой же молодости страны говорить то господство, которымъ здѣсь пользуется ель между всѣми другими представителями древесной растительности ²⁾: сильное распространеніе ели тѣсно связано съ тѣмъ же однообразіемъ почвы. При всемъ этомъ есть нѣкоторая вѣроятность въ томъ, что само Водлозеро уменьшается въ своихъ размѣрахъ; по западному берегу его, около деревни Гумарь-Наволокъ, находятся новѣйшіе пески, хотя и въ небольшомъ количествѣ, но въ значительномъ отдаленіи отъ современныхъ водъ; они уже заросли сосновымъ лѣсомъ. Въ своемъ дневникѣ я нашелъ замѣтку, писанную на островѣ Канза-Наволокъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, слѣдующаго содержанія: „Озеро видимо мелѣетъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, около береговъ, лежатъ валами камни, на вѣченныя время отъ времени льдами. Въ однихъ мѣстахъ они около самой воды, въ другихъ же, особенно на мысахъ, отстоятъ на столько отъ воды, что даже и въ половодье рѣдко заливаются. Вообще заливы здѣсь мелѣютъ, и отмели зарастаютъ тра-

¹⁾ То есть, жителя прибрежьевъ Водлозера.

²⁾ См. о томъ въ одномъ изъ моихъ писемъ, въ Изв. И. Р. Г. Общ. 1871 г. № 6

вою". Жители замѣчаютъ также на Водлозерѣ выступаніе подводныхъ каменистыхъ мелей или лудъ выше поверхности воды и затѣмъ указываютъ на заростаніе ихъ травой и кустарниками. Я не могъ однако же прослѣдить старыя береговые валы на большихъ разстояніяхъ отъ современныхъ водъ, что должно было бы существовать въ случаѣ дѣйствительнаго уменьшенія озера; но эти валы могли быть замыты и занесены землей; притомъ такіе валы существуютъ по большей части на берегахъ, гдѣ вода наиболѣе глубока, и лежатъ они иногда хотя и близко отъ берега, но на такой высотѣ, что водою не заливаются (около Куго-Наволока, Охтомы и пр.). Допуская такимъ образомъ уменьшеніе размѣровъ Водлозера, можно предположить причину этому въ поднятіи мѣстности. Въ виду сказаннаго самый фактъ отсутствія, или можетъ быть, вѣриѣ, рѣдкости принадлежностей каменнаго вѣка на Водлозерѣ я думалъ бы объяснить предположеніемъ, что въ то время, когда на Кенозерѣ отлагались существующіе тамъ пласты новѣйшихъ иловатыхъ и песчаныхъ отложеній, и когда тамъ обитали уже люди, оставившіе принадлежности своего быта, окрестности Водлозера, по крайней мѣрѣ ближайшія и теперь заселенныя, были еще скрыты подъ водою. Видя въ подобномъ предположеніи нѣкоторую вѣроятность, я принимаю однакоже въ соображеніе тѣ въ общей сложности незначительныя измѣненія, которыя найдены въ мѣстностяхъ залеганія орудій на Кено, Кумбасъ и Тудозерѣ; одновременно съ ними около Водлозера пришлось бы допустить гораздо большія измѣненія въ характерѣ мѣстности, съ чѣмъ трудно согласиться, а потому и окончательное рѣшеніе вопроса я долженъ предоставить будущимъ изслѣдователямъ; можетъ быть, большій запасъ фактовъ дастъ возможность иначе объяснить вышеописанныя явленія, хотя, напримѣръ, съ той стороны, что кристаллическія породы, лежащія въ основаніи новѣйшихъ образований на Водлозерѣ и къ сѣверу отъ него, труднѣе поддаются размыванію и труднѣе даютъ рыхлый аллювій, чѣмъ это можетъ быть около Кенозера, гдѣ лежитъ въ основаніи каменноугольная формація, гораздо легче доступная разрушенію; съ другой стороны, каменноугольная формація, какъ источникъ кремня, могла уже поэтому сосредоточивать около себя до-историческое населеніе.

III.

Общій характеръ жизни обитателей каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи.—Остатки ихъ дѣятельности: валъ на берегу Лужандозера; орудія и способы ихъ приготовленія: обиваніе и обтачиваніе. Точила. Топоры. Рубанокъ. Конусъ и цилиндръ. Долбня. Молотки и сѣкеры. Копья и стрѣлы. Ножи. Праща. Грузила. Украшенія. Горшки. Горныя породы, служившія матеріаломъ для орудій. Догадки о племенныхъ свойствахъ обитателей.

Съ представленнымъ очеркомъ мѣстонахожденій орудій, а также съ принадлежностями каменнаго вѣка, находящимися на лицо, открывается передъ нами небольшой отрывокъ изъ длинной лѣтописи, написанной весьма неразборчивымъ почеркомъ, и на которомъ въ добавокъ лѣтописецъ забылъ выставить годъ; но при всемъ томъ, въ этихъ отрывочныхъ и часто неполныхъ показаніяхъ мы находимъ не безинтересныя свѣдѣнія о человѣческой дѣятельности. Составъ нашей коллекціи показываетъ, что первобытные обитатели Олонецкой губерніи, не отличаясь отъ насъ потребностью питаться, умѣли удовлетворять ей приличными въ ихъ положеніи средствами. Они ловили рыбу, охотились, вѣроятно, за звѣрями; выбирая удобныя для этого мѣста, они обезпечивали себѣ успѣхъ добычи соотвѣтственными цѣли орудіями. Приготовленіе этихъ послѣднихъ требовало съ ихъ стороны ремесленныхъ знаній, которыми они въ своей сферѣ обладали въ совершенствѣ. Послѣ трудовъ въ лѣсу или на болотѣ, послѣ холодной схватки со звѣремъ или себѣ подобнымъ непріателемъ, послѣ путешествія за матеріаломъ для новаго орудія, они возвращались къ своимъ семейнымъ очагамъ, гдѣ грѣлись, и за цѣлостъ которыхъ стояли. Здѣсь согрѣвалъ ихъ не тотъ только внѣшній огонь, отъ котораго археологъ находитъ угли, но и тотъ, о которомъ свидѣтельствуютъ украшения. Хотя мы и не имѣемъ остатковъ ихъ пищи, чтобъ наглядно судить объ ея качествахъ, однакоже полагаемъ, что въ способахъ ея приготовленія они далеко превосходили многихъ изъ своихъ собратьевъ, начиная съ варившихъ ее въ корытахъ, въ сосновой и еловой корѣ, и кончая тѣми, которые готовили пищу въ собственныхъ желудкахъ и шкурахъ животныхъ, ее давшихъ. Олончане каменнаго вѣка имѣли для этого глиняную посуду. Главная отличительная ихъ черта проглядываетъ въ томъ, что они сумѣли пред-

ставить на выставку человѣческой любознательности слѣды своего искусства и трудолюбія, не употребляя металловъ и не зная ихъ. Какъ проявляли они свой трудъ? Вѣроятно, охотникъ самъ острилъ себѣ на охотѣ затупившуюся стрѣлу и затачивалъ сломавшійся топоръ; вѣроятно также, что трудъ по приготовленію большинства домашнихъ принадлежностей вертѣлся въ средѣ одиночныхъ семействъ, какъ это показываетъ положеніе болѣе или менѣе изолированныхъ семейныхъ пепелищъ (въ окрестностяхъ Кенозера), и нѣтъ вѣроятія, чтобы нѣсколько болѣе скученное населеніе обусловливалось раздѣленіемъ труда, выходявшимъ изъ предѣловъ семьи, ибо иначе скопленіе значительнаго числа жителей на Тудозерскомъ валу пришлось бы объяснить не слѣдствіемъ рыболовческихъ выгодъ, а существованіемъ фабрики, подобной отчасти нашимъ,—чему противорѣчитъ даже современное положеніе промысловъ среди жителей окрестностей Вытегры и Водлозера; хотя, съ другой стороны, и нужно допустить, что всякаго рода скопленіе людей ведетъ уже къ нѣкоторымъ усложненіямъ въ раздѣленіи труда. Во многихъ случаяхъ можно видѣть, что Кенозерское населеніе по остаткамъ своихъ орудій оказывается сходнымъ съ населеніемъ, распредѣлявшимся на юго-востокѣ Онежскаго озера. Нѣсколько болѣе мощное развитіе слоевъ, заключающихъ въ себѣ остатки человѣческой дѣятельности изъ первой мѣстности, указываетъ на большую ея древность, и можетъ быть, на то, что она была центромъ заселенія, откуда люди уже потомъ двинулись къ Онежскому озеру, въ мѣстность болѣе молодую. Но въ этомъ отношеніи требуются дальнѣйшія изслѣдованія; что же касается до большинства высказанныхъ положеній относительно жизни здѣшняго до-историческаго населенія, которая во многихъ случаяхъ оказывается сходною съ жизнью и западно-европейскихъ народовъ до-исторической эпохи, то болѣе подробныя на нихъ доказательства можно будетъ найти въ нижеслѣдующемъ ближайшемъ обзорѣ принадлежностей изъ каменнаго вѣка.

Валъ изъ небольшихъ валуновъ (небольшая часть его видна на табл. VIII, фиг. 1), найденный мною на берегу Лужандозера, въ пескѣ, на глубинѣ 0,250 м. привелъ меня въ полное удивленіе. Въ его устройствѣ поразило меня то, что до-исто-

*

рический обитатель, при всей бедности въ инструментахъ, но единственно при ловкости своей руки, обращался съ камнями какъ столяръ, вооруженный пилою и топоромъ, съ кусками дерева. Имѣя въ виду получить сплошную каменную стѣну, устойчивую и крѣпкую, работники каменнаго вѣва пригонялъ камень къ камню, одну плитку къ другой, и притомъ такъ, чтобъ естественная выпуклость одного камня совпадала съ вогнутостью другого; если одинъ камень не устанавливался плотно и тѣсно съ другими, то строитель дѣлалъ на немъ выемку и отсѣвалъ отъ него торчащій бокъ въ степени, вполне соотвѣтствующей обстоятельствамъ и надобности. По видимому, у строителя былъ запасъ камня, въ видѣ материала, и если въ какомъ-либо случаѣ нѣкоторыя составныя каменные части вала не прилаживались одна къ другой, то откалывался нужнаго вида кусокъ и ставился въ приличное ему положеніе. Осколки одного такого камня найдены мною въ различныхъ частяхъ вала, и я составилъ изъ нихъ цѣлый валунъ такого вида, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ природы. Видя въ устройствѣ этого вала проявленіе нѣкотораго искусства, я однако же не рѣшаюсь сказать что-нибудь положительное объ его назначеніи. При указанной глубинѣ его верхнихъ частей отъ поверхности (0,250 м.), онъ имѣлъ до 0,200 м. въ ширину и такую же высоту. Къ линіи, параллельной береговому валу озера, а также къ самой береговой линіи, онъ представлялъ выгнутую на сторону озера дугу. По окружности онъ имѣлъ 2,900 м. Между камнями были остатки углей, береста отъ тонкихъ вѣтвей березы, кой-гдѣ въ окрестностяхъ обломки кремней, но больше никакихъ принадлежностей не найдено. Очагомъ этотъ валъ служить не могъ: за чѣмъ въ такомъ случаѣ дѣлать его дугой? Видѣть въ немъ составную часть хижины также нельзя, ибо онъ не составляетъ никакой правильной и полной фигуры. А потому и остается отложить разгадку его значенія до благоприятнаго случая, который несомнѣнно и представится, если увеличатся факты. Въ ожиданіи этого посмотримъ, чѣмъ вооружилъ себя представившійся намъ работникъ.

Вооруженіе первобытнаго обитателя состояло въ топорахъ, копьяхъ или стрѣлахъ, въ ножахъ и пращахъ,—предметахъ, на приготвленіе которыхъ онъ употреблялъ различные способы; стрѣлы, ножи, а частію и топоры, рубанки и пр., онъ дѣлалъ способами

околачиванія; здѣсь этотъ способъ, очень замѣтный въ устройствѣ вышепредставленнаго вала и вполне удовлетворявшій тамъ весьма крупнымъ нуждамъ, дошелъ до тонкости; чрезъ *сколачиваніе* обитатель получалъ красивую и острую стрѣлу, съ десятками зазубринъ; *откачивалъ* онъ тѣмъ же быстрымъ ударомъ гладкія и острые, часто весьма длинныя пластинки кремня, служившія ножами. Въ приготовленіи топоровъ выступаетъ наконецъ способъ *обтачиванія*, и онъ также видоизмѣняется и въ тѣхъ или другихъ случаяхъ достигаетъ различнаго совершенства; выѣстъ съ тѣмъ вопросъ о преобладаніи того или другого изъ способовъ не можетъ быть допущенъ, такъ какъ оба они, являясь иногда въ западной Европѣ отдѣльно, представляются на юго-востоцѣ Олонецкой губерніи взаимно-слившимися и одинаково неизбѣжными въ той или другой отрасли одного и того же хозяйства. Способъ околачиванія орудій былъ проще и непосредственнѣе вель къ дѣлу, чѣмъ обтачиваніе; чтобъ приготовить орудіе, стрѣлу или ножъ, требовались самые простыя приборы ¹⁾; пользуясь ими, житель часто употреблялъ также при околачиваніи естественныя валуны изъ твердаго камня ²⁾. Есть и въ нашей коллекціи обломки, служившіе, по видимому, для околачиванія. Стачиваніе было сложнѣе; часто орудіе послѣ околачиванія подвергалось уже полировке, какъ это замѣчено въ Скандинавіи ³⁾. Въ Олонецкой же губерніи стачиванію рѣдко предшествовало обиваніе матеріала; для приготовленія, на примѣръ, топора житель пользовался острымъ, рѣжущимъ и твердымъ приборомъ, который легко могъ имѣть форму простаго кремневаго ножа или *пилы*, на подобіе тѣхъ, какія были находимы въ швейцарскихъ озерныхъ жилищахъ ⁴⁾. Слѣды такого инструмента замѣчаются на весьма многихъ изъ нашихъ орудій; таковы боковыя борозды, изображенныя на рисункахъ табл. VIII, фф. 3 и 4; это два *параллелупеда*, надпиленные, вѣроятно, въ естественной

¹⁾ *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, табл. I и описаніе въ текстѣ, 28—34. Начиная отсюда, ссылки дѣлаются на французскій переводъ Нильсона.

²⁾ Тамъ же, табл. I, ф. 11.

³⁾ *Nilsson*, табл. VII, фиг. 154 и 157,—и стр. 25 текста.

⁴⁾ *Staub*, Die Pfahlbauten, II, и *Le Hon*, L'homme fossile en Europe, стр. 151.

глубь горной породы и затѣмъ выломленные; слѣды этого излома также замѣтны въ видѣ тонкаго шероховатаго слоя на нижней окраинѣ пластинокъ, представляющихъ въ такомъ видѣ первую стадію обработки топора. Затѣмъ параллелепипедъ подвергался уже стачиванію на камнѣ, подобномъ изображенному на таблицѣ I, ф. 3. Этотъ камень несомнѣнно служилъ *точиломъ*; онъ имѣетъ видъ плиты, сточенной съ одной представленной на рисункѣ стороны; нижняя его поверхность шероховата, углы и ребра его остры и неровны; словомъ, это никакъ не валунъ, подвергавшійся дѣйствію воды. Сточная поверхность плиты особенно характерна, какъ весьма очевидное и убѣдительное доказательство ея искусственнаго происхожденія; по срединѣ плиты выдается равномерная выпуклость, переходящая на своихъ окраинахъ въ вогнутость или ея опоясанная; къ краямъ плиты вогнутость мало по малу исчезаетъ, и края стоятъ почти на той же высотѣ, какъ и высшая точка срединной выпуклости; на этой поверхности орудія стачивались круговымъ движеніемъ, и наиболѣе углубленная часть вогнутости соответствуетъ какъ разъ тому мѣсту, по которому чаще всего долженъ былъ проходить стачиваемый предметъ; на срединѣ плиты осталась выпуклость, потому что еслибъ точильщикъ сосредоточилъ на ней свое орудіе, то размахъ его былъ бы чрезвычайно малъ, а работа шла бы очень медленно; не держалъ онъ орудія и около самаго края плиты, оставшагося не сточеннымъ, потому что здѣсь оно весьма часто срывалось бы съ плиты и этимъ замедляло бы работу; поверхность плиты совершенно уподобляется тѣмъ кружкамъ, на которыхъ въ наше время вытачиваются тонкія пластинки минераловъ и горныхъ породъ для микроскопическихъ изслѣдованій. Къ этому я долженъ присоединить указаніе еще на то, что вокругъ выпуклости на плитѣ идутъ ряды концентрическихъ штриховъ или царапинъ, которыя и представлены на лѣвой не отѣневной сторонѣ рисунка; эти штрихи радикально отличаются отъ линій на плитѣ, соответствующихъ стертымъ слоямъ самой породы, изъ которой состоитъ плита. Наша плита состоитъ изъ тальковаго кварцита и имѣетъ до 360 мм. въ длину, 280 мм. въ ширину и отъ 18 до 30 мм. въ толщину; найдена она въ вышеописанномъ мѣстонахожденіи, около Кумбасъ-озера, подлѣ оча-

га или пола изъ валуновъ, изъ котораго было въ свою очередь извлечено другое точило, сдѣланное изъ породы болѣе твердой, грьонштейновой; этотъ камень имѣлъ полушаровидную или чашевидную форму; его выпуклая сторона шероховата, весьма неровна и видимо обита жителями для того, чтобъ ею можно было врыть камень въ землю; верхняя сторона по своей формѣ совершенно уподоблялась отточенной поверхности плиты, уже вышеописанной; здѣсь также середина выпукла и окаймлена круговою впадиной; самая поверхность чрезвычайно гладка, но шрамовъ здѣсь нѣтъ, такъ какъ порода весьма однородна по литологическому составу и мелкозерниста. Это точило (одинъ изъ обломковъ отъ него изображенъ на табл. VIII, ф. 2) замѣчательнымъ образомъ напоминало по своему виду одно, описанное Нильсономъ—изъ Скандинавіи ¹⁾. Вообще, какъ въ Скандинавіи, такъ и въ Олонецкой губерніи, орудія для обтачиванія представляли одно изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей въ хозяйствѣ обитателей каменнаго вѣка; кромѣ двухъ вышеописанныхъ точилъ, я нашелъ обломокъ отъ плиты для стачиванія орудій и на Тудозерѣ, и это служить доказательствомъ того, что и здѣсь, по близости, жители имѣли постоянное мѣстожительство, такъ какъ Нильсонъ полагаетъ (въ чемъ я съ нимъ совершенно согласенъ), что точила въ Скандинавіи раздѣлялись на переносныя, легкія, и такія, которыя находились только около самыхъ жилищъ первобытныхъ жителей ²⁾. Всѣ наши орудія относятся къ послѣдней категоріи, и мнѣ не удалось найти точилъ переносныхъ, въ родѣ скандинавскихъ ³⁾, что, впрочемъ, зависѣло, можетъ быть, совершенно отъ случая.

Главными орудіями, получаемыми чрезъ стачиваніе, были въ Олонецкой губерніи *топоры*. Два вышеуказанные параллелепипеда черезъ стачиваніе легко могли превратиться въ топоръ, изображенный на табл. II, фиг. 3; подобно ему произошли, вѣроятно, и другіе, представленные на фф. 2 и 3 и на табл. III, фф. 1 и 2.

¹⁾ Nilsson, стр. 36 и табл. II. ф. 17.

²⁾ Тамъ же, стр. 34.

³⁾ Тамъ же, стр. 37.

Изъ всѣхъ этихъ орудій большая часть сходна со скандинавскими, сходство простирается даже до мелочей во внѣшней отдѣлкѣ и является въ особенности выдающимся у насъ на топорѣ, изображенномъ на табл. III, фиг. 2, и на другомъ, нарисованномъ у Нильсона, табл. VI, фиг. 143 ¹⁾. Разница въ томъ, что большинство скандинавскихъ топоровъ состоятъ изъ твердыхъ породъ, преимущественно кварцевыхъ, изъ кремня, тогда какъ олонекіе топоры дѣлались главнымъ образомъ изъ глинистаго сланца: таковы наши топоры, таковы же и Бутеневскіе изъ Петрозаводскаго уѣзда ²⁾. Топоры, обточенные изъ болѣе твердыхъ породъ, были сравнительно рѣдки; одинъ такой изъ нѣсколькихъ слюдистаго кварцита найденъ нами на Кумбасъ-озерѣ и изображенъ на табл. IV, фиг. 1; другой, также изъ кварцита, можетъ быть, по своей значительной твердости, не былъ подвергавъ стачиванію и приготовленъ вполне по способу околачиванія; это самый большой изъ всѣхъ нашихъ топоровъ; онъ представленъ на табл. IV фиг. 2. Всѣ найденные топоры являются въ формѣ клина, сточеннаго съ двухъ сторонъ; продольныя ребра ихъ иногда выдаются весьма рѣзко, иногда же и они стачивались. Остріе топоровъ доводилось до большой тонкости; сохранившіеся ясно у нѣкоторыхъ (см. табл. II, фф. 2, 3, 4, табл. III, ф. 1 и табл. IV, ф. 1), у другихъ оно значительно поломано (табл. III, ф. 2). Видимо, что остріе, будучи разъ поломано, восстанавливалось снова; это замѣтно на оригиналѣ фиг. 2, табл. II ³⁾. Величина найденныхъ нами топоровъ весьма различна: отъ самаго меньшаго (табл. II, ф. 2), достигающаго 70 мм. въ длину и 32 мм. въ ширину, она видоизмѣняется въ самыхъ большихъ отъ 190 мм. въ длину, и 73 мм. въ ширину (табл. VI, фиг. 1) до 247 мм. въ длину и 83 мм. въ ширину (табл. IV, фиг. 2).

¹⁾ То же сходство въ общихъ чертахъ простирается и на Швейцарію, см. *Le Non*, стр. 152 и пр.

²⁾ Нѣкоторыя соображенія о первоб. обитателяхъ Сѣв. Россіи, статья *Бутеневъ* въ Зап. Геогр. Общ. 1868 г., кн. I, стр. 13.

³⁾ О случаяхъ многократнаго стачиванія топоровъ см. *Nilsson*, стр. 89.

Между указанными формами не найдено совершенно характерное орудіе, значительно впрочемъ распространенное въ Олонецкой губерніи; это *долото*, остріе котораго образовано выпуклостью съ одной стороны и вырѣзкой или корытообразною впадиной, соответствующею нижней выпуклости.—съ другой; такого рода орудія въ Олонецкой губерніи были находимы Бутеневымъ и Рыбниковымъ¹⁾ и въ Прибалтійскомъ краѣ—Гревингкомъ²⁾. Назначеніе ихъ Бутеневъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Такия орудія могли также частію служить для обдѣлки деревянныхъ издѣлій, а равнымъ образомъ, могли употребляться для сдиранія еловой коры, которая, вѣроятно, употреблялась древними жителями этого края въ пищу, какъ и теперь еще употребляется въ Лапландіи. На этотъ предметъ, по свидѣтельству ученаго Кастрена, посѣтившаго Лапландію въ 1849 году, каждая Лапландка носитъ на своемъ поясѣ костяное или роговое орудіе, къ этой работѣ приспособленное. Сосновая кора для пищи сдирается въ видѣ лентъ, по направленію длины дерева, и должна быть снята чисто, безъ древесины, потому что въ пищу можетъ идти только заболонь, и означенныя орудія могли быть на это совершенно пригодны, почему я и назвалъ ихъ скребками“³⁾. Если согласиться съ существованіемъ потребности у прежнихъ обитателей, выставленной въ вышесказанной цитатѣ, то нужно признать также, что одно изъ орудій, изображенныхъ у насъ (табл. IV, фиг. 4), могло болѣе, чѣмъ всякое другое, удовлетворять этой цѣли; это четырехугольный сланцевый брусокъ, напоминающій *рубанокъ*; задній его конецъ обить такъ, что представляется выпуклымъ и закругленнымъ, и за него удобно держать орудіе въ томъ случаѣ, когда нужно, придавивъ его, водить по какой-либо поверхности; нижнее ребро на передней вогнутой плоскости весьма остро, такъ что если все орудіе приставить къ какому-либо тѣлу, держа его нѣсколько подъ угломъ, то неровности тѣла, при движеніи орудія, будутъ сглаживаться; что орудіе такимъ именно

¹⁾ Письма Рыбникова и Держа въ V т. Извѣст. Археолог. Общ., табл. I, фф. 3 и 5.

²⁾ Das Steinalter der Ostseeprovinzen, стр. 8 и табл. II, фиг. 20.

³⁾ Бутеневъ, стр. 9.

образомъ употреблялось, доказываютъ штрихи и значительно стертая поверхность на нижней поверхности, около острія; на задней части этого орудія сглаживанія не имѣется, такъ какъ она при работѣ не должна была соприкасаться съ тѣломъ; при работѣ больше всего стиравшееся остріе не исчезало, а постоянно вновь восстанавливалось на счетъ верхней части, вогнутой къ нижней поверхности. Такое орудіе одинаково могло служить какъ для сглаживанія дерева, сниманія древесной коры, такъ для и скобленія кожъ и прочаго. Вѣроятно, къ такого же рода орудіямъ должно принадлежать представленное на табл. III, фиг. 3; но специальное его назначеніе рѣшить пока не возможно; являясь нѣсколько сдавленнымъ съ боковъ *конусомъ*, на вершинѣ оно усѣчено и имѣетъ не глубокую выемку, идущую по одной изъ сторонъ къ основанію; на отъѣненномъ его боку, около бороздки, искусственно сдѣлано углубленіе, какъ-бы мышиными зубами; въ него удобно помѣщается большой палецъ въ то время, когда указательнымъ и среднимъ охватывается неровное основаніе конуса; въ такомъ положеніи орудіе могло бы быть весьма пригодно для околачиванія другихъ, но для этого самая порода, сланецъ, весьма мягка, а для рѣзанія или скобленія нѣтъ, и по видимому, не было на вершинѣ никакого острія.

Не возможно угадать назначеніе орудія на табл. II, фиг. 4; это неправильный сланцевый *цилиндръ*, вокругъ, съ боковъ и съ верней на рисунокъ стороны обточенный, а снизу видимо обломленный. Трудно также указать назначеніе орудія на табл. II, фиг. 1; оно похоже на обломокъ большаго копья; съ двухъ сторонъ оно ограничено двумя шероховатыми плоскостями, пересѣкающимися подъ значительнымъ угломъ, съ третьей стороны оно овально и отчасти сточено, съ остатками бороздъ отъ тренія объ точило; вершина его сравнительно тупа.

Орудія, подобныя изображенному на табл. IV, ф. 3. съ верхней стороны, были уже раньше находимы въ Олонецкой губерніи частію Н. О. Бутеневымъ ¹⁾, частію П. Н. Рыбниковымъ ²⁾. Въ указанной

¹⁾ Бутеневъ, стр. 11.

²⁾ Письма въ Изв. Арх. Общ., т. V, табл. I, фф. 8, 9, 11.

статье первый изъ авторовъ сдѣлалъ объясненіе ихъ назначенію для разбитія льда во время зимы, по аналогіи съ такими же орудіями сѣверо-американскихъ дикарей, употребляемыми для дѣланія прорубей во время рыбной ловли. Дѣйствительно, это объясненіе весьма мирится съ картиной жизни на нашемъ сѣверѣ, съ его холодами и вьюгами; какъ современные жители Олонецкой губерніи въ продолженіе всей зимы должны употреблять всѣ средства достать рыбу изъ-подо льда, для чего съ помощію печни должны въ разныхъ частяхъ озеръ и рѣкъ надѣлать много отверстій и пропускать подъ ледяной покровъ неводъ, тянуть его тамъ на большихъ разстояніяхъ, такъ, вѣроятно, чувствовали въ томъ потребность и до-историческіе обитатели этого края и вырабатывали въ упомянутой *долбнѣ* орудіе, соотвѣтствующее печнѣ. Долбня, какъ это можно судить даже по Кумбасъ-озеру, гдѣ она была найдена, составляла необходимую принадлежность всякаго домашнего очага.

За всѣми этими орудіями слѣдуетъ еще одинъ рядъ орудій, встречающихся въ Олонецкой губерніи,—разнаго вида *молотки* и *стѣкеры*, съ отверстіями по срединѣ; мнѣ лично не удалось такихъ добыть, но они показаны у гг. Бутенева ¹⁾ и Рыбникова ²⁾. Распространеніе этихъ орудій проходитъ черезъ Прибалтійскій край ³⁾ и Скандинавію ⁴⁾, на западъ, въ Данію и пр.; они связываютъ такимъ образомъ каменный вѣкъ нашего Сѣвера съ западно-европейскимъ ⁵⁾.

Копья и *стрѣлы*, также входили въ число необходимыхъ принадлежностей до-историческихъ обитателей Олонецкаго края; и эти орудія значительно распространены въ Олонецкой губерніи; различіе между копьемъ и стрѣлой заключалось въ ихъ величинѣ; наконечники копій въ Скандинавіи, сдѣланные изъ кремня, достигали иногда до 362—371 мм. въ длину, при чрезвычай-

¹⁾ Бутеневъ, стр. 7.

²⁾ Письма въ Изв. Арх. общ., т. V, табл. I, рис. 2 и 4.

³⁾ Grewingk, Das Steinalter, табл. I, фф. 1—11.

⁴⁾ Nilsson, табл. VIII.

⁵⁾ Le Hon, 157.

чайной тонкости выдѣлки ¹⁾. У насъ пока найдено весьма мало подобныхъ, кромѣ одного, представленнаго Бутеневымъ ²⁾. Большинство наконечниковъ, найденныхъ мною, принадлежитъ стрѣламъ, что не служитъ впрочемъ доказательствомъ отсутствія въ здѣшнемъ краѣ и болѣе значительныхъ по размѣрамъ наконечниковъ копій, такъ какъ эти послѣдніе, благодаря своей величинѣ, скорѣе могли быть замѣчены жителями, истреблены на кремни и утрачены,—ибо о такихъ случаяхъ я слышалъ нерѣдко. Впрочемъ, и въ величинѣ наконечниковъ стрѣлъ существуетъ значительная разница: наибольшій изъ представленныхъ на рисункахъ (табл. VI, фиг. 7) имѣетъ 85 мм. въ длину и 23 въ ширину; наименьшіе отъ 29 до 30 мм. въ длину и отъ 14 до 18 въ ширину (табл. V, фф. 1 и 4). Эта разница въ величинѣ объясняется различіемъ назначенія этихъ орудій: каждый изъ наконечниковъ предназначался, соответственно своимъ размѣрамъ, на большое или малое животное; какъ Алеутъ нападалъ въ былыя времена, очень впрочемъ недавнія, на людей и большихъ звѣрей съ большими стрѣлами, а мелкихъ звѣрей и птицъ убивалъ стрѣлами меньшихъ размѣровъ ³⁾, такъ, вѣроятно, было и съ первобытными обитателями Олонецкой губерніи: на лося или оленя они готовили большія стрѣлы, чѣмъ на бѣлку, бобра и пр. ⁴⁾.

Въ отдѣлѣ всѣхъ стрѣлъ, состоящихъ изъ кремня, на ряду съ изяществомъ и искусствомъ, замѣчается нѣкоторая грубость; особенною аккуратностью отличаются экземпляры на табл. V, фиг. 3 и на табл. VI, фиг. 8. Отъ этихъ формъ, имѣющихъ себѣ подобныхъ много другихъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, существуетъ постоянный переходъ черезъ фф. 1, 2, 4, 5, 6 на табл. V, къ другимъ, въ родѣ фиг. 2, табл. VI; эта форма до такой степени

¹⁾ Nilsson, стр. 56.

²⁾ Бутеневъ, стр. 7, фиг. 3.

³⁾ См. Описаніе Камчатки Крашенинникова, изданіе 1818 г., прибавленіе т. II стр. 290.

⁴⁾ Однако здѣсь не пришлось находить такихъ маленькихъ наконечниковъ, какіе мнѣ попадались около Тунки, въ Восточной Сибири: здѣсь наименьшій имѣлъ 12 мм. длины и 5 мм. ширины; см. Поляковъ, Поѣздка въ Вост. Саяны, въ Отчетѣ Сиб. Отд. Г. Общ. за 1868 г., стр. 141.

неудачна, что вполне напоминает по характеру работу древнѣйшихъ подобныхъ орудій изъ эпохи мамонта въ Западной Европѣ ¹⁾; что же касается до оригинала на фиг. 9, имѣющаго форму стрѣлы, то онъ легко могъ употребляться въ видѣ криваго ножа, подобнаго тѣмъ, какіе находятся въ Скандинавіи и до нынѣ употребительны у Эскимосовъ ²⁾.

Гораздо ближе подходятъ къ типу первобытныхъ *ножей* орудія, изображенныя на табл. VI, фф. 4 и 5; послѣдняя изъ формъ болѣе случайная и имѣетъ отчасти себѣ подобныя въ Скандинавіи ³⁾; первая принадлежитъ къ типу ножа, на табл. I, фиг. 4, а этотъ въ свою очередь является почти тождественнымъ по формѣ съ ножомъ изъ Бельгіи, весьма древняго типа ⁴⁾; ядра, отъ которыхъ быстрымъ ударомъ откалывались такіе ножи, многочисленны въ Бельгіи и извѣстны также изъ Олонецкой губерніи ⁵⁾. Кромѣ этихъ, мною собрано еще нѣсколько подобныхъ ножей, оставшихся не нарисованными.

Пораженіе враговъ камнями было въ ходу у насъ на Сѣверѣ и въ историческія времена, и не сомнѣнно, что и первобытные обитатели придерживались этого способа самозащиты и нападенія, можетъ быть, въ видѣ *праши*, какъ это доказано Нильсономъ для Скандинавіи; округленныя формы камней, хотя происшедшіе по видимому естественнымъ путемъ, неслучайно попадались около бывшихъ жилищъ первобытныхъ людей, по Лужандозеру и на Кумбасъ-озерѣ.

Двѣ фигуры 7 и 8, представленныя на табл. V, указываютъ еще на одинъ родъ занятій и наводятъ на мысль о существованіи у нашихъ обитателей ряда орудій *рыболовческихъ*. Если мы представимъ себѣ, что многіе изъ нынѣ живущихъ дикарей имѣютъ рыболовческія орудія въ видѣ кремневыхъ и костяныхъ крючковъ, гарпуновъ и еще въ недавнее время употребляли каменные *грузила*, съ помощію которыхъ леса погружалась на глубину, вмѣстѣ съ крюч-

¹⁾ *Le Hon*, стр. 63, 64.

²⁾ *Nilsson*, стр. 61, V, фф. 85—89.

³⁾ Тамъ же, V, фф. 84 и 85.

⁴⁾ *Le Hon*, стр. 128.

⁵⁾ Письма въ Изв. Арх. Общ., т. V, табл. 1, ф. 12.

комъ, а также, что подобныя принадлежности находимы были въ ископаемомъ состояніи ¹⁾, то согласимся, что и первобытные обитатели Олонецкой губерніи не составляли въ этомъ отношеніи исключенія.

Двѣ вышепредставленныя формы, найденныя на берегу Тудозера, вмѣстѣ съ другими принадлежностями, составляютъ грузила, изъ которыхъ фиг. 8 совершенно сходствуетъ съ употребляющимися тамъ въ настоящее время свинцовыми и почти такой же величины. Отличаются онѣ отъ эскимосскихъ, древне-скандинавскихъ ²⁾ и даже финляндскихъ ³⁾ вытянутою цилиндрическою или сжатою съ боковъ формой и вмѣсто бороздъ вокругъ всего грузила имѣютъ для прикрѣпленія лесы отверстія, но далеко не имѣютъ той величины, какъ иноземные снаряды; это зависитъ впрочемъ отъ того, что Финляндцы и Скандинавы ловили рыбу на глубинахъ и въ моряхъ съ сильными течениями, тогда какъ нашимъ приходилось заниматься рыболовствомъ, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, на небольшомъ озерѣ, или можетъ быть, на Онегѣ.

При всей вышеописанной обстановкѣ жизни до-историческихъ обитателей Олонецкаго края, при такой массѣ труда, какой требовало приготовленіе всякой домашней принадлежности, трудно допустить, чтобъ у нихъ оставалось хоть сколько-нибудь свободнаго времени на отдыхъ и развлеченіе; почти не возможно думать о томъ, чтобъ они могли заботиться о чемъ-либо, не касающемся непосредственно желудка и его настоячивыхъ требованій. Однако это оказывается не такъ: жители удѣляли немало времени на удовлетвореніе своего чувства изящнаго. Въ недавнее время часы досуга Алеутовъ, употреблявшихъ на свои издѣлія кость и камень, описываются на основаніи показаній разныхъ путешественниковъ, такимъ образомъ: „Въ досужное время они занимаются также обработываніемъ разныхъ издѣлій, служащихъ для игръ, домашняго употребленія или для украшеній, именно же: дѣланіемъ бубенъ, побрякушекъ изъ носковъ топориковыхъ, деревянныхъ чашекъ и другой посуды, дере-

¹⁾ Nilsson, стр. 39, — 55.

²⁾ Nilsson, табл. II, фф. 31—34, и XI, фф. 216—217.

³⁾ Aspelin, Kokoilemia Muinaistutkinnon alafia, фф. 25—26.

вянныхъ шляпъ, также разныхъ рѣзныхъ изображеній изъ кости, какъ-то: человѣческихъ фигуръ, рыбъ, морскихъ зверей и птицъ, и въ сей рѣзбѣ оказываютъ нѣкоторые успѣхи. Упражненіе же женщинъ состоитъ въ плетеніи травяныхъ ковровъ, мѣшечковъ, корзинковъ и бумажниковъ, что дѣлаютъ съ отмѣннымъ искусствомъ, украшая оныя издѣлія разными симметрическими фигурами. Траву для сего раздѣляютъ на двое ногтемъ, который у каждой мастерицы отточенъ и заостренъ бываетъ на указательномъ перстѣ и проч.¹⁾ То же самое было, вѣроятно, въ самыя древнѣйшія времена, когда люди съ натуры рисовали на своихъ орудіяхъ мамонта, вымершихъ оленей, козловъ и пр. Обитатели Олонецкой губерніи придерживались тѣхъ же правилъ: найдено орудіе съ весьма правильно высѣченною головою лося²⁾ и другое — съ рельефно вырѣзанною головою медвѣды³⁾. Вѣроятно, къ украшеніямъ же принадлежитъ *кружокъ* съ отверстіемъ по срединѣ, найденный нами на Кумбасъ-озерѣ (т. V, ф. 9); онъ состоитъ изъ мелкозернистаго кварцита и имѣетъ много себѣ подобныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ⁴⁾, въ Финляндіи⁵⁾ и въ Скандинавіи, гдѣ подобнаго рода издѣлія дѣлались изъ янтаря⁶⁾.

Фактъ, что жители стремились соединить полезное съ пріятнымъ, удобство предмета съ нѣкоторымъ его изяществомъ и красотою, ясно выступаетъ передъ нами на весьма большомъ количествѣ найденныхъ обломковъ горшковъ. Глиняная посуда была здѣсь, въ осмотрѣнныхъ мною мѣстностяхъ, такою же необходимою принадлежностью жилья, какъ въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, въ Даніи и въ Скандинавіи; какъ у жителей этихъ странъ вмѣстѣ съ другими народами, стоящими вообще на довольно низкой степени развитія, такъ и у Олончанъ каменнаго вѣка посуда была сдѣлана изъ глины, съ большимъ содержаніемъ пе-

¹⁾ Приложение къ Описанію Камчатки Крашенинникова, т. II, стр. 286.

²⁾ Бутеневъ, стр. 8, фиг. 5.

³⁾ Письма въ Изв. Арх. общ., т. V, табл. I, фиг. 2.

⁴⁾ *Grewingk*, стр. 23, фиг. 26.

⁵⁾ *Aspelin*, фиг. 22.

⁶⁾ *Nilsson*, стр. 109, табл. IX, фиг. 199 и пр.

ску¹⁾; какъ и въ Швейцаріи²⁾, горшки встрѣчались намъ только въ видѣ обломковъ, по которымъ, конечно, не возможно опредѣлить формы въ цѣломъ. Только одинъ изъ обломковъ представлялъ намъ форму широкаго и низкаго конуса, со впадиной внутри; снаружи онъ гладокъ, и на немъ трудно видѣть даже часть сосуда, которую онъ составлялъ. Большинство обломковъ принадлежитъ къ окраиннымъ или боковымъ частямъ сосудовъ, изъ которыхъ первые представлены на табл. VII; отсюда видно, что горшки съ вѣншей стороны украшались разнообразными узорами, состоящими изъ рядовъ бороздокъ, съ правильными на ихъ глубинѣ четырехугольными вдавленіями; бороздки располагались наклонными и параллельными другъ другу рядами (фиг. 1), или зигзагами между окраинною линіей и бороздкою, ей параллельною (фиг. 2); два ряда бороздокъ сходились подъ угломъ другъ къ другу (фиг. 5), лежали параллельно окраинамъ (фиг. 4), или наконецъ, раздѣлялись ямочками (фиг. 3), составляющими второй элементъ въ разнообразныхъ комбинаціяхъ узоровъ на посудѣ. Ямки въ рѣдкихъ случаяхъ не глубоки; по большей же части онѣ проходятъ черезъ всю весьма толстую стѣнку горшка, и на внутренней сторонѣ получаютъ соответственные ряды выпуклинъ; на мѣстахъ этихъ ямочекъ стѣнки горшка являются весьма тонкими и легко проламываются; ямки иногда имѣютъ форму пирамидальную, продавленную какъ-бы четырехугольною пирамидкой (фиг. 1 и 27), и правильно цилиндрическую (фиг. 3 и 5), что бываетъ чаще³⁾; такіа ямки располагаются въ нѣсколько рядовъ, въ четыре или пять, и обломокъ представляетъ тогда форму сота. Ямки находились преимущественно на срединѣ, какъ. напримѣръ, на фиг. 4, и вѣроятно, въ нижнихъ частяхъ стѣнокъ

¹⁾ То же самое было мною найдено въ посудѣ каменнаго вѣка, изъ окрестностей Тунки въ Восточной Сибири; см. объ этомъ: *Поляковъ*, Поѣздка въ Восточн. Саянъ, въ Отч. Сиб. Отд. Р. Г. Общ. за 1868 г., стр. 140.

²⁾ *Le Pou*, стр. 163.

³⁾ На Тудозерѣ вмѣстѣ съ горшками, были найдены такого рода пирамидки или же цилиндрики изъ сланца, которыми жители дѣлали эти ямки. Эти вещицы на таблицахъ не представлены.

горшка. Можно полагать, что присутствіе ихъ на посудѣ обязано не только стремленію жителей къ изящному, но можетъ быть, и тому соображенію, что въ подобныхъ горшкахъ вода могла быстрое нагрѣваться и кипѣть. Можетъ быть также, къ числу украшеній на горшкахъ относится найденный нами слѣпокъ изъ глины; онъ представляетъ спираль, совершенно сходную по формѣ съ нынѣ живущею въ окрестностяхъ Тудозера раковиною *Planorbis*; ей же равняется онъ по величинѣ, такъ что легко можно допустить, что онъ составлялъ какое-нибудь ушко у горшка или же отдѣльное украшеніе въ дамскомъ туалетѣ.

Итакъ, мы имѣли случай кратко очертить всѣ формы принадлежностей каменнаго вѣка, найденныя нами на юго-востокѣ Олонецкой губерніи; но при этомъ мы сохраняемъ убѣжденіе, что жители обладали и различными другими подобными же предметами, которые остаются пока въ неувѣстности, но неизбѣжно для послѣдователей удобнаго случая столкнуться съ ними; такъ, издѣлія изъ кости встрѣчаются далеко на Востокѣ и на Западѣ, и нѣтъ вѣроятности, чтобъ они отсутствовали въ Олонецкой губерніи. Всѣ извѣстныя орудія Олонецкой губерніи состоятъ изъ камней, относящихся къ различнымъ горнымъ породамъ: это видоизмѣненія глинистаго сланца, сланецъ хлоритовый, кварцитъ, гнейштейнъ, афанитъ, видоизмѣненія кремня и глины ¹⁾; преобладающими въ издѣліяхъ породами являются глинистый сланецъ, кремни и глина; глина по всему юго-востоку губерніи не представляетъ недостатка. Но по отношенію къ кремню и сланцамъ жители каменнаго вѣка стояли въ различныхъ условіяхъ; въ однихъ мѣстахъ трудно было доставать камень, въ другихъ — глинистый сланецъ, если только объ этомъ судить по тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыми мы располагаемъ; притомъ жители, какъ туземцы, могли въ деталяхъ лучше насъ знать ихъ распространеніе въ окрестностяхъ. Жители по юго-восточному берегу Онежскаго озера, особенно Тудозерскіе, были хуже другихъ обеспечены глинистымъ сланцемъ, такъ какъ онъ непосредственно, въ коренныхъ мѣсторожденіяхъ, встрѣчается только на сѣверо-западномъ берегу Онега ²⁾; но они могли добывать его

¹⁾ Въ опредѣленіи породъ я обязанъ участію А. А. Иностранцева.

²⁾ *G. von Helmersen*, Das Olonezer Bergrevir, см. карту.

отчасти и въ мѣстныхъ наносахъ; въ свою очередь жители сѣверо-западнаго берега, обеспеченные изобиліемъ сланца, вѣроятно, нуждались въ кремнѣ и должны были за нѣмъ отправляться на юго-восточный берегъ, въ область каменноугольной формаціи; даже самые Тудозерцы должны были переходить значительныя разстоянія, въ десятки верстъ, если не больше, чтобы добыть тотъ же камень. Въ аналогичныхъ съ Тудозерцами условіяхъ стояли жители Водли, на восточномъ берегу Онега, до Кумбасъ-озера и Кенозера, гдѣ разстояніе отъ кореннаго мѣстозалеганія глинистаго сланца—наибольшее, и гдѣ камень встрѣчается уже въ самыхъ мѣстныхъ наносахъ, а залеганіе его находится въ ближайшихъ окрестностяхъ. Такимъ образомъ, и здѣшніе жители должны были уходить на поиски за глинистымъ сланцемъ или вымѣнивать его на камень. Что же касается до послѣдняго, то несомнѣнно, что онъ относится къ развитой здѣсь каменноугольной формаціи; это доказывается отпечатками животныхъ на нѣкоторыхъ кремневыхъ обломкахъ, привезенныхъ мною отсюда. По опредѣленію А. А. Иностранцева, специально занимавшагося здѣсь изученіемъ этой формаціи, въ отпечаткахъ сохранились: *Productus semireticulatus* Mart., *Productus longispinus* Flem., *Productus scabriculus* Mart., *Amplexus connicus* Fisch. и стебли криноидей. Другія породы были въ гораздо меньшемъ употребленіи; нѣкоторыя изъ нихъ могли встрѣчаться въ видѣ валуновъ, какъ кварцитъ, и такимъ образомъ доставляли матеріалъ для поделокъ ¹⁾; для прочихъ допустить это весьма трудно, напримѣръ, для хлоритоваго сланца: залегаетъ онъ довольно далеко, на сѣверъ отъ Онежскаго озера ²⁾, а между тѣмъ орудія изъ него встрѣчались на Кумбасъ-озерѣ, въ окрестностяхъ котораго неизвѣстно также распространеніе афанита, входящаго также въ число матеріаловъ для производства орудій.

За всѣмъ сказаннымъ, остается еще одинъ, самый интересный вопросъ, къ рѣшенію котораго нѣтъ однако никакихъ, даже приблизительно вѣрныхъ данныхъ; это вопросъ о племенныхъ свой-

¹⁾ См. *G. von Helmersen*, Studien etc., стр. 2—3.

²⁾ А. Иностранцевъ, Геологич. обзоръ и пр., см. карту.

ствахъ людей, оставившихъ намъ вышеописанныя принадлежности. Опредѣлить время процвѣтанія культуры каменнаго вѣка въ осморгрѣнной нами мѣстности не возможно. Языкъ тамошнихъ древнихъ обитателей въ данномъ случаѣ не можетъ быть какимъ бы то ни было образомъ восстановленъ. Сторона бытовая, принадлежности домашнего хозяйства, занятія также къ рѣшенію вопроса не могутъ быть приложены: на основаніи этихъ данныхъ пришлось бы привести нашихъ обитателей въ тѣсное родство съ давно вымершими народами, или же съ до сихъ поръ живущими въ разныхъ концахъ земнаго шара. Есть еще одинъ путь, не рѣдко считающійся достаточно вѣрнымъ для рѣшенія племеннаго вопроса, — путь краниологическій; но и череповъ вмѣстѣ съ орудіями нами не найдено. Итакъ, приходится остановиться на догадкахъ. Самъ по себѣ черепъ есть величина измѣнчивая, но все же, оставшись отъ вымершаго народа, онъ есть уже вѣрный, положительный фактъ, форма, сравнимая съ другими подобными величинами; а потому, при всѣхъ недостаткахъ метода, и нужно пользоваться черепомъ, хотя крайне осмотрительно. На предѣлы измѣнчивости черепа указываетъ и Дарвинъ: „Хотя въ однихъ частяхъ свѣта преобладаетъ удлиненная форма черепа, а въ другихъ короткая, но даже и въ предѣлахъ той же расы, какъ напримѣръ, у туземцевъ Америки или южной Австраліи, существуетъ *значительное разнообразіе въ формахъ черепа*, что замѣчается уже на такомъ ограниченномъ пространствѣ, какъ Сандвичевы острова“ ¹⁾. Съ такимъ же разнообразіемъ череповъ, только въ гораздо большихъ предѣлахъ, встрѣчаются въ настоящее время антропологи у насъ на Сѣверѣ, въ средѣ различныхъ племенъ такъ называемаго Финскаго семейства; здѣсь существуютъ чистые брахикефалы на ряду съ долихокефалами совершенно опредѣленнаго типа ²⁾; притомъ извѣстно, что въ Московской губерніи существовало курганное племя, совершенно обособленное по своему черепу ³⁾, рядомъ съ Тверскимъ, не

¹⁾ Происхожденіе человека и полов. подборъ, перев. въ журн. „Знаніе“ 1871 г., стр. 57.

²⁾ См. А. Бѣдановъ, Матеріалы для антропол. кургана: періода въ Моск. губ., стр. 174 и 175. Вогулы—долихокефалы по Бѣру, *Melanges biolog.*, 1863, IV, стр. 97.

³⁾ Бѣдановъ, стр. 173.

имѣвшимъ ничего общаго ни съ Славянскимъ, ни съ Турецкимъ, ни съ Финскимъ племенемъ ¹⁾, и которое вымерло. Если признать все это разнообразіе типовъ происшедшимъ отъ одного корня, то потребовался бы громадный періодъ времени; скорѣе можно искать причину его въ отдѣльности и самостоятельности происхожденія нѣкоторыхъ типовъ черепа, принадлежащихъ различнымъ племенамъ въ антропологическомъ смыслѣ ²⁾. Если же это такъ, то есть вѣроятность, что и жители каменнаго вѣка Олонецкой губерніи могли составлять самостоятельный народъ, съ своими племенными свойствами, съ своею особенною культурой, весьма сильно распространенною и развитою, сравнительно чистою, лишенною металловъ.

Если курганное племя Московской губерніи считается болѣе древнимъ ³⁾, чѣмъ Финское, то нужно полагать, что Олонецкое каменнаго вѣка было древнѣе курганнаго: курганы распространены въ Олонецкой губерніи и ея окрестностяхъ, и кажется, не безъ металловъ. Первобытное племя могло быть стерто или поглощено курганнымъ или Финскими народцами, которые въ свою очередь также не отличались высокимъ развитіемъ на Сѣверѣ.

Не рѣшаясь однако же неизвѣстное отыскивать по неизвѣстному же, я представляю другимъ опредѣлить отношеніе нынѣ живущихъ на Сѣверѣ народовъ къ тѣмъ, которые уже вымерли. Тѣмъ не менѣе, предполагая, что слѣды каменнаго вѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи едва ли относятся къ Финнамъ, я дальше, въ слѣдующей статьѣ, представляю нѣкоторые данныя въ пользу того, что и Финны въ свою очередь не обходились тамъ въ былые времена безъ каменныхъ принадлежностей.

¹⁾ *Berg*, *Melanges biol.*, III, 1858, стр. 44 и 49; цитировано у *Рунге*, *Четвероземь*, стр. 97.

²⁾ *Болдановъ*, стр. 176.

³⁾ *Тамъ же*, стр. 173.

Взглядъ на экономическое состояніе и современный бытъ жителей, въ связи съ природою и развитіемъ культуры на Сѣверѣ.

I.

Финскія племена: звѣроловы и рыболовы.—Отношенія къ нимъ первыхъ Славянскихъ поселенцевъ аналогичны тому, что позднѣе было въ Сибирѣ.—Причины вымиранія туземцевъ: вліяніе Новгородской власти; измѣненіе природы и культура Сѣвера; указаніе на истребленныхъ животныхъ: кабанъ, бобръ, соболь.—Вымираніе туземцевъ шло путемъ экономическимъ; инородцы плохо принимаются за земледѣліе, причины того. — Условія и значеніе метисаціи Славянъ съ туземцами.

Въ настоящее время трудно рѣшить съ достаточною достовѣрностію вопросъ о томъ, кто были первобытные обитатели нашего Сѣвера, и состояли ли они изъ разныхъ племенъ, или изъ одного, о которомъ исторія такъ охотно молчитъ или сообщаетъ крайне отрывочныя и малоточныя данныя, изъ того именно племени, остатки котораго до сихъ поръ подъ разными названіями тамъ существуютъ. Разборъ принадлежностей каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи показываетъ намъ только то, что здѣсь довольно продолжительно и широко распространялась грубая человѣческая культура, принадлежавшая, по видимому, другимъ народамъ, чѣмъ Финскіе, и притомъ, нѣтъ научныхъ основаній предполагать, что здѣсь не процвѣтала цивилизація болѣе первобытная. Однакожь, оставляя въ сторонѣ область догадокъ, остановимся на Финскихъ поколѣніяхъ, такъ на послѣднемъ звенѣ до-исторической жизни, съ которыми толкнулись здѣсь представители славянскаго элемента.

Финны во многихъ мѣстахъ нашего Сѣвера и до сихъ поръ остаются на весьма низкой степени развитія; тѣмъ болѣе было акъ въ періодъ вторженія сюда Новгородцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, участіе сѣверо-западной вѣтви Финновъ — Лапландцевъ, въ вленіяхъ каменнаго вѣка въ Скандинавіи доказано ¹⁾, и притомъ, ни еще сто лѣтъ тому назадъ дѣлали орудія изъ кости. Что же касается до племенъ, жившихъ восточнѣе, то имѣются указанія —

¹⁾ Nilsson, Les habitants primitifs de la Scandinavie, стр. 238 и слѣд.

правда, въ источникахъ весьма позднихъ—на существованіе и у нихъ каменнаго вѣка и даже на господство въ средѣ ихъ грубаго фетишизма; они будто бы не только *убивали зѣвря каменемъ* или палицей, но и *боготворили* эти орудія ¹⁾. По тѣмъ же извѣстіямъ видно также, что предшественники русскихъ поселенцевъ на Сѣверѣ не имѣли постоянныхъ жилищъ и жили какъ звѣрь въ расщелинахъ горъ; извѣстный рассказъ начальной лѣтописи о маленькомъ оконцѣ, просѣченномъ изъ середины горы, въ странѣ племени Югра, довольно ясно указываетъ на пещерныя или земляночныя жилища, о коихъ въ позднѣйшее время говорятъ путешественники: „Вся Сямойдская земля въ нынѣшней Мезенской округѣ наполнена запустѣвшими жилищами нѣкоего древняго народа. Находятъ оныя на многихъ мѣстахъ, при озерахъ на тундрѣ и въ лѣсахъ при рѣчкахъ, сдѣланныя въ горахъ и холмахъ на подобіе пещеръ съ отверстіями, подобными дверямъ“ ²⁾. Число такихъ жилищъ увеличивается по направлению къ Уралу ³⁾. Изъ описанія самихъ пещеръ видно, что онѣ были весьма значительныхъ размѣровъ: нѣкоторыя изъ нихъ длиною въ пять, шириною въ три и высоту въ одну сажень ⁴⁾. Очевидно, что онѣ служили убѣжищемъ для нѣсколькихъ семействъ, какъ это было найдено Крашенинниковымъ въ хижинахъ Камчадаловъ ⁵⁾.

Въ тѣсной связи съ первобытнымъ каменнымъ вооруженіемъ и жилищами должны были стоять и промыслы жителей; звѣроловство и рыболовство, безъ сомнѣнія, находились у нихъ на первомъ планѣ. Слѣдующая картина нашего Сѣвера, нарисованная въ одной изъ грамотъ около 1542 года, типично характеризуетъ состояніе

¹⁾ См. цитату изъ старинной рукописи Соловецкой библіотеки подъ заглавіемъ „Годъ спасенія“ въ письмѣ П. Н. Рыбникова, въ т. V Изв. Археолог. Общ., стр. 478—479; ср. также *Барсова*, Препод. Обонезск. пустынножителю въ Пам. Кн. Олон. губ. за 1868—1869 гг., отд. III, стр. 28; также *Ефименко*, Заволочская Чудь, 1869 г., стр. 16. — По наиболѣе древнимъ Новгородскимъ извѣстіямъ о сѣверо-востокѣ Россіи, занесеннымъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 1096 годъ, видно, что тамъ жилъ народъ, не имѣвшій желѣза и чувствовавшій въ немъ нужду; см. Полн. собр. р. лѣтописей, I, стр. 107.

²⁾ *Лепехинъ*, Путешествіе, IV, стр. 203.

³⁾ *Ефименко*, Завол. Чудь, стр. 131.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 33.

⁵⁾ Описание земли Камчатки, IV, стр. 38 и 41.

его даже въ эпоху, значительно позднюю: „На Усть-цильмѣ рѣкѣ отъ низняго конца Чухинской горы отъ островковъ вверхъ по Печорѣ рѣки по обѣ стороны до Усы рѣки, да по обѣ стороны Цильмы рѣки до Косы рѣки, да по Пижимѣ рѣкѣ, да по Ижимѣ рѣкѣ по обѣ стороны до Великой Пожни, да по Печорѣ рѣкѣ пески, рыбныя ловища и межъ тѣми рѣками рѣчки малыя и озера; по тѣмъ мѣстамъ лѣсъ, дичь и мхи, болота, соколы и кречати садбища, а пашень, да ни покосовъ и рыбныхъ ловищъ на тѣхъ мѣстахъ изстари нѣтъ ницѣныхъ—никакихъ и отъ пашенныхъ людей, отъ двинскихъ и пинежскихъ тѣ рѣчки и соколы садбища отошли далече, верстъ за пятьсотъ и больше“ ¹⁾. Безъ сомнѣнія, подобныя дикія лѣсистыя мѣстности много столѣтій назадъ распространялись еще шире, и этихъ трупобъ или „пустыней непроходимыхъ“ было больше; для хлѣбопашества онѣ потребовали бы большой затраты силъ, а звѣроловство и рыболовство могли быть самымъ выгоднымъ въ нихъ промысломъ. Одинъ изъ современныхъ изслѣдователей исторіи Олонецкаго края, г. Барсовъ, указывая на приобрѣтеніе древними Новгородцами земель въ Обонежьи и на заведеніе тамъ звѣринныхъ и рыбныхъ промысловъ, говоритъ: „Лѣсную глушь представляли починки Обонежской колонизаціи и культуры. Огромныя пространства покрыты были непроходимыми лѣсами, мхами и болотами, съ цѣлыми стадами дикихъ звѣрей. Изъ житія Кирила Чельмогорскаго видно, что городъ Каргополь въ его время окруженъ былъ дикимъ лѣсомъ. По причинѣ частыхъ болотъ, сплошныхъ лѣсовъ и повсюдныхъ водъ, говорить одинъ изъ иностранныхъ путешественниковъ,—эти мѣста были необитаемы и не застроены никакими селеніями. Угодья и урожища были въ лѣсахъ и назывались въ юридическихъ актахъ „лѣшія рѣки, лѣшія озера и лѣшіе лѣса“ ²⁾. Но оставляя въ сторонѣ частныя факты, можно указать на то, что мѣха и шкуры звѣрей Сѣвера служили одною изъ важнѣйшихъ статей торговли Новгорода и поддерживали его значеніе, какъ сѣвернаго торговаго центра, удовлетворяющаго нужды Запада. „Это-то болѣе всего послужило

¹⁾ *Ефименко*, Забол. Чудь, стр. 75.

²⁾ *Барсовъ*, Пам. Ки. Олон. губ. 1868—1869 гг., стр. 3.

Новгородской промышленной предприимчивости и направляло Новгородцевъ къ занятію сѣверо-восточныхъ странъ нынѣшней Россіи. Это-то было поводомъ къ движенію Новгородской колонизаціи въ суровыя страны по близости къ Ледовитому морю. Мѣха соболя, лисы, бобровые, куньи получались изъ Заволочья, Печоры, Югры и Перми двумя способами: посредствомъ государственной дани и покупокъ¹⁾.

Если такимъ образомъ мѣха сѣвера и сѣверо-востока Россіи въ болѣе позднюю эпоху вывозились въ большихъ количествахъ, то вѣроятно, во времена болѣе раннія, до пришествія или въ эпоху вторженія Новгородцевъ въ эти страны, источники добычи мѣховъ были болѣе изобильны, и сѣверъ Россіи уподоблялся тогда Сибири; покрытый сплошными лѣсами, не тронутыми еще сохой и топоромъ, онъ несомнѣнно былъ населенъ такими же звѣроводческими и рыболовческими племенами, подобными которымъ, спустя много столѣтій, были встрѣчены сибирскими героями по рѣкамъ Оби, Енисею, Ленѣ и въ Камчаткѣ; каменный вѣкъ, соболи и бобровыя шубы на дикаряхъ сохранились до весьма сравнительно недавнихъ временъ очевидно потому, что сибирскіе лѣса долгое время не были доступны славянской цивилизаціи. Иное дѣло встрѣчаемъ мы по эту сторону Урала.

Сѣверъ Россіи былъ заселенъ Новгородцами весьма рано, такъ что въ XII столѣтіи по всѣмъ главнымъ сѣвернымъ рѣкамъ, до Бѣлаго моря, было уже русское народонаселеніе²⁾. Обонежье заселялось съ XI вѣка, и многія земли здѣсь принадлежали уже Новгородской знати³⁾.

Результатомъ вторженія Новгородцевъ въ область обитанія Финскихъ племенъ было то, что эти послѣдніе во многихъ мѣстахъ или совершенно исчезли, или выродились, или влечать убого свою жизнь, какъ-бы стоя на дорогѣ къ вымиранию. Въ нынѣшней Новгородской губерніи, одною изъ прежнихъ центровъ пребыванія Финскихъ племенъ, теперь насчитывается самый

¹⁾ Костомаровъ, II, стр. 219.

²⁾ Бѣляевъ, Разсказы изъ Русской исторіи, II, стр. 36.

³⁾ Тамъ же, стр. 36—37.

ничтожный процентъ Финновъ ¹⁾. Вологодская губернія, нѣкогда занятая обитателями изъ Финновъ, остается въ настоящее время свободною отъ нихъ почти на всемъ протяженіи; несомнѣнно, что собственно финскіе обитатели здѣсь вымерли или выродились, кромѣ Зырянъ, продолжающихъ до сихъ поръ сохранять свою народность ²⁾. Многочисленное, по выраженію г. Костомарова, Финское (Корельское) племя, населявшее окрестности Ладожскаго и Онежскаго озеръ, также сузилось въ настоящее время въ своемъ распространеніи, и если не оно, то близкіе его сородичи обитали въ уѣздахъ Витегорскомъ, Каргопольскомъ, по восточному берегу Онежскаго озера, гдѣ на существованіе Финновъ указываютъ частію преданія, а частію и показанія очевидцевъ ³⁾ или фязіономіи современныхъ жителей, какъ на Водлозерь ⁴⁾, но гдѣ въ настоящее время Финновъ нѣтъ. Наконецъ, существуетъ весьма много доказательствъ, что многочисленныя финскія племена Архангельской губерніи также на ряду съ другими вымерли или исчезли безслѣдно, оставивъ лишь воспоминаніе о своемъ существованіи ⁵⁾.

Этихъ фактовъ, я полагаю, будетъ достаточно, чтобы видѣть въ отношеніяхъ Новгородцевъ къ побѣжденнымъ ими сѣвернорусскимъ туземцамъ аналогію съ тѣмъ, что было потомъ и въ Сибирѣ: здѣсь, какъ и въ Россіи, вскорѣ послѣ завоеванія начинается вымрание туземцевъ; многія мѣста, гдѣ прежде жили сильныя и воинственныя племена, теперь остаются пустынными и молчаливыми, или же послѣдніе остатки прежнихъ народовъ заканчиваютъ здѣсь свое существованіе. Укажу для этого на Лену, съ ея притоками, Витимомъ и Олекмою, на окрестности Ба'унта и Прибайкалья ⁶⁾; не дурно также принять во вниманіе подобныя факты, касающіеся Алеутовъ, Остяковъ и туземцевъ Енисейскихъ, по изслѣдованіямъ А. И. Щапова.

¹⁾ *Пушкаревъ*, Опис. Росс. Имп. I. Новг. губ., стр. 69.

²⁾ *Поповъ*, Движеніе народонаселенія въ Волог. губ., въ Зап. Геогр. Общ. по Отд. стат., II, стр. 64.

³⁾ *Костомаровъ*, I, 405; *Ефименко*, 30; *Барсовъ*, стр. 4—5.

⁴⁾ *Поляковъ*. Изв. Геогр. Общ. 1871 г. № 6, стр. 318.

⁵⁾ *Ефименко*, Завол. Чудь, стр. 2, 36—37.

⁶⁾ Отчетъ Сиб. Отд. Геогр. Общ. за 1868 г., стр. 187 и слѣд.

Причины вымирания племенъ въ двухъ странахъ, кажется, совершенно одинаковы, и разница только въ томъ, что Новгородцы раньше начали вносить ихъ на сѣверо-востокъ Россіи, и можетъ быть, они не вездѣ были первыми цивилизаторами звѣроловческихъ туземцевъ ¹⁾; указаніе морехода Отера на хлѣбопашество при устьяхъ Сѣверной Двины, относящееся къ IX вѣку, едва ли можетъ относиться къ Финскому племени, какъ то думаетъ г. Ефименко ²⁾, а вещи, найденныя въ кладахъ Пермской и Вологодской губерній, съ монетами сассанидскими отъ V и VI вв., нѣмецкими и англо-саксонскими X и XI вв. ³⁾, вмѣстѣ съ подобными же находками въ Тверской губерніи, могли составлять нѣкогда достояніе племенъ, не имѣвшего ничего общаго ни съ Славянскимъ, ни съ Татарскимъ, ни съ Финскимъ племенами, какъ то показываютъ найденныя въ Тверскихъ курганахъ черепа ⁴⁾. Въ другихъ же случаяхъ, какъ напримѣръ, относительно хлѣбопашества у Еми (говорится, что Новгородцы въ 1291 году „изсѣкли у ней скотъ и сожгли хлѣбъ“) ⁵⁾, можно предполагать, что оно возникло здѣсь подѣ влияніемъ уже Русскихъ или Шведовъ.

Причины вымирания должны были быть весьма разнообразны; онѣ должны были находиться, съ одной стороны, въ тѣсной связи съ влияніемъ Новгородской власти надъ туземцами, съ другой—съ тѣми физическими переменами, которыя Новгородцы вносили въ самую природу вновь заселяемой ими мѣстности. Отсюда вытекаетъ то заключеніе, что гдѣ сильнѣе была власть Новгородцевъ, гдѣ она меньше знала себѣ предѣловъ, а также, гдѣ больше сосредоточивалось чисто Новгородско-Славянское населеніе, тамъ и вымирание туземцевъ шло наиболѣе сильно и быстро.

Одинъ изъ нашихъ историковъ, именно Н. И. Костомаровъ,

¹⁾ Въ Сибири, по видимому, большинство бродячаго населенія было мало тронуто, до покоренія Русскими, какой бы то ни было цивилизаціей; по крайней мѣрѣ Камчадалы хотя и знали о металлахъ, но не употребляли ихъ, см. *Врашенинниковъ*, Описание Камчатки, 1818 г., II, стр. 49.

²⁾ Заволоч. Чудъ, стр. 4 и 65.

³⁾ Тамъ же, стр. 5 — 6.

⁴⁾ *Рунресетъ*, Гео-ботан. изслѣд. о черноземѣ, стр. 97.

⁵⁾ *Костомаровъ*, I, стр. 401.

изображает Новгородскую власть надъ Финскими племенами, можетъ быть, уже слишкомъ суровою, полагая, что Финны постоянно находились въ полной зависимости отъ Новгородцевъ и были лишены всякой равноправности съ ними, что борьба Финновъ противъ Славянъ была безуспѣшною, и что для поддержанія власти надъ ними Новгородцамъ требовалась особенная сила ¹⁾. Въ противоположность тому, Ив. Д. Бѣляевъ приводитъ рядъ фактовъ въ пользу того мнѣнія, что Финны не были лишены самостоятельности, и въ самоуправленіи имѣли одинаковое право голоса со Славянами: „Не обращая Финновъ въ рабство, не отнимая у нихъ земли и принимая ихъ въ свое сообщество, Славяне завоевывали Финновъ нравственно, претворяли ихъ въ Славянъ, роднили ихъ съ собою и мало по малу довели дѣло до того, что общественные интересы Славянъ и Финновъ слились окончательно... Финны и Славяне“, продолжаетъ еще г. Бѣляевъ,—„считались совершенно одноправными“, такъ „что на общемъ Новгородскомъ вѣчѣ не только голосъ Финна имѣлъ одинаковое значеніе съ голосомъ Славянина, но даже въ выборѣ на высшія должности не было разницы между Финномъ и Славяниномъ“ ²⁾.

Фактовъ за и противъ этихъ двухъ мнѣній достаточно; но допуская даже, что въ нихъ обоихъ есть своя доля истины, нужно полагать, что каждое изъ нихъ, вѣрное въ частностяхъ, не соответствуетъ вполне дѣйствительности въ смыслѣ болѣе обширномъ, общемъ, и что тезисъ, поставленный нами выше, гораздо удачнѣе мирится съ имѣющимися фактами. Новгородцы не были безотносительны или равнодушны къ независимости въ своемъ собственномъ сосѣдствѣ; все, что было около нихъ, они старались подчинить своей волѣ или власти и избирали въ этомъ случаѣ средства, сообразныя съ силою противника; въ томъ случаѣ, гдѣ противникъ могъ оказать значительное сопротивленіе, они прибѣгали къ мѣрамъ дипломатическимъ; чѣмъ дальше былъ

¹⁾ Костомаровъ, I, стр. 18.

²⁾ Бѣляевъ, стр. 45—46. Далѣе г. Бѣляевъ говоритъ о слитіи и обезличиваніи племенъ, такъ какъ извѣстно, что Финны не были истребляемы на Новгородской землѣ.

противникъ, еслибъ онъ былъ даже и слабый, тѣмъ труднѣе было держать его во власти, и здѣсь по неволѣ допускалось мирное его подчиненіе при покореніи. Всѣ Новгородскія владѣнія раздѣлялись по степени подчиненности Новгороду на три разряда, и чѣмъ болѣе данная мѣстность была удалена отъ центра Новгородской власти, тѣмъ болѣею независимостью она пользовалась ¹⁾.

И конечно, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ къ Новгороду Финскія племена были только слабыми его противниками или даже данниками, и въ то время, какъ отдаленная Югра и Чечера сохраняли свою независимость и самоуправленіе, около Чудскаго озера въ средѣ Чуды, жила уже Новгородская дружина, собиравшая дань и державшая туземцевъ въ повиновеніи ²⁾. Если при такихъ условіяхъ одни Финскіе народцы частію по своей близости къ Новгороду, частію, можетъ быть, по своей слабости не могли съ успѣхомъ сопротивляться Новгородской власти, и покорно неся ее на себѣ, пришли къ угасанію и вырожденію, то другіе, болѣе сильныя, долго не могли съ нею примириться, отстаивая свою независимость оружіемъ и набѣгами на владѣнія Новгородцевъ: такова въ особенности была Емь, склонившаяся затѣмъ къ Шведамъ и возбудившая такимъ образомъ продолжительную борьбу между самими Шведами и Русскими; сама же Емь отступила вслѣдъ за этимъ на второй планъ, и благодаря тому, получила болѣе возможности развиваться. Что же касается сѣверо-восточныхъ Финскихъ племенъ, то они, также неохотно подчиняясь Новгородской власти, въ концѣ концовъ пришли таки въ полную зависимость отъ Русскихъ. Здѣсь, собственно въ такъ называемомъ Заволочьи, туземцы, по выраженію г. Костомарова, „отчасти переродились въ Русскихъ, отчасти были истреблены или вытѣснены“.

Покореніе здѣшнихъ туземцевъ состояло не только въ наложеніи на нихъ высокой дани, но даже въ отнятіи у нихъ земель и превращеніи ихъ въ половниковъ ³⁾, такъ что въ эпоху самостоятельности Новгорода Сѣверъ представлялъ по большей части

¹⁾ *Бяляевъ*, стр. 36—43.

²⁾ *Костомаровъ*, I, стр. 403.

³⁾ *Ефименко*, стр. 63.

частную собственность богатых Новгородскихъ фамилій ¹⁾. Такое положеніе края, вмѣстѣ съ безпредѣльнымъ своеволіемъ побѣдителей, не обходилось безъ частыхъ возстаній туземцевъ, безъ сопротивленія и борьбы, въ которой, можетъ быть, погибло не мало покоренныхъ ²⁾.

Но власть Новгородцевъ на цѣ туземцами не была единственнымъ явленіемъ, неблагопріятно отзывавшимся надъ послѣдними. Гораздо большія послѣдствія оказывали на нихъ, можетъ быть, тѣ нзмѣненія, которыя были вносимы Новгородцами въ самую природу мѣстности, служившей для нихъ мѣстомъ колонизаціи. Туземцы въ большинствѣ случаевъ были, какъ это уже указано выше, народами бродячими, жившими частью рыболовствомъ, частью же звѣроловствомъ, а Новгородцы были сѣлонны, по большей части, къ земледѣлію. Земледѣліе, по самому существу своему, должно было стремиться уничтожить или подорвать успѣхъ въ звѣроловствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приблизить къ вымиранію людей, жизнь которыхъ всецѣло была основана на изобиліи звѣря въ дремучихъ лѣсахъ Сѣвера. Новгородскія поселенія, съ ихъ земледѣліемъ, несли за собою въ нетронутые лѣса все, что могло наиболѣе сильно грозить ихъ цѣлости и что должно было въ корень измѣнить тотъ характеръ животной жизни, которымъ они первоначально отличались. Въ новыя мѣста поселенія среди первобытныхъ народовъ Новгородцы пролагали себѣ дорогу огнемъ. Они выжигали лѣса, вырубали ихъ топоромъ, очищали сохой. Предполагаютъ даже, что эти первобытные піонеры древней Руси на Сѣверѣ отъ главнаго своего средства обрабатывать новыя мѣста для хлѣбопашества и поселенія силою огня названы были огнищанами, получившими потомъ надъ другими право старшинства по своей опытности и состоянію и образовавшими наконецъ цѣлое сословіе *боляръ* ³⁾. Какъ вліяло подобное явленіе на тогдашнихъ коренныхъ обитателей лѣсовъ, это понимали и видѣли, вѣроятно, только они сами, подобно тому, какъ въ послѣднее время испытали то же сибирскіе туземцы

¹⁾ *Влассъ*, стр. 36.

²⁾ *Влассъ*, стр. 37; *Ефименко*, 33.

³⁾ *Влассъ*, стр. 53.

при встрѣчѣ съ новымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ населеніемъ изъ Русскихъ. Касательно этого предмета приведу нѣсколько выписокъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ мною надъ Тунгусами Оленинско-Витимской горной страны: „Вліяніе Тунгуса на лѣсъ выражается почти въ такомъ же видѣ, какъ вліяніе медвѣдя или волка; о присутствіи этихъ звѣрей въ лѣсу можно догадаться по слѣду, который они оставляютъ, по остаткамъ ихъ пищи, по костямъ и по пролитой крови ихъ жертвы, наконецъ, по жилью или лёжбу, по берлогѣ или норѣ. То же самое и съ Тунгусомъ: можно иногда видѣть слѣдъ, гдѣ онъ ходилъ, кости оленя или другихъ животныхъ, которыми онъ питался, признаки его незатѣйливаго ночлега, и только. Среда же, въ которой все это происходитъ, остается почти неизмѣнною: деревья стоятъ нетронутыми, по землѣ разстилаются тѣ же мшистые, толстые покровы, какіе были прежде; развѣ только олень отъ шалости взроетъ тутъ или тамъ почву, или защищаясь отъ овода, сдѣлаетъ царапину или оставитъ влокъ шерсти на ближайшемъ къ ночлегу деревѣ, да впрочемъ, то же дѣлаетъ часто и дикій олень. Проложилъ Тунгусъ среди лѣса дороги или тропы, но въ такомъ видѣ, что дорожки, прокладываемыя бѣлками среди тѣхъ же густыхъ частей лѣса, выходятъ отчетливѣе; человѣкъ, не родившійся въ тайгѣ, рѣдко заподозритъ какой бы то ни было слѣдъ тамъ, гдѣ Тунгусъ видитъ тропу, имѣющую для него то же значеніе, что у насъ порядочная дорога. Вообще, Тунгусъ привыкъ видѣть весьма многое, совершенно недоступное неопытному глазу, и малѣйшее измѣненіе въ положеніи камня въ россыпи или ягеля на скалѣ даетъ ему невѣроятную способность угадывать присутствіе животныхъ въ тѣхъ или другихъ сторонахъ его мѣстности: онъ скажетъ гдѣ и какіе прошли звѣри или люди, въ какое время—будь это за пять, за семь дней, въ какомъ числѣ и куда. Эту же способность узнавать характеръ своихъ сосѣдей Тунгусы подозрѣваютъ и въ звѣряхъ, и совершенно справедливо увѣрены, что многіе изъ нихъ, напримѣръ, сѣверный олень или же близкій его сородичъ, олень благородный или изюбрь, замѣчая слѣды человѣка, удаляется отъ нихъ далѣе, въ мѣста болѣе для человѣка недоступныя. Отсюда же въ концѣ концовъ вытекаетъ у Тунгусовъ противодѣйствіе, въ виду сохраненія своего собствен-

наго существованія и въ виду обезпеченія достатка звѣрей въ занимаемой ими мѣстности, тѣмъ вторженіямъ въ ихъ область, которыя дѣлаются сходными съ ними по образу жизни племенами; отсюда вытекаетъ борьба за области. Но есть явленія, на которыя Тунгусъ смотритъ съ грустью и съ отчаяніемъ, которымъ онъ противодѣйствуетъ съ замѣчательною энергіей, — обманомъ, а гдѣ можно, тамъ и силой, но напрасно: онъ смотритъ, какъ золото-промышленникъ все далѣе и далѣе проникаетъ въ глубину тайги, видитъ, какъ срываются горы, запруживаются рѣчки, снимаются ихъ берега, и какъ возникаютъ новыя горы изъ гальки и валуновъ; онъ видитъ исчезаніе потоковъ тамъ, гдѣ прежде они протекали, и появленіе ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ первоначально ихъ не было. Наконецъ, рубка лѣсовъ, часто производимые въ нихъ пожары, движеніе съ шумомъ и звономъ, въ противоположность молчаливому переѣзду тунгусскаго бродячаго семейства, все это далеко отъсвѣняетъ звѣря и убиваетъ Тунгуса“.

Движеніе Новгородцевъ на сѣверъ Россіи повлекло за собою, вѣроятно, тѣ же послѣдствія, какъ и движеніе Русскихъ по Сибири; оно повліяло на измѣненіе характера дремучихъ сѣверо-русскихъ лѣсовъ, частію истребило ихъ, а частію дало возможность появиться мелколѣсью; чтобы согласиться, что въ настоящее время Сѣверъ несравненно болѣе культивированъ, чѣмъ въ первобытныя времена, достаточно представить, что тамъ мы найдемъ сотни тысячъ земледѣльческаго населенія, занявшаго весьма значительное пространство подъ пашни, села, города и пр.

Рука объ руку съ культурой Сѣвера должно было и идти измѣненіе характера его первобытной фауны. Несомнѣнно, что со времени заселенія Сѣвера Русскими тамъ не только уменьшилась численность особей разныхъ важныхъ для человека видовъ животныхъ, но многіе виды исчезли совершенно безслѣдно, вмѣстѣ съ тѣми племенами, которыя, вѣроятно, нѣкогда за ними охотились. Изъ числа такихъ вымершихъ въ предѣлахъ земли Новгородской животныхъ укажемъ на три вида. Первый изъ нихъ — это кабанъ. Въ жизни Новгородцевъ онъ игралъ, по видимому, значительную роль; уже въ совершенно историческую эпоху на него обращалось вниманіе, такъ что право охоты за кабаномъ

въ окрестностяхъ самого Новгорода, именно на разстояніи 60 верстъ въ окружности отъ города давалось великимъ князьямъ. Только за предѣлами этого пространства могъ охотиться всякій, безъ разрѣшенія князя ¹⁾. Если такимъ образомъ по всѣмъ направленіямъ отъ Новгорода позволялось всякому охотиться, то вѣроятно, кабанъ распространялся какъ въ сѣверу, такъ и въ югу отъ города; такъ, напримѣръ, въ Псковской губерніи и въ Литвѣ онъ встрѣчался еще въ позднѣйшія времена ²⁾; въ настоящее время онъ повсюду въ этихъ мѣстахъ исчезъ. Но было другое животное, болѣе цѣнное, имѣвшее большое значеніе въ древне-русской промышленности, и которое распространялось по всему Сѣверу, это бобръ, не оставившій во многихъ мѣстахъ въ настоящее время никакихъ слѣдовъ своего существованія. Не говоря о южной и средней Россіи, бобръ водился еще съ XIV по XVII в. въ губерніяхъ Московской и Тверской, въ болѣе позднее время въ Прибалтійскомъ краѣ, и до настоящаго времени водится въ недоступныхъ литовскихъ болотахъ ³⁾. Несомнѣннымъ также остается фактъ, что бобръ распространялся въ Финляндіи и въ Лапландіи, около Ладожскаго озера и далѣе на сѣверо-востокъ до самаго Урала, гдѣ онъ изрѣдка встрѣчается въ небольшихъ рѣчкахъ и до настоящаго времени ⁴⁾. вмѣстѣ со всѣмъ этимъ я долженъ указать на одинъ фактъ, почти непосредственно относящійся до Олонецкой губерніи. Въ 1585 году на имя Ковжезерскаго монастыря дана была царемъ Θεодоромъ Іоанновичемъ грамота, въ которой между всѣми прочими принадлежностями мѣстности, съ угодьями, съ озерами и перелѣсками и съ пашнями, отдавались во владѣніе монастыря и бобровые гоны и ловища; въ грамотѣ сказано: „и со всякими згодья, и съ озера, и съ перелѣсы и съ *бобровыми гоны* и съ *ловищи*, и съ рыбными ловлями, на всѣ четыре стороны пашенныя земли по четыре версты, оприче мховъ и болотъ, и дѣла впредь до ихъ земли никому

¹⁾ *Вялегъ*, стр. 208; цитировано у *Миддендорфа*, Путешествіе на Сѣверо-востокъ Сибири, II, отд. V, стр. 91.

²⁾ *Миддендорфъ*, стр. 285.

³⁾ *Миддендорфъ*, стр. 73, примѣч. 3-е.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 74—75. Академикъ О. Б. Шмидтъ сообщилъ мнѣ, что бобры встрѣчаются отчасти за Обью, по притокамъ р. Таза.

нѣтъ“¹⁾. Отсюда видно, что бобръ не больше или даже меньше, чѣмъ 300 лѣтъ назадъ, составлялъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего Сѣвера почти такую же принадлежность хозяйства, какъ пашня или уголья, и что онъ, какъ статья дохода, имѣлся въ виду въ грамотахъ; изъ этого же можемъ вывести заключеніе, что если онъ встрѣчался около Ковжезерскаго монастыря, лежащаго на предѣлахъ Пудожскаго уѣзда и Архангельской губерніи, и съ другой стороны — около Ладожскаго озера, то вѣроятно, водился опъ когда-нибудь и во всей Олонецкой губерніи; вмѣстѣ съ тѣмъ, отсюда же мы можемъ убѣдиться, что нѣсколькихъ сотъ лѣтъ было достаточно для того, чтобы бобръ исчезъ безслѣдно, какъ въ предѣлахъ Олонецкой губерніи, такъ и далѣе; и замѣчательно, что и здѣсь, по сторону Урала, исчезновеніе бобра по видимому, совпадало съ вымираніемъ первобытныхъ племенъ, какъ это было по ту сторону рубежа между Европой и Азіей: вмѣстѣ съ многочисленными племенами около озера Байтала въ Восточной Сибири Георги указываютъ и на существованіе тамъ и бобра²⁾ въ концѣ прошлаго столѣтія; мы же въ послѣднее время не нашли тамъ ни многочисленныхъ племенъ Тунгузскихъ, ни бобровъ.

Есть еще третье животное, исчезнувшее на сѣверѣ, именно — соболю; можетъ быть, онъ не такъ широко распространялся, какъ бобръ, но вѣроятно однако, составлялъ предметъ непосредственной охоты для многихъ жителей Сѣвера; извѣстно, что Заволочане платили дань или штрафы соболями; такъ, наприимѣръ, Устюжане въ одномъ случаѣ наказаны были за возмущеніе платою Новгородцамъ 50,000 бѣлокъ и шести сороковъ соболей³⁾; въ другомъ, въ 1417 году, они были принуждены уплатить откупа за вторженіе въ Двинскую землю 8,000 бѣлокъ и 80 соболей⁴⁾. Хотя и есть указанія, что набравшіеся въ Устюгѣ мѣха были вывозимы изъ Пермскаго и Печерскаго края⁵⁾, но это не можетъ служить доказательствомъ

¹⁾ Олонецк. Губ. Вѣд. 1864 г., № 2, стр. 7.

²⁾ См. между прочимъ, *Миддендорфъ*, стр. 76, прим. 1.

³⁾ *Биллеъ*, стр. 508.

⁴⁾ Зап. Геогр. Общ. по отдѣл. стат., т. II, ст. *Попова*, *Давидъ*, народонаселенія въ Волог. губ., стр. 92.

⁵⁾ *Миддендорфъ*, стр. 78, прим. 6.

того, какъ это думаетъ Миддендорфъ ¹⁾, что около самаго Устюга и далѣе по Двинѣ не встрѣчались уже свои соболя; Герберштейнъ въ XVI столѣтїи говорилъ, что около Устюга соболей мало, что мѣха ихъ не хороши ²⁾, или что соболя рѣдко встрѣчаются по сю сторону Устюжскаго и Двинскаго края и часто бывають въ Печерской области; отсюда ясно, что соболя около Устюга и по Двинѣ встрѣчались, и если рѣдко, то это было уже въ XVI столѣтїи; здѣсь русская колонизація вліяла на уменьшеніе количества соболей нѣсколько столѣтїй, тогда какъ въ Сибирѣ было достаточно отъ одного до трехъ столѣтїй, чтобы во многихъ мѣстахъ окончательно истребить его; указаніе Герберштейна на плохія качества соболя доказываетъ, что это дѣйствительно были соболя мѣстные, сѣверно-русскіе, далеко не имѣвшіе въ себѣ качествъ соболя сибирскаго и отличавшіеся отъ него, можетъ быть, также, какъ сѣверно-русская бѣлка отличается по своему мѣху и даже величинѣ отъ бѣлки сибирской. Но при этомъ нѣтъ никакихъ основаній отвергать, что соболь въ древности жилъ на Сѣверѣ, если даже соболей, которыми платили дань Лапландцы сѣверной Скандинавіи, будемъ считать завезенными, какъ то думаетъ Миддендорфъ, хотя и трудно допустить, у кого и на что могли вымѣнивать бѣдные жители Сѣвера дорогое руно для податей; точно также, если приписать ошибку или недоразумѣнію извѣстія о соболѣ въ Литвѣ, то и тогда нѣтъ основаній думать, чтобы соболь не распространялся въ предѣлахъ сѣверо-востока Россіи до Двины, Онежскаго, Ладожскаго озеръ и пр., вслѣдъ за сибирскою древесною растительностью. Сибирская лиственница оазисами или отдѣльными деревьями доходитъ до восточныхъ береговъ Онежскаго озера; ель сибирская идетъ, по моимъ изслѣдованіямъ, еще далѣе къ западу; пихта была встрѣчена А. Н. Бекетовымъ даже около Волкова. За этою растительностью пробиваются сюда многіе виды сибирскихъ птицъ; довольно далеко, до Устюга, а можетъ быть, и далѣе, идетъ къ западу бурундукъ. При такихъ обстоятельствахъ нельзя допустить, чтобы соболь составлялъ исключеніе. Теперь же, напро-

¹⁾ Миддендорфъ, стр. 79.

²⁾ Тамъ же, стр. 74, прим. 2.

тихъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считались родиною соболя, каковы Уралъ съ его Югрой и Печорой, онъ истребленъ или встрѣчается лишь въ видѣ исключенія.

Бъ тремъ указаннымъ видамъ животныхъ, исчезнувшихъ на сѣверо-востокѣ Россіи, можно присоединить еще нѣсколько—олени и часть лося, область распространенія которыхъ сузилась, и которые здѣсь порѣдѣли. Уменьшеніе количественное произошло и въ бѣличьей породѣ, а также въ большинствѣ другихъ животныхъ, служившихъ нѣкогда предметомъ промысла. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ внесеніемъ культуры въ мѣстность, съ ея воздѣлываніемъ, и вслѣдствіе того, съ измѣненіемъ въ ней растительности, вліяло на уменьшеніе количества цѣнныхъ животныхъ и непосредственное истребленіе ихъ съ помощію болѣе сильныхъ средствъ, чѣмъ выработала первобытная цивилизація: земледѣльческое племя вносило въ новыя страны желѣзо и обладало болѣе сложными снастями для ловли животныхъ ¹⁾; примѣромъ быстрого истребленія соболя можетъ служить Амурскій край, гдѣ до недавняго прибытія Русскихъ было въ 10 или 15 разъ больше соболей, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Сибири, доступномъ Русскому племени, гдѣ еще недавно Гиляки носили собольи шубы ²⁾, а по прибытіи Русскихъ за папушу табаку или за пуговку давали по соболю; здѣсь въ настоящее время, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ прибытія Русскихъ, соболь становится рѣдкимъ, исчезаетъ или грозитъ исчезнуть. За истребленіе нѣкоторыхъ породъ животныхъ, вмѣстѣ съ приливомъ земледѣльцевъ, болѣе усиленно, вслѣдствіе запроса, припимаются и сами туземцы, по баснословно дешевой цѣнѣ отдавая прибрѣтаемую добычу: Камчадалы въ соболѣ цѣнили только мясо, а шкуру считали ниже собачьей и „при покореніи своемъ“,— говоритъ Крашенинниковъ ³⁾,

¹⁾ См. *Кривоштанкинъ*, Енисейскій округъ и его жизнь, см. помѣщенные тамъ рисунки снастей для ловленія. Первобытные народы по видимому не знали ничего подобнаго; по крайней мѣрѣ въ Камчатку ловушки были занесены казаками; см. *Кривоштанкинъ*, Описание Камчатки, изд. 1818 г., т. I. стр. 340.

²⁾ См. *Миддендорфъ*, стр. 77.

³⁾ Описание Камчатки, изд. 1818 г., стр. 342. Интересно на слѣдующей страницѣ показаніе, что при всемъ изобиліи соболя „многіе (Камчадалы) и исаку достать не

за ясакъ соболіной не только не сперили, но напротивъ того, весьма казакамъ смѣялись, что они промѣнивали ножикъ на 8, а топоръ на 18 соболей". За эту эпоху простодушнаго отношенія самихъ туземцевъ къ собственнымъ богатствамъ послѣдовала ихъ эксплуатація со стороны промышленниковъ, и происходили, вѣроятно, случаи вымогательства пушныхъ товаровъ за даромъ, черезъ опьяненіе туземцевъ различнаго рода отравляющими напитками, какъ это было еще недавно въ Туруханскомъ краѣ ¹⁾.

Рядъ всѣхъ указанныхъ явленій имѣлъ, безъ сомнѣнія, мѣсто и среди туземцевъ, населявшихъ первоначально сѣверъ Россіи: онъ породилъ между ними нищету ²⁾, которая и сдѣлалась наконецъ главною причиною ихъ вымиранія путемъ чистаго экономическаго, какъ-бы продолженіе подобнаго процесса мы встрѣчаемъ на Сѣверѣ еще и до сихъ поръ: такъ, продолжаютъ исчезать мало по малу съ лица земли Самоѣды, лишаясь постепенно своихъ стадъ оленей. Быстрое уменьшеніе звѣрей не дало возможности освоиться туземцамъ съ другими родами промышленности, и притомъ требовался переходъ въ большинствѣ случаевъ слишкомъ рѣзкій для бродячихъ народовъ: они должны были помимо скотоводства перейти къ земледѣлію, чему, вмѣстѣ съ бесплодіемъ Сѣвера, съ собственною нищетою ихъ и съ рядомъ сильныхъ привычекъ къ бродячей жизни служило препятствіемъ и слабое развитіе физическихъ силъ. Наиболѣе типичные представители Финскаго племени—Лапландцы являются въ скандинавскихъ сагахъ народомъ небольшого роста и отвратительной наружности, съ широкимъ ртомъ и короткими ногами; они трусливы и бѣгутъ отъ малѣйшей опасности ³⁾. Подобными же чертами характеризуются въ преданіяхъ и жители нашего Сѣвера; и здѣсь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ называемыя Чудь выставляется народомъ слабосильнымъ, нерасторопнымъ и

могутъ, но во время ясачнаго сбора принуждены бываютъ занимать оной у своихъ тоюновъ или у казаковъ, и работать за то цѣлое лѣто".

¹⁾ *Кривошапкинъ*, стр. 136 и далѣе.

²⁾ Въ Туруханскомъ краѣ Остяки страдаютъ сильно отъ простуды и гриппа, болѣзней по недостатку сколько-нибудь порядочной одежды. См. ст. *А. Щаповъ* въ Изв. Геогр. Общ., т. IV, стр. 68.

³⁾ *Nilsson*, стр. 269 и слѣд.

неподвижнымъ; какъ и Лапландцы въ Скандинавіи, они обита-ли отчасти въ пещерахъ ¹⁾. И вообще, физическая сила бродя-чихъ народовъ оказывается чрезвычайно низкою; Остяки и Тун-гусы Туруханскаго края, по сравненію съ тамошними же, по-чти уже выродившимися Русскими, представляются въ полтора или даже въ два раза слабѣйшими ²⁾. При такомъ порядкѣ вещей нужны были крайне благопріятныя условія, чтобы ту-земцы могли приняться за земледѣліе, что и имѣло, по видимому, мѣсто на востокѣ Россіи по Камѣ и въ Поволжьѣ: съ одной сто-роны, удаленность этихъ мѣстъ отъ центра Новгородскаго раз-селенія спасла на болѣе продолжительное время ихъ лѣса въ цѣ-лости, а съ другой—почва оказалась здѣсь плодороднѣе; Зыряне, Пермьки и Вотяки и до сихъ поръ сохраняютъ свою народность, а Черемисы и Мордва уже около XVI столѣтія, населяя плодо-родные берега Волги, усердно занимались хлѣбопашествомъ ³⁾, хотя они по своему положенію на окраинѣ были подвержены всѣмъ невыгодамъ со стороны набѣговъ съ азіатскаго Востока, съ кото-рыми Россія должна была тогда бороться ⁴⁾; Самоѣды и Лапланд-цы только благодаря положенію на сѣверныхъ окраинахъ и оле-неводству сохранились до нѣкоторой степени. Но чрезвычайно интересный примѣръ представляютъ Корелы Олонецкой губерніи: земледѣліе здѣсь имъ было не подѣ силу, и они остались въ тѣхъ только уѣздахъ, Повѣнецкомъ и Олонецкомъ, которые наименѣе всего населены, и гдѣ они, благодаря незначительному соперниче-ству съ Русскими, поддерживаютъ свое существованіе не столько хлѣбопашествомъ, сколько звѣроловствомъ и рыболовствомъ; что

¹⁾ Срав. *Ефименко*, стр. 33—34 и *Nilsson*, стр. 267.

²⁾ Извѣст. Геогр. Общ. за 1868 г. т. IV, стр. 65. Изслѣд. *А. Щанова*.

³⁾ *Ключевскій*, Сказанія иностр. о Моск. госуд., стр. 156. О нынѣшнихъ инород-цахъ-земледѣльцахъ Тобольской губерніи извѣстно, что пахатная ихъ земля прино-ситъ въ 4 раза меньше дохода, чѣмъ въ тѣхъ же мѣстахъ крестьянская, что мѣстные жители приписываютъ непониманію инородцами выгодъ отъ земледѣлія, а также худшимъ качествамъ ихъ почвы; см. Описаніе Туринскаго округа Тобольск. губ. въ хозяйств. отношеніи въ Журн. засѣд. Моск. Общ. сельск. хоз. 1863—1864 г. № 6, стр. 51.

⁴⁾ *Ключевскій*, стр. 175.

же касается другихъ уѣздовъ, отчасти Вытегерскаго, а главнымъ образомъ Каргопольскаго, гдѣ, благодаря лучшимъ урожанамъ, мѣстность больше населена и культивирована, то здѣсь Корелы видимо вымерли. Ту же участь, вслѣдствіе значительной культуры мѣстности, быстрого уменьшенія звѣрей и отсутствія другихъ сподручныхъ занятій, потерпѣли всѣ народцы, нѣкогда населявшие губерніи Новгородскую, Тверскую, Ярославскую и часть Двинской области.

Итакъ, за всѣми причинами, дѣйствовавшими неблагопріятно на первобытныя племена, за порабощеніемъ ихъ и обращеніемъ въ крѣпостныхъ или полонниковъ, за измѣненіемъ самой природы, кроется еще рядъ явленій, можетъ быть, оправдывающій вышеприведенное мнѣніе г. Бѣляева о нравственномъ завоеваніи Финновъ, о претвореніи ихъ въ Славянъ; но этотъ кругъ явленій ограниченъ, и распространять его на значительное количество туземцевъ не возможно; онъ относится къ простому рабочему классу труженниковъ, входившихъ въ тѣсное родство съ туземцами подъ вліяніемъ крайней нужды: способность этого класса людей выносить всевозможныя трудности и лишенія и жить среди самой первобытной и невзыскательной обстановки была замѣчена Голландцами въ XVI столѣтіи на Новой Землѣ; она же, вмѣстѣ съ умѣньемъ дружить и жить въ полномъ мирѣ и согласіи, была найдена мореплавателями у Русскихъ, на берегахъ Восточнаго океана, на Аляскѣ и Спѣтхѣ; здѣсь русскіе рабочіе не только смотрѣли на туземныхъ обитателей Калошей, какъ на людей съ ними равноправныхъ, но ѣли съ ними одну пищу, работали и жили въ однихъ хижинахъ. Тѣ же самыя черты мягкаго характера и дружелюбныхъ отношеній остались и до сихъ поръ: въ томъ же неизмѣнномъ видѣ наблюдалъ я ихъ въ Олонецкой губерніи среди звѣролововъ и рыбаковъ; особенно памятною осталась для меня рыбацкая хижина на берегу Великаго озера, не далеко отъ устья Вытегры: она была сложена изъ бревенъ и возвышалась надъ землею не выше роста человѣка, вмѣстѣ со своею плоскою земляною крышей; она была безъ оконъ, съ одною низенькою дверью; внутри ея, въ углу, прилежащемъ къ двери, была печка-каменка, сложенная изъ валуновъ и вполне могущая характеризовать каменный вѣкъ; съ появленіемъ огня

въ дѣлѣ, хижина наполняется дымомъ, такъ что сидѣть въ ней не возможно, а нужно лежать; передъ печкой готовится на обѣдъ или ужинъ рыба, безъ потроховъ, но съ чешуей (япронемъ, чешуя не снимается Олончаниномъ съ рыбы и при болѣе богатой обстановкѣ). Рыбаки, расположивъ вверху хижины свои снасти для обсушки и копченія, внизу сидятъ сами, окуриваясь дымомъ и бесѣдуя. Если на мѣстѣ этихъ современныхъ гражданъ Сѣвера представить себѣ ихъ предковъ, холостыхъ, заброшенныхъ судьбой изъ болѣе населенныхъ мѣстъ или бѣжавшихъ оттуда въ сосѣдство звѣровъ-туземцевъ, то легко допустить, что они не только мирно жили съ дикарями, но обзаводились и подругами жизни изъ ихъ племени; при первомъ появленіи русскихъ воиновъ въ Сибирѣ это случилось часто; на такой фактъ указываетъ и Крашенинниковъ въ Камчаткѣ; здѣсь, по туземному обычаю, вдовы, послѣ смерти мужа, не могли вступить съ кѣмъ-либо въ бракъ, не совершивъ предварительно полового акта съ инымъ человекомъ, считавшимся въ такомъ случаѣ поруганнымъ и презрѣннымъ, принявшимъ на себя грѣхъ; бѣдныя вдовы принуждены бывали въ прежніе годы искать грѣхоснимателей съ великимъ трудомъ и убыткомъ, а иногда и вдовѣть вѣкъ свой. Но какъ казаки на Камчатку наѣхали, то оная трудность миновала¹⁾. То же, вѣроятно, было и на нашемъ Сѣверѣ: первоначально онъ въ значительной степени заселялся холостяками, производившими разбой²⁾, рабами, безземельными и бездомными, вытѣсненными изъ разныхъ мѣстъ³⁾, также людьми бѣжавшими отъ крещенія⁴⁾. При такихъ условіяхъ метисація съ мѣстными племенами была неизбежна; на это указываютъ преданія, въ которыхъ крестьяне брачатся съ финскими дѣвицами⁵⁾, съ другой стороны есть крестьяне на Сѣверѣ, производящіе свои фамиліи оттуда⁶⁾; кромѣ этого, слѣды прошлой метисаціи можно найд-

¹⁾ Опис. Камчатки, т. II, стр. 169.

²⁾ Ефименко, стр. 14.

³⁾ Ключевскій, стр. 173.

⁴⁾ Лепехинъ, Путеш., IV, стр. 409—410.

⁵⁾ Ефименко, стр. 41.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 22.

ти въ фizioноміяхъ сѣверяковъ. Но видимо, что она существовала во времена не нормальной колонизаціи, и когда Русскіе люди двинулись на Сѣверъ съ семействами, тогда она должна была прекратиться. Представители Германской расы въ Скандинавіи, жившіе между Лапландцами, презирали ихъ и только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ женились на Лапландкахъ, какъ-бы видя нѣчто отталкивающее въ ихъ физической природѣ ¹⁾. То же самое было и въ Сибири; казаки, едва озававшись своимъ хозяйствомъ и домомъ, оставили въ сторонѣ туземокъ, и мнѣ между тысячами случаевъ столкновенія Русскихъ съ Бурятами, только разъ, въ нѣкѣ рѣдкости, пришлось замѣтить женитьбу одного казака на чистокровной Буряткѣ ²⁾, и то только въ самой бѣдной изъ мѣстностей и потому, что Бурятка обладала нѣкоторымъ капиталомъ; продолжается это смѣшеніе племенъ еще, можетъ быть, въ самыхъ бѣдныхъ краяхъ Сибири, какъ Туруханскій ³⁾ или Якутскій по Анданлу, гдѣ Русскіе сдѣлались едва отличными отъ Якутовъ. У насъ на Сѣверѣ кажется нѣтъ ничего подобнаго; по крайней мѣрѣ, въ Олонецкой губерніи, на Водлозерѣ, въ одной изъ глухихъ мѣстностей и наиболѣе бѣдной, долго служившей убѣжищемъ для бродягъ и бѣглыхъ, мы находимъ слѣды значительной метисаціи съ туземцами; но уже въ Каргопольскомъ уѣздѣ, напримѣръ, около Кенозера, намъ ясно бросается въ глаза нѣкоторая красота и чистота древне-русской, новгородской крови; то же, говорятъ, въ большинствѣ случаевъ имѣетъ мѣсто по Онегѣ и Двинѣ. Эти факты показываютъ, что метисація была явленіемъ ограниченнымъ, чисто мѣстнымъ, и что племена были предоставлены сами себѣ; находясь въ нищетѣ, они вымирали; пользуясь болѣе благоприятными условіями, они сохраняли свою жизнь, языкъ, національность и типъ, какъ это мы и видимъ до сихъ поръ на восточ-

¹⁾ Nilsson, стр. 271.

²⁾ Поляковъ, Поѣздка въ Вост. Саянъ, въ Отч. Сиб. отд. Г. Общ. за 1866 г. стр. 170.

³⁾ Шаповъ, Изв. Г. Общ., т. IV, стр. 67. Здѣсь у жителей за тундрой, говорятъ, по выраженію Шапова, „за образами хранятся иногда инородческіе божки-богаванчики“.

ныхъ и западныхъ Финнахъ, хотя и измѣнившихся подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій. Между вымирающими племенами встрѣчаются отдѣльные случаи богатыхъ семействъ, которые и пользуются среди Русскихъ равноправіемъ; такъ, на Витимѣ, между нѣсколькими оставшимися отъ многолюднаго племени семействами, также, можетъ быть, оканчивающими свои дни, есть такія, у главъ которыхъ висятъ за плечами сторублевныя винтовки, полученныя за услуги въ подарокъ отъ золотопромышленниковъ; это можетъ объяснить, почему существовали и въ Новгородѣ знатные Чудины, какъ на то указываетъ г. Бѣляевъ. Герберштейнъ засталъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Устюжской области туземцевъ, говорящихъ большею частію по-русски ¹⁾, что принимается также за признакъ сліянія Финновъ съ Русскими; но и это, кажется, не вполне вѣрный фактъ въ пользу мирнаго претворенія Финновъ въ Славянъ; онъ можетъ быть вѣренъ только отчасти, такъ какъ знаніе русскаго языка и до сихъ поръ не мѣшаетъ многимъ сибирскимъ туземцамъ исчезать съ лица земли.

II.

Общее понятіе объ условіяхъ и ходѣ развитія человѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи. Звѣроловство и звѣроловы на юго-восточномъ прибрежьи Онежскаго озера.—Лѣсная жизнь звѣролововъ въ окрестностяхъ Водлозера; ея нравственное и матеріальное значеніе.—Животныя, составляющія предметъ промысла.—Умственная работа звѣролововъ, взглядъ на ихъ домашній бытъ.—Понятіе о численности полѣсниковъ въ окрестностяхъ Водлозера.—Доходъ отъ полѣсни, выпадающій на долю скупщиковъ звѣря и птицы.—Періодическія колебанія въ численности лѣсныхъ животныхъ и абсолютное уменьшеніе ихъ количества въ значительные промежутки времени: это вліяетъ на оскуденіе заработковъ отъ звѣроловства.

Выше мы видѣли, что представители Славянскаго племени на сѣверѣ Россіи взяли перевѣсъ въ борьбѣ съ Финскими народцами и истребили ихъ прямо или косвенно, или же вытѣснили въ другія мѣстности. Но какой затѣмъ сами они подверглись участи, обладая

¹⁾ Катковскій, стр. 171.

несомнѣнно большіимъ физическимъ и нравственнымъ развитіемъ, чѣмъ ихъ предшественники? Въ отвѣтъ на это я представляю очеркъ современнаго быта жителей, преимущественно на юго-востоѣ Олонецкой губерніи; отсюда будетъ видно, что условія развитія были весьма неблагопріятны для обитателей Сѣвера; были случаи, когда и Русское населеніе вымирало или же, едва принаровившись къ новой обстановкѣ, какъ-бы коченѣло или ледѣнѣло въ однихъ и тѣхъ же формахъ существованія. Въ бытѣ Олончанина мы найдемъ, на ряду съ древне-русскими и Новгородскими элементами, и „чудскіе“ (финскіе) элементы, которые по своему началу всецѣло относятся къ временамъ до-историческимъ; вмѣстѣ съ этимъ, встрѣтимъ чрезвычайно мало всего того, что преимущественно служитъ двигателемъ культуры и цивилизаціи; однимъ словомъ, въ бытѣ жителей юго-востока Олонецкой губерніи, на ряду съ другими сосѣдними уѣздностями, насъ поразитъ медленный ходъ развитія, ничтожный прогрессъ въ усовершенствованіи жизненныхъ формъ.

Олонецкая губернія, занимая площадь до 2,783 квадр. миль, превосходитъ по своимъ размѣрамъ многія изъ европейскихъ государствъ, въ родѣ Бельгіи, Нидерландовъ, Швейцаріи, Греціи и пр. Чтобы обработать подобное пространство, потребовалось бы чрезвычайно много силъ и времени; между тѣмъ Олонецкая губернія по самому своему физико-географическому характеру давала своимъ обитателямъ мало возможности самостоятельно и быстро развиваться; то, что при болѣе густомъ населеніи служило бы источникомъ богатства, составляетъ теперь препятствіе для развитія; обширныя разстоянія, обиліе водъ и болотъ, густые лѣса, холмы и горы, скрывающіе въ себѣ издавна извѣстныя минеральныя богатства, все это теперь больше разъединяетъ жителей и изолируетъ ихъ, отстраняя возможность легкихъ сообщеній между ними. Притомъ наиболѣе доступныя для жителей роды промышленности требовали часто этого разъединенія, дѣлая самую жизнь жителей и ихъ развитіе одностороннимъ. Къ главнымъ родамъ промышленности, для которыхъ Олонецкая губернія представляла наибольшія удобства, относятся звѣроловство, птицеводство, рыбная ловля и только частію скотоводство и хлѣбопашество; рассматривая каждую изъ этихъ отраслей занятій отдѣльно, можно прійти къ заключенію,

что скотоводство и хлѣбопашество представляли здѣсь наиболѣе трудностей, такъ что по крайней мѣрѣ последнее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи и до сихъ поръ считается почти невозможнымъ.

Изъ первой категоріи промысловъ звѣроловство издавна характеризовало Олонецкую губернію, и во многихъ мѣстностяхъ ея, даже въ наше время, оно стоитъ на первомъ планѣ въ числѣ занятій населенія. Къ ряду такихъ мѣстностей принадлежатъ весь Повѣнецкій уѣздъ и большая часть Пудожскаго; наименѣе общераспространено оно въ уѣздѣ Вытегорскомъ. Если въ первыхъ уѣздахъ иногда цѣлыя деревни имѣютъ охотничій характеръ, и во время осени почти всѣ взрослые мужчины выходятъ въ лѣса, то въ последнемъ обратно, во многихъ деревняхъ, нѣтъ ни одного ружья и ни одного охотника; здѣсь звѣриный и птичій промысла видимо стоятъ на последнемъ планѣ, особливо въ селеніяхъ по Маринскому и Онежскому каналамъ.

Въ Вытегорскомъ уѣздѣ выходятъ на охоту большею частію старики и ставятъ петли въ лѣсахъ на зайцевъ и рябчиковъ. Мнѣ былъ извѣстенъ одинъ такой старикъ—съ Тудозера, изъ деревни Бабовщины; этому старому охотнику удается ловить зайцевъ до 100 и болѣе штукъ въ зиму, вмѣстѣ съ рябчиками, такъ что онъ вноситъ значительное подспорье въ семейный бюджетъ и пользуется нѣкоторымъ благосостояніемъ. Нерѣдко случается, что старики держатъ только для памяти свои старыя ружья, изъ которыхъ можетъ стрѣлять только тотъ, кто не жалѣетъ своей жизни; въ подобныхъ случаяхъ, около большихъ озеръ, какъ Лужандозеро, Велкое, Онего, Тудозеро и пр., звѣроловство уступаетъ мѣсто рыболовству. Но иногда выходятъ въ лѣсъ охотники и съ пистолетными ружьями и промышляютъ рябчиковъ, глухарей, тетеревей и бѣлокъ. Выставляются по осенямъ чучела на тетеревовъ; весной посѣщаются токи, но все это не выходитъ здѣсь за предѣлы простаго развлечения, рѣдко приносящаго существенный доходъ. На 9—10 деревень, лежащихъ частью около Лужандозера и частію по Тудозеру, приходится такихъ два, три охотника; ихъ пребываніе въ лѣсу продолжается день или два, повторяясь въ мѣсяцъ нѣсколько разъ; иногда они проводятъ въ лѣсахъ недѣлю, двѣ и три; въ та-

нихъ случаяхъ добыча простирается въ осень на 10 — 15 руб. Типъ чистыхъ звѣровщиковъ въ окрестностяхъ города Вытегры уже весьма рѣдокъ, такъ что для ознакомленія съ мѣстнымъ звѣриннымъ промысломъ мнѣ пришлось ѣздить болѣе, чѣмъ за 20 верстъ, въ селеніе Бѣлый - Ручей. Здѣсь уцѣлѣлъ одинъ изъ старыхъ охотниковъ; это былъ пожилой мужчина, лѣтъ около 60; онъ обладалъ кроткимъ выраженіемъ лица, съ прямымъ тонкимъ носомъ; въ его рыжихъ волосахъ не было ни одной сѣдинки, онъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; много десятковъ медвѣдей пало подъ его пулей, и рогатина его славилась далеко по окрестностямъ. Зиму и лѣто онъ живетъ въ лѣсу, рѣдко и не надолго возвращаясь въ свой домъ; весь свой лѣсной заработокъ онъ употребляетъ на свое прокормленіе и на увеселеніе себя горячими напитками, передавъ свою старую подругу на попеченіе младшаго сына, вмѣстѣ съ должностію лѣсника въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ. Въ его сынѣ недостаетъ отцовской честности, прямоты и полной правдивости; сынъ его хотя и владѣетъ весьма многими приемами отца въ преслѣдованіи лѣсныхъ животныхъ—медвѣдей, сѣверныхъ оленей, лисицъ, бѣлокъ и пр., но не можетъ существовать лѣснымъ промысломъ; кромѣ жалованья за должность лѣсника, онъ зарабатываетъ кое-что на судахъ по каналу. Средства, доставаемые ему охотой, не простираются въ годъ выше 75—100 руб. Хозяйство, пашня и пр. ведется его женою и старою матерью. Знакомъ я былъ также съ промышленникомъ въ селеніи Оштинскомъ; большая часть его времени проходитъ также въ лѣсахъ; охоту онъ соединяетъ съ должностію лѣсника, которая отдѣльно оплачивается жалованьемъ около 10 руб. въ мѣсяцъ. Этотъ типъ звѣровщика принадлежитъ уже къ болѣе новому загалу; онъ промышляетъ мелкую дичь съ лягавою собакой; въ рѣдкихъ случаяхъ, послѣ трехъ- или пяти-часовой охоты, возвращается онъ, не убивъ одной или двухъ паръ тетерекъ, куропатокъ, рабчиковъ. Во времена тетеревиныхъ и другихъ выводковъ добыча его простирается иногда до шести десятковъ и болѣе молодыхъ и старыхъ особей въ одинъ день. Въ противоположность другимъ Олонецкимъ охотникамъ или полѣсникамъ, онъ стрѣляетъ не натупъ дичь по большей части на лету, и рѣдкая изъ птицъ избѣгаетъ

его выстрѣла, такъ что онъ прекрасно охотится и на такія породы, какъ бекасъ, дупель, вальдшнепъ. Выѣстъ съ бѣлкой, онъ во время осени и зимы промышляетъ лисицъ, норокъ и ходитъ на медвѣдей. Онъ средняго роста, съ мясистымъ толстымъ носомъ, съ энергичнымъ выраженіемъ лица, по виду силенъ, ловокъ и проворенъ; въ дорогахъ—деликатенъ и услужливъ; цѣлый день ходьбы по лѣсамъ и болотамъ не утомляетъ его; человекъ бывалый; живя въ Кронштадтѣ, собирався въ молодости ѣхать въ Америку и былъ задержанъ. При всѣхъ этихъ качествахъ охота едва-ли доставляетъ ему дохода больше, чѣмъ его годовичное жалованье за лѣсничество; имѣя домъ, онъ заѣмаетъ хлѣбъ и содержитъ небольшое количество скота; въ его домашней обстановкѣ проглядываетъ значительная бѣдность. Въ большомъ Општинскомъ селеніи, гдѣ живетъ этотъ полѣсникъ, не было другихъ, ему подобныхъ, такъ что, кромѣ него, едва-ли и есть такіе крестьяне, которые интересовались бы лѣсною дичью. Можетъ быть, въ селахъ, лежащихъ дальше на югъ отъ Онежскаго озера, охота распространена нѣсколько шире, но при всемъ томъ Витегорская земская управа установила весьма вѣрный взглядъ на этого рода промыселъ въ названномъ уѣздѣ: „Звѣринный промыселъ существуетъ по волостямъ въ незначительныхъ размѣрахъ. Его даже нельзя назвать промысломъ, ибо имъ занимается незначительное число крестьянъ-охотниковъ, сбывающихъ шкурки на ярмарки, отчасти въ г. Витегру, а больше въ Каргополь. Звѣрь, по большей части, убивается огнестрѣльнымъ оружіемъ, и шкура съ него покупается крестьянами-скупщиками изъ Каргополя, гдѣ онъ и выдѣлывается въ мѣха. Охотники-крестьяне стрѣляютъ бѣлку, лисицъ, волковъ, медвѣдей и рѣдко куніцъ, язаца и выдру. Самая большая охота идетъ на бѣлку и начинается съ Покрова; затѣмъ незначительная охота идетъ на лисицъ, волковъ и медвѣдей. Каждая бѣличья шкурка въ невыдѣланномъ видѣ покупается съ первыхъ рукъ за 5 коп., лисья отъ 3 и до 6 руб., волчья отъ 2 до 3 руб. и медвѣжья отъ 7 до 15 руб.“¹⁾ При подобныхъ условіяхъ, когда полѣсничество видимо надаветъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно осенью, появляются сѣверные олени, — какъ

¹⁾ Журналы Витегорскаго уѣзднаго земскаго собранія 1869 г., стр. 76.

это было еще при мнѣ около устья рѣки Вытегры: здѣсь, даже среди глубокаго лѣта, олени выходили на водопой къ озерамъ и оставались въ безопасности; по временамъ около деревень показывается лось, и Тудозѣрамъ удавалось убивать и его. Бѣлка, представляя въ продолженіе годовъ колебанія, иногда увеличивается до того, что и плохой стрѣлокъ-полѣсникъ добываетъ ее въ количествѣ 150—200 штукъ въ осень. Но все это—благодаря ограниченности промышленниковъ.

Иначе дѣло складывается къ сѣверо-востоку отъ Вытегры, въ Пудожскомъ уѣздѣ. Уже нѣкоторые изъ жителей города Пудож уходятъ осенью въ лѣсъ, въ окрестности Сумозера и Водлозера, на птичьи и звѣриные промысла; то же самое дѣлаютъ многіе изъ крестьянъ съ устьевъ Водлы. Въ верхнихъ частяхъ Водлы жители деревни Падуна всѣ промышленяютъ исключительно въ лѣсахъ; то же дѣлаютъ сосѣди ихъ съ Кумбасъ-озера; въ многочисленныхъ деревняхъ по Водлозеру найдется въ каждой по одному и по два человека, владеющихъ ружьями; другіе же добываютъ лѣсную дичь безъ ружей, петлями, слопами и пр. Къ такимъ же звѣровщикамъ-полѣсникамъ и птицеловамъ нужно причислить и жителей Сумозера, вмѣстѣ со многими другими, обитающими къ сѣверу отъ Водлозера—на Пильмасъ - озерѣ, Кѣлкъ - озерѣ и пр. Начиная съ первыхъ чиселъ сентября, полѣсники бродятъ недалеко отъ жилыхъ мѣстъ, заросшихъ березнякомъ, иногда чистымъ, иногда смѣшаннымъ съ сосной, елью и осиною; это—мѣста сележенья, малѣги, на которыхъ нѣкогда бывали пашни, и гдѣ первобытные лѣса вырублены. Здѣсь въ продолженіе осени держится преимущественно рябчикъ, питаясь частію ягодами, а главнымъ образомъ почками березы; до самаго Покрова составляетъ онъ предметъ промысла. Охота за нимъ не требуетъ большихъ затратъ капитала; если у полѣсника есть ружье, тогда нужно только на одинъ рубль или на полтора пороху. Иначе необходимы только петли, волосяныя или конопляныя. Хорошій охотникъ распоряжается тѣмъ и другимъ изъ средствъ одинаково и останется въ большей выгодѣ, чѣмъ ограничивающійся только однимъ. Идя по лѣсу, ловецъ разставляетъ петли, руководствуясь знаніемъ привычекъ рябчика и пазпрая тѣ мѣста, гдѣ онъ кормится, гдѣ охотникъ са-

лѣтся въ землю и чаще оставляетъ свои слѣды. Цѣлыя сотни петель разставляетъ охотникъ на разстояніи десятковъ верстъ, проходя болота и глухія, неприступныя лѣсныя чащи. Рядъ разставленныхъ петель бываетъ соединенъ обыкновенно елва припѣтною тропой и называется путикомъ; смотря по количеству петель и по разстоянію между ними, всѣ петли или путикъ можно обойти въ три, четыре, пять или шесть дней; въ такомъ случаѣ полѣсникъ послѣдовательно, начиная съ одного края, идетъ нѣсколько дней до другаго, осматривая ловушки и обирая съ нихъ дичь; доходя до конца, онъ снова начинаетъ осмотръ сначала. Случается нерѣдко, что рябчикъ, попавшій въ петлю вскорѣ послѣ ея осмотра, остается на долгое время не убраннымъ, въ слѣдствіе чего и портится. Выпадаютъ и такіе случаи, что до прихода полѣсника петли осматриваются другими охотниками до рябчиковъ: особенно этии наклонностями отличаются лисицы; не прочь полакомиться рябичьимъ мясомъ и медвѣдь; охочі до того куницы, горностаи и совы; но внимательнѣе всѣхъ слѣдятъ за петлями вороны, такъ что отъ его извѣстной прожорливости полѣсники терпятъ наиболѣе огорченій и убытковъ. Послѣ рябчика имѣетъ значеніе охота на различныхъ другихъ животныхъ, для чего впрочемъ жители удаляются болѣе и болѣе отъ жилыхъ мѣстъ, въ глубину суземовъ; этимъ промысляютъ уже среди глухихъ лѣсовъ, въ мрачныхъ еловыхъ чашахъ или въ корбахъ (впадинахъ), а также частію и въ сосновыхъ борахъ: бѣлки, куницы, горностаи, лоски, выдры и норки, отчасти случайно разожахи и рысь, составляютъ здѣсь предметъ промысла. Такъ, около Маткалахты, на южномъ концѣ Водлозера, темныя осеннія ночи Сѣвера постоянно застаютъ до 10 и болѣе человѣкъ полѣсниковъ среди лѣса; въ окрестностяхъ Сумозера ищутъ убійства отъ ночныхъ холодовъ въ охотничьихъ лачугахъ, кромѣ туземцевъ, до 15 человѣкъ ловцовъ Пудожанъ, промысляющихъ здѣсь артелями. Счастливы охотники, если онъ найдетъ товарищей въ обычной хижинѣ. Одиночество, тѣсная связь съ лѣсами, таинственными и мрачными, можетъ быть, самъ по себѣ выработавъ въ ловцахъ множество суевѣрій; они спрячутся передъ лѣсомъ и рѣдко, кромѣ страшнаго, загугивающаго, что-либо иное видятъ въ немъ; особенный поводъ къ этому даетъ ельнникъ, загроуживаю-

щій неизменности и корбы: здѣсь еловый лѣсъ тѣсно спланивается; деревья, посылая высоко въ воздухъ тысячи отдѣльныхъ ветшинъ, внизу плотно обнимаются вѣтвями, такъ что и днемъ въ такомъ ельнике мрачно, и даже лѣтомъ прохладно и сыро; одинокіе полѣсники невольно видятъ здѣсь присутствіе подавляющей „вечистой силы“: онъ забываетъ полудницъ, водяниковъ; здѣсь изображеніе его терзается мыслью о лѣшшемъ; это „хозяинъ лѣса, обладающій сворою собакъ; онъ постоянно ходитъ по своимъ владѣніямъ; вдали и вблизи отъ него шныряютъ псы, розыскивая между прочимъ, полѣсниковъ, и даже днемъ являясь передъ ними. Если „крестная сила“ поразитъ собаку, то она мгновенно исчезаетъ, и затѣмъ вдали раздается сильный и потрясающій свистъ ея хозяина. Въ томъ случаѣ, если собака, появившись между полѣсниками, дровосѣками или рыбаками, приметъ отъ нихъ и сѣсть кусокъ хлѣба или рыбы, то съ нею начинаются судороги, ее бросаетъ изъ стороны въ сторону или на аршинъ вверхъ, въ наказаніе за измѣну хозяину. Угрюмая жизнь полѣсника еще болѣе омрачается сознаніемъ, что всякая пѣсня, веселье, смѣхъ послужатъ причиной, по которой онъ долженъ сдѣлаться жертвой хозяина лѣса; поэтому пребываніе въ лѣсу становится для него еще болѣе томительнымъ, и онъ жаждетъ наконецъ встрѣчи съ товарищами, что не всегда удается. Ненастная погода и вьюги часто разлучаютъ охотниковъ; иногда плохое знакомство съ мѣстностью надолго задерживаетъ ихъ въ лѣсу одиночными, вдали даже отъ тѣхъ хижинъ, которыя по своему виду и устройству, по своей печекѣ-каменкѣ, напоминаютъ каменный вѣкъ. Въ томъ случаѣ, когда полѣсникъ сбивается съ дороги, онъ ориентируется въ мѣстности положеніемъ солнца, характеромъ коры на деревьяхъ: съверная сторона послѣднихъ всегда шероховата, съ лишайми; или онъ принимаетъ въ соображеніе муравейники, которые лежатъ всегда около деревъ, на южномъ приискѣ. Часто полѣсники, находясь въ одиночествѣ, варятъ себѣ пищу въ берестѣ, точно также, какъ это бывало у жителей каменнаго періода. Бываетъ и такъ, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ собирается на ночь до 20—30 человекъ полѣсниковъ, особенно въ ненастную погоду; такимъ пріютомъ служитъ домъ одного Вирозѣра, расположенный на берегу озера Вп-

розера; гостепріимный хозяинъ всѣхъ угостить и пріютить, такъ какъ онъ самъ—знаменитый полѣсникъ. Сборища повторяются у него далеко за сентябрь; почти каждый вечеръ собираются у него сотоварищи и ведутъ длинные рассказы о своихъ приключеніяхъ, о своей добычѣ, которая у однихъ въ день простирается до 10 бѣлокъ, и отъ пяти до шести штукъ рябчиковъ; у другихъ, менѣе счастливыхъ, денной трудъ вознаграждается едва одною парочкой бѣлокъ, одною или двумя штуками рябчиковъ, или же и того менѣе. Вообще, періодъ осенней охоты продолжается до первыхъ снѣговъ и рѣдко длится болѣе 3 или 4 недѣль; тутъ хорошій охотникъ добываетъ дичи на 30 руб. сер. или даже и на 50; менѣе удачный ловець наживаетъ до 20 руб. При этомъ хорошій охотникъ убиваетъ въ осень отъ 150 до 200 бѣлокъ, и въ томъ случаѣ, если онъ раньше не застрѣлъ ихъ, отдаетъ по 10 коп. каждую; если же впередъ забраны деньги, то изъ 200 штукъ 50 бракуются, и тогда онъ всѣ 200 отдаетъ за 150 штукъ, и только по 9 коп. за каждую, получая за все вмѣсто 20 руб. только 13 руб. 50 коп. Въ такомъ случаѣ осталшая сумма, превышающая иногда 30 руб., наживается на рябчикахъ, число которыхъ на охотника, промысляющаго ружьемъ и петлями, простирается за 60 паръ въ осень. У многихъ же добыча рѣдко достигаетъ 50 паръ, которыя, принимая по 24 коп. за каждую, дадутъ охотнику 12 руб. влового дохода.

Здѣсь мы видѣли только осенній періодъ промысла, и многіе изъ полѣсниковъ имъ только и ограничиваются; кромѣ рябчика и бѣлки, большинство другихъ животныхъ добывается по большей части зимой. Мѣстность, гдѣ развиты всякаго рода звѣриные промыслы, въ томъ числѣ и зимніе, лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Водлозера, на предѣлахъ Пудожскаго уѣзда и Архангельской губерніи: это такъ называемый Кривой Поясъ; здѣсь течетъ рѣка Кожа, съ деревней дворовъ въ 20; недалеко приходъ Янгъ-Гора. Безплодная мѣстность, покрытая еще болѣе густыми лѣсами, чѣмъ около Водлозера, упорно поддерживаетъ въ жителяхъ привычку къ звѣриному промыслу, и они, не ограничиваясь своею мѣстностью, даже осенью разсѣпаются по окрестностямъ. Они идутъ въ Архангельскую губернію, за Кенозеро къ Каргополю, къ Онежскому озеру. Заходятъ и на Водлозеро, гдѣ около

деревни Пильмась-озера одинъ такой полѣсникъ становалъ многу времени. И между тѣмъ какъ мѣстные охотники убиваютъ бѣлокъ до 200, эти странники доводятъ свою добычу до 300 штукъ.

Во время зимы преслѣдуется полѣсниками куница, дающая мѣсяцѣною отъ 1 рубля до 5; охота за нею довольно трудна; чтобы найти ее, полѣсникъ иногда идетъ день и два и болѣе по слѣду ея на снѣгу; онъ видитъ, какъ куница охотится за зайцами, ступая имъ изъ слѣда въ слѣдъ; ловя рябчиковъ, она скачетъ отъ одного дерева на другое, хватая ихъ часто на лету. Ближе всего связана она съ бѣлкой, питается ею и отнимается у нея гнѣзда, такъ что даже численность ея связана съ численностью бѣлки. Выслѣживая куницу, полѣсникъ старается загнать ее на дерево, пуская по ней пулю. Иногда, во время выслѣживанія, застигаетъ полѣсника ночь со снѣгомъ и вьюгой, заносящею слѣды, и тогда разъ выслѣженная куница считается почти потерянною, но не всегда; опытный охотникъ находитъ ее тогда по тѣмъ хлопьямъ снѣга, которые она стряхиваетъ на землю, скача по деревьямъ. Въ такихъ случаяхъ охотникъ ночуетъ въ лѣсу, разгребая снѣгъ, разводя большой огонь и едва удовлетворяя свой аппетитъ. Наилучшая зима даетъ въ добычу штукъ 5 куницъ и рѣдко болѣе на ружье. Сюда же нужно отнести горностая, который попадаетъ въ такомъ же количествѣ. Лисица во время зимы ловится больше всего въ вляпцы; преслѣдуя зайцевъ и лѣсную птицу, она ходитъ также за равными животными, даже за кунницей; встрѣчая слѣды лыжъ, она рѣдко черезъ нихъ переходитъ; часто идетъ около нихъ, то приближаясь, то отдаляясь. Если жъ она переходитъ черезъ нихъ, то сильными скачками; не смотря на это, въ вляпцы она попадаетъ въ количествѣ 10 штукъ на охотника въ хорошій годъ. Обыкновенно жъ она въ численности колеблется, вмѣстѣ съ зайцемъ, которымъ она питается. А заяцъ-бѣлякъ въ послѣдніе года становится особенно малочисленнымъ; въ то время, какъ прежде въ 300 петель попадался зайцы десятками, теперь въ тотъ же періодъ времени едва остаются въ петляхъ 2 или 3 штуки. Рысь и росомаха также бродятъ въ здѣшнихъ лѣсахъ; первая ухаживаетъ чаще всего за зайцами, куropатками, тетерками, глухарями и рябчиками и рѣдко за оленемъ, котораго охотѣе, по рассказамъ полѣсниковъ, преслѣ-

уесть росомаха, нападая на него даже съ деревь. Съ цѣлью
ѣмъ—нибудъ поживиться, ходить она за рысью и лисицей, и охот-
никъ, благодаря ей, рискуеъ лишиться добычи, если оставляетъ
е плохо въ лѣсу. Она убивается чаще рыси и даетъ шкурку,
стоющую до 2 руб. Около значительныхъ рѣкъ ставятъ кляпцы на
выдру, въ небольшихъ—на норку; охота за этими животными воз-
можна во всякое время года, такъ какъ шкурка ихъ не измѣняетъ
своихъ качествъ. Двѣ-три выдры и нѣсколько норокъ становятся
въ годъ предметомъ добычи.

Но и звѣри при столкновеніи съ человѣкомъ видимо цивили-
зуются; это замѣтно на медвѣдѣ; обращая здѣсь на себя вниманіе
по своей значительной численности и принося большой вредъ въ хо-
зяйствѣ, онъ подвергается гоненію; рѣдкій изъ хорошихъ полѣсни-
ковъ не испробовалъ на его бокахъ своей пули или рогатини, подни-
мая его изъ берлоги, которой полѣсникъ ищетъ съ большою осто-
рожностью около Покрова. Онъ идетъ черезъ самыя глухія корбы и
густыя чащи туда, гдѣ трудно пробирается и человѣкъ. Намедни мѣс-
то для берлоги, онъ старается скрыть въ ней всякіе слѣды свои; для
этого онъ ложится прежде, чѣмъ выпадаетъ снѣгъ; подходя къ ней,
онъ обыкновенно скачетъ черезъ пни и колоды; иногда всякіе
слѣды его пропадаютъ; въ такомъ случаѣ опытные полѣсники за-
мѣчаютъ, что онъ, поворачивая назадъ, идетъ по старымъ слѣ-
дамъ, пятится и затѣмъ дѣлаетъ прыжокъ въ сторону. Не смотря
на эти уловки, убѣжище медвѣды обнаруживается, и промыселъ на
него повторяется неоднократно въ одну и ту же зиму, въ одномъ
и томъ же охотничьемъ семействѣ.

Изъ травоядныхъ имѣетъ нѣкоторое значеніе лось, появляющій-
ся періодически на юго-востокѣ Олонецкой губерніи; многіе изъ
плохихъ полѣсниковъ боялись лоса, полагая, что онъ лягается, и
бѣжали отъ него, съ вторженіемъ его, лѣтъ 10 или 25 назадъ, въ
Олонецкую губернію, быть можетъ, по пословицѣ: „на медвѣды
идеешь—готовъ постель; на лоса—теши доски“. Въ послѣднее время
лось показывается чаще, и одному старому полѣснику удавалось
въ одинъ день класть на мѣстѣ стадо въ шесть штукъ. Гораздо
и до сихъ поръ распространеннѣе промыселъ на оленя; онъ имѣетъ
мѣсто преимущественно по насту. Десятка два лѣтъ назадъ олень

*

былъ многочисленнѣе; два - три полѣсника клали въ одинъ дѣлѣ стада, въ десятки штукъ; таковы жители Криваго Поля, которые и до сихъ поръ загоняютъ иногда къ Водлозеру стада дикихъ оленей, иногда и „мѣченныхъ“ — одичавшихъ. Въ наше время весной олень держится больше около Онежскаго озера, куда стекаются жители съ разныхъ краевъ, съ Водлы, съ Вамы и проч. Здѣсь онъ, опасаясь нападенія, большую часть времени проводитъ на льду, въ открытыхъ мѣстахъ, и выходитъ на материкъ или острова только покормиться, при чемъ его и поджидаютъ ловцы. За мѣтивъ ихъ присутствіе, олень съ быстротою вѣтра, „съ вѣтромъ вдругъ“, какъ выражаются полѣсники, пускается въ бѣгство, долго не являясь потомъ за пищей. Преслѣдованіе оленей длится иногда по пяти и болѣе дней, до тѣхъ поръ, пока всѣ особи не будутъ перебиты. Бываютъ и теперь случаи, что пять человѣкъ въ три недѣли добываютъ около 30 штукъ; но это исключеніе, такъ какъ охотникъ считается счастливымъ, если добудетъ въ годъ нѣсколько оленей. Лѣтомъ олень еще болѣе завлекателенъ: въ это время онъ бываетъ сильно жиренъ: самцы вѣсятъ до 12 пудовъ и даютъ 2 пуда жиру; но тогда онъ становится менѣе доступнымъ: онъ держится въ самыхъ глухихъ корбахъ и далеко слышитъ приближеніе врага. Единственное средство найти его — собака: собака, содержащая на цѣпи, идетъ по слѣдамъ оленя, которые для охотника почти не замѣтны; она пересѣкаетъ ихъ въ различныхъ направленіяхъ и подводитъ наконецъ хозяина къ скрытому въ чащахъ рогатому обитателю лѣса. Вообще собака дорога и въ другихъ отношеніяхъ: она розыскиваетъ бѣлку, выслѣживаетъ куницу, указываетъ подо льдомъ присутствіе выдры, находитъ норку и часто спасаетъ жизнь хозяина отъ медвѣдя. Столько добрыхъ качествъ въ простой, но умной лайкѣ! Нужно отдать справедливость и хозяевамъ этихъ лаекъ. Какъ всякая дѣятельность вызываетъ въ человѣкѣ развитіе соотвѣтственныхъ органовъ, такъ и звѣроловство ведетъ къ усиленію зоркости глаза, къ развитію въ немъ способности различать чрезвычайныя мелочи и тонкости во внѣшнемъ видѣ предметовъ, особенно тѣхъ, которые составляютъ цѣль преслѣдованій и поисковъ; въ подобныхъ случаяхъ рѣдко самая даль разстоянія, вѣтви высокаго и мрачнаго дерева скроютъ

отъ опытнаго глаза желанное существо. Тамъ, гдѣ не беретъ глазъ, полѣсникъ пользуется своимъ слухомъ: онъ понимаетъ всякій звукъ въ природѣ и пользуется имъ для своихъ цѣлей; если въ лѣсу мертвая тишина, онъ самъ вызываетъ эти звуки и голоса; такъ, на его свистокъ, сдѣланный изъ очина гусинаго или лебединаго пера, откликаются рябчики и слетаются съ разныхъ сторонъ, почти ударяясь иногда о самую голову полѣсника. Во многихъ случаяхъ является наконецъ неизбѣжная работа ума — необходимость изучить привычки животныхъ, образъ ихъ жизни и воспользоваться ими наиболѣе выгоднымъ образомъ; но и сообразительность, не смотря на всю свою силу въ Олонецкомъ полѣсникѣ, поражается въ свою очередь выстрѣломъ, удачно пущеннымъ по птицѣ въ лѣтъ, и становится въ тупикъ передъ десяткомъ другихъ, сдѣланныхъ въ нѣсколько мгновений изъ ружья, заряжающагося съ казенной части; все это приписывается уже волшебной силѣ. „Онъ съ нечистой силой знается“, нерѣдко говорится, впрочемъ, и про коренныхъ, природныхъ мѣстныхъ полѣсниковъ, ушедшихъ нѣсколько далѣе массы въ своемъ промыслѣ.

Въ ряду другихъ занятій населенія полѣсна занимаетъ у многихъ семействъ видное мѣсто, особенно тамъ, гдѣ ловится мало рыбы; но въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ жители исключительно ею ограничиваются. Для характеристики приведу нѣсколько примѣровъ. Охотничій духъ наиболѣе проявляется на Вирозерѣ; на берегу его живетъ одно семейство — Вирозеровыхъ. Нижеслѣдующій разсказъ старшаго изъ двухъ братьевъ (передаваемый мною своими словами) покажетъ, какъ образовалось ихъ поселеніе; изъ него же можно видѣть, какъ отражаются историческія событія въ средѣ простого народа: „Предокъ нашъ поселился здѣсь при Петрѣ Великомъ; онъ служилъ деньщикомъ у Долгорукаго, который тогда былъ при царевнѣ Софьѣ. Петръ, будучи малолѣтнимъ, хотѣлъ сжить съ престола сестру свою; но войско не захотѣло ему повиноваться, говоря, что онъ еще молодъ. Отъ этого царь уѣхалъ въ Англію и тамъ у Лефорта учился строить корабли. Возвратился онъ сильнымъ и возмужалымъ, овладѣлъ войскомъ — въ то время были только стрѣльцы — и сжилъ сестру. Тогда приказалъ казнить всѣхъ стрѣльцовъ и самъ оккупировалъ перваго солдата, по образ-

цу котораго приказалъ снаряжать и другихъ. Предокъ нашъ послѣ этого, во избѣжаніе участи другихъ стрѣльцовъ, былъ уволенъ Догорувимъ въ чистую отставку, съ условіемъ жить болѣе или менѣе скромно и скрытно, въ случаѣ если будутъ розыски. Предокъ и удалился сначала на свою родину, въ селеніе Мошу, Каргопольскаго уѣзда, а оттуда по причинѣ видности этого мѣста—въ негдѣ было правленіе и начальство,—въ деревню Усть-Колоду. Въ Усть-Колодѣ онъ женился и тогда ужъ поселился на Вирозерѣ, гдѣ было въ это время до шести дворовъ, состоявшихъ изъ господскихъ бѣглыхъ. Въ виду новой опасности и розысковъ бѣгле удалились, а отпущеннымъ и свободнымъ вышелъ потомъ указъ жить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они поселились; почему предокъ и остался только одинъ на Вирозерѣ. Здѣсь потомки этого стрѣльца живутъ и до нашего времени, отличаясь чисто русскимъ характеромъ, гостепріимствомъ и добродушіемъ. Не проходитъ мимо нихъ ни одинъ путникъ безъ отдыха и угощенія. Всѣ Вирозёровы — полѣсники. Болѣе, чѣмъ до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія полѣсна играли у нихъ почти исключительное значеніе въ жизни, и на хлѣбопашество и другіе промыслы вовсе не обращалось вниманія. Но послѣднее живое поколѣніе должно было измѣнить такое положеніе дѣлъ; земледѣліе сдѣлалось необходимою, потребовалось больше скота и т. д. Нынѣ Вирозёровы засѣвають значительное количество озимы, ячменя, овса, гороху и картофелю; имѣютъ около десятиа овецъ, не меньше коровъ всякаго возраста и нѣсколько рабочихъ лошадей. Уборка и посѣвъ хлѣба и заготовка сѣна требуютъ немало времени. Затѣмъ въ ихъ жизни играетъ немалую роль рубка лѣса; почти ежегодно одинъ изъ Вирозёровыхъ совершаетъ зимою поѣздку къ Білому морю за солью. Въ хозяйствѣ ихъ вообще, сравнительно съ сосѣдними деревнями, замѣчается исправность и достатокъ; старая прадѣдовская изба приходитъ уже въ полное разрушеніе; поэтому выстроенъ новый большой домъ, съ горницей и жилою избой. Къ озеру сдѣлана большая насыпь, въ видѣ моста; въ хлѣвахъ выкладены печки для того, чтобы зимою отоплять ихъ, а лѣтомъ, разводя огонь и дымъ, спасать домашнихъ животныхъ отъ овода. Одни изъ членовъ семейства, не говоря о такихъ періодахъ времени, какъ охота за рябчиками и бѣлкой, и весна съ оленями, постоянно навѣщаютъ

въ свободную пору свои пустынные окрестности, высматривая и выслѣживая то медвѣдей, то другихъ лѣсныхъ животныхъ. Съ другой стороны, во время сильныхъ зимнихъ вьюгъ заносятся всѣ дороги къ сосѣднимъ деревнямъ; поэтому одинъ изъ Вирозѣровыхъ, закладывая пару лошадей въ сани, ѣздитъ къ разнымъ деревнямъ, чтобы хотя сколько-нибудь возстановить къ нимъ пути сообщенія, иначе сношенія съ сосѣдями были бы совершенно порваны; но во всякомъ случаѣ зимнія дороги здѣсь лучше, чѣмъ лѣтнія; лѣтомъ къ Вирозеру возможно пробраться съ разныхъ сторонъ, но только пѣшкомъ или шагомъ на верховой лошади. Не смотря на нѣкоторое довольство и благосостояніе, Вирозѣровы однакоже мало размножились. Изъ двухъ братьевъ, нынѣ живущихъ, одинъ остался не женатымъ; онъ набоженъ и любитъ читать рукописи духовнаго содержания; не смотря на то, что ему болѣе 60 лѣтъ, онъ съ виду крѣпокъ, дюжъ въ тяжелыхъ работахъ, высокъ ростомъ, съ лицомъ женственнаго характера, съ румянцемъ, почти безъ морщинъ: черты замѣчательныя, и можетъ быть, соединенныя съ безбрачіемъ. Второй изъ братьевъ ниже ростомъ, но плотнаго сложенія; у него чистое лицо, волосы съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, носъ высокій, тонкій, удлинennyй; къ этому присоединяется громадная борода, которая однакоже не отнимаетъ у него нѣкоторой молоджавости. Онъ оказался теперь на лицо единственнымъ плодовитымъ потомкомъ стрѣльца временъ Софьи; у него четыре сына и дочь. Старшій изъ сыновей едва по виду отличается отъ отца; даже люди близкіе часто по ошибкѣ смѣшиваютъ отца съ сыномъ; онъ давно женатъ, но бездѣтенъ, и нѣтъ у него и надежды на потомство. Это послѣднее явленіе зависить, можетъ быть, отъ того, что у него жена—„неровня“, она старше мужа, флегматичнаго характера, и кажется, позносившаяся до замужества; ни одна изъ дѣвицъ въ окрестностяхъ, болѣе подходящая и по лѣтамъ и по характеру къ молодому Вирозѣрову, не согласилась быть его супругой, такъ какъ всѣ боялись Вирозѣрскаго заклостыя и безлюдья; такимъ образомъ, изолированность поселенія отъ другихъ служить здѣсь, можетъ быть, препятствіемъ къ значительно быстрому размноженію; она же, вѣроятно, повліяла на нѣсколько мистическое настроеніе одного изъ старшихъ въ семействѣ. Отсюда можно видѣть, до какой степени

медленно, въ періодъ болѣе чѣмъ полтора ста лѣтъ, растутъ разбѣжія силы въ пустынныхъ лѣсахъ Олонецкой губерніи: явленіе, съ которымъ еще придется намъ встрѣтиться.

Другіе представители полѣсниковъ также живутъ далеко не одною полѣсною; въ наиболѣе усердно преданнымъ охотѣ относится крестьянинъ Кирило, съ Куго-Наволока на Водлозерѣ; бывая въ лѣсу главнымъ образомъ осенью, зиму онъ проводитъ около Пудожа, Каргополя и пр.; переходя изъ деревни въ деревню, онъ дѣлаетъ по заказу „валенцы“ изъ шерсти; стануетъ обыкновенно у того, кому исполняетъ заказъ; иначе ищетъ пристанища въ первомъ изъ домовъ въ деревнѣ, гдѣ по своей находчивости скоро заслуживаетъ очень хорошій пріемъ и угощеніе: такъ было, напримѣръ, съ нимъ въ то время, когда онъ далъ совѣтъ одной старушкѣ выводить клоповъ. „Нужно, бабушка, взять одного клопа, вырыть ему яму безъ лопаты, глубиною въ аршинъ, и положить его на дно: тогда не будетъ больше клоповъ“. Старушка, чѣмъ только могла, отплатила ему за совѣтъ, но ямы вырыть не сумѣла, такъ какъ пальцы были стары, а земля, гдѣ, по указанію Кирилы, нужно было вырыть яму, была необыкновенно тверда. Заработывая въ зиму рублей 40 или 50, онъ при переѣздахъ нанимаетъ иногда подводъ; однажды, не доходя до Пудожа 8 верстъ, онъ, чтобы въѣхать въ городъ съ надлежащею важною, нанялъ везти себя на санихъ 8 дѣвицъ, съ платою по 1 руб. каждой. Лѣтомъ онъ занятъ около дома, на полевыхъ работахъ; изрѣдка ходитъ на утокъ и продаетъ ихъ сельскому писарю по 1½ коп. каждую. Крестьянинъ Степанъ съ дер. Чуялы, также посвящая полѣснѣ только осень, зимою и весною занятъ рубкой лѣса на лѣсопильномъ заводѣ. Опредѣлить общее число полѣсниковъ въ окрестностяхъ Водлозера не возможно, но приблизительно оно сходствуетъ, вѣроятно, съ числомъ таковыхъ же въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, гдѣ полѣсна играетъ не менѣе важную роль. Отъ мѣстныхъ наблюдателей извѣстно объ этомъ слѣдующее: „Общій для всего уѣзда промыселъ, за исключеніемъ Шунгской волости, такъ сказать, первобытный и далеко не представляющій средствъ въ обезпеченію продовольствія населенія: это промыселъ за рыбою, птицею и звѣремъ. Число лицъ, занимающихся въ уѣздѣ охотою, можно опредѣлить приблизительно по количеству ружей—въ 2,000

человѣкъ. Все мужское населеніе уѣзда, кромѣ Шунги, по ревизіи оставляетъ 7,500 душъ. Исключивъ изъ этого числа всѣхъ не способныхъ заниматься охотою, какъ на примѣръ, стариковъ и дѣтей, можно съ нѣкоторою достовѣрностію сказать, что въ Повѣнецкомъ уѣздѣ на трехъ человѣкъ мужскаго пола одинъ промышленникъ за звѣремъ и птицею¹⁾. Около самаго Водлозера, гдѣ развито рыболовство, полѣсниковъ, вѣроятно, меньше²⁾, но въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ большихъ озеръ, отношеніе между числомъ промысляющихъ звѣря и птицу и непромысляющихъ не меньше, если только не больше, чѣмъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Не смотря на это, въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось мнѣ находить лѣтомъ старшаго кремневая ружья полѣсниковъ въ исправности, какъ это было въ дер. Охтомѣ, у старосты; въ большинствѣ случаевъ ружья лежатъ заржавленными, и когда полѣснику прійдется случайно взять оружіе, то много разъ вспыхиваетъ порохъ, прежде чѣмъ раздается выстрѣлъ.

Какъ уже видно изъ предыдущаго, охота удовлетворяетъ только части потребностей крестьянина, и то не въ такой степени, какъ это было бы возможно; я указалъ на примѣръ зависимости полѣсниковъ, особенно бѣдныхъ, отъ скупщиковъ ихъ товара: заборъ впередъ деньгами, хлѣбомъ или другими продуктами подъ будущую дичь широко распространенъ въ Пудожскомъ уѣздѣ; характеризуя собою всѣхъ звѣропромышленниковъ сѣвера Россіи³⁾ и Сибири, эта сильная зависимость охотниковъ отъ скупщиковъ пушнаго товара и дичи представляется обыкновеннымъ явленіемъ и въ другихъ уѣздахъ Олонецкой губерніи. Относительно Повѣнецкаго уѣзда укажу на слѣдующій фактъ: „Когда гуртовщики-хлѣботорговцы безъ посредства мелкихъ скупщиковъ вступаютъ въ сношенія съ

¹⁾ Памят. кн. Олонецк. губ. за 1868—1869 г. отд. II, стр. 21.

²⁾ При этомъ нужно замѣтить, что и около самаго Водлозера встрѣчаются деревни, гдѣ почти все мужское населеніе — полѣсники; такова деревня Варипельда.

³⁾ На этотъ фактъ сильной зависимости звѣропромышленниковъ отъ кулаковъ указываетъ—относительно Вологодской губерніи— г. Фл. Аросъевъ въ своей книгѣ: „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы“, стр. 62—64. Между Зырянами, какъ и ниже будетъ указано, скупщики наживаютъ при оборотахъ до 100%.

звѣропромышленниками, задавая имъ хлѣбъ впередъ подѣ звѣрѣ то получаютъ чистаго барыша при оборотахъ до 100%¹⁾. О подобномъ же фактѣ свидѣтельствуетъ Вытегорская уѣздная земская управа: „Сколькимъ, на примѣръ, лицамъ даютъ возможность изжитися безъ особаго труда Олонецкіе рябчики; сколько ненужныя посредниковъ стоитъ между крестьяниномъ, ловящимъ рябчиковъ и отдающимъ на мѣстѣ скупщику-кулаку пару за 15 коп., и Петербургскимъ покупателемъ, платящимъ за ту же пару, полѣ частью полунсгнвшую уже, 60 коп. и дороже: куда дѣлись эти на каждую пару 45 коп., оплаченныя потребителемъ?“²⁾

За всѣмъ этимъ нужно принять во вниманіе періодическія колебанія въ количествѣ лѣсной дичи: въ одни года мало бѣлки, въ другіе—рябчика, или рѣдѣютъ въ количествѣ зайцы, лисы; подобныя явленія часто увлекаютъ крестьянъ въ меньшее бѣдствіе. Но затѣмъ существуетъ еще одно обстоятельство болѣе важное; это—общее уменьшеніе количества животныхъ, населяющихъ сѣверныя лѣса. Выше я указалъ, что многіе виды, какъ на примѣръ, кабанъ, бобръ, и можетъ быть, соболь истреблены на Сѣверѣ³⁾; что съ измѣненіемъ фауны въ этомъ направленіи было связано и вымирание первобытныхъ племенъ; въ доказательство, что

¹⁾ Памяти. книж. Олон. губ. за 1868—1869 г. отд. II, стр. 21.

²⁾ Журналы Вытегорскаго уѣзди. очередн. земск. собр. 1869 г. Петрозаводскъ, стр. 79. При этомъ я долженъ замѣтить, что указанная цѣна 15 к. за пару рябчиковъ понижается на мѣстѣ въ томъ случаѣ, если впередъ заданы деньги охотникамъ. Что же касается до цѣны за пару тѣхъ же рябчиковъ въ Петербургѣ въ 60 и болѣе коп., то по отношенію къ Олонецкой губерніи и это вѣрно: отсюда птица идетъ въ С.-Петербургъ въ октябрѣ и въ ноябрѣ, когда цѣны на дичь высоки, зимой же цѣна рябчиковъ нѣсколько понижается потому, что они въ большомъ количествѣ пребываютъ изъ сѣверо-восточныхъ губерній.

³⁾ Относительно уменьшенія количества звѣрей есть данныя въ упомянутой нами книжкѣ г. Арсеньева: „Зириане и ихъ охотничьи промыслы“. Уменьшеніе количества звѣрей служитъ отчасти причиной повышенія цѣны на пушной товаръ; бобровъ совершенно нѣтъ, соболь ловится Печорцами за Уральскимъ хребтомъ (стр. 65), хотя прежде соболи, а лѣтъ пять назадъ (?), и бобры служили для Зирианъ предметомъ промысла (стр. 15). Общій характеръ охоты въ Зирианскомъ краѣ тотъ же, что въ Олонецкомъ, начиная съ пріемовъ охотниковъ до лопушекъ и пр.

уменьшеніе количества пушнаго звѣря и птицы происходитъ на Сѣверѣ и до сихъ поръ, приведу еще одинъ фактъ, заимствуя его цѣликомъ изъ „Памятной книжки Олонецкой губерніи за 1868—1869 гг.“ (онъ касается Шунгской ярмарки, Повѣнецкаго уѣзда): Пушнаго товара было привезено нынѣ (1869 г.) менѣе противъ прошлаго года на 9,000 руб. Какъ колеблется количество этого товара въ разные годы на ярмаркѣ, показываетъ слѣдующая таблица:

Въ 1860 году привезено на . .	124,000	руб.
„ 1862 „ „ „ . .	138,000	„
„ 1864 „ „ „ . .	72,000	„
„ 1865 „ „ „ . .	23,000	„
„ 1868 „ „ „ . .	40,000	„
„ 1869 „ „ „ . .	31,000	„

„Такимъ образомъ теперь привозится въ четверо меньше, чѣмъ 9 лѣтъ назадъ. Пушной товаръ, какъ и птица, на ярмарку свозится изъ большей части сѣверныхъ губерній. Количество привозимой на ярмарку дичи также съ каждымъ годомъ уменьшается; въ нынѣшнемъ году привезено менѣе прошлогодней ярмарки на 20,000 паръ, а въ 1860 году однихъ рябчиковъ было въ 13 разъ болѣе, чѣмъ нынѣ всей птицы“ ¹⁾. Итакъ, звѣроловство и птицеводство представляются постоянно и все болѣе и болѣе скудѣющею статьею заработка для крестьянина, тогда какъ другія отрасли промышленности совсѣмъ не оказываютъ въ Олонецкой губерніи такого быстраго развитія или прогресса, который далъ бы населенію хотя какую-нибудь возможность пополнить недостатокъ средствъ существованія отъ полѣсни.

¹⁾ Пам. кн. Олон. губ. 1868—1869 г., стр. 89.

III.

Распространенность рыболовства въ Олонецкой губерніи обуславливается изобиліемъ водъ. Рыбы; промыслы зависятъ отъ временъ года. Уже въ подо льдомъ при у. Вытегры. Ловля корюшки. Ловля рыбы мережками въ рѣкамъ и озерамъ, а также и другіе способы. Рыболовство на Онежскомъ озерѣ: масельга или крючки. Невода, дѣйствующіе наемными рабочими; условія найма и бытъ неводчиковъ. Ходъ лова неводомъ. Промыселъ сига въ у. Водлы, на восточномъ берегу Онежскаго озера. Равномѣрное распредѣленіе шансовъ на уловъ между 400 человекъ; общій суточный уловъ и выгода, получаемая отъ него прасолами. Трудность сбыта продуктовъ рыбнаго промысла, зависимость крестьянъ отъ скупщиковъ; временной, но удачный исходъ изъ этого положенія. Лѣтняя крестьянская неводьба у Вытегорскаго устья. Рыболовство по р. Водлѣ. Рыбы въ озерѣ Водлозерѣ: способы ихъ ловли. Общее количество улова невыгода его сбыта; скудость рыбы лѣтомъ; первобытные способы заготовки рыбы въ прокъ. Трудность путей сообщенія и вліяніе ихъ на убыточность рыболовства.

Рыболовство не менѣе характерно для Олонецкой губерніи, чѣмъ полѣсны; являясь здѣсь не менѣе первобытнымъ, оно представляется еще болѣе распространеннымъ среди Олончанъ, чѣмъ погоня за звѣрями и птицами; причина этому лежитъ въ самой природѣ мѣстности, въ томъ, что площадь главныхъ водъ Олонецкой губерніи равняется почти одной седьмой части площади всей губерніи; сюда входятъ такіе водоемы или ихъ части, какъ Онего, Ладога, Выгъ, Сегъ, Лачъ, Водлозеро и пр., за исключеніемъ многихъ другихъ, весьма многочисленныхъ, и также съ немалою общеою площадью, какъ Кенозеро, Сумозеро и др. Число рыбъ, водящихся въ озерахъ, доходитъ до 43 видовъ ¹⁾, и между ними есть и мелкіе, не составляющіе предмета ловли, какъ-то: въюны, колюшка и пр. Въ числѣ же важныхъ для практики рыбъ стоятъ различныя виды, начиная съ корюшки, пудъ которой доходитъ весной до 10 и 20 коп., и проходя ершей, окуня, плотву, карася, язей, щуку до лещей, налимовъ, или наконецъ, сига и различныхъ лососей. Особеннымъ разнообразіемъ отличаются рыбы послѣдней категоріи: сига распространены въ водахъ въ количествѣ семи видовъ, включая сюда

¹⁾ Е. Кесслеръ, Матеріалы для познанія Онежскаго озера и Обонежск. края. Прилож. къ Труд. перваго сѣзда Р. Естествоисп., стр. 32. Здѣсь подробно рассмотрѣно распространеніе всѣхъ видовъ рыбъ, образъ ихъ жизни, съ очеркомъ рыболовства.

сига-рапушку и кильца: здѣсь встрѣчается сигъ чолмужскій, сигъ зобатый, лудожный, песочный и проходной, съ разными видоизмѣненіями и переходными формами; изъ собственно ло осевыхъ въ водахъ водятся: лосось благородный, палия, форель (торпа) и таймень. Къ этимъ природнымъ мѣстнымъ формамъ присоединяются еще другія, расселившіяся здѣсь въ недавнее время и случайно: стерлядь и сомъ. Стерлядь еще въ 1845 году временно ловилась около Петрозаводска; тогда полагали, что лѣтъ за 20 предъ тѣмъ ¹⁾ былъ разбитъ на Онежскомъ озерѣ живорыбный садокъ со стерлядями, которыя и расселились по озеру; съ другой стороны, есть показанія, что крушеніе садка со стерлядями произошло еще при намѣстникѣ Тутюминѣ, слѣдовательно, между 1784—1789 гг. ²⁾ По такому же случаю появился и сомъ въ Онежскомъ озерѣ, а можетъ быть, и сигъ чолмужскій, сходный съ бѣлорыбцей.

Рыболовство по временамъ года и въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ различныя отбѣнки; это зависитъ отъ рыбъ, водящихся въ разныхъ озерахъ, отъ ихъ привычекъ переселяться для метанія икры и отъ склонности ихъ держаться въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ: на камняхъ, по отмелямъ, въ камынахъ или въ глубокихъ частяхъ озеръ, на большихъ разстояніяхъ отъ береговъ; притомъ въ мелкихъ озерахъ преобладаютъ одни рыбы—карповыя, которыхъ для всего края, по Кесслеру, насчитывается до 10 или 11 видовъ; другія, напримѣръ, лососевыя, которыхъ извѣстно здѣсь до 13 или 14 видовъ ³⁾, предпочитаютъ большіе водоемы.

¹⁾ Олонецк. губ. вѣд. 1845 г. № 35.

²⁾ Памятн. кн. Олон. губ. за 1868 — 1869 г., отд. II, стр. 214. Стерляди ловятся въ Онежскомъ озерѣ и до сихъ поръ, почему нужно думать, что онѣ здѣсь и размножаются. Мнѣ дѣйствительно пришлось убѣдиться изъ разсказовъ, что стерлядь размножается въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Онегу съ юга. Въ послѣдніе года ловили небольшихъ стерлядей въ р. Оштѣ. Еще чаще стерляди были доставляемы дѣсничему Оштинскаго погоста Н. П. Клязову изъ небольшого потока, впадающаго въ р. Ошту, Озерѣкши. Это были экземпляры вѣсомъ отъ 1½ фунтовъ; въ 1870 году такихъ стерлядей было привезено крестьянами на продажу въ Оштинскій погостъ болѣе 10 штукъ. Нужно сожалѣть такимъ образомъ, что такая цѣнная рыба истребляется въ молодомъ возрастѣ.

³⁾ Кесслеръ, 33.

При устьѣ р. Вытегры рыболовство производится во всѣ времена года; въ половинѣ апрѣля я замѣчалъ здѣсь, на льду Онежскаго озера, десятки крестьянъ. Въ это время во льду дѣлаются круглыя сквозныя отверстія до полу-аршина въ діаметрѣ. Черезъ нихъ, на глубину отъ 2 до 5 сажень, опускаются въ воду на тѣхъ канатахъ крючки, наживленные корюшкой; крючки поглощаются вмѣстѣ съ наживою налимами, которыхъ потомъ и вытаскиваютъ, такъ что здѣсь выходитъ уженье рыбы подо льдомъ. За крючки хватается иногда палия, но рѣже налимъ. Ловящіеся такимъ образомъ налимы бываютъ отъ 1½ фунтовъ до 5 и 10, рѣдко болѣе. Счастливый изъ крестьянъ возвращается съ ловли съ 2—3 штуками налимовъ, до 5 и 10 фунтовъ вѣсомъ; чаще можно видѣть передъ отверстіемъ рыбака одну, двѣ рыбы, весьма скромныхъ размѣровъ; очень нерѣдко случается уходить 2 или 3 человѣкамъ изъ десятка безъ всякой добычи; промыселъ происходитъ въ то время, когда солнце начинаетъ садиться, до тѣхъ поръ, пока погаснетъ вечерняя заря; съ утреннею зарей онъ снова начинается и длится до бѣлаго дня, когда солнце уже значительно поднимается надъ горизонтомъ. Въ числѣ рыбаковъ я видалъ дѣтей лѣтъ 10 и женщинъ, лица которыхъ украшены рядами морщинъ; здѣсь собиралось и все окрестное кнѣжество, и всѣ почтенные мужи. На рѣдкихъ изъ рыбаковъ были цѣлыя шубы; обыкновенно здѣсь пестрѣли дырявыя полушубки или армяки своедѣльнаго домашнего сукна; не тепло было рыбакамъ проводить длинныя часы на льду, среди открытой ровной площади Онега, и часто завидовали они лисичкѣ, о которой сами же такъ любятъ рассказывать; она всегда хвалитъ сиверичокъ: „Сиверичокъ, говорить, вѣтерокъ тепленькій, а сама прячется отъ него за кустъ“. Сами они, сидя неподвижно около проруби, не могли этого сдѣлать и среди глухой холодной ночи со скрежетомъ зубовъ возвращались въ рыбацкую хижину, которая въ это время и для меня служила пристанищемъ. Хижина обыкновенно бываетъ сильно натоплена, какъ баня; въ ней курная печка, на которой и готовится ужинъ; вздремнувъ и удовлетворивъ аппетиту, рыбаки идутъ снова на утренній ловъ, когда пробираетъ ихъ еще большій холодъ. Но хорошо еще, если они приобрѣтутъ что-нибудь себѣ на пищу. Случается такъ, что

на 10 человекъ попадаетъ одинъ или два налимчика; говорятъ, рыба „не клюетъ“, что длится иногда по нѣскольку дней, или же рыба берется за крючокъ только вечеромъ или утромъ. Днем рыбаки возвращаются домой, на полевныя и домашнія работы; они готовятся къ папинѣ, поправляютъ рыбацкія снасти, предаются сну и дремотѣ, такъ что послѣ ночи на устьѣ Вытегры мало силъ въ рыбаки для другой работы; вечеромъ повторяется снова путешествіе на Онежскій ледъ, и длится это до тѣхъ поръ, пока ледъ теряетъ крѣпость и начнетъ, мало по малу, разбиваться, что случается обыкновенно въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Крестьяне собираются на устье съ различныхъ сторонъ; изъ деревни Гуртниковъ плывутъ они по р. Вытегрѣ, которая расходится раньше Онега, верстъ 5, въ числѣ 10, 15 и болѣе человекъ, иногда по двое отъ двора. Чунручане приплываютъ по той же рѣкѣ въ подобныхъ же легкихъ лодкахъ, какъ и первые, изъ-за 8 верстъ, въ количествѣ 5 и болѣе человекъ; въ такомъ же количествѣ, или даже болѣе, идутъ жители съ Урѣпиной, изъ-за 4 верстъ, изъ деревень по Тудозеру, изъ-за 10 и болѣе верстъ, изъ Палтаги, отъ Петра и Павла и т. д. Для того, чтобы показать, сколько уже одинъ переѣздъ отнимаетъ времени, я привелъ, вмѣстѣ съ приблизительнымъ числомъ рыбаковъ, и разстоянія, которыя имъ нужно сдѣлать; дѣлаются же переѣзды, выносятся морозъ и безсонныя ночи для того, чтобы въ самомъ лучшемъ случаѣ заработать 50 коп., если класть только по 5 коп. за фунтъ, что сравнительно высоко, и для чего нужно еще сдѣлать переѣздъ въ 40 и болѣе верстъ въ городъ, вперед и обратно, чтобы продать рыбу; чаще, добычи едва хватаетъ на дневное пропитаніе, или же человекъ по нѣскольку разъ ѣздитъ совершенно напрасно: среднимъ числомъ, ужение подо льдомъ исполнѣ убыточно, и только бѣдность жителей и отсутствіе другихъ заработковъ его поддерживаютъ. Въ то же время, когда на Вытегорскомъ устьѣ идетъ ловля налимовъ, или какъ здѣсь называютъ, меньковъ, крестьяне, наиболѣе состоятельные и имѣющіе невода, ловятъ рыбу подо льдомъ инымъ способомъ, который гораздо труднѣе и хлопотливѣе перваго, но за то и нѣсколько выгоднѣе. Рыбаки дѣлаютъ во льду, преимущественно небольшихъ озеръ, большія проруби, по прямой линіи, рядами; спуская неводъ въ первую

яму, рыбаки проводятъ подо льдомъ веревки, которыми тянется неводъ, съ помощію нѣсколькихъ длинныхъ жердей, связанныхъ концами и достигающихъ 10 или 15 сажень въ длину, — разстояніе, на которомъ встрѣчаютъ снова прорубь; подхватывая здѣсь концы жердей съ веревками, ихъ гонятъ до слѣдующей проруби и т. д., до тѣхъ поръ, пока веревки отойдутъ на значительное разстояніе отъ невода. Тогда начинается неводьба; неводъ ведется подо льдомъ на всемъ разстояніи, пройденномъ жердями и канатами, и вытаскивается въ конечной большой проруби на ледъ, вмѣстѣ съ рыбой. Такого рода промыселъ устраивается на такихъ именно мѣстахъ, гдѣ по соображеніямъ рыбаковъ, стануется рыба. Производится ловля неводомъ и подо льдомъ преимущественно жителями деревни Палтаги на Великомъ озерѣ. Особенно распространенъ этотъ способъ на сѣверо-востокъ отсюда, въ окрестностяхъ Водлозера, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, начиная съ 27-го, иногда не много раньше, а иногда и поздиѣе, въ продолженіе четырехъ-пяти дней или даже недѣли, на Вытегорское устье приносятъ праздникъ корюшка, отправляющая время любви или періодъ метанія икры. Для этого она выходитъ изъ глубины Онежскаго озера къ устьямъ рѣкъ громадными стадами, поднимаясь вверхъ по теченію рѣкъ; входитъ она изъ-подо льда въ рѣку уже поздно вечеромъ, около солнечнаго заката, и идетъ до восхода солнца цѣлую ночь; ее сопровождаютъ любители ея икры—колюшки, или охотники до ея мяса—щука, налимы, палия; за нею ныряютъ въ глубину десятки гагаръ и крохалей. При самомъ устьѣ рѣки, гдѣ отъ текущей рѣчной воды образуется въ озерномъ льду большая полынья—порѣга, стада корюшки встрѣчаются однимъ или двумя неводами, а въ самой рѣкѣ—такъ называемыми заколами или огородами. Колья ставятся, начиная отъ берега по теченію воды, къ срединѣ рѣки, но такъ, что они съ берегомъ образуютъ острый уголъ; колья обтягиваются густою сѣткой, а въ глубину угла ставится большая мережка; передъ мережкой помѣщается скамейка, на которой стоитъ рыбакъ, съ сакомъ. Корюшка, избѣгая средину рѣки, идетъ около берега, гдѣ въ заколѣ или огородѣ находитъ препятствіе, почему жметса еще ближе къ бе-

реку, встрѣчаясь здѣсь съ горломъ мережки и переходя черезъ него въ вѣчный плѣнь. Въ то же время около 'горла, въ узкомъ мѣстѣ угла, она набирается густо, не можетъ вся вдругъ пройти въ мережку, и тогда со скамьи ее черпаютъ саконъ, получая съ каждымъ его взмахомъ, черезъ каждыя одну или двѣ минуты, по 10 или 20 ф. корюшки. Во время самаго лучшаго хода корюшки мережка наполняется нѣсколько разъ; въ такихъ случаяхъ она едва выкатывается изъ воды на берегъ и даетъ до 10 и болѣе пудовъ. Такимъ образомъ, рыбацкое семейство, имѣя при устьѣ одинъ или два закола, добываетъ въ хорошій ходъ отъ 30 до 60 пудовъ корюшки въ теченіе ночи. Первоначально, когда ходъ только что начинается, рыбаки вылавливаютъ отъ 10 до 15 пудовъ; въ такіе дни корюшка въ г. Вытегрѣ продается по 40 или 50 коп. за пудъ, но когда уловъ доходитъ до своего maximum'a, цѣна ея падаетъ даже до 10 коп. за пудъ. Одинъ или два такіе дни приносятъ праздникъ бѣдствующимъ и нищимъ; благословляютъ эти дни городскія вдовы-мѣщанки, голодающія цѣлые дни, пригородные крестьяне и т. д. На устьѣ самой р. Вытегры торжествуютъ вороны, вмѣстѣ съ другими изъ своихъ пернатыхъ собратьевъ—съ водною птицею, которая въ это время держитъ перелетъ несмѣтными стадами, привлекая къ себѣ большихъ орловъ. Но и здѣсь меньше всѣхъ торжества самимъ рыбакамъ: они проводятъ безсонныя ночи, а днемъ отправляются въ городъ съ рыбой, возвращаясь часто къ ночи на устье, дѣлая до 40 верстъ пути и таща добычу въ лодкѣ, на лямкѣ противъ теченія. При томъ, чѣмъ больше рыбаки тащить, тѣмъ ему тяжелѣе и тѣмъ меньше плата; то, что рыбаки везутъ въ городъ, скупается потомъ по большей части людьми состоятельными: корюшка сушится въ печкѣ, и сушеная продается уже за 70 коп. и болѣе за маленку¹⁾). Большинство крестьянъ не оставляетъ у себя рыбы и не сушитъ ея только въ надеждѣ получить скорѣе хотя малую долю денегъ; даже люди посостоятельнѣе только часть рыбы оставляютъ себѣ на сушку, для пропитанія и для продажи зимой. При устьѣ Вытегры бываетъ до 12 заколовъ, съ той и другой стороны рѣки, и если на каждый

¹ Мѣрка, въ которую идетъ до 8 ф. сухой корюшки.

положить во весь періодъ до 80 пудовъ улова, то получимъ 960 пудовъ, а если прибавить сюда еще пудовъ 40 на невода, то насчитаемъ и до 1000 пудовъ корюшки, при чемъ гибнетъ масса рыбы, такъ какъ корюшка вылавливается съ нирой. Если затѣмъ положимъ среднимъ числомъ стоимость пуда въ 30 копѣекъ, то получимъ цѣну всего улова въ 300 рублей; раздѣливъ это на число заколовъ, получимъ на каждый по 25 руб. Есть нѣсколько заколовъ, принадлежащихъ одной семьѣ; въ остальныхъ по два и по три пайщика, и для этихъ-то случаевъ заработокъ не превышаетъ 8 или 12 руб. въ недѣлю, или даже еще менѣе, такъ какъ предварительное устройство заколовъ, а также и ихъ разрушеніе, отнимаетъ время; на этотъ же счетъ нужно отнести и порчу снастей — сѣтокъ, которыми облагиваются колья мережекъ и проч. Последняя статья расхода дѣлается еще значительнѣе, потому что крестьяне обязаны подпиской не строить заколовъ при устьѣ Витегры, такъ какъ она — рѣка судоходная; подписка постоянно встрѣчаетъ противорѣчіе, и мнѣ приходилось лично видѣть, какъ помѣшались блюстители закона и рвали сѣтки съ мережками. Не смотря на весь этотъ рядъ огорченій для рыболова, ловля корюшки считается самымъ выгоднымъ промысломъ, и въ немъ участвуетъ большая часть тѣхъ людей — мужчинъ, женщинъ, дѣтей, которыхъ раньше можно было встрѣтить при уженъѣ подо льдомъ. Теперь во время дня около хижины опять мертвая тишина, все разлѣзается въ городъ или по домамъ до ночи.

Послѣ лова корюшки на Витегорскомъ устьѣ становится типе: окрестные жители рѣдко съѣзжаются сюда въ массѣ; въ перекъ числахъ мая очищаются ото льда озера, прилежація къ Онежскому озеру, и здѣсь открывается новое поприще для рыболовъ; во всѣхъ ручьяхъ, рѣкахъ и озерахъ ставятся мережки, которыхъ у большинства семействъ по двѣ, по три и болѣе. Для этихъ же рыболовческихъ цѣлей жители соединяютъ канавками озера между собою или съ рѣками. Два изъ значительныхъ озеръ, Котечное и Великое, связаны съ рѣкой Витегрой нѣсколькими искусственными копанями (канавами): отъ Котечнаго къ р. Витегрѣ идутъ двѣ копанн, изъ которыхъ одна съ развѣтвленіями сажень на 50 и длину и отъ сажени до пяти въ ширину; другая приблизительно

ажень до 150 въ длину, но не болѣе сажени въ ширину. Отъ Веникаго озера идетъ къ рѣкѣ тоже довольно длинная копань; мѣстѣ съ тѣмъ оба озера соединены особенною канавою. Всѣ опани при устьяхъ заставлены кольями и мережками. Окунь, елецъ, плотва, язь, щука, налимъ, изрѣдко карась заходятъ здѣсь въ мережки; особеннымъ изобиліемъ отличаются въ озерахъ рѣчные раки ¹⁾; они также попадаютъ въ ловушки вмѣстѣ съ рыбою, и рыбаки увѣряютъ, будто раки часто портятъ въ такомъ случаѣ звонхъ союзниковъ, особенно плотву, окуней и лещей, служа въ то же время пищей щукѣ и налиму; по этому рыбаки ненавидятъ здѣсь раковъ и десятками выбрасываютъ ихъ снова въ воду; торговля ими—исключеніе.

Вообще въ маѣ ловъ рыбы стоитъ на послѣднемъ планѣ, собственно между крестьянами; въ это время населеніе больше всего хлопочетъ около пашень, заставляя яровые хлѣба, овесъ и ячмень. Около воды видишь постоянно только отъявленныхъ рыбаковъ, по нѣскольку человѣкъ на озерѣ. Временно обнаруживается нѣкоторое оживленіе въ населеніи въ періодъ нароста язя, окуня и плотвы. Особенно къ ловлѣ плотвы примѣняется довольно хитрый и простой способъ; какъ многія изъ рыбъ, она ищетъ во время нароста пріютъ въ камышахъ, чтобы треніемъ объ нихъ ускорить выдѣленіе икры; въ виду этого жители ломаютъ вѣтви хвойныхъ деревъ и ставятъ ихъ кучами около камышей, помѣщая здѣсь же морды, которыя въ такихъ случаяхъ и наполняются рыбою съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ когда-либо въ другое время. Бываетъ также, что между глубокими и чистыми мѣстами озеръ и камышами протягиваютъ сѣти, а съ берега бьютъ палками по водѣ; плотва отъ испуга оставляетъ камыши, и встрѣчая на пути сѣти, остается въ

¹⁾ Какимъ образомъ объяснить этотъ фактъ встрѣчи раковъ при устьѣ Витегры—недавнимъ ли ихъ здѣсь появленіемъ, какъ это можно думать на основаніи показаній профессора *К. Ө. Кесселера* (см. Матеріалы для позн. и пр. стр. 78) или другими путями, напр., тѣмъ, что они раньше здѣсь существовали; по отношенію къ устью р. Витегры и прилежащихъ къ нему частей Онежскаго озера это вѣроятнѣе; я слышалъ также, что дѣтъ 5 назадъ, раки появились и на восточномъ берегу Онега, при устьѣ Водли; но этотъ періодъ появленія раковъ, по видному, меньше дѣйствительнаго: уже г. *Р—с* говорить о ракахъ на Водлѣ, см. Матер. для изуч. рыбол. и охоты въ Памяти. кн. Олон. г. за 1866, стр. 40.

нихъ. Въ началѣ лѣта наростуетъ лещъ и щука, доставляющіе однако еще меньшій уловъ.

Ужение рыбы распространено въ здѣшнемъ краю мало. Къ осени начинаютъ *лучить* рыбу, то есть, ночью съ горящею лучиною на лодкѣ высматриваютъ въ водѣ стоящихъ щукъ, налимовъ и пр. и бьютъ ихъ острогой. *Сачать* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ершей уже въ то время, когда вода становится холодною, и ерши прячутся подъ плауны или торфяники, лежащіе на водѣ; дѣла въ нихъ отверстія, крестьяне черпаютъ изъ воды ершей *саками*.

Существуетъ еще одинъ родъ рыболовнаго промысла на самомъ Онежскомъ озерѣ; но онъ доступенъ только меньшинству. Если по какому-нибудь случаю крестьяне отправляются изъ одной деревни въ другую на лодкѣ, то кормовщикъ держитъ за собою *длинный* и тонкій канатъ, на концѣ котораго находится крючекъ съ прикрепленнымъ къ нему краснымъ лоскуткомъ сукна. За такой-то крючекъ, волокащійся въ водѣ за лодкой, хватаются иногда лососи и большихъ размѣровъ. Этотъ способъ промысла употребляется и въ другихъ случаяхъ, когда рыбаки выѣзжаютъ далеко въ озеро, для другихъ цѣлей; съ меньшимъ успѣхомъ приложимъ онъ въ малыхъ озерахъ, гдѣ за крючекъ хватаются изрѣдко щуки. Затѣмъ существуетъ промыселъ *крючками*, что въ другихъ мѣстахъ Обонежья извѣстно подъ именемъ *продольника и масельи* ¹⁾. Это длинный тонкій канатъ (сна), съ рядомъ прикрепленныхъ къ нему крючковъ на короткихъ ниткахъ; длина каната бываетъ больше, чѣмъ въ $\frac{1}{2}$ версты, съ количествомъ крючковъ отъ 100 до 300. Крючки наживляются корюшкой или ряпушкой, и тогда приборъ опускается въ Онегу, въ глубокихъ мѣстахъ его, на разстояніи отъ 3 до 5 верстъ отъ береговъ. Къ канату съ одной стороны привязаны камни, тяжестью которыхъ онъ погружается значительно въ воду; около этихъ же концовъ прикрепляются веревки съ жердями, выходящими на поверхность воды и указывающими присутствіе снасти. За крючки съ наживой берутся палія, лосось, сигъ, налимъ, окунь и пр. Этотъ способъ ловли, трудный и часто опасный въ бурную и ненастную погоду, когда рыбаки теряютъ берега и подвергаются качкѣ, уже въ сѣверныхъ

¹⁾ Кесслеръ, 40.

частях Онежскаго озера, наиболѣе глубокихъ и обильныхъ рыбою, является, по наблюденіямъ г. Кесслера, не всегда прибыльнымъ ¹⁾; ѣмь болѣе нужно ожидать этого въ южныхъ частяхъ озера. Въ мою бытность около устья Вытегры въ продолженіе цѣлыхъ недѣль на 1000 и болѣе крючковъ едва попадалось нѣсколько сига, одинъ или два налима, окунь, и только. Но говорятъ, что годами и этотъ способъ ловли бываетъ выгоденъ.

Потомъ слѣдуетъ *неводьба*. Невода на Онегѣ подверглись различнымъ усовершенствованіямъ и видоизмѣненіямъ ²⁾; но при устьѣ Вытегры въ употребленіи только обыкновенный неводъ. По своей значительной стоимости онъ доступенъ только для меньшинства, но въ средѣ крестьянской имѣются невода небольшихъ размѣровъ, которые даютъ возможность ловить рыбу преимущественно въ малыхъ озерахъ. Самый небольшой изъ неводовъ обходится уже больше 60 руб., нѣсколько болѣе значительный имѣетъ цѣну до 100 руб.; однако и это—такой еще, которымъ почти не возможно или можно только съ малымъ успѣхомъ ловить рыбу, напримѣръ, въ Онежскомъ озерѣ. Изъ двухъ неводовъ, производящихъ ловлю при устьѣ Вытегры въ продолженіе всего лѣта и осени, ни одинъ не принадлежитъ крестьянамъ; оба эти невода—купеческіе, дѣйствующіе силою тѣхъ же наемныхъ крестьянъ изъ окрестностей. Первый изъ неводовъ обошелся, какъ говорятъ, хозяину около 1000 руб. При немъ работаютъ 7 человѣкъ крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ. Въ продолженіе всего періода неводьбы, отъ мая до половины или даже до конца октября, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти съ половиною мѣсяцевъ, крестьяне должны ежедневно дѣлать не менѣе 7-тонь, „хоть есть рыба, хоть ея нѣтъ“, какъ они выражаются; въ случаѣ же успѣшнаго улова и болѣе; при этомъ каждая тonya требуетъ до 1 часа 15 мин. времени; слѣдовательно, только на закидываніе тонь они должны употребить около 9 часовъ; на самомъ же дѣлѣ времени уходитъ не-

¹⁾ Кесслеръ, 41.

²⁾ Объ этомъ см. Кесслера Матеріалы и пр.; Малые, О рыболовствѣ въ Поморьяхъ. уѣздѣ въ Памяти. кн. Ол. губ. за 1865 г. и П. Р—ва, Матеріалы для рыболов. и охоты въ Пудожск. уѣздѣ въ Пам. кн. Ол. губ. за 1866 г.

сравненно болѣе; вытягиванію невода на берегъ препятствуютъ вѣтры, особенно сѣверные, производящіе нижніе токи воды, противоположные тому направленію, по которому съ помощію вѣртокъ вытягивается неводъ; затѣмъ переѣзды отъ рыбацкаго станка мѣстамъ лова отнимаютъ иногда цѣлые часы; я часто видалъ лѣтомъ, какъ рабочіе отправлялись на ловлю послѣ четырехъ часовъ вечера и возвращались обратно около пяти или шести часовъ утра, то есть, проводили въ работѣ 13 или 14 часовъ, кромѣ того, что потомъ, по приѣздѣ, они должны были привести въ порядокъ неводъ. Въ томъ случаѣ, когда число тоннъ весьма сокращается, именно во время бурь и проливныхъ дождей, ловцы возвращаются домой мокры не только снизу, какъ это бываетъ обыкновенно, но и сверху: тогда на нихъ не остается сухой нитки, хотя бы это случилось глубокою осенью. Пища рабочимъ полагается хозяйская; она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ чернаго хлѣба, просовой каши съ коноплянымъ масломъ и сушки, то есть, изъ сушеной корюшки,—пища при подобной тяжелой работѣ вообще непитательная; такъ какъ мясо допускается въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, а наваливаемая рыба — никогда. Рабочіе увольняются отъ работъ только въ большіе праздники. При такомъ порядкѣ работъ они получаютъ за весь рабочій періодъ въ пять съ половиною мѣсяцевъ по 40 руб. сер. жалованья или по 7 р. 25 к. въ мѣсяцъ, почти по 25 коп. въ день; значительная часть этой платы забирается обыкновенно впередъ или идетъ на уплату податей черезъ хозяина. вмѣстѣ съ деньгами даются каждому изъ рабочихъ непромокаемые сапоги; полученіемъ ихъ рабочій обязывается быть всегда на работѣ въ хорошей обуви, но въ случаѣ ея отсутствія онъ долженъ выносить всѣ неудобства, безъ какихъ бы то ни было упрековъ хозяину. И признаться, дѣло такъ и случается, что черезъ недѣлю послѣ полученія, сапоги уже снашиваются, сквозь нихъ течетъ, какъ сквозь рѣшето, и тогда рабочему приходится поправлять обувь на свои средства, или онъ обираетъ все лучшее изъ дома, предоставляя часто беременной женѣ, сестрѣ или братьямъ ловить рыбу въ дырявой обуви или совсѣмъ безъ нея, такъ какъ это происходитъ около дома. Мнѣ самому приходилось видѣть рабочихъ, стоявшихъ въ водѣ и тянувшихъ неводъ въ то время, когда на

ригоны веселья, даёт сотни сиговъ съ икрой и въ нарядныхъ брачныхъ одеждахъ; не смотря на то, что сиги выпрыгиваютъ изъ заколдованнаго круга снастей, неводъ, обремененный добычей, едва вытаскивается изъ воды. Эти соображенія могутъ до нѣкоторой степени доказать, что правильно устроенный промыселъ рыбы на Онежскомъ озерѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть убыточенъ (даже въ виду того факта, что количество рыбы въ озерѣ, въ большинствѣ случаевъ, годъ отъ году уменьшается), и что уловъ рыбы, среднимъ числомъ, не только въ состояннн вдвойнѣ или даже втройнѣ, смотря по году, окупить тяжелый трудъ рыбака и издержки на стоимость невода, но что при всемъ томъ онъ даётъ огромный процентъ чистаго барыша, если дѣло ведется даже на коммерческихъ началахъ.

Болѣе очевидное доказательство сейчасъ высказанному мнѣнію я нахожу на устьяхъ Водлы или Шалы, на восточномъ берегу Онега. Здѣсь, въ бытность мою въ концѣ августа, шелъ по обыкновенію изъ озера вверхъ по рѣкѣ для метанія икры сигъ проходный; въ ловлѣ его участвовала вся волость, въ 400 душъ мужескаго пола. Все протяженіе рѣки, отъ устья верстъ на 6 вверхъ по теченію, раздѣлено на 4 участка или тони; на этихъ четырехъ тонахъ ежедневно присутствуютъ представители сотенъ; на каждую тоню приходится по одной сотнѣ. Въ свою очередь каждая изъ сотенъ распадается на части, посуточно чередующіяся между собою въ ловлѣ. Въ то же время всѣ четыре сотни ежедневно мѣняются мѣстами, такъ что первая сотня, промышляющая рыбу на самомъ устьѣ, на другой день уступаетъ свое мѣсто второй, на мѣсто второй идетъ третья, уступая второе четвертой, и первая становится такимъ образомъ послѣднею, восходя на четвертый день опять на самое устье, и т. д. Это чередованіе основано на томъ, что первая отъ озера тоня даётъ самый обильный уловъ, и пропорціонально съ отдаленіемъ тони, онъ становится все меньше и меньше, чему причина сейчасъ будетъ очевидна. Всего неводовъ дѣйствуетъ на тонахъ и немного ниже по рѣкѣ до 15, и всѣ они содержатся на артельномъ началѣ. На каждую тоню приходится по нѣсколько неводовъ. Неводъ обыкновенно перекидывается черезъ всю рѣку и въ такомъ положеннн дер-

жится нѣсколько времени, минутъ 10 и болѣе; затѣмъ онъ заворачивается однимъ концомъ и подводится къ другому, на одинъ и тотъ же берегъ. Лишь только онъ начинаетъ свой заворотъ, на то же мѣсто опускается постепенно другой неводъ; въ то время, когда первый вытягиваютъ и начинаютъ вынимать изъ него добычу, второй уже раскидывается черезъ всю рѣку; поэтому едва-едва выпадаютъ моменты, когда рыба можетъ идти вверхъ по рѣкѣ, не встрѣчая на пути ловушки; вотъ почему на самой нижней тонѣ уловъ изобилуетъ, а къверху онъ становится все меньше и скуднѣе; изъ всего же сказаннаго видно, до какой степени равномерно распределены шансы на уловъ между всѣми членами большой крестьянской общины. Первое мѣсто отъ озера даетъ прѣдка на одну тоню невода ¹⁾ по 100 и 150 сиговъ, какъ это разказываютъ сами крестьяне; въ самый день моего пребыванія здѣсь неводъ сразу зачерпывалъ по 60 и даже по 90 сиговъ; впрочемъ это случается въ теченіе одного или нѣсколькихъ дней не больше одного раза; рѣдко бываетъ это на дню нѣсколько разъ. Въ продолженіе же сутокъ неводчики почти постоянно добывали здѣсь приблизительно отъ 150 до 250 сиговъ. Въ верхнихъ тоняхъ добыча въ продолженіе сутокъ падаетъ до 50 или 100 штукъ сиговъ, а въ самой отдаленной она бываетъ еще меньше. Но полагая среднимъ числомъ суточный уловъ на всѣхъ четырехъ тоняхъ равнымъ 200, 100, 75 и 50 сигама, получимъ всѣхъ 425 штукъ. Вся эта рыба поступаетъ къ мѣстнымъ прасоламъ. Покойный А. О. Гильфердингъ, съ которымъ мы провели много времени вмѣстѣ частію на Водлозерѣ, частію на Кенозерѣ, передавалъ мнѣ, что вся волость, лежащая около устья Водли и производящая здѣсь рыбную ловлю, находится, по его выраженію, въ кабалѣ у одного богатаго крестьянина-прасола ²⁾. Въ короткій срокъ пребыванія на устьѣ Водли я не могъ окончательно въ этомъ убѣдиться, хотя и слышалъ, что есть еще нѣсколько лицъ, занимающихся снаб-

¹⁾ Изъ всего сказаннаго можетъ быть ясно, что крестьяне разумѣютъ подъ именемъ *тони*, съ одной стороны, мѣсто, гдѣ закидывается неводъ, а съ другой—самый актъ закидыванія невода въ воду, до новаго его появленія на сушѣ.

²⁾ О той же зависимости говорить и г. Р—въ. См. Матеріалы и пр.

женіемъ большинства крестьянъ деньгами, хлѣбомъ или всякими другими товарами, подѣ всѣ продукты ихъ промысловъ—звѣринаго, а главнымъ образомъ, рыбнаго. Принимая задатокъ, крестьянинъ обязуется сдавать сига въ непремѣнно своему кредитору, именно по 10 коп. за каждую штуку. Такимъ образомъ, вся рыба, ежедневно вылавливаемая во второй половинѣ августа и частію въ сентябрѣ, при устьѣ Водлы, въ количествѣ 425 штукъ сига въ, приносятъ крестьянамъ 42 р. 50 коп.; если въ продолженіе каждаго сутокъ въ ловлѣ участвуютъ представители отъ 200 душъ, то получится на каждую по $21\frac{1}{4}$ коп. суточного заработка. По разнымъ причинамъ не вся волость участвуетъ въ ловлѣ, такъ что заработокъ можетъ быть нѣсколько выше. Выше онъ можетъ быть еще потому, что по рѣкѣ, въ разныхъ ея мѣстахъ, разставлено много самоловныхъ сѣтей; по приблизительному опредѣленію, этихъ сѣтей около 100; въ нѣкоторыя по временамъ попадаетъ отъ 15 до 50 сига въ ночь; за то другія остаются пустыми; если положить среднимъ числомъ на каждую по 2 сига въ ночь, то получимъ 200 штукъ, что увеличитъ суточный заработокъ на 20 руб. Разница та, что всякій хозяинъ ставитъ неограниченное число сѣтей; многіе совсѣмъ ихъ не ставятъ, особенно живущіе въ отдаленіи; бѣдный ставитъ ихъ меньше, нежели сколько-нибудь состоятельный. Но во всякомъ случаѣ, если даже принять общую заработную плату на душу въ 30 коп. въ день, то и этого будетъ слишкомъ мало, и большая часть выгоды отъ рыболовства падетъ не на тѣхъ, кто имъ занимается, а на тѣхъ, кто скупаетъ рыбу, то есть, на одного или нѣсколькихъ человѣкъ, которые не проводятъ безсонныхъ ночей въ упорномъ и тяжеломъ трудѣ. Если принять Онежскаго проходнаго сига въ 20 коп., то на каждомъ сигѣ скупщикъ будетъ наживать по 10 же коп., что и составитъ барышъ въ 100% на капиталъ, или рубль на рубль ¹⁾. Но такъ какъ рыба засаливается скупщиками, а въ С.-Петербургѣ ладожскіе соленые сиги стоятъ около 30 коп. за штуку, онежскіе же, по мнѣнію ры-

¹⁾ Уже г. Р—въ указываетъ на то, что большинство сортовъ рыбы имѣетъ двойную цѣну на мѣстахъ сбыта, сравнительно съ мѣстной. См. статью г. Р—ва въ Пам. кн. Олон. губ., 1866 г.

боторговцевъ лучше ладожскихъ, то прасолы имѣли бы полную возможность увеличить процентъ по крайней мѣрѣ до 120 или 130, очистивъ стоимость за доставку и давъ возможность нажиться петербургскимъ торговцамъ рыбою на 50%, чего обыкновенно не бываетъ, такъ какъ прасолы съ Ладожскаго озера дѣлають уступку петербургскимъ торговцамъ только въ 10%. Но выгода возрасла бы до громаднхъ размѣровъ, еслибы скупщики рыбы съ Водлы нашли возможность доставлять рыбу живою въ садкахъ, о которыхъ здѣсь почти не имѣютъ и понятія ¹⁾, въ С.-Петербургѣ, гдѣ стоимость живого сига простирается отъ 40 до 75 коп., а здѣшніе сиги могли бы безъ исключенія разсчитывать на наибольшее высокую цѣну, такъ какъ ихъ величина колеблется отъ 1 ¹/₂ и 2 фунтовъ до 5 ф. Итакъ, если Шальскіе скупщики рыбы довольствуются меньшимъ процентомъ сравнительно съ тѣмъ, который могъ бы существовать, то это только по ихъ же недалекости и невѣжеству.

Трудность сбыта продуктовъ промысла непосредственно потребителямъ тяготила всегда крестьянъ, и они всѣмъ складомъ своей жизни поставлены въ необходимость сталкиваться только съ своими же болѣе богатыми собратьями, часто безсознательно впадающими въ ошибки и въ эксплуатацію. Такое отношеніе массы къ меньшинству, переходящее въ зависимость, замѣчено повсюду и многими путешествовавшими по Олонецкой губерніи. Вотъ, напримѣръ, слова профессора Кесслера: „Почти въ каждомъ селѣ или въ каждой мѣстности есть одинъ крестьянинъ, или два-три крестьянина, которые значительно богаче другихъ и въ извѣстномъ смыслѣ разыгрываютъ роль помѣщиковъ. Къ нимъ частенько болѣе бѣдные крестьяне, по недостатку въ другихъ заработкахъ, вынуждены бываютъ наниматься въ работники по самой низкой цѣнѣ; они же обыкновенно ведутъ продажу муки и другихъ необходимыхъ въ крестьянскомъ быту предметовъ по цѣнѣ сравнительно очень высокой, и вообще пользуются въ своемъ околоткѣ сильнымъ вліяніемъ и безотчетною властью“ ²⁾. Чувствуя неудоб-

¹⁾ По сообщеніямъ г. Р—ва, рыба доставляется на судахъ въ С.-Петербургѣ.

²⁾ К. Кесслеръ, 8.

ства въ такомъ складѣ жизни, крестьяне не могли однако отчетливо выяснить себѣ причинъ его, потому что не обладали достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и знаній; но иногда они какъ-бы экспериментально рѣшали эти задачи, не оцѣнивая въ то же время практическаго значенія своихъ рѣшеній. Такъ, нѣкоторые изъ крестьянъ Пудожскаго уѣзда, особенно Водлозѣры, говорили мнѣ, что они все собираются отправиться на ловлю рыбы къ С.-Петербургу, въ Финскій заливъ, полагая, что тамъ легче можно добыть денегъ, потому что рыбы больше, какъ это извѣстно имъ отъ бывшихъ тамъ земляковъ; при этомъ они имѣли въ виду гораздо большее совершенство своихъ способовъ ловли, сравнительно съ распространенными на водахъ Балтійскихъ. Озерецковскій въ свое время, въ 1785 г., зналъ о подобныхъ же примѣрахъ, но уже осуществившихся, и признавая дѣйствительно больше выгоды отъ рыболовства въ Финскомъ заливѣ, чѣмъ около Онега, объясняетъ ихъ нѣсколько иначе. Онъ говорилъ: „Нѣкоторые изъ жителей села Щелеекъ (на берегу Онежскаго озера, не далеко отъ истока Свири) каждую весну ѣздить въ С.-Петербургъ на лодкахъ съ воротницами или кереводами для рыбной ловли при устьѣ Невы, гдѣ живутъ недѣль по пяти и болѣе, пока въ жительство ихъ не начнутся полевныя работы. А когда сии приближаться стануть, то продаютъ Маймистамъ свои воротницы и лодки, и пѣшіе домой возвращаются. Хотя они и справедливо, можетъ быть, утверждаютъ, что больше попадается рыбы въ Финскомъ заливѣ, нежели въ Онежскомъ озерѣ, однако причиною ѣзды ихъ сюда наипаче то, что при устьѣ Невы имѣютъ кому продавать пойманную рыбу; ибо каждое утро множество наѣзжаетъ къ нимъ прасоловъ, которые, ссорясь между собою, за большія деньги скупаютъ у нихъ рыбу, такъ что рыбаки сами дивятся ихъ зависти и не понимаютъ, за что имъ столь много платятъ они денегъ. Въ Щелейкахъ разговаривалъ я о семъ съ тѣми самыми людьми, которые въ началѣ лѣта 1785 года ловили рыбу въ Финскомъ заливѣ, гдѣ пробывъ мѣсяцъ, каждый изъ нихъ возвратился домой съ тридцатью рублями единственно на рубѣ добытыми“¹⁾).

¹⁾ Н. Озерецковскій. Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, 1732.

Отсюда видно, какъ простодушно относились крестьяне къ предметамъ своего промысла въ старину; это же простодушіе нерѣдко можно замѣтить и до сихъ поръ. И притомъ, если изобиліе рыбы не приноситъ богатства крестьянамъ или даже не окупаетъ достаточно трудъ ихъ, то тѣмъ болѣе это ощутительно въ случаяхъ скудости рыбы. Вытегорская земская управа указываетъ на то, что рыболовство во время зимы на озерѣ Лачѣ не только не приноситъ рыбакамъ выгоды, но даже вполне для нихъ убыточно ¹⁾. Не говоря о другихъ пунктахъ, гдѣ болѣе или менѣе кипитъ рыболовческая дѣятельность, въ родѣ устья Свири, а также другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Онежское озеро, вмѣстѣ съ его салмами и островами, особенно въ сѣверныхъ частяхъ озера, гдѣ я не былъ, — скажу еще нѣсколько словъ объ окрестностяхъ Вытегорскаго устья. Какъ я уже замѣтилъ, изъ здѣшнихъ жителей только меньшинство участвуетъ въ лѣтнихъ и частію осеннихъ промыслахъ на Онежскомъ озерѣ, особенно въ неводѣхъ, хотя невода и имѣются во многихъ деревняхъ; но это невода по большей части такіе, которые могутъ быть съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употребляемы только на малыхъ озерахъ, гдѣ ловятся тѣ же рыбы, что и въ мережки: это плотва, лещи, язи, налимы, щуки, ерши, окуни, судаки, частію корюшка и ряпушка; здѣсь уже нѣтъ ни сига, ни лососей, ни форели, ни палии и пр. Въ средѣ крестьянъ особенное затѣшье въ рыболовствѣ лѣтомъ; въ это время имѣющіе неводъ проводятъ цѣлые дни въ полевыхъ работахъ, и только возвращаясь вечеромъ домой, усталые, берутся за неводъ, чтобы добыть себѣ что-нибудь на ужинъ; эту работу исполняютъ въ большинствѣ случаевъ женщины. Хотя крестьянскіе невода не велики, но все-таки требуютъ значительнаго времени, чтобы быть закинутыми и вытянутыми на берегъ; по обыкновенію закидывается въ вечеръ нѣсколько тоней, и всѣ онѣ вознаграждаются нѣсколькими раками, которыхъ крестьяне выбрасываютъ, и двумя-тремя десятками ершей, которыхъ едва достаточно на уху. При такого

года стр. 156. На подобіе же, по видимому, факты указываетъ Беринг-рессеръ. см. его Опытъ описанія Олон. губ. стр., 100.

¹⁾ Журналъ Вытегорскаго уѣзда, очередн. земск. собранія, 1869 г. стр. 77.

рода неводьбъ мнѣ часто приходилось быть въ дер. Кузнецовой, на Тудозерѣ, гдѣ рыба видимо уже сильно выловлена, такъ какъ озеро, имѣя до 12 верстъ въ длину, вокругъ по берегамъ заселено. Нѣсколько удачнѣе ловъ рыбы неводомъ уже на указанныхъ выше озерахъ Котечномъ и Великомъ. Бываетъ въ лѣтнее время, что крестьяне, объѣзжая въ тихую погоду всѣ небольшія озера подъ рядъ, налавливаютъ въ одинъ или два дня до 3 или 4 пудовъ всякой рыбы, преимущественно карповыхъ, изъ которыхъ, напримеръ, лещи попадаются вѣсомъ въ 5 или 7 фунтовъ. Къ концу лѣта и осенью промыселъ увеличивается. Въ это время крестьянинъ, имѣющій неводъ, приглашаетъ нерѣдко другихъ, не имѣющихъ невода, и ловить съ ними рыбу, отдѣляя потомъ половину или треть улова приглашеннымъ; другую же половину или двѣ трети беретъ на себя и на неводъ. То же самое бываетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ ловить рыбу въ мѣстахъ заарендованныхъ, какъ напримеръ, на Лужандозерѣ ¹⁾. Онъ обязанъ отдавать тогда одну треть улова арендатору. Ряпушка, частію сига, лосось ловятся и продаются въ Вытегрѣ, а частію сушатся, особенно мелкая рыба; лично мнѣ не удалось познакомиться съ осенними промыслами; поэтому трудно даже приблизительно опредѣлить прибыль отъ нихъ, хотя мало вѣроятія въ томъ, чтобъ осеннее рыболовство большинству крестьянъ доставляло болѣе выгоды, чѣмъ весеннее.

Послѣ всего сказаннаго обратимся еще къ рѣкѣ Водлѣ и истоку ея—Водлозеру. Какъ осенью изъ Онежскаго озера поднимается

¹⁾ Около Лужандозера, гдѣ теперь выстроена новая церковь, былъ нѣкогда монастырь, который въ началѣ нынѣшняго столѣтія сгорѣлъ (старые колокола на новой церкви относятся только къ 1703 году). Можетъ быть, поэтому Лужандозеро, составляя нѣкогда принадлежность монастыря, отдается теперь въ аренду, рублей по 10 на три года, хотя очевидно, что не все озеро принадлежало монастырю; одна часть его отмежевана просѣкой крестьянамъ деревни Урѣиной, стоящей на противоположной сторонѣ отъ бывшаго монастыря и церкви. Не смотря на это, арендаторъ, уже извѣстный рыболовъ-неводчикъ съ устья Вытегры, принимаетъ всѣ мѣры, чтобы лишить крестьянъ возможности ловить рыбу въ озерѣ, хотя самъ здѣсь ловитъ и не производитъ; позволеніе на ловлю крестьяне получаютъ только съ однимъ условіемъ—отдавать 1/3 улова арендатору. О самомъ монастырѣ см. Оловецкія губ. вѣд. за 1866 г., стр. 223, 245, 338, 353.

вверхъ по рѣкѣ сибѣ, такъ весной идутъ изъ него многіе другіе виды—лосось, лзи, харьбось, щука, окунь, лещи и плотва. Уже около самого устья Водлы лососа вылавливается до 150 пудовъ, а по другимъ извѣстіямъ—до 400 пудовъ ¹⁾. Кромѣ самаго устья, вверхъ по Водлѣ, около деревни Подпорожья, устроено еще болѣе препятствій для прохода рыбъ. Здѣсь въ порогахъ, гдѣ вода круто и быстро падаетъ, рѣка почти во всю свою ширину, кромѣ ничтожнаго промежутка по срединѣ, перегорожена заколами; множество мердь и мережекъ ожидаютъ здѣсь рыбу, и уловъ достигаетъ большихъ размѣровъ; самое мѣсто составляетъ собственность духовнаго вѣдомства и арендуется за большую сумму денегъ. Такого же рода преграды рыба встрѣчаетъ при поднятіи въ верховья рѣки или при обратномъ ходѣ во многихъ другихъ порогахъ, которые весьма многочисленны по Водлѣ; примѣромъ можетъ служить порогъ Падунъ, около котораго находится деревня того же имени. Здѣсь, среди гнейсовыхъ воротъ, пробитыхъ быстрымъ теченіемъ рѣчныхъ водъ, устроены также заѣздки съ ловушками, и въ нихъ жители деревни ловятъ рыбу, чередуясь поочередно. Они уже жалуются на то, что снизу, отъ Онега, приходитъ къ нимъ рыбъ весьма мало; но при всемъ томъ они, по видимому, не сидятъ безъ рыбы. Верстъ на 25 еще выше по теченію Водлы мы встрѣчаемся наконецъ съ самымъ Водлозеромъ, обитатели котораго являются наиболѣе усердными рыболовами.

Водла вытекаетъ изъ Водлозера двумя рукавами, однимъ небольшимъ, лежащимъ на сѣверѣ и называющимся собственно Водлою, и другимъ, находящимся южнѣе и носящимъ названіе Вамы. Этотъ рукавъ уже при самомъ своемъ истокѣ является большою, многоводною и быстрою рѣкою, представляющею на протяженіи верстъ 20 до 17 пороговъ. Здѣсь, при истокѣ рѣки или при устьѣ, какъ говорятъ сами жители, весной и осенью производится крестьянами окрестныхъ деревень Вамы, Чуалы, Вавдиополя и пр. значительный промыселъ частію лососа, главнымъ же образомъ сибговъ, харьбосовъ, которые въ другой рукавъ — Водлу не заходятъ.

¹⁾ *И. Р.—ст.* Матеріалы для изученія рыболовства и охоты въ Олонецкой губерніи въ Памятной книжкѣ Олонецкой губерніи за 1866 годъ.

ри истоки Ваи существуетъ также нѣсколько тоннъ, ловля на сторыхъ ведется крестьянами на такихъ же основаніяхъ, какъ и при устьѣ Воды, около Онежскаго озера, о чемъ говорено выше.

Водлозеро, говоря относительно, славится изобиліемъ рыбы, вмѣстѣ съ рядомъ небольшихъ озеръ, связанныхъ съ ними рѣчками; при этомъ нужно прибавить, что здѣсь мы не встрѣчаемся уже съ тѣмъ разнообразіемъ рыбъ, какое видимъ въ Онежскомъ озерѣ; многіе виды лососевыхъ не заходятъ въ Водлозеро, какъ напримѣръ, палия, аймень; пеструшка или форель, если и встрѣчается (въ одномъ бытормъ ручьѣ, соединяющемъ Пильмасъ-озеро съ Келкъ-озеромъ), то въ ничтожномъ количествѣ и малой величины, не имѣя промышленнаго значенія. Самъ лосось, показываясь въ рѣкѣ Вамѣ даже при истоки, не идетъ въ озеро иначе, какъ въ видѣ исключенія. Сиги заходятъ въ озеро хотя, можетъ быть, и въ немаломъ количествѣ, но въ одномъ только видѣ. Налимъ, достигающій въ Онежскомъ озерѣ до 1½ и болѣе пудовъ вѣсомъ, здѣсь рѣдко встрѣчается свыше 15 фунтовъ. Кромѣ сига и харьуса, большинство рыбъ въ Водлозерѣ — осѣдли, по въ предѣлахъ самого озера онѣ представляютъ однакоже нѣкоторыя переселенія. Рано весной приступаетъ къ берегамъ для метанія икры корюшка; какъ и слѣдуетъ ожидать, она держится въ это время больше всего при устьяхъ рѣкъ, напримѣръ, при Вамѣ, около деревни Чуялы; любятъ она нѣкоторыя мѣста въ заливѣ Мяткалахтѣ и т. д. Въ концѣ весны и лѣтомъ около береговъ держутся или наростуютъ лещъ, плотва, язь, окунь, щука, частію судакъ; сиги также ищутъ себѣ пропитанія около береговъ, особенно въ травянистыхъ мѣстахъ; впрочемъ это сиги мелкіе, часто не достигающіе и фунта вѣсомъ. Въ гораздо большемъ количествѣ держутся сиги около береговъ осенью, когда вмѣстѣ съ ними является сюда въ большомъ количествѣ и ряпушка для метанія икры. Во многихъ мѣстахъ Водлозеро представляетъ впадины или ямы, отличающіяся наибольшею глубиной; есть ямы, достигающія до 11 — 12 маховыхъ сажень глубины ²⁾; лѣтомъ здѣсь преобладаютъ преимущественно ерши. Глубокою осенью, когда озеро начинаетъ покрываться льдомъ, также во время зимы,

¹⁾ См. Изв. Р. Г. Общ., т. VII, № 6, стр. 316.

сюда удаляется отъ береговъ большая часть рыбъ, привлекая къ себѣ вниманіе рыболововъ. На отмеляхъ каменистыхъ мѣстахъ озера стануется налима (менекъ); изрѣдка онъ встрѣчается и въ мѣстахъ, покрытыхъ тиной; онъ наростуетъ въ началѣ февраля.

Этимъ складомъ жизни рыбъ обусловливается и промыселъ на нихъ; Водлозѣры ловятъ рыбъ преимущественно неводами около береговъ или на ямахъ, смотря по времени года. Притомъ, совершенно съ привычками рыбъ, самые невода являютъ у нихъ приторопленными къ разнымъ условіямъ. Обыкновенный неводъ, хотя бы онъ былъ и значительной величины, управляется двумя чело-вѣками, благодаря переноснымъ вѣртамъ ¹⁾. Въ употребленіи у нихъ и кереводъ, неровно-крылый неводъ. Обыкновенный неводъ видоизмѣняютъ они въ мутникъ или чапъ ²⁾, дѣлая кнею весьма мелкочейною и снабжая нижній канатъ невода камнями и мочалою, такъ чтобы при движеніи невода вода мутилась. Этотъ неводъ употребляютъ на малыхъ рыбъ, и изобрѣтеніе его принадлежитъ, по рассказамъ, самимъ Водлозѣрамъ. Имѣя въ различныхъ видахъ неводьбы главный способъ рыбной ловли, Водлозѣры знакомы и съ употребленіемъ мережекъ, съ устройствомъ заоловъ, особенно при устьяхъ рѣкъ. Строятъ они заолы и на лудахъ рядами, на протяженіи 30 — 50 сажень; около заоловъ помѣщаютъ морды; дѣлая это подо льдомъ, во время нароста налима, они вылавливаютъ болѣе 100 пудовъ этой рыбы на всю братію. Способъ ловли мепька крючками, насаженными на дрекво, то поднимаемымъ, то опускаемымъ глубже, и около которыхъ менекъ третъ-ся, оставаясь на крючкѣ,—способъ, употребляемый на Онегѣ, здѣсь мало извѣстенъ.

Водлозерская корюшка сравнительно съ Онежскою мелка и извѣстна подъ названіемъ снѣтковъ; подъ этимъ названіемъ она лучше раскупается. Въ хорошую весну она вылавливается въ количествѣ 70—80 воевъ, пдуцихъ на продажу, кромѣ того, что потребляется на самомъ Водлозерѣ. Въ возу считается 20 пудовъ, слѣдовательно, всего вылавливается около 1,400 или 1,600 пудовъ;

¹⁾ См. ст. *Р-ва* въ Пам. кн. Олон. губ. за 1866 г., стр. 44.

²⁾ См. *Кесслеръ*, стр. 39; *Р-ва*, 47—48; *Мальте*, стр. 177.

вѣроятно, такое же количество корюшки вылавливается осенью и зимой на ямахъ изъ-подо льда. На мѣстѣ пудъ корюшки стоитъ до 1 руб. въ сухомъ видѣ. Въ мѣстахъ, куда она доставляется и гдѣ продается, пудъ стоитъ до 3 или 4 руб. 50 к.; такими мѣстами сбыта служатъ для Водлозеровъ зимою мѣстности около Ошты или весной Каргопольскій уѣздъ, гдѣ сбытъ менѣе выгоденъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ выпадаетъ, что ловецъ въ самый небольшой весенній промежутокъ времени добываетъ корюшки до 120 пудовъ. Осенью ловится въ значительномъ количествѣ ряпушка, такъ что уходитъ на продажу до 100 пудовъ ея икры; считая одинъ пудъ икры на 10 пудовъ рыбы, найдемъ, что ряпушки вылавливается не менѣе 1,000 пудовъ. Вмѣстѣ съ ряпушкой и корюшкой ловятся сига, особенно осенью, и карповыя рыбы—лещи, язи, плотва и пр.—весной.

Послѣ весенняго улова, въ Каргопольскій уѣздъ, на ярмарки Ивановскую и Троицкую, идетъ до 40 лодокъ рыбы съ Водлозера. Каждая лодка вмѣщаетъ по 10 возовъ, въ возу по 20 пудовъ, слѣдовательно, въ это время идетъ до 8,000 пудовъ сухой и соленой рыбы. По рассказамъ крестьянъ, за это количество рыбы получается на ярмаркахъ до 6,000 руб., что, можетъ быть, ниже дѣйствительной суммы ¹⁾. Отъ осенняго улова вывозится въ окрестности Ошты преимущественно корюшка, частію ряпушка и ея икра; за эту рыбу получается до 5,000 руб., сумма, которая тоже, вѣроятно, гораздо ниже дѣйствительной. Вообще нужно положить, что количество вылавливаемой на продажу рыбы бываетъ не меньше 15,000 пудовъ, и что въ продажѣ, на мѣстѣ потребленія, пудъ ея не бываетъ среднимъ числомъ ниже 1 рубля. Притомъ можно вполне согласиться, что большая часть дохода отъ улова падаетъ и здѣсь не на самихъ ловцовъ, а на ограниченный кругъ посредниковъ между ними и потребителями.

¹⁾ Большая часть рыбы соленая; бочка въ 10 пудовъ идетъ за 10 руб.; но бываетъ въ некоторыхъ случаяхъ, что бочка большихъ соленыхъ щукъ, весомъ до 8—9 пудовъ, стоитъ до 4 руб. Такимъ образомъ, по выкладкамъ некоторыхъ туземцевъ, считающихъ пудъ рыбы въ 50 коп., всего получается денегъ, вмѣсто ихъ товаровъ (преимущественно хлѣба), на 4,000 руб.

Многіе изъ крестьянъ только часть своего весенняго улова сбываютъ лично въ Каргопольскомъ уѣздѣ, закупая хлѣбъ или вымѣнивая его на рыбу. Въ большинствѣ случаевъ богатые, запасаясь хлѣбомъ, даютъ его подъ рыбу копѣекъ на 10 или 20 дороже существующихъ цѣнъ съ пуда, а рыбу ставятъ на такое же количество денегъ копѣекъ на 10 или 20 дешевле; или же задаютъ пряжей для неводовъ, ставя фунтъ вмѣсто 10—15 коп. за 25—30 коп. Малѣнка ¹⁾ ершей идетъ за 40 коп.; малѣнка плотвы — въ 20—30 коп. За пудъ хлѣба берутъ до 4—6 пудовъ рыбы. Кредитъ крестьянамъ допускается въ 20—30 руб. Въ случаѣ повышения цѣны на рыбу уплата за забранное производится рыбою по старой цѣнѣ. Спускъ въ цѣнѣ дѣлается только для неблагонадежныхъ плательщиковъ, которые потомъ лишаются кредита.

Общее количество вылавливаемой въ Водлозерѣ рыбы, по видимому, весьма велико. Но этотъ фактъ не служитъ еще доказательствомъ изобилія рыбы; скорѣе онъ зависитъ отъ того постоянства, съ которымъ Водлозѣры вертятся около водъ, съ ловушками и снастями. На островѣ Пѣлгостровѣ я видѣлъ старушку, лѣтъ 70, которая ежедневно, вмѣстѣ съ своею невѣсткой, ловила ершей около своего острова; съ половины мая до второй половины іюля она наловила въ прокъ 30 малёнокъ, стоимость которыхъ опредѣляла въ 15 рублей. Итакъ, среднимъ числомъ пришлось на каждую изъ ловившихъ по 2 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Занимающіеся съ гораздо большимъ постоянствомъ и продолжительностью (напримѣръ, въ д. Гумарь-Наволокъ) вылавливаютъ до 60 малёнокъ рыбы въ сезонъ, что приносятъ около 30 руб. заработка за нѣсколько мѣсяцевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, на Кѣмъ-озерѣ, ловъ уходитъ за 100 малёнокъ въ сезонъ, что приносятъ рублей 50 на семейство. Притомъ, снастей въ годъ нужно рублей на 8. Лѣтомъ, въ разгаръ полевыхъ работъ, жители постоянно выѣзжаютъ на озеро съ пяти часовъ вечера и до ночи, часовъ до 10 и болѣе. Къ осени промыселъ увеличивается, времени въ ловлѣ проводится еще больше, и такъ бываетъ до самой зимы, когда начинается наиболѣе дѣятельная работа — неводьба подо льдомъ.

¹⁾ Мѣрка, вѣщающая себѣ около пуда сырой ржи. Сухой мелкой рыби идетъ въ малѣнку отъ 8 до 13 фунтовъ.

Въ большей части деревень почти на каждый дворъ имѣется неводъ, или одинъ неводъ на два двора, не говоря ужъ о другихъ снастяхъ. При сильной нуждѣ и бѣдности, при отсутствіи другихъ заработковъ, и въ виду того, что рыболовство является самымъ характернымъ и важнымъ промысломъ на Водлозерѣ, нужно сознаться, что количество рыбы въ послѣднее время здѣсь сильно уменьшается. Въ продолженіе лѣта мелкая рыба составляетъ главный предметъ промысла; въ это время ловятся одно и двухгодовалые окуни (бузунки и пальцевики), молодые сига (пѣсижки и ѣвдушка), молодая плотва (салага) и вообще всякая другая молодъ (мойва). Конечно, этотъ промыселъ ведется только вслѣдствіе недостатка другой рыбы и въ свою очередь неизбежно порождаетъ годъ отъ году большій недостатокъ и сравнительную скудость крупной рыбы.

Водлозѣры, изощрившись до тонкости въ ловлѣ всякаго рода рыбы, научившись доставать все живое со дна своего роднаго озера, не умѣютъ однакоже съ умѣньемъ воспользоваться тѣмъ, что получаютъ. Вся мелкая рыба сушится, и въ такомъ видѣ она еще до нѣкоторой степени терпима на столѣ. Сушеніе рыбы производится по обыкновенію въ печкахъ. Иногда, по крайнѣйшему въ небольшомъ количествѣ, рыба вялится, и такая рыба еще не особенно много утрачиваетъ. Но невыносимою является та рыба, которая здѣсь солится; получивъ въ первый разъ по пріѣздѣ своемъ на Водлозеро пирогъ изъ соленой рыбы, я былъ просто пораженъ непріятнымъ запахомъ этого угощенія, и не только не могъ испробовать вкуса пирога, но не могъ ни на минуту выпнести его присутствія въ своей комнатѣ. Это такъ называемая рыба *межонная*, полугнилая; она *зажежилась*—полусгнила, протухла. Въ здѣшнихъ краяхъ есть особенные ея любители и любительницы, ставящіе ее выше свѣжей. Обыкновенно выраженіе: „Не хощь ли межонинькой?“ Или: „любишь ли межонинькую?“ Вѣроятно, такую именно рыбу засталъ въ прошломъ столѣтіи Озерецковскій, около Петрозаводска. „Я былъ въ семь городѣ въ Госпожицкѣ“, говоритъ онъ ¹⁾, „и стоя въ суднѣ у пристани видѣлъ, что по

¹⁾ Озерецковскій. стр. 186.

утрамъ привозили туда рыбаки на лодкахъ по большей части ряпушку и соленую палю, которая *весьма противный испускала запахъ*; не смотря на то, жители раскупали ее на подхватъ, такъ что кто долго проспалъ, тому и *вонючей* рыбы купить не оставалось“. Итакъ, почти спустя столѣтіе послѣ этого разсказа, способъ соленія рыбы не усовершенствовался; жители до сихъ поръ продолжаютъ портить плоды своихъ трудовъ; я всегда съ большимъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на спговъ, фунтовъ въ 5 вѣсомъ, на огромныхъ лещей, съ виду красивыхъ, но къ которымъ нельзя было приступить. Водлозѣры, какъ-бы въ утѣшеніе, замѣчали мнѣ, что у нихъ „если рыба и не свѣжа, а пахнетъ, то тамъ (въ Каргопольщинѣ) берутъ“. Въ другихъ мѣстахъ Водлозѣры кажется боятся распространять такую рыбу. Другіе способы заготовки рыбы въ прокъ, какъ напрымѣръ, копченіе, здѣсь и вовсе неизвѣстны, тогда какъ тотъ же сигъ, хорошо законченный, могъ бы принести въ 4 или 5 разъ больше выгоды. Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго можно видѣть, что рыболовство на Водлозерѣ стоить большихъ трудовъ, особенно въ бурную погоду, и что оно доставляетъ здѣсь сравнительно весьма мало дохода. Продукты рыболовства не удовлетворяютъ тѣмъ нуждамъ, которыя гнетутъ обитателей края. Вылавливаемая рыба доставляетъ еще меньше выгодъ и по трудности путей сообщенія. Доставка рыбы весной или лѣтомъ въ Каргопольскій уѣздъ, на протяженіи 100—150 верстъ, обходится жителямъ весьма дорого. Они должны спустить лодки съ грузомъ по Водлѣ черезъ 17 главныхъ пороговъ; затѣмъ въ вершинахъ р. Черевы, поднявшись противъ теченія, около деревни Заволочья, они оставляютъ свои лодки и ѣдутъ на чужихъ лодкахъ за плату, или провезя на наемныхъ лошадяхъ кладъ на протяженіи 5 верстъ по волоку, заготавливаютъ на р. Волошовѣ свои собственные лодки. Назадъ, обмѣнявъ рыбу по большей части на хлѣбъ, они еще съ большими трудностями, перевоза хлѣбъ на наемныхъ лошадяхъ черезъ волокъ, поднимаются вверхъ по р. Вамѣ, черезъ ея пороги. По выкладкамъ свѣдущихъ туземцевъ, переѣздъ впередъ въ Каргопольщину и обратно оттуда, отнимаетъ у жителей до 400—600 рублей ежегодно, что сравнительно весьма вѣроятно. По этой причинѣ Водлозѣры много разъ спрашивали меня, есть ли возможность

соединить каналомъ въ 5 верстѣ длиною два бассейна—Бѣломорскій и Балтійскій, о чемъ уже была мысль и не въ средѣ убогихъ рыбаковъ. Водла не признавалась обыкновенно судоходною по ея порожистости, и кажется, мысль о каналѣ въ здѣшнемъ краѣ оставлена.

IV.

Необходимость въ улучшеніи скотоводства и хлѣбопашества обусловливается ходомъ измѣненій въ природѣ.—Скотоводство въ Олонецкой губерніи за послѣдній періодъ времени почти не улучшилось.—Причины этого: сибирская язва; хищные звѣри: волки и медвѣди; вредъ отъ тѣхъ и другихъ изъ нихъ.—Скудость кормовъ въ слѣдствіе поздняго наступленія весны, продолжительности зимы, ограниченности пастбищъ и бѣдности въ покосахъ.—Недоброкачественность сѣна, значеніе листьевъ и проч.—Распределение скота у крестьянъ при устьѣ р. Вытегры, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ и въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.—Стоимость крестьянской и другихъ лошадей; улучшение мѣстной породы.

Изъ предыдущихъ главъ, я полагаю, стало ясно, что количество звѣрей, птицъ и рыбъ постоянно, годъ отъ году, все болѣе и болѣе уменьшается въ Олонецкой губерніи; причиной подобнаго оскудѣванія животныхъ служатъ самъ же человѣкъ. Вычищая лѣса подъ сѣнокосы, вырубая ихъ для постройки жилищъ и отопленія, выжигая ихъ для своей пашни, онъ или оттѣсняетъ звѣря отъ окрестностей своего жилья, или прекращаетъ для него всякую возможность жить и размножаться здѣсь. Далеко отъ жилья уходитъ олень; тѣснится въ глубь лѣса куница, даже бѣлка; за ними покидаютъ окрестности жилья многія изъ лѣсныхъ птицъ; въ замѣнъ этой фауны появляются въ возникающемъ вновь мелколѣсьи звѣрки въ родѣ зайца-русака, полевока, кротовъ, или пернатые въ родѣ сѣрой куропатки, или же хоръ пѣвуновъ, составленный изъ славковъ, соловьевъ и т. д. Такимъ образомъ, самъ человѣкъ измѣняетъ природу и кладетъ себѣ преграду къ большинству тѣхъ промысловъ, въ которыхъ его же предки находили себѣ исключительное средство къ существованію. Теперь уже сама природа, измѣненная человекомъ, ставитъ ему дальнѣйшія задачи, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ его участь на жизнь или смерть. Рѣшить онъ ихъ удовлетворительно,—тогда право на жизнь будетъ завое-

вано; останется онъ глухъ къ голосу природы,—тогда рядъ неудачъ и препятствій будетъ давить его на каждомъ шагу, и жизнь такого человѣка омрачится тѣмъ болоритомъ, подъ покровомъ котораго мы съ трудомъ отыщемъ что-нибудь утѣшительное. Слѣды этого послѣдняго обстоятельства, въ сожалѣнію, бросаются намъ въ глаза на жителяхъ Олонецкой губерніи. Они одинаково замѣтны какъ на скотоводствѣ, такъ и на хлѣбопашествѣ; и мнѣ не первому приходится указывать на бѣдственное состояніе этихъ отраслей хозяйства въ здѣшнемъ краѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если остановиться на скотоводствѣ въ Олонецкой губерніи, то найдемъ, что въ новѣйшій періодъ времени оно почти не измѣнилось; количество домашнихъ животныхъ за послѣдніе и за сороковые года представляетъ самую ничтожную разницу, если при этомъ давать какое-либо значеніе имѣющимся у насъ статистическимъ свѣдѣніямъ. Въ цифровыхъ данныхъ важно не абсолютное, а относительное значеніе; изъ нихъ мы, по крайней мѣрѣ, усматриваемъ фактъ, что весьма часто общее количество скота въ предшествующіе года было больше, чѣмъ въ послѣдующіе. Еще Пушкаревъ указывалъ, что количество скота, за исключеніемъ свиней, постоянно уменьшалось съ 1842 по 1844 г. Въ 1842 году считалось въ Олонецкой губерніи 51,794 лошади; въ 1844 г. было только 49,119, слѣдовательно, на 2,675 головъ менѣе; коровъ въ 1842 году считалось 101,954, а къ 1844 году осталось 81,972, то есть, произошло уменьшеніе на 19,982 головы ¹⁾. Затѣмъ, обращаясь къ Штукенбергу, собравшему статистическія данныя изъ всѣхъ имѣвшихся источниковъ, я долженъ сказать, что, наприимѣръ, за 1846 годъ количество овецъ преувеличено у него на столько ²⁾, что самую цифру можно принять только за вымыселъ первоначальнаго составителя или за опечатку, и что далѣе, на слѣдующей страницѣ, онъ приводитъ, на основаніи Дашкова ³⁾, тѣ же преувеличенныя и вполне ошибочныя данныя объ общемъ

¹⁾ *Пушкаревъ*, Описаніе Россійской Имп. Т. I, Олон. губ., стр. 55.

²⁾ *Штукенбергъ*, Статистическіе труды, ст. VII, Опис. Олон. губ., стр. 13.

³⁾ Тамъ же, стр. 14, примѣч. 34. Ср. *Дашкова*, Описаніе Олон. губ., стр. 79—81.

количествъ скота въ губерніи, которыя далеко раньше, при первомъ ихъ появленіи у Бергштрессера, опровергъ Пушкаревъ ¹⁾. Данныя о количествѣ лошадей постоянны: за 1846 годъ ихъ считалось 49,509, или по другимъ источникамъ,—49,569 шт. ²⁾. Въ 1848 году лошадей считалось 49,551 ³⁾; слѣдовательно, количество лошадей увеличилось на нѣсколько десятковъ или даже уменьшилось. Но за 1850 годъ показано на всю губернію 47,894 лошадей ⁴⁾, то есть, произошло уменьшеніе, даже сравнительно съ 1844 годомъ, на 1,225 штукъ. Такимъ образомъ, количество лошадей за 9 лѣтъ, съ 1842 г. по 1850, уменьшилось на 3,903 штуки. Данныхъ за пятидесятые года у меня подъ рукою не имѣется, кромѣ относящихся до 1858 года ⁵⁾. Здѣсь мы находимъ количество лошадей увеличившимся до 57,679 шт.; прибавилось съ 1850 года, въ теченіе 8 лѣтъ, около 10,000 головъ, что крайне мало вѣроятно, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующіе года мы снова видимъ уменьшеніе въ числѣ лошадей. Такъ, въ 1862 году считалось уже 56,057 ⁶⁾, на 1,622 штуки менѣе противъ 1858 года; за 1863 годъ ⁷⁾ количество лошадей показано 53,891 штукъ, на 2,166 штуки менѣе предшествовавшаго. По официальнымъ даннымъ 1862 и 1863 гг., на 100 человекъ жителей считалось слѣдующее количество домашняго скота:-

	1862 г. ⁸⁾	1863 г. ⁹⁾
Лошадей	18,83	18,16
Рогатаго скота	35,35	35,06
Овецъ	31,03	30,10
Свиней	3,58	20,50

¹⁾ Пушкаревъ, 54.

²⁾ Штукенбергъ, стр. 13—14.

³⁾ Тамъ же, и Олонец. губ. вѣд. № 37.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 14.

⁵⁾ Памяти. кн. Олонец. губ. за 1860 г., стр. 266.

⁶⁾ Памяти. кн. Олонец. губ. за 1864 г., стр. 42.

⁷⁾ Памяти. кн. Олонец. губ. за 1865 г., стр. 60.

⁸⁾ Памяти. кн. Олонец. губ. за 1864 г., стр. 43.

⁹⁾ Памяти. кн. Олонец. губ. за 1865 г., стр. 60.

Въ этомъ расчетѣ бросается въ глаза небрежность, которую трудно чѣмъ-либо оправдать; такъ, напримѣръ, количество скотины на 100 человѣкъ показано за 1863 годъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ за предшествующій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ 1862 году ихъ было 10,769, а въ 1863—только 7,437, то есть, на 3,332 штуки менѣе. Затѣмъ, по тѣмъ же officialнымъ источникамъ извѣстно: „Полагая крестьянскую семью въ 4 души обоихъ пола, получимъ на каждое хозяйство менѣе, чѣмъ по 1 лошади по 1 съ половиною рогатого и по 1 штукѣ мелкаго скота“. Эти общія данныя представляютъ, можетъ быть, факты въ гораздо лучшемъ видѣ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ и это скудное количество скота распределено далеко неравномѣрно. Бываютъ случаи, что почти половина или треть членовъ различныхъ сельскихъ обществъ лишены всякаго скота и ведутъ, въ слѣдствіе того, какъ то будетъ упомянуто ниже, почти нищенскій образъ жизни.

Итакъ, я начну съ наиболѣе важныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе скотоводства въ Олонецкой губерніи. Въ первый рядъ нужно поставить скотскіе падежи отъ болѣзней—сибирской язвы и чумы. Сибирская язва извѣстна въ здѣшней мѣстности уже довольно давно; въ тридцатыхъ годахъ она опустошала стада поселенъ точно также, какъ и въ наше время. Г. Бергштрессеръ говоритъ о ней, какъ о болѣзни, ежегодно свирѣпствующей сильнѣмъ образомъ не только на лошадяхъ, но и на рогатомъ скотѣ и овцахъ ¹⁾. Дѣйствию той же сибирской язвы Пущкаревъ приписывалъ уменьшеніе числа домашнихъ животныхъ въ началѣ сороковыхъ годовъ ²⁾; ей же нужно приписать и падежи во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, въ родѣ случившагося въ Каргопольскомъ уѣздѣ ³⁾. Указанія на тѣ же скотскіе падежи частію отъ чумы, частію отъ сибирской язвы встрѣчаются постоянно и въ болѣе близкіе къ намъ года. Такъ, въ шестидесятыхъ годахъ, тысячи животныхъ пали вслѣдствіе тѣхъ же эпидемическихъ болѣзней ⁴⁾. Отъ сибирской же язвы погибло много

¹⁾ *Бергштрессеръ*, Опытъ описанія, Олон. губ., стр. 82.

²⁾ *Пушкаревъ*, стр. 55.

³⁾ Олон. губ. вѣд. за 1849 г., № 37.

⁴⁾ Памятн. кн. Олон. губ. за 1864 г., стр. 43 и за 1865 г., стр. 60.

жота въ 1868 и 1869 годах¹⁾. Сибирская язва сильно свирѣпствовала въ 1870 году; въ это время одинъ Вытегорскій уѣздъ потерялъ до 1,087 головъ разнаго скота; наиболѣе сильнымъ развитіемъ отличается сибирская язва на Маринскомъ каналѣ, гдѣ изнуреніе домашнихъ животныхъ, особенно лошадей, доходитъ до высшей степени.

Коренныя причины этого страшнаго бича скотоводства мало извѣстны; впрочемъ, давно замѣчено, что распространеніе сибирской язвы тѣсно связано съ болотистыми мѣстностями; затѣмъ болѣзнь приписывается болотистымъ пастбищамъ, поднимающемуся съ болотъ удушливому пару, дѣйствующему на животныхъ²⁾; новѣйшія изслѣдованія также признаютъ вліяніе болотъ на появленіе болѣзни, но даютъ нѣсколько иное объясненіе путямъ, по которымъ болота зловредно дѣйствуютъ на организмъ: именно предполагається, что болота заразительно дѣйствуютъ на домашній скотъ черезъ образованіе ульминовыхъ веществъ; зараженію способствуетъ жаркая погода³⁾. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни были скрыты коренныя внутреннія причины сибирской язвы, а также и другихъ подобныхъ болѣзней, вредъ, причиняемый ею домашнему скоту, достигаетъ громаднхъ размѣровъ, и она служитъ одною изъ непреодолимыхъ причинъ къ развитію нищеты въ крестьянскомъ населеніи. Жаль видѣть поселянину, у котораго падежъ отнимаетъ послѣднюю лошадь или корову, лишая его возможности вспахать затѣмъ пашню или вскормить дѣтя. Притомъ, послѣ вышесказаннаго, мы должны видѣть въ сибирской же язвѣ косвенное вліяніе сѣверныхъ болотъ на состояніе сельскаго хозяйства.

Не менѣе страшными врагами домашняго скота нужно считать для здѣшняго края и хищныхъ животныхъ—волковъ и медвѣдей; всѣ естественныя условія сложились такъ, что домашній скотъ здѣшнихъ поселянъ разводится какъ будто главнымъ образомъ

¹⁾ Журналы Олон. губ. земскаго собранія 1869 г., прилож., стр. 26. Журналы Вытегор. очереди. земск. собранія, стр. 137—146.

²⁾ *Вериштрессеръ*, стр. 82.

³⁾ *Гриммъ*, Отчетъ по изслѣдованію сибирской язвы, въ Трудахъ Спб. Общ. Естествоисп., т. III, стр. 64—72.

для кровожадных обитателей лѣса. Въ интересахъ хищниковъ дѣйствуетъ прежде всего міръ насѣкомыхъ. Во многихъ случаяхъ домашнія животныя могутъ пастись въ лѣсахъ только по вечерамъ и ночью; днемъ ихъ пребываніе въ лѣсу дѣлается невозможнымъ боями и оводами, и животныя ищутъ отъ нихъ спасенія или около жилья, или въ густыхъ чащахъ лѣса. Всякое удаленіе животныхъ отъ жилья, а также появленіе ихъ на пастбищахъ поздно вечеромъ, доставляетъ довольно легкую возможность для хищническихъ на нихъ нападеній. Притомъ, волки до такой степени смѣлы, что даже лѣтомъ, въ виду жителей, таскаютъ овецъ въ свои логовища. Нѣсколько подобныхъ примѣровъ случилось на моихъ глазахъ около деревни Устьинской, на Тудозерѣ. Еще смѣлѣе становятся они въ концѣ лѣта и осенью; около Оштинскаго погоста, не далеко отъ истоковъ Свири, въ теченіе августа мѣсяца было истреблено волками болѣе десятка разнаго скота; особенно страдаютъ отъ нихъ жеребята. Зимой по дорогамъ волки бродятъ цѣлыми стадами; часто путешествуютъ они отъ деревни къ деревнѣ; въ это время скотъ накрѣпко запирается, но и при этомъ случается, что хищники пробраются даже въ хлѣва. Сильнѣе всего страдаютъ стражи домовъ—собаки ¹⁾, не смотря на то, что ихъ запираютъ въ домахъ. Собака, неосторожно оставшаяся на дворѣ или далеко отошедшая отъ хозяина во время дороги, становится жертвою волка; въ этомъ послѣднемъ случаѣ волки нерѣдко отманываютъ собакъ въ стороны. Не менѣе опаснымъ для скота является и медвѣдь. По поводу его современныхъ похощеній приведу прежде всего рассказъ о его подвигахъ среди домашняго скота изъ прошлаго. „Деревня Плотичная на лѣвомъ берегу Свири, въ 5 верстахъ отъ Пидьмы. Жители сей деревни“, говоритъ Озерецковскій, „сказывали мнѣ, что много скота, а особливо лошадей, перевелъ у нихъ медвѣдь, отъ котораго особливимъ избавились они случаемъ.“

¹⁾ *Бернштрессеръ* (см. стр. 96) говоритъ: „Медвѣдей и волковъ въ губерніи весьма много; волки иногда столь дерзки, что приходятъ зимою, при продолжительныхъ морозахъ, даже въ города и таскаютъ оттуда или собакъ, поздно прогуливающихся по улицамъ, или козловъ, вочующихъ, большею частью, у городского двора вмѣстѣ съ сторожами“.

вое изъ нихъ, ѣхавши на лодкѣ по Свири выше своей деревни, видѣли медвѣдя, плывущаго черезъ рѣку отъ праваго берега къ ѣвому, на которомъ пасся у нихъ скотъ; увидя, приняли на-ѣзженіе напасть на него, пока онъ не выплылъ, тотчасъ нагнали го на лодкѣ и въ нѣсколько минутъ убили, не имѣя другаго оружія, кромѣ топора и лодочной мачты. Съ той поры цѣли у нихъ лошади, конхъ однакожь послѣ покойника немного осталось, но опасно, чтобы наслѣдники его и послѣднихъ не доконали; ибо ихъ по Свири очень довольно“ ¹⁾). Подобныя факты и мною были замѣчены въ окрестностяхъ города Вытегры; весьма часто случалось, что крестьяне приглашали меня идти на медвѣдей, производящихъ опустошенія въ ихъ стадахъ. Рѣдко медвѣдь, удачно поживившись изъ стада коровой или лошадыю, не повторяетъ нападеніе въ другой, въ третій и т. д. разъ. Выдаются и такого рода медвѣди, которые въ одну ночь или въ сутки даютъ по семи и болѣе штукъ скота; это такъ называемые здѣсь *юмцы*, хищники, производящіе опустошенія не столько для удовлетворенія голода, сколько изъ хищничества и кровожадности; истребляя стада въ одномъ мѣстѣ, гонцы быстро переходятъ для той же цѣли въ другія мѣста или деревни, отстоящія отъ первыхъ на цѣлыя десятки верстъ. Въ противоположность этому, обыкновенный медвѣдь, не гонецъ, идетъ за новою добычей только въ томъ случаѣ, когда старая истощается. вмѣстѣ съ медвѣдемъ и волкомъ нападаетъ на домашнихъ животныхъ и росомаха. Опустошенія, производимыя въ стадахъ звѣрями, громадны. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ Вытегорской земской управы, въ 1870 году въ уѣздѣ истреблено хищными звѣрями 1086 головъ скота, то есть, только одною штукой меньше, чѣмъ въ тотъ же годъ похищено сибирскою лаской. Въ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, во время моего пребыванія въ Олонецкой губерніи, скота пало отъ хищныхъ звѣрей больше, чѣмъ отъ сибирской ласки. Почти въ каждой изъ деревень было задавлено по 3 или по 5 штукъ скота, такъ что на деревни Гургинки, Чунъ-Ручей, Урюпинну, Педяевщину и другія, лежащія около Тудозера, пришлось болѣе 40 головъ, кромѣ тѣхъ, ко-

¹⁾ *Озерницкій*, 137—138.

торыя избавились отъ хищниковъ, благодаря пастухамъ, хозяевамъ и пр.; на коровахъ или лошадяхъ, подвергшихся нападенію, не избѣгнувшихъ смерти, оставались однакоже сильныя рапы или царапины. Очень часто приходится слышать, что въ той или другой сторонѣ ночью былъ слышенъ ревъ коровы, что бываетъ обыкновенно при нападеніи медвѣдя. Къ концу лѣта и въ началѣ осени хищники до такой степени устрашаютъ жителей, что скотъ уже не выгоняется въ поле. Въ Оштинскомъ погостѣ въ продолженіе всей второй половины сентября я не замѣчалъ ни одной коровы или лошади по окрестностямъ; каждый изъ жителей выгонялъ свое собственное стадо — корову съ нѣсколькими овцами, или одинъ изъ жителей захватывалъ вмѣстѣ съ своимъ скотъ своихъ сосѣдей, и загоняя животныхъ на хлѣбное поле, стерегъ ихъ безотлучно въ продолженіе цѣлаго дня, съ утра до вечера. Иначе опасность отъ хищниковъ была бы неминуема. Въ окрестностяхъ Водлозера въ началѣ августа домашній скотъ былъ ежедневно осаждаемъ медвѣдемъ, такъ что послѣ большого урона жители деревень Куго-Наволока, Путилова и Кевасалмы, въ продолженіе недѣли или болѣе, должны были держать животныхъ во дворахъ, около жилья; медвѣдь былъ однако на столько настойчивъ, что приступилъ и къ жилью, но здѣсь встрѣтился съ достаточнымъ количествомъ ружей, топоровъ и прочаго смертоноснаго оружія, и потому удалился, не достигнувъ своей цѣли. Затѣмъ я могъ бы привести еще много другихъ подобныхъ примѣровъ, еслибы не считалъ достаточнымъ уже вышеприведенныхъ; теперь мнѣ остается указать только на то, что опустошенія, производимыя хищниками въ домашнемъ скотѣ, представляютъ нѣкоторую періодичность; въ одномъ и томъ же мѣстѣ медвѣдь въ одни года больше хищничаетъ, чѣмъ въ другіе; въ одинъ и тотъ же годъ и въ разныхъ мѣстахъ вредъ отъ медвѣдя различенъ, хотя среднимъ числомъ онъ распространенъ повсюду равномерно. То же самое и съ волкомъ; на юго-восточномъ побережьи Онежскаго озера онъ многочисленнѣе, чѣмъ, напримѣръ, около Водлозера, гдѣ онъ показывается въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія: это зависитъ, вѣроятно, отъ большого изобилія снѣга, которое имѣетъ здѣсь мѣсто. Но при всемъ этомъ вредъ хищниковъ изъ году въ годъ

стается весьма постояннымъ, такъ что нужно удивляться, какимъ образомъ въ самомъ народѣ не придумано ни какихъ сносныхъ средствъ противъ этого зла; въ Олонецкой губерніи не извѣстны даже такія ловушки для волковъ, напримѣръ, какія съ давнихъ оръ существуютъ въ Сибири ¹⁾.

Вышеуказанныя явленія весьма неблагопріятны для скотоводства; но въ природѣ можно найти такой противовѣсъ, который въ состояніи парализовать ихъ; это—доброкачественность пастбищъ, пзобиліе выгоновъ. Въ западной Сибири, среди Барабинской степи, мы и находимъ отчасти такого рода условія; Олонецкая же губернія представляетъ въ этомъ случаѣ инныя обстоятельства. Здѣсь, какъ уже ясно изъ предыдущаго, выгонами служатъ, съ одной стороны, болота, распространяющія заразу въ видѣ сибирской язвы, а съ другой—лѣса, грозящіе другою опасностью, хищниками. Въ то же время здѣсь домашній скотъ встрѣчается съ самою скудною пищею; этотъ фактъ, можетъ быть даже въ слишкомъ уже преувеличенномъ видѣ, разсказывается—почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ—съ тридцатыхъ годовъ до самого послѣдняго времени ²⁾. Въ мѣстныхъ источникахъ весьма часты извѣстія въ родѣ слѣдующаго: „Недостатокъ сѣна весной (въ 1858 г.) около Лодейнаго поля заставилъ крестьянъ убивать скотъ; пудъ сѣна стоилъ 50 коп., солома — 40 коп.“ ³⁾. Таковы бываютъ обыкновенно послѣдствія скудости луговъ; и сила бѣдствія увеличивается еще потому, что здѣсь весьма продолжителенъ періодъ времени, въ теченіе котораго домашнія животныя лишены подножнаго корма и существуютъ только на счетъ заготовленнаго сѣна, соломы или прочаго корма, при чемъ запасы, при трудности сдѣлать ихъ, должны быть велики. И конечно, трудно ожидать благопріятныхъ

¹⁾ Безопасность домашнихъ животныхъ отъ хищниковъ вообще мало обезпечена въ большей части Россіи, и недавно въ С.-Петербургскомъ земскомъ собраніи было высказано предположеніе о средствахъ къ истребленію волковъ. Трудно рѣшить, въ какихъ практическихъ результатахъ приведутъ постановленія земства. См. Журналъ Охоты и Коннозаводства, 1873 г., № 1.

²⁾ Бергштрессеръ, 79; Пушкаревъ, 54; Ол. губ. вѣд. 1847 г. № 23; Памяти. кн. Ол. губ. за 1864 г., 42; Пам. кн. за 1865 г., 60.

³⁾ Олон. губ. вѣд. 1858 г. № 33, стр. 119.

условій для подножнаго корма въ весну, которая характеризуется слѣдующими, напримѣръ, непривлекательными признаками: „Весна начинается обыкновенно въ концѣ апрѣля, но весьма рѣдко сопровождается днями теплыми; иногда снѣгъ остается въ лѣсахъ до половины мая, а въ оврагахъ, лежащихъ въ сѣверной части губерніи, и до іюля мѣсяца. Послѣдніе весенніе морозы бывають еще въ маѣ и даже въ первыхъ числахъ іюня“ ¹⁾. Мнѣ самому пришлось встрѣчать весну при устьѣхъ Вытегры. Въ первыхъ числахъ мая вся почва и всѣ деревья стояли голыми; 4-го мая на болотахъ только что началъ цвѣсти небольшой болотный кустарникъ—*Andromeda*; 10-го по окраинамъ болотъ, въ мѣстахъ защищенныхъ отъ вѣтра, распустились селезеночникъ (*Chrysosplenium*) и курслѣпъ (*Caltha*); около тѣхъ же мѣстъ собирался раскрыть свои цвѣты и листья бѣлокрыльникъ (*Calla*). Съ самаго начала мая и древесная растительность начала развивать свои листовыя почки, но такъ медленно, что къ половинѣ мѣсяца едва только на концахъ почекъ выглядывали зеленныя части молодыхъ листьевъ, и деревья казались безлистными и голыми; 15-го мая жители безъ березокъ праздновали Троицу, а 16-го, въ Духовъ день, выпалъ снѣгъ, сопровождаемый сырою, холодною и вѣтряною погодой. Такая весна, когда лишь въ концѣ мая и въ началѣ іюня сухая и желтая прошлогодняя трава замѣнилась зеленою и свѣжею, представляла весьма мало хорошаго для скота. Въ продолженіе всего апрѣля скотъ сидѣлъ взаперти; первая половина мая также не давала ему корма. Я не одинъ разъ слышалъ мычаніе коровъ, пребывающихъ въ хлѣвахъ на жесткой соломѣ. Крестьяне, охая и жалуясь на отсутствіе кормовъ на выгонахъ, прибавляли нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Вишь, скотина-то тоснуть (тосковать) начала, ни пить, ни ѣсть не стала; все въ лѣсъ хочется. А въ лѣсу-то черно да голо!“ Мало прійдется прибавить къ вышесказанному о пастбищахъ. Олонецкая губернія въ крайне рѣдкихъ случаяхъ надѣлена естественными сухими лугами; жителю приходится отвоевывать отъ природы необходимое; онъ вычищаетъ на опушкахъ лѣсовъ небольшіе клочки земли; здѣсь онъ убираетъ валежники

¹⁾ Пушкинскъ, 25.

деревья, пшп и камни, и правда, тогда подъ сѣнью деревьъ вырастаетъ красивый коверъ сочной зеленой травы, которая и служитъ потомъ для выкашиванія. Иногда такіа лѣсныя лужайки образуются сами собою, и скотъ пользуется ими для своихъ непосредственныхъ цѣлей. Вообще, можно сказать, что трава, вырастающая въ глубинѣ и по опушкамъ лѣсовъ, иногда по окраинамъ болотъ, отличается своею сочностью; жаль только одного, что она является въ маломъ количествѣ. По временамъ можно встрѣтить и по берегамъ рѣкъ хорошія кормовыя травы; луга въ верховьяхъ р. Вытегры или Шимы даже поразили меня своимъ видомъ, своими разнообразными растеніями, изъ которыхъ среди злаковъ выдавались купальницы (Trollius), лютикъ, вероника, чина (Zathyus) и пр. Такого же вида картина представляется иногда на сухихъ окраинахъ болотъ. Здѣсь также зелень является поразительно красивою, особенно по изобилію крупныхъ и мелкихъ видовъ папоротниковъ ¹⁾. Однимъ словомъ, во многихъ случаяхъ ясно, что при нѣкоторой культурѣ и сравнительно небольшомъ трудѣ большія пространства Олонецкой губерніи могли бы дать чрезвычайное изобиліе корма. Въ губерніи уже были попытки травосѣянія, и по видному, весьма удачныя, но дальнѣйшаго примѣненія къ практикѣ онѣ, кажется, не имѣли; по крайней мѣрѣ въ двухъ уѣздахъ, Вытегорскомъ и Шудожскомъ, мнѣ не представилось случая наблюдать травосѣяніе.

Вообще, въ настоящее время мы не находимъ въ Олонецкой губерніи изобилія въ пастбищахъ съ хорошею и питательною травой ²⁾; кромѣ указанныхъ уже неудобствъ отъ хищниковъ и овода, пребываніе скота въ лѣсахъ опасно и по большому количеству грязей; скотъ часто вязнетъ въ нихъ, такъ что жители отправляются изъ деревень ватагами для высвобожденія увязшихъ коровъ. Затѣмъ паства никогда не ограничивается однимъ лѣсомъ; скотъ пасется часто и на болотахъ,—въ этомъ мнѣ приходилось

¹⁾ Берштрессеръ, 78.

²⁾ Берштрессеръ также указываетъ на распространеніе многихъ питательныхъ травъ въ Олонецкой губерніи; но отсюда не слѣдуетъ выводиться, какъ это онъ думаетъ, что здѣсь имѣются въ такомъ же изобиліи и вполне удобныя пастбища. См. стр. 79.

ясно убѣдиться при устьѣ р. Вытегры. Выгонами часто служатъ острова среди большихъ озеръ: жители перевозятъ скотъ на ближайшій не заселенный островъ и оставляютъ его здѣсь на вслѣто; сюда ежедневно ѣздятъ женщины на лодкахъ донть своихъ коровъ; это мнѣ пришлось видѣть на Водлозерѣ; впрочемъ такъ дѣлаютъ по преимуществу жители острововъ для спасенія скота отъ хищниковъ, но и это удается не всегда. Почти на моихъ глазахъ жители деревни Канза-Наволока были перепуганы извѣстіемъ, что на ближайшій островъ, гдѣ у нихъ пасся скотъ, забрался съ материка, вплавъ черезъ заливъ, хищникъ — медвѣдь или лоссомаха, и попортить коровъ.

Итакъ, если многія изъ мѣстностей Олонецкой губерніи не представляютъ полной бѣдности въ пастбищахъ, то относительно сѣнокозовъ она положительно обижена. Въ окрестностяхъ Вытегры мѣсть сухихъ, съ хорошими питательными травами, такъ мало, что жители большую часть сѣна заготавливаютъ на болотахъ: здѣсь растетъ исключительно осока, и въ времени поставки сѣна она прорастаетъ высокою и густою и дѣлается жесткою и грубою. Выкошенная, она нерѣдко заливается водою отъ рѣкъ или дождевою, и потому становится почти черною. Понятно, что она не можетъ быть сколько-нибудь питательною и пріятною для скота. Между тѣмъ все заготавливаемое здѣсь сѣно отличается такимъ характеромъ; и можетъ быть, поэтому всякое сѣно называется здѣсь „болотомъ“. Въ деревняхъ около устья Вытегры и по Тудозеру часто говорятъ: „я спалъ на бодотѣ“, то есть, на сѣнѣ; или: „принеси сюда болото!“ Въ другихъ случаяхъ готовится для скота еще болѣе оригинальный кормъ: это листья пивы. Такой обычай распространенъ въ окрестностяхъ Водлозера: жители, особенно женщины, почти ежедневно привозятъ на лодкахъ или въ мѣшкахъ большое количество пивыхъ листьевъ и стелютъ ихъ въ пѣкахъ, на полѣ; этотъ листъ служитъ жителямъ и постелямъ; черезъ день или два старый листъ убирается, а на мѣсто его стелется новый. Зимой такой листъ кладется въ горячую воду и въ такомъ видѣ, выстѣвъ съ настоемъ, идетъ въ пищу скоту. Кроме листа, собирается въ большомъ количествѣ кипрей (*Epilobium angustifolium*); онъ сушится на воздухѣ пучками и имѣетъ то же назначеніе, что и листья. Кстати

сказать,* сами жители пьютъ то же самое растеніе, подъ именемъ чая, получая его за дорогую цѣну изъ какихъ-то неизвѣстныхъ мѣстъ источниковъ. Въ заключеніе замѣчу, что жители такъ мало могутъ заготавливать сѣна, что уже, по показаніямъ Бергштрессера, при наступленіи зимы продаютъ большую часть рогатаго скота ¹⁾.

Изъ представленнаго очерка, я полагаю, будетъ до нѣкоторой степени ясенъ рядъ неблагоприятныхъ условій для развитія скотоводства въ Олонецкой губерніи. Теперь я укажу на частные случаи. Въ деревняхъ при устьѣ р. Вытегры, приходится по 1, изрѣдка по 2 лошади на хозяйство. Есть по нѣскольку и такихъ семействъ, у коихъ лошадей совсѣмъ не имѣется; въ Гуртникахъ на 17 домовъ оказывается два семейства безъ лошади. Въ деревняхъ по Тудозеру число семействъ, не имѣющихъ лошадей, увеличивается, но большинство все-таки остается съ лошадьми и коровами. Наиболѣе состоятельныя имѣютъ отъ 5 до 10 овецъ. Сносны здѣсь по виду коровы; овцы мелки; лошади, кромѣ того, забиты и измучены, такъ что у нихъ легко можно пересчитать ребра. Притомъ нужно замѣтить, что здѣсь по деревнямъ свиньи не разводятся, также, какъ далѣе, на Водлозерѣ, — мѣстность, о распредѣленіи скота въ которой между сельскимъ населеніемъ я располагаю нѣсколько болѣе полными данными. Можетъ быть, окрестности Вытегры болѣе богаты скотомъ (съ чѣмъ я впрочемъ здѣсь не имѣлъ возможности ближе познакомиться), сравнительно съ Водлозеромъ; но изучая скотоводство Водлозеровъ, мы можемъ согласиться, что и то общее и ничтожное количество скота, о которомъ мы говорили въ началѣ главы, распредѣлено очень неравномѣрно, вслѣдствіе чего здѣшнее скотоводство представляется въ гораздо болѣе худшемъ видѣ, чѣмъ это можно думать на основаніи вышесказаннаго. Въ селеніи Маломъ Куго - Наволокъ считается 9 домовъ; всего скота приходится на селеніе 6 лошадей и 9 коровъ, которыя распредѣлены такъ: одинъ житель имѣетъ 2 лошади и 4 коровы; другой имѣетъ 1 лошадь и 2 коровы; у трехъ жителей по 1 лошади и 1 коровѣ; у остальныхъ 4 семействъ нѣтъ

¹⁾ Бергштрессеръ, стр. 75 и 89.

ни коня, ни коровы. Почти на противоположномъ концѣ Водлозера, въ селеніи Коскосалиѣ, расположенной на большомъ островѣ Канза-Наволоки и состоящей изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей съ 32 дворами, встрѣчаемъ нѣчто подобное же; изъ общаго числа только 14 жителей или дворовъ имѣютъ по лошади или коровѣ или по нѣскольку лошадей и коровъ (1 житель съ 2 лошадями и 5 жителей имѣютъ по 2 коровы). Изъ остальныхъ на 7 дворовъ приходится только по 1 коровѣ; лошадей нѣтъ; 11 жителей не имѣютъ ни коня, ни коровы. То же самое и на западномъ берегу Водлозера: въ селеніи Охтомоостровѣ, гдѣ 11 домовъ, на всѣхъ жителей приходится 6 лошадей и до 10 штукъ коровъ, при чемъ 3 крестьянина имѣютъ по 2 коровы. Въ селеніи Гумарь-Наволоки 13 дворовъ; на 7 дворовъ нѣтъ ни коня, ни коровы; у двухъ семействъ по 3 дойныя коровы, у остальныхъ по коню и коровѣ, или только по одной коровѣ, безъ лошади. Затѣмъ жители нерѣдко, при распросахъ о количествѣ скота, указывали мнѣ на деревеньку Гость-Наволоку, заключающую въ себѣ три двора; на все это поселеніе приходится одна только лошадь. Къ числу другихъ причинъ, не благопріятствующихъ скотоводству, я долженъ прибавить еще указаніе на то, что многіе изъ Водлозеровъ лишились послѣднихъ коровъ или лошадей въ послѣдніе года, когда они были принуждены ради уплаты податей продавать послѣднюю скотину за половинную цѣну. И это явленіе не мѣстное, но широко распространенное ¹⁾. Рядомъ съ Водлозеромъ, нѣсколько восточнѣе, въ окрестностяхъ Кенозера, жители видимо чувствуютъ меньше бѣдности въ скотѣ. Напримѣръ, въ деревнѣ Рышковой, заключающей въ себѣ до 25 дворовъ, только на 3 двора не имѣется ни коня, ни коровы. Немного пнче къ сѣверо-западу отъ Водлозера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ: здѣсь уже только на 8 душъ приходится по 1 лошади ²⁾, тогда какъ, по вышеуказанному общему разсчету, для всей губерніи приходилось на 4 души около 1 лошади. Такъ,

¹⁾ Оно обыкновенно и въ Витегорскомъ уѣздѣ; на продажу хлѣба въ подобныхъ же случаяхъ, какъ на сильную причину, развѣивающую нищету, указывалъ одинъ изъ мѣстныхъ гласныхъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, въ засѣданіи 10-го декабря 1866 года.

²⁾ Памятн. кн. Олонецкой губерніи за 1868—1869 года, стр. 24.

въ Шунгской волости, наиболѣе богатой изъ всѣхъ, лошадей нѣсколько менѣе, чѣмъ общее число дворовъ, считая каждый дворъ не много болѣе 7 душъ ¹⁾. Въ Мяндусельской волости считается 541 дворъ, а лошадей только 480, такъ что уже по общему разсчету ихъ не хватаетъ на 61 дворъ. Въ Ругозерской волости считается 250 дворовъ, а лошадей 170 штукъ, — недостаетъ на 80 дворовъ ²⁾, то есть, почти на $\frac{1}{9}$ часть населенія; но это отношеніе не имѣющихъ лошадей къ имѣющимъ видимо мало; на самомъ дѣлѣ оно должно быть больше. Какъ это уже можно судить и по Водлозеру, часто наиболѣе состоятельные крестьяне имѣютъ по 2 и даже по 3 лошади; уже Пушкаревъ указывалъ ³⁾ на тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи крестьяне выкармливаютъ по 15 и 30 лошадей для продажи: такого рода случаи, вѣроятно, не рѣдки и въ Повѣнецкомъ уѣздѣ; принимая ихъ во вниманіе, можно предположить, что едва ли здѣсь, какъ и въ окрестностяхъ Водлозера, число крестьянъ, не имѣющихъ лошадей, не простирается до $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ всего населенія ⁴⁾.

Почти повсемѣстно крестьянину, не имѣющему лошадей, обзавестись ими весьма трудно; самая плохая лошадь стоитъ не менѣе 25 руб., а сколько-нибудь сносная — 50 руб. и болѣе. На юго-востокъ Олонецкой губерніи лошади пригоняются съ Поволжья. По Марининской системѣ, при тягѣ судовъ, приходятъ между прочимъ чрезвычайно изнуренныя лошади, которыхъ хозяева судовъ скупаютъ за ничтожную цѣну въ среднихъ губерніяхъ. Цѣна такихъ лошадей окупается для ихъ хозяевъ тягой судовъ, а затѣмъ они еще продаются крестьянамъ. Такого-то рода лошади, изнуренныя и измученныя, по рассказамъ Олончанъ, легче всего подвергаются сибирской язвѣ и служатъ такимъ образомъ источникомъ заразы. По Ладожскому каналу хорошая шведская лошадь стоитъ до 100 руб. и болѣе. Мѣстная порода лошадей представляетъ мало привлекательнаго; улучшение ея было бы настоятель-

¹⁾ Памяти. кн. Олонецкой губерніи, за 1868 — 1869 года, стр. 29 — 44 и 45.

²⁾ См. тамъ же, стр. 33, 37, 44, 45 и 45.

³⁾ Пушкаревъ, стр. 54.

⁴⁾ Здѣсь я долженъ замѣтить, что количество рогатаго скота вездѣ больше, чѣмъ количество лошадей; кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ распространены овцы.

ною необходимостью, но заводовъ для разведенія лошадей въ посѣщенной мною мѣстности не пытается. Въ одномъ случаѣ, около города Пудожа, крестьяне были весьма довольны тѣмъ, что получили изъ одну изъ волостей хорошаго жеребца отъ государственнаго коннозаводства, не знаю, за какія именно услуги. Кобылицы изъ окрестностей должны были сводиться для случки съ жеребцомъ въ определенное мѣсто. Отъ этой мѣры ожидаютъ хорошихъ послѣдствій, такъ какъ были случаи въ нѣкоторыхъ волостяхъ, когда она приводила къ хорошимъ результатамъ: доброта мѣстной породы весьма повысилась. Не знаю, почему бы подобной хотя мѣрѣ къ улучшенію скотоводства не дать гораздо болѣе широкаго распространенія и не сдѣлать ея до нѣкоторой степени узаконенною?

У.

Хоть земледѣльческой промышленности съ начала нынѣшняго столѣтія. — Несостоятельность земледѣлія отъ причинъ климатическихъ и почвенныхъ: сѣверо-западная и юго-восточная полосы земледѣлія. — Вліяніе на земледѣліе различныхъ животныхъ. — Скудость и плохія качества удобренья. — Отношеніе къ земледѣлію общественнаго строя. — Подсѣчное хозяйство, какъ первобытная форма земледѣлія, обусловленная характеромъ сѣверной природы; отсутствіе способности въ современныхъ жителяхъ обойтись помимо него, доказательство — въ судьбѣ Водлозеровъ. — Общность современныхъ земледѣльческихъ орудій съ древне-рускими. — Посѣвы хлѣбовъ въ окрестностяхъ Вытегры, Водлозера и Кенозера. — Видъ на улучшеніе земледѣлія въ будущемъ.

Намъ остается рассмотреть одинъ изъ главныхъ источниковъ пропитанія жителей — хлѣбопашество; при этомъ придется указать только на болѣе существенныя стороны этой отрасли хозяйства, упустивъ изъ виду многія частности, какъ то сдѣлано и въ предыдущей главѣ; иначе статья приняла бы слишкомъ широкіе размѣры. Притомъ въ общихъ чертахъ неудовлетворительное состояніе земледѣльческой промышленности въ Олонецкой губерніи до нѣкоторой степени звѣстно. Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „земледѣліе въ Олонецкой губерніи въ крайне ограниченномъ состояніи“, или: „земледѣліе и вообще сельское хозяйство въ губерніи на низкой степени развитія“ — сдѣлались общими мѣстами и повторяются много десятковъ лѣтъ. Уже на основаніи многихъ фактовъ, приведенныхъ нами выше, нельзя ожидать здѣсь иного положенія дѣлъ. Въ ходѣ земледѣльческой промышленности у Олончанъ едва-

ли мы найдемъ значительный прогрессъ, начиная почти сначала нынѣшняго столѣтія, если только полагаться—опять долженъ повторить—на имѣющіяся у насъ статистическія данныя.

Въ 1803 году, по отчету министерства внутреннихъ дѣлъ, въ Олонецкой губерніи было посѣяно хлѣба 149,586 четвертей, сжато 542,348 четв.; въ 1804 году посѣяно 121,259 четв., сжато 431,993 четв. ¹⁾). Послѣ этого, спустя 26 или 25 лѣтъ, то есть, въ 1829 году, всего было посѣяно только 118,978 четв., сжато 426,471 четв. ²⁾); слѣдовательно, и посѣяно, и сжато меньше, чѣмъ четверть столѣтія назадъ. Въ 1832 г. посѣяно во всей губерніи озимаго хлѣба 41,920 четв., яроваго 71,690, всего 113,610 четв. ³⁾), — на 5,368 четв. меньше, чѣмъ въ 1829 г. Г. Бергштрессеръ, написавшій свою книгу во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, даетъ общую цифру посѣва: озимаго 40,000 четв., яроваго 70,000, всего 110,000 четв. ⁴⁾), то есть, еще меньше. Затѣмъ, основываясь на данныхъ 1842, 1843 и 1844 гг., г. Пушкаревъ опредѣлилъ общее количество засѣваемого хлѣба въ Олонецкой губерніи: озимаго 49,000 четв. и яроваго до 108,000 четв., что вмѣстѣ составляетъ 157,000 четв.; общій урожай онъ принимаетъ отъ 430,000 до 612,000 четв. ⁵⁾). Урожай 1803 года немного превосходитъ среднее изъ этихъ чиселъ, а урожай 1804 года равняется наименьшему изъ нихъ. Такимъ образомъ, еслибы признать всѣ приведенныя нами данныя хотя приблизительно вѣрными, то мы должны были бы смотрѣть на земледѣліе въ Олонецкой губерніи, какъ на регрессирующую, приходящую въ упадокъ отрасль хозяйства, и только въ крайнемъ случаѣ, могли бы допустить, что земледѣліе въ продолженіе сорока лѣтъ коченѣло въ одной и той фазѣ развитія, для чего пришлось бы принять данныя за тридцатые года уменьшенными, цифры же за болѣе ранній періодъ времени преувеличенными; но въ пользу этого, кромѣ нѣкоторой невѣроятности въ разности перехода отъ наименьшаго посѣва въ половинѣ тридцатыхъ годовъ къ наибольшему

¹⁾ Штукенбергъ, 11.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, 10.

⁴⁾ Бергштрессеръ, 55.

⁵⁾ Пушкаревъ, 50.

въ началѣ сороковыхъ, нѣтъ фактовъ ¹⁾. Свѣдѣнія о посѣвѣ и послѣдующіе года также подтверждаютъ мысль о сильныхъ колебаніяхъ въ ходѣ земледѣлія, и притомъ, больше въ худую сторону; самыя лучшіе урожанъ послѣднихъ годовъ не выходили изъ тѣхъ предѣловъ, какіе уже извѣстны въ данныхъ за начало столѣтія и за сороковые года. Въ 1846 году было посѣяно 47,021 ¹/₂ четв. озимаго и 90,250 ¹/₂ четв. ярового хлѣба, всего 137,272 четв.; снято по самъ — 3 ²⁾, слѣдовательно, 411,816 четв., что гораздо ниже наименьшаго урожая, опредѣленнаго Пушкаревымъ. Въ 1858 году было посѣяно 153,365 четв., снято 524,566 четв., урожай былъ хорошъ, озими самъ—4, яровые хлѣба самъ—3 ¹/₄. ³⁾ Въ 1862 году посѣвъ значительно увеличился: въ этотъ годъ было посѣяно 173,220 четвертей озими и яровыхъ хлѣбовъ; но урожай былъ весьма низокъ; снято 488,733 четв. ⁴⁾; это количество хлѣба равняется среднему сбору отъ урожаявъ за 1803 и 1804 гг.; оно значительно меньше, чѣмъ сборъ за первый годъ, и больше, чѣмъ за второй. Въ 1863 году посѣяно всего хлѣба 160,113 четв., снято около 538,431 четв.; еслибъ это число было хотя приблизительно вѣрно ⁵⁾, то въ немъ мы имѣли бы наибольшій урожай за послѣдніе года, который однакоже не превосходитъ, какъ многіе изъ указан-

¹⁾ Въ пользу того же упадка земледѣлія свидѣтельствуютъ отчасти и цѣны на хлѣбъ; въ 1811 году низшая цѣна за четверть ржаной муки стояла на 14 р.; въ 1829 г. мука продавалась по 6 р. 88 к.; съ 1833 до 1837 г. низшія цѣны были отъ 18 р.—20 р. до 22—23 руб.; въ 1842 г. мука стояла отъ 4 руб. 75 коп. до 7 р. 16 коп.; къ 1850 г. мука понизилась до 4 р. 5 коп. *Штукенбергъ*, 12—13. Въ шестидесятихъ годахъ цѣны на хлѣбъ снова повышаются: ржаная мука стоитъ отъ 8 р. до 9 и болѣе. (См. Пам. кн. Ол. губ. за 1864 и 1865 гг.).

²⁾ Олон. губ. вѣд. за 1847 г. № 3.

³⁾ Пам. кн. Олон. губ. за 1860 г. стр. 265.

⁴⁾ Пам. кн. Олон. губ. за 1864 г., стр. 35. Здѣсь, между прочимъ, въ общій итогъ озимаго посѣва, вмѣсто 60,043, напечатано 6,063.

⁵⁾ На вѣрность же его нельзя разсчитывать: не говоря о томъ, какъ собирались самыя свѣдѣнія для его опредѣленія, оно получено по какимъ-то инымъ правиламъ, чѣмъ простыя арифметическія. На стр. 53 (см. Пам. кн. Ол. губ. за 1865 г.) показано, что посѣвъ ярового хлѣба у государственныхъ крестьянъ равнялся 74,062 а урожай былъ самъ—3 ¹/₄; какое изъ этихъ двухъ чиселъ вѣрно—не извѣстно, такъ какъ сборъ опредѣленъ 24,862, гораздо меньше, чѣмъ посѣ-

ныхъ уже чиселъ подобнаго рода, тахімумъ а раньше собиравшагося хлѣба, какъ въ 1803 году, такъ и за сороковые года. Изъ всего сказаннаго очевидна полная несостоятельность земледѣлія въ Олонецкой губерніи; при лучшихъ урожаяхъ не хватаетъ громаднаго количества хлѣба для пропитанія мѣстнаго населенія. Въ 1803 году недоставало для продовольствія губерніи 26,537 четв.; въ слѣдующемъ—96,452 четв.; въ тридцатыхъ годахъ, по вычисленію Бергштрессера, требовалось ежегодно прикупать для годоваго пропитанія 256,344 куля хлѣба, что должно было обойтись, считая куль по 15 руб., въ 3,845,160 руб. ¹⁾, расчетъ, вѣроятно, не безъ нѣкотораго преувеличенія. По мѣстнымъ источникамъ за послѣдніе года извѣстно, что „хлѣбопашество доставляетъ сельскому населенію годовое продовольствіе только въ уѣздахъ Каргопольскомъ и Вытегорскомъ (относительно послѣдняго это не совсѣмъ справедливо); часть жителей уѣздовъ Петрозаводскаго, Судожскаго и Лодиснопольскаго и почти цѣлые уѣзды Повѣнецкій и Олонецкій покупаютъ себѣ болѣе половины хлѣбнаго продовольствія, а въ сѣверныхъ мѣстностяхъ крестьяне почти исключительно кормятся покупнымъ хлѣбомъ ²⁾. При этомъ, относительно сѣверныхъ уѣздовъ упущено изъ виду то, что крестьяне питаются хлѣбомъ съ соломой и сосновою корой.

Несостоятельность хлѣбопашества въ Олонецкой губерніи обусловливается весьма разнообразными причинами; сюда, конечно, нужно отнести и причины климатическія—заморозки въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ; въ 1854 году морозами 17-го и 21-го іюня въ Вытегорскомъ и Олонецкомъ уѣздахъ были причинены большіе убытки ³⁾; бываютъ заморозки и въ іюлѣ, и въ такомъ случаѣ не бываетъ ни одного мѣсяца въ году безъ мороза, такъ какъ заморозки обыкновенно начинаются съ августа ⁴⁾. „По случаю поздней весны, суроваго лѣта и

яно; если же взять произведеніе отъ посѣва на урожай, то получимъ 259,217. Какое изъ чиселъ вошло въ общій итогъ, предоставляю провѣрку другимъ.

¹⁾ *Бергштрессеръ*, стр. 56.

²⁾ Пам. кн. Олон. губ. за 1865 г., стр. 55.

³⁾ *Штукенбергъ*, 6.

⁴⁾ Тамъ же.

раннихъ, съ половины іюля, морозовъ, въ 1862 году снято озимого хлѣба менѣе противъ 1861 года на одну пятую, а яровзго на одну тринадцатую часть" ¹⁾. Случай, въ родѣ нижеслѣдующаго, относящагося къ Повѣнцу, не рѣдки: „Холодный уголокъ нашъ, съ болотистою, по большей части, почвою земли, весьма бѣденъ участками, годными къ разработкѣ подъ хлѣбопашество; но въ послѣдніе годы, даже самыя поспѣлыя труды и заботливость землепашца не вознаграждались осеннею уборкою; особенно 1856 и 1857 годы были печальны для насъ въ этомъ отношеніи; такъ, прошлаго года въ іюлѣ мѣсяцѣ, съ 9-го по 12-е число, по почамъ были морозы, погубившіе картофель и другіе овощи у всѣхъ жителей города; холода имѣли вліяніе даже на капусту, и она не могла развиваться: при уборкѣ хозяева довольствовались только сѣрыми листьями и *мошенками*, какъ обыкновенно называютъ здѣсь слабый клубъ капусты, только что начинающій принимать свою форму. Пострадалъ также и озимый хлѣбъ отъ этихъ морозовъ: рожь, болѣею частью, пожелба и только въ немногихъ мѣстахъ, у нѣкоторыхъ счастливицевъ, осталась невредимою, хотя конечно, и тутъ холода тоже воспрепятствовали налиться совершенно зерну" ²⁾. Или имѣемъ факты въ родѣ слѣдующаго: въ Петрозаводскѣ, 5-го іюня „очень рѣзкій градъ при сильномъ вѣтрѣ причинялъ даже боль на лицѣ. Въ ночи на это число былъ морозъ, повредившій въ садахъ георгинны, цвѣтъ фруктовыхъ деревьевъ и нѣкоторую огородную зелень" ³⁾. Вѣроятно, подобнаго рода явленія не рѣдко случаются въ различныхъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи; притомъ бывали они какъ въ окрестностяхъ, такъ—нужно думать—и въ здѣшнемъ краѣ въ отдаленныя времена: въ 1466 г., въ Новгородской и Устюжской областяхъ и во многихъ другихъ мѣстахъ отъ великихъ морозовъ, случившихся около 29-го іюня, всѣ полевныя растенія пожелбѣ; въ 1632 году случился такой же морозъ 22-го іюля, и притомъ

¹⁾ Памятн. кн. Ол. губ. за 1864 г., стр. 38.

²⁾ Олон. губ. вѣд. за 1858 г. № 22, стр. 74—40. Въ томъ же Повѣнскомъ уѣздѣ хлѣбъ пострадалъ отъ раннихъ осеннихъ морозовъ въ 1867 году. Памятн. кн. Ол. губ. за 1868—1869 гг., стр. 40.

³⁾ Олон. губ. вѣд. за 1858 г. № 91, стр. 112. Метерол. наблюд. *Смоликова*.

снѣгу высыпало на 7 вершковъ ¹⁾. Сюда же нужно отнести градобитія.

Къ несовсѣмъ благоприятнымъ для земледѣлія условіямъ метеорологическимъ присоединяются почвенныя. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Олонецкая губернія раздѣляется на двѣ части, плодородіе которыхъ обусловливается залегающими въ нихъ горными породами. Большая часть сѣверо-запада губернія характеризуется распространеніемъ кристаллическихъ и метаморфическихъ породъ, гранитовъ, гнейсовъ, діоритовъ, кварцитовъ и различныхъ кристаллическихъ сланцевъ; онѣ являются въ формѣ кражей, представляютъ ряды округленныхъ холмовъ или же образуютъ отвѣсныя голыя скалы и обрывы. Обыкновенно эти возвышенія образуютъ между собою продольныя долины, которыя заполняются въ такомъ случаѣ глинами, съ большимъ количествомъ валуновъ и съ обломками окрестныхъ твердыхъ горныхъ породъ; такимъ образомъ является каменпстан почва; съ одной десятины собирается громадное количество камней, совершенно лишникъ для пахара и замедляющихъ его трудъ. Долины между горами бывають заполнены также озерами, образующими торфъ съ разныхъ сторонъ, плиз же въ нихъ залегають торфъ уже готовый, давно образовавшійся на мѣстахъ бывшихъ озеръ. Эти-то два рода почвъ преобладають въ уѣздахъ Петрозаводскомъ, Повѣнецкомъ, Олонецкомъ, частію въ Лодейнопольскомъ, особенно по холмистымъ берегамъ р. Свири, частію въ Вытегорскомъ и въ сѣверо-западной части Пудожскаго уѣзда. Рѣдко прерываются онѣ песками съ иломъ или же однимъ иломъ, для котораго твердыя кристаллическія породы служатъ несомнѣнно скуднымъ источникомъ. Въ нѣсколько иномъ видѣ представляется небольшая юго-восточная часть губерніи; здѣсь, частію въ Вытегорскомъ, частію въ Пудожскомъ, а главнымъ образомъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, развиты породы осадочныя, стчасти пласты девонской формаціи, занимающей юго-восточное побережье Онежскаго озера, большею частью осадки каменноугольныя, распространяющіеся преимущественно въ Каргопольскомъ краѣ. Несомнѣнно, что эти породы, отличаясь мягкостью, легче поддавались размыва-

¹⁾ Олон. губ. вѣд. за 1847 г. № 16.

нію, какъ и упомянулъ уже объ этомъ раньше, и притомъ, есть осн-
ваніе думать, что онѣ подвергались процессу размыванія въ теченіе
весьма продолжительнаго періода времени ¹⁾; отсюда, можетъ
быть, вытекаетъ сравнительное изобиліе и нѣкоторое разнообразіе
почвъ, удобныхъ для хлѣбопашества и распространенныхъ здѣсь.
Уже самый характеръ глинистыхъ и песчано-глинистыхъ почвъ съ
валунами здѣсь нѣсколько иной, чѣмъ въ сѣверо-западной части
губерніи; встрѣчающееся здѣсь разнообразіе новѣйшихъ образо-
ваній тѣсно связано съ тѣмъ же разнообразіемъ основныхъ породъ.
„Сильное вліяніе оказалъ нижній слой послѣ третичныхъ образо-
ваній, то есть, красноватый глинистый песокъ съ валунами горна-
го известняка. Такъ, почти по всему бассейну рѣки Онеги этотъ
слой далъ начало красноватымъ глинистымъ пескамъ или песча-
нымъ глинамъ, намытымъ въ изобиліи по берегамъ этой рѣки и ея
притокамъ; мощность этихъ образований иногда весьма значитель-
на. Въ другихъ мѣстахъ верхній слой послѣ-третичныхъ образо-
ваній снабдилъ матеріаломъ рѣки и далъ начало желтоватому ал-
лювіальному песку, какъ это мы видѣли на восточномъ берегу Онеж-
скаго озера и по р. Кенѣ. Въ ложѣ небольшихъ ручейковъ, какъ
напримѣръ, р. Гремячаго, впадающаго въ р. Онегу, иногда нахо-
димъ отложенія бѣлыхъ глинъ, которыя произошли черезъ размыва-
ніе глинъ каменноугольной системы. Въ другихъ ручьяхъ, какъ на-
примѣръ, въ Петровскомъ, съ верховьевъ были вынесены различные
растительные остатки, носящіе на себѣ даже слѣды рукъ человѣ-
ческихъ, что доказываетъ образованіе ихъ уже во времена чело-
вѣка“ ²⁾. При этомъ я долженъ сказать, что самое присутствіе
кремней въ новѣйшихъ наносахъ около Кенозера указываетъ на
связь ихъ происхожденія съ каменноугольными осадками; почвы,
изобилующія кремнями, распространены и дальше, въ Каргополь-
скомъ уѣздѣ, напримѣръ, по р. Мошѣ ³⁾. Такимъ образомъ, вторая
изъ полосъ представляетъ значительно больше удобства для хлѣ-
бопашества, благодаря рыхлымъ новѣйшимъ отложеніямъ. Различ-

¹⁾ А. Иностранцевъ, Геологическія изслѣдованія на сѣверѣ Россіи въ 1869 и 1870 года, въ Трудахъ Спб. Общ. Естествоисп. т. III, 322.

²⁾ Тамъ же, стр. 323—328 и 333.

³⁾ Олон. губ. вѣд. за 1864 г. стр. 121.

наго рода глины, характеризующія преимущественно первую изъ полосу, во всѣхъ отношеніяхъ мало удобны для воздѣлыванія. Мнѣ пришлось лично убѣдиться, какъ измѣнчива глина въ самые короткіе періоды времени, особенно при здѣшней, весьма измѣнчивой погодѣ. Весной, послѣ продолжительныхъ дождей, глина разбухаетъ, превращаясь въ пластическую, липкую массу. Въ такомъ случаѣ она недоступна для вспахиванія; лошадь глубоко вязнетъ въ ней, а соха облѣпляется ею, теряя подобіе земледѣльческаго орудія; пачкается и самъ пахарь; нужно удобный моментъ для того, чтобъ ее разрыхлить: нѣсколько сухихъ и вѣтряныхъ дней, въ которыхъ здѣсь нѣтъ недостатка, дѣлаютъ ее недоступною ни для сохи, ни для силъ лошади; она превращается въ плотную, твердую массу и начинаетъ уже давать щели по разнымъ направленіямъ. Эту способность глины сильно измѣняться отъ дѣйствія воды до нѣкоторой степени регулируетъ примѣсъ песку, а также и валуны, сопровождающіе ее повсемѣстно въ различныхъ количествахъ, но за то они увеличиваютъ трудность перепашиванія почвы, и притомъ, являясь иногда уже въ чрезвычайномъ изобиліи, уменьшаютъ ея плодородіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы получаемъ такъ называемую тощую почву, требующую сильнаго удобренія; но этому условію Олонецкая губернія и не можетъ удовлетворить съ достаткомъ; такъ, при подобныхъ качествахъ почвы. Сѣверо-западная часть губерніи не можетъ прокормиться своимъ хлѣбомъ. Сравнительно съ нею, юго-восточная часть губерніи обставлена благоприятіемъ: здѣсь встрѣчается болѣе значительное богатство новѣйшихъ образованій, пловъ и песковъ съ глиною; эти почвы рыхлѣе и содержатъ въ себѣ запасъ органическихъ остатковъ; притомъ здѣсь мы находимъ и болѣе богатый растительный слой, хотя сильный и упорный трудъ около пашни является и здѣсь вполне необходимымъ. На довольно рѣзкое почвенное различіе между окрестностями Водлозера, служащими представителемъ сѣверо-западной полосы въ губерніи, и мѣстностями около Кенозера, принадлежащими къ юго-восточной земледѣльческой области, я уже указалъ выше (см. стр. 352—353). Здѣсь представляю фактъ о различіи почвъ въ предѣлахъ самаго Водлозера: какъ материкъ, такъ и всѣ почти острова отличаются сильно ка-

менистою почвой, и исключеніемъ служатъ лишь два острова: одинъ изъ нихъ небольшой—Ильинскій, съ церковью, а другой немножко болѣе—Колгостровъ; оба они обладаютъ иловато-песчаной почвою, не содержащею въ себѣ валуновъ; они, вѣроятно, имѣютъ сравнительно недавнее происхожденіе; эти острова славятся по всему Водлозеру своимъ плодородіемъ и удобствомъ къ обработкѣ.

Укажу еще на одинъ факторъ, весьма вредно отзывающійся по временамъ на здѣшнемъ земледѣліи, — это такъ называемый червь; его дѣйствіе на олонеккія хлѣбныя поля аналогично опустошеніямъ, производимымъ саранчей на поляхъ южной Россіи. По виду, онъ весьма давно извѣстенъ въ Олонецкой губерніи. Есть извѣстія, что червь производилъ опустошенія на хлѣбныхъ поляхъ и въ прошломъ столѣтіи. Осенью 1789 года онъ поѣлъ въ Лодейнопольскомъ и Олонецкомъ уѣздахъ болѣе 1400 четв. хлѣба. Въ Олонецкомъ, гдѣ онъ истреблялъ посѣвы съ 30-го августа по 23-е сентября, было посѣяно 4105 четв., съѣдено 442 четв. Въ Лодейнопольскомъ было посѣяно 2143 четв., съѣдено 1003 четверти, то есть, посѣвъ истребленъ на половину ¹⁾. Показывался червь въ Олонецкой губерніи и въ 1840 году ²⁾. Затѣмъ имѣются данныя за 1843 г. У Пушкарева показанъ истребленнымъ посѣвъ только у удѣльныхъ крестьянъ, именно 31 четв. общественной запашки и 412 четв. запашки крестьянской ³⁾. Но нужно полагать, что истребленіе не ограничилось посѣвами удѣльныхъ крестьянъ, но распространилось и на посѣвы другихъ поселенъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служить нашествіе червя на хлѣба въ 1870 году. Появившись осенью этого года, онъ распространился въ уѣздахъ Витегорскомъ, Лодейнопольскомъ, Олонецкомъ, Пудожскомъ, Повѣнецкомъ и Каргопольскомъ ⁴⁾. Истребивъ большое количество озимей осенью, весной онъ снова напалъ на посѣвы и уничтожалъ яровые хлѣба, засѣянные вмѣсто истребленныхъ, такъ что многіе

¹⁾ Олоонец. губ. вѣд. 1846 г. № 36.

²⁾ Олоонец. губ. вѣд. за 1871 г. стр. 270.

³⁾ Пушкаревъ, 50.

⁴⁾ См. Олон. губ. вѣд. за 1871 годъ, стр. 971, указатель статей о хлѣбопашествѣ. Я слышалъ о распространеніи червяка и дальше къ востоку, за Каргопольскій уѣздъ.

дѣстьяне, по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ Витегры и въ Пудожскомъ уѣздѣ, отъ трехъ посѣвовъ не возвратили и сѣмянъ. О собранномъ мною свѣдѣніямъ, червь истреблялъ или $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ озимыхъ посѣвовъ; въ деревнѣ Урѣпиной, на берегу Лудозера, онъ съѣлъ изъ 143 засѣянныхъ пудовъ всходы отъ 62 уд., слѣдовательно, 43% посѣва, притомъ такъ, что однимъ пашнямъ ѣдилъ меньше—съѣдалъ $\frac{1}{3}$ или половину, другія же опустошалъ а голо. По Тудозеру, напримѣръ, въ Бабовщинѣ, онъ истребилъ $\frac{2}{3}$ посѣвовъ; около Водлозера онъ распространился преимущественно на западномъ берегу и почти не тронулъ хлѣбовъ на восточномъ. Около Пильмась-озера, у одного изъ самыхъ состоятельныхъ жителей, червь принесть убытку рублей на 200. Весной онъ былъ уже въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ осенью. На слѣдующій 1871 годъ появленія его также опасались, но его уже не было, или же слышались жалобы только мѣстами. Въ этомъ случаѣ, на мѣсто его, какъ мнѣ пришлось лично убѣдиться, вредилъ озимымъ небольшой слизнякъ; я находилъ его въ большомъ количествѣ на пашняхъ около Сумозера и въ окрестностяхъ Витегры; онъ собрался на озимыя поля въ концѣ августа и въ первой половинѣ сентября, безъ сомнѣнія потому, что здѣсь находилъ сочную зелень вмѣсто посохшей травы на тощихъ лугахъ и въ лѣсу. Средства къ истребленію этого слизняка, а равно, и червя, конечно, не придумано, особенно такихъ, которые радикально отстраняли бы зло. Многія изъ предлагаемыхъ средствъ, какъ-то непосредственное истребленіе какъ самыхъ червей, такъ и источника, изъ котораго они возникаютъ ¹⁾, далеко не достигаютъ цѣли, вмѣстѣ съ окопкою пашенъ рвами, что повлекло бы за собою издержки и трату

¹⁾ Мнѣ лично не удалось найти червей, такъ какъ къ времени моего пріѣзда они исчезли или показывались въ разныхъ мѣстахъ спорадически. О. А. Гриммъ, получивши изъ Витегорскаго уѣзда нѣсколько экземпляровъ червей, истреблявшихъ хлѣбъ, нашелъ, что они принадлежатъ къ двумъ видамъ: одинъ изъ нихъ — личинка хруща (*Melolontha*), другіе — гусеницы бабочки совиноголовки озимой или ночницы (*Agrotis exclamationis*); хотя оба вида одинаково извѣстны по вреду какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи, однако въ данномъ случаѣ больше вѣроятности, что главнымъ врагомъ была гусеница ночница. Сообщеніе въ засѣд. В. Зк. Общ. 22-го октября 1870 г. и Олон. губ. вѣд. 1871 г. стр. 269.

времени, не избавивъ окончательно поля отъ порчи. Точно такъ не приложны для Олонецкой губерніи и тѣ средства, которые считаются дѣйствительными и радикальными. Нѣкогда думали, что если бы въ губерніи было достаточное число кротовъ, ежей, грачей, галокъ, жаворонковъ, плисокъ, ласточекъ, козодоевъ, совъ и т. прочихъ животныхъ, истребляющихъ червя, то можно было бы быть увѣреннымъ, что озимыя поля здѣшней мѣстности были бы теперь въ цвѣтущемъ состояніи ¹⁾. Но еслибъ это было бы и справедливо, то это средство къ истребленію не имѣло бы успѣха потому, напримѣръ, что кротъ весьма рѣдокъ въ Олонецкой губерніи; для ежа съ южными предѣлами губерніи совпадаетъ сѣверная граница распространенія, и онъ, какъ и грачъ, появляется здѣсь только случайно, хотя мнѣ ни того, ни другого видѣть не удалось; галка держится только въ городѣ, рѣдко на пашняхъ. Главные же враги червя—жаворонки, плиски, ласточки и козодой, оставляютъ Олонецкую губернію какъ разъ въ то время, когда въ концѣ августа и въ сентябрѣ появляется на озимяхъ червь. Весной они возвращаются здѣсь почти только тогда, когда червь исчезаетъ. Такимъ образомъ, изъ птицъ весьма немногія заппмаются истребленіемъ червя; этими наклонностями особенно отличаются вороны; другія птицы—болѣе случайные враги червя. По наблюденіямъ жителей, червь появляется на поляхъ періодами; нѣкоторые говорятъ, что дѣтъ черезъ 15. Одно изъ употребляемыхъ у нихъ средствъ — посѣвъ раньше или позже обыкновеннаго, но это не ведетъ къ дѣлу: червь сѣдаетъ и ранніе, и поздніе посѣвы одинаково.

Существуютъ и другіе враги хлѣбныхъ посѣвовъ; на яровыхъ хлѣбахъ часто прилетаютъ дикіе голуби и ѣдятъ засѣянные зерна: то же дѣлаютъ и вороны; не говоря о многихъ мелкихъ зерноядныхъ птицахъ, я часто замѣчалъ на пашняхъ чаетъ (въ Сибири, въ р. Ленѣ, я находилъ въ желудкахъ чаетъ конопляное сѣмя). На горохи залетаютъ по обыкновенію журавли. Не меньше вредятъ пашнямъ, особенно озимямъ, зайцы. Самымъ ярымъ врагомъ овсовъ является, конечно, медвѣдь; обыкновенно подъ осень онъ истребляетъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ громадныхъ количествахъ.

¹⁾ См. то же сообщеніе г. Гримма.

цѣдыя овсяныя поля, такъ что во многихъ случаяхъ крестьяне, во избѣжаніе этихъ медвѣжьихъ услугъ, стараются сѣять овесъ по возможности близко къ жилью.

Итакъ, вотъ наиболѣе значительныя трудности, представляющіяся хлѣбопашцу въ описанной мѣстности; онѣ существенно важны, но природа все-таки дала очень мало средствъ для того, чтобъ успѣшно преодолѣвать ихъ. Самое постоянное требованіе здѣшней почвы, безъ удовлетворенія которому она не даетъ нужныхъ плодовъ, это—навозъ, удобреніе; и какъ мы уже раньше видѣли, главный источникъ для него —скотоводство, скудно въ губерніи; во многихъ мѣстахъ жители на половину лишены скота, слѣдовательно, лишены возможности имѣть хотя сносные урожаи. Недостатокъ скота обусловленъ тою же природою, тѣмъ же угрюмымъ, лѣснымъ и болотистымъ характеромъ мѣстности, соединеннымъ съ отсутствіемъ естественныхъ луговъ, и та же юго-восточная полоса, обставленная наиболѣе выгодно въ земледѣльческомъ отношеніи, сравнительно лучше обезпечена удобреніемъ, такъ какъ здѣсь и луговъ, и скота больше. Притомъ еще Бергштрессеръ указалъ на плохія качества здѣшняго удобрения въ слѣдующихъ словахъ: „Навозъ здѣшний не имѣетъ много удобрительныхъ частицъ, потому что: 1) скотина кормится болѣе соломой, нежели сѣномъ; 2) навозъ не гноятъ настоящимъ образомъ, потому что онъ лежитъ въ хлѣвѣ до вывоза на поля, слѣдственно, не прѣетъ такъ, какъ лежащій въ кучѣ; по этому для полученія хорошаго урожая нужно употребить его гораздо большее количество; 3) всѣ животныя находятся въ одномъ хлѣву: лошади, коровы, овцы и свиньи, слѣдственно, навозъ ихъ не раздѣляется по свойству и дѣйствію своему на соотвѣтственныя почвы“ ¹⁾. Къ этому я долженъ прибавить еще то, что жители, для увеличенія количества навоза, даютъ возможность скоту затаптывать въ изверженія большое количество соломы, отчего весь навозъ не представляется въ болѣе или менѣе рыхломъ видѣ, а склеивается въ массу, въ которой солома составляетъ преобладающій элементъ.

Теперь мнѣ остается замѣтить, что не подъ однимъ только

¹⁾ Бергштрессеръ, 56.

вліяніємъ выше представленныхъ естественныхъ условій разви-
лось олонекское земледѣліе; на него несомнѣнно вліяли небла-
пріятно и другіе факторы—именно общественные или социальныя.
Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что природа не измѣнилась
въ существенныхъ своихъ чертахъ въ отношеніи климатическомъ,
почвенномъ и пр. съ начала нынѣшняго столѣтія; между тѣмъ
какъ мы уже знаемъ, земледѣліе, вѣроятно, падало съ началъ
столѣтія до сороковыхъ годовъ, а затѣмъ стало возвышаться до
первоначальнаго своего состоянія; словомъ, отсюда видно, что при
однихъ и тѣхъ же естественныхъ условіяхъ оно является то въ нѣ-
сколько лучшемъ, то въ худшемъ состояніи: фактъ этотъ указы-
ваетъ на важность общественнаго строя, на силу его въ томъ
случаѣ, когда онъ сложенъ рационально, и обратно, на то, какъ
плохо обезпечено право на существованіе того общества, кото-
рое не выработало умственныхъ силъ для того, чтобы выгодно
пользоваться тѣми или другими сторонами природы, улучшать ста-
рые методы пользованія или выработать новые. Таковы и отпо-
шенія олонекскаго земледѣльца къ тому, что его окружаетъ. Онъ
пока мало культивировалъ почву Олонекской губерніи и не внесъ
существенныхъ измѣненій въ способы ея обработки; притомъ же, при
выборѣ самой почвы онъ потерялъ ту неограниченность и свобод-
ность, съ которыми онъ только и могъ существовать здѣсь прежде; не-
ограниченный и свободный выборъ земли для пашни соединялся
съ тѣмъ, что мы называемъ подсѣчнымъ хозяйствомъ.

Въ судьбѣ подсѣчнаго хозяйства мы видимъ доказательство
медленнаго развитія олонекскаго обитателя. Начало такого рода
земледѣлія положено въ весьма отдаленное отъ насъ время; Ново-
городцы, засѣлая Сѣверъ, обыкновенно выжигали лѣса въ томъ
мѣстѣ, которое они находили удобнымъ для жилища. На ряду съ
желаніемъ изжечь отъ ловли пушныхъ звѣрей, они обладали ве-
ками выработанною склонностью къ хлѣбопашеству. Эта-то склон-
ность и находила себѣ удовлетвореніе на той почвѣ, гдѣ выжигался
первобытный лѣсъ; урожаи на подобныхъ пашняхъ отличались боль-
шимъ изобиліемъ. Благодаря этому, можетъ быть, часто случайный
фактъ превратился въ систему; выжиганіе лѣсовъ специально для
посѣва хлѣба сдѣлалось необходимою и распространилось въ

всѣхъ поселянъ Сѣвера; въ теченіе длиннаго періода времени этотъ способъ считался наиболѣе примѣнимымъ къ мѣстности, всо-сался, такъ сказать, въ плоть и кровь сѣвернаго хлѣбопашца и до сихъ поръ не теряетъ своего значенія въ его глазахъ. И въ самомъ дѣлѣ, урожай бывають велики на мѣстахъ выжжен-ныхъ лѣсовъ, на пѣлахъ или полянахъ; розъ сѣтся на та-кихъ мѣстахъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, иногда болѣе, сря-ду и даетъ урожай отъ самъ—10 или 15 до самъ—20, и это въ томъ случаѣ, когда выжигается не очень крупный лѣсъ, кото-рый былъ уже разъ выжженъ или вырубленъ; увѣряють, что урожай доходитъ до необыкновеннаго изобилія на мѣстахъ, гдѣ выжженъ не тронутой строевой и мачтовый лѣсъ; здѣсь получается въ продолженіе двухъ лѣтъ самъ—40 и 50 или самъ—55 ¹⁾. Те-перь вырубка строевыхъ лѣсовъ уже не возможна, и подсѣки огра-ничиваются по преимуществу мелколѣсьемъ, на мѣстѣ котораго уже бывали пашни; по урожаямъ самъ—15 или 20 эти мѣста счита-ются до сихъ поръ выгодными для обработки, и даже пашни кресть-янъ около устья Вытегры и Тудозера дѣлятся на два разряда: на пашни общинныя (подѣльныя), подлежащія передѣлу, и на пашни, разрабатываемыя частными средствами и составляющія частную собственность каждаго крестьянина—пашни поляпостныя или по-ляны, пѣль. Лѣсъ, состоящій изъ березы, осины, съ примѣсью со-сенъ и елей, срубается и оставляется на мѣстѣ для просушки; черезъ годъ онъ высыхаетъ и тогда зажигается; если онъ горитъ исправно, то мѣсто перепаживается; если же не сжигаетъ, что слу-чается нерѣдко, то предполагаемая пашня оставляется, и хозяинъ долженъ искать другаго удобнаго мѣста и начинать съ начала работу. Отъ такого-то процесса выжиганія я издалика замѣчалъ въ концѣ весны и въ началѣ лѣта цѣлыя облака дыму надъ раз-ными деревнями въ окрестностяхъ Вытегры. Первоначально на такой пашнѣ сѣють рѣпу, достигающую большой величины; и по-добныя мѣста называются *рѣпищами*; то мѣсто на Лужандозерѣ, гдѣ стоятъ теперь деревни Урѣппна, было первоначально рѣ-пищемъ окрестныхъ крестьянъ; затѣмъ нѣсколько крестьянскихъ

¹⁾ Штукенбергъ, стр. 7 и 9.

семействъ поселились здѣсь, образовали деревню, которая, по положенію около рѣпища, названа Урѣпиной, а потомъ въ обыкновенномъ разговорѣ Урюпиной—названія въ одинаковой степени употребительныя (оба онѣ встрѣчаются и у насъ въ текстѣ). Послѣ рѣпы сѣется на полянахъ рожь, или же для нее дѣлаются отдѣльныя поляны. Послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ ржи пашня оставляется на десятокъ или болѣе лѣтъ для заростанія лѣсомъ, послѣ чего она снова обрабатывается. Это послѣдняя фаза, которую приняло подсѣчное земледѣліе. Говорятъ, что оно вообще вредно для лѣсовъ, но совсѣмъ не въ такой степени, какъ это принято думать.

Мѣста, гдѣ вырубленъ первобытный лѣсъ, по обыкновенію, занимаются мелколѣсьемъ, лѣсомъ смѣшаннаго характера, листовымъ и частью только хвойнымъ, вообще нестроевымъ. Пространства, служившія нѣкогда пашнями, встрѣчаются повсюду въ громадныхъ количествахъ, благодаря тому, что подсѣчное хозяйство много столѣтій здѣсь господствовало; они извѣстны подъ специальнымъ названіемъ лединъ, сельгъ и пр. Строевой лѣсъ на нихъ можно водворить только развѣ искусственно, чего нельзя ожидать въ настоящее время. Между тѣмъ подсѣчное хозяйство въ продолженіе многихъ лѣтъ было запрещено, и какъ кажется, во всѣхъ видахъ; мѣста удобныя для хлѣбопашества—ледины, сельги и малѣги, оставались втунѣ, будучи бесполезными въ то же время и для лѣсоводства. Понятно, какъ губительно отразился такого рода запретъ на бытъ жителей; понятно, что въ прекращеніи подсѣчнаго хозяйства жители понесли такой ударъ, котораго нельзя было уравновѣсить въ ихъ положеніи ни какими средствами; они были лишены одного изъ важнѣйшихъ источниковъ къ пропитанію и не получили въ замѣнъ его ничего другаго. Они не были сильны ни умственно, ни экономически, чтобы легко выйти на другую дорогу; переходъ былъ для нихъ очень рѣзокъ.

Съ прекращеніемъ подсѣчнаго хозяйства связана судьба, за послѣдніе годы, жителей въ окрестностяхъ Воллозера. Если справедливы рассказы,—а слышутся они съ разныхъ сторонъ въ одинаковомъ видѣ,—то Воллозеры были нѣкогда усердными хлѣбопашцами; меня убѣждали въ справедливости этого большія пространства старихъ,

теперь заброшенных пашень; иногда по лединному мелколѣсью или по сележнимъ мѣстамъ, мнѣ приходилось идти на разстояніи пяти и болѣе верстъ подъ рядъ; такой лѣсъ связанъ въ своемъ происхожденіи съ участіемъ какой-нибудь небольшой окрестной деревеньки. Съ запретомъ на подсѣчное хозяйство жители начали уменьшать свое земледѣліе. Особенно страшными выставляють они поступки одного лѣсничаго Фишера; онъ строго преслѣдовалъ жителей за всякое срубленное дерево, за малѣйшее поползновеніе къ подсѣкамъ въ какомъ бы то ни было лѣсу; только тотъ безпрепятственно выжигалъ лѣсъ, кто снабжалъ лѣсничаго нѣсколькими десятками рублей; за самовольную подсѣку онъ бралъ до 50 руб., иначе грозилъ строгимъ судомъ. Такого рода порядки мало по малу отучили жителей отъ пашень; они стали больше и больше обращаться къ рыболовству, и наконецъ, на немъ преимущественно остановились, впадая постепенно въ нищету, вслѣдствіе уменьшенія количества рыбы. Въ послѣднее время, какъ говорятъ Водлозѣры, на подсѣки смотрять болѣе снисходительно; крестьяне платятся лѣсникамъ только масломъ, рыбой, хлѣбомъ и пр.

Въ орудіяхъ обработки земли мы замѣчаемъ также мало измѣненій; соха осталась почти въ томъ же видѣ, въ какомъ иностранные путешественники представляютъ намъ въ своихъ описаніяхъ соху древне-русскую; въ современной Олонецкой сохѣ мы находимъ только желѣзные сошники, вмѣсто деревянныхъ, употреблявшихся на Руси въ XV—XVII столѣтіяхъ. Борона до сихъ поръ осталась неизмѣнною; это сколоченныя между собою сучковатія вѣтви ¹⁾). Теперь для бороны употребляются преимущественно вѣтви ели: вѣтка опредѣленной длины раскалывается на двѣ части, затѣмъ сучья обращаются внизъ, а стволы вѣтви связываются вмѣстѣ; десятокъ или болѣе такихъ пластинокъ, связанныхъ между собою, составляютъ борону; притомъ сучья внизу обрубаются, сохраняя до $\frac{1}{2}$ аршина длины ²⁾). Сохранился также порядокъ трехпольной системы посѣва; на постоянныхъ общинныхъ земляхъ поря-

¹⁾ Блюмевскій, Сказанія иностранц. о Моск. госуд., стр. 157.

²⁾ См. Этнограф. замѣтки о Заонежанахъ въ Пам. кн. Олон. г. за 1866 г., стр. 84.

докъ бываетъ слѣдующій: овесъ, затѣмъ паръ, потомъ рожь; послѣ ржи слѣдуетъ паръ, овесъ, рожь и т. д.; вмѣсто овса слѣдуетъ жито, горохъ, посѣвъ котораго повторяется и два года сряду. Всѣ эти возблуденія относятся главнымъ образомъ къ окрестностямъ Витегры.

Около устья Витегры, по Тудозеру и пр. жители начинаютъ посѣвы яровныхъ хлѣбовъ съ Николина дня (9-го мая) и ведутъ часто до конца мая, смотря по погодѣ. Во время моего пребыванія во многихъ мѣстахъ по Тудозеру жители не могли избрать удобнаго случая для посѣва до 24-го мая. На здѣшней глинистой, песчано-глинистой почвѣ или на растительномъ слоѣ, лежащемъ на пескахъ, высѣвается крестьянами въ лучшемъ случаѣ до 13 и даже до 25 мѣрокъ на семейство озимаго хлѣба; притомъ только небольшая часть можетъ быть посѣяна на земляхъ подѣльныххъ, общинныхъ въ деревнѣ Гуртникахъ такой земли достается на душу только для посѣва двухъ мѣрокъ ржи, считая каждую въ одинъ пудъ ¹⁾. Яровныя хлѣба въ исключительныхъ случаяхъ засѣваются до 40 или 60 мѣрокъ; такъ было въ 1871 году, когда озими были поѣдени червемъ, и когда выѣденныя мѣста засѣвались хлѣбами яровыми. Бываютъ семейства, засѣвающія и до 70 мѣрокъ овса; но они состоятъ душъ изъ 6, слѣдовательно, мѣрокъ по 11—12 на душу. Обыкновенно приходится на семейство до 5—10 мѣрокъ и менѣе. Ячмень засѣвается въ гораздо меньшемъ количествѣ, мѣрокъ до 2—6; горохъ—отъ 2½ и менѣе. То же съ рѣпой и картофелемъ; изъ 5 мѣрокъ послѣдняго родится въ самый хорошій годъ до 50 или 60 мѣрокъ. Въ число засѣваемыхъ растений входитъ и ленъ. Овощи, капуста, огурцы и пр. здѣсь не разводятся, какъ объясняютъ крестьяне, по недостатку времени. Обыкновенно урожай хлѣба бываетъ самъ 2 и 3; хорошимъ считается урожай самъ 4; въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ онъ доходитъ до самъ 5 или 6. Есть впрочемъ и крестьянскія хозяйства, гдѣ урожай рѣдко бываетъ ниже самъ—10. Такого рода примѣръ мы видимъ въ деревнѣ Педяевщинѣ, обязанной своимъ плодородіемъ особому случаю: здѣсь во время зимы проходить

¹⁾ Пашни, бывшія прежде подсѣчными, превращены по большей части въ покосы, обрабатываемыя по системѣ общинныхъ.

санная дорога, по которой ѣдутъ такъ называемые здѣсь Карго-полы, со всякими товарами своей земли; Педяевщина служитъ имъ станціей; здѣсь они проводятъ ночи, и благодаря этому, лошади ихъ оставляютъ хозяевамъ большее количество навозу, такъ какъ проѣзжіе бываютъ здѣсь постоянно. Педяевцы, въ числѣ трехъ семействъ, не только получаютъ съ проѣзжихъ деньги за ночлеги и пропитаніе, но обогащаются и навозомъ, которой потомъ и идетъ на удобреніе полей. Но этотъ случай составляетъ исключеніе. Вообще хлѣбъ здѣсь въ значительномъ количествѣ прикупается.

Обращаясь къ Пудожскому уѣзду, мы найдемъ здѣсь еще худшія экономическія условія. Въ южной и юго-западной части уѣзда разводится ленъ, обладающій необыкновенною доброкачественностью ¹⁾; на него преимущественно обращается здѣсь вниманіе, такъ что льна получается ежегодно до 23 и до 25 т. пудовъ. Но ленъ истощаетъ почву; съ другой стороны, жители, разводя его, чувствуютъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Приведу слова одного изъ мѣстныхъ наблюдателей по этому поводу: „Разводители льна... большею частію не имѣютъ оборотнаго капитала, и употребивъ небольшой запасъ наличныхъ денегъ на покупку сѣмянъ, принуждены бываютъ забирать нужные для себя продукты въ долгъ. Напримѣръ, своего хлѣба недостаточно жителямъ этой мѣстности на годовое продовольствіе, и они должны прикупать себѣ отъ 4 до 10 кулей муки. Богатые торговцы пользуются нуждою крестьянина и отпускаютъ ему товары въ долгъ по высокой цѣнѣ и съ непремѣннымъ условіемъ продать будущій ленъ кредитору по извѣстной, разумѣется, низкой цѣнѣ. Чтобы спастись отъ монополіи скупщиковъ, маломочные хозяева выбираютъ себѣ надежнаго человѣка, даютъ ему на комиссію каждый по 6—15 пудовъ льна и посылаютъ его въ Каргополь, на рѣку Онегу, въ Вытегру, Поморье и Шунгу. Въ этихъ мѣстахъ, кромѣ Шунги, имъ дѣйствительно удастся продать выгодно товаръ и раздѣлить полную его цѣну между собою. Но въ Шунгѣ дѣло оканчивается для нихъ не совсѣмъ благополучно. Богатые торговцы привозятъ нарочно по 100—200 пудовъ льна на ярмар-

¹⁾ Купецъ Малоокрошечный получилъ за него медаль на Лондонской выставкѣ 1862 года.

ку, какъ будто для продажи, и роняютъ цѣну до того, что и значительные торговцы весьма часто принуждены сбывать свой товаръ въ убытокъ и тому же скупщику, спасаясь отъ котораго они привезли ленъ на ярмарку. Вслѣдствіе того большинство заводителей льна въ неоплатномъ долгу, и при настоящихъ обстоятельствахъ, врядъ ли изъ него могутъ выбраться“ ¹⁾).

Собственно съ хлѣбопашествомъ мнѣ пришлось ознакомиться въ окрестностяхъ Водлозера — мѣстность, какъ я уже сказалъ выше, не представляющая ничего утѣшительнаго. На подсѣкахъ здѣсь также бываетъ урожай самъ—15 или 20; но онѣ распространены уже мало. Обыкновенныя поля приносятъ нѣкоторую выгоду только при сколько-нибудь сносной обработкѣ ихъ, при достаточномъ удобреніи и хорошей пропашкѣ. Хозяйства, порядочно обставленные, доводятъ урожай до самъ 5 — 7 ²⁾. Но какъ показываетъ уже самое распредѣленіе скота въ здѣшней мѣстности, о чемъ была уже рѣчь, число такихъ хозяйствъ должно быть ограничено; только съ весьма большими натяжками пришлось бы включить сюда $\frac{1}{3}$ всего населенія. Остальные двѣ трети несостоятельны, бѣдны до нищенства; относительно этой-то части населенія мѣстный священникъ доказывалъ мнѣ, что хлѣбопашество не выгодно, даже, въ общей сложности, разоряетъ поселянъ. Бѣдные жители при недостаткѣ скота худо удобряютъ поля, на худшихъ лошадяхъ еще хуже ихъ пропахиваютъ. Многіе, не имѣя своихъ лошадей, нанимаютъ ихъ отъ сосѣдей или обязуются за лошадиную работу отплатить хозяевамъ ихъ своимъ собственнымъ трудомъ; въ средѣ этихъ жителей землю пахутъ или дѣти, или женщины, иногда старше 70 лѣтъ. Между тѣмъ сѣмена получаютъ весной по 1 руб. 20 коп. или даже по 1 руб. 50 коп. Урожай при плохой обработкѣ рѣдко бываетъ самъ—3, чаще самъ—2, а то и сѣмена едва возвращаются. Итакъ, вмѣсто 3 или 5 засѣянныхъ

¹⁾ О разведеніи льна въ Пудожскомъ уѣздѣ, ст. г. Р. въ Памяти. кн. Ол. губ. за 1864 г., стр. 151.

²⁾ Посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ бываетъ здѣсь поздно, около іюня; а вырѣваютъ хлѣба рано, въ концѣ іюля или въ началѣ августа, такъ что, по замѣчанію жителей, хлѣбъ въ два мѣсяца можетъ возвратиться здѣсь изъ засѣва въ засѣвъ.

пудовъ, житель рѣдко получить 9 или 15 п., чаще 7 или 12 пуд., если не меньше; если урожай перевести на деньги, то стоимость его осенью будетъ совершенно та же, что стоимость сѣмянъ весною, такъ какъ осенью цѣна на хлѣбъ падаетъ до 50 или 60 коп. Вся выгода, получаемая отъ хлѣбопашества все-таки значительнымъ трудомъ, заключается только въ томъ, что жители хотя съ двойнымъ урожаемъ вліяютъ нѣсколько на общее пониженіе цѣнъ на хлѣбъ; оставивъ хлѣбопашество, они осенью не получили бы ржи по 50 коп., а заплатили бы, можетъ быть, за нее нѣсколько дороже ¹⁾. Бѣдные, не имѣющіе ни коня, ни коровы, отдаютъ свои надѣльные поля болѣе состоятельнымъ жителямъ, получая $\frac{1}{3}$ со всего урожая. Такимъ образомъ, и на ихъ долю выпадаетъ на душу по 1 или по 2 пуда хлѣба. Въ надѣлѣ общинной землей какъ здѣсь, такъ и въ окрестностяхъ Вытегры, вдовы, повсюду многочисленныя, участвуютъ только тогда, когда онѣ несутъ на себѣ общественныя повинности и платятъ подушныя подати. Окрестности Кенозера, сравнительно съ Водлозеромъ, обставлены во всѣхъ отношеніяхъ лучше; здѣсь процвѣтъ не засѣвающихся хлѣба весьма малъ, и общее количество засѣваемого хлѣба больше. На Кенозерѣ жители искуснѣе въ обработкѣ почвы, и притомъ, меня даже удивилъ здѣсь одинъ обычай относительно выбора сѣмянъ. Жители заставляютъ разнаго рода сѣмена проростать во влажномъ мху въ комнатахъ; здѣсь они наблюдаютъ, какіе сорта сѣмянъ даютъ лучшіе ростки, быстрѣе всходятъ, и какіе не даютъ ростковъ. Такого рода опыты приводятъ жителей къ заключенію, что гораздо лучше сѣять, напримѣръ, озимъ свѣжую, только что снятую, и что годовалая рожь, сравнительно со свѣжею, менѣе доброкачественна и мало пригодна для сѣмянъ; этотъ обычай заключаетъ въ себѣ весьма много хорошихъ сторонъ, давая возможность испытывать самыя разнообразныя сорта хлѣба, даже снятые въ одинъ годъ, но съ различныхъ полей. Окрестности Кенозера, вмѣстѣ съ

¹⁾ Здѣсь я долженъ засвидѣтельствовать объ одномъ весьма часто встрѣчающемся явленіи въ жизни Олонецкаго земледѣльца; по крайней мѣрѣ на Водлозерѣ въ большемъ обыкновеніи продажа на корню хлѣба, ради немедленной уплаты податей, при чемъ хлѣбъ идетъ, конечно, за ничтожную цѣну.

Каргопольскимъ уѣздомъ, служатъ нѣкоторымъ образомъ житицей для Водлозеровъ.

Итакъ, выше мы видѣли, что съ одной стороны природа, а съ другой—общественный строй крестьянскаго населенія Олонецкой губерніи неблагоприятно вліяютъ на ходъ земледѣлія; мы видѣли, что большинство земледѣльческаго сословія подавлено природой, и что къ этому присоединяются бытовые, умственные и экономическія условія, клонящія жителей къ бѣдности. Въмѣстѣ съ этимъ я старался указать, что такія отношенія между природой и обществомъ не абсолютны; онѣ, указывая на регрессъ или косность въ жизни общества, скорѣе являются исключеніемъ. Теперь я представляю нѣкоторые виды на возможность прогресса въ земледѣліи Олонецкой губерніи, на это естественное, законное явленіе въ жизни всякаго общества: человекъ можетъ и долженъ быть выше природы. Безвозвратно утраченные выгоды отъ первобытнаго подсѣчнаго хозяйства, съ его глухими лѣсами, возможно получить еще отъ Олонецкихъ болотъ, которыя такъ широко здѣсь раскинуты и стоятъ до сихъ поръ не тронутыми, какъ и бывшіе здѣсь первобытные лѣса. Извѣстно, что осушенное черезъ посредство канавъ и затѣмъ выжженное болото даетъ громадный урожай; разводима на такихъ мѣстахъ кустовая рожь даетъ изъ одного зерна до 70 колосьевъ, съ урожаемъ самъ—50 ¹⁾. Низменная сырая мѣстность, недалеко отъ Вытегры, съ почвой, признаваемою крестьянами неудобною для хлѣбопашества, была осушена канавами и обработана такъ, что давала потомъ урожай самъ—19 1/2; еще лучше родилась здѣсь пшеница: орловская давала урожай до самъ—31, а ярославская самъ—26. При этомъ система хлѣбопашества была примѣнена двѣнадцатипольная. Съ хлѣбами разводились и кормовыя травы, родившіяся, какъ и слѣдовало ожидать, съ отрицательнымъ успѣхомъ, даже такія, какъ красный клеверъ ²⁾. Эта

¹⁾ Дашковъ, Олонецк. губ. въ стат. этногр. и пр. отношеніяхъ, стр. 63; Штукенбергъ, 8.

²⁾ Герольдъ, Нѣсколько словъ объ Олон. губ. въ земледѣльческомъ отношеніи, Олон. губ. вѣд. за 1858 г., стр. 16, 29 и 36. При этомъ считаю долгомъ оговориться, что занимаюсь изъ этой статьи только фактъ, но не общіе взгляды.

система не только приносила изобиліе въ хлѣбѣ, улучшая въ то же время скотоводство, благодаря прекрасному урожаю кормовыхъ травъ, но несомнѣнно влекла за собою и много другихъ послѣдствій. Распространившись болѣе широко, она уменьшеніемъ количества болотъ обезопасила бы скотъ отъ сибирской язвы, застраховала бы поля отъ излишнихъ посѣщеній разными вредными животными и пр., не говоря о рядѣ удобствъ по отношенію къ путямъ сообщенія. Въ общемъ стоимость обработки одной десятины болота или сырой низменности сводится на 50 или 100 руб. ¹⁾; чтобы превратить неудобную мѣстность въ плодородную пашню, требуется упорный и настойчивый трудъ, который однакоже въ два года вполне окупается ²⁾. Такимъ образомъ, здѣсь мы выступаемъ на почву чисто общественнаго строя: бѣдна не природа, но бѣденъ человекъ для того, чтобы ее выгодно эксплуатировать; мы уже не однократно имѣли случай убѣдиться, что изъ-за нужды въ какихъ нибудь 5 или 10 руб. жители почти закабаляютъ себя, лишаются послѣдняго имущества—лошади или хлѣба; они уже заранее продаютъ свой трудъ, отправляемый въ большинствѣ случаевъ по весьма первобытнымъ способамъ. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, которое всего менѣе способствуетъ улучшенію способовъ къ жизни и источниковъ для выгодныхъ заработковъ: положеніе, которое будетъ служить также препятствіемъ къ болѣе выгодной системѣ земледѣлія. Въ этомъ отношеніи не выгоденъ также и складъ самого быта и привычекъ Олончанъ; какъ въ обществѣ нѣсколько патріархальнаго оттѣнка, мы встрѣчаемъ здѣсь малую степень раздѣленія труда. Большинство жителей являются здѣсь въ одно и то же время и рыбаками, и звѣроловами, и частію хлѣбопашцами; въ одинъ и тотъ же годъ крестьянинъ тянетъ барки, возитъ лѣсъ или живетъ

¹⁾ Герольдъ, стр. 13. Въ Финляндіи осушеніе болотъ получило сильное распространеніе съ 1830-хъ годовъ, при денежномъ содѣйствіи правительства и частныхъ обществъ. Такъ, въ Купиосской губерніи въ теченіе 1855 года осушено до 2,000 дес. болотъ, въ Нюландской съ 1847—1855 г. до 2,040 д. и т. д. См. *Амфтанъ*, Матеріалы для стат. Финл., 1859 г., стр. 162.

²⁾ Герольдъ, 16.

гдѣ-нибудь вдали отъ семьи; однимъ словомъ, здѣсь мало усидчивости и терпѣливой склонности къ одному и тому же дѣлу, а особенно къ дѣлу новому, требующему затратъ; такая работа, какъ хлѣбопашество, принадлежитъ во многихъ случаяхъ исключительно женщинамъ, надъ которыми тяготѣетъ рядъ другихъ, не нѣе многочисленныхъ занятій. Эта перспектива, конечно, затѣняетъ виды на сколько-нибудь скорое улучшеніе земледѣлія въ Олонецкой губерніи, свидѣтельствуя съ неменьшею ясностью о нестойчивой необходимости поднять умственный уровень здѣшнихъ жителей, ослабивъ ихъ экономическую зависимость. Что хорошая организація труда можетъ сильно поднять земледѣліе—доказываютъ Даниловское общество и Лекса; среди бесплодной почвы Повѣнецкаго уѣзда онѣ создали обширныя и хлѣбородныя поля и снабжали хлѣбомъ окрестныхъ жителей; на работы къ нимъ сходились крестьяне даже изъ Пудожскаго уѣзда, съ окрестностей Водлозера. Что болѣе легкій доступъ къ просвѣщенію и болѣе благопріятный общественный строй измѣняютъ фізіономію и свойства мѣстности—доказываетъ сосѣдка Олонецкой губерніи, Финляндіи, общая съ нею по своей природѣ и представляющая болѣе благопріятное развитіе и ростъ своего населенія.

Приведу по этому поводу давно сказанныя, но до сихъ поръ сохранившія свою силу, слова Пушгарева ¹⁾: „Взгляните на смежную съ Повѣнецкимъ уѣздомъ Финляндію. Тѣ же горы, лѣса, озера и болота, какъ и здѣсь, тотъ же суровый климатъ, но какая разница въ хозяйствѣ! Въѣзжая въ Финляндію, встрѣчаете, среди самыхъ неудобныхъ мѣстъ, превосходно обработанные поля и луга, осушенные канавами, дающіе хорошій урожай; вездѣ обиліе, довольство, чисто, удобно выстроенные дома; такъ усиліе человѣка, знаніе, воздержность, порядокъ преобразовываютъ самую неблагоприятную почву“.

¹⁾ *Пушкарёвъ*, стр. 43.

VI.

Путина. Лѣсные заработки и понятіе о другихъ мелкихъ промыслахъ, связь благосостоянія съ заработками. Окрестности Вытегры и Водлозера по отношенію къ жилищамъ, одеждѣ и пищѣ.

Принимая во вниманіе состояніе главныхъ промысловъ въ Олонецкой губерніи, уже можно прійти къ заключенію, что и остальные отрасли народнаго хозяйства не стоятъ здѣсь высоко. Г. Дурново еще въ 1858 году доказывалъ, что разнаго рода производства, основанныя здѣсь Петромъ Великимъ, почти не развились съ тѣхъ поръ ¹⁾. Самъ я укажу на нѣкоторые, чисто мѣстные частности, относящіяся къ мелкимъ промысламъ или источникамъ для заработковъ. На юго-восточномъ побережьи Онежскаго озера относятся къ такимъ источникамъ заработковъ тяга судовъ или, какъ здѣсь говорятъ, путина. Двѣ или три недѣли работы, иногда и болѣе, даютъ здѣсь рабочему заработокъ отъ 10 до 12 руб.; сюда стекается народъ съ большей части губерніи; не говоря ужь о Вытегорскомъ уѣздѣ, приходятъ сюда и изъ Пудожскаго, и изъ Повѣнецкаго; народъ идетъ бѣдный, изнуренный, часто полуодѣтый, безъ обуви. Постоянное напряженіе силъ, притомъ пасмурная и дождливая погода и не всегда удовлетворительная пища дѣлаютъ эту работу утомительною. Еще хуже жаркая и ясная погода; она приноситъ по обыкновенію сибирскую изву, распространяющуюся и на людей; нерѣдко зловоніе отъ нечистотъ, оставляемыхъ рабочими, въ связи съ жарамъ, истомленіемъ и пр., дѣлаются источникомъ холеры. Во время моего пребыванія въ 1871 году въ окрестностяхъ Вытегры, съ первыми холерными случаями на Маринской системѣ, многіе рабочие бросили на произволъ судьбы суда, съ ихъ прикащиками и хозяевами, и иногда черезъ глухіе лѣса шли въ свои края; такъ сдѣлали Андомцы, шедшіе черезъ пустынные верховья р. Илексы. На пути къ Пудожу и на сѣверъ отъ него я встрѣтилъ значи-

¹⁾ Олонец. губ. вѣд. за 1858 г. № 32. При этомъ укажу только на то, что со временъ Петра Великаго въ Олонецкой губерніи было въ дѣйствиіи 13 желѣзныхъ и мѣдныхъ плавильнъ, изъ которыхъ въ послѣднее время всѣ, кромѣ трехъ, упразднены. См. *Штукенбергъ*, стр. 15.

тельное количество крестьянъ, шедшихъ съ путныи. Благодаря можетъ быть, тому именно обстоятельству, что я прѣхалъ въ Водлозеро одновременно съ путинщиками, привезшими страшныя рассказы о холерѣ, крестьяне приняли меня первоначально за распространителя этой болѣзни, предполагая ея присутствіе и бывшихъ при мнѣ пузырькахъ со спиртомъ, въ пороховницахъ и дробинцахъ. Только болѣе или менѣе порядочное содержаніе сдерживаетъ рабочихъ въ холерное время около ихъ судовъ. Рабочіе спуская суда до Онежскаго канала, возвращаются снова—для типъ другихъ судовъ. Собственно населеніе, живущее по Маринскому каналу, не отличается особеннымъ благосостояніемъ. Мнѣ между прочимъ пришлось нѣсколько ближе познакомиться съ селеніемъ Бѣлый Ручей. Изъ числа двухъ десятковъ домовъ едва-ли можно насчитать здѣсь до 10 состоятельныхъ; въ остальныхъ — сироты, вдовы, жены искалѣченныхъ мужей и дѣвицы. Обыкновенно въ довольно нарядныхъ одеждахъ сидятъ онѣ на обрывистыхъ утесахъ горнаго известняка, плѣняя отсюда воображеніе и лаская такъ сказать, сердца судовщиковъ, проходящихъ внизу по каналу подъ предлогомъ мѣны печенаго хлѣба на муку, обмѣниваются онѣ секретно и другими товарами. Вытегорское земство, призванная въ тягѣ судовъ по Маринскому каналу значительный источникъ для заработковъ, указываетъ на сильную нравственную порчу молодыхъ людей, особенно занимающихся цѣлое лѣто на каваль¹⁾; условій для порчи, конечно, достаточно, такъ какъ народъ среди котораго приходится вращаться молодому рабочему, представляетъ всевозможные характеры, съ рядомъ самыхъ разнообразныхъ страстей и наклонностей.

Одинъ изъ довольно видныхъ, въ здѣшнемъ краѣ, источниковъ для заработковъ составляетъ также лѣсъ, рубка его, вывозка на сплавыя рѣки и самый сплавъ. Крестьяне при устьѣ Вытегры получаютъ за срубку дерева, толщиною въ 6—12 вершковъ, отъ 25 до 90 коп. длина дерева должна быть въ 3 сажени; вмѣстѣ съ тѣмъ дерево должно быть доставлено къ мѣсту сплава. Крестьянинъ въ зин²⁾ срубаетъ и вывозитъ до 70 деревъ, и за нихъ онъ долженъ былъ

¹⁾ Журналъ Вытегорск. уѣздн. земск. собранія 1869 г., стр. 85.

ы получить среднимъ числомъ до 40 руб.; но на самомъ дѣлѣ цифра бываетъ меньше. Во первыхъ, изъ всего числа доставлен-ныхъ деревъ штукъ десять бракуется, признается негоднымъ по ка-кимъ-либо кажущимся лѣсопромышленнику недостаткамъ; при этомъ бревно оставляется все-таки на мѣстѣ сплава и затѣмъ вмѣстѣ съ годными сплавляется, а крестьянинъ денегъ за него не полу-чаетъ; затѣмъ крестьяне по безграмотности не записываютъ числа доставленныхъ деревъ, ведя счетъ имъ по памяти, тогда какъ до-вѣренные лѣсопромышленниковъ считаютъ на бумагѣ, и всегда итоги у первыхъ оказываются больше, чѣмъ у послѣднихъ, которые берутъ однако же преимущество. Обыкновенно бываетъ также, что 12-ти вершковое бревно принимается за 11-ти, 9-ти вершковое за 8-ми и 7-ми вершковое, и сообразно съ этимъ понижается плата.

Еще менѣе утѣшительна честность лѣсопромышленниковъ въ Пу-дожскомъ уѣздѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ на р. Шалѣ строился па-ровой лѣсопильный заводъ; крестьяне были, конечно, весьма рады такому вновь возникающему источнику для заработковъ и охотно шли сюда на работы; но послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы трудъ не былъ оплаченъ, такъ что у многихъ крестьянъ на дому было описано имущество—скотъ, или проданъ хлѣбъ на корню ради упла-ты податей; мнѣ рассказывали, что по этому поводу не однократно были разбирательства у Пудожскаго мирового судьи, но повидимому, и такой оборотъ дѣла не привелъ къ благопріятному результату. Послѣдствія такой системы дѣйствія я засталъ въ окрестностяхъ Водлозера; о бѣдности жителей этого края я уже говорилъ и вѣ-роятно, долженъ буду говорить о томъ еще нѣсколько разъ. Между тѣмъ и здѣсь отыскивались по одному и по два жителя на деревню, сѣтовавшихъ на лѣсопромышленниковъ за то, что они ни какъ не могутъ уплатить кому 5 руб., уже давно заработанныхъ, кому 10 руб. и т. д.; бывало много случаевъ, что за этою суммой крестьяне хо-дили—здѣсь ѣздить нельзя—за 70 и 100. верстъ черезъ грязи и лѣса, но возвращались съ напутственными словами: „Подождите, скоро заплатимъ“. „Не будешь окно затыкать горохомъ!“ при-бавляетъ по этому случаю рабочій. Крестьяне рассказываютъ, что имъ будто бы приходилось слышать изъ устъ одного лѣсопромыш-ленника такіа слова: „Тамъ гдѣ я поселился, мужикъ пѣсни не за-

поеть!" Въ окрестностях Водлозера распространено обыкновение нанимать рабочихъ во время уплаты податей и другихъ повинностей. Явившись въ волостное правленіе, наиболѣе состоятельные крестьяне уплачиваютъ за немущихъ, обязуя ихъ работать гдѣ бы то ни было по 1 или по 2 руб. въ недѣлю. Набирая человекъ 17—20 немущихъ крестьянъ, богачъ ведетъ ихъ или на лѣсопильный заводъ или на сплавъ лѣса; на заводѣ онъ получаетъ по 3 руб. на человека въ недѣлю, приобретаая отъ каждаго рабочаго по 1 р. въ мѣсяцъ барыша, а со всѣхъ до 70 или 80 руб. Для этой цѣли специально являются на Водлозеро поморы.

Я не буду распространяться о всѣхъ другихъ мелкихъ промыслахъ и источникахъ для заработковъ. Такъ, кузницы, мельницы и такъ называемыя мѣлоплавильни, въ виду земскаго налога на нихъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ, были оцѣнены волостными властями по Замошскому обществу въ 1,250 руб., съ ежегодною доходностью отъ нихъ въ 1,620 руб.; но это оказалось по болѣе обстоятельному разбору дѣла преувеличеннымъ: по свѣденіямъ, собраннымъ однимъ изъ членовъ Вытегорской земской управы, тѣ же учрежденія, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, оцѣнены только въ 455 руб., съ доходомъ 97 руб. въ годъ, такъ что затѣмъ налогъ съ этихъ учреждений пришлось отмѣнить ¹⁾).

Всего сказаннаго, я полагаю, будетъ достаточно для того, чтобы опредѣлить степень благосостоянія жителей Олонецкой губерніи. Благосостояніе человека тѣсно связано съ его заработками и промыслами; смотря по тому, на сколько прочны и широки послѣдніе, на столько высоко и первое. Промысла и заработки, связанные съ тою или другою степенью трудности работы, также отражаются на благосостояніи цѣлаго общества, какъ отношеніе между тратой и восстановленіемъ силъ отражается на отдѣльныхъ его особахъ или организмахъ. Организмъ, тратящій много силъ, но лишенный возможности вполнѣ восстанавливать ихъ, мало по малу слабѣетъ, уменьшаясь въ объемѣ и вѣсѣ; его внѣшній видъ становится инымъ, и внутренняя дѣятельность нарушается. Что происходитъ съ отдѣльными особами, то же совершается и съ

¹⁾ Журналы Вытег. земск. собр. за 1869 г., стр. 25—27.

загающимся изъ нихъ цѣлымъ обществомъ — въ томъ случаѣ, когда жизнь его основывается на плохихъ промыслахъ и заработкахъ; здѣсь мы встрѣчаемся съ низкимъ уровнемъ благосостоянія, роглядывающимъ одинаково неблагоприятно какъ на внѣшней, такъ и на внутренней сторонѣ жизни общества; однѣ части такого общества отмираютъ, другія стоятъ въ томительномъ равновѣсіи или ведутъ безысходную борьбу съ окружающими ихъ условіями; однимъ словомъ, здѣсь видъ населенія и ростъ его становятся плохими. Нельзя не усмотрѣть кое-чего подобнаго въ Олонецкой губерніи, на ряду съ неудовлетворительнымъ состояніемъ мѣстныхъ промысловъ.

Если разсматривать всѣ принадлежности, которыми обставилъ себя человѣкъ для удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей, напримѣръ, хотя бы въ окрестностяхъ Вытегры, то мы придемъ къ заключенію, что положеніе дѣлъ здѣсь лучше, нежели около Водлозера; впрочемъ, и тутъ, въ большинствѣ деревень, въ которыхъ мнѣ пришлось бывать чаще, около города, недостаетъ весьма многого, что могло бы свидѣтельствовать о довольствѣ жителей; исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только такіе случаи, гдѣ жители обязаны достаткомъ хлѣба, одеждой и пищей условіямъ совершенно особеннымъ, какъ напримѣръ, въ деревнѣ Педяевщинѣ, служащей пристанищемъ для проѣзжающихъ торгашей. Деревня Гуртники, недалеко отъ устья р. Вытегры, больше десятка лѣтъ тому назадъ была вся, что называется, до тла, истреблена пожаромъ; послѣ этого ея обитатели около двухъ лѣтъ жили въ шалахахъ — по тѣхъ поръ, пока не были устроены новыя избы ¹⁾, съ грѣхомъ по поламъ, съ горемъ да со слезами; при этомъ имъ оказало помощь лѣсное вѣдомство, уступивши по дешевой цѣнѣ лѣсъ для построекъ. Теперь эта деревенька высматриваетъ почтище другихъ, хотя и въ ней есть избы безъ крышъ и безъ всякихъ пристроекъ. Изъ 17 домовъ одинъ двухэтажный; другой съ чердакомъ; внизу изба, сверху горница; остальные

¹⁾ Типъ здѣшнихъ построекъ общій съ древне-новгородскимъ; подробное описаніе сдѣлано въ статьѣ г. Р. Этнограф. замѣтки о Заонежанскѣ, помѣщенной въ Памятн. кн. Олонец. губ. за 1866 г.

дома безъ горницъ. Другія деревни, особенно по Тудозеру, ужъ гораздо менѣе приглядны по наружности: здѣсь старыя избы, покосившіяся отъ времени, по большей части окруженныя грязью. Въ деревнѣ Кузнецовой, извѣстной вмѣстѣ съ сосѣднею деревушкой Мелькиной, подъ именемъ Гонгпинщины, съ одного края стоитъ старая изба, обитаемая однимъ только 80 - лѣтнимъ старцемъ, семья котораго, жена и дѣти, вымерли; онъ на старости лѣтъ уже не можетъ ходить въ лѣсъ, почему, живя въ одной половинѣ дома, домаетъ другую, сѣни, для отопленія первой. На другомъ краю деревни стоитъ сравнительно порядочная изба, населенная двумя дѣтьми—дѣвочкой лѣтъ 12 и мальчикомъ лѣтъ 10: отецъ и мать ихъ также умерли. Изъ остальныхъ 3 — 4 домовъ въ одномъ изба, довольно старая, съ недавно пристроенною горницей, стоящею однако два года безъ печки, по неимѣнію средствъ построить ее. Въ другихъ мѣстахъ по Тудозеру встрѣчается больше домовъ почище и попросторнѣе; мнѣ приходилось бывать въ просторныхъ и чистыхъ избахъ, иногда съ горницами, оклеенными картинками; но на ряду съ ними не менѣе часто попадались избы заколоченныя, полуразливавшіяся, безъ населенія. Деревня Щевина имѣетъ видъ, свидѣтельствующій о достаткѣ жителей; дома исправныя, есть двухэтажный, съ лавкамъ; она живетъ торговлей; другая деревня—Паншина гора, стоящая рядомъ съ нею, съ тѣми же тремя-четырьмя домиками, уныла, бѣдна, и обитатели ея вымираютъ. Первая однакоже единственная здѣсь въ своемъ родѣ, такъ какъ торговля ея распространяется на большую часть окрестностей; подобныхъ же послѣдней довольно много. Я обходилъ эти деревни въ началѣ іюня, вмѣстѣ съ весьма мнѣ знакомыми сборщиками податей. Самый видъ береговъ Тудозера довольно красивъ: къ водамъ озера сбѣгаетъ множество безлѣсныхъ и гладкихъ холмовъ, вмѣстѣ съ такими, которые довольно густо заросли сосной, елью, ольхой и березой; среди лѣса выдаются часто лужайки; на гладкихъ холмахъ нестрѣбуютъ полосы пашни, съ зеленѣющими озимями. На ряду съ этимъ видъ деревень кажется унылымъ; большая часть мужчинъ въ путинѣ, на заработкахъ или на пашняхъ; иные отправились на богомолье въ Соловки—это въ большомъ обыкновеніи; въ деревняхъ пустынно; сборщики едва допскивались женщинъ, сно-

сѣвшихъ съ разныхъ сторонъ подати по копѣйкамъ, вмѣсто слѣдуемыхъ рублей; въ иныхъ же случаяхъ никого изъ хозяевъ двора не находилось. Вообще въ деревняхъ мужчины вымираютъ больше, чѣмъ женщины, особенно на различнаго рода заработкахъ и отхожихъ промыслахъ. „На чужой сторонкѣ заклѣютъ воронки!“ говорятъ крестьяне. Число живыхъ, какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ мужчинъ меньше, чѣмъ общее число женщинъ. Въ большинствѣ деревень, женщинъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ мужчинъ (Кузнецова, Дѣмина и проч.). Женщины оставаясь въ сиротствѣ, заколачиваютъ перѣдко дома и идутъ въ работницы.

Путешественники перѣдко ошибаются, руководствуясь первыми впечатлѣніями и видомъ Олонецкихъ деревень; особенно по такъ называемому тракту дѣйствительно встрѣчаются большіе просторные дома, часто въ два этажа; на этомъ основаніи дѣлаются заключенія объ общемъ благосостояніи края; но это, очевидно, не вѣрно: дома являются большими часто потому, что въ нихъ живутъ по 3 — 4 брата, съ семействами, или потому, что принадлежать торговому крестьянину-прасолу или же хозяину, живущему въ Петербургѣ, занимающемуся подрядами; такихъ случаевъ довольно, напримѣръ, въ селеніи Оштѣ. Съ другой стороны, Вытегорское земство отмѣнило земскій налогъ съ крестьянъ, между прочимъ потому, что для сбора его у нѣкоторыхъ даже изъ наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ становой описалъ имущество, предназначая его въ продажу для уплаты налога ¹⁾. Въ виду такого факта, нечего и говорить о предѣлахъ бѣдности въ средѣ другихъ, менѣе состоятельныхъ. Но фактъ, что наружность перѣдко скрываетъ сущность дѣла, ясенъ на Водлозерѣ. Покойный А. О. Гильфердингъ, прибывши сюда, первоначально даже увлекся видомъ Водлозера и наружною стороною быта его обитателей; онъ былъ очень доволенъ свѣтлою горенкой (хотя и безъ печки), отведенною ему въ селеніи Куго-Навологѣ; указывалъ на нѣкоторые стороны здѣшней жизни, которыхъ ему не удалось найти ни на Балканскомъ полуостровѣ, ни у Западныхъ Славянъ. Затѣмъ, пробывши здѣсь нѣсколько вре-

¹⁾ Журналъ Вытегорск. уѣздн. земск. собранія за 1869 г., стр. 24.

мени, онъ пришелъ къ другому заключенію о жизни здѣшняго населенія, что и высказалъ въ своей статьѣ объ Олонецкой губерніи и ея рапсодахъ. Иначе и не могло быть.

Довольно того, что отъ Пудожы на Водлозеро можно попасть только верхомъ на лошади или пѣшкомъ; кладъ возится, даже во время лѣта, на небольшихъ саняхъ, по грязямъ, камнямъ и проч. Въ строеніяхъ жителей прежде всего поражаетъ то, что избы здѣсь жѣ курныя; дымъ обыкновенно наполняетъ весь верхъ избы. Всеобщее распространеніе такихъ избы жители оправдываютъ необходимостью коптить невода и сушить платье послѣ рыбной ловли. Изъ нѣсколькихъ десятковъ деревень, можетъ быть, только въ нѣкоторыхъ найдется по одной горенкѣ съ русской печкой; печниковъ для кладки русской печи жители должны приглашать изъ-за сотни верстъ, съ Кенозера.

Представляю здѣсь описаніе одной мѣстности, сдѣланное мною вскорѣ по приѣздѣ на Водлозеро, заимствуя его цѣликомъ изъ моего дневника; оно относится къ острову Пѣлгострову: „Онъ достигаетъ до $2\frac{1}{2}$ верстъ длины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно широкъ и холмистъ. Холмы по временамъ торчатъ въ видѣ мысовъ съ пологими скатами къ озеру; они сильно усѣяны валунами, иногда очень большими. Поэтому пашня трудна. На обоихъ концахъ острова по деревнѣ. Населеніе одной изъ нихъ живетъ въ 9 домахъ, изъ которыхъ только два сносны. Въ наружномъ видѣ и внутреннемъ состояніи самая печальная нищета. Въ одномъ домѣ живетъ крестьянинъ съ женою, двумя дѣтьми и старою теткой; у него конь только на половину свой; онъ купилъ его, не уплативши всей цѣны за него; коровы у него нѣтъ; есть только принадлежащая теткѣ. Домъ—баня, безъ кровли и безъ сѣней. Окна въ квадратную четверть. Во время топки изба наполняется дымомъ, который не ѣстъ глаза только на полу. Хозяинъ уходитъ въ путину, по забору на хлѣбъ; домашними дѣлами управляетъ жена съ 65-лѣтнею теткой. Безъ хозяина онѣ сѣютъ хлѣбъ, посмѣнно пахутъ пашню и нячаться съ дѣтьми; въ то же время ловятъ рыбу, и въ случаѣ избытка, сушатъ ее на продажу; на вырученныя деньги приобрѣтаютъ хлѣбъ. Нѣтъ улова—нѣтъ и хлѣба и соли, тогда какъ лѣто и есть такое время, когда рыба не ловится въ избыткѣ. Засѣянный

хлѣбъ при такихъ условіяхъ — хоть не собирай, удобренія нѣтъ, или мало. Есть дома съ еще болѣе печальною наружностью; одинъ изъ нихъ почти на половину ушелъ въ землю; оставшаяся половина покосилась и дала большія щели; внутренняя стѣна этой курной избы засорена, задымлена и шершава отъ несогласнаго положенія бревенъ, какъ сѣдой и каменистый горный обрывъ. Слѣдующій домъ хотя и не ушелъ въ землю, но еще хуже; крыша на немъ, по выраженію здѣшнихъ остряковъ, окрашена въ зеленую краску, то есть, состоитъ изъ мелкихъ, накладенныхъ одна на другую, сосновыхъ или еловыхъ вѣтокъ, съ ихъ зеленою хвоей ¹⁾. Подъ крышей потолокъ; онъ во многихъ мѣстахъ украшенъ длинными щелями, куда и проникаетъ въ ясную погоду веселый лучъ свѣта, а въ ненастную — потоки воды; зимою щели закрываются льдомъ. Полъ еще болѣе измятъ и изборозженъ; многія половицы на половину сгнили, и изъ-подъ нихъ мрачно смотритъ подполье. Въ первомъ изъ домовъ, въ углу, стоитъ жерновъ отъ ручной мельницы ²⁾, да около него фунта два хлѣба въ зернѣ. Вообще же въ домахъ повсюду лоскутья, грязь и темнота“.

Таковъ общій характеръ жилья въ здѣшнемъ краѣ; вообще, въ большей части деревень отношеніе слишкомъ бѣдныхъ домовъ къ сколько-нибудь состоятельнымъ можно опредѣлить, руководствуясь даннымъ мною выше распредѣленіемъ скота: гдѣ больше скота, тамъ и наружность домовъ лучше; гдѣ его совсѣмъ мало или нѣтъ, тамъ можно видѣть почти то же, что относится и къ Пѣлгострову.

Не видно благосостоянія и въ одеждѣ жителей, по крайней мѣрѣ въ обыденное время; большая часть будничной одежды и матеріалъ для нея — произведеніе собственныхъ рукъ Олончанъ. Все

¹⁾ Рассказываютъ, что одинъ изъ мѣстныхъ юношей увлекся одною красавицей, жившею въ другой, отдаленной деревнѣ; дѣвица долго не внимала вздохамъ своего поклонника, подозрѣвая его въ нищету, до тѣхъ поръ, пока онъ не представилъ въ жаркихъ выраженіяхъ всѣхъ прелестей своего дома, и между прочимъ, *зеленой* крыши; противъ этого не устояло женское сердце; молодая, обвѣнчавшись, возвратилась въ деревню, гдѣ и объяла ее, при видѣ новаго своего жилища, съ крышей изъ хвои, весь ужасъ обмана, которому она подверглась.

²⁾ Ручныя мельницы здѣсь употребительны по примѣру древней Руси: см. *Ключевской*, Сказанія иностр., 157.

нижнее бѣлье—если его только можно назвать этимъ именемъ—дѣлается изъ своедѣльнаго холста. Женщина, выходя замужъ, несетъ главное приданое въ ткацкомъ станѣ и въ умѣньѣмъ дѣтъ имъ. Зима — періодъ, въ который она ткеть холстъ и готовитъ изъ него платье мужу и дѣтямъ; она искусна и въ вышиваніи: полотенца и женскія рубашки украшаются различными узорами; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается и простыня; обыкновенно же въ такого рода принадлежностяхъ жители не нуждаются, а спятъ лѣтомъ на ивовыхъ листьяхъ и оленьихъ шкурахъ, иногда и на тюфякахъ, накрываясь пологамъ отъ комаровъ. Холсты красятъ въ синій и желтый цвѣтъ, что дѣлается въ домахъ самими хозяевами или особыми специалистами; желтую краску получаютъ изъ подмаренника—*Galium* (Вирозеро). На окрашенных холстахъ набиваютъ различнаго рода узоры. Рубашки дѣлаются преимущественно изъ крашенаго холста, штаны — изъ бѣлаго; отъ довольно продолжительнаго ношенія какъ то, такъ и другое часто теряетъ свой цвѣтъ и дѣлается одноцвѣтнымъ, и зѣтѣмъ уже поступаетъ въ стирку. Вообще будничное бѣлье далеко не отличается чистотою; то же можно сказать и о женскомъ платьѣ. Въ празднѣхъ одежда чище; тутъ отчасти видны сукно на мужчинахъ и ситцы на женщинахъ; праздничная одежда поситъ бережливо и сохраняется долго. По отношенію къ Заонежью г. Р., находя, что жители по своему праздничному одѣянію кажутся богатыми, прибавляетъ: „Но часто случается, что эти мнимые богачи, возвращаясь съ гулянки, не находятъ дома даже куса хлѣба. Но объ этомъ Заонежанинъ много не думаетъ. Сегодня разгуливали—самъ хозяинъ въ синемъ ярмякѣ, а жена въ шгофномъ сарафанѣ, завтра же все это завязывается въ платокъ и относится въ залогъ за какой-нибудь пудъ муки или рубль денегъ“¹⁾. Тотъ же наблюдатель утверждаетъ, что иногда одежда на праздникъ берется на прокатъ подъ работу или въ долгъ. Мнѣ, съ своей стороны, не приходилось встрѣчаться съ случаями щегольства, выходящими изъ предѣловъ благоразумія, когда бы жители одѣвались несравненно выше своихъ средствъ; встрѣчалъ я женщинъ въ шел-

¹⁾ Р—ва, Этногр. зам. о Заонеж. въ Пам. кн. 1866 г., 29.

ковныхъ и бумажныхъ платьяхъ, но онѣ принадлежали къ числу такихъ, мужья которыхъ такъ или иначе нажили себѣ капиталы. Случается также, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, что женщины, распоряжающіяся хозяйствомъ, продаютъ скрытно отъ мужей часть запасовъ, хлѣба или рыбы и на вырученные деньги покупаютъ себѣ обновки, ленты, ситцу на платье или чего-другаго. Но подобные поступки едва ли принадлежатъ къ числу неблаговидныхъ, особенно при томъ положеніи, въ которомъ стоитъ здѣсь женщина: тотъ трудъ, который она несетъ на себѣ, заслуживалъ бы гораздо большей награды. Долженъ я сказать еще, что въ женскихъ нарядахъ старыя теряютъ все больше и больше свое значеніе или измѣняютъ свою форму; такимъ измѣненіямъ подвергается кокошникъ, или какъ здѣсь, на Водлозерѣ, говорятъ, повойникъ. Въ окрестностяхъ Вытегры онъ исчезъ; нѣтъ его даже у старыхъ женщинъ. На Водлозерѣ еще женщины среднихъ лѣтъ имѣютъ повойники, вышитые золотымъ галуномъ и стеклярусомъ и напоминающіе по своей формѣ обращенное вверхъ копыто лошади; молодое поколѣніе обходится безъ повойниковъ. Въ окрестностяхъ Пудожы и около Кенозера повойникъ распространенъ нѣсколько болѣе, но уже въ видоизмѣненной формѣ и съ узорами изъ жемчуга ¹⁾. Къ одеждамъ, выходящимъ изъ употребленія, относится также тѣлогрѣйка.

Вообще, по отношенію къ одеждѣ, Олончанамъ представляется много трудностей при сравнительно холодномъ климатѣ; крестьянинъ не всегда въ силахъ удовлетворить нуждѣ въ теплой одеждѣ; для этого стоитъ только посмотрѣть на жителей хотя въ такихъ случаяхъ, о которыхъ была рѣчь при уженѣ рыбы на Онежскомъ озерѣ. Но еще требовательнѣе природа и условія здѣшней жизни къ пищѣ; оказывается необходимою большая затрата физическихъ силъ для того, чтобы что-нибудь пріобрѣсти; трудъ, приложенный къ почвѣ, къ лѣсу, къ рыбной ловлѣ, является утомительнымъ; мускульная сила расходуетъ здѣсь въ чрезвычайномъ количествѣ. Всякій изъ участвовавшихъ въ работѣ членовъ тѣла

¹⁾ Жемчугъ — произведеніе мѣстное, добываемое изъ раковинъ, водящихся какъ въ Олопецкой губерніи, такъ и въ другихъ, сосѣднихъ.

требуетъ большаго количества питательнаго вещества для возстановленія тратъ, и въ томъ случаѣ, когда эта нужда правильно удовлетворяется, работникъ готовъ въ новой тяжелой работѣ. Можетъ быть, отсюда вытекаютъ тѣ отдѣльные случаи проявленія силы, которые мнѣ пришлось наблюдать въ Олонецкой губерніи. Около Вытегры, въ деревнѣ Гуртникахъ, я зналъ крестьянина **Ивана** Андреева; онъ высокаго роста, плотнаго и мускулистаго тѣлосложенія; у него смуглый цвѣтъ лица и довольно сильно развитыя скулы; занимаясь рубкой лѣса, онъ обыкновенно или вытаскиваетъ бревна на своихъ плечахъ, или выгоняетъ ихъ каткомъ; бывають иногда и такія деревья, которыя едва увозить на саниахъ лошадей, или при вывозѣ которыхъ изъ лѣса другіе крестьяне дѣйствуютъ обыкновенно по два и по три человѣка вмѣстѣ, а онъ вытаскиваетъ ихъ одинъ. Между многими другими подвигами его жалуется крестьяне, такъ и самъ онъ, рассказываютъ о слѣдующемъ—на дорогѣ въ сосѣднюю деревню. Передъ нимъ и его спутникомъ внезапно появился медвѣдь и направился имъ на встрѣчу. У пѣшиходовъ не было ничего въ рукахъ, и Иванъ Андреевъ схватился за первую попавшуюся ель, до 2 слишкомъ вершковъ въ діаметрѣ, и вырвалъ ее изъ земли съ корнемъ; такой неожиданный оборотъ дѣла заставилъ медвѣдя обратиться въ бѣгство. Жителямъ былъ извѣстенъ еще молодой крестьянинъ или мѣщанинъ, занимавшійся на Вытегорской пристани разгрузкой и нагрузкой судовъ. Изъ барокъ онъ выкидывалъ на пристань кули въ 10 пудовъ или же бралъ ихъ съ пристани и укладывалъ на баркѣ, поднимая ихъ на значительную высоту, часто выше своего роста. Говорятъ, что въ день онъ управлялся со 100 кулями. Однажды зимою, возвращаясь навеселѣ въ Вытегру, онъ встрѣтилъ крестьянина съ возомъ сѣна и въ доказательство, что возъ малъ, а лошадь безсильна, и что крестьянину не стоитъ ѣздить въ городъ съ такими возами, онъ за полштофа водки доставилъ возъ (заключавшій однако въ себѣ болѣе десяти пудовъ вѣсомъ съ саниами), на разстояніи пяти верстъ, на городской рынокъ. Можетъ быть, отъ чрезмѣрной работы онъ преждевременно скончался. Еще одинъ силачъ, **Василій Васильевъ**, средняго роста, не широкій въ плечахъ, съ виду не кажется сильнымъ, но случалось, что онъ того

же Ивана Андреева перекидывалъ черезъ свою голову. Отъ этихъ довольно рѣдкихъ случаевъ есть переходъ къ другой крайности, къ тѣлесной вялости и слабосилію; въ этомъ отношеніи можно насчитать гораздо больше представителей, и большинство населенія, какъ мнѣ кажется (хотя обстоятельныхъ наблюденій сдѣлано не было), ближе подходитъ къ этому типу или только занимаетъ средину между двумя крайностями.

Въ общей сложности нѣкоторое слабосиліе, замѣчаемое на юго-востокѣ Олонецкой губерніи, имѣетъ довольно тѣсное отношеніе къ качеству здѣшней пищи. Пища совсѣмъ не соответствуетъ тому аппетиту, который въ силу весьма естественныхъ причинъ присущъ Олончанину. Понятіе объ аппетитѣ здѣшняго жителя можно получить при бывающихъ здѣсь церковныхъ и часовенныхъ праздникахъ; начиная съ полудня, жители, собравшись въ деревню, отправляющую праздникъ, и отслушавъ церковную службу, начинаютъ обходить домъ за домомъ; вездѣ въ это время накрыты столы, уставленные яствами; гости, пообѣдавъ въ одномъ домѣ, переходятъ съ тою же цѣлью въ другой, и такимъ образомъ, въ теченіе цѣлаго дня, каждый гость имѣетъ возможность пообѣдать до 8 или 10 разъ, и всегда съ одинаковою охотой и удовольствіемъ. Когда рабочіе, проходя съ путинъ домой, покупаютъ по деревнямъ хлѣбъ, то случается, что одинъ человѣкъ одолеваетъ за одинъ присѣстъ двѣ-три макушки, составляющія вмѣстѣ до 5 или 7 фунтовъ вѣса.

Способность Олончанина принимать большое количество пищи много и часто зависитъ отъ сильнаго физическаго труда, а также отъ плохихъ качествъ самой пищи. Въ большинствѣ случаевъ самое лучшее кушанье здѣсь рыбное. Рыба преимущественно варится; въ болѣе торжественныхъ случаяхъ изъ нея дѣлается пирогъ; въ жареномъ видѣ употребленіе рыбы между крестьянами не извѣстно. Рыба варится и кладется въ пироги — съ чешуей; хотя такой обычай и оправдывается тѣмъ, будто рыба съ чешуей вкуснѣе: и пирогъ, и уха выходятъ-де изъ нея лучше, — однакоже употребленіе рыбы въ пищу въ подобномъ видѣ нужно считать остаткомъ сѣдой старины. Въ общей сложности на долю крестьянъ

приходится даже и рыбы недостаточное количество. Лучшая рыба идетъ въ продажу; только какъ исключеніе, допускается на столъ жителей около Вытегры такая рыба, какъ сиги, лосось или лля. Все подобное свозится въ городъ. Охотѣ всего прѣбрежные жители ѣдятъ налима; но и онъ сравнительно рѣдкій гость на столъ Олончанина; ловится онъ только весной или зимой; лтомъ онъ весьма рѣдокъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ значительный ловъ сига, напримѣръ, при устьѣ Водлы или въ Водлозерѣ, крестьяне ѣдятъ мелкую рыбу — окуньковъ, плоту, ершей, ряпушку, корюшку, послѣднихъ особенно въ сухомъ видѣ. Уже раньше я упомянулъ о томъ, что рыба употребляется въ пищу и въ тухломъ состояніи. Мясо бываетъ на столѣ только въ большіе праздники и у людей болѣе состоятельныхъ; въ массѣ населения оно не извѣстно. Дичь по большей части продается. Затѣмъ слѣдуетъ пища растительная; она также мало разнообразится. Овощи въ обследованныхъ мною мѣстностяхъ мало разводятся: напримѣръ, крестьяне не разводятъ капусты и такимъ образомъ лишаются весьма характернаго подспорья въ пищѣ; между тѣмъ та же уха, но съ капустой, была бы несравненно болѣе питательною; въ однихъ мѣстахъ не сажаютъ капусты по недостатку времени, въ другихъ — потому, что она не родится на тощей почвѣ, хотя рядомъ бывали случаи, что она давала прекрасные вѣлки; встрѣчаются отчасти рѣдкая брюква, лукъ и пр. Овощи замѣняются здѣсь ягодами и грибами. Въ іюлѣ мѣсяцѣ морошка вытѣсняетъ всѣ кушанья и на часовенныхъ праздникахъ становится единственнымъ угощеніемъ, съ легкою примѣсью рыбы; она же является на могилахъ умершихъ, гдѣ Водлозѣры празднуютъ тризну. Къ концу лѣта такое же значеніе приобрѣтаютъ грибы; они варятся съ водой и небольшимъ количествомъ масла; въ Каргопольскомъ уѣздѣ рыжики солются и идутъ даже въ продажу. Все это такая пища, послѣ которой, въ какомъ бы она количествѣ ни была принята, легкое чувство аппетита не оставляетъ человѣка, особенно послѣ длинныхъ путешествій. Главную основу пищи, кромѣ картофеля, рѣпы и гороха составляетъ, конечно, хлѣбъ, но какъ уже извѣстно, онъ не родится здѣсь въ изобиліи. Хлѣбъ употребляется въ различныхъ видахъ и преимущественно ржаной; изъ ржи дѣлается кисель, каша;

хлѣбъ изъ ячменя называется житникомъ; вообще печеный хлѣбъ на Водлозерѣ извѣстенъ подъ именемъ мякушки; горохъ превращается въ муку и идетъ на приготовленіе лепешекъ, гороховиковъ или гороховыхъ калитокъ. Неурожаи хлѣба порождаютъ голода; въ такомъ случаѣ къ хлѣбу дѣлается примѣсъ мху и сосновой коры, или какъ это было въ 1867 и 1868 годахъ въ окрестностяхъ Зытегры и около Водлозера, пекутъ хлѣбъ съ перемолотою соломой. Сначала дѣлается слабый растворъ изъ чистой муки, къ которому и прибавляется соломенная мука; чистая мука играетъ здѣсь роль цемента. Цвѣтъ соломенной муки отъ желтоватаго измѣняется до грязно-бураго; конечно, нужно чрезвычайно крѣпкій желудокъ для того, чтобы переварить хлѣбъ изъ такого сорта муки; однако, въ означенные голодные года крестьяне на Водлозерѣ довольно долго питались хлѣбомъ съ соломой; во многихъ мѣстахъ даже во время Пасхи крестьяне не имѣли чистаго хлѣба. Священникъ, обходя съ крестомъ крестьянъ, въ большей части деревень находилъ по одному только чистому хлѣбу изъ ржаной муки; такой хлѣбъ крестьяне переносили изъ дома въ домъ за священникомъ, который въ разныхъ домахъ долженъ былъ освящать его; своего хлѣба съ соломой крестьяне не ставили на столъ для освященія, такъ какъ боялись этимъ прогнѣвить Бога. Соломенный хлѣбъ не остался безъ послѣдствій для жителей; послѣ него жителей начала одолевать цынга. Жена священника на Водлозерѣ говорила мнѣ, что женщинъ, съ которыми ей приходилось встрѣчаться, нельзя было узнать: „Ой да, матушка, послѣ соломы—да хлѣба немножко поѣла, да оцинжала!..“ говорила всякая изъ нихъ при встрѣчѣ. Кромѣ того, жителей Водлозера постигла горячка, отъ которой вымирали цѣлые дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Повѣнецкаго уѣзда употребленіе въ пищу сосновой коры между жителями есть явленіе почти постоянное ¹⁾. Въ Повѣнцѣ дороговизна хлѣба увеличивается еще трудностью доставки, такъ какъ правильнаго пароходнаго сообщенія по Онежскому озеру къ Повѣнцу не существуетъ ²⁾. Что

¹⁾ Пам. кн. Олон. губ. за 1868—69 гг., стр. 41.

²⁾ Кесслеръ, 15.

касается дальнѣйшихъ источниковъ пропитанія, то указываютъ на страсть крестьянъ къ чаю и кофе; въ мѣстной литературѣ рѣдко высказывается мнѣніе, что эта страсть ввергаетъ жителей въ нищету и т. д. Можно согласиться, что любовь къ чаю здѣсь распространена, но несомнѣнно, что она мало удовлетворяется; чай и кофе, „чай, да кофей, да чикорія“, какъ говорятъ мѣстные жители, допускаются у большинства только въ большіе праздники; многіе совсѣмъ не знаютъ этихъ напитковъ; въ будни они да же самыми состоятельными людьми пьются съ ограниченіемъ, и особенно чай—самый жидкій. Однимъ словомъ можно сказать, что распространеніе чая и кофе здѣсь ограничено, и что это связано съ бѣдностью; естественно ожидать, что если въ будущемъ условія быта здѣшняго населенія улучшатся, то чай и кофе получатъ несравненно большее значеніе, нежели теперь.

Несомнѣнно, что бытовые условія, особенно пища, отражаются на физическомъ складѣ жителей. Но притомъ, конечно, можно допустить и другія вліянія на антропологическій типъ ихъ. Прежде всего сюда нужно отнести вліяніе посторонняго, не славянскаго элемента. На внѣшнемъ видѣ Водлозеровъ вліяніе финской крови очевидно. При одномъ сборищѣ, состоявшемъ изъ 70—80 человѣкъ мужчинъ, я видѣлъ только одного съ чисто-черными волосами. Большинство по цвѣту волосъ распадалось на двѣ части: одна половина мужчинъ представлялась съ рыжими волосами, другая—съ бурными, какъ та, такъ и другая была съ темными и съ свѣтлыми оттѣнками; говоря точнѣе, между обѣими половинами можно было найдти переходы, соединить ихъ въ постепенный рядъ, отъ свѣтлорыжихъ до темнобурыхъ. Между женщинами иначе; рыжіе волосы, иногда даже бы льняные, преобладаютъ; темные оттѣнки весьма рѣдки. Мужчины имѣютъ густую бороду; часто встрѣчаются бороды двуцвѣтныя, съ рыжимъ оттѣнкомъ около подбородка и рта, темныя въ концахъ. Цвѣтъ лица мужчинъ соответствуетъ цвѣту волосъ; между женщинами большинство съ рыжимъ цвѣтомъ кожи. Какъ между мужчинами, такъ и между женщинами встрѣчаются лица съ выдающимися скулами; не рѣдко лица кажутся пирамидальными; широкими около скулъ и глазъ и суживающимися къ подбородку, который въ такомъ случаѣ является нѣсколько заостреннымъ.

женщинъ лица въ молодомъ возрастѣ представляются округленными, съ толстыми мясистыми щеками; въ болѣе зрѣломъ возрастѣ — становятся угловатыми. Форма лица у мужчинъ во многихъ случаяхъ болѣе правильна и ближе, по видимому, къ русскому типу. О 10 или 20% мужчинъ выдѣляются изъ массы по длинному, прямому тонкому носу; у остальныхъ мужчинъ, какъ и у большинства женщинъ, носъ вздернутый. Будучи вздернутымъ, онъ бываетъ длиненъ, при основаніи сухъ, нѣсколько низокъ и узокъ; книзу онъ расширяется и возвышается, болѣе или менѣе заостряясь кверху; сюда можно отнести до 50% мужчинъ. На лицахъ втораго рода — также вздернутый носъ, но сравнительно короткій, немного приплюснутый, по срединѣ представляющій легкую поперечную впадину, сѣдловину; конечная вздернутая часть мясиста. Въмѣстѣ съ нѣкоторою частью мужчинъ къ этому типу относится большая часть женщинъ.

Всѣ Водлозѣры не высоки ростомъ; изъ указанной мною толпы только одинъ мужчина былъ 2 арш. 8,5 вершк.; изъ множества другихъ, стоявшихъ около него, не было ни одного, который заслонялъ бы нижнюю часть его. уха; онъ былъ почти всею головою выше большинства. Наиболѣе высокіе едва достигаютъ 2 арш. 6 и 6,5 вер., а среднюю высоту едва ли можно принять болѣе 2 арш. 5 вершковъ.

На Кенозерѣ я встрѣтилъ уже гораздо болѣе чистый типъ; здѣсь преобладалъ типъ длинноносыхъ и прямоносыхъ какъ между мужчинами, такъ и между женщинами. Народъ здѣсь выше ростомъ и болѣе крѣпко сложенъ, мужчины — съ длинными густыми бородами. Въ окрестностяхъ Вытегры мнѣ не удалось одновременно наблюдать большія скопленія народа: кажется впрочемъ, что изъ здѣшнихъ жителей многіе напоминаютъ типъ, преобладающій на Водлозерѣ, низкорослый и скуловатый. Итакъ, во всемъ населеніи нужно различать типъ жителей русскій, древне-новгородскій, и помѣсь его съ инородцами, Финнами. Къ первому, по всему вѣроятію, нужно отнести длинноносыхъ и бородатыхъ, безъ выдающихся скулъ; ко второму — большинство Водлозерскаго населенія, людей низкорослыхъ, съ короткими, мясистыми, слегка сплюснутыми носами. Между прочимъ, по отношенію къ Водлозеру, интересенъ фактъ пре-

обладанія этого послѣдняго элемента въ женщинѣхъ. Находясь въ мѣстѣ изслѣдованія, я думалъ объяснить это тѣмъ, что Водлозерье заселялось, вѣроятно, бѣглыми, искателями приключеній, недовольными холостяками, которые брали себѣ подругъ жизни изъ туземнаго Финскаго племени; въ такомъ случаѣ женщины съ гораздо болѣею силою передавали свой племенной элементъ по жевской линіи и съ меньшимъ успѣхомъ по мужской.

VII.

Характеръ общаго и культурнаго развитія; наклонность къ переселенію, ея значеніе вообще, и по отношенію къ Водлозерю въ частности. Положеніе и образъ жизни Олопецкой женщины по отношенію къ росту населенія. Факторы, обусловливающіе жизнь или смерть дѣтей; разница въ количествѣ дѣтей между временно-обязанными и государственными крестьянами Вытегорскаго уѣзда, и причины этого. Вымираніе между помѣщичьими крестьянами. Ростъ государственныхъ крестьянъ и общаго числа населенія въ Олопецкой губерніи. Общее уменьшеніе населенія въ нѣкоторыхъ городахъ и уѣздахъ. Заключеніе.

Итакъ, мы пришли къ дѣлу, къ нѣкоторой возможности опредѣлить силу прогрессивнаго развитія въ сѣверо-русскомъ народонаселеніи. Мы видѣли, что большинство инородческихъ племенъ Сѣвера подверглось вымиранію, и что высшая степень прогресса въ ихъ развитіи выразилась на столько, на сколько они вступили въ кровную связь съ славянскимъ элементомъ. Причина этого — та, что они не въ силахъ были подняться выше того умственного и физическаго уровня, съ помощію котораго они могли бы усвоить новыя формы жизни, труда и дѣятельности; они не были въ состояніи замѣнить старыя средства къ существованію новыми. Славяне принесли на Сѣверъ болѣе высокую культуру, болѣе сильныя орудія и средства, и благодаря этому, болѣе густо населили Сѣверъ, внесли на него больше гражданственности. Но какъ я уже и раньше указывалъ, въ Олопецкой губерніи многія изъ сторонъ жизни весьма мало измѣнились со временъ господства древняго Новгорода, и, напротивъ того, сохранились многія изъ старинныхъ формъ въ промыслахъ — въ звѣроловствѣ, рыболовствѣ, сохранились способы и орудія обработки земли и т. д. Кромѣ этихъ довольно существенныхъ чертъ старины, имѣется здѣсь и много дру-

хъ—въ разныхъ родахъ дѣятельности. Такъ, напри^мѣръ Водло^{ро} даетъ во время зимы различнаго рода бродячихъ мастеровыхъ. **ре**стьяне разсыпаются по окрестностямъ и ходятъ изъ деревни въ деревню, съ цѣлю случайныхъ заработковъ; есть бродячіе порт^{ше}, сапожники, печники, катальщики валенокъ и пр.; вти-то люди напоминаютъ собою тотъ классъ работниковъ, который во владѣ^няхъ древняго Новгорода извѣстенъ былъ подѣ названіемъ воль^{ныхъ} людей и бродилъ по селамъ и погостамъ съ тою же цѣлю случайныхъ заработковъ ¹⁾; только въ старину такіе люди отличались тѣмъ, что не имѣли никакого хозяйства ²⁾. Самые погосты въ ихъ церквями, теперь, какъ и въ древнія времена, служатъ дѣ^{сь} сборищами для народа и центрами мелкой торговли. На Водлозерѣ, какъ и въ древнемъ Новгородѣ, покойниковъ хоронятъ въ погостахъ, около церквей ³⁾, для чего свозятъ ихъ изъ окрестныхъ деревень, верстъ изъ за 20—30 и болѣе. Любопытная черта древности сохранилась въ употребленіи слова *дымъ*: крестьяне на Кенозерѣ, объясняя мнѣ отношенія свои къ лѣсному вѣдомству, говорили, что „каждый *дымъ* давать (даетъ) по малѣнкѣ хлѣба лѣсничему“. Это напоминаетъ дань, наложенную Олегомъ на Древляны—по черной кунѣцѣ отъ дыма (то есть, очага, дома) ⁴⁾. Затѣмъ едва ли слѣдуетъ мнѣ говорить еще объ одномъ остаткѣ старины—о былинномъ эпосѣ, который былъ уже предметомъ многихъ изслѣдованій. Вмѣстѣ съ этою, такъ сказать, гражданскою поэзіей

¹⁾ Бяляевъ, II, стр. 94.

²⁾ Костомаровъ, II, стр. 152.

³⁾ Замѣчательно, что на ряду со многими формами жизни, уцѣлѣвшими отъ древнихъ временъ, здѣсь не сохранилось такое выгодное начало, какъ артельное. Артель распространена здѣсь чрезвычайно мало и проявляется спорадически, въ видѣ какъ-бы рѣдкаго исключенія; кромѣ рыбацкихъ артелей на Ладозскомъ озерѣ, мнѣ не удалось ни видѣть, ни слышать о другихъ, сколько-нибудь значительныхъ. Но уже ладожскіе артельщики не всегда самостоятельно распоряжаются своею добычей и заблаговременно забираютъ деньги подлѣ рыбы. Очевидно, что артельное начало уничтожено здѣсь усиленіемъ кулаковъ, прасоловъ и пр., интересы которыхъ прямо противоположны и враждебны ему. Всякія невзгоды въ жизни массы должны были вести къ усиленію отдѣльныхъ личностей и къ подчиненію имъ значительнаго большинства.

⁴⁾ Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, I, 110—111.

въ средѣ Олончанъ можно найти и каликъ перекожихъ, бродящихъ по селамъ и деревнямъ и распѣвающихъ стихи духовные. Пѣсенъ религіознаго содержанія весьма обыкновенны въ Каргополскомъ уѣздѣ; они заходятъ изрѣдка и на Водлозеро, гдѣ отчасти имѣются и свои, мѣстные. Есть, по видимому, и еще другія, но менѣе древнія черты въ народномъ сознаніи. Еще епископы древняго Новгорода преслѣдовали распространявшееся между Русскими на Сѣверѣ поклоненіе ельникамъ, что было въ обыкновеніи у Финновъ. Это чувство почитанія древесной растительности оставило свои слѣды и до сихъ поръ. Мой вожакъ, молодой крестьянинъ изъ деревни Кузнецовой на Тудозерѣ, указывалъ мнѣ на старую развѣсистую сосну не далеко отъ его дома; отъ старости многія вѣтви на ней отсыхали и падали; эта сосна, называемая здѣсь Божьей сосной, имѣетъ значеніе священнаго дерева. Считается величайшимъ грѣхомъ взять отъ сосны хотя одну щепку или старую отсохшую вѣтвь. Всѣ отгнившія вѣтки тщательно собираются подъ сосну, гдѣ стоитъ старый деревянный крестъ. Въ другихъ случаяхъ встрѣчаются рощи, преимущественно еловые, и подъ ними помѣщаются часовни. Часовни и роща почти повсемѣстно между собой связаны; эту связь я прослѣдилъ на старообрядческомъ кладбищѣ въ Ошѣ, на часовняхъ около Никулинскаго на Андомѣ, около Пудожа и внизъ по Водлѣ, къ ея устью, затѣмъ на Водлозерѣ, въ Чуялѣ, по Вамѣ, на Кенозерѣ, около Рышковой и т. д. Встрѣчаются часто отдѣльные кресты подъ деревьями; на кресты, по древнему обычаю, вѣшаются полотенца и прочія деревенскія издѣлія ¹⁾. Существуетъ, по видимому, и много другихъ обычаевъ весьма древняго корня; такъ, напримѣръ, покойникъ считается за нѣчто „нечистое и скверное, и всякій, прикасающійся къ нему, также сквернится, какъ равно и мѣсто, гдѣ онъ лежалъ въ домѣ, и самый домъ. Такое оскверненіе, по мнѣнію народа, продолжается до сороковаго дня и раньше быть очищено не можетъ“ ²⁾. На сороковой день дѣлають обѣдъ, на которомъ оставляется мѣсто съ прибо-

¹⁾ Ср. *Карамзина* Ист. Госуд. Росс. (изд. *Эйерлима*), I, ст. 56 и прим. 216.

²⁾ Ол. губ. вѣд. за 1867 г. № 31 и Записки Р. Г. Общ. по Отд. Этнографіи, II, 64 — 66.

ромъ и кушаньями для покойника; полагаютъ, что онъ сидитъ со всѣми за столомъ; потомъ ему стелютъ чистую постель, на которой въ это время никто не спитъ, кромѣ самаго невидимаго покойника. Не буду говорить о домовыхъ, водяникахъ, лѣспихъ и пр., объ этихъ ясныхъ остаткахъ язычества, въ которые однако Олончане твердо вѣрятъ.

Почти полное отсутствіе грамотности замѣчается во многихъ мѣстахъ: на Водлозерѣ нѣтъ ни одного грамотнаго, болѣе чѣмъ изъ 2000 мужчинъ и женщинъ, кромѣ одного или двухъ богачей, учившихся у дьячковъ; даже старшина избрается здѣсь неграмотный. Въ окрестностяхъ Вытегры только самое молодое поколѣніе нѣсколько по грамотнѣе; вся же взрослая масса—люди темные. Въ чемъ же послѣ этого искать проблесковъ образованности, гдѣ тотъ умственный и нравственный свѣтъ, который обезпечиваетъ человѣку безбѣдное существованіе и очищаетъ его отъ той первобытной умственной и матеріальной шкурки, которую въ послѣднее время такъ усердно теребять антропологи и этнологи?

Орудіе для истребленія предрассудковъ—наука не была до сихъ поръ доступна русскому обитателю Сѣвера; онъ чрезвычайно мало улучшалъ свой умственный кругозоръ; до нѣкоторой степени источая богатства одной мѣстности, онъ перебирался для той же цѣли въ другую, которая также могла быть оставлена въ виду новой; иначе ожидало человѣка бѣдствіе. Это такъ и случилось. Въ XVI столѣтіи, когда звѣрь на сѣверѣ Европейской Россіи былъ уже достаточно истребленъ, жители направилсь въ Сибирь ради того же звѣроловства; звѣрь уменьшился въ Сибири, и жителей постигло бѣдствіе. Такъ прозябаютъ теперь Русскіе въ Туруханскѣ, на Ленѣ и пр., низойдя до той степени культуры, которая свойственна мѣстнымъ инородцамъ. Указанное стремленіе къ переселеніямъ не покидаетъ однако Олончанъ и до сихъ поръ. Въ самое послѣднее время они выселялись изъ своей губерніи, при чемъ бывали, конечно, случаи, ведшіе къ еще большимъ бѣдствіямъ. Случалось такъ, что переселенцы, натерпѣвшись всевозможныхъ бѣдствій на пути и утвердившись на новомъ мѣстѣ, были съ него сгоняемы и возвращаемы на старое поприще. И я видѣлъ на Кенозерѣ, наприѣрѣ, въ деревнѣ Карповой, семейства, возвратившіяся обрат-

но: это были люди, повергнутые въ самую печальную нищету, они жили въ сараяхъ и баняхъ.

Водлозеро, этотъ не менѣе печальный пріютъ бѣдности, переходящей въ нищету (можетъ быть, четверть жителей уходитъ отсюда зимой на „проску“, то есть, на жизнь милостыней), вѣроятно уже въ довольно отдаленныя отъ насъ времена, было значительно населено и обладало церковью, сохранившею до сихъ поръ свои имѣнія. Уже по писцовымъ книгамъ XVI в. здѣсь значилось 37 деревень, но изъ нихъ было только 24 обитаемыхъ; остальные 13 были пусты¹⁾; съ ними произошло, вѣроятно, то же, что съ поселеніемъ на Вирозерѣ, гдѣ было первоначально до 6 или 7 дворовъ, а теперь, какъ уже говорено выше, только одинъ. Но если было некогда время, что всѣ 37 деревень были обитаемы, то стало быть Водлозеро было некогда болѣе заселено, чѣмъ теперь. Впрочемъ въ настоящее время трудно сказать это. Мѣстный священникъ передавалъ мнѣ, что по крайней мѣрѣ за послѣднее время населеніе должно было уменьшиться. И въ самомъ дѣлѣ, по послѣдней ревизіи податныхъ душъ было около 1,000; теперь же ихъ найдется едва ли до 700; такое положеніе дѣлъ еще болѣе усиливаетъ бѣдность крестьянъ, такъ какъ подати на 300 умершихъ душъ разлагаются на 700 оставшихся.

Имѣя въ виду подобныя частныя случаи, трудно ожидать благоприятныхъ результатовъ относительно роста населенія во всей губерніи. Помимо неблагоприятныхъ экономическихъ условій, плохо обеспечивающихъ жителей отъ болѣзней, отъ гибели на чужой сторонѣ, укажу прежде всего на самый источникъ, отъ котораго зависитъ сила, крѣпость и долговѣчность вновь появляющагося поколѣнія. Это несомнѣнно—женщина. На ея долю падаютъ здѣсь двѣ тяжелыя обязанности—тяжесть физическихъ работъ и труда около дома и мукъ родовъ. Нужно думать, что результаты послѣдняго акта тѣсно связаны съ первыми. Существо, не знающее ни днемъ, ни ночью покоя—даже еслибъ оно находилось и въ крѣпкомъ положеніи, не можетъ дать вполне здороваго потомства.

¹⁾ Невольникъ, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, стр. 171.

Такова Олонецкая женщина. Ее можно видѣть глубоко вязнущею въ глинистой грязи за сохой и бороной; она на сѣнокосѣ въ болотѣ, въ лѣсу на оводѣ и комарахъ; она и на рыбной ловлѣ кидаетъ и тянетъ тоню невода, при чемъ босая бродитъ въ холодной водѣ по колѣно. Во всѣхъ этихъ работахъ я видѣлъ женщинъ беременныхъ. Послѣ этихъ работъ женщина возвращается домой и готовитъ семьѣ обѣдъ или ужинъ, жаритъ у печки; она шьетъ, придесть, ткеть; она молотитъ хлѣбъ, часто мелетъ его и печетъ. Въ случаѣ недостатка пищи, она первая подвергается ограниченіямъ. При всемъ этомъ она несетъ на себѣ еще всю тяжесть побоевъ: она лишена возможности „быть плеточкой легонечко постеганной“, но за то подвергается ударамъ крѣпкихъ кулаковъ и дубинъ. На моихъ глазахъ одинъ мужъ билъ свою жену такъ, что крикъ ея привлечь меня на мѣсто неравнаго поединка съ другого конца деревни, и билъ за то лишь, что женщина, заваленная массой домашнихъ хлопотъ, не приготовила чистой рубашки при отходѣ мужа въ баню, а принесла ее тогда, когда онъ уже кончилъ свое омовеніе (омовеніе почитается здѣсь необходимымъ послѣ каждого ночнаго соитія съ женщиной; по этому мужнины чуть не каждый день бываютъ въ банѣ). Возвратившись потомъ къ хозяину моей квартиры, уже старому человеку, я сообщилъ ему о печальномъ столкновеніи между двумя супругами и получилъ слѣдующій неожиданный для меня отвѣтъ: „О, да я, бывало, еще не такъ!... Что жалѣть *это попанос* мясо?“ Тутъ же лежавшая, едва живая старуха объяснила мнѣ, съ упреками къ мужу, что онъ билъ ее по обыкновенію до тѣхъ поръ, пока не наступало у нея произвольное выдѣленіе мочи и пр. Знакомые съ антропологіей найдутъ въ сказанномъ не мало общаго и многимъ первобытнымъ племенамъ.

Едва ли такія условія въ жизни матерей остаются безъ вліянія на развитіе новаго существа, начиная съ его зародышнаго состоянія до познаго младенческаго возраста; вѣроятно, дѣти и рождаются то же мало способными къ выживанію. Мать только при самомъ наступленіи родовъ ложится въ постель, оставляя работы, а послѣ родовъ на другой же день встаетъ и принимается за домашнія дѣла; при такихъ условіяхъ новорожденный рѣдко пользуется хорошимъ уходомъ въ новомъ для него мірѣ. Здѣсь ему приходится

*

развиваться въ грязи и нечистотѣ, въ спертomъ воздухѣ комнатъ, который особенно по утрамъ бываетъ невыносимо тяжелъ. Затѣмъ на немъ не менѣе вредно отражается ходъ домашняго хозяйства, скотскіе падежи, неурожай, вмѣстѣ съ атмосферическими явленіями ¹⁾. На ряду съ холодомъ, которому дитя подвергается въ избахъ, его моютъ въ жаркихъ печахъ, изъ которыхъ до этого только что вынимаютъ сухую корюшку, оставляющую весьма неприятный запахъ. Понятно, что всѣ эти условія, вмѣстѣ взятые, порождаютъ въ дѣтяхъ сильную смертность. На смертность вліяетъ еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ изнѣженіе половой дѣятельности родителей; чѣмъ больше у женщины дѣтей, тѣмъ меньше она питаетъ ихъ физиологически и физически. Я зналъ крестьянина въ д. Куго-Наволоки, который произвелъ на свѣтъ 34 человѣка дѣтей отъ двухъ женъ; человѣкъ 25 было у него отъ первой жены, а остальные отъ второй; изъ всѣхъ осталось въ живыхъ 7 человѣкъ. Довольно часто случается встрѣчаться съ женщинами, у которыхъ было 11 или 12 дѣтей; изъ нихъ остается въ живыхъ обыкновенно двое или трое. Въ деревнѣ Рагуновѣ, на одномъ изъ острововъ Водлозера, изъ 12 семействъ только въ двухъ по 5 несовершеннолѣтнихъ дѣтей, въ одномъ 7, и еще въ одномъ 4; въ каждомъ семействѣ померло по одному или по три человѣка. Изъ остальныхъ у пяти нѣтъ дѣтей, хотя въ одномъ изъ нихъ было 10 человѣкъ дѣтей, въ другомъ три, а въ двухъ семействахъ ожидаются; въ трехъ остальныхъ всего 2 мальчика и 2 дѣвочки. Слѣдовательно, на всю деревню приходится до 26 несовершеннолѣтнихъ дѣтей, а на каждое семейство почти только по 2 несовершеннолѣтнихъ. Имѣя въ виду еще то, что далеко не всѣ дѣти выживаютъ до совершеннолѣтія, трудно не допустить мысли объ уменьшеніи народонаселенія на Водлозерѣ ²⁾. Скажу здѣсь между

¹⁾ О роковой зависимости жизни дѣтей отъ этого рода дѣятелей см. Исслѣд. о рожд. и смерти дѣтей въ Новгор. губ. *Гиляровскаго*, въ Зап. Р. Г. Общ. по Отд. стат. т. I, стр. 241—257.

²⁾ Изъ словъ Гиляровскаго, слѣдуетъ, что, «во всѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ изъ всѣхъ родившихся выживаетъ менѣе двухъ на среднее супружество, — народонаселеніе, съ одной ревизіи до другой, упадаетъ, и что во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ выживаетъ менѣе трехъ, оно въ тѣхъ же количествахъ переходитъ изъ одной

рочить, что частая бездѣтность порождаетъ случаи пріемышества; особенно это бросалось мнѣ въ глаза въ окрестностяхъ Вытегры; ездѣтныя старики и старухи берутъ пріемышей изъ кантонистовъ или солдатскихъ дѣтей, изъ бродячихъ Водлозеровъ и пр. Но рѣдко какія мѣры къ утѣшенію удаются. Большею частью пріемыши, вступая въ права хозяина, проматываютъ у стариковъ последнее имущество: забрасываютъ пашню, продаетъ коня и корову, и предаваясь разгулу, пускаетъ стариковъ по міру.

Силу вліянія экономическаго уровня на количество живыхъ дѣтей яснѣе всего можно усмотрѣть въ Вытегорскомъ уѣздѣ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ изъ Вытегорскаго земства. Временно-обязанныхъ крестьянъ въ уѣздѣ, взрослыхъ мужчинъ 3022 д. и женщинъ 3420 д., всего 6442 души. На нихъ приходится дѣтей 2941 д. или на 100 взрослыхъ 45,6 челов. дѣтей. Государственныхъ крестьянъ считается 7,981 мужч. и 8,981 женщ., всего 16,964 души; на нихъ приходится дѣтей 9,244 души, слѣдовательно, на 100 полныхъ 54,49 человѣкъ. Отсюда видно, что число дѣтей у государственныхъ крестьянъ больше, чѣмъ у временно-обязанныхъ, на 90% или на каждые 100 чел. взрослыхъ приходится по 9 человѣкъ дѣтей больше. Положеніе дѣлъ будетъ яснѣе, если обратимъ вниманіе на то, что какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ крестьянъ количество женщинъ значительно больше количества мужчинъ. Количество дѣтей у временно-обязанныхъ крестьянъ не достигаетъ до числа взрослыхъ мужчинъ: дѣтей,—меньше тогда какъ у государственныхъ крестьянъ, число дѣтей не только превосходитъ число мужчинъ, но даже больше и общаго количества женщинъ. Обращаясь къ частностямъ, найдемъ, что изъ четырехъ волостей временно-обязанныхъ крестьянъ только въ одной количество дѣтей больше числа женщинъ, въ одной изъ много больше числа мужчинъ и меньше, чѣмъ женщинъ. Въ двухъ остальныхъ случаяхъ—дѣтей меньше, чѣмъ мужчинъ. Изъ шести волостей государственныхъ крестьянъ только въ двухъ дѣтей меньше, чѣмъ

реализи въ другую. Дѣйствительное увеличеніе его начинается съ того, когда возникаетъ по три и болѣе на среднее супружество. См. Исслѣд. о рожд. и смерти дѣтей въ Новгор. губ., стр. XXVII.

женщинъ, но больше, чѣмъ мужчинъ. Въ остальныхъ четырехъ вездѣ дѣтей больше, чѣмъ женщинъ. Разница выразится еще, если мы возьмемъ одно изъ худшихъ отношеній дѣтей къ взрослымъ у временно-обязанныхъ и одно изъ лучшихъ у государственныхъ. Какъ представителя первой, возьмемъ Шильдскую волость; въ ней 1,241 д. м. и 1,312 ж.; на нихъ приходится дѣтей 947; на 100 ч. взрослыхъ 33,1 ч. дѣтей. Для второй категоріи примемъ волость Макачевскую; въ ней 1,556 м. и 1,688 ж.; на нихъ приходится дѣтей 1,877; слѣдовательно, на 100 взрослыхъ 57,8 дѣтей. Здѣсь разница въ количествѣ дѣтей между двумя волостями превыситъ 14,7%. Причины здѣсь нужно искать въ различной степени благосостоянія тѣхъ и другихъ крестьянъ. Отношенія налоговъ къ заработкамъ у тѣхъ и у другихъ одинаково. Временно-обязанные зарабатываютъ дома и на чужбинѣ 8,828 руб. платятъ налоговъ подушныхъ и оброковъ, мирскихъ, земельных и натуральной повинности 9,033 руб. Государственные крестьяне зарабатываютъ 13,317 руб., платятъ налоговъ 14,816 р.; слѣдовательно, какъ тѣ, такъ и другіе, одинаково платятъ больше, чѣмъ зарабатываютъ (отсюда очевидно, что трата спѣе больше, чѣмъ возстановленіе; притомъ въ сущности крестьяне не всегда платятъ, а копятъ недоимки). Не знаю только, всѣ ли налоги приняты въ этомъ расчетѣ во вниманіе у временно-обязанныхъ, такъ какъ если раздѣлить налоги на число мужскихъ душъ, то получимъ только по 7 руб. съ копѣйками, а у государственныхъ будетъ до 9 руб. на душу. На мѣстѣ мнѣ пришлось слышать, что у временно-обязанныхъ налоги вмѣстѣ съ выкупомъ за землю больше: приходится до 15 р. на душу. Но помимо этого, а также и хлѣбопашества, есть одна причина, не менѣе существенная, — различіе въ количествѣ домашняго скота. У временно-обязанныхъ приходится на волость 1,248 головъ рогатаго скота; слѣдовательно, изъ 2,553 д. взрослыхъ мужч. и женщ. по 48,6 головъ на 100 человѣкъ. У государственныхъ крестьянъ на 3,241 д. взрослыхъ мужч. и женщ. — 3,195; на 100 человѣкъ 95,4 головы, почти по одной на душу; лошадей у временно-обязанныхъ крестьянъ меньше почти на 100 сравнительно съ числомъ дворовъ, у государственныхъ только на 19 штукъ. Это различіе связано съ количествомъ сѣна; въ первой категоріи его

аготовляется только около 34,000 пудовъ; во второй до 257,000 пудовъ, больше чѣмъ въ 7 разъ.

Отсюда будетъ, кажется, ясно, что сравнительно большее изобиліе скота больше обезпечиваетъ и долговѣчность дѣтей. А если это такъ, то жизнь или смерть безпомощнаго существа роковымъ, неизбѣжнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ количества свободной земли, гдѣ онъ родился, отъ изобилія луговъ, отъ каменистой, глинистой или песчаной почвы, отъ дождя или засухи; зависить это и отъ того, на какой землѣ появляется на свѣтъ человѣкъ, на бывшей ли помѣщичьей, или на государственной. Примѣръ, только что нами представленный, доказываетъ, что различіе въ количествѣ дѣтей, остающихся въ живыхъ, прямо связано съ послѣднимъ условіемъ, съ характеромъ общественнаго строя, такъ какъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ собственно природа одинакова, и взятая сама по себѣ, она и вліяетъ одинаково какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ.

Переходя отъ частнаго случая къ общему, найдемъ, что неблагоприятныя условія давно тяготѣютъ на временно-обязанныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Вотъ для этого свѣдѣнія изъ пяти ревизій, съ обозначеніемъ за каждую числа душъ обоего пола:

По 6-й ревизіи 1821 г.	12,162
„ 7-й „ 1831 „	12,395
„ 8-й „ 1841 „	12,568
„ 9-й „ 1851 „	11,816
„ 10-й „	11,250 ¹⁾ .

Отсюда видно, что число помѣщичьихъ крестьянъ съ двадцати́хъ годовъ росло чрезвычайно медленно до сороковыхъ годовъ; затѣмъ оно быстро, сравнительно съ предшествовавшимъ ростомъ, начало уменьшаться; въ первые двадцать лѣтъ прибыло 406 душъ, при чемъ женское населеніе убыло на 12 ²⁾; во вторые—уменьшилось на 1,318 душъ, сдѣлавшись меньше, чѣмъ въ двадцатыхъ годахъ. По даннымъ Озерецковскаго, относящимся къ 1788 г.,

¹⁾ Памятн. кн. Олон. губ. за 1860 годъ, стр. 241—244; Олон. губ. вѣдом. за 1859 г. № 11.

²⁾ Памятн. кн. Олон. губ. за 1860 г., стр. 241.

помѣщичьихъ крестьянъ числилось 6,093 мужскаго пола и 6,115 женскаго ¹⁾, всего 12,208; отсюда видно, что количество помѣщичьихъ крестьянъ по послѣдней ревизіи было меньше, чѣмъ лѣтъ 70 назадъ.

На ряду съ этимъ количество государственныхъ крестьянъ увеличивалось; въ 1821 году ихъ было 144,934 души обоюго пола; къ 1841 число ихъ увеличилось до 165,588, на 20,654 д., или паросло въ 20 лѣтъ на 14,3%. Къ десятой ревизіи ихъ было 181,634 д. обоюго пола ²⁾, слѣдовательно, съ 1821 г. произошло приращеніе въ 33%. Такъ какъ государственные крестьяне составляютъ главную массу жителей, то и вообще въ народонаселеніи замѣтно нѣкоторое увеличеніе. Такъ, въ 1851 году населеніе Олонецкой губерніи доходило до 269,897 д. ³⁾; въ 1862 году оно простиралось до 297,627 д., ⁴⁾ въ 11 лѣтъ оно увеличилось на 27,730 или на 0,95% въ одинъ годъ; среднимъ числомъ меньше, чѣмъ въ сосѣдней Финляндіи, гдѣ среднее годовичное приращеніе, выведенное за нѣсколько пятилѣтій, простирается до 1,12 или до 1,32% ⁵⁾, а среднимъ числомъ не меньше 1% въ годъ. При томъ, въ общемъ ходѣ не рѣдко случаются весьма не благопріятныя колебанія. Такъ, въ 1863 году въ общемъ населеніи губерніи произошло уменьшеніе, такъ что въ этомъ году считалось 296,593 д. ⁶⁾. Къ сожалѣнію, я не имѣю ни времени, ни данныхъ для выясненія этого вопроса за значительный періодъ времени; укажу только еще на нѣкоторые частные случаи; одинъ изъ нихъ — *statu quo* или даже уменьшеніе народонаселенія въ городахъ. Въ Пудожѣ въ 1836 году считалось 1,072 д. об. пола ⁷⁾; въ 1863 г. 1,099 чел. ⁸⁾, а это число почти то же, что было и въ 1788 г., то есть, 1,094 жит. обоюго пола ⁹⁾. Въ Вытегрѣ, по Бергштрессеру, для тридцатыхъ го-

¹⁾ *Озерецковскій*, стр. 193.

²⁾ *Пам. кн. Олон. губ.* 1860 г., стр. 241 и 245.

³⁾ *Пам. кн. Олон. губ.* за 1860 г., стр. 245.

⁴⁾ *Пам. кн. Олон. губ.* за 1864 г., стр. 2.

⁵⁾ *Альфтанъ*, Матеріалы для статистики Финляндіи, стр. 212.

⁶⁾ *Пам. кн. Олон. губ.* за 1865 г., стр. 2.

⁷⁾ *Бергштрессеръ*, стр. 40.

⁸⁾ *Пам. кн. Олон. губ.* за 1866 г., стр. 9.

⁹⁾ *Озерецковскій*, 192

въ считалось 2,500 ж.; въ 1863 году число ихъ понизилось до 79. Затѣмъ officialныя же данныя указываютъ, напримѣръ, на уменьшеніе народонаселенія въ Лодейномъ-полѣ, Каргополѣ, Пускѣ и Повѣнци, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ народонаселенія и въ жъ послѣднихъ уѣздахъ¹⁾. Въ заключеніе приведу еще выписку изъ статьи гг. Калугина и Жданова о Повѣнецкомъ уѣздѣ; статья составлена, по видимому, довольно добросовѣстно, и на данную я уже не разъ ссылаясь: „У чиновниковъ, собиравшихъ дань, плательщики податей просили въ милостыню копѣйку или ба „ради Христа“. По самымъ точнымъ исчисленіямъ, трудъ большинства крестьянскихъ семействъ въ уѣздѣ не доставляетъ средствъ удовлетворить свои потребности въ пищѣ и одеждѣ; бюджетъ семействъ постоянный дефицитъ, который можетъ быть покрытъ однимъ средствомъ—смертью одного изъ членовъ семейства. Въ Повѣнци, какъ выше сказано, было въ 1868 году умершихъ втрое болѣе, чѣмъ родившихся, а въ прошлые годы, съ 32 по 1865 число умершихъ также болѣе, хотя и не въ такой степени, числа родившихся. Въ уѣздѣ въ 1867 году умершихъ болѣе, чѣмъ родившихся, на 101 человека, а въ 1868 году смертность хотя была и не сильнѣе средней смертности Россіи, но рождаемость за то меньше средней рождаемости остальныхъ мѣстностей государства, гдѣ на 23 человека населенія считается одинъ ожидающійся, тогда какъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ 1 родившійся приходится на 32 жителя“²⁾.

Изъ всего сказаннаго мною какъ въ первыхъ главахъ моего труда, такъ и въ послѣдней, будетъ ясна въ общихъ чертахъ та роль, которую играетъ природа въ судьбѣ человека—какъ вообще, такъ въ частности—въ описанномъ мною краѣ. Во всѣ времена природа представляетъ намъ одинъ и тѣ же законы, пренебреженіе которыми выражается всегда на человека въ одномъ и томъ же видѣ: беднѣе не одинаково умираетъ какъ дикарь, такъ и представитель болѣе высокой, и по видимому, сильной расы. Съ другой сто-

¹⁾ Пам. кн. Олон. губ. за 1860 г., стр. 207.

²⁾ Пам. кн. Олон. губ. за 1868—1869 гг., 23.

роны, та же природа, какъ бы ни была она сурова по виду и характеру, поддается усиленнымъ и физическому труду человека, еслибъ онъ выработался изъ того же дикаря, который еще очень давно стоялъ низко въ своемъ культурномъ развитіи; нѣтъ подобное представлять, можетъ быть, Финляндія. Думаю такъ, что изъ сказаннаго въ общихъ чертахъ ясно и то, что необходимо жителю Олонецкой губерніи, чтобы достигнуть болѣе высокой участи, и стать на болѣе высокую степень благосостоянія. Рѣшеніе же частныхъ сторонъ этой задачи представляю другимъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объясненіе таблицъ, изображающихъ каменные оружія.

Таблица I-я.

Въ большей части рисунковъ съ боку показано уменьшеніе ихъ¹ противъ оригиналовъ; рисунки въ настоящую величину или обозначены $\frac{1}{4}$, или при нихъ вовсе нѣтъ цифръ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда цифры не поставлены по недосмотру, на что и будетъ указано въ нижеслѣдующихъ объясненіяхъ.

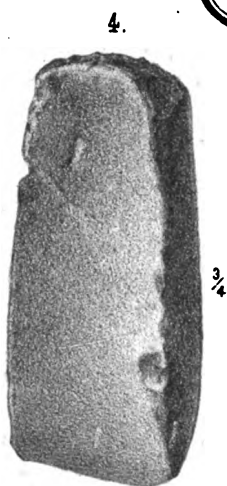
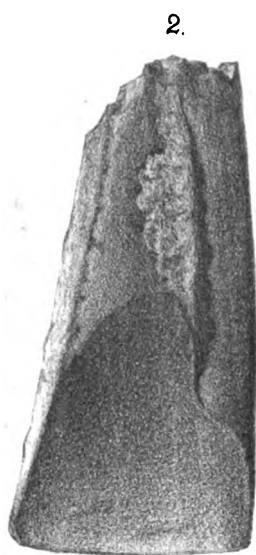
- Фиг. 1. Схематическій планъ мѣстонахожденія каменныхъ орудій около Тудозерскаго устья: пунктирными линіями обозначенъ старинный проливъ, затопившійся теперь мхами; на юго-западномъ его концѣ изображены зубчиками современные торфяные вали на берегу озера.
2. Идеальный разрѣзъ мѣстности между точками А и В, представленными на фиг. 1-й: d—Онежскіе береговые пески (Кенда); b—пески, лежащіе на холмахъ около точки В; а, а—болото; в—песчаный островъ среди болота; с—береговой валъ; нижній темный слой торфа; средній—илватый, съ орудіями и горшками; верхній—состоящій изъ новѣйшаго торфа.
3. Цѣпъ или точило изъ тальковаго кварцита; въ $\frac{1}{2}$ д. настоящей величины.
4. Ножъ кремневый, съ Кумбась-озера.

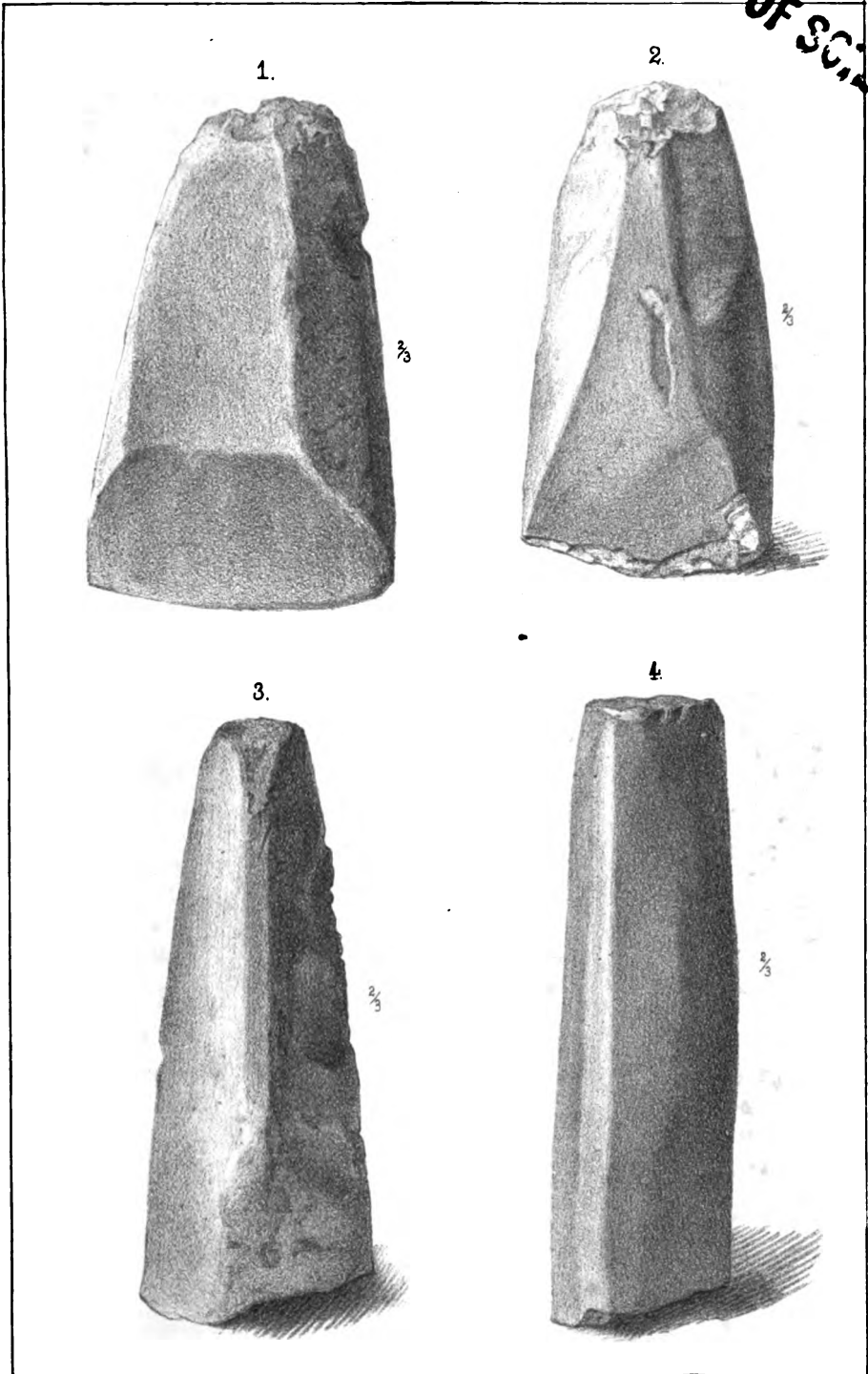
Таблица II-я.

- Фиг. 1. Афапитовый обломокъ копья (?), съ Кумбась-озера.
2. } Сланцевые топоры, оттуда же.
3. }
4. }

Ив. Поляковъ. Кам оруд. Олон губ.

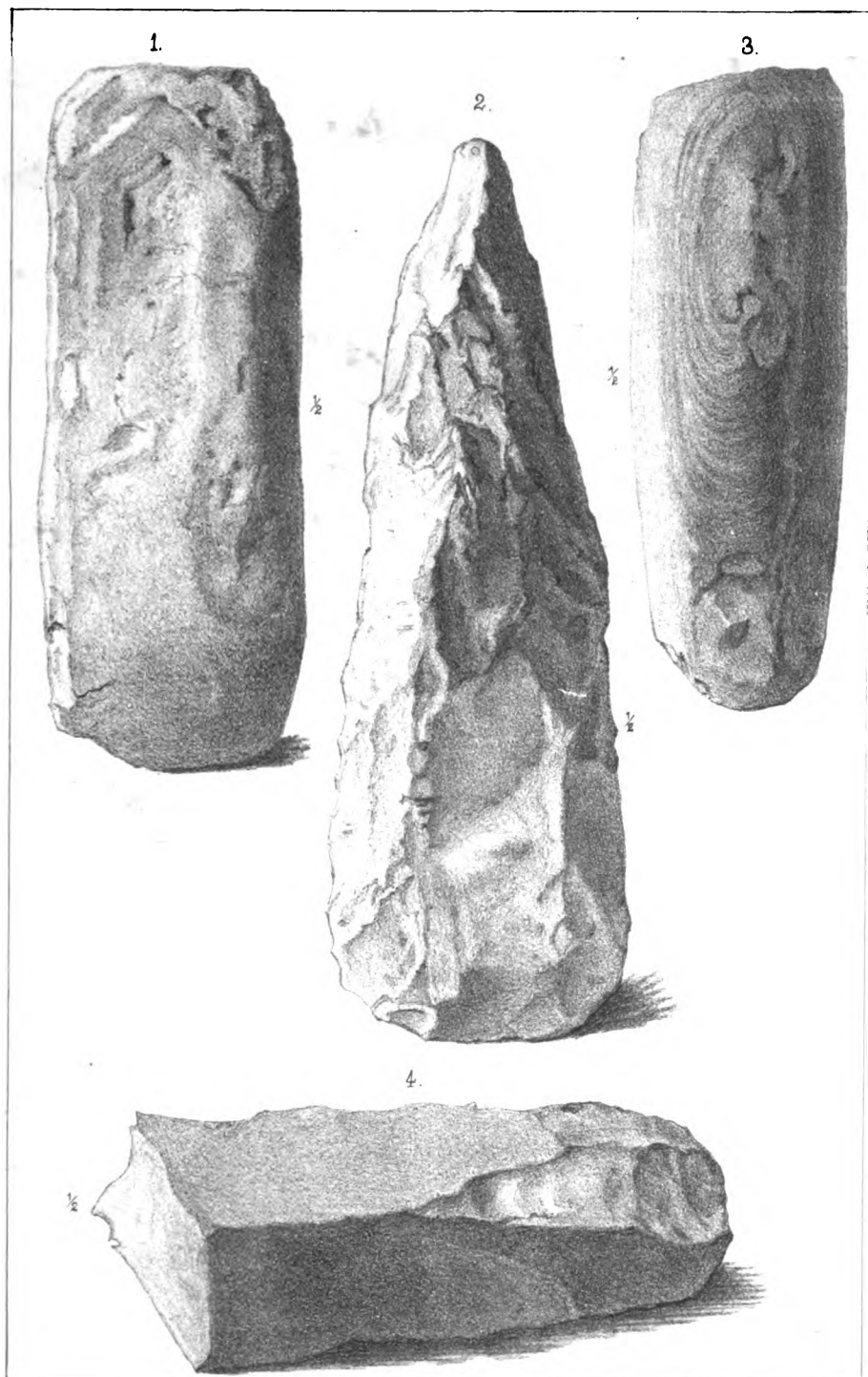

Рисъ на 1. Ошима

Литография Иванова И. И.

Рисънатъ В' Эшлиманъ

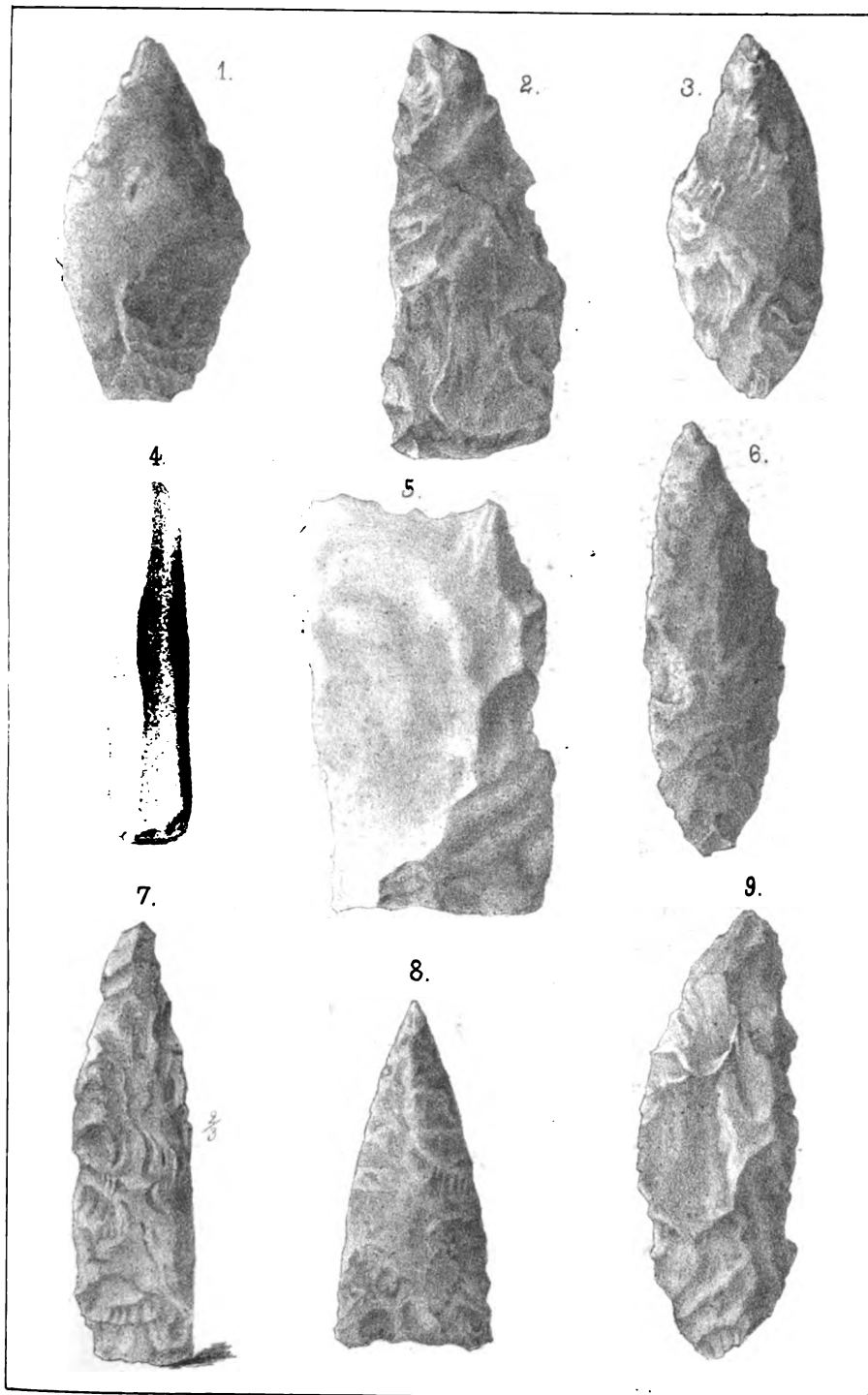
Лито-графъ Я. Ивансона С. П. Б.

Ив. Поляковъ. Кам. сруд. Олони губ.

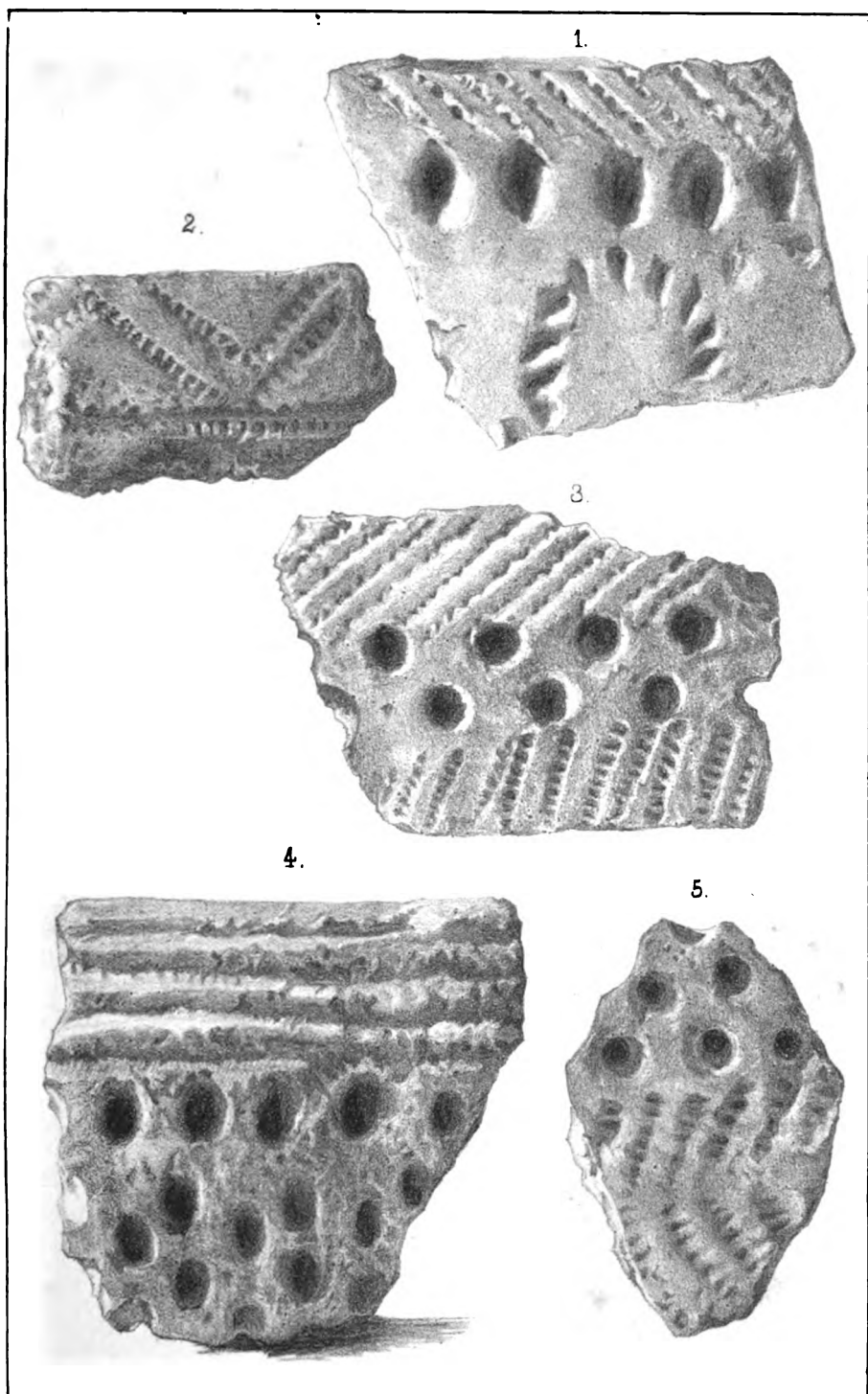
Рис. сънат В. Зилиманъ.

Изображенъ въ "Сборникъ Олони губ."

Рисъ снят В Эшлиманъ

Литография Ивансона СЛБ.

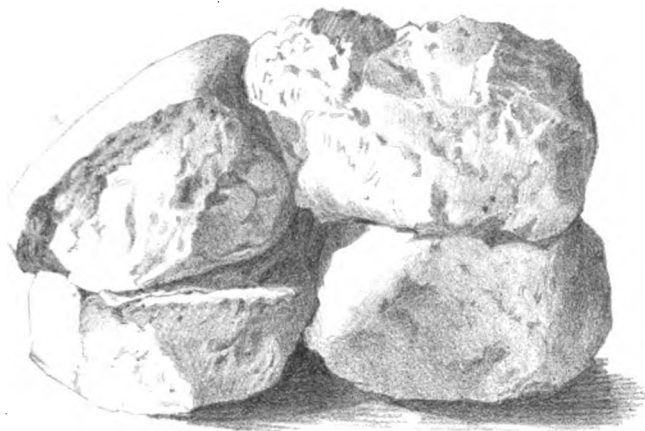

Рисъ-нат В. Эшлиманъ

Литография Ивансона С.П.Б.

1

2.

3.

4.

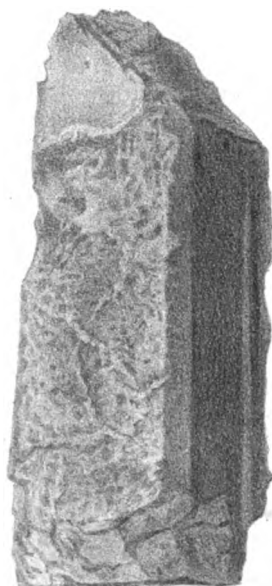

Таблица III-я.

- Фиг. 1. } Сланцевые топоры, съ Кумбась-озера.
2. }
3. Сланцевый конусъ, оттуда же.
4. " цилиндръ, оттуда же.

Таблица IV-я.

- Фиг. 1. Топоръ изъ нѣскольکو слюдистаго кварцита, съ Кумбась-озера.
2. Кварцитовый топоръ, оттуда же.
3. Долбля (сверху) изъ глинистаго сланца, оттуда же.
4. Рубанокъ изъ сланца, оттуда же.

Таблица V-я.

- Фигг. 1—6. Кремневые наконечники стрѣлъ, съ Тудозера.
7 и 8. Грузила изъ глинистаго сланца, оттуда же.
9. Кругекъ, служившій украшеніемъ, съ Кумбась-озера.

Таблица VI-я.

- Фигг. 1, 2, 6, 9. Кремневые наконечники стрѣлъ, съ Кумбась-озера.
4 и 5. Кремневые ножи, оттуда же.
7 и 8. Наконечники стрѣлъ, съ Кенозера.
3. Наконечникъ стрѣлы, уже представленный при нѣсколь-
ко иномъ положеніи къ освѣщенію на табл. V-й, ф. 5.

Таблица VII-я.

- Фигг. 1—5. Обломки глиняныхъ горшковъ, съ Кумбась-озера и Тудозера.

Таблица VIII-я.

- Фиг. 1. Часть каменнаго вала, въ $\frac{1}{2}$ д. настоящей величины съ Лужан-
дозера.
2. Обломокъ точила съ Кумбась-озера; въ $\frac{1}{2}$ д. настоящей величины.
3. Параллелепипедъ для топора изъ хлоритаго сланца.
4. " " " глинистаго сланца, въ $\frac{2}{3}$ д.
настоящей величины.

II.

**Списокъ названій травъ и животныхъ, а также нѣ-
которыхъ другихъ особенныхъ словъ, употребляе-
мыхъ въ Вытегорскомъ и Пудожскомъ уѣздахъ ¹⁾.**

А.

Арандаты—повторять звукъ арр.. арр.
Ашкуты—летучія мыши.

Б.

Бабочки (ребячьи потѣхи)—василекъ
(Centauraea), растущій въ большомъ
количествѣ въ хлѣбахъ.
Байна—баня.
Бачага—лука.
Боровинка—борикъ
Боязко—боязно, страшно.
Бузунокъ—однолѣтній окунь.
Бугаго—сильно.

В.

Вана—попынька.
Ваха — трилистка, трезоль (Menyan-
thes); служить между прочимъ пи-
щю сѣверному оленю.
Верховище—макушка, темя.
Вехоръ—вихоръ.
Волокъ—водораздѣль, часто въ смы-
слѣ перехода.
Волосянка—драка за волосы.
Водохожь — проливъ между двумя
островами; водохожи часто бываютъ
полы зимою отъ теченія воды въ
озерѣ (Водлозеро).
Волтожиться — тревожиться, хлопо-
таться.
Выстать—взойдти, подняться: „выс-
танъ на гору, вправо будетъ дорога;
— туда не выстать тебѣ, поги не
поднимутъ“.

Г.

Гадъ—змѣя, гадюка.

Гажья трава — бугушкины слезки
(Orchis); настоємъ моется рана отъ
укушенія змѣи.
Глазная трава—колокольчики (Campanu-
la); прикладываютъ размоченную
траву къ больному глазу, привязы-
вая ее платкомъ.
Глуныши—пшеничные блины.
Гнида—глина.
Гниловатый—глинистый.
Горцюха—горчица.
Гостья—оспа; „гостья идетъ, госты-
ца Ивановна“—значить ходитъ оспа.
Голымень—мѣсто въ озерѣ, открытое
для тѣхъ или другихъ вѣтровъ.
Грабастаться—хвататься за что-либо.
Гравить—собирать, сгребать сѣно.

Д.

Долонь—ладонь.
Досельный—давнишний, старый.
Дрочить—холить; „дрочить ружье“.
Думно—желательно; „кому выпить
думно, тотъ и купитъ“.
Дяльницы—шерстяныя рукавицы, ва-
реги.

Е.

Евдущка—молодой ситъ.

Ж.

Желтоголовка—поповникъ (Chrysanthemum); отваръ изъ нея употребляется
отъ боли въ животѣ.
Жижликъ, жижеликъ или шижеликъ—
ящерица.
Жигровье—хорошее житье, на хоро-
шей пищѣ.
Жигровый — бодрствующій; „прѣхать

¹⁾ Большая часть словъ общи двумъ уѣздамъ; названія травъ всѣ относятся въ Водлозеру. При характерныхъ для отдѣльныхъ только мѣстностей словахъ я дѣлаю указаніе въ скобкахъ на самую мѣстность, гдѣ слово употребляется. Я сообщаю здѣсь даже и такія слова, которыя извѣстны и по другимъ источникамъ. Этотъ перечень является только какъ матеріалъ.

бы намъ на жировыхъ“, то есть, прѣхатъ бы памъ не на спящихъ людей.

З.

Забачить—изловить.

Заворъ—жердь въ воротахъ.

Задёвы—мѣста, задѣвающие за неводъ. Запятникъ—стоящій позади барской кареты въ ѣздѣ.

Загоска—кукушка.

Заспица—таволга (*Spigaea*).

Засмородѣть—протухнуть, загнить.

Зеленица—плауны. (*Lycopodium*).

Зивъ—полъ. „Зивъ-то выметитъ“.

Золотничная трава—липнея (*Linnea borealis*); употребляется въ болѣзни „золотники ронить“, то есть, имѣть поносы; въ другихъ случаяхъ она известна подъ именемъ *призорной* травы и имѣть значеніе въ дѣтскихъ болѣзняхъ.

Золотничная трава—клеверъ (*Trifolium*); при золотухѣ отваромъ моютъ уши и выпускаютъ его въ нихъ.

Зрѣть—строить глазки, смотрѣть ласково.

Зубная трава—въ разныхъ мѣстахъ подъ этимъ названіемъ разумѣютъ Тимофееву траву и поповникъ; отъ первой кладется на зубъ корень; вторая, кромѣ того, употребляется и отъ лихорадки.

И.

Извалъ—покатость.

К.

Калитки—ватрушки.

Кароваться—цѣловаться (окрестности Пудожя).

Карповна—страя ворона (проницески).

Кивнштаться—помереть (Водлозеро, пѣрѣдка); происходитъ вѣроятно отъ финскаго *киви*—камень.

Кислогрѣжи—азады изъ кислаго гѣста.

Кюксы—грузила въ неводѣ.

Кня — мелкоячейный мѣшокъ въ срединной части невода.

Колюха—серпуха, чертополохъ (*Carduus*).

Костить—ломить кости; „у меня костить въ ногѣ“, то есть, у меня ломить ногѣ.

Костипца—остъ въ отрепьяхъ льна.

Корба—впадина, ложбина, густо заросшая сѣнникомъ.

Красавитый—хорошій, красивый, пріятный; говорится больше о погодѣ: красавитая погода, красавитый день.

Крапина—употребляется въ болѣзняхъ скота; „когда сопретъ животъ у коровы, то отваромъ моютъ бока и спину“.

Крежъ—возвышенный берегъ, гористый.

Куваса—поплавецъ при продольникѣ или канатѣ съ крючками.

Куврина—яма въ лѣсу, подъ корнями свалившихся отъ вѣтра деревь; она служитъ часто берлогою медвѣдю.

Куропать—куропатка.

Курандаты—квакаты.

Л.

Лалаки—десна.

Лижмы—плавуны.

Литки—угощеніе, магарычъ.

Ледины—мѣста въ лѣсу, удобныя для хлѣбопашества.

Ловья—рыболовка.

Ловтусъ — цоплавокъ надъ кнеей въ неводѣ.

Ломовая трава—мята; обмываніе отваромъ изъ нея употребляется отъ головной боли.

Ляга—лужа.

М.

Малтать — понимать, разумѣть. „Онъ не малтать“. Слово, взятое съ финскаго; оно замѣняется здѣсь и другимъ: марковать.

Макса—печень, перенесено съ наляма.

Мандера, матерая—материкъ, континентъ (на Водлозерѣ). Ср. названіе одной деревни на берегу р. Ояти, гдѣ родился св. Александръ Свирскій. (Записки по Отд. Этнографіи, II, 62).

Мастеряга—мастерище.

Матегый—здоровый, крѣпкій, сильный

Матура—подмаренникъ (*Galium*); даетъ отваръ, идущій на окраску холста (Вирозеро).

Мняга—милый человѣкъ.

Молочница—лебедя.

Мошникъ—глухарь.

Мойна—всякая мелкая рыба, только что вышедшая изъ икры.

Мышій горохъ—чнна (Lathyrus).
Мякушка—коврига хлѣба.
Мянда—сосна (изрѣдка).
Мяпдакъ—сосновый боръ.
Мяпдовый (лѣсъ)—соснякъ, растущій на тощей почвѣ, карявый и толсто-слоистый.

Н.

Наволокъ—мышь.
Наживицъ или наживицъ—членъ семейства, живущій въ чужихъ людяхъ и наживающій деньги.
Накаръ палъ—говорится о лѣдѣ, когда онъ становится хрупкимъ и игольчатымъ; то же понятие выражаютъ словами: „лѣдъ скисъ“.
Наклевдаты—накормить лошадей.
Не пора-то—не очень, не совсѣмъ хорошо; „не пора пора-то выгодно“; „не-пора-то много рыбы“.
Нетелочка—молодая, не телившаяся корова.
Нечога—звѣздчатка (Stellaria); соби-рается съ разныхъ мѣстъ, съ пше-нъ и сушится для скота.

О.

Обночье—почевка; „ѣхать на обмо-чье“.
Овѣдье—послѣобѣденный отдыхъ.
Овсянники—овсянныя алады.
Охатка—одежда.
Оздоровѣть—выздоровѣть.
Ольшнякъ—ольховый лѣсъ.
Опарная трава—лѣкарственная трава: „когда опрѣютъ ноги между перста-ми, такъ парять, да моютъ“.
Опока—ровная подводная мель (Вод-озеро).
Остоломаться—испугаться.
Отвынуть—отойти, отхлынуть.
Оцинжать—заболѣть цингой.

П.

Пальцевицъ—двулѣтній окунь.
Пасижокъ—небольшой снѣгъ.
Пестунья—нянька.
Пеставать—нянчить.
Петарица—пѣвица.
Пинда и пиндовый—почти то же, что мянда и мяпдовый.
Пицальникъ—галеопсисъ (Galeopsis).
Пирожки—стручки у гороха.
Плутивья—поплавки у невода.

Подклять—подвалъ.
Подугодывать—подслуживать.
Покрута—одежда, нарядъ: „выкруче-на она хорошо, въ шелкъ, да въ гарустъ; покрута на ней красивая“.
Поповы кореня—могучникъ (Potentilla);
Попутный листъ—подорожникъ (Poli-tago); при порѣзахъ листъ кладется на раны.
Порный—здоровый, крѣпкій.
Пора-то—очень хорошо, не дурно.
Порѣга—попылья при устьяхъ рѣкъ весной.
По-сюдъ—не много въ эту сторону: „иди по-сюдъ и выйдешь“.
По-тудъ—не много въ ту сторону.
Похожать—осматривать ловушки; „я мережки похожать“.
Присущная трава—употребляется въ чаѣ, съ дѣлью заставить воспы-лать кого-либо страстью до сокру-шенія и псыханія.
Проска—милостыня.
Посѣртать—подождать.

Р.

Ратой—валдшнепъ.
Распалиться—очиститься ото льда.
Репакъ, насобникъ—мѣсячное, ре-гулы.
Роднякъ—болотце, съ мелкимъ ель-никомъ и соснякомъ.
Росяница—роснянка.
Руда—кровь.
Рундукъ—ящикъ для посуды.
Рѣка—проливъ (у Водлозровъ, живу-щихъ на островахъ).

С.

Салма—проливъ.
Салага—молодая плотва.
Свогопъ—золотуха; известно и самое слово золотуха.
Своронная трава—(?) „когда чешется тѣло,—своронъ бываетъ, то парять траву и моютъ ребятишекъ“.
Сележныя мѣста—мѣста, поросшія мелкимъ березнякомъ.
Сѣртать—ждать.
Сказитель—былишникъ, сказочникъ.
Скало и спуйки—приборы для нама-тыванія пряжи.
Слудья—стекло, вѣроятно — такъ отъ древняго обычая вставлять въ окна слуду, за неимѣніемъ стекла.

Слѣдовая трава—папоротникъ; „когда Богъ не помилуетъ, ступишь чорту на слѣдъ и заболитъ нога,—парять, да мочить“.

Спица (спица)—вязальная иглка.

Сорожи—палки при неводѣ.

Сорокопряточная трава—таволга (*Spiraea Ulmaria*); употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ зубной боли; въ другихъ не имѣетъ употребленія и имѣетъ другое названіе, см. За-спица.

Солодая — пустомеля, пустобай, вѣтреникъ.

Стерать — стирать, мыть; „стерана ли рубаха?“.

Стуга—провода.

Стычикъ—сушеная корюшка или вообще мелкая рыба.

Т.

Торвать—колотить палкой объ воду; это дѣлается при ловлѣ плотвы.

Торокъ—шкваль, порывистый вѣтеръ.

Тоснуть—тосковать.

Точиться — токовать (о птицахъ и звѣряхъ).

Тырандаты—трещать, повторять трр.. трр..

Тячева—веревки въ неводѣ.

У.

Уваль—пададь.

Угоръ—бугоръ.

Урба—почки березы, служащія пищей рябчику.

Уразная трава—топчунъ (*Polygonum aviculare*); „когда упадешь, да досадишь какое-нибудь мѣсто,—парять траву да мочить больное мѣсто“.

Усовая трава—герань (*Geranium*); отваръ употребляется на обмываніе и обтираніе боковъ, если въ нихъ ощущается колюще.

Ф.

Фрянки (отъ слова Французъ)—сифилисъ.

Х.

Хиниться—смѣяться.

Хоромъ — крыша, также помѣщеніе, домъ.

Худуша, знобуха, трясуха—лихорадка; „происходитъ отъ двѣнадцати се-стеръ Иродовыхъ“.

Хухоръ—мельникъ.

Ч.

Часить—ждать.

Черемица, черемица Степановна — корь; „баженная гостыня, не обидь-ко у меня Ванюшку!“

Чертополохъ—кладется подъ постель отъ лихой болѣзни.

Чивардаты—щебетать; „и вишь ластушка-то чивардаты!“

Чура—песокъ съ мелкимъ щебнемъ.

Ш.

Шаста—олений ягель.

Шиванки—крылья.

Я.

Яръ-ерническая волъзнь — венерическая болѣзнь.

ПАМЯТНИКИ
НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА
ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

ПАМЯТНИКИ НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

ОБЪ ОЛОНЕЦКОМЪ ПѢСНОТВОРЧЕСТВѢ ¹⁾.

Олонецкая губернія справедливо въ послѣднее время стала обращать на себя вниманіе людей науки. Начиная отъ пѣдръ земныхъ до верха человѣческаго сознанія и отъ граней холмовъ вѣковыхъ до безчисленнаго разнообразія животной жизни, здѣсь все представляетъ глубокой интересъ для изученія. Но если чѣмъ особенно богатъ этотъ край, то именно разнообразными созданіями народнаго творчества: здѣсь бьетъ оно кипучимъ ключемъ и разливается въ необозримый океанъ народной поэзіи, предъ которымъ невольно чувствуетъ свое безсиліе изучающій. Въ эпическихъ старинахъ уцѣлѣла для насъ тѣ драгоценныя доисторическія преданія, которыхъ нельзя уже встрѣтить ни въ какихъ другихъ источникахъ; въ обрядовыхъ пѣсняхъ и погребальныхъ плачахъ предъ нами рисуется вся душа народа съ ея волненіями, съ ея повышеніями и пониженіями, вся внутренняя жизнь его съ тяжелою обстановкою, съ борьбою противъ стихій природы, противъ силы обычая и людской неправды.

¹⁾ Читано въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ 30-го апрѣля 1872 г.

*

Три условія главнымъ образомъ благоприятствовали развитію и сохраненію народнаго творчества въ Обонежскомъ краѣ.

Первое—то, что здѣсь живутъ Новгородскіе удалы-добры молодцы, народъ толковитой, затѣйной и хватовитой. Оттиснувъ „роды Корельскихъ дѣтей“ въ станы каменистые и болотные, они занимаютъ здѣсь мѣста удобныя, хлѣбородныя. Щегольство-гульба до нихъ составляетъ здѣсь главную забаву молодецкую. Добры молодцы носятъ здѣсь поддевичку дорогихъ суконъ, на ножкахъ сапожки козловыя, кругъ сердечка кушачики шелковыя, на головѣ шляпоны пуховыя, оны ходятъ-то, удалы,—подтяни нога. Красныя дѣвушки рядятся въ цвѣтное, басистое платье, сарафаны новомодныя, рострубистыя; на голову кладутъ жемчужную подвѣсточку, по подвѣсточкѣ—розову косыночку; въ завивную свою косу русую вплетаютъ золотыя, дорогія эти ленточки; во ушеньки сережки брилліантовыя; на бѣлую грудь цѣпочку золоченую. Мужики живутъ здѣсь великія смѣлугища; ни на морѣ не боятся непогоды, ни въ лѣсахъ дремучихъ звѣрей оны рыскаютъ, ни судей не боятся страховитыхъ. Женщины здѣсь сплывныя домовушки и великія страпешки; оны страпаютъ страпню новгородскую: нагольники, сканцы, припечники, рядовики, пироги-тонки-пряженки и т. п. Но всего замѣчательнѣе то, что здѣсь до нынѣ живо сохраняются еще воспоминанія о тѣхъ прежнихъ временахъ, когда „Новгородъ вѣдь былъ не покорёной, и ко суду были крестьяне не приведены“. Золотой вѣкъ этотъ рисуется въ здѣшнихъ преданіяхъ такъ:

„Были людюшки тогда, да не штукавы,
„Не штукавы оны были, запростѣйшіе;
„Какъ судьи да въ ту пору не молодцы,
„Пожиты да мужики были почётныя,
„Настойсливы оны да правосудливы“.

Самый судъ происходилъ здѣсь „на церковномъ крыльцѣ“ и дѣла рѣшались „передъ образомъ“:

„Буде што да въ прежнія времена случилось,
„Соберется три крестьянина хоть стоящихъ,
„Промежъ дѣ-другомъ оны да разговѣтуютъ,
„Какъ спасти да человека-то помиловать

„По суду ли то теперечко по Божьему,
„По этимъ ли законамъ праведливнымъ.
„Тыи времечка прошли да не выдаются,
„Тыи годы скоротались, не слыхаютца“¹⁾.

Но вотъ „наступили бусурманы превеликіи, разорили оны славной Новгородъ“, и съ того времени быстро пошло заселеніе Обо-
нежскаго края. Всѣ тутъ прѣдались въ подсивѣрну сторонушку,
на званы острова да эти Кижскіи, во славное во общество во
Толвуу²⁾. Построили здѣсь домовища, завели здѣсь торговлю и
разбогатѣли:

„Были добры у ихъ кони пноходныи,
„Были славны корабли да мореходныи“.

Но при всемъ своемъ богатствѣ долго не могли они забыть
своей родины:

„Какъ сберутся въ Божью церковь посвященную
„О Благичномъ оны да этомъ праздничкѣ
„И прослужать тамъ обиденку воскресную,
„И какъ выйдутъ на крылечико церковное,
„И какъ сглянуть во подлѣтнюю сторонушку, —
„Тутъ защемиль ихъ ретливое сердечушко,
„Сговорять оны вѣдь есть да таково слово:
„Гдѣ вѣдь жалобно-то солнце пропекае,

¹⁾ Изъ плача о старостѣ.

²⁾ Имя *Кижь* обнимаетъ юго-западную часть такъ называемаго Заонежья, то
есть, полуострова, вдающагося въ Онежское озеро съ сѣвера на югъ. Въ составъ
Кижской волости входятъ шесть погостовъ: Кижскій, Сѣнногубскій, Великогубскій,
Яндомозерскій, Космоверскій и Карасозерскій. *Толвуу* есть общее названіе
восточной полосы Заонежья, то есть, погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго,
Вироверскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго. Въ обѣихъ волостяхъ считается болѣе
чѣмъ по 4,000 душъ жителей. И та, и другая группа поселеній довольно древни:
названіе Толвуя неоднократно встрѣчается въ историческихъ памятникахъ, начи-
ная съ XV вѣка. Главный промыселъ населенія, въ обѣихъ волостяхъ, состав-
ляетъ рыбная ловля; сверхъ того, многіе Кижане занимаются столярнымъ, плот-
ничьимъ и портняжнымъ мастерствомъ, а также службой на судахъ; всѣ эти
послѣдніе промыслы — отхожіе. Толвуйцы тоже отчасти промышленяють бурлаче-
ствомъ (изъ свѣдѣній, сообщенныхъ крестьяниномъ Кижской волости И. А. Касья-
новымъ).

Л. М.

„Тамъ вѣдь прежняя, родима наша сторона,
„Наша славна сторона Новгородская“ ¹⁾.

Любопытно, какъ сохраняются здѣсь самыя преданія, и какъ глубоко симпатія Заонежанъ къ прошлому, древне-русскому быту, здѣсь они видятъ свои идеалы, по отношенію къ которымъ продолжаютъ одѣлывать свое настоящее. Старики стародревніи говорятъ недоросткамъ молодѣющимъ:

„Послышайте словеса наши старинныя,
„Запримѣйте того, малы недоросточки!
„Ужъ какъ это спнѣ морюшко сбуется,
„На спнѣмъ морѣ волна да порасходится,
„Будутъ земскіи вси избы испражнятися,
„Скрозекозныи судьи да присылаются;
„Вси пзмѣнятся пустыни богомольныи,
„Разорятся вси часовенки спасѣныи...
„Кругомъ-около ребята обстоилися,
„Какъ на этихъ стариковъ да оглядились,
„Ихнихъ рѣчей недоростки пріослухались...
„Конъ умны недоросточки, примѣтныи,
„Оны этии слова тутъ принимали, —
„Объ досюльниихъ законахъ постоянныхъ,
„Объ досюльномъ житѣи Новгородскомъ.
„Сволновалось сине славное Онегушко,
„Какъ вода съ пескомъ помутилася.
„Тутъ вспоминать-то вѣдь малы недоросточки:
„Теперь-понѣ да времена-то тѣ сбываются,
„Какъ у старыхъ стариковъ было рассказано“ ²⁾.

Изъ этихъ поэтическихъ преданій видно, что Заонежане донныи не потеряли сознанія о своемъ происхожденіи, о своей широкой, затѣливой и хватовитой натурѣ, о своемъ прежнемъ житѣи-бытѣи и удаломъ молодечествѣи. Въ этой-то Новгородской природѣи и въ этомъ-то народномъ сознаніи кроется первое и ближайшее условіе

¹⁾ Изъ плача о старостѣ.

²⁾ Оттуда же.

для сохраненія здѣсь множества историческихъ и эпическихъ старинъ.

Другое подобное условіе состоитъ въ необыкновенномъ долголѣтіи, которое составляетъ замѣчательную особенность этого края. Здѣсь отецъ семейства часто видитъ не только внучатъ, но и правнучатъ и праправнучатъ. И теперь живутъ здѣсь великіи старики — лѣтъ сто и больше. Мы сами видали тамъ старика 130 лѣтъ. Въ прежніе же годы народъ былъ еще шире, могучѣе и кривовишѣ. Итакъ, стоитъ только представить десять такихъ долголѣкихъ старикищевъ въ преемственныхъ поколѣніяхъ, и для насъ станетъ ясно, какъ легко могли сохраниться и дойти до насъ самыя древнія старины стародавнія.

Наконецъ, дикость сѣверной мѣстности ограждала народное творчество отъ разрушительныхъ для него вліяній цивилизаціи. Олопецкая губернія, какъ извѣстно, занимаетъ собою пространство, которое больше многихъ государствъ Европы. Кромѣ озера Онега, которое называется моремъ, здѣсь 2,000 другихъ великихъ и малыхъ озеръ. Вѣковые лѣса во многихъ мѣстахъ еще не тронуты рукою человѣка. Здѣсь повсюду далеко устороньца, дикіи залѣсыица и малыи безлюдьица. Во многія мѣста нельзя проѣхать ни зимой, ни лѣтомъ:

- „Туды малая птица не залетывать,
- „Сѣрой заюшко туды не проскакивать;
- „Извозикии туды не заѣзживаютъ,
- „Перехожіи калѣки не захаживаютъ“.

При такой обстановкѣ, естественно, внутренняя жизнь народа должна наполняться преданіями и обычаями предковъ и по преимуществу вращаться въ области поэзіи.

Одно только обстоятельство могло здѣсь задерживать развитіе народнаго творчества и вліять, такъ сказать, на его отрывочность: это именнно то, что сѣверный человѣкъ постоянно находился подъ сплннымъ давленіемъ природы. Въ древнихъ помянникахъ, сохранившихся здѣсь во множествѣ, мы постоянно встрѣчаемъ имена потопшихъ, древомъ убіенныхъ, звѣремъ растерзанныхъ, демономъ уведенныхъ. Здѣсь то и дѣло — забели на полѣ, недороды на лугахъ, недоплоды на дворѣ. Много силъ нужно было тратить

здѣсь людямъ въ борьбѣ за свое существованіе. Находясь подъ такими подавляющими вліяніями, духъ народа, естественно, не всегда могъ предаваться вдохновеніямъ свободного творчества.

Кромѣ богатырей Кіевскихъ и Новгородскихъ, въ преданіяхъ живутъ еще богатыри мѣстныя, Олонекіе. Здѣсь, говорятъ, было два богатыря: одинъ жилъ въ Остречинахъ, на лѣвомъ берегу Свири, а другой въ Плотичкѣ. Жилища имѣли они въ землѣ, съ желѣзными дверями. Когда стануть запираеть двери, эхо было слышно за 20 верстъ. Однажды они порасхвастались: одинъ говорилъ, что заставитъ судовой ходъ, а другой—что остановитъ соловарню. Одинъ кинулъ громаднй камень, называемый Бурець, въ рѣку Свирь, и оттого въ ней сдѣлался порогъ; а другой кинулъ большую плиту въ солоную яму и тѣмъ остановилъ соловарню. Говорятъ, много разъ вычерпывали воду изъ солоной ямы и тамъ видали расколотую плиту, которая отъ соли побѣлѣла. Вода въ этой ямѣ цѣлительна. Ключи отъ жилищъ богатырей брошены, говорятъ, въ Свирь, и теперь никто не можетъ открыть этихъ дверей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ Пудожской горѣ и Пещанѣ) былины въ великой чести до настоящаго времени, и пѣвцы или сказители старинъ пользуются тамъ большимъ уваженіемъ: падо, говорятъ, человекъ съ особеннымъ талантомъ, чтобы старины сказывать.

Сказываніе старинъ бываетъ при разныхъ случаяхъ: идутъ дорогой, ѣдутъ въ лодкѣ, сидятъ за какою-нибудь работой—и чтобы занять вниманіе, просятъ „вѣщаго“ дядю повѣдать имъ старинку. Пѣвецъ затыгиваетъ былнну, погружается въ давнія времена и овладѣваетъ вниманіемъ своихъ слушателей; время идетъ быстро, дѣло дѣлается незамѣтно, и всѣ начинаютъ благодарить вѣщаго пѣвца.

Любопытно было бы прослѣдить генеологію подобныхъ „вѣщихъ“ сказителей, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это возможно въ наше время. Въ настоящемъ случаѣ мы коснемся пѣвцевъ одной только Кижской волости.

Въ XVIII вѣкѣ приобрѣлъ здѣсь громкую извѣстность пѣніемъ старинъ крестьянинъ деревни Карташевой, Михаилъ Слѣпой гу-

сельщикъ. Старики помнятъ его до настоящаго времени. Онъ умеръ лѣтъ 75 тому назадъ. Рассказываютъ, что онъ былъ человѣкъ „обдѣлстый“, ходилъ по монастырямъ и зналъ много старинъ и прѣсказней: „Эдакаго“, говорятъ, „пѣвца съ гуслими (трехугольными, въ 12 струнъ) не бывало да и не будетъ; еще сто годовъ, а память Михаила не забудется“. Пришелъ онъ однажды въ Питерѣ къ одному генералу—милостыню просить, чтобы родителей помянуть. Генералъ наскоро высталъ съ канاپели (то есть, съ дивана) и по щецѣ ему далъ: „Вотъ тебѣ“, говоритъ, „на поминокъ“. Михаилъ благодушно принялъ эту милостыню и отправился дальше съ своимъ товарищемъ; но генералъ вдругъ оборотилъ ихъ къ себѣ: „Ай же вы, пси“, говоритъ, „что вы знаете?“ „Мы, все знаемъ,—пѣсни пѣть, старины сказывать, на гусляхъ играть съ припѣвками“. Генералъ продержалъ ихъ у себя три недѣли, съ дому не спускалъ,—это было во время маневровъ; самъ онъ писался боленъ и все старинны слушалъ да пгру на гусяхъ; а когда отпустилъ изъ дому, далъ имъ по халату. Сынъ Михаилъ хозяйствовалъ въ Петербургѣ, вышелъ тамъ въ купцы, дознался и вывезъ отца—не далъ больше ходить по Питеру; но Михаилъ померъ въ деревнѣ; въ Питерѣ не могъ жить, не по душѣ ему было.

Этотъ слѣпецъ—извѣстенъ еще одною пословицей, которая повторяется до нынѣ. Въ деревнѣ Пустынѣ, въ 14 верстахъ отъ Космозера, жилъ крестьянинъ Иванъ Кириловъ—подавалъ милостыню маленькую, былъ жаденъ и скупъ; про него-то Михаилъ сложилъ стихи:

„На узкихъ Пустыняхъ
„Жилъ-былъ Иванъ Кириловъ —
„Ни голъ, ни богатъ;
„Онъ сорокъ каликъ
„Однимъ бѣлномъ надѣлплъ,
„А что пальцемъ пакипетъ,
„То и милостыня“.

Изъ учениковъ Михаила Слѣпаго до нынѣ извѣстны Филиппъ Клеменьевъ Сизой и Трифонъ Ивановъ Злобинъ.

Сизой—изъ деревни Артовской, самый близкій сосѣдъ Михаила Слѣпаго; около 50 лѣтъ, какъ умеръ. Онъ былъ широкій, порный

и сильный старпикше; занимался плотничествомъ и былъ такой плотникъ, что топоръ повѣситъ да взглянетъ глазомъ, такъ нптъкой не отбивалъ, отвѣса не пужно было. Однажды работалъ онъ съ товарищемъ Ѳомой Ѳомпнымъ въ раскольникѣмъ Даниловѣ монастырѣ: тестъ пилили. Прочіе пильщики да монастырцы подсмѣивали надъ нимъ, что „они такіи плечистыи да могутныи“. Около кузленцы стоялъ огромный валъ мельничный, *буили* на него нагоняли. Сизой съ Ѳомпнымъ взяли этотъ валъ, бросили кверху и стали играть имъ, какъ игрушкой. Увидалъ это большакъ, подпивлиси не мало и далъ имъ за это калитку, припникъ большой съ поларшина во всѣ стороны. Сизой пѣлъ много былины, и голосъ у него „прибрынкцвалъ“. Братъ его Ѳедотъ Клементьевъ живъ до теперъ; ему 100 годовъ; тотъ былпнамъ не займуется; звѣрей ловитъ больше, лисницъ да зайцевъ.

Другой ученикъ Михаила Слѣпаго—Трифонъ Злобянъ, изъ деревни Денисовой, того же Космозерскаго погоста; лѣтъ 20 какъ умеръ. Занимался онъ крестьянствомъ. Недовидокъ онъ былъ; такъ говорилъ—запеклся, а какъ старину начнетъ пѣть — чудо какой голосъ мастерской: и въ умахъ нѣтъ, что поетъ запекъ. Пѣлъ онъ больше про Дюка Степановича и Добрыню Никитича. Когда кто плохо разбиралъ въ янгѣ, тому говорилъ: „Ступай къ Трифону, онъ лучше тебя знаетъ, даромъ что подслѣповатой“.

Лѣтъ 20 тому назадъ былъ здѣсь еще одинъ мастеръ пѣть старинны — Онтонъ Ивановъ Устрѣцкой; очень много зналъ онъ при сказней; ко всякому слову было готовое слово. Покрывалъ онъ церковь бѣлою жестью въ Космозерѣ и на бахвалую съ креста сталъ спускаться по веревкѣ; ногой ступилъ въ петлю, въ одномъ концѣ каната, а другой конецъ держалъ руками и опускался; канатъ закусилъ жестью; Онтонъ взадъ было похарайдовалъ, по лукавой попуталъ; упалъ онъ и убилиси.

Е. Варсоѣ.

I.

Б Ы Л И Н Ы.

Печатаемые былины сообщены въ Географическое Общество Е. В. Барсовымъ, бывшимъ профессоромъ Петрозаводской духовной семинаріи, а нынѣ помощникомъ хранителя рукописей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Былины эти записаны по порученію г. Барсова бывшими его учениками, преимущественно г. Михайломъ Гурьевымъ. Сказитель, отъ котораго записана большая часть былинь, есть крестьянинъ Василій Щеголенокъ или Щеголенковъ (ремесломъ—бродячій крестьянскій портной), извѣстный по сборнику П. Н. Рыбникова (см. т. III, замѣтка собирателя, стр. XXV—XXVI, и т. IV, перечень пѣсенъ по пѣвцамъ, стр. 6), а также по статьѣ А. Θ. Гильфердинга „Олопецкая губернія и ея народные рапсоды“ (Вѣстникъ Европы 1872 года, кн. 3-я, стр. 92, 120 и 122). По замѣчанію Гильфердинга, Щеголенокъ принадлежитъ къ числу сказителей, „которые отвыкли отъ соблюденія размѣра“; этимъ замѣчаніемъ, которое подтверждается и словами г. Барсова (сравни ниже, стр. 530), объясняется нѣкоторая нестройность стиха въ печатаемыхъ пересказахъ.

Не смотря однако на этотъ недостатокъ, пересказы г. Барсова весьма замѣчательны по представляемымъ имъ особенностямъ содержанія и изложенія. О. Θ. Миллеръ еще въ 1868 году, имѣя въ рукахъ сборникъ г. Барсова, познакомилъ съ нимъ Отдѣленіе Этнографіи и тогда же указалъ на нѣкоторыя особенности Барсовскихъ пересказовъ; въ послѣдствіи эти указанія были имъ внесены въ его обширное изслѣдованіе о русскомъ народномъ эпосѣ: „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское“. Печатающій нынѣ пересказы г. Барсова, мы сочли не бесполезнымъ въ соответствующихъ мѣстахъ сдѣлать ссылки на книгу г. Миллера, а также и съ своей стороны прибавить нѣсколько дополнительныхъ примѣчаній.

Л. М.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Время бытия свидетелей в Государственном Училищном
 архиве, бывших преподавателей Императорской Академии
 наук и иных похороненных в Училищном архиве на Митро-
 политском и Румянцевском кладбищах. Показаны эти памят-
 ники г. Барсова бывшими ему учениками, среди
 которых Матвей Гурьев. (Жизнелик, с. 104) и др.
 Этих бытия, есть крестьянин Рязанской губернии
 Степанов (ремесленник) — бродячий крестьянский порт-
 рет по сборнику П. Н. Рыбникова (кн. 1, III, 104).
 В т. IV, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

времъ,
 16,

Святогоръ богатырь ¹⁾.

1.

Святогоръ богатырь—сила у него неизвѣстная;
Поѣзжаетъ въ путь дороженьку во широкую,
Со этыма съ доспѣхамъ богатырскими;
Беретъ онъ плетѣчку шелковую—
Коня-то богатырскаго попуживать;
Палицу булатную — поигрывать.
Гдѣ конь идетъ, по волѣнъ въ землю гряжетъ,
Подъ этимъ Святогоромъ богатыремъ.
Сдремалъ Святогоръ богатырь —
На томъ конѣ да богатырскомъ;
Вдругъ и сзади его наѣхалъ человѣкъ неизвѣстенъ,
Ударилъ пальцей булатною —
И проговорилъ Святогоръ таково словѣ:
„Русскіе мухи кусаютъ больно“.
И другой разъ ударилъ Святогора богатыря —
И проговорилъ Святогоръ таково словѣ:
„Садко, терпѣть не могу“.
Оглянулся назадъ Святогоръ-богатырь
Со этого коня богатырскаго,
Со этого со стремени булатнаго,
Поворотъ держалъ да на правую руку,
Схватилъ онъ человѣка неизвѣстнаго съ сырой земли,
Положилъ онъ человѣка во свой кожанъ.
Поѣхалъ Святогоръ богатырь,
Путемъ—широкой дороженькой;
Плеточкой коня да онъ попуживать,
Палицу булатну съ руки на руку перемѣтывать;
Конь-то идетъ спотыкается,
Малыи рѣки онъ прошахивать,
Не широки озера перескакивать,

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. О. Миллера стр. 181, 218, 243—244.

Озера-болота перемакиваютъ,
Лѣса дремучи подъ себя пушатъ;
Проговорить тутъ конь богатырскій
Голосомъ человѣчьимъ,—

Самъ говорить, самъ спотыкается:
„Два богатыря на верху сидятъ“.
Воспрогдворилъ Святогоръ богатырь:
Что же ты конь да спотыкаешься?

Что же ты служишь неправдою мнѣ?

— „Не могу нести, Святогоръ богатырь,
Двухъ богатырей;
Выпусти изъ колчана богатыря
На сыру землю;
Побратаньтесь:
Одинъ—будь бѣльшій братъ,
Другой—будь меньшій братъ.“

Прогдворить Святогоръ богатырь таково слово:

„Кто же ты есть за богатырь?“

Отвѣчаетъ русскій могучій богатырь:

„Есть русскій могучій богатырь
„Старый козакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ“.

Прогдворить Святогоръ таково слово:

„Ай-же ты Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
„Какой же ты русскій могучій богатырь!
„Везъ тебя въ колчанѣ три поприща,
„Со тымъ конемъ да богатырскимъ,
„Со этой плеточкой шелковой,
„Со этой палицей булатной“.

И говорилъ Святогоръ богатырь:

„Когда ты называешься русскимъ могучимъ богатыремъ,
„Старый козакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
„А я русскій могучій богатырь Святогоръ.
„Кони у насъ мѣрны,
„Сила у насъ неизвѣстная—
„У русскихъ могучихъ богатырей“.

Вышли они со тѣхъ копей богатырскихъ—

Оглянулся Святоторъ тутъ богатырь,
На томъ ли онъ да на чистомъ полѣ,
Размялъ свою силу богатырскую:
Не видать русскаго могучаго богатыря на чистомъ полѣ;
Уѣхалъ русскій могучій богатырь со чиста поля
Расходились печени богатырскіи,
Разсмотрѣли очи ясныи,
Что пѣтъ русскаго могучаго богатыря на чистомъ полѣ.
Проговоритъ своему коню да богатырскому
Святоторъ богатырь таково слово:

„Служи-тко ты мнѣ да безъ пзмѣнушки“.

Шпорами коня да онъ потрагиваетъ,
Конь подъ богатыремъ почувствиваетъ,
Плеточкой шелковой полаживаетъ,
Коня да надо ему богатырскаго
Попуживать да приударивать,
Палицу булатну съ ножней да вытягивать,
А палпцей булатной поггрыиваетъ
И палицу подъ облако выпидиваетъ.
Разгорѣлось сердце богатырское
У Святотора да богатыря —
Догнать надо стара казака Илью Муромца,
Илью Муромца, сына Ивановича.
Малыи рѣчки конь перешаивать,
Озера не широки переаивать,
Лѣсы дремучи подъ себя пушаль;
Не досталь Святоторъ богатырь
Стара казака Илья Муромца.
Разгорѣлось сердце богатырское
У того ль Святотора до богатыря;
Выходятъ онъ со добра коня,
Со добра коня да богатырскаго;
Становится онъ да на сыру землю,
Самъ проговоритъ Святоторъ богатырь таково слово:
„Удержп-тко ты, мать сыра земля,
„Русскіихъ могучихъ богатыревъ

„И Святогора да богатыря

„И стара казака Илью Муромца“.

Поднимается Святогоръ-то богатырь

На эту на щелью великую,

Слушаетъ каменья огромныи

По всѣмъ сторонамъ,

По всѣмъ сторонамъ—на три поприща.

Разсмотрѣлъ Святогоръ-то богатырь

По всѣмъ по четыремъ сторонамъ:

Нѣтъ русскаго могучаго богатыря,

Стара казака Илья Муромца, сына Ивановича.

Поднимался Святогоръ да богатырь

На этого коня да богатырскаго,

Поѣхалъ-то по этому по полю по чистому,

Говорить-то онъ да таково слово:

„Было бы кольцо да во сырой землѣ,

„Друго бы кольцо да въ высокомъ небѣ

„Поворотилъ бы я мать сыру землю

„Вверхъ крайчикомъ;

„Не уѣхалъ бы отъ меня старый казакъ Илья Муромецъ,

„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ“.

Поѣхалъ путемъ дороженькой Святогоръ богатырь

Отъ этой думы крѣпкой;

Измѣна-конь-то пошакиваетъ;

Приздынулъ да своей-то головы богатырской

Этотъ Святогоръ богатырь,

Утупилъ-то опять свои очи ясныи

Во сыру землю:

„Не съ кѣмъ испытать силы богатырской,

„Нѣтъ-то мнѣ, видно, попарщичка,

„И нѣтъ-то мнѣ да поединщичка“.

Лежить-то колчанъ да о широку путь дороженьку,

Подпись на колчанѣ да подписана:

„Въ этомъ колчанѣ—вся земная тягота“.

Остановилъ то Святогоръ богатырь

Своего то коня да богатырскаго.

Выходить съ коня да богатырскаго
На эту на матеръ на сыру землю,
Глядитъ на коня да богатырскаго:

„Служилъ ты, конь богатырской, вѣрой-правдой мнѣ!“
Стоить-то конь да голова повѣшена,
Хочетъ Святогоръ-то богатырь
Испытать своей силы богатырской,
Принимается за этотъ колчанъ подписанный,
Первый припрыгнулъ колчанъ съ сырой земли,
Угрознулъ во сыру землю по косточкѣ;
Второй разъ колчанъ да припрыгиваетъ,
Угрозу Святотгоръ да богатырь по колѣночку,
Заревѣлъ то конь богатырской по звѣриному,
Самъ проговорить голосомъ человѣческимъ:
„Не кому больше ѣздить будетъ на конѣ да богатыр-
скомъ“.

Вдохнулъ конь богатырской отъ своихъ печеней;
Лопнули стремена булатныя,
Оборвались святочка шелковыя,
Увалился конь на сыру землю.
Проговорилъ Святогоръ да таково слово
И поднялъ колчанъ со сырой земли,
И принялъ себѣ смерть Божью.

(Запис. Михаиломъ Гурьевымъ отъ крестьянина Василья Щеголенкова. Пѣвецъ отказался пѣть эту былинку, но согласился разсказать ее, такъ что она является не столько былинной, сколько побывальщиной).

**Дюкъ Степановичъ и Щурило Щаплековичъ (Ми-
жула Селяниновичъ и Вольга Святославичъ) ¹⁾.**

Отправляется Дюкъ Степановичъ во чисто поле
На своемъ-то конѣ да богатырскомъ
Земли матери переваливать.
День-то-пахалъ Дюкъ Степановичъ,—
Коня-то богатырскаго понукиваетъ,

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. О. Миллера стр. 223.

И сошка у пахаря поскрипываетъ;
День-то проходить, на другой-то онъ на чисто поле,
Опять пахарь коня богатырскаго понукиваетъ,
И сошка у него да поскрипываетъ.
Проходить тому времени два денька —
Отправляется Дюкъ Степановичъ во чисто поле
Переваливать сырой земли матерп.
Идетъ-то русскій могучій богатырь
Путемъ-дороженькой да широкой.
Пришелъ-то русскій могучій богатырь къ Дюку Степановичу,
Здоровье они сдѣлали между собой,
Спрашиваетъ Дюкъ Степановичъ таково слово:
„Какъ тебѣ имячко Божіе?“
Отвѣтъ держалъ русскій могучій богатырь:
„Имячко мнѣ—Щурилушко Щапенковичъ,
„Я до васъ день шелъ путемъ широкой дороженькой
„Слышно, пахарь попахиваетъ
„И коня-то богатырскаго понукиваетъ,
„И сошка у пахаря поскрипываетъ;
„И во другой день отправился по дороженькѣ по широкой
„И слышалъ, пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня да богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрипываетъ;
„И въ третій день отправился въ путь дороженьку во широ-
року,—
„Пахарь опять да попахиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрипываетъ.
„Въ третій день пахаря засталъ да на сырой землѣ“.
Проговорить Щурилушко Щапенковичъ да таково слово:
„Не ты ли есть Дюкъ Степановичъ?“
„Отвѣдаемъ-ко мы, Щурилушко Щапенковичъ
„Силы богатырской между собой!“
Оборотился Щурилушко Щапенковичъ
Проговорить ему да таково слово:
„Я вижу у стольнаго града у Кіева“.
Проговорить Дюкъ-то Степановичъ таково слово:

*

„Я живу-то за рѣкой да за Пачаевой.
„Надо испытать намъ, сила богатырская между собою!“
Приходитъ Щурилушко Щаппенковичъ
Въ свою ли то палату богатырскую,
Говорилъ-то своей да родной матушкѣ:
„Ай ты, моя родная матушка!
„Я нашелъ-то въ походе богатыря.
„День-то шелъ я до пахара,—
„Пахарь попахиваетъ,
„Коня да богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахара поскрипываетъ;
„И по другой день тогда я отправился
„По той ли дороженькѣ по широкой,—
„Слышно пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахара поскрипываетъ;
„И по третій день тогда я отправился
„Въ путь дороженьку во широку,—
„Пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахара поскрипываетъ.
„Пашетъ пахарь-то Дюкъ Степановичъ,
„И сила у насъ-то не пытаная“.
Беретъ-то Щурилушко Щаппенковичъ,
Беретъ онъ коня да богатырскаго
Во этой во конюшнѣ бѣлодубовой:
Надѣваетъ на коня уздницу тесяную
Кладываетъ на коня исподнички,
На исподнички кладываетъ онъ войлочки,
На войлочки онъ сѣделишко—
Сѣделишко да черкасское;
Затягивать подпруги онъ двѣнадцатеры,
Пряжечки въ подпругахъ желѣзныи,
А шпилечки чиста золота;
Булатъ-то желѣзо не ржавѣетъ,
Арабское золото не держится;

Завязывать Щурилушко свасточки семи шелковъ
Не для-ради красы—ради крѣпости;
Садится на коня да богатырскаго,
Съѣзжаетъ со двора да богатырскаго
Съ этима доспѣхомъ богатырскими
И самъ проговорить да таково слово
Своему коню да богатырскому:
„Ай же ты, мой конь богатырскій!
„Служи-тко ты мнѣ вѣрой-правдою
„Вѣрой-правдою да безъ измѣнушки,
„Какъ служилъ ты моему родну батюшку”.
Проговорить конь голосомъ да человѣчнымъ
„Садись-ко ты, Щурилушко Щапенковичъ,
„И поѣдемъ мы къ той рѣки ко Почаевой,
„Приѣдемъ мы да на крутъ берегъ
„Эта рѣка да Почаева
„Глубиной рѣка до сорока сажень,
„Поперекъ рѣка да верста мѣрная”.
Поѣхаль-то Щурилушко Щапенковичъ
На этомъ конѣ да богатырскомъ
На оную рѣку да на Почаеву.
Проговорить конь голосомъ да человѣчнымъ
„Ай ты, Щурилушко Щапенковичъ!
„Доѣдемъ мы до половины рѣки Почаевой,—
„Размокнуть твои свасточки шелковыи,
„Оборвутся твои стремени булатныи,—
„Держись ты за волосы конины,—
„И вынесу я тебя изъ рѣки да изъ Почаевой,
„Вынесу тебя да на крутой берегъ.
„Осѣдлай-ко ты сызнова коня да богатырскаго”.
Сѣдлалъ тутъ Щурилушко Щапенковичъ
Коня своего да богатырскаго.
Перекрѣпилъ тутъ всѣ доспѣхи богатырскіи.
Унываетъ-то сердечушко у Щурилушки Щапенкова,—
Надо съѣхать-то намъ на поле чистое
Ко этому ко Дюку ко Степановичу.

Садился на коня да богатырского
Щурилушко Щапенковичъ
И проговорилъ таково слово:
„Служи-тко ты вѣрой-правдою,
„Вѣрой-правдою, да безъ измѣнушек!“
Шпорами коня да потыкиваетъ,
И конь-то дороженькой поступываетъ
Головушкой своей да помахиваетъ.
Видитъ Щурилушко Щапенковичъ,—
Ѣздитъ Дюкъ-то Степановичъ во чистомъ полѣ.
Сталъ то коня да онъ понуживать
Этою плеточкой шелковой,
Палицей булатной поигрывать.
Приѣзжаетъ Щурилушко Щапенковичъ во чисто поле;
Разгарается сердце богатырское;—
Разѣзды сдѣлали они за три поприща
Со этымъ со Дюкомъ Степановичемъ;
Они соткнулись палицами въ одно мѣсто.
И сразилъ-то Щурилушко Щапенковичъ
Этого Дюка да Степановича.
И ударилъ его о сыру землю,
Самъ проговорилъ ему таково слово:
„Я буду большой братъ, Дюкъ Степановичъ,
„А ты будь меньшій братъ;
„Станемъ мы служить у стольнаго Князя у Владиміра
„У Солнышка во городѣ во Кіевѣ
„Служить-то будемъ безъ измѣнушек.“
(Запис. Гурьевымъ отъ Щеголенкова).

Илья Муромецъ.

1 ¹⁾.

Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. Э. Миллера стр. 277, 285 и 757; здѣсь этотъ пересказъ ошибочно приписанъ великѣ Латышову.

И поѣхалъ въ путь—дороженьку широкую
И на томъ ли конѣ да богатырскоемъ,
И надѣль-взялъ шубку соболиную
Старой казакъ Илья Муромецъ;
И взялъ-то онъ плеточку шелковую
Понуживать коня да богатырскаго;
И взялъ-то палицу булатную,
И вѣсомъ-то она да сорока пудовъ,
И поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ путь-дороженьку широкую;
И пришло да тутъ три розстани
И написано на розстани:
Во праву руку ѣхать—женатому быть;
Во лѣву руку ѣхать—богатому быть;
Прямо ѣхать—убитому быть.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:
Не надобно старому казаку Ильѣ Муромцу женатому быть,
И мнѣ не надо старому казаку Ильѣ Муромцу богатому
быть, —
Я поѣду казакъ Илья Муромецъ, гдѣ убитому быть.
И наѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на четыреста раз-
бойниковъ,
И вси-то разбойнички спать улеглись,
Одинъ-отъ разбойникъ похаживаетъ
И словечко самъ поговаривать:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
„Отдай-ко ты шубку соболиную;
„Если честно отдашь,—мы честно возьмемъ;
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возьмемъ;
„Отдай-ко ты плеточку да богатырскую:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возьмемъ;
„Если—нѣтъ, такъ и не честно возьмемъ.
„Старой казакъ Илья Муромецъ!
„Отдай-ко ты палицу булатную:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возьмемъ,
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возьмемъ“.

И куды же я, старой казакъ Илья Муромецъ?
Надо мнѣ шубка соболиная обогрѣватися,
Плеточка богатырская—коня понуживать,
Палица булатная—поигрывать.
И стали всѣ четыреста разбойничковъ.
Убилъ-то тутъ всѣхъ разбойничковъ
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И привязалъ-то одного разбойничка къ отордамъ коннымъ
И поѣхалъ въ путь дороженьку широкую отъ силы убитой.
Въ шубкѣ соболиной онъ да погрѣвается
На томъ ли конѣ богатырскомъ,
И плеточкой коня богатырскаго понуживать
И палицей булатной поигрывать.
Малыи рѣки онъ перешагивать—конь богатырскій
Не широки озера, да перескакивать,
И озера—болота перемахивать,
Лѣсы дремучи подъ себя пущать.
И захотѣлось стару казаку хлѣба соли покупати,
И пріѣхалъ онъ къ Одолнцу поганому;
И приходитъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ покои богатырскіи
И говорилъ да онъ таково слово:
„И надо бы мнѣ стару казаку Ильѣ Муромцу пообѣдати“.
Прогдворилъ Одолнце поганое таково слово:
„Называешься ты богатыремъ, старой казакъ Илья Муромецъ,
„Росту ты есть да не великаго“.
Спрашиваетъ Одолнце поганое:
„Много ли хлѣба кушаешь?“
Отвѣтъ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣба кушаю я, Одолнце поганое, три фунта,
„Похлебки хлебаю я—кружку,
„Пива пью я под-яндовн“.
Прогдворить Татаринъ поганый:
„Какой же ты да за богатырь?
„Хлѣба ѣшь ты по малу,
„Похлебки хлебаешь ты по малу,

„И пива пьешь ты по малу?“

Проговорить Одолище поганое:

„Вотъ я за богатырь.

„Голова у меня, какъ пивный котель;

„Глаза у меня, какъ пивны чашн;

„И межъ глазами у меня—да цѣлая пядень;

„И я кушаю богатырь, Одолище-поганый,

„Хлѣба я кушаю—по печн

„И мяса я ѣмъ—по цѣлому стагѹ

„И пива я пью—по трп ядовы“.

Старой казакъ Илья Муромецъ отвѣтъ держаль:

„У моего родителя у батюшки была на дворѣ корова эдака,—

„Сама она была да обжорлива;

„Ѣла, да пила,—да ю розорвало!

„Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широкѹ поле,

„Отвѣдаемъ-ко силы богатырской!“

Сѣхались богатыри въ одно мѣсто,

И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ

Одолища поганого на сімяна,

Растрепалъ Одолища поганого.

И поѣзжае старой казакъ Илья Муромецъ съ этого обѣдища,

И поѣзжаетъ онъ во землю неизвѣстную;

Пріѣхалъ къ царству незнакомому,

Явился къ Королю на бѣлый дворъ.

Донесли Королю, что пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на королевскій дворъ.

Выходитъ онъ съ покоя королевскаго,

Проговорилъ ему да таково слово:

„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!

„И слышно о тебѣ да о богатырѣ по всѣмъ ордамъ“.

Проговорилъ Король да таково слово:

„Живи-тко ты, старой казакъ Илья Муромецъ у меня во дворѣ“.

Проговорить старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:

„Умертвилъ-то я четыреста разбойничковъ;

„Одинъ-отъ разбойничекъ къ оторокамъ кониннымъ“.

„Жилъ бы ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
„Былъ бы граду моему да защитникъ.
„Нѣтъ у меня такого славнаго богатыря“.
И поѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Отъ этого Короля да со бѣлаго двора,
И въ умѣ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
Надо съѣхать съ городу:
Въ описяхъ есть да написапо:
Ко городу надо съѣхать ко Кіеву.
Розыскиваю я, богатырь, по всей землѣ
И мѣста-да я разсматриваю;
И сидѣль-то я, богатырь, старой казакъ,
Сидѣль-то я безъ ногъ тридцать лѣтъ;
Даль мнѣ Господь хожденіе ногамъ.
И силу богатырскую неизвѣстную.
И ѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Хлѣбъ-то онъ имѣлъ да во колчани
И всѣ доспѣхи при себѣ у богатыря.
Придвигается ко дорогѣ онъ ко широкой—
И написано на дорогѣ на широкой:
Во правую путь ѣхать—ко городу ко Кіеву.
По лѣвую путь ѣхать—ко Соловью Рахманову,
И этотъ разбойникъ Соловей извѣстенъ былъ по всей землѣ.
Жилище онъ имѣлъ себѣ на двѣнадцати дубахъ;
Мимо себя не пропускалъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни птицы
летущей.

Свисталъ онъ по змѣнному,
Кричалъ онъ по звѣрному.
Остановился старой казакъ Илья Муромецъ;
Охота очистить путь эта ко городу ко Кіеву;
Пріѣзжаетъ ко полю ко чистому,
Увидалъ онъ богатыря, ѣзжучись по полю по великому;
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И коня-то богатырскаго богатырь понуживаетъ,
Палицей булатной погнрываетъ,
Выкидываетъ палицу подъ облако.

И такъ же старой казакъ Илья Муромецъ.
Коня сталъ понуживать
И палицей булатной поигрывать,
Выкидываетъ палицу подъ облако.
И выѣхали эти богатыри на широко поле
И увидѣлъ Соловей Рахмановъ русскаго могучаго богатыря,
Свиснулъ онъ да по змѣиному,
Крыкнулъ онъ да по звѣриному;
И конь то богатырскій у богатыря на колѣнки палъ,
И палъ да на сыру землю.

Проговорить старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:

„Ай же ты конь да богатырской!

„Не бойся ты свисту змѣйнаго,

„Не бойся ты крику звѣринаго,

„Служи ты вѣрой-правдой мнѣ!“

Соткнулись богатыри да въ одно мѣсто

Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ—

И вышибъ Соловья Рахманаго

Съ коня да богатырскаго на сыру землю,

И привязалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ Соловья Рах-
манаго

Ко зтыпмъ къ оторокамъ коннымъ;

И коня-то старой казакъ Илья Муромецъ понуживаетъ,

Палицей булатней поигрываетъ;

Приѣзжаетъ къ дому Соловья Рахманаго,—

Было-то у него да три дочери.

Большая дочь говорить:

„Нашъ-то батюшка ѣдетъ

„Русскаго могучаго богатыря везетъ въ оторовахъ конныхъ“.

И середняя дочь тоже говорить:

„Привязанъ русскій могучій богатырь къ оторокамъ кон-
нымъ“.

А меньшая дочь говорить:

„Ай вы сестры мои да родимы!

„Русскій-то могучій богатырь ѣдетъ

„Да нашего батюшку везетъ

„У тихъ ли у тѣрокахъ конныхъ“.

Пріѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ

Ко этому дому ко Соловья Рахманаго;

Ворота да отворены на пята—на бѣлый дворъ;

Махнулъ онъ тутъ коня да богатырскаго

Плеточкой шелковой,

Собрался на бѣлый дворъ старый казакъ Илья Муромецъ;

Выходятъ дочери на крыльцо да на парадное,

Прогѣворятъ богатырю да таково слово:

„Умертвилъ ты нашего родителя!“

Прогѣворилъ старой казакъ Илья Муромецъ, синь Ивановичъ:

„Знаешь ли ты, бѣлая дочь Соловья Рахманаго?

„Есть ли храбрѣ меня, вонна Илья Муромца,

„А красивѣ тебя?“

Проговоритъ дочь великая Соловья Рахманаго:

„Я твоей храбрости не вѣдаю,

„Стара казака Илья Муромца и сына Ивановича,

„А своей красоты да дѣвичьей не могу я знать!“

У мѣншой у сестры спрашиваетъ старой казакъ Илья Муромецъ:

„Есть ли красивѣ тебя и храбрѣ меня?“

Проговоритъ меньшая дочь Соловья Рахманова:

„Во подсолнечномъ градѣ у Кóроля

„Есть дочь единая; брови у ней—черна соболя,

„Очи у ней—ясна сокола

„По косицамъ у ней звѣзды частыя“.

Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ

Илья Муромецъ, синь Ивановичъ;

Поѣду я, старой казакъ Илья Муромецъ,

Ко городу ко Кіеву

Увидать-то мнѣ надо Солнышко — князя Владиміра стольно-Кіевскаго.

И пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ

Ко городу ко Кіеву,

Къ тому ли князю да ко Владиміру

И ко Солнышку князю стольно-Кіевскому.

И входитъ во покон княжецкіи,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны покланяется,
И Солнышку князю Владимиру
Дѣлаетъ поклонъ особинной.
Увидали всѣ русскіи могучіи богатыри
Стара казака Илью Муромца, сына Ивановича:
„Будь ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій
братъ!

„Держимъ мы надежду на тебя да великую,—
„Будь же ты городу Кіеву да защитникъ!“

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

2 ¹⁾.

Какъ съѣхались сильніи могучіи богатыри въ чистомъ полѣ,
Они съѣхались да поздоровались,
Со первой со стороны батюшко старій казакъ да Илья
Муромецъ,

А съ другой со стороны сильное Иванище Игнатьевъ сынъ,
Они съѣхались да поздоровались.

„Здравствуй, сильное Иванище Игнатьевъ сынъ!

„Ты откуль идешь да откуль путь держишь?“

Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:

„ Я оттоль иду да отъ Царя-града,

„ Отъ Царя-града иду да отъ Іеросолима“.

Говоритъ ему батюшко старій казакъ да Илья Муромецъ.

„Во Цари-гради есть вѣра та-ль по старому?

„Въ Іеросолимѣ есть вѣра да по прежнему-ль?“

Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ

„Во Царя-гради есть вѣра не по старому,

„Въ Іеросолимѣ есть вѣра не по прежнему,

„Тамъ обсилило проклатое Идолище,

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. О. Миллера стр. 326 и 750.

„Сидитъ между царемъ, между цариею
„Межъ Сурывливимъ Васильемъ Боголюбевымъ“.

Говорить ему старый казакъ да Илья Муромецъ:

„Чтожь ты на проклятое не напускаль?“

Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:

„Не то я на проклятаго не напускаль,
„Не смѣлъ то я думшкой подумати,
„Не смѣлъ то я мыслями помыслити;
„Какъ головище у проклятаго съ пивной котель,
„А глазища у проклятаго съ пивны чаши,
„А носище у проклятаго бывъ калена стрѣла,
„А тулѡвье у проклятаго будто куча сѣнна — не-
смѣтная“.

Говорить тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ:

„Ай-же ты, сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ!
„Ты садись-ко на матушку сыру землю,
„Разувай-ко лапотки изъ семи шелковъ,
„Ты снимай-ко подсумки изъ лѣта бурхатъ,
„Вынимай-ко шляпу земли Грецкѣи,
„Скидывай ты гуню Сороцинскую,
„Одѣвай-ко мое платье дорожное“.

Онъ отвѣчатъ ему, стару казаку да Ильѣ Муромцу.

„Какъ добромъ тѣ не дать, такъ ты силомъ возмешь,
„Силомъ возмешь, да мнѣ-ка горбъ надмѣшь“.

Садился на матушку сыру землю,
Снималъ онъ шляпу земли Грецкѣи,
Скидывалъ онъ гуню Сороцинскую,
Одѣвалъ онъ платьице Ильюшино—дорожное.
Скорымъ-наскоро Ильюша одѣвается,
Покрутѣшенько Ильюша снаряжается,
Обувалъ Ильюшинка лапотники семи шелковъ,
Въ которыхъ лапотникахъ заплачено
По камешку по яхонту,
По яхонту по самоцвѣтному,
Не для-ради красы-басы убожества,
А ради укрьпы богатырской—молодеческой,

Чтобы днемъ идти краснымъ солнышкомъ,
А ночью идти видно свѣтлымъ мѣсяцемъ.
Справлялся Илюша во дороженьку,
Покрутенько да снаряжается;
Изымалъ Илюша дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ безъ одинаго;
Пошелъ Юлюша, пробирается,
Только мать земелька подгибается;
Скоро скажется, по успѣху дѣло діется:
Это будетъ Илья да у Царя-града
У Царя града у Иеросолпма,
У той стѣны у городовой.
Закричалъ Юлюшенька въ полголоса,
Во Царь-гради новы дома пошатились,
А старыя то дома разсыпались,
А бережіе кобылы жеребилися,
Брюхаты бабы розродились;
На Божьихъ церквахъ чудны кресты покривились.
Проклятое чудовище у палаты грановитыя
Ужаснулся да чудъ обмалтался,
Самъ говоритъ такъими слова:
„Ай-же ты, царь Васплій Суровливичъ да Боголюблевичъ!
„Выходи-тко на крылечко на царское,
„Закричи ты царь да зычнымъ голосомъ;
„Како у ты во Царь-гради уродище уродуетъ,
„Ты зови его къ себѣ въ палату грановитую,
„Чтобы шелъ онъ въ палату грановитую,
„Во ту грѣдню во столовую,
„Чтобы поклонъ-то клалъ по ученому,
„Крестъ клалъ онъ по писаному,
„Кланялся на всѣ четыре стороны,
„Царю со царицей понизешеньку
„А твоимъ гостямъ—любимымъ въ особину“.
Тутъ выходитъ царь на крылечко на пиреное,
Закричалъ тутъ царь да зычнымъ голосомъ:
„Ахъ же ты, калика перехожаа!

„Ты поди ко мнѣ во покои во царскіи,
„Крестъ кладай по писаному,
„Поклонъ ве́ди да по ученому,
„Клонись на всѣ четыре стѣроны,
„Царю съ царицей понпзешеньку,
„Моимъ гостямъ любимымъ въ особину“.

Того-то шишъ калика взрадогалася,
Скакаль калика черезъ стѣпу городѡвую,
Черезъ тотъ-то тынь черезъ булатный,
Шель калика скорымъ-на́скоро
На ты сини на царскіи,
Во ту палату грановитую,
Во ту во гри́дню во столовую.
Ужь онъ крестъ кладалъ да по писаному,
Поклоны вель да по ученому,
Клонится на всѣ на четыре на стѣроны,
А царю съ царицею въ особину,
А проклятому чудовищу челомъ не бьетъ.
Это тутъ проклятому не слюбилось,
Онъ вѣдь сталъ калику выпрашивать,
Сталъ каликушку вывѣдывать:

„Ай-же ты калика шишъ перехожая!
„Ты коей земли, да ты коей орды,
„Коего отца да коей матушки“.
„Я со матушки да со Святой Руси,
„Со Святой Руси да съ богатѡй орды“.
„Видалъ ли ты шишъ калика перехожая,
„Видалъ ли ты да Илью Муромца;
„Какъ у васъ на матушки на Святой Руси
„Есть Илья у васъ Муромецъ,
„Онъ у васъ, говорятъ, силенъ есть“.

Отвѣчать шишъ-калика не съ упадкою:
„Голосомъ и волосомъ и возрастомъ
„Будто братецъ мой;
„Ужь я платица ношу его обдержечки,
„А сапожки ношу его оптопточки,

„А шляпу ношу его да рваную“.

Говорить ему проклятое Идолище:

„По много ли онъ хлѣба къ выти кушаетъ?“

„А калачъ да булочка ему на два дня“.

Говорить тутъ сильное проклятое Идолище:

„Ай же, есть онъ мнѣ не силенъ, какъ я есть силенъ;

„Былъ семь печей калачей

„Да сорокъ мякушечекъ;

„По бочкѣ выпиваю я пива пьянаго,

„А по лебеду я сразу закусываю“.

Говорить тутъ шишъ калика переходя,

Отвѣчасть онъ калика не съ упадкою:

„Какъ у насъ-то есть да на Святой Руси,

„Какъ у нашего у батюшка коровище обжорное

„По много къ выти фла, фла—треснула“.

Ему эти рѣчи не слюбились,

Схватилъ онъ проклятой булатный ножъ,

Какъ бросилъ онъ проклятой въ Илью Муромца.

Какъ тутъ-то Юльюши смерть не писана,

Увернулся-то Илья за правую за ливинку,

Пролетѣлъ булатный ножъ на сѣни да на царскіи,

Какъ прибилъ онъ поганыхъ Татаровей!

Какъ схватилъ Илья одного за правую за ноженку,

А другаго схватилъ за правую за рученьку,

Какъ началъ тутъ Юльюшинька помахивать,

Куды махнетъ, туды улпца,

Отмахнетъ куды, переулочекъ;

Прибилъ тутъ проклятыхъ Татаровей,

Не оставилъ онъ проклятыхъ на сѣмена;

Завзималъ онъ дубинку подорожную,

Пришелъ-то онъ во гридню во столовую,

Ударилъ онъ Идолище да между уши,

Покатилась головнище, какъ пивной котель,

Полетѣли глазища быдто селезни,

И поплыли по Волхову,

Понесло его тушу сѣвную—несмѣтную.

Тутъ ему проклятому славы поконъ.

(Записано А. Николаевскимъ, въ приходѣ Кулгала, Филимоновой волости, отъ крестьянина Щербакова).

3 ¹⁾.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ;
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него почестень пиръ
На многихъ на князей на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей;
Вси князья—вси бояра со двора да соѣзжали,
Среди-то ноченьки да темной,
Приѣхалъ-то Татаринъ поганой,
Ко тому ль то князю ко Владиміру,
Ко Владиміру князю ко Солнышку.
Зашелъ онъ въ палаты княженецкіи,
Ёрлычекъ на столъ да выкладывалъ,
На тотъ ли столъ да на дубовой,
На ту ль доску да на позлаченную;
Самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Прибери-тео вси дворы да княженецкіи,
„Очисти-тео палаты богатырскіи,
„Обмети-тео ты улицы стрѣлецкіи—
„Въѣхатъ Кайну-собакъ поганому
„Во стольный градъ во Кіевъ.
Приѣхалъ Кайнъ-собака поганой
Ко той рѣки ко Смородины,
Ко этому камень ко Латырю,
Ко тому ли дубу то ко шіроку,
И привезъ сорокъ кородей, королевичей,

¹⁾ Соответствующій этому пересказъ, записанный со словъ того же сказателя, но не полный и съ инымъ окончаніемъ, находится въ сборникѣ Рыбникова, I, 118 — 119.

Привезъ сорокъ царей, сорокъ царевичей;
У королей, у королевичей силы е по тысящъ,
У царей, у царевичей по сту тысящъ.
Приказалъ Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Зазвонить-то во било колокольное,
Штобы собралысь вси русскіи могучіи богатыри
Ко Солнышку князю ко Владиміру
На широкій дворъ и въ полаты княженецкіи.
Ужаснулось сердечко у Солнышка у князя у Владиміра,
Говорить да онъ могучимъ богатырямъ:
„Былъ-то Татаринъ поганый среди ночи темныя
„Во палатахъ княженецкіихъ;
„Ёрлычекъ на столъ да онъ выкидывалъ,
„На тотъ ли столъ да на дубовый,
„На ту ли доску да золоченую,
„И самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно Кіевскій!
„Пріѣхалъ Татаринъ поганый ко Солнышку князю Владиміру,
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Ты очисти-тко дворы да княженецкіи,
„И полаты богатырскіи,
„И омети улицы стрѣлецкіи.
„Пріѣхалъ Канъ-собака поганой,
„Ко той рѣкѣ да ко Смородиной,
„Ко тому ль ко каменю ко Латырю,
„И ко тому ли дубу да ко широку;
„И привелъ онъ сорокъ королей и королевичей.
„И сорокъ царей, сорокъ царевичей;
„У королей и королевичей силы е по цѣлой по тысящъ,
„У царей и у царевичей по сту тысящъ“.
И вси сидятъ русскіе могучіе богатыри,
Утуплены очи ясны во калиновъ мостъ;
Только нѣтъ единого стара казака Ильи Муромца
У Солнышка князя Владиміра;
Послать русскаго могучаго богатыря
Къ стару казаку Илью Муромцу,

*

Илью Муромцу, сыну Ивановичу.
Пришелъ русскій могучій богатырь
Къ стару Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, свѣту Ивановичу,
Крестъ кладеть онъ по писаному,
Поклонъ ведеть онъ по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре на сторонѣ покланяется;
Стару казаку Илью Муромцу
Дѣлать онъ поклонъ да особенный.
„Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
„Пріѣхалъ-то Татаринъ поганый въ палаты княженецкіи,
„И самъ ерлякъ-то на столъ да выкладывалъ,
„На тотъ ли столъ да на дубовый,
„На ту доску да золоченую;
„Самъ на словахъ да выговаривать:
„Прибери-тко ты вси дѣры да княженецкіи,
„Очисти палаты богатырскіи,
„Омети улицы стрѣлецкіи.
„И въѣхатъ Канну-собаки поганой
„Во стольный градъ во Кіевъ.
„Пріѣхалъ Татаринъ собака поганый
„Ко той рѣки ко Смородиной,
„Ко тому ль то камени ко Латырю,
„Ко тому ль то дубу да ко шYROкY,
„И привелъ сорокъ королей и королевичей,
„И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей;
„У королей, у королевичей силы по цѣлой е по тысящи,
„У царей, у царевичей по стѣ тысящъ.
Проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Дай-ко ты, Солнышко Владиміръ князь,
Дай намъ времени подѣдохнуть,
Не на много, не на мало на двѣнадцать дней;
Поѣхали во палаты богатырскіи
Русскіи могучіи богатыри;
Насыпали пшени бѣлояровой

Конямъ да богатырскімъ;

Они стоятъ—пшено ѣдятъ.

И проходятъ тому времени двѣнадцать дней.

Приходитъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ

Ко Солнышку князю ко Владиміру,

Дѣлаетъ поклонъ да о калиновъ мость,

Самъ Владиміру слово выговаривать:

„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!

„Спусти-тко меня ко тѣмъ ли Татарамъ поганимъ“.

Проговорилъ Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій:

„Есть ты молодъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ,

„Отъ роду тебѣ всего семнадцать лѣтъ;

„Гдѣ же у тебя да родной батюшка?“

Воспроговорилъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ:

„Ушелъ-то мой родной батюшка

„Ко Ерману ко Сергію.

„Дай ты, Солнышко мнѣ Владиміръ князь,

„Прощеньице и благословеньице:

„Поѣду ко Татарамъ ко поганимъ;

„Дашь прощеньице—поѣду,

„И не дашь благословеньице—поѣду,

„Стоять за стольный градъ да Кіевъ,

„За свое родное отечество,

„За свою ль за ту вѣру христіанскую“.

Пріѣзжаетъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ

Ко зтымъ ко русскімъ богатырямъ

Во палатки богатырскіи.

Все кони стоятъ и все пшено ѣдятъ,

Все пшено ѣдятъ да бѣлоярово,

И спятъ русскіи могучіи богатыри.

Проговорилъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ:

„Ай же ты, старій казакъ Илья Муромецъ,

„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!

„И не честь спятъ русскімъ могучімъ богатырямъ,

„Надо ѣхать ко тымъ Татарамъ ко поганимъ.

Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:

„Ай же ты младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ!

„Есть ты юноша младый,

„Отъ роду тебѣ семнадцать лѣтъ;

„И выстань ко ты во широкъ дубъ,

„И посмотри-тко на Татаръ да на поганынхъ:

„Много ль нагнано Татаръ поганынхъ?“

Опустился младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ

Со этого со дуба со широка;

Прогдворить стару казаку Ильѣ Муромцу,

Ильѣ Муромцу, сыну Ивановичу:

„Только нагнано Татаръ поганынхъ—

„Сѣрому волку въ день не ѡскакать;

„И черному ворону въ день не ѡблетать,

„И не честь русскимъ могучимъ богатырямъ,

„Надо ѣхать ко Татарамъ ко поганымъ“.

И поѣхалъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ

На этое на поле на чистое.

Ко этимъ Татарамъ ко поганымъ.

Высталъ старый казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,

Отъ этого отъ сна да богатырскаго;

И высталъ онъ да во широкъ дубъ,

И посмотрѣлъ да ко той рѣкѣ да ко Смородиной,

И ко тому ль ко каменю ко Латырю,

Ко тому ль дубу да ко широку;

Посмотрѣлъ то во трубу подзорную

На поле на чистое.

И только нагнано Татаръ поганынхъ—

И сѣрому волку въ день не ѡскакать,

И черному ворону въ день не ѡблетать;

И младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ

И ѣздитъ на томъ ли конѣ въ богатырскомъ

По этому то полю по чистому,

И плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ.

И палицей булатной поигрываетъ.

И во поли чистомъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ,
Какъ на морѣ волна да колеблется,
Рубить Татаръ да поганыихъ.
Разгорѣлось у стараго казака Ильи Муромца сердце бога-
тырское:

„Воротитесь, русскіи могучіи богатыри!

„Воротитесь во стольный градъ во Кіевъ!

„Поѣду единъ во поле во чистое“.

Садился на коня богатырскаго

Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,

Плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,

Палпцей булатной погрыиваетъ;

Приѣхалъ ко Татарамъ ко поганыимъ на поле на чистое.

Стали рубить Татаръ поганыихъ—

Со этимъ со младымъ Ермакомъ Тимоѣевичемъ;

И прирубили Татаръ да поганыихъ

На этомъ на полѣ на чистомъ.

Возвратились они ко городу ко Кіеву,

Ко Солнышку князю ко Владиміру;

Зашли къ нему въ палаты княженецкіи;

Крестъ они кладываютъ по писаному,

Поклонъ ведутъ по ученому

И на двѣ, на три, четыре на стороны покланяются,

И Солнышку князю Владиміру да въ особину.

„Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!

„Прирубили мы всѣхъ Татаръ поганыихъ,

„Со младымъ Ермакомъ Тимоѣевичемъ,

„По родительскому прощеньицу,

„По Божьему благословеньицу“.

(Зап. М. Гурьевымъ отъ Шеголепкова).

Добрыня Никитичъ.

1 ¹⁾.

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:

„Свѣтъ-государь — моя матушка,

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. О. Миллера стр. 497—498.

„Честна вдова Евфимья Александровна,
„Дай-ко мнѣ прощенье благословеньице,
„Бхать во далече, далече во чисто поле,
„Отвѣдать мнѣ плеча да богатырскаго
„Бровавить-бить мнѣ поганыхъ Татаровей“.

Отвѣчаетъ ему свѣтъ его матушка,
Честна вдова Евфимья Александровна:

„Ай-же ты, мое да чадо шлюе,
„Молодой Добрынюшка Никитинечъ,
„Какъ бы родился ты сплюю въ Кострюка Демьяновича,
„А ухваткой въ стараго казака да Плью Муромца,
„А походочкой въ Чурилу Пленковича!“
„Ай свѣтъ, свѣтъ государь моя матушка,
„Ты на что меня Добрынюшку спородила,
„На что меня на бѣлой свѣтъ попустила,
„Спородила бы Добрыню бѣлымъ камешкомъ,
„Кинула бы камешокъ да въ сине море,
„Лежалъ бы Добрыня бѣлымъ камешкомъ въ синемъ морѣ“.
Тутъ-то его матушка расплакалась,
Давала прощеньице-благословеньице;
Тутъ Добрынюшка возрадовалъ;
Поехалъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Сѣдлалъ-то Добрынюшка добра коня,
Сивушка и бурушка космапнаго,
Застягивалъ двѣнадцатью подпругамъ,
Тринадцатую натягивалъ продольную;
Тутъ-то пошелъ во свою палату грановитую,
Ко честной вдовы ко Евфимьи Александровнѣ,
Паить-то онъ во правую во ноженку,
Самъ говорилъ таковы слова:

„Свѣтъ государь моя матушка,
„Честна вдова Евфимья Александровна,
„И въ томъ же молода Настасья Никулична!
„Если я не буду черезъ три года да изъ чиста вода,
„Такъ ты, жена моя боярыня, поди на всѣ четыре стороны.
„Только не ходи за моего за брата за названнаго;

„Тотъ-то Олеша Пустохвастовичъ—

„Пустымъ Олеша хвастаетъ,

„Небылицей онъ да похваляется;

„А поди хотъ за князя за боярина,

„Хотъ за сплынаго богатыря,

„Тутъ тебѣ да воля вольная“.

Выходилъ Добрынюшка Никитинечъ,

Со той со палаты грановитныя,

На свой-то на шпрокой дворъ,

Садился Добрынюшка на добра коня,—

Только видѣли молодца сидучись,

Не видѣли удалаго поѣдучись;

Отъ того ли коньята лошадиного,

Въ чистомъ полѣ будто столпъ стоятъ.

День-то за день, какъ ручей бѣжитъ,

Недѣля за недѣлей, какъ рѣка течетъ.

Прошло того времечки три года,

Не видать-то Добрыни со чиста поля.

Сталъ тутъ Олешинька подхаживать,

Сталъ онъ Настасью подговаривать:

„Ты поди-ко, Настасья да Никульнична,

„За меня за Олешеньку за мужество;

„Я вечеръ пріѣхалъ изъ чиста поля,

„Видѣлъ Добрынюшку убитаго,

„Буйной головою лежигъ во ракитовъ кустъ,

„Рѣзвыма пожками лежигъ онъ во Почай-рѣку“.

Она-то была женщина умная,

Исполнила заповѣдь мужнюю,

Положила заповѣдь женскую:

„Еще пройдетъ друго три-годы,

„Исполнится того времечки да вѣдь шесть годовъ,

„Потомъ-то я хотъ вдовой живи, хотъ за мужъ поди“.

День-то за день, какъ дождь дождитъ,

Недѣля за недѣлей, какъ ручей бѣжитъ,

Годъ-то за годъ, какъ рѣка течетъ.

Потомъ сталъ Олешинька подхаживать,

Сталъ Настасью онъ тутъ подговаривать:
„Если ты добромъ нейдешь, такъ я силою возму,
„Будетъ у меня свать князь стольно-Кіевскій,
„Княгиня будетъ свахой Апраксія“.

Потомъ у нихъ начался почестной пиръ.

А Добрынюшка спитъ во чпстомъ полѣ,
Во бѣломъ шатрѣ спитъ-прохлаждается,
Надъ собой невзгоды не начается.

Тутъ налетѣлъ воропъ-птица черная,
Сѣлъ онъ на сырой дубъ и сталъ кричать
Человѣчьимъ голосомъ:

„Какъ ты спишь, Добрынюшка Никитинечъ,
„Надъ собой-то ты невзгоды не вѣдаешь;
„Надъ тобой невзгода есть великая:
„Какъ твоя то молодѣ жена Настасья Никулчна
„За мужъ пошла за твоего за брата названого
„За Олешеньку Поповича“.

Тутъ его конь-лошадь добрая
Сталъ копытомъ бить да о сыру землю,
Стала матушка сыра земля подрагивать;
Отъ того отъ сна крѣпкаго
Добрынюшка пробуждается,
Выходитъ онъ съ шатра бѣлополотняна,
Конь-лошадь добра

Человѣчьимъ языкомъ провѣщилъ:

„Ай же ты, Добрыня Никитинечъ!
„Ужъ ты спишь во шатрѣ да прохлаждаешься,
„Надъ собой невзгоды не начинаешься;
„Надъ тобой-то есть невзгодуша великая:
„Твоя-то молодѣ жена
„Молода жена Настасья Никулчна,
„Она вѣдь пошла за мужество,
„За твоего за брата названого,
„За Олешиньку Поповича“.

Повернулся Добрыня крутѣшенько,
Одѣвался Добрыня скорѣшенько,

Снаряжался Добрыня со чиста поля,
Садился Добрыня на добра коня,
Самъ говорилъ таковы слова:

„Ахъ-ты конь-лошадь добрая,
„Сюды ты везла ровно шесть годовъ,
„А отсель провези да ровно два часа“.

Какъ пошелъ конь да лошадь добрая,
Рѣки, озера перескакивалъ,
Мелкія источники межъ ногъ пустилъ.
Скоро скажется, по успѣхъ дѣло діется.
Проѣхалъ онъ Добрыня полтора часа;
Будетъ онъ у своей палаты грановитя,
У того поселя богатырскаго,
Будетъ онъ подъ окошечкомъ коспвчатымъ,
Какъ сидитъ его родитель матушка,
Честна вдова Овфимья Александровна,
Подъ тымъ подъ коспвчатымъ окошечкомъ.

„Ахъ ты, честна вдова Офимья Александровна,
„Дай же ты мнѣ милостышку,
„Ради мѡлодца Добрыни Никитича“.

„Ахъ вы, шипшъ калики переходшіи!
„Кабы былъ онъ Добрыня Никитинечъ,
„Кабы былъ то онъ да во живностяхъ,
„На досугъ бы вамъ каликамъ насмѣхатися,
„Мной старухой спотыкаться“.

Какъ не досугъ Добрынѣ много разговаривать,
Снималъ онъ шляпу со головушки.

„Ахъ ты, родитель, моя матушка!
„Я не шипшъ калика переходжая,
„Я есть молодой Добрыня Никитинечъ“.

„Ахъ ты, шипшъ калика переходжая!
„У мѡего у Добрыни Никитича
„Есть на головушкѣ родимная знадебка“.

Какъ увидала старушка родну знадебку,
Какъ не вѣсть-то старушка взрадовалася,
Не знать старушка испугалася;

Побѣжала старушка къ воротамъ рѣшетчатымъ,
Какъ взимала свое-то чадо милое
За ручки за бѣлыи,
Цѣловала во уста во сахарніи:
Онъ говоритъ да такыя слова:

„Ахъ-ты родитель моя матушка,
„Что же ты меня встрѣчаешь,
„А не встрѣчаетъ молода жена,
„Настасья Никулишна“.

Тутъ старушка говоритъ такыя слова:
„Твоя-то молода жена, любимая семья,
„Настасья Никулична,
„За мужъ пошла за молодца Олешеньку Поповича“.
Не досугъ долго разговаривать Добрынь Никитичу,
Самъ говоритъ онъ такыя слова:

„Ай-же ты родитель моя матушка,
„Честна вдова Овфимья Александровна,
„Поди-ко ты во новую во горенку,
„Возми-ко мое платье скоморошное,
„Возми-ко гусельца яровчатин,
„Возми мою дубинку подорожную,
„Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единого“.

Взимала старушка во правую рученьку
Платье скоморошное,
Подъ правую подъ пазушку
Гуселка яровчатин,
Во лѣвую во рученьку брала дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единого;
Принесла старушка Добрынь Никитичу.
Тутъ Добрынюшка одѣвался скорымъ наскоро,
Взималъ онъ гуселка яровчатин,
Подъ правую подъ пазушку,
Взималъ онъ дубинку подорожную
Во лѣвую во рученьку;
Пошелъ онъ улками да переулками,
Идетъ онъ на почестень прѣ,

Идетъ Добрыня по улицамъ; увидали робятка

И стали говорить таковы слова:

„Идетъ тутъ не легка скоморошина,

„Идетъ тутъ Добрыня Никитичъ,

„Идетъ онъ Добрыня на почестень пиръ“.

„Ахъ вы ребятка, не говорите про Добрыню Никитича,

„Ужъ я взадъ пойду, да вамъ калачъ куплю“.

Пришелъ Добрыня во почестень пиръ

Во ты палаты княженецки,

Ужъ онъ крестъ владеть да по писаному,

Поклонъ ведетъ да по ученому,

Ужъ онъ клонится на всѣ четыре стороны,

Князю съ княгинею въ особину,

Честнымъ гостямъ любимымъ въ особину,

Самъ говоритъ таковы слова:

„Ай-же ты, царь стольно-Кіевскій,

„Дай-ко ты мнѣ мистечка немножечко,

„Дай-ты мнѣ мѣсто скоморошное“.

Потомъ говоритъ царь стольно-Кіевскій:

„Твое мѣсто скоморошное на запечья“.

Эта легка скоморошина—сказалъ онъ на запечью,

И сядилъ на печку муравлину;

Струну натягивать отъ Царя-града,

А другую направлять отъ Іерусалима,

Онъ пснни ведетъ съ за синя моря.

Да какъ тутъ князь стольно-Кіевскій разслушался,

Эты ему пснни прилюбилъ;

Игра ему да приглянулася.

„Ай-же ты, легка скоморошина,

„Выходи-ко ты да изъ запечья,

„Не твое сидѣть мѣсто на запечья,

„Я дамъ тебѣ три мѣстечка:

„Первое мѣсто подлѣ меня,

„Другое мѣсто супротивъ меня,

„А третье мѣсто, гдѣ тѣ любо есть“.

Тутъ говоритъ легка скоморошина:

„Дай-ко ты мнстечка не множечко,
„Позволь своимъ гостямъ любимымъ по раздвинуться,
„Позволь мнѣ-ка сѣсть супротивъ князя, супротивъ кня-
жии“.

Тутъ сажился лёгка скоморошина
На ту скамеечку дубовую.

„Ты позволь-ка, князь стольно-Кіевскій,
„Намъ съ княгиней да перелипся“.
Вѣсомъ чара полтора пуда,
Мѣрой чара полтора ведра,
Принималъ тутъ чару единойъ рукой
И выпивалъ Добрыня единымъ вздохомъ;
И ту жъ чару наливалъ онъ княгинѣ молодой,
Молодой Настасьѣ Микуличной;
Спускалъ онъ въ ту чару свой перстень вѣнчальный,
Съ которымъ они да обручались;
Подавалъ онъ чару единойъ рукой,
Молодой Добрыня Никитинечъ,
Самъ говорилъ таковы слова:

„Ай же ты, молода Настасья Мпкулчна,
„Бери-ко чару единойъ рукой,
„Выпивай-ко чару единымъ вздохомъ.
„Ужъ ты пьешь до дна, такъ увидишь добра,
„Ужъ не пьешь до дна, такъ не видишь добра“.

Принимала чару единойъ рукой,
Выпивала чару на единый вздохъ,
Увидала въ чарѣ свой перстень вѣнчальный
Своего мужа Добрыня Никитича,
Сама говорить таковы слова:

„Не тотъ мой мужъ, кой подли меня,
„А тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня —
„Молодой Добрыня Никитинечъ“.

Сама ставала на ножки на рѣзвыи,
Скакала чрезъ столы чрезъ дубовыи,
Черезъ тии ѣсцы сахарніи,
Черезъ тии пята медвяныи,

Брала за ручки за бѣлыи,
Цѣловала въ уста во сахарніи.
Тутъ Добрыня Никитинечъ —
Его ли сердце разгорѣлося,
Самъ говоритъ таковы слова:

„Не дивую я разуму женскому,
„А дивую я уму княжѣнецкому,
„Какъ отъ жыва-то мужа да жену увелъ“.

Какъ взималъ тутъ Добрыня Никитинечъ
Олешу Поповича

Взималъ онъ за желты вудри,
Бросилъ онъ его да о кирпичной полъ,
Пихнулъ его подъ ж... проклятаго
Съ того-то со стыда со велиаго;
Онъ клянется Олеша, проклинается:
Не всякому женидѣба удавается;
Удавалася женидѣба тремъ молодцамъ,
Сильнымъ могучимъ богатырямъ,
Первому богатырю Ставру Годиновичу,
А другому Ильѣ Муромцу,
А третьему Добрыѣ Никитѣвичу.
Онѣ были три сестры,
Одна Настасья Микулѣчна.

(Запис. А. Николаевскимъ въ приходѣ Кулгала, въ Филимоновой волости.)

2 ¹⁾.

На славной на заставѣ на Московской
Стояло тамъ двѣнадцать богатырей.
Русскіи могучіи богатыри, полѣнницы удалыи!
„Кого мы пошлемъ, богатыри, во землю во Тальянскую?“
Проговорятъ богатыри да таково слово:
„Если послать Святогора богатыря,—
„Не кому стоять на заставѣ на Московской.
„Послать намъ Добрынюшку Никитича

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. О. Миллера, стр. 502.

„Во эту во землю во Тальянскую,

„Отъ короля да велкаго,

„Велкаго да отъ Литовскаго.

„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка, ко этому подворью ко
вдовинному

„И къ честномужнейей вдовы

„Афимѣ Александровнѣ,

„Попроси-тко ты, Добрынюшка, прощеньца-благосло-
веньца—

„И ѣхать во землю во Тальянскую“

Приѣзжаетъ Добрынюшка къ честномужнейей вдовы,

Къ Офимѣ Александровнѣ;

И крестъ-отъ кладетъ онъ по писаному,

Поклонъ-отъ ведетъ да по ученому

И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,

Честномужнейей вдовы Офимѣ Александровнѣ

Дѣлать онъ поклонъ да въ особину.

„Честномужняя вдова Офимья Александровна!

„Дай-ко ты мнѣ прощеньца, благословеньца

„Ѣхать во землю во Тальянскую,

„Надо намъ биться да ратиться,

„И стоять-то за Кіевъ за стольный градъ,

„И за свое-ли то родное отечество,

„И за вѣру-то да христіанскую“.

И прогдворитъ честномужняя вдова Офимья Александровна:

„Узнать-то Солнышко Владиміръ князь о твоей-то о храб-
рости,

„Когда ростила вдова да вѣдь несчастная

„Тебя да и Добрынюшку Никитича;

„Хочетъ разлучить Солнышко Владиміръ князь

„И русскіи могучіи богатыри;

„Видно, не кого послать въ землю во Тальянскую.

„Я знала бы тебя да вѣдь Добрынюшку—

„Я силой породила бы тебя въ Святогоря да богатыря,

„А смѣлостью породила бы супротивъ

„Стара казака Ильи Муромца,

„Ильи Муромца, сына Ивановича;
„Грамоты бы тебя повучила супротиво Олешеньки Поповича“.
Заходить онъ, Добрынюшка, въ конюшню богатырскую,
Береть ли себѣ коня да богатырскаго;
Надѣваетъ на коня-то онъ уздницу тесмяную,
И кладываетъ на коня-то онъ исподнички,
И на исподнички кладываетъ онъ войлочек
И на войлочек-то сѣдлышко,
Сѣдлышко да черкасское;
И застегиваетъ подпруги въ этомъ сѣдлышкѣ черкасскомъ
двѣнадцатеры—

Не для-ради красы, ради крѣпости;
Завязываетъ связочки семи шелковъ—
Не для-ради красы, ради крѣпости.
И во этихъ стремянахъ булатныхъ
Были-то пряжечки серебряны,
И во пряжкахъ штылечки чиста золота;
И булатъ-то желѣзо не ржавлѣтъ,
Арабское золото не держится.
Осѣдлалъ-то Добрынюшка коня да богатырскаго.
И держать во умѣ, Добрыня, таково слово:
„Поѣхать-то надо мнѣ во землю во Тальянскую
„И надо тамъ мнѣ биться да ратиться,
„И стоять-то Добрынюшкѣ за стольный градъ за Кіевъ
„И за свое ли то родное отечество
„И за ту ли то за вѣру христіанскую,
„И повзбратъ пошлину за двѣнадцать лѣтъ
„Отъ того-то короля да отъ Литовскаго“.
Проговорятъ честномужняя жена Офимья Александровна
таково слово:

„Что же ты, Настасья Микулишна, не прощаешься
„Со своимъ-то мужемъ да законнымъ?
„И выбралъ его Солнышко Владиміръ князь,—
„Подписались русскіе могучіи богатыри
„И тыи полѣнницы удалыи“.
И стала Настасья Микулишна

На свои ль она да на рѣзвы ноги
И утупила свои очи ясны во калиновъ мость;
Идетъ-то по покоямъ бѣлодубнымъ,
И выходитъ на крыльцо-то на переное,
И опускается по лѣстницѣ паратной
И на свой-то на широкой, на бѣлый дворъ;
Приходить-то къ Добрыни Никитичу
И говоритъ-то она да таково слово:
„Ай же ты, мой мужъ да законный,
„Поѣдешь ты въ землю во Тальянскую!“
Прощалась тутъ Настасья Микулишна
Со своимъ мужемъ законнымъ,
Съ Добрынюшкой Никитичемъ.
Проговорилъ Добрыни таково слово:
„Ай же ты, моя жена законная, Настасья Микулишна!
„И ждите меня въ три года
„Со той земли да съ Итальянской.
„И пройдетъ тому времени три года—
„И ждите вы меня тогда шесть годовъ;
И пройдетъ тому времени шесть годовъ —
И ждите меня вы тогда девять лѣтъ;
И пройдетъ тому времени девять лѣтъ,—
И ждите меня да вы двѣнадцать лѣтъ;
И пройдетъ тому времени двѣнадцать лѣтъ —
И тутъ ты, Настасья Микулишна,
Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи;
Только не ходи за смѣлаго Олешу Поповича
За того ль за дѣвочья насмѣшника
И за моего названнаго меньшаго брѣталка“.
Тутъ садился Добрынюшка на коня да богатырскаго,
Сталъ да понуживать плеточвой шелковой
И помахивать сталъ палицей булатной —
Палица булатная вѣсомъ сорока пудовъ.
И малыи рѣки конь богатырскій перемахивалъ,
Озера-то онъ да перескакивалъ;
Куды конь-то летитъ, туды ископытъ столбомъ стоитъ..

И поѣхалъ онъ изъ землѣ въ землю,
Изъ орды въ орду;
И съѣхалъ-то Добрыня къ королю въ Литву.
И началъ дѣлать онъ дѣло медленно:
И проходить тому времени три года—
И не видно Добрыни со чиста поля;
И проходить тому времени шесть годовъ—
Не видно Добрыни со чиста поля;
Проходить тому времени девять лѣтъ—
Не видно Добрыни со чиста поля;
Проходить тому времени двѣнадцать лѣтъ—
Не видно Добрыни со чиста поля.
И застучалось на томъ ли крыльцѣ да на переносѣ,
У того ли кольца да золоченаго,
У той ли палаты богатырской.
И проговорить честномужня жена Офимья Александровна
Сквозь свои слезы да горючихъ:
„Какъ былъ бы Добрынюшка Никитичъ,
„И не дошло бы надсмѣяться надъ подворьникомъ надъ вдовиннымъ“.

Отворила ворота да богатырскіи
Честномужня жена Офимья Александровна,
И пришло три калѣки-перехожихъ;
Лапотки на ножкахъ семи шелковъ,
Котомочки за плечами бархатны;
Крестъ-отъ кладутъ да по писаному,
Поклонъ-отъ ведутъ да по ученому,
И на двѣ, и на три, и на четыре на сторонки покланяются,
Честной мужнеей женѣ Офимѣ Александровнѣ
Они дѣлаютъ поклонъ да особенный.
Одинъ-тотъ проговорить калѣка-перехожій:
„Честномужня жена Офимья Александровна!
„Я и видѣлъ Добрыню во чистомъ полѣ
„Во той землѣ да во Тальянской,
„У того-ли то короля да у Литовскаго
„Твой Добрынюшка да въ услуженіи,

„Разъѣзжать Добрыня во чистомъ полѣ,
„Попуживаетъ коня плеточкой шелковой,
„Понгрываетъ палицей булатной“.

Другой проговорить калѣка-перехожій:

„Я и видѣлъ Добрынюшку убитаго,
„Буйна головушка Добрынюшки разломана,
„Бѣлы грудюшки Добрынюшки распластаны,
„И конь богатырской—по колѣнъ въ крови,
„Растетъ-то на Добрынюшкѣ травонька шелковая,
„Цвѣтутъ-то въдъ цвѣткѣ лазуревы“.

Опечалилась честномужня жена Офимья Александровна,—
И нѣтъ-то Добрынюшки во живности!

Третій проговорить калѣка-перехожій:

„Ай же ты, Настасья Мпеулишна!
„Идешь ли ты да во супружество
„За этого Олешу за Поповича,
„И за того ль да ты дѣвочья насмѣшника?“
И просватала сама себя Настасья Мпеулишна.
И поѣхали они со этой палаты богатырской,
Со этима съ калѣками да перехожими.

Надо съѣхать имъ во землю во Смоленскую,
Ко этому Олешѣ ко Поповичу.

И среди-то ноченьки-то темны

Застучалось у крыльца да у чернаго,

У кольца да золоченаго,

И проговорить честна-мужняя вдова Офимья Александровна
И сквозь свои слезы горючіи да вдовинны:

„Какъ бы былъ мой Добрынюшка во живности,
„И не дошло бы насмѣяться надъ подворьницею,
„И надъ подворьницею да надъ вдовиннымъ!“

Отворила ворота богатырскіи

Той да палаты богатырской.

Приходитъ-то удалый добрый мѡлодецъ незнакомый,—

Притомивши удалой добрый мѡлодецъ;

И крестъ-отъ кладетъ онъ по писаному,

Поклонъ-отъ ведетъ онъ по ученому,

И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
Честномужнейей вдовѣ Офимѣ Александровнѣ
Дѣлаеть поклонъ да онъ особенный.
Не узнала, видно, честномужня вдова Офимья Александровна
Свое сына Добрынюшки Никитича.
Береть-то Добрынюшку за бѣлыи за рученьки,
За тыи ли за перстни за злеченыи,
Цѣлуеть во уста да во сахарныи,
Выговаривать она да таково слово:
„Ай же, ты, Добрынюшка Никитичъ!
„Истомился ты удалый, добрый молодецъ,
„Во этой во дороженьки во широкой“.
И спросить Добрыня таково слово:
„Честномужня вдова Офимья Александровна!
„И гдѣ же моя законная жена Настасья Микулишна?“
Тутъ проговорить она да таково слово:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ!
„Просватала сама себя Настасья Микулишна
„За смѣлаго Олешу за Поповича,
„За того ли за дѣвочья насмѣшника,
„И за твоего за меньшого за браталка.
„Проходить тому времени три денька,
„Какъ уѣхала Настасья Микулишна
„Со этой палаты богатырской“.
Заходитъ тутъ Добрынюшка во свой кабинетъ да богатырскій
И беретъ-то три златницы, три серебряныхъ:
И каждая златница стоитъ сто рублевъ,
Оборачивать коня да богатырского
Отъ своей-го палаты богатырской,
Какъ во эту путь да во дороженьку;
Плеточкой коня онъ попуживать
И палицей булатной Добрынюшка поигрывать,
Палицей булатной богатырской.
И приѣзжаетъ Добрынюшка во землю во Смоленскую
Ко этому двору да богатырскому;
И заперты ворота богатырскія

На этотъ на шйрокъ, на бѣлый дворъ;
Поставлены сторожа да тутъ вѣрны
У этого Олешеньки Поповича
Ко этимъ воротамъ да богатырскимъ;
Не пропускать они ни коннаго, ни пѣшаго
На шйрокъ на бѣлый дворъ
Ко этому Олешѣ ко Поповичу.
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ай же вы, слуги вѣрны Олеша Поповича,
„Вы возьмите-ко съ меня—съ дѣтинушени да скомарешенька,
„По златницѣ вы, да по серебрянной—
„Каждая златница стоитъ сто рублевъ“.
И взяли эти слуги вѣрны съ дѣтинушки скомарешенька
Двѣ златницы, двѣ серебряныхъ;
Отворили ворота да богатырскіи,
Привязали коня да къ золоту кольцу
На этомъ дворѣ да богатырскомъ;
И провели его дѣтинушку скомарешенька
Въ эту палату богатырскую
И ко этому столу да къ княженецкому.
Онъ вкрестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
И столу да княженецкому дѣлаетъ поклонъ да особенный;
И сядися дѣтинушка скомарешенецъ
На эту на печку на земляночку,
Выпгивать наигрыши хорошіи,
Во этии да во гусельника;
И перво разстояніе играетъ дѣтинушка скомарешенецъ
Отъ Кіева до земли Сорочинской,
Отъ Сорочинской, до Тальянской,
Отъ Тальянской до Царя-града,
Отъ Царя-града до Іеросѳима.
Повказалися Настасѣ Мивулиши
Наигрыши хорошіи.
Говорила тутъ она да таково слово:

„Ай же вы, слуги вѣрнии
„И подданны Олешиньки Поповича!
„Вы налейте-ко дѣтинушкѣ скомарешеньку
„Чару зелена вина
„Не малу, не большу—полтора ведра,
„Поднесите-тко дѣтинушкѣ скомарешеньку“.
Выпилъ дѣтинушка скомарешенекъ
Чару зелена вина,
Не малу, не большу—полтора ведра,
Проговорить дѣтинушка таково слово:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Дай же ты мѣстичко сидѣть—
„Выигривать выигрыши хорошия въ гусельника“.
Тутъ проговорить Настасья Микулишна:
„Ай же ты, дѣтинушка скомарешенекъ!
„Дамъ я тебѣ три мѣстичка
„И три любимыхъ
„Выигривать во гусельника выигрыши хорошия:
„Первое мѣсто — подлѣ себя,
„Другое мѣсто — напротивъ себя,
„Третье мѣсто — сидѣть на печкѣ на земляночкѣ“.
И сѣлъ-то дѣтинушка скомарешенекъ
На эту на печку на земляночку.
И первое разстояніе играетъ дѣтинушка скомарешенекъ
Отъ Ерусалима до земли Тальянской,
Отъ Тальянской до Сорочинской,
Отъ Сорочинской до Царя-града,
Отъ Царя-града онъ до Кіева.
Показались эти наигрыши
Настасѣ Микулишнѣ хороши.
Проговорить дѣтинушка скомарешенекъ да таково слово:
„Ай же вы, слуги вѣрнии Олеша Поповича,
„И дайте-ко мнѣ графинъ во мои во бѣлы руки
„И стаканъ да во мои руки“.
И пилъ дѣтинушка скомарешенекъ чару зелена вина
Не малу, не большу — полтора ведра,

И спустить два перстня обручныхъ,
Одинъ перстень — Добрынюшки Никитича,
Другой перстень — Настасья Микулишной,
Эти перстни обручальни.

Поносить дѣтинушка чару зелена вина
И не малу, не большу — полтора ведра
Настасья опъ да Микулишной,
Самъ проговорить ей да таково слово:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Ты пей чару до дна, увидишь добра,
Не пьешь чару до дна — ты не видишь добра“.

Она выпла чару зелена вина
Не малу, не большу — полтора ведра,
И на днѣ — два перстня обручныхъ,
Одинъ перстень — Добрынюшки Никитича,
Другой перстень — Настасья Микулишной.
Она встала изъ-за этого стола да съ за окольнаго
На свои-то она на рѣзвы ноги,

Сама проговорить да таково слово:
„И не тотъ мой мужъ, что за столомъ сидитъ,
„А тотъ мой мужъ, что осередь пьбы стоитъ“.

Выходить изъ-за стола да княженецкаго
Беретъ-то дѣтинушку скомарешенька,
Добрынюшку Никитича

За эти за бѣды за рученьки,
За эти за перстни за значенни,
Цѣлуетъ во уста да во сахарни.

Всталъ Олешинька Поповъ-то сынъ
И всталъ на свои да на рѣзвы ноги:

„Ай же вы, мои гости званни,
„Ай же вы, мои да гости бранни!
„И всякъ кто удалой добрый молодецъ поженится,
„И не всякому добру молодцу
„Женитьба удавается“.

И только Олешинька Поповъ сынъ женатъ бывалъ.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова).

Дунай Ивановичъ ¹⁾.

Во столярномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Заводился пированье — почестень пиръ
На многихъ на князей — на бояръ;
На русскихъ могучихъ богатырей.
Проговорить Солнышко Владимір князь стольно-Кіевской:
„Знаете-ли, русскихъ могучихъ богатыри,
„Княжцѣ во супружество взять,
„Было бы съ кимъ вѣкъ коротать и съ кимъ княжество дер-
жать?“

И проговорилъ Добрыня таковѣ слово:

„Ты Солнышко Владимір князь!
„Есть у короля храбра три дочери:
„Первая дочь Опракса королевична,
„Вторая дочь — Настасья королевична,
„Третья дочь — невѣдорость“.

Скажетъ князь Владимір стольно-Кіевскій:

„Повѣзжай-ко ты, Добрынюшко, ко королю въ Литву,
„Посватай-ко Опраксу королевичну
„За Солнышка князя за Владиміра.

Испроговорилъ Добрыня таковѣ слово:

„Не честь молодцу ѣхать русскому богатырю единому,
„Другаго надо русскаго змгучаго богатыря!“
„Выбрай себѣ, Добрынюшко, по разуму“.
„Поедемъ-ко Дунай, сынъ Ивановичъ!“

И сѣли на коней да богатырскихъ;

Куды пскопыть летитъ,

Туды дымъ столбомъ стаеъ.

Видѣли богатыревъ посадучись.

И скакали кони съ горы на гору,

¹⁾ Единственный пересказъ, въ которомъ соединяются оба эпические эпизода, связанные съ именемъ Дуная — женитьба Владиміра и смерть Настасьи королевичны.

Перемахивали съ холмы на холмы,
И ѣхали оны пзъ земли въ землю,
Изъ орды въ орду.
И пріѣхали оны къ королю въ Литву,
Пріѣхали оны на королевскій дворъ:
Прогдворилъ Добрыня таковое слово:
„Каравулько ты, Дунай сынъ Ивановичъ,
„Лошадей да богатырскихъ
„Отъ этихъ Татаръ да отъ поганыхъ“.
Зашелъ Добрыня въ покои королевскіи
И дѣлалъ поклоны королю въ особину,
И утупилъ-то очи ясны во калиновъ мость.
И прогдворить король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрынюшка, не по старому ль, не по прежнему,
„И пріѣхалъ къ королю въ Литву во служеніе?“
Прогдворилъ Добрыня таковое слово:
„Пріѣхалъ я, король земли Литовской,
„Посватать у тебя Опраксы королевичны,
„За Солнышка князя за Владиміра“.
Проговорить король земли Литовской:
„Садись-ко ты, Добрынюшка, съ дороженьки на широкъ
стулъ и поддохни“.
Прогдворилъ Добрыня таковое слово:
„Ай же ты, король земли Литовской!
„Недосугъ послу сидѣть да разсуживать;
„За то посла скоро жалуютъ!“
Приходитъ Татаринъ въ покои королевскіи
И прогдворить королю да таковое слово:
„У тебя на дворѣ Татаръ да мало ставится, проѣдается“.
И прогдворилъ король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрыня Никитичъ!
„Не одинъ же ты пріѣхалъ къ королю храбрѣ Литовскому!
„Уйм-тко ты русскаго могучаго богатыря,
„Чтобы не рубилъ моихъ Татаръ поганыхъ“.
Проговорить король земли Литовской таковое слово:
„Повѣжай-ко ты ко городу ко Киеву, Добрынюшко!

„Отдамъ я Опраксу Королевичну за Солнышка князя за
Владимира.

Прощались русскіи могучіи богатыри—
Добрынюшка Никитичъ и Дунай сынъ Ивановичъ,
И на этоемъ дворѣ да королевскомъ.
Поѣхалъ Добрынюшка во городу во Кіеву
И къ тому князю во Владиміру.
Остался Дунай, сынъ Ивановичъ,
У короля храбра у Литовскаго.
Были они во почестномъ во гостебищѣ у Настасы Короле-
вичны.

Проговорить Дунай сынъ Ивановичъ, таково слово:
„Идешь ли ты за Дуная Ивановича въ супружество?
Говорила Настасья Королевична: „Иду да во супружество“.
„Выйдемъ-ко, Дунай сынъ Ивановичъ,
„На это ли поле, да на шіроко;
„Стрѣлай стрѣлочекъ да каленныхъ,
„Изъ этого изъ луку да изъ тѣгаго“.
Наладили размѣръ да на сто сажень,
Поставили кольцо да серебряно,
И во этомъ во полѣ широкоемъ;
Поставили ножичекъ булатный
Противо кольца да серебряна,
И стрѣляли эту стрѣлочку
Во это кольцо да серебряно
И во этотъ во ножичекъ булатный,
И разрубляли эту стрѣлочку каленую:
Одна половина — другой не больше
И вѣсомъ не тяжѣлъ.
И стрѣлила Настасья Корочевична
Изъ этого изъ лука да изъ тѣгаго,
И попала во кольцо да во серебряное,
И попала въ этотъ ножичекъ булатный,
И разрубила эту стрѣлочку калѣную,
Одна другой половины не больше,
И вѣсомъ она не тяжелѣе.

И прогѣворить Настасья Королевична:

„И не стрѣлай-ко ты, Дунай сынъ Ивановичъ,
„И стрѣлочки да каленой
„Изъ этого изъ луку да изъ тѹгаго;
„И не попастьъ тебѣ въ кольцо да во серебряно,
„И не попастьъ тебѣ во ножичекъ булатней,
„И не разрубить тебѣ стрѣлочки каленой“.

И наладился Дунай сынъ Ивановичъ

И стрѣлять-то стрѣлочкой каленою

Изъ этого изъ луку да изъ тѹгаго.

Онъ первый разъ стрѣлилъ, да не достѣлилъ;

Онъ во второй разъ стрѣлилъ, да перестрѣлилъ;

И прогѣворить Настасья Королевна:

„Не стрѣлай-ко ты, Дунай сынъ Ивановичъ,
„Попадешь-де ты въ мои да во бѣлы груди.
„И я тебѣ спорожу сына единого,
„И по колѣна-то пожжи въ серебрѣ,
„И по локѣточкѣ да ручки въ золотѣ;
„Брови спорожу—ясна сокола
„И очи спорожу—краснымъ солнышкомъ,
„И на головы да мѣсяцъ свѣтлый“.

Онъ стрѣлилъ да Дунай сынъ Ивановичъ

Стрѣлочку да каленую;

Попала та Настасья Королевичица

И во эти да во бѣлы груди;

И пала Настасья Королевична о сыру землю.

И прослезился Дунай сынъ Ивановичъ.

Распотрошилъ онъ чрево дѣвичье,

И засѣялъ младенецъ, какъ выговаривала.

И прогѣворилъ Дунай да сынъ Ивановичъ:

„И куды легла Настасья Королевична,
„И тутъ лягу, Дунай сынъ Ивановичъ“.

И отъ Настасьи Королевичной

И отъ сына Дунай сына Ивановича

И прошла тутъ Дунай рѣка.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Василія Щеголенкова).

Василій Вуслаевичъ (Дунай Ивановичъ).

Жилъ былъ молодецъ единешенекъ,
Былъ-то онъ охочъ гулять, загуливать,
Долгін вѣчеры пррхаживать,
Осенніи ноченьки прѣзживать,
По зеленымъ по затресьямъ погуливать,
Стрѣлять онъ сѣроплавныхъ утушекъ,
Удалыхъ добрыхъ селезневъ.
Женилъ добра молодца батюшко неволею,
И неволею да неохотою.
Приданого много—человѣкъ-отъ худой!
Куды пошлешь—оттуль жены не дождешься,
И дождешься—да не доспросишься,
И отвѣтъ-отъ подастъ.
И тутъ молодецъ пораздумался:
И какъ мни-ка будетъ жить, поживать!
Дунай! Дунай! На столъ собирай!
Любимая пѣсня—ѣсть хочется!
Вечоръ ли я, добринькой молодецъ, не ужиналъ,
Утромъ всталъ—не позавтракалъ,
Схватился обѣдать—хлѣба нѣтъ.
Пошелъ молодецъ со своей земли,
Пошелъ молодецъ изъ орды въ орду.
Пришелъ молодецъ къ королю въ Литву.
Приходитъ молодецъ въ покои королевскіи
И спроситъ король земли Литовской;
Спроситъ король: „Какой молодецъ?“
Отвѣтъ держалъ удалый добрый молодецъ:
„Ай же ты, король земли Литовской!
„Есть я Василій де Вуслаевичъ.
„Возьми-тко ты меня, король земли Литовской, въ услуженіе“.
Отвѣтъ держалъ король земли Литовской:
„Возьму тебѣ, удалый добрый молодецъ,
„Василій да Вуслаевичъ!

„Первый годъ живи ты у меня
„У воротъ да приворотникомъ,
„Другой годъ—да ты придверникомъ;
„Потомъ же ты, Василій да Буслаевичъ,
„Можешь ты быть у меня конюхомъ“.
Первый годъ жилъ приворотникомъ,
Вина-то я не пилъ
Удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичъ,
Бѣлымъ сахаромъ да не закусывалъ;
Другой годъ-то жилъ придверникомъ,
Вина-то я горькаго не пилъ
Удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичъ,
Бѣлымъ сахаромъ да не закусывалъ;
И третій годъ я жилъ въ конюхахъ,
И вина-то я не пилъ
Удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичъ,
Бѣлымъ сахаромъ да не закусывалъ;
Господь Богъ меня помиловалъ
Удала добра молодца
Василья да Буслаевича;
Король меня много жаловалъ,
Король земли Литовской.
„Ты, Василій да Буслаевичъ,
„Удалый добрый молодецъ,
„И будешь служить у меня ключникомъ“.
И семь-то годовъ жилъ съ дочерью съ королевскою,
И спалъ-то у ней на бѣлой руки, у бѣлой груди.
И проходилъ тому времени двѣнадцать лѣтъ.
Удалу добру молодцу Василью да Буслаевичу
По своей сторонѣ ему стосковалося,
И зашелъ-то удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичъ,
На царевъ кабакъ зашелъ

И выпилъ чару зелена вина,

И другую выпилъ похмѣльную:

„Я удалый добрый молодецъ

„Васпѣй да Буслаевичъ.

„Жилъ ли-то я у короля въ Литвѣ,

„У короля въ Литвѣ да въ услуженіи.

„Первый годъ жилъ приворотникомъ,—

„Господь Богъ меня миловалъ,

„Король да Литовскій жаловалъ,

„Другой годъ жилъ я придверникомъ,—

„Богъ меня миловалъ,

„Король Литовскій жаловалъ;

„Третій годъ жилъ я во конюхахъ,—

„И Богъ меня миловалъ,

„Король Литовскій жаловалъ;

„И жилъ я годъ въ ключникахъ,

„Богъ меня миловалъ,—

„Король Литовскій жаловалъ;

„Семь годовъ жилъ я со дочерью съ королевскою,

„Спалъ-то у ней на правой рукѣ

„На правой руки, у бѣлой груди“.

Услыхали тутъ слуги вѣрныи короля Литовскаго,

Похвасталъ удалый добрый молодецъ

Васпѣй да Буслаевичъ красной дѣвушкой.

И сковали-то ему да ножки рѣзвыи,

И связали-то ему да ручки бѣлыи,

И завѣсили ему да очи ясныи,

И поводятъ удала добра молодца

Василья да Буслаевича

На это ли на поле да на чистое,

Ко этой ко плахѣ дубовой

Отрубать-то ему да буйну голову,

И прижать-то смерть ему напрасную

И вынять ему сердце со печенью.

„Ай вы, слуги вѣрныи

„Короля да Литовскаго!

„Вы возьмите съ мѣся денежекъ по сту рублевъ
„И ведите меня мимо королевичнѣ домъ,
„Послѣднее мнѣ съ нею проститься,
„Послѣдне съ ней да разставатися“.
Привелъ-то слуги вѣрныи короля Литовскаго
Противъ терема да королевична,
Крыкнулъ-то Василій Буслаевичъ громкимъ голосомъ:
„Прощай-ко ты, дочь да королевская!
„Зашелъ я, Василій Буслаевичъ, на царевъ кабакъ
„И выпилъ я чару зелена вина,
„Другую выпилъ я да похмѣльную,
„Я похвасталъ тобой да красной дѣвушкой.
„Услыхали тутъ слуги вѣрныи
„Короля да Литовскаго,
„Захватили-то меня добра молодца
„Василья да Буслаевича
„И сковали-то мнѣ да ножки рѣзвыи,
„И связали да мнѣ ручки бѣлыи,
„И завѣсили мнѣ очи ясныи,
„И поводить на поле на чистое,
„Къ той ли ко плахѣ дубовой
„Отрубить да буйну голову,
„Придать да смерть напрасную
„Вынять сердце мнѣ со печенью“.
Говорила дочь королевская:
„Ай вы слуги вѣрныи
„Короля Литовскаго!
„Вы раскуйте ему да ножки рѣзвыи,
„Развяжите ему да ручки бѣлыи
„И откройте ему очи ясныи;
„И спустите Василья Буслаевича
„На волюшку его да на вольную“.
Взяла эта дочь-то королевская
Удалаго добраго молодца,
Василья да Буслаевича,
Во этни во терема высокии,

И сама на словахъ ему да выговаривать:

„Ай же ты, Василий да Буслаевичъ,

„Удалый ты да добрый молодецъ!

„Не зайдѣ-тко ты больше на церевь кабакъ,

„И не выпей-ко ты больше чару зелена вина,

„И не выпей-ко другой похмѣльной,

„И не похвастанъ мной красной дѣвушкой“.

Прощалась эта дочь да королевская

И съ удалымъ добрымъ молодцемъ

Съ Васильемъ да Буслаевичемъ;

И со этихъ со теремовъ высокихъ,

Пошелъ-то удалый добрый молодецъ

Василий да Буслаевичъ

Отъ короля съ орды да отъ Литовскаго.

И пришло да тутъ ему три розстанѣ,

Пришло да три любимыхъ:

Первая розстанъ — къ отцу, къ матери,

Другая розстанъ — къ роду-племени,

Третья розстанъ — къ молодой жены.

Пораздумался удалый добрый молодецъ

Василий да Буслаевичъ:

Пойдти-то мнѣ, Василью да Буслаевичу,

Къ отцу, къ матери,

Отца, матери въ живыхъ не застать;

Пойдти-то мнѣ, добру молодцу, къ роду-племени,

Роду-племени меня да не спознать;

Пойду-то я, Василий Буслаевичъ,

И къ молодой да ко своей жены.

Пошелъ-то удалый добрый молодецъ

Изъ земли въ землю, отъ короля съ Литвы,

И пошелъ-то онъ да въ свою сторону

И пришелъ-то къ палаты бѣлокаменной,

И на улицѣ два юнчика похаживаютъ,

И спросить Василий Буслаевичъ

У этихъ у юнчиковъ у маленькихъ:

„Чьи же вы, юнчики маленькіи?“

„Ай же ты, нашъ родной дядюшка!

„И нѣтъ-то у насъ да родна батюшка,

„И есть у насъ да одна матушка“.

Спросить этотъ удалый добрый молодецъ:

„Гдѣ же вашъ да родной батюшка?“

Отвѣчали эти юнчики маленькіи:

„Ушелъ-то нашъ родной батюшка

„Къ королю въ Литву да въ услуженіе“.

„Ай вы, юнчики маленькіи!

„Скажите, подите родной матушкѣ:

„И пришелъ-то вашъ родной батюшка,

„И стоитъ-то на улицѣ на широкой,

„У той ли у площадки у переноей“.

Она стала тутъ да молодѣ жена,

На ножки она стала да на рѣзвыи,

Утупила очи ясныя въ калиновъ мостъ,

Выходитъ на крыльцо да на переное,

Опускалась по ступенямъ да по вѣртямъ

На эту ли на улицу на широку,

И говорила она да таково слово:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ,

„Василій да Буслаевичъ!

„И находился ты, да нагулялся ты,

„И пришелъ назадъ къ молодой женѣ несчастной“.

И беретъ-то эта молодѣ жена несчастная,

За этии за рученьки за бѣлыи,

За этии за перстни за злеченыи;

Цѣлуетъ во уста до во сахарныи,

Проводитъ въ терема да во высокіи;

И стали они тутъ да жить-поживать,

Добра наживать,

А лихо избывать.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова.)

Ставеръ Годиновичъ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
У Владиміра, у князя, у Солнышка,
Заводился у него почестенъ пиръ,
На многихъ на князей, на бѣяръ,
И на русскіихъ могучихъ богатырей.
На всѣхъ полѣнницъ на удалыхъ, —
И всѣ на пиру и сыты, и пьяны, и веселы.
Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Похваستывать самъ городомъ Кіевомъ,
Богатыри похваствовали силою
Силою своею богатырскою.
Гости, купцы тутъ торгуютъ
Похвастали они тутъ товарами,
Тыма ли товарами заморскими
И сободемъ заморскимъ,
Куницами заморскими.
Добрынюшка похвасталъ своимъ дѣбрынимъ конемъ,
Олешинька, Поповъ сынъ, похвасталъ
Своей да золотой казной, —
Есть у молодца да золотой казны безчѣтной;
А умный хвастать — отцемъ, матерью,
А не умный хвастать молодой женой.
Прогдѣворятъ богатыри такого слова:
„Ты, не умный удалый добрый молодецъ!
„Ты не хвастай своей да молодой женой“.
И вси богатыри его да обезчестили.
И крестьяна-мужички были пособраны, —
Богатни крестьяна похващаются
Своима-ли то добрыма конюшками,
А не богаты-то крестьяна — малымъ дѣтушками.
И сидятъ-то младъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
И сидятъ-то онъ, ничѣмъ не хвастаетъ.

Прогдворить Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій:

„Что же ты сидишь ничѣмъ не хвастаешь?

„Вси-то людишки похвастались“.

И прогдворить Ставеръ сынъ Годиновичъ:

„Есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати,

„Есть у Ставра тридцать молодцовъ, портныхъ мастеровъ,

„Шьютъ-то они кафтанцы снова на ново,—

„Которой кафтанчикъ я день держу и другой проношу,

„И снесу эти кафтанцы на рыночекъ

„Князьямъ, боярамъ — пови продамъ,

„Возьму за нихъ цѣну полную.

„Есть еще Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій

„У Ставра да чѣмъ похвастати:

„Есть тридцать молодцовъ, чоботныхъ мастеровъ,

„Оны шьютъ-то сапожки снова на ново,—

„Которы сапожки я день держу и другой проношу,

„И снесу эти сапожки на рыночекъ,

„Князьямъ, боярамъ — новы продамъ,

„Возьму-то за нихъ цѣну полную.

И прогдворить Ставеръ да таково слово:

„Солнышко Владиміръ князь да стольно-Кіевскій!

„Еще есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати,

„Есть у Ставра добры молодцы на дворѣ—да не старятся“.

Спроситъ Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій:

„Отчего же у тебя добры молодцы не старятся?“

Прогдворить Стасеръ сынъ Годиновичъ:

„Оттого-то у меня, добры молодцы, не старятся:

„День-то придетъ — молодецъ со двора долой,

„А два да три — на дворѣ домой.

„Еще есть чѣмъ у Ставра да похвастати,

„Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!

„Золота казна да не держится,

„Малыи денежки да не торщатся“.

Прогдворить Солнышко Владиміръ князь:

„Ай же ты, Ставеръ да Годиновичъ!

„Отчего же у тебя золота казна да не торщится,

„Малыи денежки не держатся?“

„Оттого-то у меня золота казна не торщится,

„И малы денежки не держатся;

„Была кобылица-затылица,

„И дано за кобылицу пятьсотъ рублевъ,

„И носятъ жеребчиковъ хорошенъкихъ,—

„Которы жеребчики получше,

„На тыхъ-то жеребчикахъ я самъ ѣзжу;

„Которы жеребчики похуже,

„И сгоню этихъ жеребчиковъ на рыночекъ,

„Князьямъ, боярамъ новы продамъ,

„И возьму-то за нихъ цѣну полную“.

Еще проговорить младъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:

„Ты, Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!

„Еще есть у Ставра да чѣмъ похвастати.

„Молода жена Настасья Микулишна

„Князей-то бояръ съ ума сведеть,

„Владимира вонъ повыведеть

„Изъ покоя княженецкаго“.

И эти слова Солнышку князю Владиміру да не казались.

Приказалъ-то Солнышко Владиміръ князь да стольно-Кіевскій

Своимъ слугамъ вѣрнымъ:

„Ай же вы, мои слуги вѣрнии!

„Вы возмите-тко Ставра да Годиновича

„За его за хвастанья за великіи

„Засадить его въ погребы великіи“.

Шли тутъ слуги его вѣрныи

Во это во поле во широкое,

Копали да ему великую,

Засадили туда Ставра да Годиновича,

Засадили его да по бѣлымъ грудямъ

Не на много, не на мало — на тридцать лѣтъ.

Написалъ-то Ставеръ сынъ Годиновичъ скорописчату грамотку

Къ молодой жены Настасьи Микулишной:

„Ай же ты, Настасья Микулишна!

„Засаженъ-то твой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичъ

„У Солнышка князя Владиміра стольно-Кіевскаго
„Во этии во погребы глубокіи
„Не на много, не на мало — на тридцать лѣтъ.
Взяла Настасья Микулішна
Обрубла волоса да по казачьему,
И поѣхала она ко городу ко Кіеву,
Пріѣхала ко Солнышку князю ко Владиміру на княжій дворъ;
Заходитъ она въ покои княженецкіи;
Она крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На двѣ, на три, на четыре сторонки покланяется, —
И солнышку Князю Владиміру
Она дѣлаетъ поклонъ да въ особину.
Проговоритъ Солнышку князю Владиміру:
„Посолъ земли Турецкой!“
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь:
„Садись-ко ты съ дороженьки на дубовой стулъ да поотдохни“.
И проговоритъ посолъ земли Турецкой:
„Недосугъ сидѣть послу разсуживать,
„За то посла скоро жалуютъ.
„Есть у тя племянница любимая
„У Солнышка князя у Владиміра;
„Отдай-ко ты да во супружество
„За этого посла да за Турецкаго“.
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь да стольно-Кіевскій
„Мы подумаемъ да думу крѣпкую,
„Мы скажемъ отвѣтъ тогда вамъ —
„Могу отдать, посолъ земли Турецкой,
„За тебя да во супружество“.
Проговоритъ посолъ земли Турецкой:
„Ты, Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
„Ты выпусти невольниковъ изъ погребовъ великихъ
„По своему да слову княженецкому“.
Приходитъ Ставеръ да сынъ Годиновичъ
Ко послу да ко Турецкому;
Беретъ-то за рученьки за бѣлыи

Ставра сына Годинова,
За эти и за перстни за злаченыи
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи
И этого Ставра да Гадиновича.
Благодарить-то посолъ земли Турецкой,
Пишетъ Солнышку Владимиру стольно-Кіевскому
Эпистолію: „Благодарю тебя, Солнышко Владиміръ князь,
„Выпустилъ невольниковъ пзъ погребовъ глубокіихъ;
„Не надо мнѣ племянницы любимой,
„А тотъ мой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
„Тотъ мой мужъ законный“.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова.)

Дюкъ Степановичъ ¹⁾.

Изъ Волинца города пзъ Галича,
Изъ тоя Корелы пзъ богатыя
Снаряжается, убирается
Молодой бояринъ боярскій сынъ,
Дюкъ Степановичъ;
„Свѣтъ государыни матушка,
„Дай-ко ты прощенье и благословеньице
„Ѣхать ко городу Кіеву,
„Ко ласкову князю ко Владимиру;
„Скажутъ—Кіевъ-градъ на горы стоитъ,
„А Владиміръ князь ласковъ есть,
„На пріѣзди добрыхъ молодцевъ чествуетъ,
„А на попзди дарить несчетной золотой казной“.
И поѣхалъ послѣ заутрини Христовскія,
А пріѣзжаетъ ко обиди ко Христовскія
Въ Кіевъ-градъ, на широкъ дворъ,
И привязывать своево добра коня
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. О. Миллера стр. 599 - 601 и 615.

И приходитъ во Божью церковь,
Онъ крѣсть-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то веде по ученому.
Онъ кланяется-поклоняется
На всѣ на четыре стороны,
Князю Владиміру въ собину:
„Здравствуй, Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!“
„Ты отколь, удалъ дородней, добрый молодецъ,
„Тебя какъ именѣмъ зовутъ,
„И какъ величаютъ по отечеству?“
„Я есть изъ Волицца-города, изъ Галича,
„Изъ тоя Корелы изъ богатя
„Молодой бояринъ боярской сынъ
„Дюкъ Степановичъ“.
„Пожалуй-ко, молодой бояринъ,
„Боярской сынъ
„Дюкъ Степановичъ,
„Ко мнѣ хлѣба-соли покушати“.
Приходитъ во гридню-палату бѣлокаменну,
Онъ крѣсть-то кладе по писаному,
Поклонъ-то ведѣ по ученому.
Онъ кланяется, поклоняется
На всѣ на четыре-то стороны;
„Здравствуй, княгиня Апраксія!“
„Ты поди-ко, удалъ, дородній добрый молодецъ,
„Ты коей земли, коей орды?
„Какъ тебя именѣмъ зовутъ,
„Какъ величаютъ по отечеству?“
„Я есть изъ Волицца-города изъ Галича,
„Изъ тоя Корелы изъ богатя
„Молодой бояринъ боярской сынъ,
„Дюкъ Степановичъ“.
„Садись-ко ты, Дюкъ Степановичъ,
„Хлѣба-соли кушати“.
Всѣ силы князи и бояри
Хлѣба-соли кушати,

И взялъ молодой бояринъ
Дюкъ Степановичъ
Колачикъ крупивчатой,
И увидалъ молодой бояринъ
Боярской сынъ
Дюкъ Степановичъ
Подъ колачикомъ сосновую иглочку.
„Здѣсь-то“, говоритъ, „видно помелча сосновыи,
„А какъ у моёй-тò родители-матушки
„Помалча-то шелковыи“.
И говоритъ тутъ Олеша Поповичъ
„Этоё, дядюшка, дѣтннще-обманище
У боярина уѣхалъ,
Коня угналъ“.
И говоритъ тутъ Чурила Щапоплѣнковичъ:
„Что ты приѣхалъ, дѣтннще-обманище,
„Своимъ животомъ хвастаешь,
„Да своей родитель-матушкой,—
„Ударимъ со мной о великъ закладъ
„На три года:
„Чтобы въ каждый день носить платья переменыи“.
И ударилъ они о великъ закладъ
Въ каждой день носить платья переменыи,
Щеголять во Кіевѣ во городѣ;
И по Чурилы Щапоплѣнковѣ
Ручается весь Кіевъ-градъ,
А по Дюкѣ Степановичѣ
Нехтò не ручается,
Только ручается .
Старой казакъ, Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня Никитинецъ.
И посылаетъ молодой князь
Владиміръ стольно-Кіевской
Дюкова имѣнья описывать,
И посылать Добрыню Никитинца:
„Поѣзжай, Добрыня Никитинецъ,

„И опиши пиѣніе Дюкова,
„И прикажи привести щеголять Дюку Степановичу
„Платя переменныи, на три годѣ,
„Каждой день перемѣнять“.
И поѣзжаютъ Добрыня Никитинецъ
Ко Волинцу городу Галпчу,
Ко той Корелы да богатныя.
И пріѣзжаютъ Добрыня
Ко Дюку ко Степанову
На широкъ дворъ,
И привязываютъ своево копя доброва
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;
Идетъ въ палату бѣлокаменну;
Встрѣтилась ему
Дюкова портомойница;
И говоритъ Добрыня:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
„Да пѣтъ“, говоритъ,
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова портомойница“.
Опять встрѣчается ему
Дюкова постельница;
И говоритъ Добрыня Микитинецъ:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова постельница“;
Еще подходитъ Добрыня Микитинецъ,
Встрѣчается ему Дюкова столыница,
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова столыница“.
И приходитъ Добрыня Микитинецъ
Во гридни столовыи,
Онъ вѣстѣ-то кладѣ по писаному,
Поклонѣ-то ведѣ по ученому,

Кланяется-поклоняется

На всѣ на четыре стороны:

„Здравствуй-ко, Дюкова матушка!“

„Ты подп-ко, удалъ да дородній доброй молодець,

„Ты откуль ѣдешь,

„Откуль путь держишь?“

„Я отъ города отъ Кіева,

„Отъ ласкова князя отъ Владимира;

„Твой-то молодой Дюкъ Степановичъ

„Ударилъ о великъ закладъ

„Съ Чурилой Щапоплѣнковымъ—

„На три года въ каждой день

„Носить платья перемѣны,

„И захвастался онъ своимъ богатствомъ несчетнымъ;

„И приказалъ мнѣ князь

„Владиміръ стольно-Кіевской

„Описать ваше имѣніе“.

И говорить тутъ Дюкова матушка:

„Ай вы, вѣрныи мои служаночки,

„Возмите-тко коромыселко желѣзное

„И положите-тко на коромыселко

„Золоты ключи,

„И ведите-тко Добрыню Микитища

„Во погребы глубокіи,

„Покажите Дюково имѣніе“.

И прошелъ Добрыня Микитинецъ

По погребамъ глубокимъ,

И написалъ онъ

Три строчки значениыхъ:

„Три года жить —

„Имѣнія описывать,

„Да не опсать Дюкова имѣнія“.

И приказалъ Дюковой матушки

Вести Дюку платья перемѣны

Ко Кіеву ко городу,

И привезли платья перемѣны

Во Кіевъ градъ,
И стали щеголять
Съ Чурилой Шапоплёнковымъ
И въ каждый день
Все платя лучше
У Дюки Степанова.
И прошло того времени три года,
И сошили они платя Христовскія —
Идти ко заутрени Христовскія,
И отходятъ они отъ заутрени Христовскія,
И глядитъ Князь Владиміръ стольно-Кіевскою
На платя на Чурилыны,
И говоритъ Владиміръ князь:
„Ну, Чурила Шапопленковичъ,
„Платя были у Дюки Степанова
„Лучше твоихъ,
„А топерь, якъ ты перещеголялъ
„Дюки Степанова,—
„Платя твои лучше Дюки Степанова“.
И поглядитъ на платя на Дюковы,
И говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскою....
И повелъ Дюкъ Степановичъ
По своимъ по пуговкамъ золоченымъ,
На пуговкахъ были написаны змѣи лютыи,
И засвистали змѣи лютыи
На тѣхъ пуговкахъ значенныхъ,
И говоритъ князь Владиміръ стольно-Кіевскою:
„Нечево бы тебѣ, Чурила Шапопленковичъ.
„Соваться и бить съ Дюкомъ о вѣликъ закладъ,
„Въ каждой день тебя
„Дюкъ Степановичъ перещеголивалъ“.
Это Чурилы пришло не по сердцу,
И говоритъ Чурила Шапоплёнковичъ:
„Ударимъ-ко еще о великъ закладъ —
„Перескочить на коняхъ на добрыхъ
„Черезъ Днѣпру черезъ широкую,

„О своихъ головахъ-то о буйныхъ:
„Которой перескочитъ,
„Тотъ удакъ дородней доброй молодець,
„А кто не перескочитъ,
„Отсѣчь тому буйная голова;
„Будетъ ходить по бѣлу свѣту, шататися
„И хвастаться своей удачей молодецкою“.
И поѣхалъ Дюкъ Степановичъ
Черезъ Днѣпру черезъ широкую
На своѣмъ на кони доброемъ,
И перескочилъ его конь доброй
Черезъ Днѣпру черезъ широкую.
И поѣхалъ вслѣдъ Чурилы Щапопленковичъ,
Упогрузъ его конь доброй
Осередъ Днѣпры широкия,
Съ Чурилой Щапопленковымъ.
И видитъ Дюкъ Степановичъ,
Что потонетъ Чурилы Щапопленковичъ
Осередъ Днѣпры широкия,
И скочилъ Дюкъ Степановичъ
Назадъ черезъ Днѣпру черезъ широкую
И вытащилъ Чурилу со добрымъ конемъ.
И говоритъ Дюкъ Степановичъ:
„Теперь надо отсѣчь тебѣ
„Буйна голова“.
И стали Дюка озрашивать всѣмъ Кіевомъ.
„Ну пусть ты, Чурилы Щапопленковичъ,
„Упрошенъ всѣмъ Кіевомъ,
„Я тебѣ по бѣлу свѣту
„Второй батюшко“.

Записано со словъ Пудожскаго уѣзда, Кугонаволоцкой волости, прихода
длозерско-Пречистенскаго, деревни Большой Поги 75-лѣтняго крестьяни-
Ивана Григорьева Захарова, священникомъ Іоанномъ Первенцевымъ).

Объ Иванѣ Грозномъ.

Когда грозный царь Иванъ Васильевичъ
Воцарился, тогда солнышко на небѣ возсіяло;
Тогда рыбы всѣ на глубь ушли;
Тогда звѣри сбѣжали въ лѣса темныи,
И мы сидѣли да ѣли по конецъ поляца,
И ѣли да пили по конецъ столца,
И снарядилъ ли то грозный князь Иванъ Васильевичъ,
И снарядилъ ли то войско подъ Казань-городъ.
И стояло войско подъ Казань-городомъ,
И не много не мало—семь годовъ.
И проговорилъ пучкаръ таково слово:
„Ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ!
„Позволь слово сказать да слово вымолвить;
„И подкопать бы намъ подкопы глубокіи,
„Подъ эты стѣны городовыи;
„И начинить бы намъ бочки зельемъ лютымъ;
„И мы не зельемъ чинили—чернымъ порохомъ;
„И зажгать бы намъ свѣчи восковыи
„Во эты руки во бѣлыи,
„За эты за стѣны за дубовыи“.
Во рукахъ-то свѣщи да оны ясно горять,
А за стѣнами свѣщи — оны не ясно горять;
И проговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Ай же ты, пучкаръ, да обманываешь“.
И проговорилъ пучкаръ да таково слово:
„Ай же ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
„Во рукахъ то свѣщи да оны ясно горять,
„А за стѣнами свѣщи — оны не ясно горять“.
И не успѣлъ пучкаръ слова вымолвить,
И треснули башни треугольныи,
Разорвало стѣны городовыи,
Зашло войско во Казань-то городъ.
Повынесли знамена со Казань городъ,

Повынесли парфиду-то царскую
Съ за этого стола за окольнаго.
Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
По свѣтлой ко свѣтлицѣ похаживаетъ,
Сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Самъ говоритъ таковѣ слово:

„Ай вы, русскіи могучіи богатыри,
„Ай же полейцы удалыи!
„Я повыведу измѣну съ каменной Москвы,
„И повыведу измѣну со Нова-города,
„И повыведу измѣну со Обскова и со Астрахани;
„И повывесть я знамена со Казань города,
„И повывесть я порфиду да царскую
„Съ за этого стола да съ за окольнаго“.
Тутъ проговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ таково

слово:

„Садись-ко ты, Ѳеодоръ Ивановичъ,
„На этого коня богатырскаго,
„Поѣзжай-ко къ каменной Москвѣ ко великой,
„Старыхъ и малыхъ конемъ топчи,
„Русскихъ могучихъ богатырей саблей руби,—
„Не дѣлай измѣны въ каменной Москвѣ“.
И поѣхалъ Ѳеодоръ Ивановичъ
И той Москвой до великой;
Старыхъ и малыхъ конемъ не топталъ,
Русскихъ могучихъ богатырей саблей не рубилъ,—
Онъ дѣлалъ измѣну въ каменной Москвѣ.
И приѣзжаетъ Ѳеодоръ Ивановичъ
Ко тому ли двору да ко царскому,
Ко тому ли столу да ко княженицкому;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
И на двѣ, на трѣ, четыре, на сторонки покланяется,
Грозному царю Ивану Васильевичу
Дѣлать онъ поклонъ да въ особипу.
Тутъ станетъ грозенъ царь Иванъ Васильевичъ

На свои да на рѣзвѣ ноги
И самъ говорилъ таково слово:
„Вы, русскіи могучіи богатыри,
„Поленѣцы да удалыи!
„Я повывелъ измѣну съ каменной Москвы,
„И повывелъ измѣну съ Нова-города,
„И повывелъ измѣну со Обскова,
„И повывелъ измѣну со Астрахани,
„И повывелъ знамена со Казань города,
„И повывелъ порфиру-то царскую
„Съ за этого стола съ закольнаго“.
И вси молчать русскіи могучіи богатыри,
И проговорятъ таково слово:
„Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
„Твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
„И твоя-то измѣна на тебя глядитъ“.
Сталъ-то грозный царь Иванъ Васильевичъ
На свои да на рѣзвѣ ноги,
Крыкнулъ онъ да во всю голову:
„Ай же ты, Малютченко Потанюшка Курлатовъ сынъ!
„Ставай-ко ты на ноженьки на рѣзвыи,
„Бери-тко ты Федора Ивановича
„За этии за рученьки за бѣлыи,
„За этии за перстни злеченни,
„И веди его на поле на чистое
„На ту ли то на плаху на дубовую,
„Отруби-ты ему буйну голову,
„И придай смерть ему напрасная,
„Выньи сердце со печенью“.
Меньшой тѣлится за середняго,
А середній тѣлится за большаго;
Говоритъ Потанюшка Курлатовъ сынъ:
„И видно мнѣ да ко судьбы пришло“
И беретъ-то онъ Федора Ивановича
За этии за рученьки за бѣлыи,
За этии за перстни злеченни,

И поводитъ на поле на чистое,
На ту ли то на плаху дубовую,
И отрубить-то ему буйна голова,
И придать ему смерть напрасную,
Вынять сердце со печенью.
Взяла Настасья Романовна,
Надѣвала башмачьки на босѹ ногѹ,
Шубоньку соболину на одно плечо
И бѣжала въ стару казаку Никитѣ Романовичѹ;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Стару казаку Никитѣ Романовичу
Дѣлаетъ поклонъ въ особину.
„Что же ты, старый казакъ, Никита Романовичъ,
„Бшь, да пешь—проклаждаешься,
„И надъ нами ты невзгодушки не вѣдаешь;
„И нѣтъ у насъ сына любимаго Ѳедора Ивановича
„И твоего крестника любимаго Ѳедора Ивановича;
И взял-то Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
„За эти за рученьки за бѣлки,
„За эти за перстни алаченны;
„Увелъ его на поле на чистое,
„На ту ли то на плаху на дубовую,
„И отрубилъ-то ему буйну голову
„И придалъ смерть напрасную,
„Вынялъ сердце со печенью“.
„Ай ты, Настасья Романовна!
„И долго, долго не пекало солнышко—двѣнадцать лѣтъ,
„И не бывала у стара казака Никиты Романовича“.
Станетъ старый казакъ Никита Романовичъ,
Станетъ на свои да на рѣзвы ноги
И надѣваетъ босовичьки на босу ногу,
Сертукъ кладываетъ на одно плечо,
Колпакъ кидаль на одно ухо,
Садился на коня богатырскаго,

Крыкнулъ онъ да во всю голову:
„Народъ, сторонитесь! Народъ, сторонитесь!
„Старыхъ и малыхъ конемъ стопчу,
„И русскихъ могучихъ богатырей саблѣй срублю!“
И народъ сторонился, далъ улицу по Москвы по великой,
Далъ улицу ширѣку и продолговату;
И выѣхалъ на поле на чистое
Старый казакъ Никита Романовичъ
И крыкнулъ во всю голову:
„Ай же ты, Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
„И съѣшь ты кусъ этотъ—подавишься,
„И выпьешь эту чару—ты захлебнешься“.
И пріѣхалъ старой казакъ Никита Романовичъ
Ко этой ко плахѣ дубовой,
И захватилъ-то Ѳедора Ивановича въ живности;
Выходить со коня да богатырскаго,
Захватилъ-то Малютченку Потанюшку за волосы
И бросилъ его о сырѣ землю,
О ту ли то плаху дубовую,
И придалъ смерть ему напрасную,
И вынулъ сердце со печенью.
Сегодня діется пятница великая —
Садился Ѳедоръ Ивановичъ
На этого коня да богатырскаго;
Поѣхали со поля со чистаго
Во эту палату богатырскую
Къ стару казаку Никитѣ Романовичу.
Завтра будетъ суббота Христовская.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Разсылалъ-то офишки по всѣмъ сторонамъ,
По своимъ слугамъ вѣрнымъ,
По своимъ слугамъ поданнымъ.
„Ай же вы, мои слуги вѣрнии,
„Ай же вы, мои слуги поданныи!
„Вы пойдете къ заутрени Христовской
„Во эту во церковь во Божію,

„Надѣвайте одежду распечальную;
„Нѣтъ у меня сына любимаго Ѳедора Ивановича,
„Вашъ-то Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
„Свелъ на поле на чистое на плаху дубовую,
„Отрубилъ буйну голову,
„Придалъ смерть напрасную,
„Вынялъ сердце со печенью“.
Пришли еѣ слуги вѣрныи, слуги подданныи
Во эту церковь во Божію,
Надѣта одежда распечальная;
И пошолъ старій казакъ Никита Романовичъ
Во эту во церковь въ Божію,
Надѣлъ одѣжу самолучшую;
И приходитъ во церковь во Божію,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ, на три, четыре на сторонки поклоняется,
И грозному царю Ивану Васильевичу
Дѣлаетъ поклонъ ему въ особину.
„Ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
„И здравствуй-ко ты со моею сестрой,
„И со своею семьей,
„И со тымъ ли со яснымъ соколомъ,
„Со Ѳедоромъ Ивановичемъ“.
Какъ взглянетъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
На стара казака Никиту Романовича
И самъ прогдворитъ ему да такое слово:
„Какъ былъ бы ты, старій казакъ Никита Романовичъ,
„Былъ бѣ ты не въ церкви не въ Божіей,
„Я не далъ бы собаѣ на часъ живота“.
Прогдворитъ старой казакъ Никита Романовичъ:
„Живетъ ли-то грѣшному прощеньице,
„Живетъ ли-то грѣшному благословеньице?“
„И я простилъ бы да некого,
„Я помиловалъ бы, да негдѣ взять“.
Повернется старій казакъ Никита Романовичъ

*

Со церкви со Божіей
И въ свою-то палату богатырскую
И говоритъ-то Ѳедору Ивановичу:
„Ай же, ты, Ѳедоръ Ивановичъ!
„Ставай-ко ты по утру ранёшенько,
„Умывайся-тко ты бѣлешенько,
„Утирайся-тко ты, да сухохонько;
„Я досталъ ли у грознаго царя Ивана Васильевича
„Прощеньицо и благословеньицо“.
Сталъ-то Ѳедоръ Ивановичъ по утрышку ранёшенько,
Умывался онъ бѣлешенко,
Утирался онъ сухохонько
И убирался онъ хорошёненько;
Пошли они во церковь во Божію
Къ этой заутрени Христовской;
Крестъ-отъ кладутъ они по писаному,
Поклонъ кладутъ они по ученому;
На двѣ, на три, четыре на сторонки покланяются,
Грозному царю Ивану Васильевичу во особину.
Прогдворилъ старой казакъ Никита Романовичъ:
„Здравствуй-ко со моей сестрой и со своей семьей
„И со тымъ ли со яснымъ со соколомъ,
„Со Ѳедоромъ Ивановичемъ“.
Взглянетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На стара казака Никиту Романовича,
Беретъ его за рученьки за бѣлыи,
За этыи за перстни злеченыи,
И цѣлуетъ во уста да во сахарныи;
Самъ прогдворилъ да таково слово:
„Старой казакъ Никита Романовичъ!
„Чѣмъ тебя, намъ скажи, пожаловать —
„Городами ли тебя, пригородками,
„А ли силою тебя да богатырскою,
„А ли золотой тебя казной безчетною?“
И прогдворить старой казакъ Никита Романовичъ:
„Ай ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ!

„Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
„И не надо мнѣ твоей силы богатырской,
„И не надо мнѣ золотой твоей казны безчетной.
„Ай ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
„У меня того своего есть;
„Мнѣ пожалуй-ко наскори Никитину отчину, —
„И кто какой грѣхъ сдѣлаеть,
„И кто во Никитину отчину уйдетъ,
„Того Богъ простить“.
И пожаловалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На скорн Никитину отчину.

(Запис. Гурьевымъ отъ Вас. Щеголенкова).

II.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ ¹⁾.

Іоаннъ златыя уста.

На первой недѣлѣ въ Воскресенье,
На шестой недѣлѣ въ Вознесенье
Вознесется Господь на небеса
Съ ангелами
И со архангелами
И со всею силой со небесной.
И восплачетъ его меньшая братья:
„Ай ты, Господи, Господи и Царь небесный!
„И куда же ты полетаешь
„И меньшу свою братью оставляешь?
„И помреть твоя меньшая братья
„Голодною смертью—холодною“.
Речеть Господь: „Іоанне!

¹⁾ Сообщены Е. В. Барсовымъ.

„Оставляю я своей меньшей братья

„Горы золотыи;

„Будеть меньшая братья

„Между собою подимети

„И меня, Господа Бога, величати“.

Речеть Іоаннъ:

„Господи, Господи!

„Оставишь ты своей меньшей братья

„Горы золотыи,—

„Отоймутъ люди богатыи,

„Отоймутъ судьи неправедныи,

„И помретъ твоя меньшая братья

„Голодною смертию—холодною“.

Речеть Іоаннъ ко Господу:

„Господи, Господи, Царь небесный!

„Оставь ты своей меньшей братья

„Слово Христово:

„Будеть твоя меньшая братья

„По міру ходити

„И тебя, Господа Бога, величати“.

Оставилъ Господь меньшей братья

Слово Христово.

Речеть Господь:

„За твои умильныи рѣчи

„Дарую тебѣ усты златыи“.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

Убогій Лазарь.

Жилъ во славѣ богатый,

Онъ роскошны ясы ѣлъ и пилъ,

Дороги одежды одѣвалъ;

А убогой-то Лазарь

Лежитъ въ скорбности гною.

Выходитъ богатый онъ за ворота;

Закричитъ тутъ убогій Лазарь

Громкимъ голѣсомъ:

„Брате, мой милый! Богачъ человѣкъ!

„Христа-ради, брате, напой, накорми!

„Странное мое тѣло обуй и одій!“

Самъ плюнулъ богатый

И прочь отошелъ.

„Есть у меня братья получше тебя:

„Князи, бояре—друзья мои,

„Гости торгovy—братья мои“.

Было у богатаго два лютыхъ пса,

По подстолю ходили,

Сроненныя крошечки собирали,

Къ убогому Лазарю сношивали, —

Тутъ тѣмъ Лазарь сытъ пребывалъ.

Молился Лазарь ко Господу:

„Прійми мою грѣшную душиньку

„Къ Себѣ на хвалу!

„Этакъ моя душинька поцарствовала

„На бѣломъ свѣту“.

Услыхалъ Господь моленье его,

Праведное моленіицо Лазарево.

Ссылае съ небесъ ангеловъ

По него по душиньку по Лазареву.

Честно душиньку съ тѣла выняли;

Пеленали душиньку въ бѣлы пелены,

Вознесли души къ Богу въ рай —

Къ святому Обрамію, къ Дмитрію.

Цѣлуётъ Обрамій сахарны уста.

„Поди-ко ты, Лазарь, давно мы

„Тебя ждемъ;

„Уготовано тебѣ мѣстечко

„Въ пресвѣтломъ раю“.

Вышлори богатый въ полѣ гулялъ.

Не узрѣлъ богатый ни дому, ни дѣтей:

Нашла на богатаго Божья воля,

Божья-то волюшка, милость велика.

Высокія горницы огонь опахаль,
Буйныя вѣтерки пепель разпесли,
Много скота, въ лѣсахъ звѣрье погибло.
Возмолился богатый ко Господу:
„Господи, прійми мою душиньку,
„Къ себѣ на хвалу.
„Этакъ моя душинька постранствовала,
„На ономъ свѣту“.
Услыхалъ Господь моленье его,
Ложное моленьицо, неправедное.
Ссылае Господь святыхъ ангеловъ немилостивыхъ.
Не честно въ богатаго выняли душу;
Крюкамъ желѣзнымъ уста волокли;
Сверзили душиньку видьма высоко —
На ту колясницу, на огненную.
Вотъ тебя, богатый, свѣтлый рай!
Мучись ты, богатый, вѣкъ по вѣкамъ.
Мучился богатый день до вечера;
Обозрѣлъ богатый брата своего
Убогаго Лазаря
Въ пресвѣтломъ раю.
Закричалъ тутъ богатый къ брату своему:
„О брате, мой милый! Убогой человекъ!
„Выступи, родимый, со свѣтла раю.
„Сходи-ко ты, брате, ко синю морю,
„Обмочи свой мизинной перстъ:
„Закропи моп сахарнѣй уста,
„Чтобы моей души не тошно было“.
„Сходилъ бы я, братецъ, ко синю морю,
„Но не моя есте волюшка,
„Есте Божія воля,
„Божья-то волюшка, милость велика.
„А помнишь-ли, братецъ,
„Памятуешь ли,
„Какъ мы жили на бѣломъ свѣту?
„Втыпори братомъ ты меня не читаль,

„Алчнаго, жажднаго ты не напитай;
„Въ темницѣ сѣдящаго ты не посѣщай;
„Босаго, нагаго ты не одѣвай;
„Во гробѣ лежащаго ты не провожай.
„Втыпоря, богатый, ты меня братомъ не читай.
„Единая наша матушка спородила,
„Не едину Господь участь снарядила!“
Что Господь далъ убогому Лазарю,
То мы славу поемъ.

Красная Алисафія Агапіевна.

Востари было градъ во Іерусалимѣ:
Было три царства Рахримскіе.
Первое царство—Садамъ городъ;
Другое царство—Садымское;
Третье царство—Рахримское.
Говоритъ царица Рахримская
Ко царю своему ко Рахримскому:
„Не кручинься, царь, не печалуйся:
„Есть у насъ въ домѣ не милая счастье,
„Красная дѣвица Алисафія Агапіевна.
„Она вѣруетъ во вѣру не нашу,
„Она вѣруетъ во вѣру христіанскую“.
Ужъ, какъ сталъ отецъ да обманывать и уговаривать:
„Красная Алисафія Агапіевна!
„Ты которую вѣру вѣруешь?
„Ты которому Богу молишься?
„Мы туда тебя станемъ въ замужъ отдавать“.
Красная Алисафія Агапіевна срадовалася:
Во всю ночь она Богу молилася:
У ней вышиты были, напечатаны
Святы ангелы, святы архангелы,
Пресвятая Мати Богородица.
Изъ утра стала дѣвица ранешенько
И умывала бѣлешенько.

Выходитъ дѣвица на широкій дворъ;
На дворѣ стоитъ карета черная,
И подпряженъ жеребчикъ не ученый;
Посажень дѣтина молодой.
Красная Алисафія Агапѣвна догадалась,
Жалобненько порасплакалась:

„Не на то меня отецъ-мать породили,
„Что во священскую вѣру въ замужъ отдать.
„Отдаютъ меня къ люту змѣю:
„Ко лютому змѣю на съѣденіе,
„Ко пещерскому на прожреніе“.

Садилась Алисафія Агапѣвна въ карету черную;
Выѣзжалъ дѣтина ко снѣю морю
Ко великому.

Едина дѣвица оставалась;
Мало времени смиловалось;
Наѣзжалъ тутъ Егорей на добромъ конѣ,

- Говорить Егорей ко красавицѣ:
„Красная Алисафія Агапѣвна, поддержи коня
„За шелковъ поясъ,
„Хоть на малое время; я спать усну;
„И посмотри на снѣе море;
„Когда снѣе море порасходится,
„Волна на морѣ сколыхается,
„И люта змѣя появляется,—
„Ты тогда меня отъ сна буди“.

Мало время сминовалось,
Какъ снѣе море сколыхалось,
Волна на морѣ порасходилась,
Люта змѣя идетъ очень сердитая.
Началъ красная Алисафія Агапѣвна отъ сна будить
И не можетъ разбудить.
Покатилсь у ней горячи слезы
На бѣло лицо;
Отъ того онъ отъ сна восталъ.
И садился Егорей на добра коня;

Во праву руку беретъ свое копые
И прїѣзжаетъ Егорей ко синю морю.
Идетъ змѣя очень сердитая,
И говоритъ змѣя громкимъ голосомъ:
„Есть у меня сегодня три головы—
„Двѣ головы человѣческія,
„А третья—лошадиная“.
Началъ Егорей ей копыемъ колоть;
„Быть смирна ты, змѣя, какъ кротокъ смиренъ
„У крестьянина быть скотинина“.
И говоритъ Егорей красной Алисафія Агапѣевны
„Красная Алисафія Агапѣевна, возьми свой шелковый поясъ,
„Положи змѣю на шелковъ поясъ
„И введи змѣю ко своему батюшкѣ,
„И говори своему батюшкѣ Агапѣевичу—
„Пусть повѣруеть въ вѣру христіанскую;
„Пусть состроятъ три церкви соборныя,
„Соборныя, богомольныя.
„Первую церковь—Спаситель,
„Другую—Святитель,
„Третью—Егорію свѣту храброму“.
Она и повела змѣя ко своему батюшкѣ Агапію.
„Батюшко! Повѣруй въ вѣру христіанскую;
„Сострой три церкви, соборы богомольныя.
„Прїѣзжалъ Егорей на добромъ конѣ;
„Началъ Егорей змѣю конемъ топтать,
„Конемъ топтать, змѣю копыемъ колоть,
„Онъ разсѣлъ змѣю на мелко частье,
„На мелки змѣеныши, веретеныши;
„Распустилъ змѣю онъ по всей земли,
„По всей земли, по всей Руси.

О Кирикѣ младенцѣ.

Ай же ты, Кирикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,

И мать твоя Улита!
И нашли этого Кирика младенца
У Максимьяна царя во градѣ,
Во соборнѣй церкви апостольской
Противъ Петра и Павла.
Читаетъ книгу Кирикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,
И стоитъ тутъ его мать Улита.
Приходятъ злы мученики царя Максимьяна,
Говорили Кирику младенцу:
„Ай же ты, Кирикъ младенецъ
„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,
„И мати твоя Улита!
„И ты повѣруй во вѣру нашу,
„Поклонись нашимъ богамъ-идоламъ“.
И говорилъ-то Кирикъ младенецъ:
„Ай же вы, злы мучители
„Царя Максимьяна!
„И не повѣрую я въ вѣру вашу,
„И не поклонюсь я вашимъ богамъ-идоламъ.
„Какой отвѣтъ со перваго дни,
„Такой отвѣтъ и до послѣдняго дни“.
И взяли яты злы мучители
Кирика младенца
Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,
И мать его Улиту,
Повели къ Максимьяну царю ко мучителю.
Говорилъ Максимьянъ царь:
„Ай ты, Кирикъ младенецъ
„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,
„И мати твоя Улита!
„Ты повѣруй въ вѣру нашу,
„И поклонись нашимъ богамъ-идоламъ“.
И говорилъ ли Кирикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ:
„Ай ты, Максимьянъ царь!

„Не повѣрую я въ вѣру вашу,
„И не поклонюсь я вашимъ богамъ-идоламъ;
„Какой отвѣтъ со перваго дня,
„Такой и до послѣдняго дня“.

Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,
Приказалъ своимъ злымъ мучителямъ:

„Вы возьмите, мои злы мучители,
„Кирика младенца
„Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,
„И мать его Улиту
„На водѣ топить“.

Кирикъ младенецъ на водѣ гоголемъ пловеть,

Гоголемъ пловеть—голова вверху,

И самъ стихи поетъ херувимскіи;

Голосъ у него по архангельски.

Разъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,

На того-ли Кирика младенца

Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,

И на мать его на Улиту.

„Ай же вы, мои злы мучители!

„Вы возьмите Кирика младенца

„Топоромъ рубить“.

И начали его злы мучители

Топоромъ рубить.

Во топорѣ всѣ лѣзья приломалися,—

Онъ, Кирикъ младенецъ, стоемъ стоитъ

Ничто ему святому не діялось,

И самъ пѣсни поетъ херувимскіи.

Голосъ у него по архангельски.

Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,

Приказалъ своимъ злымъ мучителямъ:

„Вы возьмите Кирика младенца .

„Въ колесѣ вертѣть“.

Онъ, Кирикъ младенецъ, стоемъ стоитъ,

Соемъ стоитъ, самъ стихи поетъ херувимскіи,

Голосъ у него по архангельски.

Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,
Приказалъ ли своимъ злымъ мучителямъ:

„Идите-тко въ поле широкое,

„Копайте яму глубокую —

„Глубиной-то яму до пяти сажень,

„Шириной-то яму десяти сажень,

„И насыпайте въ эту яму великую

„Угли зрълаго,

„Поставьте на эти на угли на зрълни котель желѣзный,

„Накладите туды селитры-олова,

„И раздуйте эти угли зрълни

„Этими мѣхами да великими“.

Затряслась и мать-сыра земли на три поприща,

Ужаснулася мати его Улита

Этого реву котельнаго.

Говорилъ ли Кирикъ младенецъ:

„Мати моя Улита!

„Не утрапшисъ реву котельнаго,

„Господь Богъ насъ помилуетъ“.

И говорилъ ли Максимьянъ, царь-мучитель:

„Иди, Кирикъ младенецъ, въ котель желѣзный,

„Разварена тамъ селитра и олово

„Во томъ котлѣ да во желѣзномъ“.

И зашелъ-то Кирикъ младенецъ

Со матерью со Улитю,

И говорилъ-то Кирикъ младенецъ:

„Максимьянъ, царь-мучитель!“

Кирикъ младенецъ стоемъ стоитъ

Во томъ котлѣ да во желѣзномъ

И самъ стихи поетъ херувимскіи,

И голосъ у него по архангельскіи.

Говорилъ ли Кирикъ младенецъ

Максимьяну царю:

„Ай же ты, Максимьянъ, царь-мучитель!

„Разварено у тебя въ томъ котлѣ селитра и олово,

„Какъ море да ледяное.“

„Ай ты, Максимьянъ, царь-мучитель!
„Пихни свой перстъ по первому суставу
„Во этотъ котель желѣзный“.
Ушибло у Максимьяна царя
Перстъ по первому суставу.
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель.
„Ай ты, Кирикъ младенецъ!
„Исцѣли перстъ — повѣрую въ вѣру вашу,
„Поклонюсь я Богу вашему
„Христу Распятому“.
И исцѣпилъ перстъ Кирикъ младенецъ
У царя Максимьяна.
„Ай же вы, мои злы мучители!
„Раздуйте угли пуще зрѣлыи
„Тыма ли шѣхами великими“.
Говорить Максимьянъ, царь-мучитель:
„Иди, Кирикъ младенецъ,
„Во тотъ котель желѣзный,
„Пуще разварены селитра и олово“.
И вшелъ Кирикъ младенецъ,
Мать его Улита
Во тотъ котель желѣзный.
Тамъ Кирикъ стоемъ стоитъ,
Соемъ стоитъ, самъ стихи поетъ,
Стихи поетъ херувимскіи,
Голосъ у него по архангельски:
„Господь Богъ насъ помируетъ!“
Говорить ли Кирикъ младенецъ:
„Максимьянъ, царь-мучитель!
„Пихни руку по первой по завиви
„Въ этотъ котель желѣзный.
„Какъ есть студеное море!“...
Пихнулъ Максимьянъ царь
Руку по первой по завиви
Въ этотъ котель желѣзный.
Отшибло руку у Максимьяна царя

По первой по завиви.

Говорилъ ли Максимьянъ, царь-мучитель:

„Ай же ты, Кирикъ младенецъ,

„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,

„И мати твоя Улита!

„Исцѣли руку мою по первой по завиви, —

„И повѣрую я во вѣру вашу,

„И поклонюсь я Богу вашему

„И Христу Распятому“.

Воздержнулъ Кирикъ младенецъ

Руки свои на свою главу:

„Ай же ты, Господи, Господи!

„Исцѣли руку у Максимьяна мучителя

„По первой по завиви,

„Онъ повѣруетъ въ вѣру нашу,

„Онъ поклонится Богу нашему,

„Христу Распятому“.

И исцѣлилъ руку по первой по завиви.

Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,

На того ли Кирика младенца

На мать его на Улиту.

„Ай же вы, мои злы мучители!

„Возьмите Кирика младенца

„И мать его Улиту,

„Ведите во поле широкое

„И пригвоздите ко дубу ко широку“.

И взяли эти злы мучители

Кирика младенца,

Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,

И мать его Улиту,

Свели въ поле широкое

И пригвоздили ко дубу ко широку.

Онъ, Кирикъ младенецъ,

Стоемъ стоитъ, самъ стихи поетъ херувимскии,

Голосъ по архангельски.

Розъяровался Максимьянъ, царь-мучитель:

„Возьмите, мои злы мучители,
„Выньте Кирика младенца
„И мать его Улиту
„И со этого дуба со широка,
„Бладите его да на широко поле,
„И разстрѣляйте его тѣло бѣлое,
„И сожгите его тѣло бѣлое
„На томъ огни на здращеніиъ“.
И сожигали Кирика младенца
На томъ огни на здращеніиъ.
Приказалъ Максимьянъ, царь-мучитель,
Спустить тѣло бѣлое на широко поле.
Онъ, Кирикъ младенецъ,
Стоемъ стоять, самъ стихи поетъ херувимскіи,
Голосъ у него по архангельски.
Речетъ Господь: „Ай же ты, Кирикъ младенецъ,
„Претерпѣлъ ты муку великую;
„Что ты хочешь получить
„За эту за муку за великую?“
„Господи! Ничего я не хочу получить.
„Который рабъ меня вспомнить
„Дважды днемъ на молитвахъ,
„Сбавленъ пусть тотъ рабъ
„Отъ вѣчной муки,“—
И славить тебя, Кирика младенца
Во вѣки вѣковъ. Аминь.
{Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

III.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ПѢСНИ ВЪ ТОЛ-
ВУЙСКОЙ ВОЛОСТИ ¹⁾).

Свадьбы производятся просто—съ согласія жениха и невѣсты, которому и сами родители бываютъ не вольны сопротивляться. Начинаютъ такъ: холостой, подговоривъ дѣвицу, старается залогъ взять отъ нея—какую-либо дорогую вещь изъ ея приданаго; потомъ ѣдутъ свататься къ отцу и матери, ѣдутъ нѣсколько человѣкъ. Сватовство бываетъ всегда поздно вечеромъ. На сватовствѣ угощаютъ сватовъ — первое — водкою, а главная принадлежность угощенія—приготавливаютъ яичницу на сковородѣ и сканые тонкіе пироги, варенные въ маслѣ на сковородѣ. Если доводится до того, чтобъ уговариваться о свадьбѣ, зажигаютъ свѣчку, молятся Богу, назначаютъ даревъ и на сватовствѣ сватовьямъ даютъ по полотенцу (богатые—еще по рубашкѣ), а свекрови посылаютъ сорочку въ подарокъ отъ невѣсты.

На другой день послѣ сватовства, невѣста какъ встанетъ, начинается причитывать:

Я долго спала, невольна красна дѣвушка,
Сего утрушка Господняго,
Сплю до зорюшки рануутренной
И до бѣлаго до свѣтупка,
До выставу солнца краснаго.
Какъ сегодншнимъ Господнимъ долгимъ денечкомъ,
Пріотказана у желанныхъ родителей
Отъ столовъ да отъ дубовыхъ,
Отъ стряпѣюшчи суетливой,
Пріотказана у желанныхъ родителей
Отъ самоварчиковъ золоченныхъ,

¹⁾ Описаны крестьяниномъ И. А. Касьяновымъ; рассказъ его, сообщенный для изданія чл.-с. П. А. Гильтебрандтомъ, печатается здѣсь почти безъ всякихъ измѣненій.

Отъ кофейниковъ лужонныхъ,
Отъ разливу малыхъ чашочокъ.
Какъ до этого Господня Божья утрушка
Я ставила самовары золоченые
И кофейнички лужонны,
И розливала малы чашечки,
И поила я гостей да приходящихъ.
Но сегодняшнимъ Господнимъ долгимъ утрушкомъ,
На весельи мои желанные родители
Избываютъ меня, бѣлой лебедушки.
Сего денечка Господняго
У моихъ да у желанныхъ родителей
Принаставлено къ столамъ да дубовымъ
И стряпушки-распорядчики,
И къ разливу малымъ чашечкамъ разнощички.
Вы послушайте, желанныи родители,
Вы поставьте-тко совѣтныхъ милыхъ подружекъ,
За ключевою сходите водушкой—
Мнѣ размытъ да сего дня Господняго
Свое личушко бумажное ¹⁾.
Вы подите-тко, совѣтны милы подружки,
Ко крутому красну бережку
И почерпните-тко ключевой свѣжей водушки,
И принесите-тко ко мнѣ, подневольной красной дѣвушки.
Что-то долго заходились совѣтны милы подружки,
Застоялись съ остудничкомъ съ чужателемъ,
Со младымъ сыномъ отецкимъ разговорами занимаются.
Имъ сулить да младъ отецкой сынъ,
Сулить штофѣку разубористаго,
Поголевой (?) парчи сулить да по парчовичку,
На млады головушки онъ по розовой косыночки,
Во русны волосоньки онъ по алой сулить ленточки;
Онъ еще сулить, младъ отецкой сынъ,
На рѣзвы поженъки чулочки шелковыи

¹⁾ То есть, бѣлое какъ бумага.

И башмачики козловыи.

А и вы, совѣтныи милыи подружки,

Не измою я лица бѣлаго

Сего дня Божья Господняго.

Маните меня, совѣтныи милыи подружки,

И въ обманъ да дѣло дѣлаете:

Вы берете отъ млада сына отецкаго

Изо многихъ чесныхъ дорогихъ подарочокъ—

Смѣты нѣту въ золотой казны безчотной—

Вы берете всякихъ сладкихъ напичокъ,

Сахарныхъ закусокъ.

Нунъ пошлю я васъ, совѣтныи милыи подружки,

Покажу я вамъ путь долинную дороженьку:

Ей, сходите-тко вы на Лодейно чисто полюшко,

На Лодейномъ на полюшки

Три подкопые колодца,

Тамъ срубочки да серебра,

Почерпущечки есть золочоныи,—

И зачерните-тко ключевой свѣжой водушени.

Что-то долго совѣтныи милыи подружки заходилися,

Въ разстаняхъ вѣрно они да замѣшались,

Во лѣсахъ да заблудилися,

За перевозами они да зостоялися.

Нунъ пришли совѣтныи милыи подружки

Со ключевой пришли они со водушкой:

Покажите-тко, совѣтныи милыи подружки,

Вы подайте-тко въ бѣлы мои ручушки

Ключевую свѣту водушку—

Мнѣ измыть да лицо бѣлое.

Маните меня, совѣтныи милыи подружки,

Эта водушка мучоная,

Эта водушка брожная,

Не измою личика бѣлаго.

Какъ по этому по чистому по полюшку,

Какъ ѣздить младъ отецкой сынъ

На своемъ да на добромъ конѣ;

Онъ во первомъ во колодецѣ
Напоилъ да коня добраго—
Стала водушка мучоная,
Стала водушка брожоная.
Онъ во другомъ во колодецѣ
Помочилъ да плётку шолкову;
Онъ во третьемъ во колодецѣ
Самъ искушалъ ключевой воды.
Не измою лица бѣлаго
Сего дня Божья Господняго
Этой водушкой мучоной,
Этой водушкой брожоной.
Вы сходите-тко, совѣтны милы подруги,
Хоть дальня путь широка дороженька
Ко славному ко Питеру,
Ко царю да въ зеленой садохъ;
Какъ у царя да въ зеленомъ саду
Три колодца подкопныхъ,
Въ нихъ срубочки серебряны,
Почерпушечки въ нихъ да золочены,
И замочки положены окованы,
Сторожа поставлены тамъ вѣрны.
Доложитесь-ка, совѣтны милы подруги,—
У сторожовъ-то вы да вѣрныхъ
Почерпнуть вамъ ключевой да водушки.
Что вы долго заходилися, совѣтны милы подруги,
Въ ростаняхъ да замѣшались,
Во лѣсахъ да заблудилися,
И за перевозамъ застоялися.
Подошли милы совѣтны подруги,
Подошли да со ключевой свѣжей водушкой.
Покажите-тко невольной красной дѣвушки;
Вы подайте-тко на бѣлы мои ручушки.
Маните меня, совѣтны милы подруги:
Все вѣдь водушка мучоная,
Все вѣдь водушка брожоная.

И клянусь клянуся,

А я им советники или подружки,

Эх клянусь я лица бѣлаго

Сестрѣ или Брата Господняго.

Маните меня, советники или подружки,

И изъ ѿбѣды изъ гдѣ дѣлаете:

Эх берете отъ клада сына отцовскаго

Эх ищите чести въ дорогѣ подарочекъ—

Скѣли выку изъ залотой кнѣзи безчестной—

Эх берете всѣхъ съдѣлать кланиторекъ,

Скѣлорекъ закуторекъ.

Эхъ послѣ я вѣкъ, советники или подруж

Эхъ выку я вѣкъ тутъ кланиторекъ дороженьку.

Бѣ скѣлите-те вы на Лодсѣю чисто волю

Бѣ Лодсѣю на голени

Умъ гдѣшнее барона,

Умъ сребренъ да серебра,

Прѣдупреденъ есть золотонинъ,—

И заверните-те ключевой свѣжой водушки.

Чѣ-те калге советники или подружки за

Въ разставѣ вѣрно они да замѣшались.

Бѣ гдѣшъ да заблудилися,

За веревками они да зосталися.

Нутъ крѣпши советники или подружки

Се ключевой пришли они со водушкой:

Покажите-те, советники или подружки,

Вы выдайте-те изъ бѣли мои ручники

Ключевую свѣту водушку—

Мнѣ кнѣзь да лицо бѣлое.

Маните меня, советники или подружки,

Эта водушка мучоная,

Эта водушка брожная,

Чѣ измоя я бѣлаго.

Бѣ по истому по полюшбу,

Бѣ отцовской сынъ

На добромъ конѣ;

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is written in a cursive script and is mostly illegible due to the angle and quality of the scan.

Тамъ-то ѣздила дочь царская
На своемъ ли на добромъ конѣ,
Прогуливалась она въ зеленомъ саду,
Въ первомъ колодцѣ напояла коня добраго,
Какъ во другомъ во колодцѣ
Помочила плетку шолкову,
И во третьемъ во колодецы
Сама искушала ключевой воды—
Стала водушка мучоная,
Стала водушка брожная;
Не измою лица бѣлаго.
Нунь пошлю я васъ, совѣтны милы подруги,
Я на Свирь да быстру рѣченьку.
На Свири да быстрой рѣченьки
Бѣжить водушка быстрешенько,
Несетъ водушку скорешенько:
Не мутится ключева вода.
Тутъ почерпните-тко ключевой свѣжей водушки,
Принесите-тко ко мнѣ, подневольной красной дѣвушки,
Въ розстаняхъ да замѣшались,
Во лѣсахъ да заблудилися,
За перевозами да застоялися.
Подошли, совѣтны милы подруги,
Со ключевой со свѣжей водушкой:
Вы подайте-тко на бѣлы нуньче рученьки,
Я приму возьму на бѣлы нуньче рученьки
Я свѣжую ключевую да водушку,
Я отъ мленькихъ совѣтныхъ милыхъ подружекъ,
Измывать да буду бѣлое свое личушко;
Эта водушка да не мучоная,
Эта водушка не брожная;
Притрудила васъ, совѣтныхъ милыхъ подружекъ.
Ходячи по дальнимъ по сторонувкамъ.
Благодарю я васъ, совѣтны милы подруги,
За ключевую да свѣжу воду.
Принеси-тко, совѣтны милы подруги,

Мнѣ разшивленное тонкое полотенышко —
Утирать да надо бѣло лпчушко:
Было вышито на разшивленномъ полотенушкѣ
И цари да со царицами,
Короли да съ королевами,
И съ полками да государевыма,
И съ русскими со военными,
И съ угрѣвнымъ краснымъ солнышкомъ,
И со свѣтлымъ со мѣсяцемъ,
И со частыми со звѣздочками.

Благодарю я васъ, совѣтны милы подружки,
На разшивленномъ полотенушки.
Видно дѣвушки есть вѣшкольнии,
Видно дѣвушки учены
Есть при умныхъ желанныхъ родителей,
При разумной есть роды вы и племечки.

По вечеру невѣсту въ байну зовутъ; дѣвица отпираетъ дверь
и начинается приплакивать говоря:

Отворись-ка, дверь дубовая,
Какъ по гѣтничкамъ булатнымъ,
По этимъ ли петелкамъ шелковымъ!
Мнѣ воздать поклонъ, невольной красной дѣвушки,
Старушкамъ стародревниимъ,
Старикамъ отдать почтеннымъ:
Вы пожалуйста во теплу парну баёнку,
Не чешитесь, ни побайдайтесь ¹⁾;
Ни про васъ да байна топлена,
И ни про васъ байна готовлена,
Ни про васъ да вода ношена:
Байна топлена, готовлена
Про совѣтну милу подружку.
Мнѣ воздать поклонъ, души красной дѣвушки,
Мнѣ вдовамъ благочестивымъ,
И солдаткамъ горегорькимъ:

¹⁾ Не почесывайтесь.

Вы пожалуйста во теплу парну баенку,
Ни чешитесь, ни побайдайтесь,
Ни про васъ-то байна топлена
Ни про васъ да вода ношенная:
Байна топлена, готовлена
Про совѣтну милу подругку.
Мнѣ воздать поклонъ, души красной дѣвушки,
Ко печеньки кирпичной,
Ко большушекъ-распорядчикъ:
Вы пожалуйста во теплу парну баенку,
Ни чешитесь, ни побайдайтесь;
Ни про васъ то байна топлена,
Ни про васъ да вода ношена:
Байна топлена, готовлена
Про совѣтку милу подругку.
Нунь воздамъ поклонъ, душа да красна дѣвушка,
Въ полоненей разореной задней уголокъ,
Ко миленькой совѣтной моей подругки,
Къ подневольной души да красной дѣвушки.
А вы пожалуйста, совѣтна мила подругка,
Во теплую парную баенку,
Да во баеную умывалку.
Истопила я тебѣ теплу парную баенку,
Изготовила и износила
Ключевой тебѣ я водушки.
Ты послушай-ко, совѣтна мила подругка,
Я ни дровцами топила, ни полѣнцами,
Ни лучиной разжигала, ни сосновой.
Я ходила во три чистыи во полюшка,
Принимала я три деревца кипарисныхъ
И разѣкала я на тридевять полѣнечокъ,
Истопила тебѣ теплу парну баенку,
Съ теплой парной вышла баенки
На прогулку, на широку на уличку,—
Какъ зазвонили колокольцы Петербургскіи,
И принаѣхалъ-то остудникъ, младъ отецкой сынъ,

Ко моей ли теплой парной ко баенки;
Онъ вѣдь здѣся-тъ со мною, доброе здоровьеце!
Тебѣ Богъ помочь, душа да красна дѣвица,
Ты пусти меня во теплую парну баенку,
Впереди своей совѣтной милой подружки,
Къ подневольной души да красной дѣвушки,
И за мною ты бери да золотой казны бесчетной
И честныхъ дорогихъ подарочекъ.
И ни на что да ни позарилась,
А и ты миленька совѣтна мила подружка,
Нунь пойдете-тко во теплу парну баенку,
Во мою ли да умываленку.
А и ты, миленька совѣтна мила подружка,
Ты проси нынче у родители, у матушки
Ты шелкова парна вѣничка
И мыльа съ умывальямъ;
Проси тазичковъ теперь да золоченныхъ
И тонку бѣлую просите нынѣ рубашечку,
Хоть худеньку проси за перемибочку.
Воскормитель мой, родитель, сударь-батюшка,
Я спрошу тебя, невольна красна дѣвушка,
Промощены ль у тебя мѣстички дубовыя
Отъ крылечушка перскаго ко теплой парной баенки,
И ставлены ль у тебя столбики точеныя,
И положены ли у тебя говоздошки золоченыя,
Понавѣшены ль занавѣсточки шелковыя,
Поразосланы по мостамъ до по дубовымъ
Суковца одинцовыя,
Чтобъ башмачки мои да ни грезнились,
Чулочки мои да ни марались;
Да и любимыхъ сердечныхъ повозничковъ ¹⁾
И вѣрныхъ сторожителей,
И надежныхъ провожателей,
Чтобы сберегли да мою волю-волюшку,

¹⁾ Проводниковъ.

Сего дня Господняго
Отъ остудничка, млада сына отецкаго.
Потомъ приходитъ невѣста съ байны:
Благодарю тебя, совѣтна мила подружка,
Что истопила теплу парную баенку:
Я измыла свою вольную волюшку.
Благодарю я васъ, свѣтушки-братцы родимыи,
Что сберегли да мою вольную волюшку.
Уплетите-тко, совѣтны милы подружки,
Мою вольную волюшку.
Вы уплетите-тко мелко мою русую мою косыньку,
Заплетите-тко, совѣтны милы подружки,
Во мою русую во косыньку,
Въ корешокъ вплетите-тка саблю вострую,
А ополу косы вплетите мою косаньку
Круглое малое озерышко,
На конецъ вплетите моей русой косаньки
Востры ножички булатны
И накладите-то колючихъ булабочекъ.
Какъ сегодняшнимъ Господнимъ долгимъ денечкомъ
Принаступится остудникъ, младъ отецкой сынъ,
На мою то дорогую волю бажоную,
Расплетать-то станетъ вольной волюшки,
Разрушать то станетъ косооплеточекъ,
Онъ наколетъ ручки бѣлыи
И обрѣжетъ ручки бѣлыи
Во ножички булатныи;
До полу дойдетъ моей волюшки до круглой,
До малаго озерышка,
Приутупе въ кругло малое озерушко,
Призмочитъ свои цвѣтны платьнца, —
Тутъ отступится отъ вольной моей волюшки,
Станетъ по полу похаживать,
Ручками бѣлыми помахивать,
Станетъ тряпочекъ попрашивать,
Бѣлыхъ ручушокъ завязывать,

Цвѣтно платице изсушивать.

Позабудеть мою вольную волюшку,—

Приостанусь во своей воли баженой,

У своихъ да у желанныхъ родителей.

Въ назначенный день съ обѣихъ сторонъ созываютъ родственниковъ и съѣзжаются къ невѣстѣ.

Съ поѣздомъ ѣдутъ къ невѣстѣ; дружки ѣдутъ впереди и приѣзжаютъ къ невѣстину дому прежде поѣзда, и поколотятся подъ окномъ: „Есть ли, есть ли въ семь домѣ живущемъ, во свѣтлой свѣтлицы, во столовой горницѣ княгини молодой батюшко родной *такой-то*? Если спитъ, такъ пробудите; куда ушелъ, такъ поищите и къ намъ сюда его приведите. Здорова ли у васъ княгиня молодѣ? А нашъ молодой князь низко кланяется, а до княгини молодой добирается. Есть ли у вашей княгини молодой про нашего князя свѣтлыя свѣтлицы, столовыя горницы, столики дубовые и стулечки кленовые, ложечки серебряныя, самоварики золоченные и кофейнички луженые, про коней конюшни, про шлею сарап, конямъ сѣна по ушей, а овса по хвосту?“ Отецъ невѣсты выходитъ и говоритъ: „Все найдется для васъ, будетъ точно въ самый разъ!“ Тогда дружекъ подчиваютъ водкой съ закуской — пирогомъ и говорятъ въ отвѣтъ: „Наша княгиня молодѣ добра-здрави; князю молодому низко кланяется и всѣму княженицкому поѣзду“.

Потомъ дружки приѣзжаютъ съ поѣздомъ на отдѣльную квартиру и идутъ во второй разъ къ невѣстѣ на домъ; а тамъ, у невѣсты, избранъ староста и посаженъ за столъ. А тутъ дружки говорятъ: „А кто у васъ за столомъ сидитъ?“ Староста отвѣчаетъ: „Я избранный красныма дѣвушками и молодыма молодухками, хозяиномъ посаженъ и пополу заключенъ“. Тогда дружки подносятъ старостѣ водки; староста выпьетъ и самъ говоритъ: „А вы какъ могли въ нашъ домъ господской пройти? У насъ были у воротъ приворотники, а у дверей придверники, а у крыльца были собаки самоѣдскія ¹⁾“. Отвѣчаютъ дружки: „А мы ѣхали путемъ-дорогою, дичины настрѣляли и кобелямъ подарили, а кобели насъ и пропустили; а придверниковъ и приворотниковъ да и столбниковъ зо-

¹⁾ Въ смыслѣ злыхъ, никого не пропускающихъ.

лотомъ и серебромъ подарили, и оны насъ и пропустили“. А староста говорить: „А у насъ княгиня молодой дома нѣтъ, уѣхала прогуливаться — ни знаемъ куда“. Дружки говорить: „А нашъ князь молодой ѣздилъ прогуливаться по чистому полю, и она его увидала и весьма испугалася, и домой ворочалася: надо быть ей при домѣ“. Староста говорить: „А наша княгиня пріѣзжала домой и повернулася бѣлой колицей и улетѣла“. Тогда дружки говорить: „А нашъ князь молодой въ это время ходилъ за охотою, стрѣлялъ гусей и бѣлыхъ лебедей и добирался до бѣлой колицы; а ваша княгиня молода услышала громкой выстрѣлъ и весьма испугалася и домой ворочалася: должна она при домѣ быть“. Тогда староста говорить: „Когда вы много знаете, то можете ли знать морскую глубину и небесную вышину?“ Тогда дружки говорить: „Мы рѣчь выше ума начинаете, а Христу имя знаете ли?“ Тогда староста говорить: „Наша княгиня молода добра-здорова и при домѣ находится, князю молодому низко кланяется и дарить васъ, дружекъ, вѣрныхъ служекъ!“ И подарить ихъ полотенцемъ и связать черезъ плечо, и такъ ходять. А потомъ ихъ приглашаютъ въ гости и садятъ за столъ и подчиваютъ — у кого что припасено.

Потомъ подводятъ невѣсту къ столу; тутъ она начинаетъ причитывать:

Пораздвиньтесь-ка, народъ да люди добрыи,
На двѣ, на три, на четыре на сторонушки,
Мнѣ пройти было, невольной красной дѣвушки,
Во почесной да большой уголь,
Ко столамъ да ко дубовымъ,
Ко гостямъ да нязнакомымъ.
Что за дивушко во починомъ большемъ углу удивилося?
Во родительскомъ во почостномъ во большемъ углу
Зима стоитъ да студеная,
Со крещенскимъ да морозами.
Подошло сюда да сине морюшко
Во почетный да во большой уголь,
Сине море стоитъ да со пристанями,
А пристани-то стоятъ да съ кораблями,

Съ полотняными стоятъ парусамы,
Со товарамы стоятъ да съ дорогами,
А за столомъ сидятъ распочесны,
Честны гостюшки,
Со женами сидятъ да сомолодыма,
Со дочерями сидятъ да со хорошима.
Мни вельзя пройти-придвинуться
Что ль ко столычку мнѣ да ко дубовому;
Супротивъ миня, невольной красной дѣвушки,
Стоить стѣнушка городовая
И лединка съ лѣсомъ съ темнымъ:
Мни спросить надо, невольной красной дѣвушка,
У млада сына отцаго
И у разказа-свата бѣльшаго,
И у гостей да незнакомыхъ:
Вы куда, гости, поѣхали,
А вы что, гости, провѣдали;
Здѣсь нѣтъ празднича Господняго,
Нѣтъ погостовъ здѣсь столбовныхъ,
Нѣту улицоѣ рядовныхъ,
Нѣту лавочоѣ торговыхъ,
Нѣту синяго здѣсь морюшка,
Нѣту пристаней у насъ да жорабельныхъ,
Нѣтъ проливовъ съ синихъ морюшоѣ.
Опознала я нынѣ-теперь да красна дѣвушка,—
Видно быть дѣлу неплохому.
Быть кружку да молодецкому,
Поѣзду княженецкому,
Видно быть брудьгамъ боярнымъ,
Видно быть князю молодому.
Я спрошу тебя, да младъ отецкій сынъ:
Что стоитъ стѣна теперь да городовая,
А лединушка стоитъ да съ лѣсомъ темнымъ,
Восприимщицоѣ крестовой стоитъ батюшка,
Восприимщицька крестова стоитъ матушка,
Лединка съ лѣсомъ темнымъ,

Со породушкой стоитъ родовитой,
Со сестрицамъ стоятъ да со родимыма,
Со тетушками стоятъ да со братушками,—
Ты чѣмъ станешь дариѣ, младъ отецкой сынъ,
Породушку мою да родовитую?
Я скажу тебѣ, младъ отецкой сынъ,
Тебѣ чѣмъ да дарить надо:
Во первыѣ, дари, да младъ отецкой сынъ,
Родителя да батюшка,
И вовторыѣ, дари родитель мою матушку:
А родителя дари-тко моего батюшка,
Тулупчикомъ дари еотовымъ,
А родитель мою матушку
Сапожками ты да вѣдь сафьянными,
А восприемщица крестоваго батюшка
Дорогимъ дари сукномъ да одинцовымъ,
А крестовую мою матушку
Дари штофичкомъ ты да разузористымъ,
Мою породушку всю даровитую
Дорогимъ сптцемъ да Екипажескимъ,
А совѣтнихъ милыхъ по оружокъ
Дари розовыми косиночкамъ.
То не то стѣнушка да поразстроится,
А и лединушка да пораздвинется,
Красна дѣвица къ дубову столу придвинется.
Вы пожалуйста подносы золочоны
И со хрустальными со свѣтлыми со рюмочками.
Ты возьми теперъ, восприемщикъ, кресной батюшко,
Тѣ графини съ зеленымъ виномъ
И со сладкою со водочкой,
И наливай-ка ты, восприемщикъ, кресной батюшка,
Во хрустальны свѣтлы рюмочки;
Я буду подчивать, невольна красна дѣвушка,
Этихъ гостюшокъ незнакомныхъ:
Испей, выкушай пожалуйста
Малу чару зелена вина;

Обойдти-ка мнѣ не можно,
А покориться мнѣ ни хочется
Тебѣ, князю именитому,
Человѣку превеликому.
Становитесь нынѣ пожалуйста;
Встанѣ на ноженьки на развыи,
На сапожки да на козловыи;
Изволь выкушать—пожаловать
Малу чару зелена-вина
Отъ княгинюшки поручиной:
Есть не горько зелено-вино,
Сладкимъ медкомъ поливано,
Бѣлымъ сахаромъ посыпано.
Расхорошая ты есть ягодиночка,
Расхорошій, распріумной доброй молодець;
Твои желтые кудерушка,
И по всякой волоспночки
По скатной по жемчужины,
Твои бровушки черна соболя,
Твои очи ясна сокола,
Бѣлота въ лицѣ бѣла да свѣту бѣлаго,
Красота была солнца краснаго;
Ты сидишь—будто свѣща горитъ;
Твои рѣчушки да умешеньки,
Разговорушки твои да виселешеньки,
И походочка твоя да щепетливая:
Подойдти мнѣ ко разсказу-свату большому,
По суду вѣдь по Божьему —
Ко младу сыну отецкому:
Восприимщикъ, кресной батюшко,
Тебѣ Богъ судить, рассказъ да самъ-большой,
Сватъ-разоритель ты краснымъ дѣвушкамъ,
Погубитель нашимъ вольнымъ-волюшкамъ;
Тебѣ Богъ судить, да рассказъ—большой сватъ;
А на полѣ бы росло у тебя да со метлицею,
На гумнѣ да со торницею,

А на дворѣ да скоть рогатой не плодился бы.
Изволь выкупать нынче да пожаловать
Малу чару зелена-вина
Отъ княгини—меня—порученой:
Есть не горькое у насъ да зелено вино,
На медку вино развожено,
Сахаромъ вино посыпаное.
Мой поклонъ да понизешенежъ,
Дубоваго стола гостыни,
Молодого князя брудгушка;
По суду да вѣдь по Божьему,
По младу сыну отецкому
Воспринемна крестова прійдетъ матушка;
Стань на ноженьки на рѣзвыи,
На чулочки на шелковыи,
На башмачики на козловыи.
Изволь выкупать нынъ пожаловать
Малу чарочку зелена вина:
Есть негорько зелено вино,
Сладкимъ медкомъ поливано,
Бѣлымъ сахаромъ посыпано.
У крестовой моей матушки
У ней бровки черна соболя,
У ней очи ясна сокола,
Бѣлотушка снѣжка бѣлаго,
Краса-баса солнца краснаго,
Походочка щепетливая,
Разговорухи учливыи,
Прирозуминыхъ родителей,
Прихорошаго роду-племечка.
Воспинемищичка, крестовая матушка,
Быть заступуха по мнѣ да заборонушка
На остудухи на чужой на сторонушки.
Мой поклонъ да понизешенежъ
Всему кружку нынъ да молодецкому,
Всему поѣзду нынъ да княжецецкому,

Брюдгамъ-то вамъ да всѣмъ боярынямъ.
Ты гляди же нынѣ, да младъ отецкой сынъ,
Со кружкомъ да молодецкимъ,
Со всѣмъ поѣздомъ да княженецкимъ,
Со породушкой да именитой,
Съ восприемщицкой крестовой,
Гляди — съ матушкой,
Чтобы послѣ тебя да ни спокоеся,
Не гнѣвить мнѣ, невольну красну дѣвушку,
И не стыдить бы лица бѣлаго.
Ты гляди-тко, младъ отецкой сынъ:
Я тонка быдто тевичька,
Зелена быдто тровиночка,
Я станомъ ни становитая,
Красотой ни красовитая;
У меня, у красной дѣвушки,
Ко стулу да ко дубовому
Было росту принаставлено,
Толщины было прибавлено,
Красоты въ бѣло лицо принакладено.
Вы глядите-тко, смотрите красну дѣвушку,
Чтобъ опосли вамъ да ни покается.

Когда отъ стола невѣсту поведутъ, она причитываетъ слѣдующее:

Я ни въ зеленомъ саду да побывала,
Не молоковою траву потоптала,
Не лазоревы цвѣты да сорывала,—
Побывала я во почесномъ во большемъ углу
И постояла у столовъ да у дубовыхъ
И поглядѣла я на млада сына отецкаго.
Три грозы мнѣ придалъ младъ отецкой сынъ,
Три великія:

Перву грозушку далъ превеликую —
Взглянухъ глѣдушкомъ невеселымъ;
Другу грозушку далъ превеликую —
Онъ вздохнулъ да тяжелешенько;
Третью грозушку далъ да превеликую —

Прижалъ онъ мою бѣлу ручушку,
Изломалъ на правой ручьѣи золото кольцо.
Какъ со этого со страху-переполоху
Подломились мои рѣзвыи ноженьки,
Подражали мои бѣлыи рученьки
Со этыма подносами золоченыма,
Со малыма со винныма со чарочками —
Зелено вино по подносу разливалось
По моему по цвѣтному портнищечу,
По золоту манищечку;
Мое цвѣтное портнищечко
По швамъ да расшивалось,
Мое золото манищечко
По паямъ да распаялось,
Скатны жемчужки мои да перебраныи
По жемчужинкѣи они да раскатились,
Брасотушка-басотушка
Съ бѣла личика потиралась.
Вы желанныи мои родители,
Мнѣ-ка трои, люди, надобно:
Мни-ка перво, люди, надобно—
Сшить мнѣ цвѣтное платьицо,
А мни-ка друго, люди, надобно—
Спать золотѣ манищечко,
А мнѣ-ка третье, люди, надобно—
Собрать скатны мелки жемчужки,
Садить сѣточка жемчужная,
Мнѣ еще да красной дѣвушки
Класть краса-баса-угожество
Во свое бѣло личушко.

Затѣмъ невѣста „отдаетъ волю“ и притомъ причитываетъ такъ:

Ты прости, прости, разореной задній уголокъ,
Затулушка, прости, да синя завѣска,
Вы окончики, простите-теко, стекольчаты,
Вы простите-теко, косивчаты окошечки,
Вы простите-теко, бросовы бѣлы лавочки,

Гдѣ сидѣла подневольна красна дѣвушка—
У своихъ у желанныхъ родителей;
На брусовой бѣлой лавочки
Я за пламы сидѣла за точоньма,
За тамбурушкою сидѣла золоченою,
Гдѣ спѣвала жалки пѣсенки,
Спотѣшала я волю вольную.
Соберитесь-ко, любимы сродцы-сродники,
Мои милыи желанные родители,
Ко разлукушки по вольней пойдемъ волюшки,
Буде здынутся, желанныи родители,
Ваши бѣлыи ручушки
Разрушать моихъ да косоплеточекъ,
Вынимать да моихъ алыхъ ленточекъ,
Разлучать-то меня съ вольной волюшкой,—
Ни отдамъ-то я вамъ, желанныи родители,
Своей вольной волюшки.
Вы, родители теперь да престарѣлыи,
Потеряете, оброните волю вольную;
Мы пойдемте на крылечушко переное,
На широкую на уличку,—
Пусть полетитъ моя вольная волюшка:
На остудушку лети на чужую сторонушку,
Ты за горушки лети за высокія,
Ты за лѣсушки лети за дремучіи,
За Опегушка лѣти за широкія,
И ко славному лети да ты къ Питеру,
Ко бурлакушкамъ лети да Петербургскімъ;
Путь-ка волюшка моя да покрасуется.
Ты еще лети, да моя вольна волюшка,
Ты въ Кронштадтъ лети къ солдатамъ государевымъ,
Какъ солдатушки да новобранни
Подъ неволюшкой живутъ да подъ великоей,
Подъ грозой живутъ да ни подъ малоей,—
Приставлю я свою волю божскую
Я у этихъ у солдатовъ государевыхъ:

Ты живи-тко, моя вольная волюшка,
На ихъ да поберегушки;
Сберегайте-тко мою вольную волюшку
Вы, солдатушки государевы.
Потеряла, обронила, волю вольную!
Мнѣ пойдти во хоромное строеньице,
Мнѣ-ка взять-то прощеньице со благословеньицомъ
У желанныхъ моихъ родителей.

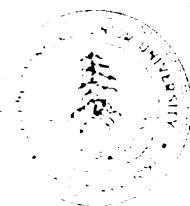
Послѣ воли, жениха и невѣсту въ сѣняхъ сводятъ въ осто, и говорить жениху вопленица: „Вотъ тебѣ тетерька няная; самъ тереби, а отъ людей береги“. Тогда женихъ невѣсту за волосы и три раза повернетъ и поцѣлуетъ. приходять въ домъ и садятъ жениха и невѣсту на подуговорятъ: „садили на квашню“. Потомъ ѣдутъ къ вѣнцу и ковѣ. Когда изъ церкви привезутъ молодыхъ, то встрѣчаютъ съ преснымъ молокомъ на ступеняхъ или на лѣстницѣ; поятъ молокомъ и роютъ или бросаютъ чрезъ молодыхъ жптомъ, и гословляютъ иконою. Потомъ сокрутятъ, посадятъ за столъ бывають тутъ хвалины (то есть, снимають фату съ молодыхъ подарки со стороны невѣсты. Дружка прикликиваетъ къ столу въ началѣ отца: „Чась, перечась, призамолевите! Чась, и дѣвицы, молодья молодицы, горшечныи пагубницы! Есть ли ли въ семъ домѣ живущемъ у князя молодого батюшка римярекъ. Если—нѣтъ, такъ поищите; куда ушолъ—такъ поищите; а если спитъ, такъ разбудите и къ князю молодому къ столу ведите“. Тогда приходять отецъ къ столу, и дарить отца невѣсты подарками; также и мать, и сродниковъ. Потомъ за здравіе молодыхъ брачныхъ бываетъ попойка — у кого что припасается.

Свадьба всякая производится со отпускомъ, то есть, съ колдовствомъ, и то рѣдкую свадьбу чуть не испортятъ: дѣлають надъ новобрачными надъ сѣмена, то есть, портятъ, отнимають дѣйствіе. А власти наши не обращаютъ на это никакого вниманія.

STANFORD

UNIVERSITY

UNIVERSITY

Stanford University Libraries

GN
2

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--

Stanford University Libraries

3 6105 014 765 957

GN

2

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

